

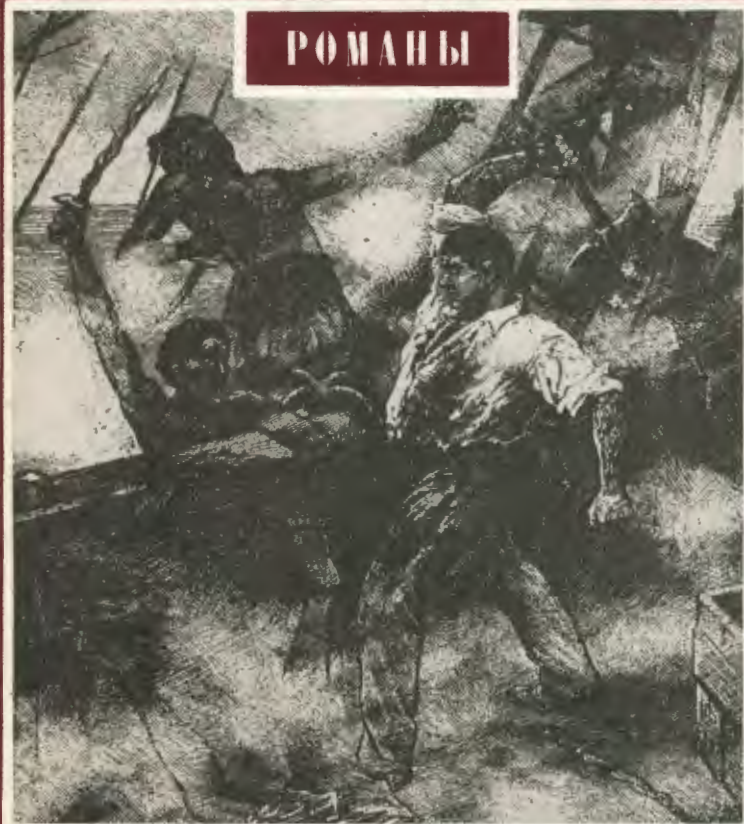

ЛУИ

БУССЕНАР

РОМАНЫ

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЛУИ
БУССЕНАР**

Луи Буссенар
(4 октября 1847 г. — 9 сентября 1910 г.)

ДУИ БУССЕНАР

РОМАНЫ

**ГОРБУНОК
МОНМАРТРСКАЯ
СИРОТА
СЫН ПАРИЖАНИНА**

Челябинск
Южно-Уральское книжное издательство
1995

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ГОРБУНОКЪ

Переводъ Н. М. Ледерле

Издательство

П. П. Сойкина

Типографія

Слб. Стрелянная, 12, собста. д.
1911.

ГОРБУНОК

Часть первая

БЕДНЫЕ ДЕТИ

Глава I

Скорбный путь.— Мать и дети.— Маленький горбун.— Нищие или вельможи? — Тайна.— Печальный ужин.— Лист банана.— Солнечный удар.— Катастрофа.— Перед трупом матери.— «На помощь!» — Голос.

Тряская, изрытая канавами, вся усыпанная камнями и пнями дорога тянулась на далекое расстояние. Пустынная дорога, по которой никогда не проезжали коляски, постепенно переходила в узкую тропинку среди густых трав.

Ни городов, ни сел, ни одиноких домиков, ни пешеходов.

Ничего... ничего, кроме угрюмой, мучительной тишины!

Направо и налево — экваториальная растительность, страшная в своем беспорядочном буйстве.

За этой зеленой стеной, откуда исходит гнилой удушливый запах, мерещится засада дикого зверя или скрывшееся пресмыкающееся. Рои мух кружатся с надоедливym жужжанием, насмешливая птица кричит без перерыва, и солнце бешено палит с раскаленного добела небесного свода.

Ужасная тепличная температура! Невольно рождается вопрос: как переносят ее человеческие существа?

В двадцати пяти или тридцати лье от этого места — спящий город. Солдаты не смеют выходить из казарм. Огни тушат в девять часов утра, а утреннюю зóрю играют в три часа дня. Везде — гамаки, все жаждут свежести и сна. Каждый старается скрыться от смертельных ударов солнца.

Даже каторжники отдыхают. Все, до диких зверей включительно, недвижно лежат в глубине своих нор, в траве или под листьями.

Роман написан в 1901 году.

Кажется, что малейшее движение, даже ходьба или лежание на солнце, неминуемо повлекут за собою смерть.

Меж тем трое, пренебрегая опасностью, бредут по этой ужасной дороге. Белая женщина и двое детей.

Мать высокая, стройная, красивая, несмотря на то, что печать нравственного страдания лежит на ее лице. Дети совсем крошки: мальчик лет двенадцати и девочка моложе его года на два.

Он красив, как ангел, с длинными белокурыми локонами, большими задумчивыми голубыми глазами, розовыми губками и здоровым румянцем.

Она изящная брюнетка, с бархатными глазами, белым, как лилия, лицом и коралловым ротиком; в то же время она статная, сильная, ловкая и почти одного роста с братом.

Бедный мальчик! С прелестным личиком у него соседствует раздражающее сердце уродство.

Под легкой фланелевой курточкой легко угадывается вдавленная грудь; левое плечо выгнуто и закруглено, — увь! — сомнения нет в том, что он горбун.

Их одежда, из хорошего материала и изящно сшитая, теперь страшно обветшала. Башмаки износились; подолы юбок и брюки изорваны острыми травами; кофты и куртка пострадали от колючек; соломенные шляпы порыжели и поломались — все вместе указывает на мучительную усталость и глубокое несчастье.

Печальные пилигримы бредут по дороге страданий, опираясь на палки, обливаясь потом, с котомками на плече.

Кто же эти существа, одновременно слабые и храбрые, красивые и печальные, несчастные и гордые? Их можно принять за нищих и за вельмож. Без жалоб идут они на подвиг, перед которым остановились бы в раздумье самые сильные и храбрые.

Маленький горбун, несмотря на свою энергию, тяжело вздыхает.

Мать слышит вздох, останавливается и спрашивает взволнованным голосом:

— Милый Гектор, ты страдаешь и устал?

— Нет, мама, я немного голоден.

Он буквально валится с ног от усталости, но, зная, что время дорого, храбро продолжает путь. Сестренка его останавливается и нежно, как маленькая мать, вытирает своим платком пот, струящийся с его лица.

— Остановимся здесь и покушаем, — говорит мать, бросаясь под дерево.

Они открывают свои мешки и вынимают оттуда сухари, твердые как камень... Каждому достается по два сухаря — ровно столько, чтобы не умереть с голоду в течение двадцати четырех часов.

А потом... да поможет Бог!

Молча грызут они сухари, не имея возможности запить их водою. Речки вблизи нет, а они еще не знакомы с теми растениями, сок которых освежает умирающего от жажды путешественника.

Привал длится час. Мать чувствует себя страшно усталой, она охотно отдохнула бы еще немного. Бедные малютки дремлют на раскаленной земле; но нужно идти: ужасное таинственное дело толкает их в незнакомое место.

— Уже седьмой день! — шепчет мать. — Боже мой! Придем ли мы вовремя, чтобы освободить его... и, быть может, спасти ему жизнь!

После печального угощения, несколько не взбодрившего их, после привала, лишь увеличившего их усталость, трое несчастных встают, берут свои палки и продолжают путь.

Маленький горбун обдумывает слова, вырвавшиеся у матери. Он несколько раз собирался заговорить и, наконец, спрашивает тихим голосом:

— Далеко ли еще, мамочка, до гадкого Сен-Лорана, к которому мы направляемся?

— Да, милый, очень далеко... мы должны идти по крайней мере дня три...

— Так долго! — бормочет девочка. — И мы увидим папу, не правда ли?

— Да, милые... я надеюсь... да, скоро, — уклончиво отвечает бедная женщина.

— Уже два месяца, как мы покинули наш дом в Сен-Мало, — снова говорит мальчуган. — Мы туда вернемся с папой?

— Нет, мой маленький, дом нам больше не принадлежит... его продали.

— Так мы больше ничего не имеем?

— Ничего!

Мальчик обыкновенно не очень красноречив, но сегодня ему хочется говорить, и он спрашивает:

— Значит, Сен-Лоран — это каторга?

Мать подавляет рыдание и прибавляет шаг.

Она делает несколько быстрых шагов, потом, почувствовав головокружение, останавливается, проводит рукой по глазам, пошатывается и вскрикивает.

Дети бросаются к ней, наклоняются, поддерживают ее своими слабыми ручонками, а девочка кричит:

— Дорогая мамочка... тебе больно... что с тобой, скажи?

Маленький горбун прибавляет со слезами в голосе:

— Боже мой! Ты потеряла свой банановый лист!

Не имея зонтиков, все трое подложили под соломенные шляпы свежие банановые листья, чтобы защитить голову от палящих лучей. Мать потеряла свой, и это может привести к смерти. В этих местах солнце убивает за несколько часов. Достаточно постоять пять минут под его убийственными лучами, и катастрофа неизбежна.

Мать ободряет их словами и улыбкой, но сама волнуется. Она чувствует глухую пульсирующую боль в затылке, сопровождаемую тошнотой и головокружением. Она спотыкается, падает на колени, подымается вновь и идет дальше, но через несколько шагов снова покачивается, спотыкается, падает на колени, подымается вновь, тщетно стараясь идти.

Дети испуганно кричат:

— Мама... О, мамочка!

Она добирается до широколиственного фикуса, прячется в его тень и шепчет хриплым прерывающимся голосом:

— Воды!.. Воды!..

К счастью, недалеко между гвинейскими травами струится ручеек.

Маленький горбун, вытащив из своего мешка солдатскую кружку, бросается к ручью и, наполнив железный сосуд водою, подносит его матери.

Девочка наклоняется к ней, поддерживает ее голову и говорит своим нежным, дрожащим голосом:

— Пей, дорогая, пей осторожно... знаешь, вода очень холодная...

Больная делает несколько глотков и говорит, чтобы успокоить малюток, волнение которых причиняет ей страдание:

— Хорошо!.. Спасибо, мои маленькие... я немного устала... останемся здесь... мы должны быть недалеко от Маны... завтра мы, может быть, найдем какого-нибудь доброго негра, который нас туда проводит.

Сильная боль в затылке, на минуту утихшая, возобновляется с новой силой, она растекается на лоб и делается невыносимой. Девочка прикладывает свою руку ко лбу матери и, найдя его горячим, решает:

— Маме нужен компресс.

Она вынимает из кармана платок, спешит к речке, полощет его, потом, смочив хорошенько ткань, кладет ее на лоб больной.

На мгновение та чувствует облегчение.

— Спасибо, мой ангел, — шепчет бедная женщина, — это очень приятно, и мне значительно легче.

Через пять минут наступает очередь маленького горбуна; потом снова — сестренки, и так без устали.

Подкрадывается ночь. Экваториальная ночь с ее таинственными звуками, ужасами и опасностями.

— Встанем, детки, на колени, — шепчет больная, — и помолимся.

Все трое складывают руки, наклоняют головы, и ясный голосок маленького горбуна прерывает тишину сумерек, которые на экваторе продолжаются лишь несколько мгновений.

— Боже! Помоги нашему дорогому папе, который безвинно страдает... поддержи нашу любимую мамочку... верни ей здоровье. Боже! Помоги нам, слабым и несчастным, и сделай так, чтобы мы скоро увидели папу... Боже, пожалей нас и не оставляй...

Сумерки длятся минут десять, и наступает ночь. Еще только шесть часов вечера, а ночь будет продолжаться двенадцать часов.

В темноте оглушительно режут обезьяны. Проносится хриплый приглушенный крик ягуара, вышедшего на добычу; отовсюду слышатся кваканье лягушек, крики аллигаторов, полет вампиров.

Видя страдания матери, дети забывают страх, который должны испытывать европейцы, оказавшиеся в самом центре такой дикой местности. Но все эти ужасы ничто по сравнению с несчастьем, заставшим ее врасплох, бросившим ее на траву и вызвавшим бред.

Это солнечный удар, ужасный бич жаркого пояса, почти всегда смертельный для белых.

Чтобы он сделал свое дело, достаточно было свалившегося с головы бананового листа, который перестал защищать затылок от смертельных лучей.

Маленький горбун каждую минуту бежит к ручью,

опускает в воду платок и прикладывает его ко лбу матери. Он быстро двигается в темноте и, заглушая готовые вырваться рыдания, тихо плачет.

Сестренка его, согнувшись, держит на коленях голову больной, тихо разговаривает с ней прерывающимся голосом, пугаясь тех слов, которые та бормочет в бреду.

— Они взяли тебя... разрушили наше гнездо... убили наше счастье... о какое горе... приговорен к смерти... ты... нет, только не смерть... не каторга... не позор... незапятнанное имя... честь малюток... о, как я страдаю... надо жить... жить, чтобы спасти моего невинного мужа... вашего отца.

Она на одно мгновение узнает своих детей по их тихому голосу, по нежному прикосновению, притягивает их к себе, прижимает к груди, но прилив к голове продолжает свое дело, снова наступает головокружение.

Она больше не чувствует свежести компрессов, даже не просит пить и впадает в сон, из которого ничто не может ее вырвать.

Для бедняжек часы тянутся убийственно долго, они без конца плачут, тихо, чтобы рыданиями не беспокоить умирающую.

Наступает день. С мучительным беспокойством вглядываются они покрасневшими глазами в любимые черты, которые теперь неузнаваемы. Мать не замечает их, и ее отсутствующий взгляд скользит мимо, словно она находится под гипнозом или в агонии.

Она говорит без усталости ровным угрюмым голосом и напевает отрывки старой песенки, которую когда-то укачивала своих детей.

Мой малютка спит в колыбельке.
Как маленькая птичка,
На пуху
Засыпает,
Засыпает,
Засыпает, тихо укачиваемый.

Пение в такой момент и в таком месте пугает детей, которые чувствуют приближение неизбежного.

Неожиданно пробивается солнце, и верхушки деревьев кажутся озаренными отблесками пожара.

Больная волнуется, приподнимается и делает конвульсивные движения руками, точно желая схватить пустоту. Из ноздрей течет струйка черной крови.

На мгновение взор ее задерживается на малютках. В расширенных глазах мелькает мысль, и этот взгляд, в котором сквозит та бесконечная нежность, которая питала их с колыбели, успокаивает брата и сестру. Мать узнает их. Слабым голосом шепчет она их имена, со свистом слетают они с ее почерневших губ.

— Гектор... Элиза... я умираю... вы одни... в жизни... Боже... кто вам поможет... и ему, вашему отцу... Гектор, мой мальчик, бумаги... подожди... возьми... не расставайся никогда... в них жизнь... и честь.

Слова замирают на ее губах, глаза снова затуманиваются. Она расстегивает кофту, вытаскивает толстый пакет, мокрый от пота, и падает мертвая.

Обезумевшие от страха дети сидят неподвижно, точно в столбняке. Они чувствуют, что произошло непоправимое. Можно ли сомневаться при виде этого бездыханного тела? Ужасная правда встает перед их глазами. Это тело, лежащее перед ними, — их мать.

У них вырываются громкие вопли и рыдания, которые они геройски сдерживали всю ночь. Они бросаются к мертвой, конвульсивно обнимают ее и говорят ей хриплыми, прерывающимися голосами:

— Мама, о мама... скажи нам что-нибудь... посмотри на нас, мама! Это я, Гектор... это я, маленькая Элиза, не оставляй нас, мамочка... проснись... ответь же нам, ответь!

Потом они падают на колени с растрепавшимися волосами, белыми, как мрамор, лицами, безумными глазами, плача, крича, умолая, и эти крики измученных малюток оживляют мертвую тишину.

Под крылом любимой матери они храбро переносили самые ужасные несчастья, самую убийственную усталость, но теперь для этих маленьких, измученных детей настали самые страшные минуты.

Ужас и горе убивают лучше всякой болезни, и малютки, созданные для любви и нежности, падают под ударами слепой судьбы.

Девочка уже корчится в сильном нервном припадке, глаза ее закатились, на бледных губах выступила пена. Брат, видя, что ее охватывает безумие, кричит, собрав последние силы:

— На помощь!.. На помощь!

Вдруг до его уха доносится шум раздвигаемых ветвей, и он слышит грубый голос:

— А, дети, что тут случилось?

Глава II

Это не спаситель. — Негодяй. — Прочь лапы. — Змея и цветок. — Убит. — Ужасы. — «Простите!» — Добро за зло. — Маленький хирург. — Большая сабля. — Благодарность. — Татуированный.

Ветви раздвигаются, и из-за них появляется человек, который обезумевшим от страха детям кажется спасителем.

На нем старая соломенная шляпа, брюки и рубашка из грубой ткани и боевая сабля — это европеец.

Он высокого роста, широкий, мускулистый и привлекает внимание своей безграничной, неслыханной силой. У него бычья шея, на которой посажена слишком маленькая голова с низким лбом и четырехугольными челюстями.

Через прореху рубашки видна загорелая грудь, покрытая татуировкой. Руки и ноги безобразных размеров довершают эту наружность, лишенную изящества, но которой позавидовал бы профессиональный атлет.

Он останавливается, широко расставив ноги, по привычке моряков, и скорее с любопытством, чем с сожалением, наблюдает эту мучительную сцену.

Наступает минутное молчание, во время которого человек, горбун и его сестренка рассматривают друг друга.

Ослепленные горем и лишенные всякой наблюдательности дети не замечают зверского взгляда налитых кровью глаз; они видят в этом белом спасителя, доброго гения из волшебных сказок. Они не знают, что некоторые европейцы в этих пользующихся дурной славой местах обладают более чем сомнительной нравственностью и что туземцы избегают встреч с ними из страха, смешанного с отвращением.

Незнакомец повторяет свой вопрос:

— Ну, что же тут случилось?

Слезы и рыдания детей усиливаются, и маленький горбун, преодолевая горе, кричит прерывающимся голосом:

— Помогите нам, сударь, я вас умоляю, помогите!..

Человек спрашивает хладнокровно, указывая на труп:

— Кто это?

— Это мама.

— Она больна или спит?

— Она умерла!

— Значит, ей больше ничего не нужно.

Несмотря на эти слова, зверь подносит руку к полям шляпы, как бы для того, чтобы поклониться, и продолжает:

— Ну, начинай ты, маленький горбун, кто ты и как тебя зовут?

— Меня — Гектор, а мою сестру — Элиза.

— Тотор и Лизетта, красивые имена и хорошо звучат. Куда же вы направляетесь?

— В Сен-Лоран.

— Зачем?

— Чтобы найти папу.

— У тебя папа в Сен-Лоране, чем же он там занимается?

— Он... он... арестован.

— Как... он каторжник? Ну, это лучше, я боялся, чтобы он не оказался тюремным надзирателем.

В его иронических интонациях появляется как бы оттенок сочувствия. Он приближается к мертвой и, видя в ее судорожно сжатых пальцах пакет, обернутый бумагой, восклицает:

— Ого!.. письмо... надо посмотреть. Может быть, там найдется несколько синеньких, которые мне бы весьма пригодились.

Дерзко выхватывает он у мертвой священный сверток и разрывает обертку своими толстыми, неуклюжими пальцами.

Эти действия вызывают у детей крик негодования. Возмущенные до глубины души, они уже не боятся разгневать незнакомца, к которому испытывают отвращение и ужас.

— Вы вор... эти бумаги принадлежат нам, они не ваши... вы вор.

Он спокойно отвечает им:

— Ну да, я вор, и даже хуже; если хотите, так даже убийца.

— Боже мой! — стонет малютка, закрывая лицо руками. — Бежим скорее!

— Вы нас, значит, убьете, — говорит горбун, смело глядя на незнакомца, — но я не боюсь вас, несмотря на вашу большую саблю.

Человек пожимает плечами и делает презрительный жест, бормоча:

— Все эти бумаги для меня бесполезны.

Между тем на всех листках он читает имя «Марион», и это его заинтересовывает. Он спрашивает горбуна:

— Кого это зовут Марион?

— Папу, он был капитаном в Сен-Мало.

— Тысяча чертей, я его знаю! Это 212-й, мой смертельный враг, он меня опозорил, бил и презирал, я с удовольствием вырвал бы его сердце. Вы его дети, и не знаю, что удерживает меня от того, чтобы задушить вас, как щенят, и потом сказать ему: «Знаешь, я свернул головы твоим цыплятам!»

Лицо злодея выражает такую жестокость, что бедные малютки начинают дрожать.

— Я же довольствуюсь тем, что оставляю вас здесь издыхать без всякой помощи.

С этими словами он продолжает свой путь. Дети не могут себе представить, что человек может быть столь жестоким. Они думают, что их горе, одиночество и слабость дают им право на утешение, и не сомневаются в том, что разжалобят негодяя, который от них удаляется.

Они бегут за ним, продираясь между ветвями, догоняют его и умоляют со слезами в голосе:

— Сударь, пожалейте нас... пожалейте, мы погибнем в лесу, не оставляйте мамино тело, его растерзают звери...

Негодяй ухмыляется и бормочет мерзким голосом:

— Вот привязались, ребята!

Маленький горбун старается схватить его за руку; негодяй рычит:

— Прочь лапы, Азорка! — Потом он толкает мальчика, который с криком падает на мелкие ветки пассифлоры, сцепившейся усиками с ветками гвианской пальмовой капусты.

— Злодей,— кричит девочка в ужасе,— злодей... он убил моего брата... Бог его покарает...

Грозное смертельное наказание приходит немедленно.

Пассифлора покрыта темно-голубыми цветами в шесть сантиметров шириной, которые образуют целый свод.

Падение ребенка сильно качнуло дерево, и толчок, дойдя до вершины, заколебал цветы. В одном из этих душистых цветков отдыхала, удобно свернувшись, маленькая змейка, что характерно для тех пресмыкающихся, которые любят наслаждаться сладким запахом

и яркими красками. Цветок, который служит маленькой змейке гамаком, перевернулся от толчка и выронил свое содержимое.

Злодей находился как раз под деревом в тот момент, когда девочка его проклинала.

Змейка, которую так грубо потревожили, очень злая от природы, переворачивается в воздухе, шипит и впивается зубами в первое, что попадает ей, — в ворот злодея.

Все это дело одной минуты.

Чувствуя холодное прикосновение пресмыкающегося, человек начинает кричать, проклинать и волноваться, вместо того, чтобы застыть на месте не двигаясь. Змейка приходит в бешенство от толчков и впивается в плечо незнакомца.

— Ох... ах... если эта проклятая бестия ядовита, я погиб. — Быстрыми движениями срывает он с себя рубашку и обнажает до пояса свой торс Геркулеса, страшный под покрывающей его пестрой татуировкой.

Почувяв свободу, змея раскрывает стиснутые челюсти, извлекает свои тонкие клыки с ядом, падает на землю и уползает; но человек догоняет ее, он выхватывает с быстротой молнии саблю и разрубает ее пополам.

Станным взглядом следит он за ней и вздрагивает. Длинною она в тридцать сантиметров, не толще ручки пера и черная, как смоль, с золотыми глазами; он узнает ту маленькую змейку, которая наводит ужас на лесных жителей.

Он весь дрожит, бледнеет и, становясь трусом перед лицом смерти, бормочет:

— В прошлом году буйвола из Сен-Жана укусила в губу такая же змея — он издох через несколько часов. Мне осталось жить не более двух часов.

Отброшенный в середину листвы мальчик приподнимается, подходит к сестренке, и испуганные дети наблюдают за ужасной сценой.

Человек их не замечает. Бросившись на змею и объятый ужасом, он разговаривает сам с собой:

— Проклятие... я погиб... нет сомнения... я погиб.

Маленький горбун видит струйку черной крови, стекающей с плеча на ярко-раскрашенный торс.

Несмотря на свой страх, он подходит к негодяю и говорит ему своим нежным голоском:

— Сударь, я знаю, что надо делать при укусе змеи.

Незнакомец вскакивает при этих словах, в которых для него заключается великая и безумная надежда, и говорит, стараясь смягчить грубый звук своего голоса:

— Скажи, малютка, что ты знаешь?

Мальчик приободряется и продолжает:

— Надо прорезать рану на укушенном месте, приложить к прорезу губы и долго высасывать отравленную кровь. Я читал это в книгах, но надо торопиться.

— И ты сделаешь это для меня? — говорит злодей, не веря своим ушам.

— Да, я это сделаю!

— Но ведь я хотел тебя бросить здесь в лесу, убить ударом ноги.

— Я не сержусь на вас... и мама говорила, что надо воздавать добром за зло.

— И я так же поступлю, — прибавляет девочка.

— Вы добры, как ангелы!

И с горячностью, которая в другое время показалась бы смешной, он добавляет:

— А я негодяй, подлый негодяй!

— Я готов, — говорит маленький горбун.

— Хорошо, раз ты такой храбрый и хороший, возьми мою саблю и смело режь.

Мальчик берет тяжелое оружие, находит в татуировке место укуса и начинает резать; но кожа человека слишком крепка. Пот выступает на лбу мальчика; с бьющимся сердцем и помутившимися глазами нажимает маленький хирург на кожу, которая не поддается.

Раненый, который уже начал ощущать последствия укуса, ободряет его:

— Продолжай, малютка... режь сильнее... прямо в мясо... смелее, не бойся причинить мне боль...

К счастью, сабля остра, как бритва. Кожа, натянутая усилием мускулов, трещит и разрывается; кровь течет ручьем, и раненый рычит:

— Хорошо... режь вдоль и поперек изо всех сил... надо выпустить два фунта крови...

В конце концов ребенок глубоко разрезал место укуса. Все сделано, теперь надо высасывать рану.

— А если ты отравишься?

— Бог не допустит, — уверенно отвечает маленький горбун, — у меня нет царапин на губах... да даже если б и были!..

Все же ребенок колеблется перед тем, как при-

коснуться своими розовыми губками к этой коже, покрытой кровью. Но он берет себя в руки и принимается за дело, скрепя сердце и закрыв глаза. Он высасывает, наполняет рот кровью, выплевывает ее и снова высасывает с самопожертвованием, которое не становится меньше и не исчезает. Воистину, какое великодушие!

Встает солнце, воздух накаляется и немилосердно жжет.

Видя, что брат начинает уставать, девочка отодвигает его и решительно говорит:

— Теперь моя очередь.

Не колеблясь, с силой, которой позавидовали бы многие, малютка прикладывает свои губки к ране; та понемногу раздувается и становится отвратительно лиловой.

Хриплые рыдания вздымают грудь раненого.

Злодей плачет, укрощенный навсегда, и его охрипший от пыли и водки голос шепчет:

— Мои маленькие ангелы, о мои милые маленькие ангелы!

Проходит час, в течение которого брат и сестра неустанно сменяют друг друга в этой ужасной работе.

Кровь перестает течь. Высасывать дальше излишне.

Нужно убедиться, вошел ли яд в организм человека настолько, чтобы убить его, или все обошлось.

Маленьким спасителям больше делать нечего.

Они возвращаются к трупу матери, и их охватывает новый взрыв слез при мысли о том, что они ее больше не увидят.

Рой отвратительных мух облепил ее лицо. Дети отгоняют насекомых и торопятся покрыть бедное тело листьями и цветами.

Это дело отвлекает их надолго. Лишь когда дорогая покойница вся закрыта цветами, они вспоминают об отдыхе.

Бедные малютки очень устали и проголодались, и их маленькие сердца жестоко разбиты.

Но жалобы, прерываемые хрипом и шумом, заставляют их бежать на то место, где они оставили татуированного человека.

Несчастный катается по земле, брызжет слюной, бьет себя в грудь и кажется близким к смерти.

Неужели их самопожертвование было напрасным? Неужели, несмотря на все, этот человек погибнет, и милые малютки останутся без всякой помощи?

Глава III

Спасен.— Долг платежом красен.— Похороны.— Дрожащая саванна.— «Прощай!» — В дороге.— Капуста-марица.— Воспоминание о людоеде.— Последний этап.— «Я сдаюсь».— Суд.— Отец и дети.— Смертный приговор.

Кризис, грозящий незнакомцу смертью, длится около пяти минут. Ужасные пять минут, в продолжение которых дети ожидают его смерти. Его охватывают судороги, и возобновляется кровавая рвота. Это немного облегчает состояние. Вскоре невероятно обильный пот покрывает его с ног до головы.

Он лежит, распростертый на земле, как раненое животное, ни на кого не глядя, с вздымающейся грудью и влажной кожей; вдруг он точно просыпается от ужасного кошмара и смотрит тупым взглядом на нежные личики склонившихся над ним детей; он старается что-то сообразить, вспомнить и бормочет:

— Детки... я спасен... спасен вами!.. Я чувствую, что опасность миновала, но я весь мокрый, точно тутонный лист, и чувствую ужасную жажду. У меня в желудке настоящая жаровня.

Девочка бежит к ручью и приносит кружку, наполненную водой, ее брат осторожно придерживает голову больного.

Она подносит ее к губам незнакомца и говорит голосом нежным, как пение яблика:

— Пейте, сударь, вам станет легче.

— Да, мой маленький ангелочек, это меня поставит на ноги; ваши заботы вернули меня к жизни.

— Тем лучше,— убежденно говорит маленький горбун.

— Да, мой храбрый малютка, тем лучше для меня и для вас, потому что вы теперь остались одни в жизни, которая обещает быть для вас очень суровой; вам нужна поддержка, и я буду ею, потому что теперь я ваш на жизнь и на смерть... не так ли?

— Да, сударь!

— Не называйте меня сударь... это для меня слишком почетно. Называйте меня Татуированным, меня все знают под этим именем. Не так ли, мои маленькие спасители?

— Да, сударь, да, Татуированный.

— Прекрасно! Значит, решено, я посвящаю себя вам; я буду вашей вещью, вашим сторожевым псом,

если хотите; я, правда, ничего не стою, но я почувствовал в своем сердце признательность, и я себя больше не узнаю. Я постараюсь заплатить вам свой долг... вы увидите. Вы меня больше не боитесь?

— Нет, Татуированный,— храбро отвечает девочка.

— И принимаете мое предложение?

— Да, Татуированный, мы будем твоими друзьями,— добавляет маленький горбун.

— Сердечность ребенка! Он обращается со мной, как с человеком, достойным уважения! Дайте мне ваши лапки.

Дети протягивают ему свои маленькие ручки с нежными пальчиками. Он берет их в свои ручищи так осторожно, точно это бабочки, подносит их к губам, трет о свою физиономию, напоминающую морду дога, и весело прибавляет:

— Это решено... подписано... и обещано! Дайте мне два часа, чтобы окончательно справиться, а затем вперед, горбунок!.. И не обижайся на меня, дорогой мальчик!

Как все непосредственные люди, странный незнакомец, которого дети узнали под именем Татуированного, весь соткан из противоположностей.

Грубый эгоист, без всякого нравственного чутья, он способен на преступление под влиянием злобы или своих низменных инстинктов, между тем пробудившееся в нем чувство признательности совершенно переродило его.

Он себя больше не узнает. В одно мгновение его охватила глубокая нежность к этим очаровательным малюткам, которых он из ненависти к их отцу приговорил было к жестокой смерти.

Правда, теперь он им обязан жизнью, но сколько беглых преступников, к которым он, очевидно, принадлежит, поступили бы иначе, раз опасность миновала!

Без малейшего раздумья, просто и радостно он отдается им; он делается их имуществом, их вещью, их Татуированным. Ему кажется, что он давно знает их, знал всегда, что они имеют право на его помощь, на его знания, что все его мысли, чувства и вся жизнь принадлежит им.

Он с трудом подымается, становится на ноги, и первая его мысль обращена к бедной покойнице. Надо устроить ей приличное погребение.

Пусть они будут оплакивать ее всю жизнь, но по крайней мере не испытают ужасного сознания, что они бросили ее труп на проклятой дороге.

Но каким образом вырыть могилу? У Татуированного есть только боевая сабля. Растительный пласт на этом месте очень тонок и лежит на угольной руде, твердой как гранит.

Несколько мгновений он размышляет.

— Есть идея!..

Этим людям, вся жизнь которых проходит в борьбе с обществом, часто приходят великолепные идеи. Если бы только они обращали их к добру, то могли бы творить чудеса.

Татуированный вспоминает, что направо, за высохшими болотами, поросшими пальмами, находятся болотистые саванны. Мокрая земля там покрыта зелеными травами, под ними — бездонная пропасть, в которой быстро оказываются все, кто нечаянно ступает на этот обманчивый ковер.

В эту навеки неприкосновенную могилу он и опустит труп.

Чтобы скорее избавить своих маленьких друзей от зрелища, которое увеличивает их горе, он страшно торопится. Он срезает саблей массу длинных листьев и делает из них покрывало, которое скрепляет тростником. На этот длинный зеленый саркофаг он кладет цветы с того дерева, где утром скрывалась змейка.

Прижавшись друг к другу, брат и сестра тихо плачут.

— Следуйте, милые, за мной, — говорит он им тихим голосом.

Он подымает этот примитивный индейский гроб обеими руками и направляется к болотной саванне. Дети берутся за руки и следуют за ним между рядами пальм.

Вот, наконец, и саванна.

Татуированный останавливается на границе этой обманчивой зелени, покрытой яркими цветами.

Он опускает туда дорогую ношу, потом садится около детей, которые отчаянно рыдают.

Зеленая могила раскрывается под тяжестью той, которая так несправедливо и ужасно пострадала.

Пока связка зелени оседает, вставший великан перебирает в памяти отрывки давно забытых молитв. Он ничего не может вспомнить и испускает долгий

вздых, похожий на рычание, и бормочет себе под нос:

— Спи с миром, бедная мать! Клянусь твоей святой памятью, что буду помогать твоим детям и служить им до последней капли крови. Если я до сих пор был негодяем, то только потому, что никто не учил меня добру; но они, спасая мне жизнь с опасностью для себя, преподали мне первый урок благородства, и этого я не забуду никогда. Спасенный ими от смерти, я буду жить для них.

Листья пальм понемногу скрываются, видны только яркие цветки пассифлоры.

— Прощай, дорогая мамочка,— рыдает маленький горбун.

— Прощай, любимая мамочка,— шепчет девочка.

Еще несколько секунд мучительной тишины, и цветы тоже исчезают. Полынья затягивается, зеленые травы снова поднимаются, могила исчезла.

С покрасневшими глазами уводит Татуированный детей, которые покорно следуют за ним.

Все трое сильно устали. Великан, едва оправившийся от укуса, чуть не стоившего ему жизни, и малютки, которые не ели со вчерашнего дня и перенесли самое ужасное горе. Они все-таки идут еще полчаса, наконец Татуированный спрашивает, с трудом передвигая ноги:

— Если мы отдохнем хоть минутку?

— Нет,— твердо отвечает маленький горбун,— мамочка сказала, что нельзя терять ни минуты, а следует идти к папе... надо ее слушаться.

— Только пять минут, малютка, надо немного подкрепиться!.. Есть ли у вас провизия?

— У нас осталось четыре сухаря,— говорит маленькая Элиза.— Ты возьми себе два, потому что ты такой большой и тебе надо много есть, а мы съедим по одному.

— О, милые дети! Но я ничего не хочу, я был бы мерзавцем, если бы согласился взять большую часть вашей провизии.

— Я хочу, чтобы ты покушал, иначе ты не будешь нашим другом.

— И я тоже хочу,— подтверждает горбун.

— Ага! Значит, вы теперь мной руководите.

— Да, потому что мы тебе желаем добра.

— Не будем спорить; нам на всех хватит. Вот как раз удобный случай!

— Что такое? — спрашивает с любопытством девочка.

— Марипа, мамзель Лизетта.

— Что такое марипа? — спрашивает горбун.

— Это дерево, пальма, на верхушке которой растет капуста, которая, в сущности, не капуста; вот, господин Тотор.

— Ах да, пальмовая капуста, я читал об этом в книгах.

— Ложь, что это капуста, ты увидишь.

Несколькими удачно направленными ударами сабли Татуированный срубает чудное дерево с ослепительной листвой, которое падает с треском; он разрезает верхушку на протяжении метра и открывает последнюю почку, толщиной с руку и белую, как слоновая кость.

Обливаясь потом, он кричит счастливым голосом:

— Вот вам капуста, кушайте, детки; это очень вкусно и очень питательно.

Каждый отламывает себе по куску величиной с кулак и съедает с аппетитом.

Отломив себе значительную долю скромной трапезы, Татуированный набрасывается на еду, сильно щелкая челюстями.

Детям, которые наблюдают за ним, приходит в голову одна и та же мысль, выраженная Лизеттой. С свойственной детям изменчивостью настроения, когда улыбка недалеко от слез, они на короткое мгновение развеселились.

— Знаешь, Татуированный, на кого ты похож со своим большим ртом, большими зубами и большой саблей?

— На людоеда, — кричит горбун с полным ртом.

Колосс смеется, очень довольный, и прибавляет:

— Да, я знаю, на людоеда из сказки о Мальчике с пальчик, это верно; только у людоеда были семимильные сапоги, и я желал бы обладать ими, чтобы скорее довести вас до Сен-Лорана.

При имени Сен-Лорана улыбка умирает на лицах детей.

Возвращенные к грустной действительности, они перестают есть и говорят товарищу:

— Пойдем!

Дорога очень длинная, и идти трудно. Еще вчера

с бедными малютками была мать, которая утешала их в горе и ободряла в усталости; теперь они ее больше не увидят.

Слово, улыбка, поцелуй... как все это было хорошо!.. Как все это осушало слезы, ободряло сердце и укрепляло ноги!

Так было с колыбели. Каждый день, каждый час, каждая минута несли с собой счастье и покой. Они не видели и не понимали жизни без этих голубых глаз, полных нежности, без этой улыбки, иногда скорбной, но всегда оживляющей, без открытых объятий и без этого сердца, которое билось в унисон с их сердцами. А теперь ничего не осталось после этих жалких похорон, которые надорвали их юные души.

Время от времени, когда их маленькие сердца не выдерживают и рыдания разрывают грудь, а на глазах выступают слезы, их товарищ сочувственно, чтобы развлечь и успокоить их, заговаривает с ними и, желая помочь им, пытается войти к ним в доверие.

Он говорит им об их отце, которого он знает и к которому теперь чувствует почтение.

— Да, это гордый человек. Он бил меня нещадно, меня, наводившего ужас на всех. Я сознаю, что он был прав.

— Ты знаешь, наш папа невиновен, — говорит мальчик.

— Это меня не удивляет. Он всегда производил впечатление льва среди свиней. Теперь я люблю его ради вас.

Все продолжают путь. Когда малютки очень устают, Татуированный несет их на спине или на плечах. К вечеру они достигают реки.

— Это река Мана, — говорит геркулес, — мой приятель-лодочник переправит нас на другую сторону.

Лодочник живет прямо под навесом у пристани, и Татуированный его сразу находит. Это высокий негр, всю одежду которого составляет набедренная повязка. Он в восторге от красоты детей и с добротой, присущей людям его расы, предлагает им гостеприимство: яйца, фрукты, пирожки из маниоковой муки, две чистых койки. Детки давно не видели такого пира. Пока они спят, негр разговаривает с Татуированным:

— Раз ты удрал, зачем же ты снова возвращаешься в Сен-Лоран?

— Мне нужно проводить туда этих малюток, —

говорит Татуированный. — Меня приговорят на три года к двойным кандалам, но мне на это наплевать! Вообще, и и деткам и их отцу буду полезнее в цепях, чем на свободе... у меня идея... это хорошо... и баста!

— Как же ты проведешь в Сен-Лоран эти прелестные мордочки? — спрашивает негр.

— По земле, так как у меня нет лодки.

— Но зато у меня есть, и я отвезу вас туда всех троих; при хорошем плавании мы доберемся за один день. Не благодари меня... я счастлив, что могу сделать это для них и для тебя... Мы отправимся в путь в три часа утра.

Путешествие в пироге не было трудным. Оно длилось десять часов и позволило детям хорошенько отдохнуть.

В час дня легкую лодку засекает у свайного моста в Сен-Лоране полицейский надсмотрщик с биноклем в руке.

При виде Татуированного он не верит своим глазам и велит солдатам взяться за оружие.

Пирога пристаёт. Дети обнимают чернокожего, который таким образом с избытком вознагражден за свой труд, и Татуированный, держа за руки детей, подымается по деревянным ступенькам лестницы. Четыре челонка со штыками наперевес окружают их и с характерной для полиции вежливостью начинают их подталкивать.

Татуированный холодно смотрит на них и, обращаясь к начальнику, говорит с достоинством:

— Эти дети вам ничего не сделали, они свободны, а я сдаюсь.

— Без разговоров, иди, после объяснишься.

— Конечно, я пойду... и я отлично знаю, что меня ожидает. Но если я сдаюсь, следовательно, у меня на это есть важные причины, потому что вы бы меня никогда не поймали.

Дети, напуганные оружием, криком и толкотней, жмутся к нему, а он прибавляет тоном, не допускающим возражений:

— Мне необходимо поговорить с главным комендантом... слышите, необходимо... и немедленно.

— Но комендант в суде!

— Тогда ведите меня в суд!

Ничего не понимая и боясь допустить промах, агенты окружают маленькую группу и ведут ее к строению, где заседает «главный морской суд».

В раскаленной от жары комнате перед столом, покрытым классической зеленой скатертью, сидят пятеро судей. За перилами стоит человек высокого роста, с коротко остриженными волосами и бритым лицом, в арестантской одежде. Брюки и блуза из грубой ткани с большими буквами А. и П., разделенными якорем, на спине, под ними, номер 212.

Это обвиняемый, которого в этот миг судят. Он держится прямо и гордо и окружен вооруженной стражей. У всех входов стоят солдаты с заряженными ружьями.

Без сомнения, это опасный преступник, раз он требует такой охраны. Меж тем, его наружность, осанка, изысканные манеры, красивое открытое лицо — все внушает симпатию.

И невольно испытываешь дрожь, видя его перед этим специальным судом, приговор которого всегда беспощаден.

Приход Татуированного с детьми вызывает сенсацию.

— Что это такое? — говорит председатель недовольным голосом.

Обвиняемый машинально оборачивается, его искаженное страданием лицо страшно бледнеет. У него вырывается приглушенный крик, и, покачнувшись, он хватается рукой за грудь.

В то же время в суде раздается ясный голосок маленького горбуна:

— Папочка, дорогой папочка!..

Целых пять лет дети не видели отца, но память сердца подсказала им, что это он.

Подсудимый не отрывает от них глаз и шепчет в приливе нежности их имена:

— Гектор!.. Элиза... деточки мои...

С налившимися кровью глазами он отталкивает часовых, без труда сваливает их, бросается к малюткам и с отчаянным бешенством прижимает их к груди.

На один момент в суде воцаряется неопиcуемый беспорядок. Но вот часовые поднимаются и в ожесточении бросаются на маленькую группу. Солдаты подбегают, скрестив штыки, а Татуированный, выставив вперед свою могучую грудь, готовится защищать несчастного отца.

Обвиняемый оглядывается, как бы отыскивая взглядом третье лицо, отсутствие которого его пугает.

— Ваша мать... где ваша мать? — кричит он нечеловеческим голосом.

Ему отвечают душераздирающие рыдания:

— Умерла!

Стон тяжелораненого зверя вырывается из его горла, его глаза делаются мутными, члены сводит судорога, и, покачнувшись, он падает, как подкошенный, на грубые руки часовых, которые подхватывают его и кладут на скамейку.

Повелительным жестом председатель водворяет тишину и холодно говорит:

— Позовите дежурного врача. — Потом прибавляет, узнав Татуированного, который успокаивает детей: — Уведите этого человека в камеру с двойными кандалами, а детей поручите монахиням в больнице.

В то время, как Татуированный послушно следует за вооруженным солдатом и кричащих детей насильно уводят, прибегает полковой врач. Он осматривает обвиняемого, ощупывает его, выслушивает и говорит:

— Мне кажется, нет ничего опасного, простой обморок, если не произошел прилив крови к голове; я узнаю это через несколько часов.

Он дает больному понюхать возбуждающего средства, делает искусственное дыхание, и несчастный открывает глаза, ищет исчезнувших детей и шепчет с мольбой:

— Правда ли все, что было?.. Где они?.. Может быть, я спал? Господин председатель, я вас умоляю... одно слово, только одно слово.

— Молчать! — грубо прерывает председатель.

— Вы не имеете сердца, вы хуже галерных казначеев!

— Слушайте чтение вашего приговора молча, если же нет, то вас отведут в камеру, и приговор будет прочитан без вас.

Бедный отец безучастно падает на скамейку, думая о том, что услышит сейчас ужасное.

Он видит, как председатель бесстрастным голосом зачитывает приговор, написанный на бумаге, которую он держит в правой руке, а левой вытирает свое аплексическое лицо, до него, как в тумане, доходит смысл сказанного:

— Суд, по выслушании свидетелей, приняв во внимание, что названный Марион Пьер Андре, уроженец Сен-Мало, был приговорен к смерти военно-морским

судом в Рошфоре за морской грабеж и убийство, что наказание было заменено декретом президента на вечную каторгу...

приняв во внимание, что названный Марион Пьер Андре, перевезенный в Сен-Лоран, на Марони, обвиняется в побеге, сопровождаемом буйством и посягательством на жизнь часового...

принимая во внимание, что он является рецидивистом...

приговаривает названного Мариона Пьера Андре к смертной казни.

Глава IV

Капитан Марион.— Разбитое счастье.— Пинтадина.— Восстание на корабле.— Убийство.— Подлое обвинение.— Арест невиновного.— Во Франции.— Смертный приговор.— Годы несчастий.— Сумасшествие юнги.— Позднее признание виновного.— Чтобы с ним увидеться.— Ад и обетованная земля.

Все помнят ужасное и таинственное дело Дегравов, которое в 1893 году всколыхнуло все умы Франции и Бельгии.

Братья Леон и Евгений Деграв, бельгийские граждане, обвинялись подлым мулатом из Каледонии в морском разбое и убийстве. Это невероятное обвинение, продиктованное местью и ненавистью, не выдерживало ни малейшей критики.

Безукоризненные моряки, люди долга, братья Деграв имели незапятнанное прошлое, которое являлось лучшим доказательством против предъявленного им подлого обвинения.

Но судьи в Брестском морском суде, раз ошибившись, не захотели признать бросавшейся в глаза правды.

Без доказательств, без опроса свидетелей, допуская формальные неправильности, высокомерные и лживые, они ничего не желали слушать и приговорили двух хороших людей к смерти; но так как их невиновность для всех была слишком очевидна, их не решились казнить.

Смертная казнь была заменена пожизненной каторгой. Перевезенные на остров Спасения, они испытывали там страшные муки. Старший, Леон, умер после продолжительной агонии, все простив своим палачам. Младший, Евгений, помилованный 24 августа 1899 года

президентом Лубе, вернулся на родину, сломленный и телом, и душой.

Дело Мариона, разбиравшееся годом позже дела Дегравов, относилось к этой же категории. Вот оно вкратце.

Уроженец города Сен-Мало, Андре Марион в свои двадцать пять лет считался одним из лучших моряков старого бретонского города. Все ему улыбалось. Молодой, красивый, сильный, образованный, с нежным сердцем и чистой душой, он женился на прелестной девушке тоже из морской семьи.

Он обладал небольшим состоянием и владел половиной управляемого им судна. С удовольствием наблюдал он за ростом своего состояния. Он честно и открыто вел дела и был одновременно хорошим моряком и ловким коммерсантом. Он стремился к богатству с одной целью — чтобы сделать счастливой свою семью. В течение двух лет у него родились два прелестных ребенка, и их детский лепет вскоре огласил старый семейный дом, наполненный разными редкостями, собранными четырьмя поколениями мореплавателей.

Дети росли под присмотром лучшей из матерей. Дела шли великолепно, и состояние увеличивалось.

Капитан Марион чувствовал себя счастливым человеком, но ужасная катастрофа разбила его счастье. Он находился тогда в Нумее. Продав свой груз, он вез вместо балласта никелевую руду, и его трехмачтовая шхуна «Прекрасная Елена» шла в Сидней, чтобы принять там груз шерсти.

Ветер сбил их с пути и выбросил на подводный риф. Удар был настолько силен, что корабль раскололся и дал течь. Команда еле-еле успела спустить в море шлюпки и запрыгнуть в них, даже и не вспомнив о спасении корабельных бумаг.

Потерпевшие крушение в течение двух дней умирали от голода и жажды. К счастью, их встретило какое-то судно и привезло в Нумею.

Капитан Марион был совершенно разорен. Беднее, чем последний из матросов, он не потерял присутствия духа и ни минуты не подумал о том, чтобы вернуться во Францию.

У него было мужественное сердце, сильные руки и железная воля, и он принялся за работу. Он был матросом, истопником, погрузчиком угля, носильщиком, ни одно дело не пугало и не отталкивало его.

Нежное и энергичное письмо известило жену о случившемся. Он не хотел вернуться раньше, чем поправит свои дела.

Шли месяцы трудной и неблагодарной работы. Судьба опять начала улыбаться храброму бретонцу.

Одна шхуна отправлялась на поиски жемчуга. Место старшего помощника было свободно, и больной капитан предлагает его Мариону, который с радостью соглашается.

Добывание жемчуга подчас очень опасно, но зато необыкновенно прибыльно.

Может быть, оно принесет Мариону неожиданное богатство?

«Прощайте! Я уйду на «Пинтадине», это роковое имя!..»

Экипаж состоял из людей самых различных национальностей: шесть матросов, боцман, повар, юнга. Капитан-немец, перешедший во французское подданство. Боцман Ник Портер, англичанин, великан и пьяница, грубый и скрытный. Повар — канак; юнга Галипо из Марселя; он и старший помощник — единственные французы. Шесть матросов кажутся снятыми с виселицы: янки, португальцы, англичане, испанцы. Кто их знает, что у них на уме. На судно не долго выбирают служащих. Но морской закон не шутит, и начальник заставляет подчиняться с помощью кулака.

Через четыре дня после снятия с якоря боцман, который должен был бы подавать пример дисциплины, не желает подчиниться старшему помощнику. Последний отдает приказ. Боцман притворяется, что не слышит, пожимает плечами, нагло улыбаясь. Старший помощник приближается к нему и, спокойно глядя ему в глаза, повторяет свой приказ.

Тот отвечает:

— Делайте сами!

Матросы шепчутся и тоже смеются. Минутная слабость, и авторитет старпома потерян навсегда.

Не желая воспользоваться оружием, хотя и имеет на это право, старпом отвечает на непослушание ударом кулака.

С пробитой кожей, ослепший от крови, боцман падает, словно убитый.

Не теряя присутствия духа, старпом берет его за ворот и кушак, без всякого усилия поднимает над абордажной сеткой и спокойно говорит:

— Подчиняйся, или ты будешь в воде.

Тот только успевает пробормотать:

— Простите, капитан... я подчиняюсь.

Избитый как собака и униженный негодяй сделался смертельным врагом Мариона и поклялся его погубить.

Будучи ловким моряком, он хотел завладеть судном, убив для этого капитана и старшего помощника, и вместе с прочим экипажем заняться морским разбоем.

Это оказалось нетрудным, так как негодяи принимают его предложение с радостью.

Только подумать: никакой власти, свободный грабеж и кутеж, причаливать к берегу можно, когда угодно.

Юнге угрожают перерезать горло и этим принуждают к молчанию.

Все готовы. Восстание вспыхивает через два дня после того, как шхуна обогнула архипелаг Фиджи.

Мучимый лихорадкой капитан не сопротивляется Нику Портеру, который его убивает.

Прежде чем бросить труп в море, разбойник требует, чтобы каждый из заговорщиков всадил в него нож. С дикой радостью режут они тело, потом бросаются разыскивать юнгу.

Храбрый ребенок проникает в каюту старшего помощника, который спит на койке одетым, и говорит ему дрожащим голосом:

— Быстро... капитан... они хотят вас убить.

Потом он поднимается на залитую кровью палубу. Ему дают в руки нож, и Портер кричит, указывая на труп капитана:

— Коли.

Юнга с отвращением бросает нож.

— Без разговоров... живо... в воду,— рычит негодяй. Он хватается ребенка под мышки и бросает в море.

В это время из заднего люка показывается старпом. Он держит в руках заряженный револьвер и кричит:

— Разбойники!

Потом спускает курок. Собачка падает с сухим треском: гильзы вынуты предателем. Неустрашимый Марион хватается шест и бросается на убийц. В мгновение ока трое падают с пробитыми черепами.

Один против семерых!.. Грозная, мучительная борьба.

Победит ли он? Кто знает!

К несчастью, он подскальзывается в луже крови и падает на палубу. В мгновение ока его окружают и связывают.

— В воду... в воду... — рычат разбойники. — Сперва капитана... Ух!.. Готово!..

На пустынном горизонте показывается облако черного дыма.

— Черт возьми, пароход, — ворчит Портер, — и в этом проклятом месте, где их можно встретить не более пяти за год.

— Ну, опрокинем старшего, там будет видно!

— Нет, оставим его с нашими товарищами, которых он убил.

— Зачем?

— Потому что он — убийца капитана, и мы все поклянемся в этом, не правда ли? Мертвые ничего не скажут, и мы подтвердим, что они были его сообщниками, мы люди порядка и долга, мы убили их, защищая капитана.

Негодяи радуются этой адской выдумке и кричат:

— Браво... отлично придумано... Ура Портеру!

Марион протестует с негодованием, но ему зажимают рот.

Портер сейчас же дает сигнал:

«Восстание на корабле... убийство... нужна помощь!»

Сигнал замечен. Пароход прибавляет ходу; он заметно увеличивается. Это военное судно — крейсер с английским флагом. Приблизясь к судну, он останавливается и спускает шлюпку с десятью вооруженными людьми, под командой одного офицера.

Эти последние поднимаются на шхуну. Едва они вступают на палубу, Портер бросается к офицеру и говорит ему голосом, дрожащим от негодования:

— Сударь... я вас умоляю... арестуйте этого негодяя... этого разбойника, которого вы видите там связанного... Это старший помощник... он убил капитана и хотел так же поступить с нами, чтобы завладеть шхуной. Эти трупы принадлежат его сообщникам... мы убили их, защищаясь.

— Вы англичанин? — спрашивает офицер.

— Да, сударь, я имею честь быть подданным Ее Величества.

— Это хорошо, и я поздравляю вас, что вы так

хорошо исполнили свой долг англичанина и моряка.

Не расспрашивая далее, он велит перенести на крейсер все еще связанного Мариона. Его заковывают в цепи; крейсер берет шхуну на буксир и идет в Гранд-Виши.

Через три дня обвиняемого предают английскому суду и ставят лицом к лицу с Ником Портером и тремя его сообщниками.

Последние с дикой энергией поддерживают подлое обвинение: дело касается их жизни. Они клянутся честью, флагом, Библией, всем, чем угодно, и убеждают судью.

Напрасно Марион возмущенно протестует. Напрасно указывает он на свое незапятнанное имя, на свое прошлое. Судья не хочет ничего слышать. Перед ним безусловно виновный. Так как преступление совершено на французском судне, то и судить его будет французский морской суд.

Мариона везут в Нумею и передают властям, которые начинают дело.

Новые безуспешные протесты невинного, новые энергичные обвинения от лица истинных виновников, показания которых неизменны.

Напрасные протесты! Французский суд, подобно английскому, охотно верит виновности честного человека, обвиняемого мошенниками.

Мариона препровождают в морской суд в Рошфоре и отправляют во Францию на военном корабле.

Через три месяца его приговаривают к смертной казни за морской разбой и убийство, но не решаются казнить, так же, как и братьев Деграв, потому что в этом таинственном деле масса нелепостей, вызывающих сомнения, и иногда кажется, что концы с концами не сходятся.

Декретом президента казнь заменяется вечной каторгой.

Совершается ужасная несправедливость, но совесть судей остается спокойной, так как они считают, что исполнили свой долг и спасли общество.

Невинно осужденного заключают на несколько месяцев на острове Ре, а затем препровождают в гвианскую каторжную тюрьму.

Можно себе представить волнение, вызванное этим делом в Сен-Мало, где все знали и уважали семью Марион.

Горе жены было сверх всяких человеческих сил. Разом лишившись счастья, любви и чести, она долго была при смерти, и все думали, что этот ужасный удар ее убьет. Но в глубине сердца у нее теплилась надежда, и она хотела жить, чтобы помочь невинному мученику вернуть честь и свободу. Если ей это не удастся, она пойдет к нему, чтобы разделить с ним ад и утешить его своей любовью.

Во время так называемого острого периода дела она проявила сверхчеловеческую деятельность. Она делала все что могла: посылала запросы, пустила в ход все связи, умоляла о жалости, стараясь привлечь на свою сторону общественное мнение, которое доказало невинность братьев Деграв.

Время от времени она печатала в наиболее популярных французских и иностранных газетах объявления, в которых просила всех, знающих какие-либо подробности дела, сообщить ей; но, к несчастью, она повсюду наталкивалась либо на предвзятость, либо на полнейшее безучастие. Ее жалели, но ей не помогали. Шло время, средства истощались, и, наконец, настала самая ужасная пора.

Минуло два года, в течение которых ужасное горе смягчалось лишь редкими письмами, в которых дорогой отсутствующий изливал свою нежность и которые пачкались административной цензурой.

Как раз в это время ловкий и сильный Гектор сильно ударился при падении, и последствия этого были ужасны. У ребенка искривился позвоночник, и он стал горбатым.

Все беды валились на несчастную мать.

Прошло три года. Неожиданно светлый луч прорезал мрак, который со всех сторон окружал жену невинного каторжника.

Вы помните юнгу с «Пинтадины», Галипо, которого Ник Портер бросил в море? Хотя это и покажется невероятным, мальчик выжил. Он упал около клетки для птиц, плававшей в воде, и уцепился за нее с энергией утопающего.

Ничего не видя и не слыша, обезумев от страха, он держался за нее, пока его не спасла проходившая лодка.

Это потрясение так подействовало на его бедный мозг, что он долго оставался в состоянии невменяемости. Понемногу время брало свое, он поправился

и вернулся на службу, но никогда не мог забыть драмы, в которой чуть не пострадали его разум и жизнь.

Прибыв в Макао, он узнал о суде над его бывшим старпомом и исполнил то, что диктовали ему долг и сердце. Он изложил на бумаге все факты ужасной трагедии, прочел все португальским властям и просил удостоверить его подпись.

Потом он послал это письмо госпоже Марион, которая, снова обретя надежду, передала этот документ защитнику мужа. Хотя это письмо не могло повлиять на пересмотр дела, адвокат все же снял с него копию и приложил к бумагам, которые готовил для ходатайства о помиловании.

Прошел еще год. Четыре года мук для Мариона и страданий для его жены и детей.

И вдруг — еще одно письмо, имеющее большое значение, так как содержит в себе признание одного из виновных.

Этот человек, подхвативший неизлечимую болезнь, умирал в Понапе, на одном из испанских Каролинских островов. Чувствуя приближение смерти, он исповедался в своем преступлении напутствовавшему его миссионеру и попросил записать его признание и отправить семье Марион.

К несчастью, миссионер пренебрег формальностями, предпринятыми юнгой. Не было ни свидетелей, ни подтверждения властей. Конечно, документ имел большое моральное значение, но с юридической точки зрения ценности он не представлял.

Нужно было разыскать этого священника, объявить его свидетелем и привести во Францию, хотя дело вряд ли могло быть пересмотрено.

Что же было делать? Ждать еще, выносить нищету и общее безучастное отношение или, что еще хуже, банальные утешения.

С другой стороны, жизнь в Сен-Мало для бедной женщины стала невозможной, так как она оказалась на пороге полнейшей нищеты. Тем, кто умирает с голоду, ждать нельзя.

В голове героической женщины зреет новое решение: увидеть обожаемого спутника жизни.

Ей сказали, что по истечении пяти лет каторжанам делается уступка, то есть администрация разрешает им на некоторых условиях приобретать землю. Он все еще принужден быть каторжным, но пользуется полу-

свободой, и ему иногда даже разрешают иметь при себе землю.

Пять лет!.. Скоро исполнится пять лет.

— Там не так тяжело будет ожидание, потому что мы будем все вместе.

Она собирает последние средства, которых хватает лишь на проезд по железной дороге до Сен-Назара и на переселенческие билеты на океанский пароход в Каенну.

Трудное путешествие!

Когда она с двумя измученными детьми доплыла до места, в ее кармане осталось 25 франков.

Не теряя ни минуты, она явилась к тюремному начальству и попросила разрешения говорить с директором.

Она белая, одежда ее и ее детей чистая и изящная, никто не подозревает в ней жену каторжного.

По счастливой случайности директор был там. Он принял ее с усталым и скучным видом; на лице его — печать полнейшего безразличия.

В нескольких торопливых словах госпожа Марион посвящает его в суть дела и просит разрешить свидание с мужем.

По мере того, как она говорит, директор хмурит брови, надувает губы и, наконец, спрашивает весьма сухо:

— Кто ваш муж?

— Андре Марион, находящийся сейчас в Сен-Лоране.

При этом имени он теряет всякую сдержанность и кричит:

— Несчастная, ведь ваш муж негодяй!.. Он бежал, искалечил двух часовых... Его, к счастью, поймали, и дело его решено.

— Что вы говорите?.. Что же с ним сделают еще... с невиновным?!

— Невиновный!.. Вот так штука! У меня здесь 5000 заключенных, которые говорят о себе то же самое. Если их послушать, то подумаешь, что все они заслуживают орден Почетного легиона.

— Сударь, сжальтесь... позвольте мне его увидеть. Мы приехали сюда с этой надеждой... только она нас поддерживала... Вы себе представить не можете, сколько мы выстрадали... Позвольте нам разделить его жизнь... эту ужасную жизнь каторжного... Мы все

перенесем... усталость... горе... стыд, все это будет для нас счастьем... и мы будем вас благословлять.

Но у тюремного чиновника вместо сердца в груди — камень. Он отвечает усталым и скучающим голосом:

— Я ничего не могу сделать для вас, бедное дитя... через десять дней вашего мужа будут судить... Он подлежит смертной казни... Кроме того, вы находитесь здесь без разрешения, и ваше присутствие на территории колонии недопустимо... Вам нужно вернуться во Францию... и я дам приказ проводить вас туда при возвращении почты, то есть через пять дней...

— Сударь, это ужасно, что вы говорите...

— Не настаивайте, не укоряйте... Вы уедете по собственному желанию, или вас увезут силой!.. да!.. силой!

— Но вы обрекаете меня на нищету, на смерть!

Директор делает беззаботный жест, означающий:

— Просите милостыню, умирайте, это меня не касается.

Несчастливая женщина с отчаянием в душе покидает директора и, держа своих детей за руку, бродит, как безумная, по улицам Кайенны.

Усталая и измученная жарой, она садится на площади перед хижиной, выходящей на канал. Дети жалобно плачут. Прекрасная мулатка выходит из хижины и, сжалившись над ними, приглашает их войти.

Черные и цветные люди отличаются добротой.

Мулатка дает им питье и еду и предлагает свое скромное жилище; все это сопровождается добрыми взглядами и ласковыми улыбками, которые усиливают ценность ее доброго дела.

Кум мулатки, цветной человек, освобожденный некоторое время назад с каторги. Он с участием выслушивает рассказ незнакомки, голос которой поминутно прерывается и которая кажется ему несчастнее проклятых. Он знаком по опыту, приобретенному в исправительном доме с железным режимом, при котором живут галерные каторжане, и эти воспоминания не особенно приятны.

Госпожа Марион хочет идти в Сен-Лоран... идти, идти немедленно; увидеть судей, в руках которых жизнь ее мужа, показать им те документы, которые она принесла с собой... умолить их, разжалобить и, может быть, вырвать у них милостивый приговор для своего дорогого мужа.

Путешествие морем невозможно. Администрация не допустит отъезда матери и ее малюток, которых хотят отправить во Францию.

Остается сухопутная дорога. Из Кайенны до Сен-Лорана добрых пятьдесят лье по ужасной стране.

— Пятьдесят лье!.. По пять лье в течение десяти дней. Мы отправимся завтра, — решает неустрашимая бретонка.

— Да, мамочка, мы готовы, — отвечают в один голос дети, — мы пойдем и будем храбрыми, чтобы найти дорогого папочку.

— Ты увидишь, мамочка, увидишь!

Они отправились по дороге, по которой никто не ходит и лишь изредка проезжают тюремные служащие для осмотра и исправления телеграфных проводов. Они идут без поддержки, без припасов, еле живые, спят на земле, переносят трудности.

Но судьба преследует их, и героическая женщина умирает, не дойдя до Сен-Лорана, этого ада, который был для нее землей обетованной.

Глава V

Новые страдания. — Настоятельница. — Глубокая жалость. — Комната в госпитале. — Камеры видны. — Геройское предприятие. — Через окно. — Часовой. — Забор. — Отец и сын. — Луч надежды. — «Кто идет?» — Выстрел. — Поиски.

Часовой провожает детей в госпиталь, точно полицейский, ведущий в часть маленьких мошенников.

Везде много народу. Ходят солдаты и каторжные, направляющиеся на работу; еле передвигая ноги, прогуливаются выздоравливающие.

Все смотрят на них с любопытством, лишенным жалости. Каждый спрашивает себя, за какой проступок могли бы их арестовать.

Бедняжки бредут, держась за руки, с покрасневшими глазами, тяжело дыша и подавляя рыдания. Они делают сверхчеловеческие усилия, чтобы не показать этим чужим людям то горе, которое их гложет.

Войдя к настоятельнице, часовой кланяется, приложив руку к каске, и говорит грубым голосом:

— Сестра, господин председатель просит вас принять этих детей.

— Кто они? — удивленно спрашивает сестра.

— Кажется, это ребята номера 212, которого приговорили к смерти.

При этих жестоких словах часового брат и сестра выпускают душераздирающий вопль.

— Молчите!.. молчите же!..— возмущенно кричит монахиня.— Неужели вы не понимаете?

С нежными материнскими словами и ласками она уводит их в большой зал, который служит приемной.

— Папу хотят убить!..— рыдает бедная маленькая Лизетта...— Нет, нет... тогда я тоже хочу умереть...

Ей вторит голос маленького горбуна, совершенно разбитый и жалобный:

— Мама умерла... на дороге... папу убьют!.. Он ничего не сделал... мы его любим... нашего папу... мы умрем! о гадкие!.. Гадкие!..

Крики и плач несчастных измученных малюток творят невозможное, слезы текут по их бледным от ужаса лицам.

Настоятельница, которая уже сорок лет наблюдает разные несчастья, чувствует, что она вся дрожит перед этим горем слабых и нежных существ. Безграничная жалость отражается на ее бледном лице, прорезанном морщинами. С ее губ срываются слова мира, любви, надежды.

— Часовой ошибся... конечно; он ошибся... нет, малютки, вашему отцу ничего не сделают... Бог не захочет, чтобы вы остались одни на свете.

Но они все время видят перед глазами мрачную обстановку, окружавшую их отца. Судьи, оружие, крики, борьба; в их душе живет воспоминание об этом страшном кошмаре.

Их крики продолжают. Нервы их готовы разорваться. Лизетта в припадке катается по полу. Брат, чувствуя, что теряет сознание, бросается к ней и кричит:

— Боже... пошли нам смерть!

Ужасный нонсенс — дети, призывающие смерть!

Надзирательница звонит. Прибегают две монахини, поднимают маленьких мучеников и несут их в комнату, где окна и кровати снабжены занавесками от мух.

Их укладывают, дают им усыпляющее средство, и вскоре они успокаиваются.

В этой атмосфере нежности и участия они понемногу приходят в себя.

Они могут говорить, рассказывают о своем несча-

стии, начиная от выезда из Сен-Мало до появления в зале морского суда.

Невозможно описать волнение, которое вызвал этот детский рассказ.

В промежутках они непрестанно повторяли:

— А папу не убьют... Не правда ли, сударыня?

Все время они стремятся его увидеть; они не могут понять, как могут люди препятствовать такому естественному желанию после таких страданий. Им предлагают пищу. Они не могут есть. Они не хотят и отказываются с трогательной стойкостью:

— Нет-нет, я лучше умру с голоду, — твердо говорит маленький горбун.

Они удивлены, что им запрещают видеть и Татуированного.

— Детки, — отвечает настоятельница, — это скверный человек.

— Это наш друг, — возражает девочка. — Он больше не гадкий и любит нас. Это из-за нас он вернулся в тюрьму.

Но и этот решительный довод остается без ответа.

Настоятельница теряет перед этим упорным отказом что-нибудь поесть. Она чувствует, что желание детей законно и священо, и проклинает строгие правила.

Она старается смягчить их и с этой целью отправляется к главному коменданту. Почтительно, но твердо комендант отклоняет просьбы достойной женщины.

Она настаивает, взывает к его гуманности и умоляет разрешить свидание из личного одолжения ей.

Комендант прячется за бесчеловечные пункты варварских постановлений и прибавляет:

— Разрешить может только губернатор.

— Хорошо! В таком случае телеграфируйте ему мою просьбу, я принимаю на себя ответственность за это.

Отправляют телеграмму, но по ужасной случайности телеграф не действует. Провода порваны, по всей вероятности, падением дерева.

Долгие часы проходят без всякой надежды.

Дети без конца разговаривают. Маленький горбун с лихорадочно блестящими глазами не умолкает ни на минуту. Он шепчет своей сестре несколько слов, и девочка со всем соглашается и делает знак одобрения. Гектор хочет знать все, что касается его отца.

— Где он?
— В одиночной камере!
— Где эта камера? Ее видно отсюда?
— Да, детки.
— Умоляю вас, сударыня, покажите мне ее.
— Видишь там четырехугольный двор?
— Там никого нет?
— Там есть часовой, который никого не пропускает.

— А где же ворота?... Где ворота?
— Третьи ворота в большой красной стене.
— О да, теперь я вижу... Бедный папа!.. А если бы кто-нибудь подошел?
— Часовой обязан стрелять в того, кто совершит такую дерзость.

Маленький горбун прибавляет с оттенком страха и в то же время презрения:

— Здесь все говорят об убийстве!.. Долго ли мы здесь останемся?

— Я не знаю. Вас, может быть, вышлют обратно в Кайенну.

— Я не хочу! А ты, Лизетта?

— Я хочу остаться с папой. Мы увидим его, обнимем его... скажем, как мы его любим.

Проходит ночь. Малютки немного успокоились. Их уговорили отдохнуть, и добрые монахини удаляются, взяв с них обещание быть послушными.

— Да, мы будем очень послушны и постараемся уснуть.

В комнате два больших окна; одно выходит во двор, а другое на дорогу, ведущую к пристани, которая усажена с обеих сторон манговыми деревьями.

Тотор и Лизетта спокойно разглядывают птичек, которые плавно парят по воздуху или ищут на деревьях ночлег. Хохлачи, агами, розовые фламинго, паламедии догоняют туканов, испускающих в сумерках крик, похожий на скрип плохо смазанного блока.

Сумерки сгущаются. В комнату детей приносят ночник и кувшин со свежей водой.

Дети ложатся в постель и вскоре засыпают или притворяются спящими.

Играют вечернюю зóрю. С двух сторон возвращаются люди в казармы, в лагерь, в дома.

Проходит три часа. Бьет десять. Снова раздается сигнал — настало время гасить огни.

Везде царит та тяжелая, угнетающая жара, которая делает экваториальные ночи такими мучительными.

Никакого шума. Острог крепко спит. Издали доносится отвратительный крик ревунов. Маленький горбун осторожно подымается и тихо спрашивает сестру:

— Ты спишь, Лизетта?

— Нет, братец, я жду.

— Хорошо. Время!

Он бесшумно одевается, раздвигает занавеску у кровати и тушит ночник. Потом он наклоняется к сестренке, которая вся дрожит от страха, и крепко обнимает ее.

Он старается говорить твердым голосом:

— Не бойся, никто не заметит...

— Берегись часового с ружьем!

— Да, да... не беспокойся.

— Поцелуй меня еще раз.

— С удовольствием.

Они еще раз обнимаются, и храбрый мальчик подходит к окну. С тысячью предосторожностей он открывает его, взбирается на подоконник, хватается двумя руками за выступ и храбро прыгает.

Падение не сопряжено с большой опасностью, так как окно находится всего на высоте двух метров от земли. Он постарался соскочить на цыпочки, так что падение не произвело ни малейшего шума.

Тотор стоит несколько мгновений неподвижно, прислушиваясь и стараясь рассмотреть, не имела ли его дерзость свидетелей.

Никого... все идет отлично.

Сердце сильно бьется, ноги дрожат, но у него неустрашимая душа и железная воля.

Ограда не представляет из себя ничего ужасного; она не особенно высока и предназначена для того, чтобы помешать сношениям каторжан с их товарищами, находящимися в одиночном заключении.

Забор сделан из твердого, как камень, непроницаемого дерева. Он тянется на шестьдесят метров в длину и сорок в ширину и имеет всего два метра в высоту.

Двое часовых охраняют этот забор. Один стоит на северной стороне, другой на южной. Им дан приказ без пощады стрелять в каждого, кто подойдет к забору.

Тотор знает это и не колеблется. Часовой, который

стоит на севере лицом к больнице, дремлет, опираясь на ружье. Мысли его далеко на родине, на берегах Франции, от которых его отделяют тысяча восемьсот лье соленой воды.

Горбун узнает его по блеску металла. Он прокрадывается мимо, проходит тридцать шагов и начинает решительно перебираться через забор.

Несмотря на свое уродство, ребенок удивительно ловок. Свои лучшие годы он провел вместе со своими товарищами-юнгам на берегу, на утесах или на стройках коммерческого порта.

Энергичный, ловкий, хорошо владеющий телом, он цепляется ногами и руками, подымается без шума и достигает верха забора.

Потом он спускается за ограду.

Солдат ничего не слышал.

Тотор при свете звезд подвигается к ряду камер. В его памяти запечатлелся план этого двора, каким он видел его из окна больницы.

Он считает камеры: одна, две, три...

Вот здесь... Сердце бьется, как птица в клетке, в ушах шумит, глаза закрываются.

Он останавливается перед дверью № 3, тихо царапает по дереву и, приблизив лицо к полу, зовет:

— Папочка!.. Это я... слушай, папочка... это я, Гектор!

Он слышит лязг цепей. Арестованный вскакивает на деревянной постели, к которой прикован.

— Ты, мой мальчик... мой дорогой ребенок... А где же твоя сестра?.. Где моя маленькая Элиза?

— В больнице... в хорошей комнате... Они не хотят, чтобы мы тебя видели... но я пришел тебе сказать, как сильно мы тебя любим, дорогой папочка.

Ужасно чувствовать себя замурованным в каменной клетке, быть прикованным железными цепями, как дикое животное. Не иметь возможности выказать ту нежность, которая бьет ключом... Обнять маленького героя... покрыть его безумными поцелуями...

Его охватывает радость, смешанная с гордостью и ужасом.

Его сын здесь... Он беседует с ним, приговоренным к смерти, на пороге его камеры. Этот нежный мальчик пробрался в темноте мимо дозора, обманул часовых, не боясь, шел на смертельную опасность.

Слезы умиления выступают на его глазах.

— Папа... ты плачешь,— говорит горбун со слезами в голосе.

— От счастья, деточка! Это в первый раз с тех пор, как я нахожусь в этом аду. Я тебя люблю, я восхищаюсь тобой и благословляю тебя.

— Папа, выслушай меня... я должен сообщить тебе важную вещь. Если нам помешают... ты понимаешь... после уже не удастся...

— Говори, родной, говори!

— У нас здесь есть друг!.. Он сильный, ловкий и любит нас. Он сделает все, чтобы ты мог убежать, потому что он тебя тоже любит... и хочет, чтобы ты жил.

— Его имя?

— Татуированный.

— Разбойник!.. Бедный ребенок... этот негодяй тебя обманул!

— Папочка... ты ошибаешься... он нас спас... если бы не он, мы бы умерли оба рядом с мамой, которую он похоронил.

При воспоминании о дорогой потере из груди арестанта вырывается рыдание.

Он мечется на постели, где его удерживает цепь, и впервые в его душе, давно растерзанной, рождается надежда.

Жизнь... жизнь и с ней свобода... Жизнь, чтобы любить этих маленьких мучеников, от которых его отделяет жестокость начальства... Свобода, чтобы отомстить негодяю, разбившему ему жизнь, замаравшему его имя, разрушившему навсегда его семейное счастье.

Он наклоняется через край постели, чтобы не упустить ни одного звука из этого свидания. Проходит пять или шесть минут. Вокруг тюрьмы по-прежнему царит тишина. Безумный поступок смелого ребенка как будто удался.

Отец беспокоится, как тот доберется в госпиталь, но мальчик совершенно спокоен. Он хочет воспользоваться этим случаем, который может не повториться, чтобы за короткое время рассказать как можно больше, и снова начинает говорить о возможной помощи Татуированного.

Отец слышал об удивительных таинственных средствах, которыми располагают завсегдакаи каторги. Он знает, что у этих отверженных существуют общества, которые состояются из самых сильных, ловких и умных арестантов, и предводители их являются коро-

лями каторги, власть которых часто превышает власть начальства. Может быть, Татуированный принадлежал к этим людям.

Отец с восторгом слушает ребенка, который продолжает говорить. Чтобы голос его был лучше слышан в камере, он опустился на землю перед дверью, приложив губы к щели между полом и дверью. Устав от этого неудобного положения, он слегка меняет позу и начинает говорить громче.

Часовой слышит голоса, заряжает ружье и осматривается.

Потом он кричит:

— Кто идет?

Полная тишина.

— Кто идет?

Послушный приказу, он прикладывает ружье к плечу и, замечая перед камерами какую-то тень, стреляет.

За выстрелом следует душераздирающий детский крик и рык арестанта.

— Гектор, дитя мое, ты ранен?

Ни звука, ни жалоб. Солдат кричит:

— К оружию!

Прибегают часовые; капрал несет фонарь. Через несколько минут являются два надсмотрщика, но у них нет ключа, чтобы открыть ворота, и один из них идет за ключом к коменданту. Запыхавшись, возвращается он назад и открывает ворота. Все бросаются к камерам, ищут и ничего не находят. Перед камерой № 2 видно огромное кровавое пятно и немного выше в стене дыра, пробитая пулей.

Вот и все. Ни мертвых, ни раненых. Никаких тревожных признаков, кроме этого кровавого пятна да еще рассказа часового о слышанных им голосах.

Глава VI

Кандалы и брусок правосудия.— Тайник.— Пуговица от брюк.— Соловей.— Ночная прогулка.— У виконта.— Переодевание.— Чтобы выпить по дороге.— Господин Перно.— Спальня каторжан.— Отказ.— Два Перно.

В то время, когда детей вели в больницу, Татуированного препроводили в одиночную камеру.

Камера эта, пяти метров в длину и четырех в ширину, построена из железа. Пол выложен римским

цементом. Решетчатое окно закрыто навесом. Такого помещения, температура которого равняется печной.

В пятидесяти сантиметрах над полом — наклонная дощатая плоскость, означающая койку и поддерживаемая четырьмя массивными блоками.

В ногах постели параллельно ей блестящая железная полоса, одним концом прикрепленная к стене, а другим с помощью скобы присоединенная к припаянным кольцам. Ведро и кружка — вот вся меблировка.

Железная дверь с ужасным запором и громадными петлями закрывает это убежище, из которого бы не могла ускользнуть даже мышь.

На дверях — номер, выведенный белой краской.

Один часовой сопровождает геркулеса, который идет совершенно покорно.

— Без глупостей, ну! Послушай, Татуированный, — говорит часовой, останавливаясь перед камерной клеткой. — Дай тебя заковать, не производя шума... ты знаешь устав... Позвать ли мне помощника с револьвером?

— Нет, я обещаю. Если я вернулся, то по собственному желанию из-за детей... потому что начальство меня бы никогда не поймало.

— Что же, ты хорошо поступил, и это зачтется тебе морским судом.

Каторжник незаметно вздрагивает, когда видит, что на его камере значится номер 5. В его хитрых глазах — блеск радости. Как человек опытный, который давно знаком с порядками, он взгромождается на постель, вытягивается и протягивает часовому обе ноги.

Часовой продевает в уровень с каждым болтом крепкое железное кольцо на шарнирах, называемое кандалами. Сделав это, он наклоняет полосу, соединяет ее с цепью при помощи скобы и замыкает замок.

Прикрепленный таким образом к куску железа, величиной с рукоятку лопаты, арестованный может лежать только на спине. Чтобы лечь на бок, ему нужно придвинуть обе ноги. Впрочем, чтобы разнообразить положение или ради развлечения, он может присесть на корточки.

Крах... крах... дверь захлопывается с ужасным треском, и арестант остается один.

В одно мгновение он весь преображается. Это больше не кроткая рабочая лошадь. В нем просыпается

другой человек. Если бы надсмотрщик видел, как он заливается тихим смехом, точно сидеть здесь замурованным в камере самая веселая штука на свете!

Потом он говорит сам с собой. Одиночные заключенные всегда так поступают.

— Однако какие дураки эти надсмотрщики. Они даже не подозревают наших проделок... не подозревают нас, королей каторги... даже несмотря на их шпионов. Ну, и кутнем же мы... так кутнем, что внутренности лопнут. Вперед... пустим в ход все средства.

Его хорошо обыскали. Карманы совершенно пусты, ноги босы, нет ни спички, ни зубочистки.

Если он не безумный, то на что же он надеется?

— Посмотрим,— продолжает он, когда приступ веселья прошел.— Теперь около трех часов... сегодня вечером мне не принесут еды... я могу быть спокоен до завтрашнего утра. Итак, за работу... Ради малюток и их отца!

Как недавно для ковки, так и теперь он приподымается, вытягивая ноги. Брус правосудия припаян, как уже известно, немного выше кровати. Часть, которая образует крайний выступ, состоит из трехдюймовой доски, называемой мутуши.

Приблизительно посередине находится узел, образующий незаметную выпуклость, которая чувствуется на ощупь, но не видна из-за полутьмы, царящей в камере. Этот узел в середине треснул, вероятно от жары. Может быть, это сделано и нарочно находчивыми изобретателями, каковыми часто бывают каторжане. Татуированный отрывает кожаную пуговицу от своих брюк и вставляет ее ребром в трещину.

Получается отвертка, хотя и очень примитивная, но вполне пригодная.

С бесконечными предосторожностями, двигая справа налево, он производит движение скручивания. И — о чудо! — узел подчиняется силе и медленно поворачивается.

Это продолжается несколько мгновений. Странная пробка понемногу выходит из доски, открывая круглое отверстие, достаточное для того, чтобы человек мог вложить туда кончик пальца.

В камере царит адская температура. Пот течет с Татуированного ручьями; несмотря на неудобство положения, которое даже мучительно, он чувствует себя самым счастливым человеком на свете.

— И хитрецы же есть у нас! Если бы только наше начальство, надсмотрщики, видели это! Главное не трусить — для королей каторги еще будут впереди хорошие денечки.

Он вводит в дыру указательный палец правой руки и толкает в бок.

Раздается тихий шорох. Часть доски мутуши отодвигается, как крышка коробки из-под домино, и открывает маленький тайник.

Все так искусно сработано, так хорошо спрятано в застенке, что даже предупрежденный человек не мог бы ничего заподозрить.

Как человек, уверенный в своем деле, Татуированный вытаскивает два предмета, которые он рассматривает с комической нежностью.

Это короткий и крепкий ключ и маленький стальной инструмент, заостренный с одного конца и кончающийся крючком с другого, известный под названием соловья.

— О, миленькие игрушечки, которые позволят мне на эту ночь сделаться вольной птицей. Невидимый и неузнанный, я сделаю мое маленькое дело... и вернусь в свой номер, так как для того, чтобы исполнить план, мне нужно быть закованным.

Проговорив это, он вставляет обратно крышку тайника, потом кладет пробку на место и прячет в кармане ключ и соловья.

Теперь надо ждать ночи, вооружившись терпением.

Ждать не трудно для людей, отправляющихся на добычу, как звери. Татуированный спокойно ждет до того момента, когда раздается сигнал.

— Теперь время, — тихо говорит он.

Не производя ни малейшего шума, он подымается, сдвигает кандалы до замка, нагибается и захватывает замок, потом ощупывает неправильное отверстие ключа, вставляет соловья и производит таинственную работу. Его толстые неуклюжие пальцы атлета работают с удивительной деликатностью, двигаясь предельно осторожно. У него ухватки часовщика, разбирающего часовой механизм.

Крах... крах...

— Не труднее этого! В свое время я был хорошим слесарем, — говорит он с тяжелым вздохом.

Замок открыт. Татуированный производит тот же маневр, как при ковке, только в обратную сторону, сни-

мают кандалы и встает на ноги. Теперь остается только открыть дверь, но это для него сущий пустяк.

Обыкновенно в тюрьмах все запоры делаются только с внешней стороны, а внутренняя сторона не имеет отверстия для ключа.

Но при устройстве этих камер к таким премудростям не прибегали. Устраивались большие запоры, открывавшиеся с обеих сторон. Начальство и думать не могло, что человек, находящийся в камере с кандалами на ногах, мог даже помыслить о бегстве. Есть тысяча других более легких способов.

Человека, который сидит закованным в камере, невозможно заподозрить, его одиночество в этой клетке служит ему лучшим оправданием.

Таким образом совершались таинственные убийства, акты ужасной мести, и их исполнитель никогда не бывал пойман, несмотря на самое ловкое шпионство.

Совершив преступление, арестант возвращался в камеру и надевал на себя кандалы.

Татуированный вставил ключ в замок и осторожно открыл дверь. Он дышит полной грудью и ждет несколько минут. Ничто не двигается. Полная тишина. Он вынимает ключ, вставляет его с другой стороны, запирает дверь и неслышными шагами идет к изгороди.

Как раз в этот момент сменяются часовые. Пока капрал дает им приказ и пароль, Татуированный, пользуясь тем, что никто не занимается арестантами, взбирается на изгородь, соскакивает на землю и бежит по улице по направлению к лагерю. Он бос и не производит никакого шума. Кроме того, ночь темна, а прохожие очень редки. Он беспрепятственно доходит до последнего дома, стоящего налево.

Это большое помещение с различными пристройками принадлежит бывшему каторжанину, который одновременно купец, хранитель разных товаров и продавец напитков. Кроме того, в его доме сдаются меблированные комнаты и имеется несколько залов, где распивают купленные у него напитки.

Молодой хозяин с интеллигентным лицом и предательским взглядом известен под именем Виконта.

Он пробыл десять лет на каторге и теперь приговорен к пожизненному пребыванию в колонии, где дела его идут великолепно. Залы заполнены пьющими людьми. Здесь унтер-офицеры и солдаты, военные надсмотрщики и золотоискатели.

Татуированный останавливается, осматривается, пожимает плечами и, как человек, хорошо знакомый с расположением дома, идет к заднему крыльцу. Во дворе он прикладывает два пальца ко рту и издает крик. Все птицы в курятнике, слыша этот крик, начинают волноваться, летать и кричать.

Виконт, занятый со своими клиентами, услышав шум, восклицает:

— Я слышу крик агами, сторожащей моих кур, наверное, в птичий двор забралась двухутробка. Извините меня, я должен вас оставить на несколько минут.

Он вооружается дубиной и выходит. В это время раздается второй крик, напоминающий крик птицы-трубача, потом шипение змеи.

Виконт останавливается и спрашивает вполголоса:

— Кто там?

Ему отвечают еще тише:

— Это я, Татуированный.

Виконт не выражает удивления.

— Что тебе нужно?

— Полное обмундирование, чтобы пробраться в лагерь, как будто я хочу произвести вторичную переключку... литр полынной водки и кружку воды.

— Ты рискуешь своей шкурой, если тебя застукают.

— Ничего не поделаешь, так нужно. Могу я рассчитывать на твоё молчание?

— Ты это великолепно знаешь.

— Говорят, что ты получаешь доходы с разных сторон; если я буду выдан, ты будешь убит.

— Без угроз!.. Рассчитывай на меня. Иди в мою комнату.

Они поднимаются по лестнице на первый этаж. Виконт зажигает свечу и открывает чемодан, говоря:

— Вот все, что тебе нужно, снаряжайся. Через четверть часа водка и вода будут стоять у большого мангового дерева.

Татуированный роется в чемодане. Он вытаскивает из него синий морской доломан с серебряными галунами и светло-голубым воротником, живо натягивает его, потом холщовые брюки и сапоги со шнурками. Есть там и несколько касок с белой тульей, употребляемых в колонии. Татуированный выбирает самую большую, натягивает ее до ушей и бормочет:

— Ночью меня можно принять за надсмотрщика... если бы не моя бычья голова, да еще бритая! А! Идея!

Он берет пробку, держит ее над свечкой и рисует под носом усы, которые рассматривает с торжеством:

— Великолепно! Теперь пойду в лагерь и узнаю, захотят ли мне помочь другие.

Татуированный спускается во двор, находит обе бутылки, берет в каждую руку по одной и направляется в лагерь.

Через десять минут он на месте. Часовой останавливает его и загораживает вход ружьем. Здесь не привыкли шутить, тут действуют со всей строгостью осадного положения.

— Кто идет?

— Военный надсмотрщик, — отвечает Татуированный совершенно пьяным голосом.

— Говори пароль.

— На кой черт мне его помнить... Это проклятое слово, которое вечно меняется... Должно быть, полынная водка, что скажете на это голубчик?

Фигура пьяницы очень знакома часовому; это надсмотрщик, которого за его пристрастие к водке называют господином Перно.

Солдат смеется и говорит:

— Это вы, господин Перно?

— Не бойся... тридцать попугаев... не хочешь ли зелененькой?.. Смотри...

— Отчего же... в этой собачьей стране всегда чувствуешь жажду.

— Тащи свою кружку. Отлично, отлично, выпейка этого.

— После вас, господин Перно, — вежливо предлагает часовой.

— За твое здоровье, — говорит лженадсмотрщик, одним глотком выпивая содержимое кружки.

— Ого, какая луженая глотка, господин Перно.

— Ну, теперь твоя очередь!

— За ваше здоровье, господин Перно!

— Мерси, мой сын; повторить?

— Отчего же!

Второй, третий и четвертый раз. Солдат, который видит все в розовом свете и даже многое вовсе не видит, забывает приказ и пропускает лженадсмотрщика.

— Между прочим, слово... ты знаешь, которое я забыл... скажи-ка его, чтобы меня не прихватили, когда я вернусь, чтобы сделать вторичную переключку.

— Слово... черт возьми... как — это было трип... трип... — говорит солдат, у которого язык заплетался.

— Ты, может быть, хочешь сказать Триполи, — подсказывает лженадсмотрщик.

— Триполи... возможно... господин Перно.

— Не прощаюсь, сын мой.

Он проходит тяжелым шагом, покачиваясь, внутрь лагеря и натывается на второго часового.

Он говорит пароль, быстро идет дальше и входит в спальню, в которой слабо мерцает фонарь. Воздух наполнен самыми отвратительными испарениями.

Лежа в ряд на койках, натянутых между деревянными перилами, каторжные спят, как усталые звери.

Не колеблясь, Татуированный подходит к первой койке, тихонько толкает спящего и тихо говорит несколько слов. Человек просыпается без движения, без удивления:

— Это я, Татуированный.

— Разве ты не в бегах?

— Я вернулся, чтобы спасти Мариона, 212-го. Я прошу тебя сообщить это товарищам, чтобы они помогли ему бежать.

— Я отказываюсь... 212-й — не наш... он был твоим смертельным врагом... и моим тоже.

— Я тебя прошу... на это есть серьезные причины... я хочу, чтобы он был свободен... ты после узнаешь... теперь время не терпит... я рискую шкурой.

— Я говорю «нет» и повторяю «нет»... Я хозяин, не возражай... 212-й должен быть казнен.

— Скелет, я тебя умоляю. Правда, Марион никогда не был нашим, но он всегда помогал товарищам в нужде, он никогда не был шпионом, хотя и знал наши тайны. Спаси его за все услуги, которые я тебе оказывал.

— Нет, и если ты скажешь еще хоть одно слово, то тебя разорвут на части окружающие.

— Ты не посмеешь, потому что я задушу тебя, как цыпленка. Что касается Мариона, то я сам спасу его или же умру. Может быть, это и лучше, потому что еще неизвестно, согласится ли он принять жизнь из руки таких негодяев, как ты, и...

Стук в дверь и шум голосов прерывают его слова.

Группа людей врывается в спальню. Четыре араба с непокрытыми головами, одетые в арестантские одежды. Это помощники смотрителя. Впереди их евро-

неец. Он носит костюм военного надсмотрщика. Арабы вооружены дубинами, которыми они охотно ласкают спины ленивых. Надсмотрщик держит фонарь, свет которого освещает фигуру пьяницы с длинными черными усами.

Он кричит громким голосом:

— Вставайте все для второй переклички!

Спальня имеет 50 метров длины и содержит два параллельных ряда коек, вышиной приблизительно 70 сантиметров, разделенных у ног проходом в полтора метра.

Татуированный находится на другом конце в тени. Он узнает надсмотрщика и шепчет:

— Настоящий господин Перно... тысячу чертей... и погиб...

Глава VII

Опасность. — На четвереньках. — У двери. — Часовой. — Объяснение, которое запугало часового. — Перед камерами. — Раненый. — Обман. — Удивление и радость. — Быстрая перевязка. — Следы крови. — Что делать? — Что предпринять?

Скелет принадлежал к тем завсегдашним каторги, перед которыми дрожало начальство, несмотря на цепи, вооруженную силу, уставы и власть над жизнью и смертью каторжан. Он и ему подобные не действовали открыто путем грубой силы, а прибегали к тысяче хитрейших уловок, которые с первого взгляда казались абсолютно безвинными; они часто возвращали свободу своим приверженцам.

Чтобы дать Мариону возможность бежать, Татуированный нуждался в помощи того всемогущего общества, предводителем которого был Скелет. Без них он ничего не мог предпринять.

Поэтому геркулес с опасностью для жизни пошел просить их содействия. Чтобы понять настойчивость Татуированного и те последствия, которые мог иметь отказ Скелета, надо знать, что, несмотря на кажущуюся легкость, побег одного человека почти никогда не удается. Человек, который бежит один, или бывает пойман, или сам возвращается, умирая с голода. Девственный лес с его страхами, опасностями, ужасным одиночеством для каторжного хуже самого ужасного заточения.

Значит, для того, чтобы бегство было успешным,

оно должно быть предпринято группой людей решительных, знакомых с жизнью лесов и, главное, снабженных провизией.

Это на деле целая экспедиция, при которой надо все предусмотреть и приготовления к которой продолжаются порой около шести месяцев и дольше.

Бегство Мариона было бы еще труднее, так как нужно было увести с собой детей.

Что больше всего смущает Татуированного, чуть не доводя до безумия, так это то, что нужно ужасно торопиться. Марион приговорен к смерти. Военный суд будет заседать через три дня; он, конечно, утвердит приговор первых судей, и несчастный будет казнен.

Но у геркулеса нет времени на обдумывание всех тех ужасных вещей, которые приходят ему в голову.

Ужасная опасность застала его врасплох. Надсмотрщик господин Перно, его двойник, совсем близко от него в той же комнате.

Он призывает все свое хладнокровие и говорит:

— Не волноваться, поступать осторожно... я это делаю ради детей!

Он быстро исчезает под койкой Скелета, как раз в тот момент, когда спящие просыпаются, потягиваясь и ругаясь.

— Молчать, или вы отведаете дубины, — рычит надсмотрщик пьяным голосом.

Он, кажется, в ужасном настроении, этот достойный господин Перно, и, так как все знают, что в пьяном виде он очень жесток, никто не возражает.

Состоящие из толстой ткани, протянутой между деревянными брусьями, койки соприкасаются. Это очень удобно для дерзкого плана, придуманного Татуированным, чтобы выйти из скверного положения. Он ползет на четвереньках под зловонными постелями, стараясь не задеть лежащих на них тел, боясь вызвать крик удивления.

Таким образом, он осторожно продвигается к двери в то время, как господин Перно и его помощники-арабы пробираются к другому концу спальни.

Хриплый голос вызывает номера:

— 606-й!

— Здесь, — отвечает человек, обозначенный этим номером, когда ему подносят фонарь к носу.

— 608-й, где 608-й, четные номера, откройте уши и глаза!

— Здесь!

Татуированный находится под последней койкой, которая примыкает к двери, оставленной открытой. Огромный араб, вооруженный дубиной, охраняет ее.

Татуированный, присев на корточки, хватает его за обе ноги и бросает на пол со страшным шумом. Пока тот рычит и бьется, Татуированный выскакивает из-под койки, два раза поворачивает ключ, запирает надсмотрщика, помощников и каторжан и спокойно уходит.

Он облегченно вздыхает и, не останавливаясь, идет к ограде, где его останавливает часовой.

— Кто идет?

Там приказы, переключки, вопросы «кто идет» составляют главный смысл жизни.

— А, скажи пожалуйста, ты меня не узнаешь,— говорит он, наполовину смеясь, наполовину сердито.

— Простите, господин Перно, это опять вы, я не хотел вас обидеть.

— А что?

— Я вас вижу третий или четвертый раз... не помню хорошенько...

— Доказывает, что ты здорово выпил и все видишь вдвойне.

— Даже больше, я все вижу вчетверо. Ведь вы сейчас прошли туда с арабами.

— Ты бредишь, говорю тебе.

— Но вы же дали мне четыре дня ареста за недостаточную почтительность, потому что я вам закричал: «господин Перно!», и это привело вас в такую ярость, словно вы сумасшедший алкоголик.

— Это ты алкоголик, мой сын. Ну, довольно глупостей, я снимаю с тебя четырехдневный арест и приглашаю завтра к себе выпить со мной зелененького... Спокойной ночи.

— Мерси, господин Перно... вы очень добры.

— Всего хорошего.

Лженадсмотрщик, избежав опасности, исчезает в то время, как маленький солдат, с насквозь пропитанными водкой мозгами, лепечет:

— Странное дело, очень странное дело!

Татуированный возвращается к своей камере. Он спрашивает себя, должен ли он пойти к Виконту, чтобы переодеться, и не будет ли ему легче выйти за ограду в костюме надсмотрщика?

Одно — за, другое — против.

Раздумывая над тем, как поступить, каторжный не может отказать себе в удовольствии погулять под деревьями, окропленными росой, подышать свежим воздухом, идущим с реки, и хоть на один момент представить себя свободным.

Конечно, нужно быть героем, чтобы самому вернуться в каменную клетку, самого себя обречь на цепи и остаться там на дни и ночи привязанным, как собака, без движения, без света, без воздуха.

Но Татуированный счастлив, что должен подчиниться такому решению.

— Это ради деток,— говорит он с нежностью, которая заставляет радостно биться его сердце.— Я никогда не думал, что можно так сильно полюбить эти маленькие существа и что от этого делается так сладко на душе.

Чисто инстинктивно подходит он к изгороди, чтобы глянуть на местность, куда ему вскоре предстоит перелезть; потом говорит сам себе, как ребенок, которому не хочется идти в школу:

— Ну, еще пять минут!

Вдруг до его утонченного слуха доносится шепот человеческих голосов.

Тихими, мягкими шагами, чтобы не разбудить часового, он подходит ближе.

Неожиданно дрожь охватывает его с ног до головы, и холодный пот выступает на лице и у корней волос. Он узнал голос, такой дорогой его сердцу, голос ребенка, который показался ему чудесной музыкой.

— Голос малютки... не может быть, я сплю... бедный малютка... его убьют.

— Кто идет? — этот грозный окрик часового заставляет его подскочить. Он хочет броситься на солдата, вырвать из его рук ружье и воспрепятствовать ему исполнить чудовищный долг.

Увы, поздно! Раздается выстрел, а затем — крик ребенка.

Эта жалоба проникает в самое сердце как лезвие ножа.

Хриплое рыдание подымается к горлу, и перед глазами распливаются красные круги.

Одним звериным прыжком достигает он верха изгороди, бросается во двор, перебегает его и останавливается против камеры № 3.

Маленькое тело распростерто на земле. Отчаянные крики исходят из каземата. Это отец выражает бешенство и ужас. Все происходит через несколько секунд после выстрела.

Ребенок жив. Он вновь стонет. Татуированный зажимает ему рот рукой и шепчет:

— Не кричи, дорогой... это я, твой друг... Татуированный.

Снаружи шум растет: призывают к оружию, бегут часовые и надсмотрщики, ищут ключ. Татуированный пользуется шумом и отсрочкой. К нему вновь вернулось хладнокровие, это чудовищное хладнокровие хищника.

Он говорит отцу через дверь:

— Ребенок жив... успокойтесь... я о нем позабочусь.

Не ожидая благодарности несчастного, который чувствует, как жизнь возвращается к нему, он достает ключ своей камеры, вкладывает его в замок, открывает дверь и вновь закрывает с невероятной быстротой.

С энергией и хладнокровием, удивительными для его лет, ребенок не делает ни одного движения, не выпускает ни единого стога.

Прижавшись к груди геркулеса, который держит его левой рукой, он глубоко вздыхает, когда дверь за ними захлопывается.

— Тебе больно... малютка? — говорит Татуированный взволнованным голосом. — Где у тебя болит?.. Покажи, маленький человек!

— У меня очень горит нога.

— Это ничего.

На самом деле Татуированный очень беспокоится. Он боится, что рана может оказаться опасной, может быть перелом ноги или еще хуже.

Но у него нет времени для долгих размышлений. Тревога поднята, сейчас стража войдет за ограду и, по всей вероятности, проверит все камеры.

Татуированный осторожно кладет на свою постель маленького раненого, быстро срывает с себя одежду, раскладывает под наклонной доской и говорит горбуну:

— Сейчас придут... не бойся, дорогой... *

— Нет, Татуированный, я не боюсь, — говорит ребенок слабым голосом. Эти слова обнадеживают каторжника, который продолжает свое дело в темноте, точно глаза его видят и впотьмах. Он засовывает доломан

как можно дальше под постель, потом, схватив маленького раненого, кладет его туда же и прибавляет:

— Не шевелись и не говори ни слова, чтобы они не заподозрили твоего присутствия, и все пройдет хорошо. Будь храбрым, малютка, и твой отец будет свободен.

Этих слов достаточно. Чтобы освободить отца, геройский ребенок перенесет все ужасы и даже смерть.

Пока он лежит не шевелясь под кроватью, больной и страдающий, Татуированный одевает цепи, вставляет замок в скобу бруса и в кольца цепи и ждет.

Замок не заперт. Татуированный хочет воспользоваться случаем, чтобы закрыть как следует, но его руки дрожат, и у него ничего не получается.

— Однако нужно,— шепчет он,— вдруг они проверят мои оковы?

Снаружи все в волнении. Надсмотрщики и солдаты бегут, толкаются, ищут и, конечно, ничего не находят.

— Арестантов! Осмотрите арестантов! — кричит повелительный голос.

В тот момент, когда дверь открывается, Татуированный слышит, что замок колодки щелкает.

Вовремя!

Дверь отворяется. Люди наполняют камеру. Один из них несет фонарь и придвигает его к лицу Татуированного. Другой рукой он держит револьвер и рычит:

— Покажи свои кандалы!

Несмотря на весь ужас своего положения, Татуированный смеется, говоря:

— Смотрите... вы видите, что я их не проглотил.

Ручкой револьвера надсмотрщик ударяет по кандалам, которые издают полный и ясный звук.

— Хорошо, хорошо,— говорит он, довольный результатом осмотра.— Можно держать пари, что с этими браслетами ты не дышал сегодня свежим воздухом под манговыми деревьями.

Исполнив формальность, люди уходят.

Лежа под койкой, маленький горбун ни разу не пошевелился, несмотря на ужасные мучения. Никому из посторонних и в голову не пришло заглянуть в этот тайник.

Пряча своего маленького друга от начальства, Татуированный действовал чисто из инстинктивных побуждений.

Подталкиваемый отчаянием и бесконечной любовью к раненому, он, как верная собака, спас его.

Теперь он спрашивал себя, что делать дальше, и сам себе отвечал:

— Тюрьма — вместо больницы, и закованный в кандалы — вместо врача, такое не особенно улыбается раненому. Но утро вечера мудренее.

Голос ребенка бросает его в дрожь:

— Татуированный, не могу ли я вернуться к тебе, мне здесь очень неудобно?

— Тише, дружок! Вылезай, если можешь!

Горбун вылезает из-под койки, подавляя стон, и пробирается в темноте к Татуированному.

— У тебя болит нога? Покажи!

Ребенок понимает, что значит слово «покажи» в этой ужасной темноте. Он поднимает брюки и приближает ногу к руке друга.

Татуированный ощупывает ее и дрожит, чувствуя под рукой теплую и густую массу.

Его пальцы натыкаются на глубокую борозду, воспаленную и болезненную, из которой сочится кровь.

Татуированный успокаивается. Пуля могла раздробить ногу, но она только оцарапала ее.

Это радует его. Он обрывает один рукав у рубашки мальчика и делает простую перевязку.

— Тебе легче, малютка? — спрашивает он раненого, лежащего около него.

— Да, мне легче, не так жжет, но мне хочется пить.

Кружка наполнена водой, теплой и омерзительной. Мальчик подносит ее к губам и жадно пьет. Потом, без слов и без жалоб, ставит ее на место.

— Знаешь, — гордо говорит Татуированный, — ты смелее многих мужчин. Нечего и говорить, ты настоящий молодец.

— Не знаю!.. Я делаю что могу, потому что я люблю папу... я хочу его спасти... или умереть вместе с ним.

Все это сказано так просто, что каторжник, который никогда не плакал, чувствует, как две слезинки катятся по его щекам.

Усталый ребенок засыпает на доске, прислонясь головой к руке Татуированного. Сон его беспокойный, его мучают кошмары. Татуированный наблюдает за ним, не смыкая глаз.

Проходит день. Тусклый день, который слабо проникает через решетчатое окно. Движения каторжного будят спящего.

— Здравствуй, Тотор... здравствуй, дорогой.

— Здравствуй, мой друг, — отвечает ребенок.

— Как ты себя чувствуешь?... Болит ли твоя ножка?

— Немного жжет икру... и колет...

— Покажи!

Нога распухла, ткань крепко присохла к ране и составляет лучшую перевязку против заражения.

В общем, состояние раны, которая довольно легкая, удовлетворительное.

Но каторжник замечает следы крови на плитах и койке.

Нужно поторопиться их уничтожить. Татуированный охотно сделал бы это, но боится, что не успеет до прихода дозора.

Если надсмотрщик, который командует дозором, увидит следы, все откроется.

Он говорит, обращаясь к ребенку:

— Тотор, чувствуешь ли ты в себе достаточно сил, чтобы убрать нашу комнату?

— Да, Татуированный.

— Если бы я не был привязан ногами к этим проклятым кольцам...

— Что я должен сделать?

— Скорее вытри мокрым платком кровь, да торопись, могут войти. Потом ты спрячешься под кровать, как ночью, и не будешь шевелиться.

И в то время, как слабый ребенок вытирает пол, арестант нежно говорит:

— Очень хорошо! Но все это не может долго продолжаться, что я буду делать и что с нами будет?

Потом у него является блестящая мысль. Улыбка озаряет его лицо, и он прибавляет:

— Это будет удивительной дерзостью... Отчего не попробовать?

Глава VIII

Собщи́ники. — За сто су. — Пища каторжан. — Тотор набивает себе жгудок. — Надежда. — Двойной караул. — Невозможно двигаться. Шум. — Состояние раненого ухудшается. — Бумага и карандаш. — Татуированный избит, но доволен. — Все хуже и хуже.

Часы в госпитале пробили семь. По шуму сапог и щелканью замков слышно приближение обхода.

Тотор вернулся в свой тайник. Бедный мальчик, умирая от голода и дрожа от лихорадки, забился под кровать, как мышь в нору.

Как страшно быть обнаруженным! Он не шевелится, задерживает дыхание и делается совсем маленьким.

Дверь камеры отворяется, и входят четверо каторжан, предводительствуемые надсмотрщиком.

Появляется сам господин Перно с тростью в руке, сварливый, угрюмый, с мутными глазами. Два каторжника берут шайку, называемую «жюль», и выносят.

Двое других несут кружку и месиво, которым арестант должен питаться в течение дня. Жидкий суп, даже более чем жидкий, наполовину из отрубей и 125 граммов желтоватого сала, густого, вонючего.

Начальство не балует каторжан. Дверь остается широко открытой, и надсмотрщик постепенно заходит по порядку номеров в каждый из казематов.

— Никаких претензий? — спрашивает в соответствии с уставом господин Перно.

— Ничего, — коротко отвечает Татуированный, который боится, чтобы не нашли мальчика.

Надсмотрщик выходит и направляется в следующую камеру, чтобы там предложить арестанту тот же вопрос.

Только он исчез, как Татуированный делает легкое движение языком.

Один из людей, которые вносят «жюля», отвечает ему знаком согласия, в то время, как его товарищ показывает, что надо держать ухо востро.

Тихим голосом, почти не шевеля губами, Татуированный говорит человеку, который подставляет ему ухо, чтобы лучше слышать:

— Ты пойдешь к больничному служителю Кадуру... Пусть он скажет девочке Лизетте, что ее брат здоров, чтобы она была спокойна... потом ты передашь от меня Виконту, чтобы он дал тебе сто су... ты разделишь их с Кадуром.

Человек кашляет в знак того, что понял, и уходит.

Сто су! На каторге это громадная сумма, которая означает целый месяц удовольствий в виде сладкой водки и табаку, потихоньку купленных и употребленных.

Надсмотрщик ничего не заподозрил. Он возвращается, чтобы закрыть дверь, и, исполнив это, командует:

— В дорогу!

Арестанты опять предоставлены себе на двадцать четыре часа.

Татуированный ликует. Он знает, что поручение будет прекрасно исполнено, потому что нет случая, чтобы ссыльные не сдержали слова.

Ужасные наказания существуют для бесчестных, и все связаны между собою солидарностью, которую ничто не может разрушить.

Виконт — банкир у воров. Он ни в чем не может отказать Татуированному, который имеет у него текущий счет, и при том такой же надежный, как во Французском банке. Виконт, который заведует сбережениями каторжников и управляет кассой каторги, — опытный и неподкупный финансист.

Уверенный в том, что его маленькая подруга будет успокоена, Татуированный зовет горбуна:

— Тотор, иди кушать суп!

Маленький храбрец выползает на четвереньках, вернее на трех лапках, и садится на край постели.

Деревянная ложка плавает в ужасной бурде.

Тихим приглашающим тоном Татуированный говорит мальчику:

— Может быть, это не особенно вкусно, но это поддержит, особенно, когда очень голоден! Кушай, малютка.

— После тебя, мой добрый Татуированный.

— Неужели ты не хочешь?

— Конечно, но ты голоднее меня, у тебя музыка в животе.

— Все равно, я хочу, чтобы ты ел... скорее... я тебя прошу... Я бы охотно выпустил свою кровь в этот дьявольский суп, чтобы сделать его вкусным и питательным. Торопись, мой ангел, ты себе представить не можешь, как мне больно смотреть на твои мучения.

Побежденный этой настойчивостью, через которую проглядывает бесконечная любовь, раненый берет ложку, опускает ее в отвратительную смесь и подносит

ко рту. Это действительно нечто ужасное. Он энергично жует, старается проглотить, вытягивает шею и улыбается своему товарищу, который на него смотрит с восторгом.

— Это не особенно сложно,— говорит ребенок.

Тотор вылавливает ложкой фасоль, к которой он прибавляет немного отвратительного месива, состоящего из испорченных сухарей.

Закрыв глаза, он уничтожает смесь, говоря:

— Это пахнет рыбьим жиром.

— Все, что здесь дают, имеет такой же вкус, надо привыкать. Собаки-офицеры не желают питаться этой проклятой похлебкой, но мы голодны и должны покориться, а ты, бедняжка...

— Я буду делать, как все,— энергично говорит мальчик,— я не имею права быть разборчивым. Надо поправиться и набраться сил. Только бы моя сестренка успокоилась.

— Не волнуйся, малютка, все устроено. Лизетта знает, что ты себя хорошо чувствуешь.

— Это ты все делаешь для нас! Какой ты добрый, Татуированный.

— Ба, какие пустяки!.. Это еще только начало... ты увидишь, малютка, увидишь...

И этот странный разговор течет шепотом, слово за словом, на кровати арестованного, в то время как мальчик храбро уничтожает ложку за ложкой. Он, наконец, съел половину отвратительного месива.

— Я сыт... теперь твоя очередь, Татуированный.

— Надо оставить тебе на ужин. Я съем сало... оно гнилое... но это ничего... Здесь мы готовы съесть даже бешеную собаку.

— И папу все время так кормят... Это ужасно... знаешь, ведь он не виноват... бедный папа... и он также закован, как ты... Здесь совсем близко, и он не знает, что я здесь...

— Потерпи, детка, продолжай быть умным, и мы его спасем. Непременно спасем... я тебе клянусь. Несмотря на эти клетки, цепи, солдат и их ружья. Несмотря на все. Доказательством служит то, что я уже был прошлую ночь в разведке и поднял тебя около камеры твоего отца, когда солдат в тебя выстрелил. Ну, а как твоя нога?

— Ее дергает... Здесь очень жарко, и потом я, может быть, слишком много двигаюсь.

— Это так, но ты вынужден. Теперь ты можешь отдыхать двадцать четыре часа, я тебя хорошенько устрою... Ты не находишь, что здесь слишком жестко?

— Нет... на матраце было бы еще жарче.

— Тише, кажется, идут.

— Правда, на дворе слышны шаги.

— Опять нет покоя.

Маленький горбун с трудом добирается до тайника в то время, как Татуированный, приставив руку к уху, напрягает все усилия, чтобы лучше слышать. Он ясно различает шум ходьбы. Понемногу шум удаляется, потом вновь возвращается и вновь удаляется.

— Что бы это могло быть? — спрашивает себя Татуированный. — Неужели эти негодяи поместили часовых перед камерами? Тогда мы пропали.

Он перебирает в уме ужасные последствия такой меры, которая до сих пор не была введена. Ночные прогулки станут невозможны, всякие непосредственные сношения с Виконтом прерваны... и, следовательно, ребенок будет страдать от этого ужасного питания, и его рана может загрязниться.

Как раз в следующую ночь он хотел рискнуть отправиться за провизией и за секретными средствами против ран, которые есть у негров.

— Это часовой, он то приближается, то уходит!

Сейчас нет никакой опасности, ребенок может выйти из убежища и лечь на койку, где он освободит ему побольше места. Часы текут, длинные и мучительные. Маленький раненый волнуется, его дыхание учащается, и кожа начинает гореть.

Бедный малютка страдает, но не надо пугаться.

Вечером он решительно отказывается от пищи и жадно пьет теплую воду из кружки.

Ночь была скверная. Татуированный проводит ее, скорчившись около дорогого больного, как собака, которая видит, что ее хозяин страдает и не покидает его. Сон ребенка наполнен кошмарами. Пробуждение очень мучительное, нога сильно болит.

За полчаса до обхода ему надо вернуться в убежище, а у Татуированного нет времени открыть и закрыть замки, снять кандалы и снова их одеть.

Малютка добирается туда с трудом. Он больше не может стоять на ногах. Он впивается зубами в куртку, чтобы заглушить стоны. Его нога распухла и весит более ста фунтов.

И отчаявшийся Татуированный спрашивает себя:

Что мы будем делать завтра? Обход производится с теми же церемониями, как и вчера, только инстроение господина Перно еще более ужасно.

Действительно, достойный змотритель был подвергнут аресту за пьянство на службе и неуместную фамильярность с подчиненными.

Он отвечает за полынную водку, налитую его двойником часовому у лагеря. Неизвестно, кто закрыл его в снальне, и 1500 каторжников, запертых с ним вместе, причинили ему немало неприятностей.

Допрос, проведенный по поводу этих таинственных шуток, ничего не прояснил.

Господин Перно как будто вездесущ. Его в одно и то же время видели в трех различных местах, пьяного, разговорчивого и смешного.

Сам он, сильно напившись, ничего толком не помнит. Всё знают лишь Виконт и Татуированный.

Перно толкает людей, делающих обход, оскорбляет арестантов, распекает часовых, вертится, как медведь в клетке, и заставляет всё вокруг себя дрожать.

Это не мешает Татуированному обменяться несколькими быстрыми фразами со своим вчерашним соучастником:

— Попроси-у Вконта карандаш и бумагу.

— Да.

— Сто су для тебя!

— Да.

— Как дело 212-го?

— Очень плохо... его гильотинируют.

— Будешь ты завтра в обходе?

— Еще четыре дня. Поручение к девочке исполнено.

Утонченный слух арестанта улавливает тяжелые шаги господина Перно. Надсмотрщик возвращается для допроса:

— Никаких претензий?

— Нет, спасибо.

Через широко открытую дверь Татуированный замечает не одного, а двух часовых. Один делает обход внутри ограды, другой стоит в ста шагах перед камерами.

Выйти невозможно.

— Я не ошибся, — бормочет каторжник, — но увидим. К рукам они нас еще не прибрали.

Какую же надежду лелеет этот человек, который настроен сделать невозможное и притом победить?

Но все точно сговорилось против него.

Состояние бедного раненого ухудшается. На экваторе даже самые незначительные раны в течение нескольких часов могут стать смертельными.

Нога под перевязкой распухает все сильнее, ткань прочно присохла к ране.

Ребенок отказывается от пищи, его мучит ужасная жажда, но, чтобы погасить ее, имеется только отвратительная теплая жидкость в кружке.

День и ночь проходят для каторжника в страшном волнении, и он ежеминутно спрашивает себя, не должен ли он позвать на помощь.

Утром он снимает с себя кандалы, прячет ребенка под постель и снова заковывает себя.

К счастью, господин Перно заглядывает только на минутку. Человек, который выносит шайку, шепчет: — В кружке.

Как только обход удаляется, Татуированный вытаскивает из кружки глубоко заложенный туда кусок тростника, отягченный с одной стороны кусочком свинца, а с другой стороны залитый воском.

Как человек, которого ничто не может удивить, Татуированный соскребает ногтями воск и находит пол-листка бумаги, обернутой вокруг карандаша.

— Я вижу, что Виконт верен мне, — говорит он.

Потом он долго пишет на листке, обдумывая каждое слово, каждую фразу, и щелкает языком от удовольствия.

Он отрывает маленький кусочек бумаги, сильно экономя, заворачивает письмо, вкладывает его в тростник, закрывая с одной стороны воском, и прячет все в ногах своей постели.

Маленькому горбуну делается все хуже, он уже едва узнает своего друга. Временами он теряет сознание и не может удержать стонов.

Татуированный с разбитым сердцем плачет, как маленький ребенок. Он прижимает горбуна к груди, старается успокоить его нежными словами и повторяет в сотый раз:

— Терпи, терпи, деточка... это ради твоего папы... ради твоего дорогого папы...

И мальчик, на минуту приходя в себя, лепечет надтреснутым голосом:

Да, папа... я тебя очень люблю... я не хочу умирать, не повидав тебя.

Нет, ты не умрешь,— рыдает каторжник,— ты будешь жить, чтобы его спасти, потому что ты один можешь помочь ему бежать... если сдержат данное мне обещание...

На другой день при обходе дела обстоят еще хуже. Мальчик, лежа под кроватью, стонет, как раненая птичка.

Господин Перно, еще более злой и более пьяный, чем всегда, влетает как вихрь.

Тотор стонет. Татуированный тотчас же начинает кашлять. Господин Перно ничего не слышал. Новый стон и новый приступ кашля еще сильнее и продолжительнее.

— Что это,— кричит надсмотрщик,— у тебя коклюш?

— Г-кха... гха... гха... гум... гум...

— Вот тоже болезнь!

— Гкха... агкха... агкха...

— Перестань сейчас же, или я пропишу тебе такую успокоительную настойку, что замолкнешь и без ларцы.

Ребенок продолжает стонать, и Татуированный, замирая от волнения и страха, кашляет изо всех сил. Удивительно, что надсмотрщик ничего не слышит.

Думая, что арестант над ним насмехается, он ментально выходит из себя, поднимает свою трость и кричит:

— Вот тебе, негодяй!

— Гха... гха... гха...

Он начинает обеими руками колотить Татуированного, который вопит, как стая ревунов.

Удары сыплются без перерыва на спину и руки арестованного, задевают голову и сливаются с гвалтом и приступами кашля.

Татуированный, который очень доволен происшествием, говорит сам себе:

— У меня крепкая кожа... это животное устанет раньше меня.

Так продолжается до тех пор, пока палач действительно не устает.

Приближаются возмущенные часовые.

Надсмотрщик, у которого совесть не спокойна, останавливается и кричит им:

— Что вам здесь нужно... идите на место... тысяча чертей... я вас арестую.

Потом, размахивая руками, он направляется в другие камеры, а солдаты идут к своим постам.

Люди из обхода видят, что он ушел, и сообщник Татуированного поспешно возвращается. Татуированный подает ему кусок тростника и говорит:

— Передай Виконту и возьми себе сто су. — Потом он снова начинает кашлять, хотя стоны давно смолкли.

Успокоенный только что произведенной экзекуцией, господин Перно заходит, чтоб закрыть дверь, и бормочет:

— Может быть, он и правда кашляет. Ну, да это его дело.

Татуированный, который слышит это, смеется и тихо говорит своим низким басом:

— Иди, иди, старая перечница. Я провел тебя как последнего идиота, и через 48 часов ты будешь убит или лишен места, потому что мы или умрем, или будем свободны.

Глава IX

Физические мучения. — Смертельные страсти. — Кризис. — Сон. — Письмо. — Аппарат Виконта. — В шарике из отрубей. — Последние приготовления. — Гимнастика. — Энергия ребенка. — Первый брус. — Снаружи. — Во дворе. — На страже.

Ужасный день, ужасная ночь!

Мальчик мечется на руках Татуированного, дрожа от лихорадки. Его маленькое тело горит, как в огне. Губы засохли и почернели, дыхание короткое и хриплое. Из судорожно сведенного рта с трудом вырывается слово:

— Пить.

Татуированный, обезумев от горя, старается утолить его жажду, вливая ему каплю за каплей.

Десять, двадцать раз он собирается позвать на помощь. Беспokoясь, что опоздал, думая о смерти, которая грозит малютке, он упрекает себя в том, что затянул его страдания, и говорит:

— Еще один час.

Час проходит, но улучшения не наступает. Положение ребенка становится критическим, а Татуированный все еще колеблется.

Я поклялся, что его отец будет свободен! Нужно, чтоб мальчик жил, иначе его не освободить... он один может это сделать!..

Время идет, принося с собою новые страдания.

Татуированный снял с себя оковы, чтобы быть свободнее в движениях, и думает:

Если придут, тем хуже... а может быть, тем лучше. Если он умрет, я расколю себе голову об эту проклятую стену.

Бьет полночь, и Татуированный уверен, что настал конец. Ребенок покрыт с ног до головы холодным потом. Татуированный обнажает его грудь и изуродованную спину и изо всех сил растирает их рукавом своей рубахи. Наконец, он решается на величайшее самопожертвование. Пропадет плод сверхчеловеческих усилий, ожесточенной борьбы; сейчас он постучит в дверь и попросит помощи.

Он встает и идет к двери.

«Когда я услышу шаги часового около двери камеры,— думает он,— я позову его!»

Прикорнувший где-то в углу солдат не идет. Проходит четверть часа. Эти четверть часа решают участь нескольких человек.

Безжизненное тело маленького раненого, распростертое на руках каторжника, делается холоднее. Пот прекращается. Ужасный кризис, чуть не стоивший ребенку жизни, миновал. Заметно улучшение, которое в жарких странах часто приходит после сильных приступов лихорадки. Кажется, что этот обильный пот омыл больной организм и изгнал из него болезнь.

В сумерках, заполнивших каземат, каторжник слышит голос своего маленького друга.

— Мне больше не больно... я усну!

Не веря своим ушам, чуть не падая от счастья, атлет бормочет:

— Я знал, что ты будешь жить, малютка... ты поправишься, и это будет очень скоро... Если эта лихорадка не убила тебя, ты через двадцать четыре часа будешь на ногах и проживешь до ста лет.

Но ребенок его не слышит. Его охватил укрепляющий сон. Он спит как убитый.

И счастливый человек говорит:

— Этот сон продлится пятнадцать часов... я с этим знаком... Если Виконт сдержит свое слово, мы все спасены.

Уверенный, что ему не помешают, он кладет ребенка под постель, где устроил ему удобное ложе, подложив туда одеяло и доломан лженадсмотрщика. Потом он, очень довольный, надевает на себя кандалы и тоже засыпает.

В обычный час с административной пунктуальностью является обход. Господин Перно входит первый и шарит повсюду своими мутными глазами.

К счастью, Тотор не двигается, но Татуированный не имеет возможности поговорить с человеком, идущим в обходе. Нельзя сделать ни одного знака. Волнение сжимает ему горло. Неужели подозревают? Но нет. Надсмотрщик просто хочет убедиться в том, что вчерашнее нравоучение обуздало арестованного. Он смотрит на него с угрозой, дерзкой и в то же время трусливой, и ждет, пока кончат уборку. Потом он уходит, вертя тростью, и шумно захлопывает дверь.

На столе рядом с миской, в которой плавают сало, фасоль и отруби, стоит кружка.

Дрожащей рукой берет каторжник хлеб, крошит его и не находит ничего. Не в силах сдержаться, он рвет его пальцами, скрюченными, как когти зверя. Радостное рычание вырывается из его горла. В мякоти заложены два предмета: бумажка и инструмент, величиной с карманные часы, весьма неказистый на вид. Татуированный разворачивает бумажку и начинает читать. Его руки дрожат. Он читает тихим голосом с горящими глазами и спазмами в горле.

«Старый приятель!

Посылаю тебе просимую безделушку. Кроме этого расхода, были еще другие, так как пришлось заплатить сообщникам. Ты имел у меня на текущем счету 2300 франков. Эта вещь стоит 2000 франков, включая мою комиссию. Я понимаю, что это дороговато, но торговаться нет смысла — такова моя цена. Дела остаются делами! Безделушка действует божественно. Когда она тебе более не будет пужна, верни ее мне, она может послужить другим. Желаю тебе благополучно исчезнуть, и если ты снова вернешься сюда, я всегда буду к твоим услугам.

Между прочим, твоему протезе 212 — хана. Его ходатайство отклонено, и завтра его отправляют в Кайенну, чтобы там гильотинировать. Девчонка чувствует себя хорошо. Уничтожь эту бумажку».

Каторжник заканчивает свое чтение проклятием:

Тысяча чертей! Завтра его увезут... отца моего маленького горбунка... нужно будет посмотреть... у ребѣнка сильный характер... несмотря на болезнь, он должен будет пойти... и он пойдет, иначе мы погибли.

Машинально он скатывает бумажку и кладет ее в рот, потом жует и проглатывает, запив водой.

Ну, этот цыпленок меня не особенно насытил, — говорит он с иронией.

Потом он рассматривает инструмент, который обогнулся ему в маленькое состояние. Он забывает о еде, время течет быстро, в то время как раненый наслаждается укрепляющим сном.

В три часа мальчик просыпается и, выскочив из-под постели, появляется перед изумленным Татуированным.

— Ну что, малютка... ты совсем здоров и бодр?

— Я спасен... боль прошла... знаешь, мой дорогой Татуированный, мне кажется, что я воскрес.

— Да, ты молодец!

— Правда, я вряд ли мог бы совершить опасный прыжок, у меня тяжелая голова, слабая нога и избитое тело, но я больше не страдаю.

— Ну хорошо, ешь и набирайся сил, потому что они нам будут нужны.

— Значит, что-то произошло, пока я был болен?

— Многое и очень важное.

— Скажи!

— Посмотри на этот инструмент, который мне принес обход. Это одновременно и токарный станок и пила. Штучка не велика, но это чудо механики.

Маленький горбун смотрит и слушает без малейшего энтузиазма. Он сидит молча и ждет продолжения.

— Слушай, эта маленькая штука нас освободит.

— И папу тоже?

— Еще бы! Его-то первым делом.

— Ах, как я счастлив... объясни мне!

— Я знал, что это тебя подбодрит... Слушай, в этой коробке часовой механизм очень сильный и удивительно устроенный, который приводит в действие круглую пилу.

— Круглую?

— Да, круглую, как монета в сто су, зубчатую со всех сторон... Она из алмазной стали... не портящейся и не ломающейся, хотя зубчики тонки, как иголки...

это движется без шума, как в ванне с маслом, с бесшумной быстротой. Смотри!

При этих словах Татуированный повернул справа налево маленькое кольцо, которое образует выпуклость на задней стороне прибора. Тотчас же послышался стук пружины. Круглая пластинка выскочила из выемки и начала вращаться с шумом, не большим, чем от крыльев мухи.

— Понял? — спрашивает каторжник, торжествуя.

— Не совсем.

— Слушай, малютка, достаточно приставить край этой пилы к железной полосе, чтобы ее разрезать.

— Не нажимая?

— Вот именно — без нажима... Твои маленькие пальчики отлично управятся с механизмом.

— Значит, нужно будет перепилить решетку?

— Ты угадал... Я не могу этого сделать сам по причинам, которые ты узнаешь сегодня вечером.

— Значит, это будет сегодня вечером?

— Да... время не терпит. Теперь вытащи одеяло, на котором ты лежал.

Ребенок слушается, и Татуированный начинает рвать покрывало на ровные полосы. Прodelав это, он сплетает их в веревку длиной в шесть метров.

— Хорошо, это будет крепко и выдержит человека, такого же тяжелого, как я... Теперь все готово. В виду того, что нам придется действовать в сумерках, ты должен сейчас ознакомиться с действием пилы. Нужно наложить ее на железо, не нажимая, и, главное, держи от нее подальше руки, а то от них ничего не останется.

— Я буду очень внимателен. Я сейчас поем и постараюсь поспать до вечера, потому что чувствую себя очень слабым.

— Хорошо... поешь и ложись спать... я разбужу тебя, когда придет время.

Несмотря на то, что он привык к терпеливому ожиданию, Татуированный находит, что часы тянутся бесконечно. Его мучают сомнения и опасения. Удастся ли этот проект, не слыханный по своей дерзости? Хватит ли у ребенка, который еще вчера умирал, сил, чтобы совершить опасное дело? Не будет ли каких-нибудь осложнений, непредвиденных случаев? Тогда все погибнет... будет ужасной смертью для честного человека... наказанием для невинного...

Зоря? Несколько звуков трубы. Обычное движение

людей, дело которых окончено. Татуированный возвращается к действительности. Огни потушены.

Уже, — говорит он, подымаясь на досках.

Теперь он находит, что время бежит слишком быстро.

Еще полчаса. Маленький горбун, полный решительности, терпеливо выжидает, сидя рядом с Татуированным, сердце которого готово разорваться. Наконец, пора. Татуированный осторожно поднимает ребенка таким образом, чтобы тот мог достать до окна, находящегося напротив двери.

Это окно шириной в 75 сантиметров с двумя огромными брусками, расположенными на расстоянии 25 сантиметров друг от друга. Оно поднято на три метра от земли и прикрыто навесом, который позволяет видеть только уголок неба. Татуированный стоит с поднятыми руками. На его руках уместились ноги мальчика, который теперь может приняться за работу.

— Ты готов, малютка? — тихо спрашивает ка-торжник.

— Да, — коротко отвечает горбун.

— Нога не очень болит?

— Нет... ничего.

— Хорошо,хвати снизу левый брус.

Горбун ощупывает, потом подносит пилу к железу, нажимает пружину, которая приводит в движение механизм. Слышен писк, продолжающийся около пяти минут.

— Ну что, брус нагревается? — спрашивает Татуированный.

— Не особенно... кончено... он прорезан.

— Ну, хватай брус за верхушку.

— Я не могу достать.

Татуированный приподымается на цыпочках, вытягивает вверх руки и все тело и «подрастает» таким образом еще на пятнадцать сантиметров.

— Не роняй брус, когда он будет отпилен, придержиай его левой рукой.

Проходят пять минут.

— Готово! — торжественно говорит горбун.

— Великолепно!

Татуированный опускает горбуна, который держит правой рукой пилу, а левой — брус, перерезанный, точно кусок свинца.

— Ты устал? — взволнованно спрашивает Татуированный.

— Не стоит об этом говорить,— храбро отвечает мальчик, обливаясь потом и задыхаясь.

Татуированный берет сплетенную им из одеяла веревку, дает один конец горбуну и говорит:

— Хорошенько прикрепи ее узлом к оставшемуся брусу и постарайся уцепиться за верхушку деревянного навеса.

Потом он вновь подымает его к окну. Ребенок все великолепно понимает: он берет веревку, встает на подоконник и становится спиной к навесу.

Татуированный подымается при помощи своих кулаков, достигает окна и изгибается там таким образом, чтобы пролезть в пространство между брусом и стеной.

Он движется на ощупь в полной тишине.

Теперь надо вылезти, спуститься с вышины трех метров и, главное, не быть услышанным. К счастью, охраняется, в основном, лицевая сторона камер, тогда как на заднюю сторону никакого внимания не обращают.

Там находится большой двор, огороженный стеной. Этот двор перерезан в длину стенами, образующими прямые галереи, над которыми видно небо. Эти галереи шириною четыре метра и длиною десять служат для прогулок одиночным заключенным.

Конец каждой галереи имеет цинковую крышу, под которой в дурную погоду прячутся арестанты. Эта крыша опирается на камеры от номера 1-го до номера 6-го.

Татуированный, знакомый с этим устройством, ловко им воспользовался. Он становится внутри навеса и вылезает точно трубочист из трубы. Над его головой сияют звезды. Он вдыхает свежий воздух, вытаскивает веревку и хватает маленького горбуна под мышки.

— Держись за веревку,— говорит он тихим голосом,— и спускайся. Под ногами будет цинковая пластинка, не двигайся и жди меня.

— Готово... я там...— шепчет снизу мальчик.

Чтобы безопасно спуститься и главное не наделать шума, Татуированный обвивает веревку два раза около бруса. Потом пробирается на руках. Достигнув крыши, он снимает веревку и говорит горбуну:

— Ты не очень страдаешь?

— Нет... мысль, что мы спасем папу, придает мне силы, я не чувствую ни боли, ни усталости.

— Великолепно! Нас ждет удача. Пила у тебя?

Да!

Не потеряй ее, а то все рухнет. Теперь — внимание!

Он берет ребенка на руки, осторожно двигается по крыше, минует одну камеру, потом другую, навес которой вырисовывается черным силуэтом на звездном небе.

— Вот номер 3-й, здесь твой отец. Я подниму тебя на руках, как в нашей камере; ты зацепишься за конец навеса, потом привяжешь веревку к тому брусу, который не будешь распиливать, и сбросишь ее в камеру. Понял?

— Да, милый, понял.

— Я буду сторожить, и плохо придется тому, кто нам помешает.

Глава X

Отец и сын. — Освобождены. — Стойкость ребенка. — Во дворе. — В госпитале. — Трогательная сцена. — Монахиня. — Опять господин Черно. — У Виконта. — На пристани. — В пирог. — Свободны!

Каторжник поднимает ребенка под навес. С бьющимся сердцем ухватывает горбун за край и с неимоверными усилиями влезает туда.

Мысль об отце подбадривает его. Как он и говорил Татуированному, он не чувствует ни боли, ни усталости.

Легкий стук от соприкосновения его тела с навесом разбудил арестанта. Разбитый нравственными страданиями и долгой бессонницей, он спит, привязанный, как зверь. Сперва он молчит, не доверяя себе, но затем все более понимает, что этот шум указывает на присутствие человека.

Как знать? Может быть, друг. У арестантов воображение работает необыкновенно сильно.

— Кто там? — говорит он тихим голосом.

— Это я, папа! Мужайся!

Сердце готово выскочить из груди арестанта; кровь бросается ему в голову, и слезы, которые он считал навеки иссякшими, брызжут из его глаз.

— Мое дитя, мой сыночек, мой маленький герой, благословляю тебя!

— Мы пришли с Татуированным, чтобы освободить тебя. Мы вышли из пятого номера, я перерезал брус

и перережу здесь тоже. Вот веревка... мужайся и молчи. Через пять минут я буду с тобой.

— Мой дорогой... я молчу и жду.

Через минуту пила поворачивается и захватывает брус. Скорчившись на досках койки, приговоренный к смерти хочет проникнуть взором сквозь мрак. Все его существо наполняется радостью. Радостью человека, который видел перед собой смерть и чудом спасся. И это чудо совершил его сын, которого он не надеялся больше увидеть. Слабый и изуродованный ребенок неустрашимо пошел на трудное дело.

Маленькая пила вертится без устали. Отец слышит дыхание ребенка, которое покрывает шум металла. Через пять минут верх бруса перерезан. Через следующие пять минут распилен низ. Горбун кладет его на подоконник, осторожно убирает пилу в карман и влезает в камеру.

Он опускается прямо на койку отца, который слышит каждый его шаг. Нежность, доходящая до боли, охватывает его. Безумное объятие... Ребенок бросается на грудь отца, и они не в силах говорить, охваченные нежностью. Рыдания прерывают голос. Но минуты дороги, надо устоять против этого наплыва чувств. Ребенок выскальзывает из объятий отца и говорит тихим голосом:

— После... папа... пойдем скорее... я перережу твою цепь.

— Да, дорогой, поспешим из этого ада!

Мальчик хорошо знаком с расположением колодок, он на ощупь находит цепь, отделяет одно звено, представляет к нему пилу с такой уверенностью, точно все происходит среди бела дня.

Крах... дело сделано!

Арестант снимает с ног оковы и встает.

Ребенок, подавляя нежность, распоряжается дальше:

— Татуированный ждет нас во внутреннем дворе, подыми меня к окну, как это делал он.

Отец восхищен его храбростью и хладнокровием. Он обнимает мальчика и ставит его на окно.

— Теперь подымись по веревке, — командует горбун. — Держись крепче.

Через минуту отец около него, и они стоят в узком пространстве, на фоне навеса.

Дальше они действуют с прежним успехом. Вербка выдернута. Отец помогает мальчику спуститься. Та-

туированный стоит неподвижно. Вслед за горбуном спускается отец, которому Татуированный говорит расстроганным голосом:

Я рад, что вижу вас.

Беглец отвечает ему:

Дай мне руку, ты меня спас... Теперь между нами союз на жизнь и на смерть.

Татуированный прибавляет:

— Мальчик ранен, возьмите его на руки и следуйте за мной.

Ступая босиком, они бесшумно проходят дворы и подходят к стене, составляющей заднюю сторону построек.

Говорят, что Гибралтар, неприступный со стороны моря, почти не защищен со стороны земли, так что им можно овладеть с невероятной легкостью; Сен-Лоран можно захватить так же легко, как и английскую крепость. С задней стороны постройки не охраняются. Татуированный осматривается.

— Никто... никакого подозрительного шума. — Он сворачивает веревку, перебрасывает ее через стену и говорит товарищу:

— Посадите ребенка около меня и спускайтесь, я крепко держу. Тут всего три метра.

Марион спускается без колебаний.

— Теперь твоя очередь, малютка, — говорит геркулес горбуну.

Тотор храбро спускается на руки отца. Татуированный обвязывает себя веревкой, хватается обеими руками за стену и с легкостью, которую в нем трудно заподозрить, соскакивает на цыпочках.

— Мы свободны, свободны... — шепчет приговоренный к смерти с безумной радостью.

— Но еще не спасены, — отвечает Татуированный, — однако самое трудное дело сделано.

— А маленькая Элиза? — взволнованно говорит счастливый отец.

— Она в госпитале, бежим туда.

Они мчатся по траве, избегая большой дороги; с начала дерзкого бегства еще не прошло и полутора часов.

Двое мужчин и ребенок приближаются к восточному фасаду, где находится комната, в которую поместили маленького горбуна и его сестренку. Татуированный полагает, что девочка и сейчас находится там. Отец

поднимает мальчика на подоконник, и Тоттор рассматривает через занавеску внутренность комнаты.

— Да, Элиза там... я вижу ее в постели... она спит с распущенными волосами.

— Хорошо, — говорит беглец, — я ее возьму.

Татуированный устраивает для него лестницу. Окна не имеют стекол, их заменяют рамы с волосяной сеткой.

Марион прорывает сетку, просовывает руку и тихо открывает задвижку. Потом он бесшумно подходит к кровати, на которой с полуоткрытым ротиком спит очаровательный ребенок.

При виде этого лица, напомнившего ему лицо дорогой умершей, из груди бегльца вырываются рыдания. Он опускается на колени, кладет голову на одеяло, из-под которого высывается ее маленькая ручка, и разражается слезами.

При звуке рыданий девочка просыпается, видит стоящего на коленях человека и узнает его, несмотря на измученное лицо и мерзкую одежду.

— Папа, это ты... О, милый папочка, я тебя ждала. Он прижимает свою девочку к груди, шепча:

— Деточка моя... мы больше не расстанемся... иди ко мне... я свободен, свободен, я уведу тебя вместе с братом.

Но девочка приподнимается, бледнея от ужаса с протянутой рукой.

— Папа... идут... мы погибли.

Дверь бесшумно отворяется, пропуская белую фигуру.

Входит монахиня с лампой в руке; она видит сцену, слышит слова ребенка, угадывает или, вернее, чувствует истину. Без крика, без слова она прикрывает дверь и ждет, удивленная, но не испуганная.

Марион делается бледнее дочери, он смотрит с мольбой на монахиню и говорит глухим голосом:

— Клянусь жизнью моего ребенка... священной памятью ее покойной матери... я невиновен!.. Да, да, клянусь... Несправедливо брошенный в этот ад, приговоренный к смерти, я бежал... я пришел за моим ребенком, разве это преступление?

Монахиня опускает голову, подходит к девочке, целует ее в лоб и шепчет:

— Прощай, дитя мое!

— О, сестра, как вы добры, — кричит девочка в то время, как беглец шепчет со слезами на глазах:

Будьте благословенны!

Схватив одежду ребенка, он набрасывает ее на девочку и торопливо уносит ее.

Подойдя к окну, он оборачивается и произносит одно-единственное слово, в которое вкладывает всю свою душу:

— Благодарю!

Ребенок переходит в руки Татуированного. Отец ныскакивает следом, и все трое бросаются в кусты.

Через десять минут они уже у жилища Виконта. Все спит. Занавеси и окна закрыты. Татуированный кричит как птица, и от этого крика разлетается весь птичий двор.

Как хищное животное, Виконт спит только одним глазом. Он быстро подымается и впускает странников.

Они обмениваются несколькими словами:

— Что нужно?

— Одежду... немного провизии, две сабли... два зонтика... огниво, трут, немного табаку и, главное, не забудь пару весел.

— Сейчас! А где моя пила?

— Я ее принес... это просто чудо, работает великолепно.

Виконт торопится. Он приносит две голубые матросские блузы, две пары холщовых брюк, две пары башмаков, две шапки из серого фетра с широкими полями и зонтики для детей; потом несколько пирожков из маниоковой муки, пять или шесть коробок с консервами, компас, нитки и крючки.

В мгновение ока оба человека переодеваются.

Виконт возвращает Татуированному остаток его текущего счета. Он отдает наличными четыре старые монеты по сто су, совершенно черные, которые он получил, по всей вероятности, от арабов.

Это все состояние маленького общества.

Они прощаются и выходят на волю. Виконт закрывает дверь; они пересекают улицу и натываются на слегка пошатывающегося человека.

Тот посылает им проклятие и ворчит:

— Кто там?.. Нечего так поздно ходить!

Этот голос, охрипший от водки, они узнали бы из тысячи. Это закоренелый алкоголик господин Перно, который в поздний час идет к купцу, чтобы добыть бутылочку водки.

Он открывает глаза, видит детей и кричит:

— Тысяча чертей... это детки 212-го, значит, эти люди... — он хочет крикнуть, пусть прибегут часовые, схватят беглецов.

Сильный удар Татуированного пришелся ему прямо в живот.

Он падает на землю. В мгновение ока Татуированный разматывает веревку, оставленную на всякий случай, связывает ему руки и ноги и сует в рот носовой платок; потом он бросает его в высокую траву.

— Ну, теперь мы спокойны до утра, бежим.

Он берет на руки Тотора, Марион — дочку, и они пускаются бегом к пристани. Они попытаются совершить безумный поступок. Татуированный говорит себе, что самые невероятные вещи удаются проще всего.

Кроме того, у них нет выбора и надо торопиться. Татуированный объясняет на ходу:

— Мы возьмем пирогу, переплывем Марони и будем идти всю ночь.

Марион коротко отвечает:

— Хорошо!

Надо сказать, что все лодки, как частные, так и казенные, прикреплены к берегу цепями, запертыми на замок; кроме того, весла каждый вечер уносят на склад.

Всем запрещено выезжать ночью без сопровождения часового, который должен знать пароль. Это правило относится ко всем обитателям каторжной колонии: торговцам, рудокопам, чиновникам и путешественникам. Во всех, нарушающих его, стреляют без предупреждения.

Беглецы знают это правило, но не колеблются.

Около берега качаются штук двадцать пирог. В ста шагах ходит взад-вперед часовая. Перед караульной стоят двое других. Шесть пар глаз направлены на сушу и на воду.

К счастью, ночь темна, и все окутано легким туманом. Тихо, сгибаясь до земли, два человека подходят к воде.

Татуированный решительно погружается в воду. Марион подает ему весла и провизию, добытые у Виконта. С удивительным хладнокровием он кладет все это в пирогу.

Теперь наступает очередь детей. Сперва Лизетта, которая вся дрожит и сердце которой бьется, как птич-

ки. Затем Тотор; он даже й глазом не моргнул, он много повидал за это время.

Готово. Татуированный тихо говорит:

- Вам, капитан, отчаливать.

Капитан! При этом звании, с которым давно уже никто к нему не обращался, Марион вздрагивает.

В момент бегства из проклятой тюрьмы это слово напоминает ему честное и славное прошлое. Он весь и поту занимает место в пироге около детей. Он укладывает их на дно лодки и ложится сам, наблюдая за берегом.

Татуированный нащупывает в цепи замок. Он вынимает тщательно спрятанного в кармане соловья, отмыкает замок и говорит капитану:

- Внимание! Не шевелитесь... я поведу вас на буксире.

Он осторожно толкает пирогу и пускается вплавь. Захваченная течением пирога выходит из гавани и плывет по реке.

Можно подумать, что течение несет огромного крокодила. Через четверть часа они недосыгаемы. Татуированный влезает на лодку, кладет цепь и говорит:

- Не посчитайте за команду, капитан, но берите посла. Самое трудное сделано, и мы спасены.

Через три четверти часа они достигают голландского берега, отныне они свободны!

Часть вторая В ОКЕАНЕ

Глава I

Речь приезжего геркулеса. — В Тринидаде. — Старые знакомые. — Татуированный. — Рисунки на коже. — Отечественная история на геле. — Песенка Горбунка. — На рейде. — Ураган. — Лодки в опасности. — Страх. — Тонут. — Самопожертвование.

Тра... та... там!.. Тра... та... там!.. Руки атлета с невероятной силой бьют в барабан, производя убийственный шум. Любопытные, фланирующие по берегу, приближаются, заинтригованные, надеясь на развлечение.

Портовые рабочие, негры, английские солдаты в белых касках и красных туниках, купцы, для которых

прибытие в Тринидад любой французской шаланды является настоящим праздником, индусы в огромных тюрбанах — все собираются вокруг атлета.

На земле постлана большая скатерть: на ней гири, гантели для гимнастики, якорь и несколько шаров — словом, все необходимые для приезжего геркулеса инструменты.

Перед ним — прекрасная панорама испанского порта, но он не обращает внимания на всю эту красоту, а, повернувшись к ней спиной, окидывает довольным взглядом толпу, которая все увеличивается.

Он одет в холщовые брюки и рубашку, голова покрыта рваной шляпой.

Он бьет последний раз в барабан и останавливается.

Потом обращается к собравшейся публике со следующей речью:

— Милостивые государины и милостивые государи!

Мы приехали сюда не для того, чтобы обманывать вас, потому что мы истинные артисты и обладаем силой, которая служит лучшим украшением человеку и позволяет нам не прибегать к разным артистическим уловкам.

Потому, более не злоупотребляя вашим терпением и не возбуждая далее вашего любопытства, мы обещаем показать вам то, что вы никогда не видели и не увидите.

Перед вами — всемирный чемпион, борец, которому нет равного, выступавший перед многими коронованными особами, главным образом, перед Его Высочеством принцем Уэльским, в честь которого я предлагаю трижды прокричать «ура».

Он бьет в барабан... там-та... там.

Потом раздается троекратное «ура».

Пощекотав таким образом патристическую жилку своей аудитории, он продолжает:

— Лучшая реклама всегда самая короткая, опирающаяся на факты.

Вот факты, которые я представляю на ваше усмотрение, поручая себя вашему великодушию.

Наши средства, к сожалению, не позволяют нам работать только ради славы.

Для начала этого удивительного представления я покажу вам татуировку, подобной которой вы не найдете в целом свете и воспроизведение которой потребовало двенадцати месяцев работы.

Моя спина, грудь и конечности являются, как вы увидите, музеем нашей национальной славы, вы увидите портреты наших наиболее знаменитых соотечественников, притом сходство мы гарантируем.

Потом господин Тоттор, стоящий перед вами, споет нам хорошенькую песенку под заглавием «Горбунок», что, как вы видите, очень подходит к случаю.

После этого мамзель Лизетта соберет подаяние. Мы будем вам благодарны за все монеты, какие вы нам дадите: пенсы, шиллинги, кроны и соверены, медь, серебро и золото — все равно.

После этого я с этой осью, весящей 300 фунтов, проделаю штуки, как с простым ружьем; я буду жонглировать этими ядрами, я подниму десять человек на этом якоре.

Я покажу еще много разных штук, даже самых невероятных, лишь бы они вам нравились и вы за них платили.

Ну, музыка, начинай!

Музыка, оркестр — это попросту один барабан, зато который гремит под сильным ударом палочек, трещит и звенит, точно целая батарея.

Наконец человек останавливается, расстегивает пояс, снимает рубашку, стягивает брюки и остается с голыми руками, ногами и торсом, одетый, как и все приезжие борцы, лишь в маленькие панталоны. Шепот удивления встречает эту удивительную картину.

От затылка до пят, по шее до ушей, от плеч до конца пальцев кожа покрыта разноцветными рисунками. Две большие картины с очень сложным сюжетом составляют главную часть этого удивительного музея. Одна — на груди, другая — на спине.

Но это не та наивная и неискusstная татуировка с яркими красками, которая бывает у моряков. Это настоящее произведение искусства, терпеливо исполненное каким-то мастером.

В стороне от главных картин — множество побочных сюжетов, расцвеченных флагами, патриотических аллегорий, сентенций, девизов, портретов героев войны, морских или сухопутных, — все в неслыханном количестве. Некоторые портреты, окруженные щегольской рамкой, словно прикреплены железными или медными гвоздями!

Когда татуированный человек вздыхает или расправляет свою богатырскую мускулатуру, все это смеш-

но сжимается и расправляется, как на колеблемой ветром ткани.

Гордясь произведенным эффектом, он продолжает очень довольным голосом:

— Здесь вы видите бомбардировку Фу-Чу, один из славных эпизодов франко-китайской войны. Вот «Вольта», на котором виден адмирал Курбе, окруженный своим штабом. Вот «Баяр», привезший во Францию останки знаменитого моряка.

Вот здесь, наверху, его портрет с аллегорическим изображением Франции, которая творит вокруг него ореол из трех цветных знамен...

Любопытство возрастает. Зрители с удивлением приближаются и громко выражают свой восторг.

Этот первый успех заставляет Татуированного просиять. Он подмигивает и шепчет:

— Мы хорошо заработаем и притом без всякого труда.

Он продолжает, любезно показывая свою геркулезову мускулатуру.

— Прошу прощения у почтенного собрания, что мне придется повернуться к нему спиной. В этом нет оскорбления, я хочу лишь показать им не менее славный, хотя и мирный эпизод нашей отечественной истории.

Вы видите, господа, великолепную картину, представляющую въезд в Париж нашего союзника Его Величества русского царя с супругой. Посмотрите, какое сходство.

Перед ним в большом праздничном ландо сидит покойный президент французской республики господин Феликс Фор.

Смотрите, господа, смотрите ближе и удивляйтесь.

Вот на моей левой руке портрет знаменитого президента с его шляпой в шестнадцать оттенков, с моноклем, широкой лентой на белом жилете, серым пальто и белыми гетрами. Какие замечательные детали, какое сходство, экспрессия!

Вот еще неплохие портреты храбрых генералов нашей молодой армии.

Успех этой единственной в своем роде выставки возрастает с минуты на минуту. Увлеченные зрелищем, они не замечают, что ветер с каждой минутой становится свежее и что волны вздымаются все выше.

Приближается ураган, один из тех ужасных вихрей,

которых ничто не предвещает и которые возникают в одну минуту, сея крушения, разорение и смерть.

Тотор подымает голову, видит надвигающуюся с северо-востока черную тучу и восклицает:

— Боже мой, папа в море на плоту!

Татуированный возражает, пожимая плечами:

— Не бойся, малыш, капитан Марион — один из лучших моряков на свете. Во всем флоте мира нет ему равного. Его также беспокоит ветер на море, как буря в стакане сидра.

— Ты прав, Татуированный, но я все же боюсь.

— Не бойся, говорю тебе. Нужно заработать немного деньжонок, чтобы скорее выбраться из этой проклятой Америки. Ну, начинай свою песенку! Господа! Пока вы рассматриваете рисунки, украшающие вашего покорного слугу, и перед тем, как я покажу вам свою силу, господин Тотор споет вам песенку о горбунке. Ну, малютка, живо! Твой нежный голосок скорее раскроет карманы и вытрясет из них денежки.

Устремив взор на чернеющий горизонт, маленький горбун поет с дьявольским удалством песенку, осмеивающую его уродство.

Раздается шумное несмолкаемое «браво». Перчатки английских солдат трещат по всем швам от аплодисментов.

Между тем ветер усиливается, раскачивая ветки капустных и кокосовых пальм; море начинает волноваться. Маленький горбун продолжает свою песенку, не сводя глаз с горизонта. Его последняя нота покрывается сильным грохотом, заглушающим рукоплескания публики.

Раздается выстрел из портовой батареи; маяк усиливает тревожные сигналы. Ураган на море — приказ лодкам, плавающим по рейду, вернуться, приказ большим судам сняться с якоря и выйти в открытое море.

Волнение в одно мгновение распространяется вокруг. Круг любопытных рассеивается, каждый бежит во всю прыть, оставив Татуированного с двумя детьми и разными атлетическими приспособлениями без гроша.

Но эта неудача их не волнует. Несмотря на уверения Татуированного, их охватывает безумный страх за отца.

На глаза детей навертываются слезы, тихие слезы существ, привыкших страдать.

Они испуганно смотрят на море, которое быстро

подкатывает к берегу, рычит и вздымается с оглушающим шумом.

Лодки, ушедшие для увеселительных прогулок, возвращаются, сильно накреняясь, грозя каждую минуту перевернуться.

Шаланды, перевозящие товар со стоящего на якоре парохода, очень тяжело нагружены и, кажется, вот-вот пойдут ко дну. Но они благополучно достигают берега. Вскоре в море остаются только плот и лодка, отделенные друг от друга приблизительно тридцатью саженями.

Обе находятся на расстоянии трех кабельтов от берега, то есть около шестисот метров.

Все содрогаются при виде их, так как никакая помощь не возможна, и рейд кишит акулами.

Тысячи зрителей стоят на берегу, наблюдая готовящуюся драму, катастрофу, которая приближается с каждой секундой. На плоту три человека: два черных матроса и один белый, который держит шест.

— Папа... это папа! — испуганно кричат дети, узнавая гордый силуэт шкипера.

На лодке находятся четверо: два матроса и два пассажира, мужчина и женщина.

Это изящная увеселительная парусная лодка, очень быстрая, хорошо и крепко устроенная, и на ней великопные моряки.

Двое путешественников, муж и жена, приехавшие на французском пакетботе, идущем из Колона в Гавр, взяли лодку, чтоб покататься во время стоянки в гавани по волнам Атлантического океана.

Наклонясь на бок и летя с быстротой птицы, лодка, к общему удивлению, не перевертывается.

Один из двух матросов фактически находится вне лодки, как делают часто моряки этой местности: он зацепился, как обезьяна, за лиссельспирт, на котором натянут шпринтов и который более чем на метр выступает за борт в сторону ветра.

Таким образом, он составляет противовес толчкам ветра, и лодка, качаемая, наклоняемая, заливаемая водой, готовая каждую минуту перевернуться, держится на волнах.

Стаи морских птиц, гигантских любителей бури, сопровождают лодку, находящуюся в опасности: буре-вестники, олуши, фазтоны, фрегаты кружатся над лодкой с резкими криками, в то время, как стаи акул

приближаются исподтишка, чуя близкую добычу, и попинывают только свои спины стального цвета.

Опираясь на два хорошо управляемых весла, толканный маленьким четырехугольным парусом, шкот которого может быть каждую минуту ослаблен шкипером, плот чувствует себя гораздо лучше лодки. Он конвоирует лодку, готовый каждую минуту прийти ей на помощь.

Молчаливо, сдерживая дыхание, толпа на берегу трепетно следит за происходящим.

Прижавшись к Татуированному, горбун и его сестра смотрят на отца расширенными от ужаса глазами. Но в силах ни вымолвить что-нибудь, ни шелохнуться, они вздрагивают, когда оба суденышка, показавшись на минуту на гребне волны, провалились вместе с ней под новыми водяными горами урагана. Сухой треск. Дерево, которое поддерживало парус, сломалось, как соломинка. Человек, зацепившийся за лиссельспирт, полетел в море, следом — парус, как намокшая тряпка. Лодка опрокидывается, переворачивается и показывается уже килем кверху.

Крик ужаса проносится по толпе! Пассажиры и матросы, сброшенные в океанскую пропасть, отделены друг от друга гигантскими валами. Никто не решается, да и не может попытаться их спасти. Это значило бы идти на верную смерть.

Раздается новый крик. Крик восхищения и надежды. Один решился совершить то, о чем никто на берегу даже не мог подумать. Марион, капитан Марион, отец двух дрожащих детей, сильным движением бросается в конец плота. Он кричит двум своим матросам:

— Держите крепче!

Потом он ослабляет шкот, выпускает шест, хватает нож, зажимая в руках, и бросается в море.

Акулы кишат вокруг утопающих, которые испускают отчаянные вопли, а неустрашимый бретонец, услышав французские голоса, не колеблется, готовый пожертвовать жизнью, чтобы спасти несчастных.

Глава II

Акулы. — Убийство. — Жертва. — Энтузиазм. — Спасены. — Благодарность. — В гостинице «Эльзас». — Ужасная история. — После бегства. — Для хлеба насущного. — Вкладчик и арматор. — Много денег. — Выходец с того света. — Повар.

Волна разбросала утопающих во все стороны. Корпус лодки — в воде, а киль — в воздухе. Морские птицы слетаются, кружатся, испуская резкие крики:

Быстро работая плавниками, акулы прорезают волны. Чудовища сужают круг.

Неустрасимый спаситель, великолепный пловец — это отец двух детей, капитан Марион. С вершины волны он замечает несчастных, которые борются с волнами... их синеватые лица кажутся застывшими на серой воде.

Душераздирающий крик как предсмертная жалоба пронзает воздух. Женский голос произносит одно имя:

— Поль... на помощь... Поль!

Заглушаемый волнами голос мужчины вопрошает со смертельным страхом:

— Жанна... где ты... Жанна?

— Мужайтесь, — кричит Марион, беря в руки нож.

Несчастливая женщина замечает около себя ужасную пасть акулы. С острыми, как ножницы, зубами, с полукруглой челюстью, чудовище шумно высовывается из воды, наполовину поворачиваясь, чтобы схватить добычу. Крик ужаса вырывается у жертвы, которая будет смята, разодрана и заживо сожрана.

— Поль, ко мне... я умираю!

С быстротою молнии Марион подныривает под акулу и вонзает ей в брюхо нож по самую рукоятку. Смертельно раненное чудовище отступает. Но человек держит железной рукой свое оружие. Рана увеличивается, открывается, длинная, глубокая, огромная. Внутренности вылетают с потоком черной крови... плавники слабо шевелятся... акула приподымается, переворачивается и плывет по морю, как неуправляемое судно. Свободной рукой геройский моряк хватается женщину за волосы и кричит ей:

— Спокойнее... цепляйтесь за корпус лодки, двигайте ногами... не выпускайте... я буду спасать других.

Лодка — рядом; она ухватывается за нее с бессознательной энергией утопающих, понимая, что нужно биться, чтобы отогнать акул, и шепчет:

Спасибо... мой муж... спасите его!

Раздается звук, напоминающий рычание изувеченного животного. Это акула схватила одного из матросов. Ужасный звук ножиц, ломающих кости... Потом быстрое клокотание... новое рычание короче и ужаснее, две борющиеся руки исчезают... несчастный уничтожен, схвачен, искромсан.

Женщина все время зовет мужа, который пытается приблизиться. Но, отягощенный своей одеждой, он плохо плавает, задыхается, еле-еле подвигается вперед.

Голос прерывается, когда он кричит:

Жанна... я здесь... мужайся... Боже мой... сюда... на помощь.

Все это продолжается несколько секунд; так быстры все перипетии этой ужасной драмы.

Пассажир видит возникшую рядом пасть акулы. Несмотря на все мужество, дрожь охватывает его, когда плавник морского разбойника касается одежды.

Он чувствует, что погибает. Смерть настигнет его на глазах обожаемой супруги, которая обезумела от ужаса. Марион слышит зов и видит опасность. Голосом, привыкшим перекрывать морской шум, он кричит:

— Двигайте руками и ногами, отбивайтесь.

Потом он снова ныряет под акулу, которая уже повернулась, чтобы поглотить измученных утопающих. Клинок вонзается в шероховатую кожу чудовища, разрывает мясо, распарывает внутренности. Животное, пораженное насмерть, исчезает.

Храбрый моряк и удивительный спаситель! Толпа, которая издали возбужденно следит за происходящим, восторженно аплодирует, эти крики и аплодисменты долетают до утопающих, которые наконец собрались вокруг корпуса лодки и конвульсивно обнимают своего спасителя. Второй матрос оказался счастливее своего товарища и доплыл до пассажиров, выписывающих в воде такие па, которые при всяких других обстоятельствах показались бы смешными.

Тихо, тяжело приближается плот.

— Причаливай тише... причаливай! — командует Марион.

Трудный и опасный маневр, потому что лодка, за которую держатся утопающие, может быть разбита ударом.

— Твое весло! — кричит капитан одному из матросов.

Человек понимает и протягивает весло.

— Сударыня, держитесь за него крепче, — кричит еще раз капитан.

Молодая женщина, которая немного пришла в себя, понимает и двумя руками хватается за весло. Матрос осторожно тянет, и изможденная женщина добирается наконец до борта, хватается за него и взбирается наверх.

— Теперь ваша очередь, сударь, — командует капитан.

Та же последовательность движений, и тот же успех.

— Поль... мой Поль... мы спасены, — шепчет со слезами нежности восхитительное создание, и ее белое, как мрамор, лицо освещается улыбкой.

— Жанна, милая Жанна, — вздыхает муж, опускаясь на разбросанные тюки.

— Твоя очередь, товарищ, — продолжает неустрашимый капитан, обращаясь к матросу.

Потом он взбирается и сам, шепча:

— Какое несчастье, что не удалось всех спасти. Зачем понадобилась жертва?

В то время, как спасенные жмут руку своему спасителю и выражают благодарность, толпа топает от восторга.

Дети, гордясь своим отцом, плачут, хлопая ручонками.

Они с Татуированным подошли к самому краю берега, заливаемому водой и покрытому пеной, и кричат, радостные и восторженные:

— Папа!.. Это мы!.. Вот и ты... милый папа!

• И Татуированный рычит голосом, годным для зазывания на цирковое представление:

— Да здравствует капитан Марион!.. Да здравствует француз!

Рискуя разбиться, плот причаливает. Марион бросает кабельтов. Протягиваются руки и хватают швартов. Тянут его изо всех сил, и тяжелая лодка наконец оказывается на песке.

— Спасены... спасены... — рычит толпа. — Браво!.. Браво... да здравствует спаситель... его имя? Его имя?

Марион живо выскакивает на землю, и дети, обезумев от радости, бросаются в объятия отца, который мокрый, как морской бог, нервно прижимает их к груди. Татуированный, наблюдая за этой нежной сценой глазами верной собаки, шепчет:

Каков человек — мой капитан! Да, да, каков человек?!

А тот, столь же скромный, как и неустрашимый, хочет поскорее избавиться от этого энтузиазма толпы, переходящего в безумие, и уводит своих детей.

— Ах, папа, как я боялась, — шепчет Лизетта, все еще дрожа, в то время, как Тоттор, стараясь выпрямить свою изуродованную спину, говорит:

— Я не боялся, я знал, что папа всех спасет, несмотря на акул и на бурю.

Видя, что он хочет скрыться, молодой человек и молодая женщина хватают его за руки и кричат:

— Не покидайте нас... мы вас умоляем, пойдемте с нами.

— Но, сударь... но, сударыня... к чему же?

— Как к чему? — восклицает молодой человек, — чтобы мы могли с вами познакомиться и выразить им благодарность, которую мы испытываем... сказать им, кто мы такие, и узнать, кто вы... чтобы наконец сказать вам, который спас нас друг для друга, что вся наша жизнь принадлежит вам...

Марион с потемневшим лицом умолкает, опускает глаза и, не зная, что делать, бормочет:

— Это совсем напрасно... О... если бы вы знали.

— Я знаю, что вы герой.

Большое ландо, управляемое малабарским кучером, останавливается в нескольких шагах. Молодая женщина подхватывает обоих детей за руки и тащит к коляске. Ее муж слегка подталкивает Мариона, который волею-неволей соглашается. Татуированный вскакивает на козлы, и молодой человек кричит:

— В гостиницу «Эльзас».

Коляска быстро удаляется, сопровождаемая громовым «ура».

Через несколько секунд коляска останавливается перед большим домом, украшенным французским флагом.

Прибегает хозяйка; узнав двух своих жильцов, она удивляется, видя, что с них ручьями течет вода, приказывает приготовить комнаты и платья для смены, и молодая женщина в это время говорит:

— Милая мадам Герман, накройте нам стол для завтрака в отдельной комнате. Скорее, скорее дайте все, что есть у вас лучшего.

Минут через десять молодая парочка, высохшая,

слегка отдохнувшая и окончательно оправившаяся от пережитого, радостно входит в комнату, где находятся Марион, Тотор, Лизетта и Татуированный. Оба протягивают своему спасителю руки, которые тот колеблется взять и, не ожидая их слов, говорит грустным голосом:

— Вы хотели знать, кто я такой? Я — беглый каторжник.

— Ну, это мне совершенно безразлично, — говорит молодой человек, крепко пожимая ему руку. — Я сказал, что вы — герой, и не отказываюсь от своих слов.

Тотор с гордостью прибавляет:

— Знаете, сударь, папа невиновен, клянусь вам в этом!

Лизетта, устремляя на молодую женщину свои горящие черные глаза, произносит своим звонким голосом:

— Как он страдал... о милый папа... и как мы его любим...

Снова рукопожатия, глаза наполняются слезами. Благородные сердца понимают друг друга. Эти два чужих человека поняли трагедию разбитой жизни, долгое мученичество, ужасную несправедливость, оставленную без исправления.

Молодой человек глубоко вздыхает и продолжает:

— Мой лучший друг, мой любимый брат тоже был невинной жертвой юридической ошибки, и я тем более сочувствую вашему горю, что пробыл с ним несколько проклятых часов, во время которых невинный человек, уничтоженный, боролся против общественного мнения, против судейской слепоты, против ненависти действительно виновных.

— Это и моя история во всей ее ужасной простоте! — говорит Марион, с грустного лица которого исчезло беспокойство.

— Мы знаем, что вы благородны, но, к несчастью, этого недостаточно... Теперь два слова, чтобы представиться: я бывший журналист и покинул эту карьеру после Клондайка, где нажил огромное состояние. Зовут меня Поль Редон... Я бретонец, как показывает мое имя, а это моя жена. Мы путешествуем ради удовольствия, и это путешествие чуть не кончилось завтраком акул, не будь вашего самопожертвования.

— А я — капитан Марион, из Сен-Мало.

— Вы мой соотечественник... вы Марион... Пьер-Андре Марион?

Вы меня знаете? — удивленно спрашивает моряк.

Тем более, что мне известна вся ваша история. И один из тех, которые всегда верили в вашу невиновность и энергично защищали вас в парижской прессе, когда морской суд имел подлость вас осудить.

Марион радостно слушает его, и этот бесстрашный человек, которого не трогают самые ужасные опасности, еле может прошептать:

— Вы верили в мою невиновность... о, как это хорошо... как хорошо!.. Милый друг, чем бы я мог отплатить вам за это?

— Милый благодетель... не забывайте, что вы уже отплатили нам и притом по такому большому счету, что его невозможно представить.

Моряк весь преобразился.

Дети, которые больше не видят горькой складки около рта отца, радостно улыбаются. Мальчика притягивает этот молодой человек с гордой наружностью, который так благородно говорит и слова которого заставляют его плакать от счастья.

Лишенная уже давно материнской ласки, к тому же угадывая в госпоже Редон одно из тех существ, которые полны сострадания и нежности, Лизетта прижимается к ней и прикасается своими жаждущими поцелуев губками к ее щекам; и молодая женщина, чувствуя, какое сокровище нежности таит сердце этого ребенка, сажает девочку к себе на колени и страстно обнимает ее.

Наступает минута молчания, полная глубокого волнения и незабываемых переживаний. Красивая негритинка, одетая в цветные одежды, приходит доложить, что завтрак подан.

Редон, к которому вернулась его веселость, говорит моряку:

— Предложите руку моей жене и перейдемте в столовую: меня истощили волнения, и я чувствую в себе аппетит акулы.

— Но посмотрите на меня, я выгляжу, как...

— Спаситель.

— Но не особенно сухой.

— Ерунда! Теперь 35 градусов, мое платье уже почти сухое, и раз вы так любезны...

Все проходят в небольшую комнату, хорошо освежаемую опaxалами. Стол сверкает хрусталем и серебром. Аппетит разгорелся от пережитых волнений.

Все усаживаются вокруг стола, едят, без устали говорят. Сколько нужно рассказать!

Былые несчастья, мучения каторги, ужасные часы напрасного ожидания, годы отчаяния, бегство.

Редон и его жена слушают эти ужасные истории, рассказываемые совершенно просто, со слезами на глазах.

Какая мучительная драма жизни!

Капитан Марион продолжает:

— После бегства, единственного в хронике этого ада, мы все четверо очутились на голландском берегу. Приходилось жить довольно плохо, питаться яйцами черепах, раковинами, дикими фруктами, жареной рыбой, правда, последнее блюдо очень редко. Но у нас много мужества. У детей восхитительная энергия. О, милые малютки! Какая решительность, какая выдержка, какая любовь!

— Ангелы и одновременно герои, — прерывает Татуированный, который успевает есть, пить, слушать, говорить и умиляться в одно и то же время.

— Да, — важно прибавляет Тотор, — мы были Робинзонами.

— Но быть Робинзоном в жизни не так интересно, как в книге, не так ли, дружок? — замечает, улыбаясь, Редон.

— О да, сударь, — отвечает уверенно горбун.

— Наконец мы добираемся в Суринам, после происшествий, о которых не стоит говорить. Мы находим в порту работу... нас нанимают носильщиками... наши руки и плечи — лучшая аттестация, и мы зарабатываем достаточно, чтобы не умереть с голоду. Но между Голландией и Францией есть соглашение о выдаче преступников; по закону власти должны выдворить нас в Сен-Лоран. Вернуться на каторгу! Лучше смерть. Предупрежденные, что будем арестованы, мы прячемся на трехмачтовом судне, отправляющемся в Тринидад. Мое знание английского языка, рассказ о наших несчастьях, вид детей, — все это трогает капитана, который великодушно предлагает нас доставить в Тринидад. Здесь снова начинается для нас нищенство. Но если нам и тяжело жить, зато мы свободны и в безопасности. Поскольку я моряк, то быстро нахожу для себя занятие, а мой друг, который всегда жил только на суше, ничего не понимая в плавании, остается на берегу с детьми. Во время праздников он зарабатывает

несколько су в качестве приезжего артиста. Он демонстрирует свою силу и чудесную татуировку; это единственное в мире произведение искусства на человеческой коже. Тотор поет «Горбунка», а Лизетта собирает подаяние. В это время я помогаю на плотках разгружать суда, стоящие на рейде, и бываю счастлив, когда французское судно со своим трехцветным флагом приносит мне далекий привет с моей родины. Это продолжается шесть месяцев, и мы живем, изо дня в день ожидая лучших времен. В общем, дни проходят очень быстро, и у меня еле хватает времени заниматься обучением детей, которых я не могу отправить в английские школы.

Довольно мучительное существование, — замечает Редон, — из которого не видно скорого выхода. Могу ли я узнать, что вы планируете в дальнейшем, или что возлагаете надежды?

— В будущем, к сожалению, достаточно далеко, и желал бы разыскать негодяя, который меня обесчестил, заставить его сознаться в преступлении, добиться своего оправдания, вернуться во Францию и устроить жизнь моих детей.

— Конечно, у этих законных и благородных желаний существует масса препятствий?

— Да, и, прежде всего, полнейшая бедность.

— О, какое счастье, что у меня явилась мысль покататься по морю во время стоянки судна, которое везет нас во Францию! — вдруг восклицает госпожа Редон.

— Почему же, сударыня? — спрашивает Лизетта, глядя восхищенно на свою новую подругу, которая заботится о ней, как старшая сестра или маленькая мать.

— Потому, малютка, что, спасая нам обоим жизнь, наш отец имеет право на вознаграждение с нашей стороны, и, так как за одним добрым делом обязательно следует другое...

Краска выступает на лице капитана, который с живостью восклицает:

— О, сударыня, не омрачайте предложением денег то счастье, которое я испытываю от сознания, что оказал вам маленькую услугу...

Радостный смех вырывается у Поля Редона, который весело говорит:

— Подумай, Жанна, наш милый благодетель назы-

вает это маленькой услугой!.. Но уверяю вас, дорогой капитан, что мы с женой составляем одно целое, и если бы кто-то из нас был проглочен акулой, то другой не смог бы этого пережить.

— Я не это хочу сказать... это мне ничего не стоило... это самая маленькая... услуга.

— ...Услуга! Вы повторяетесь, друг мой... Подождите, дайте мне докончить. У нас мало времени, как раз столько, сколько будет продолжаться стоянка «Лабрадора», который возвращает нас в Гавр. Оттуда мы сейчас же едем на мыс Доброй Надежды, чтобы спасти моего друга капитана Сорви-Голова, английского пленника. Для нас дорога каждая минута.

— Но, дорогой земляк...

— Называйте меня вашим другом и обращайтесь со мной, как с таковым. Послушайте меня хорошенько... Вы умираете от желания разыскать этого мерзавца Ника Портера, занимающегося морским разбоем в известных вам краях. Но для этого вам нужно хорошее судно, солидный экипаж из молодцов и некоторая денежная сумма. Тогда вы можете плавать, сколько вам угодно, поймать пирата и добиться пересмотра вашего дела. Вы не можете запретить мне тоже сыграть роль в этом законном и не совсем обыкновенном предприятии. Это роль арматора. Я нанимаю судно, передаю вам командование им и, так как я в этих вещах ничего не понимаю и у меня нет времени для их изучения, я подписываю вам чек, два, десять чеков в банки, в которых у меня есть вклады; вы покупаете, продаете, платите... но, не скупясь... мы страшно богаты, и это будут деньги, хорошо употребленные. Довольно ли двухсот тысяч франков для первого вклада?

— Но это слишком много,— восклицает Марион, тронутый бесконечным великодушием и деликатностью.

— Хорошо, значит, двести тысяч. Теперь немного карманных денег для первых нужд. Здесь в бумажнике 60 билетов по 1000 франков. Возьмите сорок.

— Нет, это слишком, слишком много.

— Решено, мы подписываем!

Улыбаясь, Редон вынимает из кармана четыре пачки синих билетов, аккуратно скрепленных, и передает их Мариону. Так как последний колеблется и не находит ни слов, чтобы принять, ни доводов, чтобы отказаться, молодой человек передает их Татуированному, говоря:

Берите и будьте кассиром: лучших рук для этих бумажек не найти.

Дайте, сударь, — отвечает глухим голосом бывший каторжный, — эти деньги — честь моего капитана, это хлеб для малюток... Пусть мне вырвут душу, если я их кому-нибудь отдам.

Прекрасно, вот с кем можно разговаривать.

Одно слово, — прерывает мадам Редон, — в этой ужасной катастрофе была одна жертва. Несчастный моряк, который погиб на наших глазах, наверное, имел семью, и я хочу позаботиться о будущем тех, кого его смерть сделала нищими. У нас есть время до возвращения на судно; я была бы вам очень благодарна, если бы вы занялись ими и поступили по вашему усмотрению, помня, что мы очень богаты и желаем быть великодушными.

— Благодарю вас... благодарю вас, сударыня, от имени этих людей, которые будут вас благословлять.

— Это хорошо, милая, — растроганно прибавляет Редон.

Завтрак кончился. Дверь открылась. Появился молодой человек, который несет на подносе различную посуду с чайником и сахарницей. Нечто вроде метрдотеля.

Его глаза останавливаются на лице Мариона, их взгляды встречаются. Молодой человек краснеет, бледнеет и выпускает из рук поднос; звон разбитой посуды смешивается со звоном серебра; сахар рассыпается, чай и кофе разливаются на скатерть.

Следует крепкое марсельское выражение и слова:

— Мой капитан, о, мой дорогой капитан!..

Марион подымается и кричит:

— Галипо!.. Ты... ты здесь, мой маленький храбрый юнга... а теперь уже взрослый человек.

— Семнадцать лет, капитан. О, как я счастлив!..

Он скачет, плачет, смеется, давя своими подошвами остатки стекла, хрустая и ступая ногами по молоку и кофе, образовавшим на полу целую лужу.

Капитан до боли сжимает его руку, останавливает это бурное выражение радости и говорит:

— Неслыханный, чудесный случай! Это на самом деле он, юнга с «Пинтадины», единственный свидетель моей невиновности и преступления Ника Портера.

Марселец приходит в себя и отвечает с тем волнующим

щим акцентом, которым славится прекрасный Прованс.

— Вы считаете это случаем, пусть будет случай, если принять во внимание, что я дезертировал... переходил с судна на судно... и наконец пристроился в качестве повара в английской колонии. Никогда нельзя знать, что ждет тебя впереди, не так ли, капитан?

— Галипо!

— Капитан?

— Я команду судном... мне нужно набрать экипаж... и я беру тебя с собой в должности повара. Ты согласен, не правда ли?

— О, капитан... поваром... на судне — это моя мечта! Если бы меня сделали буфетчиком или адмиралом, я не был бы так счастлив.

— Хорошо, мой мальчик, распрощайся с гостиницей, собери свои пожитки и будь готов завтра к утру. Мы отправимся в Колан, Панаму, Сан-Франциско и потом будем крейсировать по неизвестным местам. Это будет очень тяжело.

— Я не боюсь... недаром я из Марселя. А разбитые вещи? — прибавил он, указывая на осколки, разбросанные по комнате.

— Ах, оставь, я оплачу!

Глава III

Светлый луч. — После прощания. — В море. — Тринидад. — Панама. — Сан-Франциско. — Покупка судна. — Парус и пар. — Что нужно для того, чтобы плавать? — Экипаж. — Кошачьи крестины. — Тринадцатый. — Лиззи. — Дорога.

Новым друзьям кажется, что стоянка «Лабрадора» слишком коротка. Нужно расстаться, так как священный долг призывает госпожу Редон и ее мужа. Через час пакетбот снимется с якоря и уйдет во Францию.

Капитан, дети и Татуированный провожают путешественников до судна, из труб которого выются клубы черного дыма.

Переезд по рейду совершается спокойно, погода тихая, но супругов охватывает дрожь, когда они замечают скользящие под водой силуэты акул.

Молодой человек обменивается долгим, нежным взглядом со своей спутницей и переносит этот взгляд на Мариона, как бы желая сказать: «Это вам мы обязаны жизнью».

Прощание очень трогательное и горячее. Любовь, родившаяся из благодарности, уже пустила глубокие корни. Они обмениваются последними рукопожатиями, и в голосе их дрожат слезы.

Раздается выстрел, и французский океанский пароход снимается с якоря; в этот момент в гавань входит английское судно. Оба парохода салютуют флагами, и английский бросает якорь.

- Это «Ассириец» Принц-Лайна, — говорит Марион, — он пойдет завтра в Колон, я воспользуюсь случаем, чтобы заказать нам места.

Они возвращаются на сушу, чтобы провести там последнюю ночь. Сборы их недолги. Галипо прощается с хозяевами, и рано утром все пятеро отплывают.

Переход от Тринидада до Колона довольно длинный, но никто не жалуется, так как поездка великолепна. Особенно довольны дети. На них уже нет нищенской одежды. И путешествуют они уже не с переселенческими билетами. У них удобная светлая каюта, хороший стол и внимательный уход.

После долгого времени бедствия и нищеты их маленькие сердца, разбитые горем, вновь бьются радостно, и в душе оживает надежда.

Стоянки быстро сменяют друг друга. Перед глазами захватывающая панорама берегов. Карупано, Гвиара, Порто Кабелло, Саванилла, Колон... И все это за семь дней.

В Колоне они садятся в поезд, направляющийся в Панаму; расстояние семьдесят шесть километров — три часа езды. В Панаме они должны целую неделю ждать прибытия американского пакетбота общества «Pacific Mail steam ship Company». Этот пакетбот дважды в месяц совершает каботажные рейсы между Панамой и Сан-Франциско.

Через восемь дней они садятся на пароход «Онтарио» и в течение пятнадцати дней плывут вдоль берега Тихого океана.

Наконец перед ними Сан-Франциско. Огромный шумный город, столпотворение всех рас и народов, где задумываются колоссальные предприятия и где кончается торговый путь между Азией и Америкой.

Нашим путешественникам некогда осматривать достопримечательности города. Время не терпит!

Капитан Марион прибыл сюда, чтобы купить судно и набрать экипаж. Остальное его не интересует.

Устроившись в гостинице, он энергично принимается за поиски. Сперва — судно.

Начальник порта указывает ему на имеющиеся в продаже суда.

— Парусное или паровое?

Мариону не нужен пароход, только парусное судно. Для него это вопрос не только эмоций, но и знаний.

Во-первых, Марион — бретонец из Сен-Мало, прирожденный моряк. Он любит и признает лишь парусное плавание, которое воспитывает мужественных людей моря. К сожалению, с каждым годом уменьшается число тех поклонников океана, для которых парусное плавание имеет душу, а между судном и экипажем видится чудесная связь, нечто вроде взаимного понимания, общности существования и воли.

Помимо этой чисто психологической стороны, парусное плавание имеет еще то преимущество, что оно не знает тех неудобств, с которыми сопряжено плавание на пароходе. Оно застраховано от многих аварий, угрожающих пароходу, главным образом связанных с порчей машины. Оно не загромождено двигателями и складскими помещениями для угля.

Парусное судно не нуждается в специальном экипаже и не должно заботиться в пути о топливе.

Корпус его лучше приспособлен против ударов посторонних тел, главным образом кораллов, которыми изобилуют моря, где Марион предполагал пробить очень долго.

Пробоина на стальном корпусе парохода часто влечет за собою его гибель, тогда как для парусного судна она — пустяк.

Кусочек доски, горшок дегтя, немного пакли, кусок сала — и дыр нет. Дело сделано.

Парусное судно, заблудившееся в подводных скалах Тихого океана, всегда может обойтись собственными средствами и при умелом управлении может двигаться даже с куском шеста и тряпкой вместо паруса.

Теперь понятны мотивы, руководившие Марионом при выборе судна, и дальнейшее покажет, насколько он был прав.

С помощью начальника порта Марион осматривает продающиеся суда, и через два дня дело завершается.

У него теперь есть хорошенькая трехмачтовая шхуна в четыреста тонн; кокетливая и легкая, как яхта, с выгнутыми назад мачтами, совершенно новыми

сияющими, блестящими медными частями и заново выкрашенным корпусом. По стоимости ее — тридцать пять тысяч франков наличными — это великолепный случай, тем более, что она может выйти в море через двадцать четыре часа, и остается только снабдить ее провиантом и набрать экипаж.

Пока налицо только двое: капитан и повар. Первый мечтает о предстоящей эпопее, которая вернет ему честь, а второй выдумывает фантастические блюда, какие только может изобрести провансальский мозг.

Вопрос об экипаже весьма важен, и Марион заметно волнуется. В случае боя ему нужны храбрые, привыкшие к опасности и, главное, верные люди.

Он рассчитывает нанять двенадцать человек, между ними должны быть кузнец и плотник; затем старший помощник, боцман, юнга, капитан и повар — всего семнадцать человек.

Татуированный в состав экипажа не войдет, а будет плыть в качестве пассажира. Он говорит, что может быть полезен во многом, и это весьма вероятно, так как его пребывание «там» сделало из него всезнающего человека. Пока он держит себя скромно и ни на минуту не покидает детей в то время, как их отец снаряжает экспедицию.

Трудно представить себе то огромное количество вещей, о которых должен позаботиться капитан.

Немного мелкого товара на продажу и масса оружия: каронада старинного образца, разрывной снаряд, два мукшетона, двадцать винчестеров, охотничьи ружья, револьверы, гранаты, топоры и сабли, — словом, целый арсенал. Затем шлюпка и каучуковый плот, плавательные пояса, водолазный аппарат, три торпеды, кузнечный горн и тщательно упакованные взрывчатки.

Через три дня все готово и доставлено на судно. Капитан с детьми, Татуированный и Галипо перебираются из гостиницы на судно.

Матросы являются по объявлению в большом количестве; большинство из них американцы с блестящими рекомендациями, огромного роста, сильные, неустрашимые, с блестящими глазами и темно-красными лицами, украшенными национальной бородкой. Капитан выбирает из них девять человек, то есть половину своего будущего экипажа. Его печальное положение бывшего каторжанина, хотя бы и невиновного, запре-

щает ему плыть под французским флагом, поэтому он выбирает американские цвета.

Флаг на судне определяет его принадлежность, но судно должно иметь много разных удостоверяющих документов: паспорт, или патент на навигацию, договор о найме судна, список служащих, декларации места постройки, родины капитана, офицеров, экипажа и наконец документы о подданстве капитана, который должен принадлежать к той нации, под чьим флагом идет судно и к которой принадлежит большая часть экипажа. Поэтому Марион и не нанимал французов, за исключением Галипо, который считался эмигрантом.

В Америке все трудности устраняются деньгами. Не надо ничего, кроме простого прошения властям и пачки зеленых казначейских билетов «green backs», чтобы поддержать это прошение и сделать власти уступчивее. В двадцать четыре часа капитан и повар стали гражданами Соединенных Штатов.

Все остальное образовалось само собой. По странной случайности Марион встретил своего старинного приятеля, хорошего моряка, прекрасно знающего острова Тихого океана. Марион предложил ему место старшего помощника, которое тот принял с восторгом. Это луизианец Гранжан, француз по происхождению.

Через восемь дней экипаж был сформирован. Список служащих закончен, провизия доставлена, бочки наполнены водою. Осталось только сняться с якоря. В последнюю минуту является еще один матрос и предлагает свои услуги. Это пожилой человек, сильный и ловкий, но с ужасным лицом, представляющим сплошной шрам: щеки зашиты, нос свернут на сторону, рот искривился; складывается впечатление, будто он был заживо сварен.

Его изношенная одежда указывает на глубокую бедность. Он свободно говорит по-французски.

Капитан принимает его на палубе, где играют Тотор, Лизетта и юнга Бой, которые уже отлично познакомились. Сейчас они крестят находящихся на палубе кошек, и эта важная церемония вызывает у них взрывы безумного смеха.

— Я предлагаю, — говорит горбун, — назвать кота Крысенком; это имя часто встречается в баснях.

Кот сидит на задних лапках и, поглаживая свои усики, следит за аппетитным кусочком сала, который показывает ему юнга.

— Ну нет,— говорит Лизетта,— Крысенок больше подходит к крысе, лучше назовем ее Мумус, это так красиво: Мумус. Не правда ли, Бой?

— Как хотите, мисс Лиззи,— отвечает Бой на местном наречии (он — уроженец Нового Орлеана и произносит слова в нос).

— Тогда я назову кошку Беляночка,— продолжает Лизетта.

— Но так называют коз,— говорит Тоттор, желая подразнить сестренку.

— Ну ладно, в таком случае ты назови кота Крысенком, а я кошку Беляночкой, ты согласен, братец?

— Согласен, согласен, моя Лизетточка!

Человек долго смотрит на веселую группу и делает жест отчаяния, когда капитан ему говорит:

— Мой друг, мне очень жаль, но у меня нет свободного места.

— Ах, капитан, я просто в отчаянии, меня нигде не принимают, я знаю, что мой вид всех отталкивает, но я чуть не лишился жизни во время одного пожара, и с тех пор я нигде не могу устроиться, а между тем я не брезгаю никакой работой. Вытащите меня, дайте мне какое-нибудь дело.

— Вы француз? — спрашивает Марион в то время, как дети с ужасом и жалостью смотрят на несчастного.

— Да, капитан, я служил в военном флоте и имею чин капрала, что доказывает моя книжка.

— Покажите-ка ее!

Человек не лжет. Его книжка подтверждает, что Тато Леон родился в Ропане; на службе был три года, из коих один год квартирмейстером; кроме того, он аттестован и за хорошее поведение. Все же капитан колеблется, разглядывая его ужасную физиономию. Он вытаскивает бумажник и хочет открыть его, чтоб оказать несчастному помощь, но тот останавливает его умоляющим голосом:

— Капитан, только не это... не надо милостыни... я горд... Дайте мне работу, я прошу только работу.

Татуированный все время внимательно изучает его и спрашивает сам себя:

— Где я, черт возьми, слышал этот голос? Если бы он был охрипшим от водки, то можно было бы подумать, что это голос господина Перно, его фигура, его осанка. Но я, кажется, схожу с ума, наш прохвост смотритель, вероятно, сейчас идет за водкой к Виконту или уже

ходит пьяный, лаская своей тростью спины каторжан.

Дети подошли к говорящим и шепчутся между собой. Маленький горбун держит в руках Крысенка, а Лизетта трет свою щечку о мордочку Беляночки, которая мурлычет.

— Не правда ли, братец, этот человек очень несчастный?

— Да, очень!

— Может быть, он голоден?

— Это ужасно быть голодным, ты помнишь?

— Так как мы теперь богаты, благодаря господину Редону, я не хочу, чтобы около меня были несчастные люди.

— Когда я вижу его, мне хочется плакать.

— Так я попрошу папу принять его.

— Попроси, сестрица!

Малютка с кошкой на руках приближается к капитану, ласково говоря своим нежным голосом:

— Милый папочка, ты доставишь нам большое, очень большое удовольствие — и мне, и Гектору, — если оставишь здесь того человека... того господина, который тебя просит.

Марион ни в чем не может отказать своим детям, а эта просьба, кроме того, указывает на их доброе сердце. Но он все-таки колеблется, зная, что проверить книжку невозможно. Ни одной черты этого ужасного лица нельзя узнать. Кто скажет, не украл ли он книжку и не спрятался ли за личиной безупречного моряка? Каторга — ужасная школа, которая учит никому не доверять.

Человек смотрит, прищурившись на ребенка, угаривающего отца. Проходит минута общего молчания, для незнакомца и девочки это — минута мучительного ожидания. Наконец капитан говорит:

— Хорошо, вы останетесь с нами.

— Спасибо, капитан, — радостно говорит новый матрос, изображая на своем лице улыбку, которая более походит на гримасу. — Вы увидите, что помогли достойному. А вас, барышня, я благословляю за ваше сочувствие, которое дает несчастному работу.

Марион идет к старшему помощнику, который проверяет оружие, и говорит ему:

— Внесите этого человека в список, дорогой Гранжан.

— Да, капитан, но он будет тринадцатым.

Разве вы суеверны?

Я — нет, но это произведет плохое впечатление на экипаж, тем более что у него такая исковерканная физиономия.

Я с вами согласен, но за него просили дети.

Это другое дело, тогда ни экипаж, ни я не будем возражать.

Татуированный, думая о тринадцатом, говорит сам себе:

Только бы этот тринадцатый с его отвратительной физиономией и голосом, напоминающим господина Черно, не оказался Иудой. Не знаю, что случилось с ребятишками, но раз они этого хотят, то мне остается закрыть рот и открыть глаза.

Вечером были третьи крестины: судно получило ими в честь маленькой феи, очаровавшей всех. Трехмачтовый корабль, который должен был через несколько дней сняться с якоря, был назван «Лиззи», красивым английским сокращением Элизы.

Устроили пир. Галипо угостил замечательной стряпней, которой экипаж отдал должное. Пили за капитана, за судно, за детей, за успех будущей экспедиции, цели которой никто не знал, и наконец все отправились на покой.

Через три дня «Лиззи», легкая, как птица, покинула Сан-Франциско и вышла в воды Тихого океана.

Прошло семь с половиной месяцев с тех пор, как Марион и Татуированный бежали с Сен-Лоранской каторги.

Глава IV

Хороший переход. — Занятия горбуна. — Перед Таити. — На земле. — Жандарм. — Прокурор. — Хорошо знакомы. — Прокурор все знает. — Цуматоха. — Будут ли они арестованы? — Поражение полиции. — Тамуженные солдаты, шляпка и бочка. — В воде. — Гнев толпы. — На пушечный выстрел.

«Лиззи» без сомнения — один из лучших ходяков американского коммерческого флота. Увлекаемая легким западным ветром, она летит, наклонясь в левую сторону, подняв все паруса, с легкостью морской птицы. Хорошая погода, попутный ветер, чудное судно — капитан в восторге.

Экипаж великолепный. Галипо лучший из поваров, работы почти нет, везде царит образцовый порядок,

жизнь течет ровно и приятно, как на увеселительной яхте.

Даже к бедному Встречному Ветру с его отталкивающей физиономией все привыкли, и он сам старается всем угодить.

Единственная насмешка, позволенная по отношению к нему матросами, это — прозвище Встречный Ветер, которым наградил его один шутник. Он принял его, ничуть не возражая, без видимого недовольства.

Жизнь на судне установилась легкая и беззаботная, среди бесконечного простора, под горячим солнцем, золотящим гребни волн, на убаюкивающей зыби с терпким и живительным вкусом брызг.

Марион совершенно преобразился. Он уже не похож на человека, изнемогающего под тяжестью горя, мученика жестокой несправедливости, жертвы злых палачей. Он выпрямился, его лицо прояснилось, в глазах зажегся огонь, и в его измученной душе затеплилась надежда.

С гордостью и любовью смотрит он на своих детей, которых обожает весь экипаж.

Тотор — веселье, Лизетта — очарование. Ничего не может быть смешнее и неожиданнее шуток горбуна, который насмехается над собственным уродством и поет песенку о Горбунке, ставшей любимой у всего экипажа.

Ничего не может быть милее и трогательнее разговоров маленькой Лизетты с матросами.

Как сердечно говорит она с ними об их далеких семьях, расспрашивает о нуждах, беспокоится — все ли у них есть!

И эти, точно вырубленные из дерева гиганты, тронутые такой добротой и ласковыми взглядами, в восторге называют маленькую фею, в честь которой названо судно, своим добрым гением.

Тотор превратился во взрослого человека. Он учится у своего отца и старшего помощника и в свободное время принимает участие в матросских работах.

Он ходит босиком, влезает на снасти, шлепает по палубе во время мытья, драит медные части, учится завязывать узлы и не боится ни дегтя, ни жира.

Словом, как говорит боцман Виль, его большой приятель, он будет прекрасным матросом.

Он хочет быть моряком, хотя физически и не подходит к этой службе. Отец нежно замечает ему это, но мальчик очень кстати отвечает:

Но, папа, маршал Де Люксембург, который был знаменитым воином, был такой же горбун, как и я.

— Это правда, малютка, кто тебе это сказал?

— Господин Гранжан, наш старший помощник. Значит, ты согласен, чтобы я был моряком?

— Да я не только согласен, я в восторге, потому что нет лучше, благороднее профессии на свете.

С самого начала Татуированный ревновал Тотора к этой новой страсти, которая лишала его общества маленького друга. Но однажды он нашел рапиры, маски и перчатки, купленные капитаном для развлечения экипажа. Прыгая от восторга, он бежит к Тотору:

— Я хочу научить тебя фехтовать!

— Разве ты умеешь? — спрашивает мальчик, который имеет довольно смутное понятие о фехтовании.

— Превосходно, старина! Я когда-то был мастером в этом деле.

Приходится удивляться, кем только не был бывший каторжник.

— Тогда я согласен.

— Прекрасно! Видишь ли, чтобы быть молодцом и хорошим матросом, нужно хорошо владеть шпагой и саблей.

— Этого я и хочу, Татуированный.

— Я также обучу тебя боксу.

— Ты и с ним знаком?

— Я со всем знаком, малютка!

Работа, история, математика, фехтование, иностранные языки и французский бокс — видно, что жизнь маленького горбуна не течет праздно.

Так проходят дни и недели, и «Лиззи», подгоняемая легким ветерком, летит по волнам Тихого океана. Плынут быстро и счастливо до того момента, как показалась земля.

Из спокойных вод появляется зеленый сад — это Матахива, которую оставляют с правой стороны, затем слева проплывают Райроа, дальше Макатео, Тетиароа и наконец Таити, над которым синют горы Акарай и Ороген.

Марион берется за руль и, не спрашивая штурмана, управляет сам своим судном, как человек, великолепно знакомый с этими местами. Он так легко выходит на маленький рейд, что у экипажа вырывается крик восторга.

Наступает ночь. «Лиззи» бросает якорь в двух кабельтовых от берега, перед площадью Бруаш.

Капитан долго колебался перед тем, как пристать к французскому берегу, но ему необходимо остановиться в Таити, хотя бы на несколько часов. Он должен увидеть купца Савалю, очень хорошего, честного человека, который всегда был убежден в его невинности и поддерживал в трудные минуты, оставаясь его другом несмотря ни на что. У Савали хранятся важные бумаги; кроме того, он знает капитанов всех судов, плавающих в подинезийских водах. Он один знает, что стадется с Ником Портером за то время, когда его жертва незаслуженно мучилась на каторге. Значит, Мариону нужно пристать.

В общем, чего ему бояться? Его давно забыли! Кто думает о нем?... Кто его узнает?

Разве он теперь не американский подданный, гражданин великой Республики, которая не позволяет притеснять своих подданных.

Кто решится задеть в его лице международное право и оскорбить звездный флаг Соединенных Штатов?

Все же из осторожности он оставляет паруса, чтобы судно сразу могло сняться с якоря.

Ночь проходит великолепно. Ветер доносит с берега опьяняющий аромат цветов.

На следующее утро явился осмотр. Патент и документы в порядке. Капитан велит спустить плюпку и садится туда с двумя матросами, взяв с собою Татуированного.

Они пристают к Эгуаду, чтобы первым делом явиться в американское консульство, которое находится в ста метрах от берега, а оттуда отправиться к Савалю.

Едва они ступили на землю, как к ним подошли два жандарма с горделивой осанкой, в белых касках и с револьверами в кобурах. Впечатление такое, будто их поджидали.

Татуированный хмурится и бормочет:

— Плохая встреча... два жандарма... с саблями...

— Молчи... или говори по-английски,— отвечает капитан.

За шестимесячное пребывание в Тринидаде и на «Лиззи» Татуированный и дети выучились свободно говорить по-английски.

Подчиняясь приказу Мариона, Татуированный про-

должает, указывая на взвод местной полиции, пришедший на помощь жандармам:

— За ними четыре полицейских, можно подумать, что мы находимся в Кайенне.

Один из жандармов подносит палец к козырьку своей фуражки и, обращаясь к Мариону, коротко говорит:

— У вас есть документы?

— Да, у меня есть бумаги, относящиеся к судну, которым я управляю, его вы видите там под американским флагом.

— Я вас не об этом спрашиваю... Имеете ли вы удостоверение личности, паспорт... метрическое свидетельство?

— Может быть, свидетельство о прививке оспы, — порчит Татуированный, начиная выходить из себя.

Марион спокойно отвечает:

— Мои документы удостоверят мою личность и мое судно; я покажу их кому положено, то есть консулу и начальнику порта.

— Значит, вы отказываетесь предъявить их мне?

— Отказываюсь, так как ваше требование незаконно. Я — иностранец, торгующий на французской земле, и не совершил никакого преступления и обвиняю вас поэтому в превышении власти.

— Все это меня не касается; я имею приказ препроводить вас к прокурору Республики, который ожидает вас в своем кабинете.

— Ожидает меня? Но ведь я приехал из Сан-Франциско!.. Здесь, наверное, какое-то недоразумение.

— Недоразумение или нет, но все это плохо пахнет, раз уж в дело вмешалось правосудие. Капитан, я умоляю вас, бежим скорее...

Взвод полиции бесшумно приближается. Марион и Татуированный видят, что они окружены. Но они не пугаются, они чувствуют себя достаточно сильными, чтобы побороть этих негров и, если нужно, побросать их в воду.

Но дело не в этом. Особенно тревожат Мариона слова жандарма — «прокурор вас ждет».

Желая прояснить это недоразумение, он гордо отвечает:

— Отлично! Ведите меня к прокурору.

Суд находится как раз перед ними, а судья сидит в своем уютном кабинете в нижнем этаже. Окна выхо-

дят в благоухающий цветник, где бананы, панданусы, фикусы; повсюду зелень и цветы. Этот вертеп правосудия не производит отталкивающего впечатления.

Они стучатся в дверь.

— Войдите!

Дверь открывается. Перед столом сидит молодой человек лет тридцати, темный мулат, одетый по последней моде с ослепительными манжетами, воротником и пестрым галстуком. Он рассматривает какую-то бумагу с величием, граничащим со смешным. Это судья колонии.

— Господин прокурор, — говорит жандарм, — вот этот человек.

— Хорошо, подождите моих распоряжений у дверей.

С дерзостью, свойственной выскочкам, прокурор спрашивает, обращаясь к капитану, даже не предложив ему сесть и не стараясь казаться вежливым:

— Ваше имя, фамилия, возраст и занятие?

Капитан, начиная сердиться, отвечает, прямо глядя ему в глаза:

— Вы не вправе меня арестовать, точно так же, как и расспрашивать! Я мог бы не отвечать на ваш вопрос и апеллировать к своему консулу, но из уважения к великой стране, на земле которой я нахожусь, я постараюсь удовлетворить ваше любопытство: я Пьер Андре Марион, тридцати пяти лет, капитан, американский подданный.

В то время, как он говорит, прокурор смотрит на бумаги, качает головой и шепчет:

— Великолепно: это он!

При последних словах «американский подданный» он бешено шипит:

— Вы лжете!

Марион бледнеет, сжимает кулаки и готов вспылить.

— Да, вы лжете, — продолжает мулат, выпуская большие клубы дыма, — вы действительно Пьер Андре Марион, тридцати пяти лет, но вы — француз, уроженец Сен-Мало, приговоренный к смертной казни Рошфорским судом, перевезенный в Гвиану, где вы значились под номером 212. Девять месяцев тому назад при обстоятельствах, которые я могу вам подробно изложить, вы бежали вместе с Франсуа Бушю, находящимся здесь, который известен под прозвищем Татуированного.

С дерзостью бывшего каторжного Татуированный, которого ничто не может смутить, кричит резким голосом:

— Ты лжешь, грязный негр!

Оскорбленный судья, перед которым все трепещут, становится серым, как зола, потом желтеет.

Он откусывает кусочек сигары и шипит сквозь зубы:

— Сейчас мы это установим. Что касается вас, Марион Пьер Андре, после того, как вы скрылись на голландской территории с вашими детьми, вы пробыли шесть месяцев в Тринидаде. Правда ли это?

Марион, овладев собой, неопределенно улыбается и смотрит на судью, спрашивая себя:

«Кто, черт возьми, мог так хорошо выследить?»

— Вы не отвечаете... вас поразили факты,— продолжает прокурор, ну так слушайте дальше: из Тринидада вы прошли в Сан-Франциско, где купили себе судно, конечно, для того, чтобы предаться снова подлому, но доходному морскому разбою.

Он продолжает с сухим жестом, резким голосом и злым лицом:

— Мы великолепно осведомлены. Мы знаем, что на судне находится оружие, артиллерия, контрабанда, и даже мог бы назвать вам имена мерзавцев, которые идут под вашей командой.

— Вы хотите сказать, плывут,— с иронией произносит Марион.

— Вы смеетесь над правосудием,— рычит господин прокурор, губы которого покрываются пеной.— Посмеемся и мы.

Его рука опускается на звонок, и он звонит резко и продолжительно.

Открывается дверь, и показываются два жандарма, точно два изменника в какой-нибудь мелодраме.

— Арестуйте этих двух людей и запирайте их в тюрьму.

С великолепным хладнокровием Марион командует Татуированному, который ощетиливается, как собака.

— Мне — негр, а тебе — смотрители.

Ужасным ударом прямо в лицо он поражает прокурора, который, как мешок, с разбитым носом, разорванными губами, сломанными зубами, без крика, без жеста наваливается на стол и остается недвижим, точно картонный плясун, нитка которого порвалась.

— Убит, — со страшным смехом кричит Татуированный.

Не давая времени жандармам опомниться или двинуться, Татуированный хватает их за горло и душит, душит, душит.

Несчастные краснеют, синеют, выпучивают глаза, машут в воздухе руками, хрипят и заваливаются назад.

Татуированный разжимает пальцы. Оба жандарма тяжело падают на паркет и остаются там без движения, без вдоха.

— Им хватит минут на десять, — говорит Татуированный, — даже, может быть, на четверть часа.

— Ты их не задушил?

— Им выгодно было бы представиться мертвыми, этим мерзавцам, чтобы доставить нам дополнительные неприятности. Выйдем не торопясь, хладнокровно... достигнем лодки, а если нам загородят дорогу, бросимся и доберемся до судна вплавь.

Оставив неподвижными, словно трупы, прокурора и жандармов, Марион открывает дверь, дважды повертывает ключ и спокойно уходит в сопровождении Татуированного. К несчастью, четверо местных полицейских стоят около суда. Они видят, как оба человека выходят, и начальник их, которого можно узнать по красным галунам, приказывает им остановиться.

Они делают вид, что не слышат, тогда начальник хватается капитана за ворот.

С удивительной ловкостью последний ударяет его в живот ногой, точно лошадь копытом, так что тот отлетает на десять шагов и исчезает в высоких травах.

Татуированный с ловкостью клоуна раздает двум оставшимся полицейским удары кулаками — одному направо, другому налево.

Звук раздираемой кожи и треск разбитых костей... Оба полицейских падают крест-накрест один на другого, в то время, как Татуированный гордо кричит:

— Двойной удар.

Четвертый в ужасе убегает, рыча как волк.

Он кричит:

— На помощь... убийство... пожар... я умираю!..

Обезумевший негр выкрикивает любые слова, которые только приходят ему на ум, подымая тревогу, пугая прохожих и производя смятение.

Из суда выскакивают другие жандармы, прибегает вестовой губернатора, собираются гуляющие.

Толпа растет — сперва любопытная, потом враждебная.

Марион говорит Татуированному:

Бежим к лодке направо.

Геркулес отвечает с комичным сожалением:

— Уже довольно положили... прокурора и этих негров.

Бежим... бежим...

Они бегут, прыгая как тигры...

Опрокидывают любопытных, военных, артиллеристов и гуляющих, — всех, кто попадает им на дороге, оставляя за собой живописную группу людей. Со всех сторон раздаются крики:

— Убийство! Грабеж! Держи!

Дело приобретает серьезный оборот, раздается несколько выстрелов, пули свистят мимо ушей беглецов, которые убегают все дальше. Наконец они достигают берега, где прикреплена лодка.

Два матроса ждут их, готовые тотчас же отчалить.

— Живо... живо к судну! — кричит капитан, бросаясь в лодку.

К несчастью, рядом находится таможенная шлюпка. Четверо таможенных матросов, вооруженных ружьями, сидят в нее. Они тоже видят прибежавших людей и, конечно, не прочь получить премию, назначаемую тем, кто поймает беглеца.

В тот момент, как Марион бросается в лодку, шкипер шлюпки хватается багор, фиксирует им борт лодки и кричит:

— Сдавайтесь, или я стреляю!

Таможенные солдаты заряжают ружья и прицеливаются.

Над их головами раздается крик:

— Берегитесь! — И в тот же момент огромная масса падает в середину шлюпки, ломает борт, шпангоуты и калечит двух таможенных солдат.

Это полная бочка весом в 500 фунтов, которая как будто свалилась с луны.

Шлюпка сразу опрокидывается, увлекая за собой раненых солдат, которые барахтаются, стонут и исчезают в воде.

— Да это сорвавшиеся с цепи дьяволы! — кричит пристав с галунами, размахивая зонтиком.

Прибегает разъяренная толпа, ничего не понимающая, но готовая бить и рвать на части кого угодно.

— Где ты, Татуированный? — кричит громким голосом взволнованный капитан.

Он не заметил поступка своего товарища.

Вот он, в его удивительной простоте.

При виде, что таможенный солдат зацепил лодку, у Татуированного появилась блестящая мысль. На берегу сложены только что выгруженные бочки; он опрокидывает одну на бок, подымает ее без всяких усилий и бросает в середину шлюпки.

500 фунтов одной рукой. Ловкая штука!

Геркулес кричит:

— Берегитесь! — И в ту же минуту раскаивается: пристава, это почти то же, что надсмотрщики, они не стоят сожаления.

Потом он прыгает в лодку, которую наконец отцепили.

— Отчаливай, тысяча чертей, живо! — кричит Марион.

Люди налегают на весла, в то время, как судно поднимает паруса. Два кабельтова, четыреста метров, не особенно много.

Лодка летит по волнам, но с земли продолжают стрелять. Пули со свистом пролетают мимо и шлепаются в воду; не особенно приятно быть мишенью.

Проклятие! Пуля перебивает весло, лодка не может больше двигаться. Кормовым веслом грести слишком медленно.

— Все в воду! — командует капитан и бросается первым. Остальные также стремительно покидают лодку, кидаются в воду и плывут как рыбы.

Они быстро приближаются к судну, которое готово сразу же сняться с якоря. Ветер с берега. Старший помощник велел поставить паруса параллельно ветру.

Таким образом, чтобы придерживаться ветра, достаточно будет небольших усилий. Охота на людей продолжается, и пули все летят и летят.

Но вот что еще серьезнее. Не только серьезнее, но и ужаснее.

Маяк сигнализирует крепостной артиллерии приказ: стрелять в судно.

В это время все четверо доплыли до судна и поднимаются по фалренам.

Охваченные ужасом, храбро сдерживая слезы, дети следят за этой мучительной драмой. Когда отец наконец поднимается на палубу, они кричат:

Папа... дорогой папочка... спасен!.. и ты тоже, дорогой Татуированный!

Дорогие малютки, не бойтесь,— говорит он, не останавливаясь и хватая топор.

Сильным ударом он рубит канаты якоря и бросается к рулю. В это время из-за маленького залива, образуемого устьем реки Типеда, вырывается огромный столб белого дыма.

Ах! — кричит Татуированный, бросаясь к детям.

Раздается пушечный выстрел. Странно, что не слышно резкого звука гранаты, разрезающей воздух.

О, подлые,— рычит геркулес,— они стреляют в нас, а здесь дети!

Матросы приготовились. На палубе раздается свисток.

Капитан берется за руль; люди руками ставят паруса, они наполняются ветром. Судно снимается с места и идет к выходу.

Крики бешенства вылетают у толпы, ожидающей на берегу. Это тысячеголовое животное жаждало крови, и теперь добыча ускользает из его рук.

— И они считают себя французами, эти дикари! — кричит Татуированный.

Раздается второй выстрел, который несколько раз повторяется эхом на волнах.

Судно уходит все дальше. Рычание толпы доносится совершенно явственно.

— Затопить, затопить!

Но артиллеристы, видимо, и не думают топить их, и скоро судно будет в безопасности.

Третий выстрел, затем четвертый, и — больше ничего.

— Они стреляют, как пожарные,— говорит старший помощник смеясь.

— Бродяги,— ворчит со злостью Татуированный...

Наконец проход пройден... «Лиззи», распустив все паруса, идет со скоростью парохода. Она в безопасности. Капитан передает руль одному из матросов и подходит к группе, состоящей из детей, старпома и Татуированного.

— Проклятая стоянка, капитан,— говорит старший помощник.

— Печальное возвращение на родную землю.

— Выстрелы, пальба... Каким образом они нас не затопили?

— Это очень просто, — возражает капитан. — Батарея располагает пороховыми зарядами для сигналов. Гранаты же заперты в погребах, а ключ у зрителя, который находится, ну, например, на рыбной ловле.

— Так что, к счастью, стреляли холостыми зарядами?

— Это единственное логичное объяснение, — говорит старший помощник. — В общем, больше страху, чем опасности.

— К несчастью, во всем этом есть какая-то тайна, которую необходимо раскрыть.

— Мы поговорим об этом позже.

Глава V

Волнения. — Тайна. — Подозрения. — Жизнь на судне. — Матрос Тотор. — Марсовой бушприта. — Непослушание. — Человек за бортом. — Спасение. — Смертельные страхи. — Встречный Ветер. — Преданность. — Благодарность. — Перерезанные перты. — Случайность или убийство?

Прошлое капитана Мариона было известно на судне только старшему помощнику, весь остальной экипаж «Лиззи» о нем, конечно, и не подозревал.

Как только судно вышло из вод Таити, оба офицера стали совещаться с Татуированным.

Марион подробно рассказал старшему помощнику о странной встрече, устроенной им на суше французскими властями, и прибавил:

— Что вы об этом думаете?

— О причинах или о последствиях?

— О том и другом.

— Так как все это кончилось, то о последствиях беспокоиться пока нечего. Будет послан доклад в Министерство, запрос, разные формальности, канцелярская работа и так далее, так что другие французские колонии не будут об этом уведомлены раньше чем через год.

— Это меня не касается, во второй раз я уже не полезу в львиную пасть.

— Разве вы можете все предвидеть?

— Это верно!

— Что касается причин?

— Чем больше я о них думаю, тем меньше понимаю.

И только знаю, что между другими удивительными фактами есть один огромной важности.

То, что вас ждали?

— Да, это меня ужасно удивляет. Кто мог предупредить власти Таити, полицию и жандармов, когда при выходе из Сан-Франциско никто, кроме меня, не знал, что мы идем туда?

— Более того, — резко говорит Татуированный, — и прямо поражен, что прокурор знает мое настоящее имя Франсуа Буше, которое я сам почти забыл и которое вы, капитан, может быть, никогда даже не слышали, все же остальные меня всегда называли Татуированным. Только каторжная администрация знала, что Франсуа Буше и Татуированный — одна и та же личность.

— И так полно указать все наши приметы вплоть до проклятого номера 212-го, который пять лет был моим!

— Что вы из этого заключаете? — спросил старший помощник.

— Одно из двух: или с самого бегства во все порты и колониях было отправлено предписание, или на судне есть предатель.

— Но, капитан, примите во внимание, что, кроме меня и Галипо, вас здесь никто не знает, и, кроме того, никто не общался с землей, и, наконец, никому не известны подробности вашей несчастной жизни.

Татуированный живо перебивает во второй раз:

— Если бы я только мог вспомнить имя этой гнусной изуродованной личности! Эта мысль меня постоянно преследует. Какой-то живой кошмар.

— Встречный Ветер! — восклицает старший офицер.

— Он самый... Кто этот человек?.. Откуда он?.. Что ему нужно?.. Я боюсь, чтобы он не оказался тринадцатым... мерзавцем... Иудой.

— Но, — возражает капитан, — этот несчастный — образованный матрос. Деятельный, смирный, честный, услужливый, всегда доволен, пьет только воду, он сумел понравиться всем и заставить себя полюбить даже детей.

— Я первый отдаю ему должное, капитан, но именно это совершенство меня пугает и отталкивает. Черт возьми, ведь каждый из нас — человек и может когда-нибудь оступиться. Тот же, кто разыгрывает роль, всегда на чеку. Я видел на каторге ужасных людей,

которые представлялись добродетельными. Это еще ничего, но они владели собой во сне, даже в бреду и обманывали коменданта, зрителей, докторов, монахинь, товарищей по цепям... и так в течение нескольких лет, они ни на минуту не забывались, не выдавали себя ни словом, ни жестом. Мне кажется, что Встречный Ветер способен на это... я сам не знаю почему. Он мне противен, и, что еще важнее, я боюсь его, я, который никогда не был знаком с этим словом, никогда и знать не знал, что такое страх. На всем свете я люблю только вас и детей, и я думаю, что для вас он опасен. Это предчувствие, которое я ношу в своем мозгу и в сердце. Вот и все.

Капитан дружески хлопает Татуированного по плечу и говорит:

— Я знаю твою любовь, мой дорогой, и мы тебе на нее отвечаем взаимностью; но я желал бы, чтобы твоя подозрительность не имела оснований. Во всяком случае, не будем закрывать глаза на происшедшее.

— Теперь мы лишены свежих припасов и должны идти до архипелага Кука, чтобы их добыть.

— Я напишу Савальи, чтобы он приехал встретить нас на острова Фиджи. Но сколько беспокойств, забот, потерянного времени!

Плавание продолжается быстро и счастливо. Все паруса поставлены. Держа курс на Раротонгу — главный остров Куковского архипелага, «Лиззи» летит полным ходом.

Восемь дней проходят без всяких инцидентов.

Тотор все больше привязывается к делу.

Под мудрым руководством мистера Вилля горбун делает удивительные успехи. Он не знает, что значит головокружение, и взбирается на снасти с ловкостью белки. Его тело наливается силой, он становится великолепным матросом.

Учитель в восторге и говорит ему со своим прононсом чистокровного янки:

— Господин Гектор, к концу компании вы будете марсовым бугшприта.

— Вы думаете, боцман Вилль? — спрашивает мальчик.

— Я уверен в этом, так как никогда еще не видел таких способностей.

Марсовым бугшприта. Чтобы вполне понять всю сладость этих морских выражений, надо знать, сколько

они в себе заключают похвалы, уважения к тому, к кому они относятся.

Это нечто вроде нравственного патента, который заключает в себе все достоинства моряка и которым гордятся даже старые морские волки.

Гордясь этой похвалой, которая кружит ему голову, маленький горбун хочет быть достойным ее. И Тоттор лишается покоя: он еще не маневрировал на бугшприте.

Трудная и опасная штука, которая требует столько же ловкости, сколько силы. Как известно, бугшприт — мачта, которая пересекает борт судна под углом в 20 градусов. Его длина равняется наибольшей ширине судна. Он служит внешней опорой кливерам и штагом мачт, которые выше фок-мачты, и продолжается прямо над полнами, в которые даже иногда погружается, когда море штормит.

Тоттор обращается к отцу и спрашивает его:

— Капитан, ты разрешишь мне пойти с боцманом Виллем установить шкоты маленького кливера?

Когда он желает доставить отцу удовольствие и получить от него разрешение, он называет его «капитан».

У него такая бедовая и почтительная манера произносить это слово, что Марион приходит в восторг и не разрешает без спора, закрывая глаза на опасность.

Капитан с улыбкой отвечает:

— Иди, матрос, но будь осторожен.

Сопровождаемый боцманом, Гектор движется в пространстве над океанской пропастью с удивительным хладнокровием, переходя по пертам до крайнего конца.

Судно опускается и поднимается, и эти движения отдаются в бугшприте, который сбивает гребни волн.

Довольный мальчик обхватывает снасти, сжимает свои маленькие руки и, зацепившись ногами, как обезьяна, говорит Виллю:

— Так, боцман?

— Великолепно!

Окончив маневр, мальчик возвращается к отцу, который не спускал с него глаз.

Счастливый капитан жмет ему руку, словно взрослому, и прибавляет:

— Великолепно, матрос!

С этих пор маленький горбун до фанатизма увлекается путешествием над соленой водой глубиною в три тысячи метров. Его успехи поразительны, он идет по пертам и возвращается, точно по твердой земле.

Капитан все же считает нужным предупредить его.
— Слушай, матрос, я тебе запрещаю ходить туда без провожатого!

Хотя это запрещение кажется ему ненужным, Тотор сначала слушается отца. Но однажды его охватывает неудержное желание пойти одному.

Не по глупости или непослушанию, и не для того, чтобы нарушить запрет, подтверждая известную пословицу:

Просто из гордости, чтобы показать свою силу, доказать, что он не боится и что он мужчина.

И однажды утром он решается, не совсем спокойный, так как боится рассердить отца, но довольный, что море штормит и что его похождение опасно.

Его никто не видит, потому что он закрыт кливерами, и он, не задерживаясь, доходит до крайней точки, наслаждаясь сильным покачиванием судна.

Килевая качка делается сильнее и реже.

Крах... перта рвется, как нитка. Несчастный чувствует, как у него ускользает точка опоры, он старается ухватиться за мачту, но ноги скользят по дереву. У него вырывается отчаянный крик, и он с размаху летит в воду.

В то же время на судне раздается тревожный возглас, который заставляет похолодеть от ужаса самых храбрых.

— Человек за бортом!..

Через несколько мгновений — шум падения тела в волны. И тот же крик во второй раз:

— Человек за бортом!..

Старший помощник на вахте. Резкий свисток прорезывает воздух. Все бегут на свои места. Каждый знает, что он должен делать в подобных обстоятельствах. Бросают спасательный буюк, птичью клетку и шест.

Четыре человека прыгают в лодку, другие предугадывают и предупреждают приказания старпома остановить судно.

Это называется: лечь в дрейф.

Капитан, который отдыхает у себя, выбегает на палубу и кричит:

— Человек за бортом? Кто?

Лизетта видела, как упал Тотор.

Без голоса, белая как смерть, с растрепанными волосами и безумными глазами, она указывает на море

судорожно сжатой рукой. Рыдание вырывается из ее груди, и она наконец в состоянии крикнуть:

— Это Гектор... Мой брат, он погибнет... Он утонет!.. Брат... О, папа!

Ужас и горе слишком сильны, ребенок падает в обморок.

Титуированный слышит эти слова, он испускает дикое рычание, рыдание, проклятие...

Малютка в воде... Проклятие... Я спасу его или сам издохну!

Капитан бледнеет и делает движение, чтобы броситься, и свою очередь, в воду.

Там — его сын, которого поглощает океанская пучина, здесь — дочка, недвижимая, как труп, и подброшенная остановленным кораблем, который танцует на волнах.

Он хватается ребенка, расстегивает ей воротник и ужасается, видя ее бездыханную, онемевшую, с остановившимся взглядом. И этот железный человек, который пережил, кажется, все человеческие муки, чувствует, как две крупные слезинки стекают по его щекам. У него вырывается хриплый стон, и он шепчет:

Боже мой, неужели я их потеряю?

Все это мелькает быстро, как мысль. Уже лодка на волнах. Люди правят по следу корабля. Галипо и Бой влезают на мачту и со страхом смотрят в воду.

Море волнуется. Ничего не видно. Каждый хочет себе успокоить. Все надеются на то, что ребенок хорошо плавает.

Два спасителя бросились на помощь, один из них Титуированный, а кто же другой?

Это Встречный Ветер! — кричит боцман, который видит, что человека с исковерканной физиономией нет на его посту.

Встречный Ветер! Эти люди, которые привыкли ценить самопожертвование, чувствуют к нему симпатию.

Молодец! Все тронуты и сожалеют о том, что раньше были о нем другого мнения. Капитану стыдно, что он в нем сомневался, и он чувствует бесконечную жалость к этому обездоленному, который геройски жертвует своей жизнью для спасения его ребенка.

Радостное рычание вырывается у Галипо, влезшего на мачту:

— Человек с правой стороны!

И в то же время Бой прибавляет:

— Бук и шест с правой стороны, два человека ухватились за них.

Татуированный плавает как рыба, и временами его торс выступает из воды. Он оглядывается и кричит; он замечает бук и шест и хочет ухватиться. Лодчонки приближаются, сильно налегая на весла.

Татуированный подплывает к шесту, который вертится, как юла, опускаясь с одного конца и подымаясь с другого.

Какой-то человек хватается за него рукой в то время, как другою поддерживает безжизненное тело, которое ежеминутно уходит под воду.

Геркулес узнает Встречного Ветра и маленького горбуна, который кажется ему мертвым.

Со злостью он кричит:

— Боже мой, он спасает его так, точно хочет утопить!

Через несколько секунд он рядом с ними; он выхватывает ребенка из рук Встречного Ветра, поднимает его маленькую посиневшую головку и кричит лодчонкам:

— На помощь, друзья, на помощь, наш дорогой малютка умирает.

Встречный Ветер теряет сознание; в это время подплывает лодка. Шкипер хватается горбуна и кладет его рядом с собой. Татуированный быстро влезает и втаскивает за собой Встречного Ветра.

Пока лодка плывет к судну, Татуированный берет ребенка, расстегивает ему ворот, растирает грудь и ужалася, видя его без движения. В страшном горе колосс бессвязно произносит отдельные слова:

— Малютка... дорогой мальчик... посмотри на меня... скажи что-нибудь... Ты меня слышишь?... ты спасен... это я; мы везем тебя к папе... Боже, Боже, избавь от этого несчастья... Этот малютка ни в чем не виноват.

Шкипер и матросы, сидящие на веслах, которые обожают ребенка, тихо плачут. Встречный Ветер понемногу приходит в себя и говорит своим глухим голосом:

— Бедный ангелок... Он будет жив, не правда ли?

Подъезжают к судну. Обезумевший Марион бросается к телу ребенка и без единого слова уносит его в свою каюту.

Татуированный, понутив голову, следует за ним и

нужает себе губы, чтобы не разрыдаться при виде этого бездыханного трупa. Марион, несмотря на горе, действует совершенно хладнокровно. С помощью Татуированного он раздевает ребенка, массирует ему грудь, производит искусственное дыхание, снова массирует, стараясь вызвать движение, взгляд — хоть какойнибудь признак жизни.

Ничего не помогает.

Видя, что все усилия тщетны, отец вспоминает еще один способ — равномерное вытягивание языка. Он ритмично стискивает челюсти ребенка, берет язык платком, чтобы помешать ему выскользнуть, осторожно тянет его, потом опускает и снова тянет. Он производит эту операцию в течение пятнадцати минут, но безрезультатно.

Проходит час, в течение которого оба друга испытывают все ужасы, которые способна пережить душа человека.

Наконец легкая краска выступает на щеках ребенка.

— Он жив, капитан, он жив, — кричит Татуированный, мгновенно переходя от отчаяния к самой бурной радости. — Теперь мы спасем его!

Капитан еще добрые четверть часа продолжает вытягивание языка, и грудь маленького горбуна начинает вздыматься.

— Он дышит!.. Он смотрит!.. Он понимает!.. Он жив...

Татуированный скачет по комнате, бьет себя кулаком в грудь, говорит глупости, окончательно потеряв голову. Наконец он выскакивает из комнаты, бегом слезает по лестнице на палубу и кричит во все горло:

— Товарищи, наш маленький моряк жив, наш дорогой горбунок останется со своими друзьями на «Лиззи».

И матросы, которые потеряли всякую надежду, кричат с восторгом:

— Ура Тотору! Да здравствует маленький матрос!

Тогда Татуированный подходит к Встречному Ветру, который еле держится на ногах, берет его за руку, крепко пожимает ее и говорит:

— Друг мой, ты спас нашего малютку, благодарю тебя от всего сердца. Пойди к нему, посмотри на результаты своего поступка, посмотри на радость отца, которого ты избавил от ужасного горя.

Встречный Ветер старательно изображает на своем лице улыбку, бормочет несколько слов, и Татуирован-

ный, забывая свой восторг, вновь содрогается, ощущая в своей руке вялую и холодную, точно жаба, руку.

Встречный Ветер идет за Татуированным в каюту капитана. Горбун уже совсем пришел в себя и бормочет слабым голосом:

— Папа, дорогой папочка, прости мне то горе, которое я тебе причинил.

— Не вспоминай об этом, забудем все, — нежно шепчет отец, обезумев от счастья, крепко прижимая к себе сына.

Татуированный сияя говорит:

— Дорогой Тотор, я привел к тебе твоего спасителя.

Ребенок протягивает Встречному Ветру обе руки, а капитан, положив руку ему на плечо, сердечно благодарит его.

— Я думал, что уже испытал в жизни все ужасы. Вы избавили меня от самого худшего. Вы более не будете одиноки, мы примем вас в нашу семью.

Лицо человека сводит судорога, глаза сияют, разорванный рот гримасничает.

— Что вы, капитан, это такой пустяк, я как раз случился там в этот момент. Каждый поступил бы так на моем месте... И притом вы дали мне кусок хлеба... когда все меня избегали... и я счастлив вашим счастьем!

В это время в каюту поспешно входит боцман.

Тотор встречает его радостным возгласом, а Встречный Ветер скромно удаляется.

Капитан замечает по озабоченному лицу боцмана, что что-то случилось, и взволнованно спрашивает:

— Что такое, Вилль?

Боцман уводит его в столовую, убеждается, что они одни, вытаскивает из кармана два куска троса и молча подает их капитану.

Капитан осматривает их и спрашивает:

— Что это такое, Вилль?

— Это конец перты бугшприта, я заменил его другим и принес вам.

— Но он совершенно новый?

— Да, а между тем он сломался под ногами мистера Тотора. Из-за этого произошло несчастье, которое чуть не стоило жизни нашему маленькому матросу.

— Что же это значит, Вилль? — бледнея, говорит капитан, все еще боясь своей догадки.

— Перта была прорезана, потом связана двумя вере-

ночками, и все это так ловко, что невозможно было заметить. При первой килевой качке она поддалась под ногами ребенка, который упал в воду, и отсюда я заключаю, что ваш сын был жертвою не случая, а преднамеренного убийства.

Глава VI

Новый друг.— Острова Фиджи.— Прогулка.— Козье молоко.— Приятная встреча.— Отец Прадель.— Что случилось с Ником Портером.— На дороге в Новую Гвинею.— Кража.— Берега видны.— Выстрел.— Ириаты.

Жизнь на «Лиззи» понемногу вошла в свою колею. Горбун быстро поправился и с жаром принялся за привычные занятия.

Катастрофа еще более объединила экипаж и привнесла к милому ребенку.

Никто, кроме Мариона, старшего помощника, боцмана и Татуированного, не подозревали ужасной истины. Матросы верили в несчастный случай, весьма возможный в море, но четверо знали, что за этим скрыта величайшая гнусность, и ужасная мысль об измене ежеминутно преследовала их. Капитан постоянно опасался за жизнь детей, за свою собственную, за успех предприятия, за свою честь, которая ему дороже жизни.

Не зная виновного, он подозревал всех. Он сделался мрачным, боялся сказать лишнее слово, которое могло быть услышано предателем; а тот, конечно, смеется над его тревогами и придумывает новые подлости.

Встречный Ветер выиграл от катастрофы. Прозвище, правда, осталось за ним, но оно уже не произносилось с иронией.

Он чуть не отдал свою жизнь за ребенка, и моряки, умеющие ценить героизм, приняли его в свою среду. Тотор и Лизетта привязались к нему и относились так же ласково, как к Татуированному.

Но он, хотя и любит их, по-видимому, всей душой, не находит в себе той нежности, того постоянного внимания и тех ласковых слов, которым полно сердце Татуированного. Кажется, будто Встречный Ветер не умеет высказывать своих чувств. Его любовь молчаливая, угрюмая и неловкая.

Несмотря на все, геркулес по-прежнему относится к нему с недоверием и временами следит за ним взглядом охотничьей собаки. Он изучает звук его голоса,

его жесты, его взгляды с упорством каторжного, желая заглянуть под маску. Но все напрасно.

Несмотря на волнения и подозрения, «Лиззи» благополучно достигает островов Фиджи. Здесь нечего беспокоиться. Здесь английская территория, и капитану Мариону не нужно опасаться властей.

«Лиззи» бросает якорь недалеко от Гран-Вити у маленького острова Овану, порт которого превосходен; здесь — центр европейской колонии: губернатор, консул, миссионеры и купцы.

Стоянка обещает быть продолжительной: нужно запастись водой и провиантом, исправить судно, корпус которого поврежден кораллами, и навести справки о Нике Портере.

Первый день Марион с детьми посвящает длинной прогулке. Несмотря на то, что Тотор теперь истинный матрос, он не прочь полюбоваться природой.

Лизетта в восторге: зелень, фрукты, цветы, птицы и бабочки, — невыразимое наслаждение для глаз и для души.

Все трое отправляются куда глаза глядят, не предполагая, что случай готовит им приятный сюрприз. Они подходят к католической миссии, еще издали заметив старика с длинной бородой, который кормит двух прелестных скачущих козочек.

— Козочки! — восклицает Лизетта, обожающая животных. — Какие хорошенькие, я хотела бы их погладить.

— У них есть молоко, — прибавляет материалист Тотор, — не консервированное в банках, а с пенкой.

— Смотри, как они на нас смотрят, точно узнают нас.

— Подойдем, папа, может быть, нам продадут молока.

Брат и сестра говорят по-французски, не подозревая, что старик их понимает. Он оборачивается к ним и ласково говорит:

— Я вам дам сколько угодно молока с пенкой.

— О, как хорошо! Здравствуйте, сударь, здравствуйте!

Капитан почтительно кланяется старику и говорит ему растроганным голосом:

— Ваше произношение свидетельствует, что вы — француз, и я счастлив, что встречаю здесь соотечественника.

Я — старый священник, уроженец нашего древнего Русильона. В течение сорока лет я объезжаю океанские острова. Зовут меня аббат Прадель из Арляна Теше.

А я капитан Марион из Сен-Мало и благословляю случай, сведший двух французов: одного из Каталонии, другого из Бретани.

При имени «Марион» старик радостно кричит:

Марион, невинный каторжный, вы на свободе! О, мое дитя, мое дорогое дитя, вас привело сюда само Провидение.

Ошеломленный капитан бормочет:

Вы меня знаете?

Я знаю все... вашу борьбу... ваше незаслуженное мучение... и даже имя негодяя, который был нашим палачом.

- Ник Портер... драма на «Пинтадине».

- Да, все. Чтоб вам было понятно, откуда я это знаю, скажу вам, что, будучи миссионером, я принял в Понане исповедь одного из соучастников Портера. С тех пор, покинув Каролины, я вернулся на Фиджи. Но нам нужно о многом переговорить, войдите в миссию, где вы — вдвойне желанный гость. Дорогие малышки, Винцент подоит коз и угостит вас молоком.

Туземец немножко знаком с английским языком. Лизетта и Тотор стараются его понять, и знакомство устанавливается чрезвычайно быстро. Вскоре тыквенная бутылка наполнена молоком. Горбун подает ее сестренке, которая пьет маленькими глотками и говорит с наслаждением:

— Молоко восхитительно, теперь твоя очередь, братец.

Марсовой Тотор пьет молоко с жадностью молодого теленка. Туземец улыбается, смотря на детей. Дети по очереди до последней капли выпивают благотворную жидкость. Они гладят коз, которые начинают с ними играть.

Пока они бегают по лугу, священник и Марион разговаривают без умолку.

Капитан рассказывает аббату так же подробно, как Редону, свою скорбную повесть и делится с ним планами на будущее.

Миссионер, хорошо знающий океан, вооружает своего нового друга ценной информацией.

— Ник Портер страшно разбогател, у него целая

флотилия парусных судов и экипаж, состоящий из малайцев. Он монополизировал часть торговли и, без сомнения, занимается разбоем. Смелый и хитрый, имея множество преданных сообщников, он благополучно избегает наказания. Главным образом он действует у берегов Новой Гвинеи, с дьявольской ловкостью ускользая от крейсеров, собирает выкуп в голландских владениях и наводит ужас на жителей островов вплоть до Борнео. Неуловимый, упорный, дерзкий, неумолимый, он — типичный современный искатель приключений. Вы идете против грозного врага, а вас всего восемнадцать человек, из которых один ребенок.

— Но за мною право! — восклицает капитан. — Я никогда ничего не боялся, мое дело святое, и Провидение, приведшее меня к вам, поможет мне и дальше. Сперва я пойду в Новую Гвинею, в берлогу разбойника.

— Я не сомневаюсь в вашей храбрости, но я боюсь за вас и повторяю: берегитесь!

Капитан прощается с миссионером, искренне благодаря его.

Потом он терпеливо собирает сведения, подтверждающие рассказ старика. Он все подробно записывает и оставляет один экземпляр у миссионера, а другой запирает в секретный шкаф своей каюты.

Успокоенный в этом отношении, он начинает действительно заниматься ремонтом судна и припасами. В хлопотах проходит месяц.

Наконец все готово, и через двадцать четыре часа «Лиззи» должна сняться с якоря.

Накануне опасного путешествия Марион чувствует угрызения совести. Он нанимал экипаж для мирных торговых маневров, имеет ли он право вести его на войну с разбойником, который был лично его палачом, но не причинил никакого зла экипажу? Он должен предупредить их об опасности и спросить, желают ли они идти с ним на смерть. Это его долг! Он предупредит их, не выдавая своей тайны. Он сейчас же собирает всех на палубе и обращается к ним со следующей речью:

— Друзья мои! Завтра мы отправляемся в места, кишашие пиратами, в гнездо морских разбойников, негодяев без родины, без чести, без знамени, которые грабят, берут выкупы и убивают всех, кто попадает к ним на пути. Их предводитель — европеец, негодяй, который терроризирует все море. Если для всех он только

ошесен, для меня он, кроме того, личный враг. Я намерен захватить его, разорить подлое гнездо, сделать его бессильным и заставить искупить свою вину. Один из нас должен погибнуть. Это будет безжалостная бойня, без примирения, без пощады. Хотите ли вы следовать за мной? Идти на войну против негодяя, против малайцев, с которыми он делит награбленное добро?

Раздаются аплодисменты, сопровождаемые криками и топанием ног. Капитан водворяет молчание и продолжает:

— Если между вами есть колеблющиеся, то пусть они еще раз подумают до завтра. Я не буду в претензии, если они нарушат контракт. В виде компенсации я выдам им шестимесячное жалованье. Пусть они скажут о своем решении боцману.

Из среды матросов раздается голос:

— Это все, капитан?

— Это все, Боб.

Тогда из рядов выходит пенсильванец огромного роста, протягивает капитану руку и говорит:

— Нечего долго разговаривать! Вы смелы, но и мы не хуже. Ставьте паруса. Мы последуем за вами, даже если бы пришлось сражаться против пяти тысяч дьяволов, и мы разобьем этих разбойников, это так же верно, как то, что меня зовут Робертом Гариссоном. Не правда ли?

— Да, да... все... все... смерть пиратам и «ура» нашему капитану!

Раздаются крики энтузиазма; грубые, загорелые руки жмут до боли руку капитана. Все толкаются, обнимают друг друга.

Из этого шума вырывается тонкий голосок, точно соловей на флейте. Юнга Бой встал на плечи гиганта и кричит во всю глотку:

— Да здравствует капитан! Вперед, и смерть пиратам!

Растроганный Марион с радостью отмечает, что не раздалось ни одного голоса против. Эти люди исполняют свой долг! Встречный Ветер, не любящий демонстрации чувств, подходит к капитану и решительно говорит ему:

— И я тоже... Вы можете на меня рассчитывать.

Вечером капитан устроил для добровольцев большой обед. Нечего и говорить, что Галипо превзошел себя и заслужил вполне заслуженные похвалы. На другой день «Лиззи» снялась с якоря и направилась к берегам Новой Гвинеи.

Через три дня, когда они были далеко в море, капитан пожелал просмотреть дело Портера. Он открывает свой шкаф и с удивлением замечает, что замок очень плохо действует. Он отодвигает секретный запор и с волнением видит, что он изогнут.

Он зовет Татуированного, объясняет ему все и прибавляет:

— Ты ловкий слесарь, посмотри и скажи, что это значит?

Геркулес ощупывает, смотрит, качает головой и говорит:

— Капитан, без сомнения, вас обокрали!

— Это немыслимо. Кто же?

— Неловкий негодяй, который испортил всю систему. Разве следовало калечить замок, который можно было бы открыть зубочисткой!

Ворча, он вынимает нож, снабженный шилом, втыкает конец в замок, осторожно поворачивает:

— Готово!

Новый маневр, тихий скрип железа...

— Два!

— Что касается секрета, о, капитан, я не хочу вас обидеть, но это секрет полишинеля. На него стоит только подуть.

Он двигает шилом, поворачивает, колет — и дверца бесшумно открывается. Маленький кусочек металла падает на пол. Он подымает его и кричит с триумфом:

— Посмотрите, какой неловкий, сломал кусочек железа, действуя, точно ненормальный.

Капитан ищет глазами большой конверт, в котором лежал драгоценный документ. Он бледнеет, и у него вырывается крик гнева.

— Тысяча чертей! Меня обокрали!

И возмущенный Татуированный кричит:

— Это невозможно! Значит, здесь воры! Но это же... Проклятие!

Капитан горько продолжает:

— Он не тронул денег, но он украл у меня драгоценный документ, дубликат которого остался в Оваллу.

Но кто же это, наконец?

Негодяй, который выдал нас властям в Таити, который хотел убить Гектора, предатель, который прячется среди честных матросов «Лиззи»!

Да, это самое важное. Ваши документы! Боже мой! Вы можете вернуться за ними на Фиджи, в случае, если забудете их содержание, но негодяй, который проделывает с нами такие шутки, заслуживает быть повешенным... Встречный Ветер! Кто сорвет твою маску, которая имеет вид, точно ты жарился на сковороде дьявола!

— Опять подозрения! — тоном дружеского замечания перебивает Марион.

— Всегда, капитан. Видите ли, это въелось в мой мозг, как татуировка в кожу; это на всю жизнь.

— Как бы то ни было, ни слова, и будем следить.

— Да, во все глаза.

Плавание продолжается быстро и радостно, и через пятнадцать дней показываются вдаль высокие горы Новой Гвинеи. Скоро можно ясно различить гору Овен-Станлей, вершина которой более четырех тысяч метров над уровнем моря и видна на невероятном расстоянии.

Капитан приказывает обойти полуостров слева и носом нацелиться к заливу Пано у дельты большой реки Фляй.

«Лиззи», подняв все паруса, несется под хорошим ветром. Все идет отлично, внезапно часовой на мачте сигнализирует:

— Судно с левой стороны.

Капитан с биноклем поднимается на вант и смотрит. Странное судно. Возвышаясь над водой, почти без мачт, без парусов, идет против ветра, посреди пенных бурунов со страшной скоростью. Оно быстро надвигается, точно хочет загородить путь «Лиззи», и вот уже видимо простым глазом.

Люди удивленно спрашивают друг друга, что это.

Издали раздается выстрел. Столб дыма подымается над боком судна.

Матросы «Лиззи» понимают, что это угроза.

Все глаза обращаются к капитану.

Источая смелость, он кричит громовым голосом:

— Его-то мы и ищем! Друзья мои, он идет к нам, избавим его от лишней половины пути! Вперед! И готовьтесь к бою!

Глава VII

Что такое буанга? — Полтораца против двадцати. — Сюрприз. — Битва. — Столкновение. — Резня. — Тимон Кротонский. — Спасен Тотором. — Подвиги Галипо. — Выстрел из пушки. — Пожар. — Судном нельзя управлять. — Преследование невозможно. — До скорого свидания.

Буанга — совершенно особенное судно, часто встречающееся на Малайских островах. Оно исключительно легкое, не громоздкое, приспособлено для быстрого хода, словно акула, и имеет ту особенность, что может идти и под парусами, и на веслах.

У него две или три прямых мачты, паруса из рогожи и рей из бамбука, и при хорошем ветре оно передвигается необыкновенно быстро, благодаря огромной поверхности парусов.

При тихой погоде или встречном ветре буанга идет на веслах.

Встречаются такие буанги, на которых до трех рядов гребцов — один над другим — и которые похожи на античные галеры. Поэтому необходим большой экипаж, несоразмерный с вместимостью судна.

Оригинальный вид придают буанге так называемые балансиры, которые вынесены за пределы судна и весьма способствуют его устойчивости. Они состоят из тонкой платформы из бамбука, расположенной во всю длину судна на некотором расстоянии от корпуса и соединенной с ним горизонтальными переходами и косым лисель-спиртом, выходящим с палубы. Такие балансиры имеются с каждой стороны.

Придерживаемое таким образом с двух сторон, это легкое судно может идти под огромным парусом, не опасаясь перекувырнуться.

Когда буанга идет на веслах, на каждой платформе помещаются гребцы, которые обеспечивают движение судна.

Устроенные таким образом суда, которых ничто не может остановить, становятся базой для разбойников и наводят ужас на коммерческие пароходы. Они тем более опасны, что их экипаж состоит из 150—200 человек.

Такое судно встретило «Лиззи» выстрелом, чтобы не было сомнения в его намерениях.

Это пираты.

На борту «Лиззи» времени даром не теряли. По

приказу «все к оружию!» люди бросились к складу. Боцман выдал каждому винтовку, саблю, револьвер и штык.

Гигант Боб Гаррисон воскликнул со смехом:

Я превращен в арсенал.

Тотор подошел вместе с Татуированным и попросил:

— Боцман Вилль, дайте мне, пожалуйста, револьвер.

Конечно, господин Тотор... вы настоящий моряк, и я с удовольствием замечаю, что вы любите порох.

— Да, — подтвердил Татуированный, — я всегда говорил, что он молодец. Дайте мне топор, это больше всего подойдет мне.

— Пожалуйста, товарищ.

Через пять минут все вооружены с ног до головы. Не теряя времени, боцман открывает ящики с патронами. Каждому дается по 200 штук, а несколько ящиков открывают про запас.

Все собираются на палубе.

Тотор с револьвером за поясом подходит к отцу, который при виде его улыбается, жмет ему руку и говорит:

— Прекрасно, матрос, исполни свой долг.

Татуированный добавляет с трогательной и комичной важностью:

— Не отходи от меня ни на шаг и бей вовсю. Я буду следить за ним, капитан!

— Спасибо, товарищи! Я буду следить за всеми.

— А Лизетта?

— В моей каюте. Но довольно разговаривать. Боцман Вилль, пушки готовы?

— Да, капитан, я зарядил их, они под просмоленными чехлами, и можно подумать, что это — тюки или пожарные кишки.

— Великолепно, не открывайте их без моего приказания.

Обращаясь к людям, которые совершенно спокойны, точно перед ними нет никакого врага, капитан прибавляет:

— Зарядите ружья и револьверы, устройтесь поудобнее за абордажными сетками, спрячьтесь, как охотники в засаде.

Все это приказано тихим голосом, совершенно спокойно, точно предстоит стрелять в стадо морских свинок. Буанга летит по волнам. Длинные весла, составленные из овальных досок, прикрепленных к бамбу-

ковым палкам, равномерно ударяют о воду и поднимают пену.

Крики и рычание, сопровождаемые шумом весел, доносятся до «Лиззи», которая слегка разворачивается.

Капитан продолжает:

— Пусть подойдет... не стреляйте без моего приказа и выберите себе каждый по цели — какого-нибудь человека.

Над буангой вновь виден дым. Раздается глухой удар, и ядро пролетает на три метра над абордажной сеткой.

Татуированный смотрит на маленького горбунка, который немного бледнеет, но стоит совершенно спокойно.

— Не бойся,— говорит геркулес,— это немного пороха для воробьев.

— Я не боюсь, Татуированный,— говорит мальчик,— я хочу быть храбрым.

Крики делаются все громче. Оскорбления, насмешки, дикая ругань градом сыпятся на матросов «Лиззи».

Теперь уже можно ясно различить темные тела бандитов и их движения, когда они наклоняются к веслам.

Так как на «Лиззи» ничего не происходит, то разбойники считают себя победителями.

Капитан замечает между ними человека, одетого в европейский костюм и элегантную морскую шляпу, он курит короткую трубку и отдает приказы.

Очевидно, это начальник бандитов.

Марион ясно различает его в бинокль, и его лицо покрывается смертельной бледностью. Он узнает бывшего матроса «Пинтадины», которого он так строго наказал за непослушание, убийцу несчастного капитана, который обвинил его в ужасном преступлении, добился ареста, свидетельствовал против него и разбил его жизнь,— то есть Ника Портера.

Его мозг объят безумием мести, он поднимает ружье, которым вооружился, подобно матросам. Он великолепный стрелок, и ему ничего не стоило бы уложить этого негодяя на месте.

Но нет! Тот должен жить, его нужно взять живым, чтобы он признался в своем преступлении и открыл правду.

Буанга подходит все быстрее среди моря пены.

С каждым ударом весел расстояние уменьшается. Через минуту произойдет столкновение.

Матросы «Лиззи» видят, как злодеи приготовили железные крюки, надетые на цепи, чтобы связать оба судна. Марион измеряет расстояние взглядом и находит его еще слишком большим, почти в сто метров.

— Внимание! — говорит он матросам. — Поберегите начальника, возьмем его живьем!..

Тем, которые не знают храброго бретонца, это приказание может показаться пустым бахвальством.

На буанге 180 человек, тогда как на «Лиззи» меньше 20. Кроме того, пираты идут на столкновение, как на увеселительную прогулку, победа кажется им обеспеченной.

— Внимание! — вторично командует Марион. — Выберите каждый по человеку и цельтесь. Пали!

Двадцать винтовок стреляют разом. Крики злобы и боли раздаются на буанге. Весла вываливаются из рук в море, тела конвульсивно поднимаются и падают вниз.

— Пали по желанию! — звучит голос капитана.

Раздается пальба. Клубы дыма заволакивают «Лиззи». Пираты отвечают тем же. Пули свистят, пролетают взад-вперед, откалывают осколки дерева.

В одну минуту раздалось сто пятьдесят выстрелов из винчестеров. Но это не пугает малайцев. Со злобой и с храбростью, достойной лучшего применения, они гребут, удвоив усилия, и пристают к кораблю.

Рассчитывая на свое численное превосходство, они под градом пуль цепляются за судно. Магазины винтовок пусты, и нет времени вновь заряжать. Матросы «Лиззи» берутся за револьверы.

Маленький горбун не отходит от Татуированного. Храбрый ребенок, не дрогнув, совершенно спокойно принимает «боевое крещение».

Татуированный пользуется паузой в стрельбе, чтобы сказать ему несколько слов:

— Храбрись, старина... ты — молодец, как я уже сказал... хорошо пахнет порохом... это ошпаривает лучше пунша... но... довольно шутить, время наступает...

Оба судна соприкасаются. Малайцы бросаются на «Лиззи», как дьяволы, с волчьим рычанием.

Тотор заряжает свой большой револьвер и берет его обеими руками.

Татуированный хватает свой топор и потрясает им.

Боцман Вилль на бегу срывает с пушек чехлы. С балансира буанги гребцы хватаются за цепи крюков, которые свисают с «Лиззи». С ножами в зубах, с ловкостью обезьян, они поднимаются на корабль. Перед ними кухонный проем. Первый из них просовывает туда голову.

В этот момент горшок с кипящим маслом, поддерживаемый двумя руками, опрокидывается на него, и кипящее масло обжигает тело негодяя.

Звонкий голос с провансальским акцентом поясняет: — Э! Тысяча чертей! Если вы любите суп с маслом, то нужно предупреждать!

Это Галипо, храбрый повар, который предлагает пиратам блюдо своего собственного изготовления.

Люди с шумом падают в волны. В это время Галипо, прикрывая проем и вооружившись ружьем, саблей и револьвером, врывается на палубу в белом переднике и поварской шляпе. Малайцы, не знакомые с нашей морской формой, принимают его за начальника, конечно, за начальника экспедиции, а не кухни. Они направляют все свои силы против него, и ему приходится плохо.

Во многих местах они забираются на абордажную сетку. Татуированный, сжимая в руке топор, стоит неподвижно как статуя. Каждый удар топором укладывает одного малайца. Топор двойной, и Татуированный не разбирая рубит то одной стороной, то другой. Пустой случай чуть не стоит Татуированному жизни.

Геркулес ударяет с такой силой, что лезвие топора застревает в черепе одного из врагов, совсем как в стволе дерева. Татуированный старается выдернуть его — безрезультатно! Он хочет бросить топор и выхватить саблю. Он тянет ее изо всех сил, но петля от рукоятки зацепилась за рукав, и он не может выдернуть руку — словом, атлет попал в силки как Милон Кротонский.

Его положение становится трагичным, почти безнадежным. Несколько малайцев бросаются на него. Привязанный за одну руку к трупу, он защищается насколько возможно левой рукой. Он ударяет кулаком самых ярых противников и валит их. Но приходят другие, еще более многочисленные.

Один из них угрожает ему криссом, оружием, имеющим зигзагообразное лезвие в форме пламени, точно символический меч архангела. Татуированному не

спастись. Малаец торжествует, но Тотор следит за своим другом. С удивительным хладнокровием двумя руками поднимает он револьвер, приближает его ко рту пирата и нажимает курок. Пуля проходит снизу вверх через мозг и разбивает череп вдребезги.

Браво, матрос! — радостно рычит Татуированный.

Он отскакивает назад, таща за собою труп человека, прикрепленного черепом к рукоятке топора. Тотор следует за ним.

Татуированный кричит:

Тысяча чертей! Малютка, отрежь-ка эту проклятую нитку.

Ребенок хватается саблю и прорезает петлю.

Спасибо! Ты мне второй раз спасаешь жизнь!

Борьба продолжается повсюду, без видимого перерыва одной из сторон. К несчастью, матросов «Лизли» очень мало, а малайцев появляется все больше и больше.

Масса раненых. Кровь течет ручьями. Кажется, что малайцы побеждают. Но капитан — начеку, около пушки.

Ваша очередь, Вилль, — наконец говорит он боцману, ожидающему приказаний.

Раздается оглушительный треск — и целый ураган картечи летит на судно пиратов.

— Bravo, боцман, продолжайте.

Раздается жалобный крик:

— Ко мне, капитан, ко мне, меня убивают.

Это голос Галипо. Повар окружен целой группой прыгов. Вначале он борется, как дьявол, но ведь это всего лишь семнадцатилетний ребенок, а против него полдюжины ловких и сильных демонов, которые окружают его, сжимают кольцо и хотят зарезать. Его белая куртка разорвана и покрыта красными пятнами, на его щеки течет кровь. Борьба истощила его силы. Он тяжело дышит, чувствует, что падает, и зовет на помощь.

В одно мгновение капитан с поднятой саблей бросается на убийц.

В руке атлета тяжелое оружие опускается, поднимается, вертится и снова опускается, крошит, колет, рубит... настоящая резня продолжается несколько секунд.

Полдюжины разбойников умирают на палубе в лужах крови.

Второй выстрел сотрясает пароход от киля до вер-хушки мачт. Это разрывной снаряд, которым управ-ляет Боб Гариссон. Гигант действует великолепно. Картечь нацелена прямо на мачту и сносит ее.

Она с шумом падает и увлекает за собой человек двадцать, которые собирались штурмовать «Лиззи». На одно мгновение на буанге воцаряется паника, и эта паника тем сильнее, что со всех сторон вздымаются клубы дыма. Пираты в огне.

Боцман Вилль смеется.

— Что такое, друг мой? — спрашивает капитан, подходя к нему после того, как он освободил Галипо.

— Хорошую шутку сыграл я с ними, капитан. Я под-сунул под снаряд просмоленную паклю, она запалила им огонь не хуже раскаленного ядра. Смотрите, как они пылают.

На буанге раздаются быстрые удары гонга. Конечно, это сигнал к отступлению.

— Кажется, бьют сбор, — с резким смехом говорит Татированный, вытирая лоб.

Удары гонга делаются все сильнее. Пираты один за другим покидают палубу «Лиззи», чтобы тушить огонь, который угрожает погубить судно.

Воспользовавшись паузой, матросы заряжают свои винтовки и открывают адский огонь.

Обезумев от огня, разбитые, обескураженные сопроти-влением, которого они не ожидали, разбойники бегут с поля битвы.

Но это не успокаивает Мариона, который тоже го-товит нападение. Он собирает вокруг себя своих людей и кричит громким голосом:

— Преследуйте их, и победа за нами!

Он хочет первым броситься на буангу, но пираты снимают крюки; цепи с сухим треском падают вниз. Гребцы изо всех сил налегают на весла. Буанга бы-стро удаляется.

Озлобленный Марион хочет их преследовать и ко-мандует:

— Утопить!

Надо начать охоту. Так как «Лиззи» во время битвы отклонилась от ветра, нужно вновь ее выравнять.

Капитан снова командует:

— Руль направо!..

Рулевой вертит колесо и не чувствует никакого сопротивления. Он взволнованно кричит:

Капитан, руль не слушается, можно предположить, что бейфут сломан.

Действительно, судно не двигается, раскачиваясь на одном месте.

В это время с буанги раздается иронический голос, в котором звучит ненависть:

До свиданья, Марион. Ты еще попадешься мне в руки.

Глава VIII

Имена. — На реке Флай. — Пираты и людоеды. — Шестьсот против двенадцати. — Лизетта. — Атака. — Защита. — Гранаты. — Слишком много. — Катастрофа. — Пушка. — Подвиг Татуированного. — «Огонь!» — Исчезли!

Бейфут — главный орган, передающий движение колеса. Он двойной, крепится к колесу и наматывается вокруг него несколько раз. Оба конца идут к рулю и придают ему желательное направление. Порча бейфута лишает судно возможности маневрировать и делает игрушкой ветра и волн.

Таково было положение «Лиззи» в тот момент, когда Марион отдал приказ преследовать горящую буангу.

Гром проклятий отвечает на крик рулевого:

— Бейфут разорван.

Матросы разгорячились во время битвы. Они неустрашимо боролись с разбойниками врукопашную, и кровь их течет ручьями.

Теперь понятен их гнев. Но этот гнев переходит в дикую ярость, когда капитан кричит:

— Бейфут не разорван, а разрезан! Между нами есть негодяй, предатель, который украл у нас победу.

Храбрецы, которые свято исполняли свой долг, горячо протестуют:

— Это невозможно!.. Мы честные моряки... вы нас обижаете.

— Но доказательство налицо.

Капитан бледнее, чем боцман, слушает, смотрит, переводя взгляд с одного на другого и желая увидеть отведенный взгляд, дрожащий жест, что-нибудь, что могло бы указать ему на затаившегося врага, изменника. Но у него нет подозреваемых.

А время не терпит. Неуправляемая «Лиззи» носится

по волнам; нужно как можно скорее исправить аварию, переменить бейфут и начать преследование врага. На море это сделать довольно трудно. Четыре часа продолжается работа; когда судно, наконец, готово, наступает ночь.

Капитан Марион предполагает, что буанга, сильно поврежденная, направилась к устью Флай, большой реки в Новой Гвинее.

Устье образует огромную дельту, по которой рассыпана масса островов и островков, и плавать по ней весьма опасно.

Зато очень удобно для пиратов. К счастью, капитан отлично знаком с этой местностью и надеется удачно поохотиться за разбойниками.

Через двадцать четыре часа судно подходит к острову Кибай, берега которого покрыты лаврами и саговыми пальмами.

Обыкновенно судно встречают лодки местных жителей: они охотно имеют дело с белыми и уже не опасаются их, как во время знаменитого итальянского путешественника Людовика д'Альбертиса.

Но теперь их не наберется и дюжины; эти люди везут с собой палицы, конья, луки. В волосах их красные перья.

Это чистокровные папуасы. Большие, мускулистые, шоколадного цвета, глаза большие и живые, нос горбатый, великолепные зубы.

Некоторые из них приближаются к судну. Им предлагают разные блестящие вещички, которые могут их соблазнить. Они отказываются, потрясая копьями с угрожающим видом, и проезжают мимо.

— Папа, — спрашивает горбунок, — это людоеды?

— Да, деточка; они едят своих пленников.

— Почему они не принимают наши подарки?

— Это меня очень удивляет... я знал их более снисходительными к белым.

— Не объявят ли они нам войну?

— Не думаю. Но во всяком случае я приму все меры предосторожности.

В общем, Марион не спокоен. Ник Портер наверняка находится где-то в окрестностях. Может быть, пират властвует и над этими ленивыми, жадными и злыми дикарями, может быть, влияет на них, поощряя их страсти, осыпая их дарами или спаивая водкой.

Нужно принять все меры для защиты, чтобы не

быть застигнутыми врасплох, так как это было бы неминуемой гибелью.

«Лиззи» с одной стороны защищена болотистым берегом, поэтому на нее могут напасть только с одного борта, и там теперь сконцентрирована вся защита: пушки, заряженные картечью, ружья, ручные гранаты; там же расставлены капканы.

Ночь проходит спокойно, но время от времени издали доносится какой-то подозрительный шум; чувствуется, что вокруг беспокойно.

Положение на следующее утро кажется ужасным, почти безнадежным. Три ряда пирог держатся на расстоянии пятисот метров, образуя полукруг. Все они великолепно устроены, на каждой — шесть человек с красными перьями на голове. Они направляются к судну.

Пирог приблизительно сотня, то есть шестьсот нападающих. Нет сомнения, это враги, которые без предупреждения готовятся к атаке на судно.

По мере приближения между ними можно различить добрую треть малайцев; следовательно, все становится ясным. Туземцы — союзники пиратов. Надеяться не на что, как и вчера, предстоит или победить, или погибнуть.

Громкое рычание доносится с пирог.

— Официальное объявление войны, — говорит старший помощник капитану.

Последний оглядывает своих людей. Все спокойны, решительны и бесстрашны. Даже раненые все на своих постах, готовые исполнить свой долг так же, как и их здоровые товарищи.

Тотор стоит рядом с Татуированным. Он размахивает своим револьвером и спокойно рассматривает флотилию, приближающуюся сдвинутыми рядами.

У задней стены появляется белая фигурка. Горбунук узнает свою сестру и говорит ей:

— Лизетта, останься, дорогая, у папы... Здесь будут убивать друг друга, и тебе опасно быть здесь.

Капитан нежно прибавляет:

— Твой брат совершенно прав, деточка, тебе будет гораздо лучше в моей каюте.

Но девочка решительно качает головой и говорит:

— Папа... позволь мне остаться здесь, я тебя умоляю... Когда я сижу в каюте... мне страшно... шум борьбы меня пугает... и я ничего не вижу... и ничего

не понимаю... я совсем одна... видеть опасность лицом к лицу не так ужасно...

— Пожалуй, это верно, — говорит капитан, — останься с нами, дружок.

— О, спасибо тебе, папа, какой ты добрый!

— Знаете, капитан, я буду следить за ней. Тоттор — молодец, он может сам себя защитить.

Малютка, которая тоже хочет участвовать в опасном деле, садится около большой мачты и отвечает геркулесу:

— Я не буду мешать тебе, Татуированный, я буду сидеть совсем смирно.

Татуированный бросает на нее растроганный взгляд, в то время как другие матросы обращаются к ней с нежными и почтительными словами.

Пироги приближаются полукругом, шумно, с угрозами, с демоническим рычанием.

Капитан командует:

— Гранаты — вперед!

Эти гранаты круглые, начиненные порохом, с трубкой, наполненной взрывчатым веществом. Матросы бросают их рукой, и они падают с треском.

Некоторые не попадают в цель, другие разрываются в пирогах, ломают доски, ранят ноги осаждающим.

Гранаты следуют одна за другой. Раздаются выстрелы, дым распространяется повсюду. Кровь течет, дикари воют. Затем раздаются выстрелы из двух пушек, пораженные пироги начинают тонуть; дикари болтаются в красной от крови воде.

Атака очень энергичная, но и защита не дремлет. К несчастью, матросов на «Лиззи» очень мало. Все, включая Тоттора, делают что могут; и он тоже бросает гранаты, которые поднимает двумя руками.

Орудия быстро заряжают, и пальба продолжается. Подходят пять или шесть пирог. Боцманом Виллем овладевает искушение послать в них снаряд. Он смотрит на капитана, тот командует:

— Спускай!

Боцман наклоняется над пушкой, быстро выпрямляется и подносит фитиль.

Раздается оглушительный выстрел. Но... пушка срыгается с лафета, переворачивается и силой отдачи падает на палубу.

Картечь разносится по воздуху и рассыпается железным дождем.

Оглушенный выстрелом, с обгорелым лицом и опаленными волосами боцман падает и остается без движения, как мертвый, около пушки.

Лизетта бросается к нему, нежно подымает его бедную голову, кладет к себе на колени и шепчет своим ласковым голоском:

— Боцман Вилль... дорогой Вилль... это ничего.

Матрос ворочает глазами, отбивается от нее, издает какие-то нечленораздельные звуки.

Девочка бежит к бочке с водой и опускает туда свой платок, она обмывает лицо раненого и, забыв обо всем вокруг, всей душой отдается делу милосердия.

Капитан замечает катастрофу, он зло кричит и подбегает к лафету. Он все понимает, и безумный гнев охватывает его при виде этого нового доказательства измены. Он опасается, что с гаубицей может произойти то же самое.

Боб хватает фитиль и хочет поднести его к орудию, но капитан подскакивает к нему, останавливает его за руку и кричит громовым голосом:

— Не стреляйте!

Пушки имеют в середине два цилиндра, называемые цифрами, которые служат для удерживания их на лафете, для этого на лафете устроены полукруглые выемки, принимающие цапфы, которые в верхней части придерживаются толстыми полукруглыми пластинками из железа, называемыми лодыгами.

Рука предателя, низкого разбойника, вынула винты, которые прикрепляют лодыги к лафету, но оставила последние на своих местах. Все это устроено так искусно, что могло ввести в заблуждение самый опытный глаз.

Остальное понятно. В момент выстрела произошло ужасное сотрясение. Не придерживаемая в верхней части цапфы пушка слетела из выемки лафета и, возможно, принесла боцману смерть.

Человек лежит без движения на руках ребенка, и пушка выведена из строя. Но это еще не все, то же самое произошло с гаубицей. Еще минута — Боб Гаррисон выстрелил бы и подвергся бы той же опасности.

Обезумев от злости, капитан сжимает кулаки и кричит:

— О, негодяй!.. Негодяй!.. Смотрите, Боб, какой опасности вы подвергаетесь.

Гигант злобно кричит:

— Но что же делать?.. Смотрите, капитан... их целая толпа... мы погибли... Неужели невозможно швырнуть им эту картечь в лицо?

— К ружьям!.. Боб!.. Друзья!.. Живо!.. Стреляйте!..

Воспользовавшись этим беспорядком, пираты толпой устремляются на судно. Ухватившись длинными железными крюками, они влезают на сетку и переваливают на палубу.

Встреченные выстрелами и сабельными ударами, многие падают в предсмертных судорогах; их заменяют другие, еще более озлобленные. Кажется, море без конца извергает из себя чудовищ.

Осаждаемые со всех сторон матросы медленно отступают. Все в крови, они еще раз бросаются на врагов, бьют их штыками, но с ужасом видят, что ряды их редеют.

Исколотые дротиками, избитые дубинами, они падают один за другим, истекая кровью, борясь до конца, побежденные количеством.

Татуированный также отступил назад, закрывая собою детей. Он видел испорченные пушки и понял, в чем тут дело, и у него появилась грозная идея. Пираты пробрались вперед и образуют живую стену, принимающую на себя удары изнемогающих матросов.

— Теперь очередь за нами, Тотор,— быстро говорит он горбуну,— надо спасти товарищей!

— Быстрее! Может быть, и я могу на что-нибудь пригодиться?

— Ладно, ты командуешь пушкой...

— Но я ничего не понимаю!

— Сейчас поймешь. Я буду лафетом.

Он приближается к оставленной гаубице, заряженной, с фитилем, висящим до полу.

Рычания пиратов усиливаются. Это радость хищников, алчность людоедов, яростное желание победить белых. Разбойники торжествуют!

— Подождите, я вам заткну глотки,— шепчет Татуированный.

Он нагибается под гаубицей, укрепляет ее на своем затылке, так что дуло немного длиннее его головы.

Потом он делает сильное движение, чтобы поднять пушку.

Тотор восторженно кричит:

— Это тебя не раздавит?

— Не бойся, когда-то я был в цирке человеком-пушкой.

Татуированный, согнувшись, с натянутыми мускулами, делает страшное усилие. Гаубица покидает лафет и перемещается на спину колосса.

Сильно сжимая руки, он держит ее на своем затылке и нацеливает на ряды пиратов, его голос покрывает шум битвы:

— Ложитесь, матросы, ложитесь, друзья... ложитесь!

Капитан и старший помощник, колющие штыками бандитов, услышали его и, понимая, что готовится нечто ужасное, кричат:

— Ложитесь все!

Все бросаются на палубу, кто где стоял, и Татуированный говорит, обращаясь к горбуну:

— Ты готов?

— Да.

— Возьми шнурок и по моей команде дерни изо всех сил... сразу.

Ребенок обматывает шнурком руку и кричит:

— Я готов!

— Пали! — рычит Татуированный.

Клуб дыма, молния, оглушающий шум; затем ужасные крики.

Крепкий как скала Татуированный даже не пошевелился. Как хороший игрок, он спускает пушку со своей спины на палубу и, слегка кокетничая, обращается с ней подчеркнуто осторожно.

Еще немного, и он, приложив руку к сердцу, поклонился бы почтенному собранию, которое готово ему аплодировать.

Но вместо криков «браво» раздается лишь зверское рычание пиратов.

Никогда картечь не производила такого погрома. На палубе груды тел, корчащихся в судорогах, куски черного мяса, из которого извергаются потоки крови; целый резервуар крови и предсмертные крики.

Оставшиеся в живых в ужасе прыгают в море, как напуганные лягушки, в то время, как матросы поднимаются и идут в атаку, которая окончательно освобождает судно от врагов.

Тогда Татуированный, обращаясь к Тотору, гордо говорит ему:

— Мы, кажется, хорошо сделали свое дело.

Горбунок протягивает ему свою маленькую ручку и говорит:

— Хорошо быть таким сильным, как ты.

И геркулес отвечает как нельзя более кстати:

— Еще лучше быть таким храбрым, как вы, мои маленькие ангелы... ты, Тотор, и, главным образом, дорогая Лизетта.

Капитан и старший помощник с трудом верят, что все это произошло в действительности.

— Спасибо, мой друг, мой храбрый друг, — говорит Марион Татуированному, крепко пожимая руку смельчака.

Старший помощник прибавляет:

— Я настолько же восхищаюсь вами, как и уважаю вас, мой друг!

— Вы очень добры, — сконфуженно говорит Татуированный, — но заметьте, что половину дела сделали мальчики. Тотор выстрелил, как заправский канонир.

Палуба освобождена. Матросы подходят, чтобы поздравить Татуированного с победой и поблагодарить его.

Вдруг новые крики приводят в ужас самых храбрых:

— Пожар... пожар... мы горим.

Изо всех отверстий вырываются густые клубы дыма и поднимаются вверх над мачтами.

Неустрасимые матросы, утомленные борьбой, почти все раненые, бросаются на нового врага, еще более страшного, чем пираты, — на огонь.

Они тщетно стараются проникнуть внутрь судна. Густой дым мешает им, и они начинают задыхаться. Вокруг «Лиззи» — все еще многочисленные лодки пиратов; напуганные геройской обороной, кружатся они около судна.

Уже пламя окрашивает дым в пурпурный цвет. Невозможно обнаружить очаги этого пожара, которые, без сомнения, многочисленны. Невозможно употребить насосы за неимением достаточного количества рук.

Огонь повсюду! Можно подумать, что кто-то рассеял его по разным местам. Новое доказательство предательства, новая подлость.

Капитан «Лиззи», его неустрасимый экипаж, его дети видят вокруг себя пожар, море и пиратов.

Но где же дети? О них на мгновение забыли среди этого разгрома, дыма, пламени, среди беготни по горящей палубе.

Дым мешает рассмотреть друг друга. Едва ли возможно узнать кого-нибудь. Неверный шаг, и можно провалиться в люк.

Капитан взволнованно зовет:

Гектор!.. Лизетта!..

Никакого ответа... Татуированный, в свою очередь, рычит, и голос его дрожит от ужаса:

Тотор... Лизетта... Где вы?.. Тотор!.. Лизетта! Отвечайте... отвечайте же...

Матросы кричат во всю глотку. Они ищут, ощупывают, бегают, зовут, рыщут повсюду и ничего не находят.

Капитан чувствует, что он покрывается холодным потом. Глаза его затуманиваются, дыхание останавливается.

Мрачный, ничего не видя и не слыша, он понимает только одно: его дети исчезли. Их нет более на судне.

Хриплое рыдание вырывается из его груди, и он падает, крича:

— Мои дети! Исчезли, их украли... может быть, они умерли... о, это слишком!

Часть третья

ТАБУ

Глава I

В воде. — Мертвые. — Пытка железом. — Пленники. — Ник Портер. — Встречный Ветер нарушает свое инкогнито. — Оскорбленные, прибитые, но не теряющие мужества. — Прочь, печаль! — Они заодно. — Куплеты. — Утомленный палач. — Перед тюрьмой.

Что же случилось на горящем судне? Пожар распространялся с ужасной быстротой. Дымом заволочло палубу. Ничего не видно. Испуганные дети стоят рядом. Они терпеливо ждут, чтобы кто-нибудь пришел к ним на помощь. Они не боятся, не плачут; они знают, что о них вспоминают, и стоят спокойно, чтобы не вызвать еще большей суматохи.

Через густые клубы черного дыма они различают приближающуюся к ним сзади темную фигуру. Фигура становится виднее, и они узнают Встречного Ветра.

На нем матросская шапка, натянутая до глаз, завязанный за ушами платок закрывает рот.

Тотор и Лизетта думают, что его ранило во время битвы, где он, как все видели, исполнял свой долг. Да, это он!

Он отодвигает платок и тихо говорит им:

— Господин Тотор... мамзель Лизетта... я вас повсюду ищу... ваш отец, капитан, послал меня к вам.

— Я очень рад, что вижу вас,— говорит, задыхаясь, маленький горбун; из его глаз текут слезы, горло перехватывает, и он кашляет так сильно, что чуть не падает.

— Я так и знала,— говорит Лизетта,— что папа помнит о нас. Что нам надо делать, милый Встречный Ветер?

— Пока влезайте на перила и спуститесь оттуда в лодку, там вы будете защищены от огня и не будете так страдать от дыма.

— Это хорошая мысль,— важно говорит Тотор.

Не ожидая дальнейших указаний, он влезает на бордажную сетку, в то время как Встречный Ветер говорит Лизетте:

— Я вам помогу, барышня, поставьте вашу ногу на мою руку и опирайтесь на мое плечо.

Стоя на перилах, дети ждут, чтобы матрос помог им взойти на лодку, прикрепленную на баканцах. Они еле держатся на ногах и опираются один на другого. Ноги отказываются им служить, они кричат и стремглав падают в море.

Их крик теряется в ужасном шуме, наполняющем судно, и никто их не слышит.

В мгновение ока Встречный Ветер влезает на сетку и бросается в то место, куда они упали. Все это происходит со стороны болота. Там совершенно пусто, и видны лишь туземные лодки, несколько пирог.

Остальные, в которых помещаются кричащие, рычащие и жестикулирующие дикари, плавают на достаточно большом расстоянии с другой стороны.

Дети схватились руками друг за друга с ожесточением утопающих, которые вцепились бы даже в раскаленное железо.

Не в силах даже пошевелиться, дети взлетают на волнах, поворачиваются, снова проваливаются; они больше не дышат и, теряя всякое представление о происходящем, чувствуют приближение смерти, знают, что погибли.

Это мертвое состояние, когда мысль не работает и дыхание останавливается, длится очень долго.

Они приходят в себя от ужасной боли.

Открывают глаза, ничего не помня, не представляя, где они находятся и что с ними.

У них вырываются приглушенные крики, затем громкие жалобы.

Я горю... папа... помоги... я горю! — в ужасе кричит Лизетта.

На помощь, я горю! — зовет, в свою очередь, Тотор.

Они лежат на земле, на одеяле. Запах горелого бьет им в нос, острая боль на подошвах, точно от ожога, вызывает у них новые жалобы.

Перед ними сидит на корточках малаец и безжалостно прижигает им ноги раскаленной полосой железа.

— Я знал, что они не умерли, — говорит хриплым голос по-английски. — Чтобы вернуть утопленников к жизни, надо умело взяться за дело и употребить верные средства.

Малаец еще раз приближает раскаленное железо к маленьким обожженным ножкам бедной Лизетты. Раздается шипение — и бедная малютка испускает душераздирающий крик.

Горбун умоляет человека, говорящего по-английски, хотя и не видит его:

— Сударь, я вас прошу, пощадите мою сестру... Вы ведь мужчина и не воюете с детьми!

— Молчи, мальчишка, заткни свою глотку, или я съем тебя поджарить.

Он все же дает приказ прекратить пытку. С полными слез глазами, с побелевшими губами Лизетта подавляет рыдания и прижимается к брату, который бесстрашно осматривается вокруг. Он видит стоящих рядом малайцев и дикарей, которые смотрят на них с нескрываемой злобой, чуть поодаль — несколько белых и иностранных костюмах, наполовину восточных, наполовину европейских. Все эти люди, которых около пятидесяти человек, украшены пестрыми тканями и военными трофеями. Они пьют, едят, курят, стоя или сидя, ничуть не стесняясь. Кругом ужасная вонь от еды, табака, напитков и пота.

Жалобы детей вызвали смех, но не остановили еду и, главным образом, выпивку.

Тотор узнает людей, которые дважды атаковали «Лиззи», и дрожит всем телом, поняв, что его сестра и он находятся в руках врагов. Одни! Без всякой поддержки, моральной или физической... Они еще совсем слабы после морской ванны, и сердца их трепещут от ужасной мысли:

«Где папа?.. Жив ли он?.. Что они с ним сделали?»

Потом к мысли об отце присоединяется волнующее воспоминание о друзьях: Татуированном, старшем помощнике, боцмане Вилле, о всех храбрых матросах, которых они любят от всей души, и о бедном Встречном Ветре, который хотел их спасти в тот момент, когда они упали в море, наверное, из-за качки парохода.

Но что это такое... наверное, призрак... последствие обморока... Нет! Это невозможно... их глаза плохо видят... Но это без сомнения он... он ест и пьет, недалеко от них... с жадностью человека, умирающего от голода и жажды после битвы и не теряющего времени даром.

Тотор и Лизетта одновременно узнают его, они удивлены и в то же время обрадованы. С усилием приподнимаются они на своих покрытых ранами ногах и кричат, протягивая к нему руки.

— Встречный Ветер... милый Встречный Ветер... это мы, твои друзья.

Слыша свое имя, он встает. Его лицо, испещренное шрамами, принимает странное выражение, в одно и то же время веселое и мрачное. Глаза его с опаленными веками горят, как уголья, его перекошенный рот изображает улыбку пьяной обезьяны.

Это он и в то же время не он. Аккуратный, скромный и вежливый, человек долга, примерный матрос, в один момент претерпел ужасное превращение. Он кажется пьяным, и его опьянение, происшедшее от алкоголя, очень скверное.

Он приближается к детям, слегка покачиваясь, со стиснутыми зубами и жестоким выражением лица. Потом быстро, как молния, он залепляет каждому из них по звонкой пощечине.

Оглушенные дети падают в разные стороны с жалобным стоном.

Дикари встречают его выходку смехом.

— Щенки! Прошло то время, когда я был добрым... псом, которому выдавали ласку, точно милостыню, и кость, чтоб он мог ее погрызть. Встречный Ветер!.. Меня называли Встречным Ветром из-за моей ужасной физиономии! Боже мой, сколько во мне накопилось за это время ненависти! Теперь она прорвалась, как нарыв. Я желал бы съесть ваши сердца, чтобы до смерти замучить вашего негодного отца.

Маленький горбун приподнялся, одна щека у него посинела, он помогает своей сестренке подняться и храбро приближается к негодю. Он хорохорится, точно петушок перед битвой, и сильно ударяет того по щеке. Потом кричит своим звонким с металлическим тембром голосом:

Ты ударил мою сестру, ребенка... ты трус... ты оскорбляешь нашего отца в его отсутствии... ты трус... и в то же время мерзавец. Это ты — негодяй, который причет свое имя под кличкой, точно так же, как лицо под ширмом... наш отец сорвет твою маску вместе с твоей кожей.

Девочка приближается, подняв руку с жестом пререкания, и говорит, спокойно глядя на него своими большими глазами:

— Встречный Ветер, ты — трус!

Не сдерживаясь более, разбойник с поднятыми кулаками бросается на детей, с пеной у рта изрыгая проклятия. Он их непременно убьет. Тотор становится перед своей сестренкой, скрестив на груди руки, и ожидает удара.

Потом он бросает в лицо Встречному Ветру последние слова:

— Негодяй, за нас тебе отомстят!

Лизетта с бьющимся сердцем закрывает глаза, чувствуя, что теряет сознание.

Поднятая рука негодя не опускается; ее схватила другая рука, крепкая, как железо, и сжимает ее так сильно, что она трещит.

В то же время спокойный голос говорит по-английски:

— Я запрещаю тебе трогать детей!

Он оборачивается, и с уст его готово сорваться проклятие. Он видит перед собой человека, одетого наполовину в европейский, наполовину в восточный костюм.

— Почему это?... Ведь я передал их вам без всяких условий; они принадлежат также и мне, и я имею полное право мучить их.

— Здесь нет никаких прав, кроме моего желания... я один распоряжаюсь... я полный хозяин... прими это к сведению... Если нет, то я вкачу тебе в переносицу пулю... это так же верно, как то, что меня зовут Ник Портер!

При этом ужасном имени, которое им хорошо известно, малютки задрожали.

Человек, взявший их под свою защиту, оказался палачом их отца. Это он отправил его на каторгу и, следовательно, был причиной смерти их матери; против него ведет отец эту яростную войну, войну без пощады, выигрыш которой для них равнозначен спасению жизни и чести.

Это тот кровавый пират, имя которого держит в страхе всю экваторию. Это жестокий разбойник, которому не знакома жалость, который проливает кровь ради удовольствия и для которого жизнь человека так же ничтожна, как жизнь насекомого.

Между тем Встречный Ветер под влиянием опьянения желает возразить этому гиганту с рыжей бородой, который холодно смотрит на него своими серыми глазами с желтыми, как у тигра, пятнами.

— Ты не убьешь меня... это было бы слишком глупо, а ты человек практичный и нуждаешься во мне... и ты позволишь поступить с этими щенками по моему желанию... я не прошу у тебя другого вознаграждения, кроме разрешения мучить их, чтобы наказать их отца.

— Мучай их... сколько угодно, если это тебе нравится... но ты их сейчас чуть не убил... а я желаю, чтобы они жили... это мне необходимо... они будут моими заложниками, и через них я покончу с их отцом, моим смертельным врагом.

— И моим тоже.

— Значит, действуй без запальчивости и без излишеств. Ты мне отвечаешь головой за этих ребят до того дня, когда я сведу все счета с их отцом. Если с ними что-нибудь случится, я велю разmozжить тебе голову между двумя досками, велю тебя зажарить в пальмовом масле, как кусочки ананаса, и разделю между моими молодцами.

— Всегда угрозы... да, угрозы... видно, что ты меня не знаешь!.. Разве меня этим запугаешь?.. Мне нечего терять, моей изодранной физиономией я на всех навожу ужас и даже на себя самого. Во мне живет только одно чувство... ненависть! Это единственный смысл моей жизни, на этом сконцентрировались все мои мысли. Я дарю тебе свою ненависть, употреби ее, как хочешь.

— Мы понимаем друг друга!.. Довольно разговаривать! Я не люблю ни пустых речей, ни фамильярности... я принимаю! Ты поступаешь ко мне на служ-

пу как все эти молодцы! У меня в руках их жизни...
смотри за этими ребятами... делай с ними что хочешь...
но при одном условии, чтобы они остались целы. Их
приводят в верное место, где ты будешь их сто-
ронить.

Я буду великолепным тюремщиком. Моя нена-
висть — лучшая гарантия, чем даже жизнь.

Здорово же ты их ненавидишь!

Да, я желал бы, чтобы они жили вечно, чтобы
и мог их вечно мучить.

Великолепно! Я вижу, что за ними будет хо-
роший присмотр.

При этих словах он ударил в гонг. Четыре малайца,
вооруженные саблями, приблизились, и глаза их блес-
нули жестокостью, когда они выслушали его приказ.

Не говоря ни слова, они окружили детей и сделали
им знак следовать за собой.

Тотор и Лизетта, еще не вполне оправившись, уми-
рали от голода, жажды и усталости, беспокоясь об
участи отца, тяжело поднимаются и идут, с трудом
передвигая ноги.

Их жестокие часовые думают, что они упрямятся.

Один из них наставляет острие своего оружия на
плечо Лизетты, девочка вздрагивает от страха. Злодей
колет, сталь входит в нежную и тонкую кожу девочки,
которая слабо вскрикивает. Несколько капель крови
выступают на ее одежде.

В это время Встречный Ветер, вооружившись трост-
ником, изо всех сил ударяет им Тотора.

Это твоему горбу... Получай, мерзкий горбун.

Тростник тонкий, легкий и твердый, как хлыст.
Удар так силен, что две крупные слезинки показы-
ваются на глазах горбуна, но мгновенно высыхают.
Усилием воли он останавливает готовое вырваться
рыдание.

Негодяй приходит в бешенство от этой стойкости и
кричит:

Получи-ка еще; это не убивает, но зато будет
очень больно. Плачь, плачь, мерзкий щенок... Ты разыг-
риваешь из себя гордеца и смотришь на меня, точно
готов меня съесть. Вот тебе еще... Да кричи же!

Слезы ручьем текут из глаз ребенка; он плачет, но
не хочет доставить удовольствие палачу своими крика-
ми, стонами или вздохами.

Лизетта, забыв страх, свою рану и текущую из нее

кровь, бросается в объятия брата, покрывает его поцелуями, смешивая его слезы со своими, успокаивает его своим нежным голосом:

— Дорогой мой... дорогой... мы с тобой очень несчастны, но я люблю тебя всем сердцем, и мы не всегда будем страдать.

— Дорогая Лизетточка,— говорит Тотор, стараясь придать своему голосу твердость,— мне жалко тебя...

— Мне не больно... этот гадкий человек мне ничего не может сделать.

— Тебя ранили.

— Ты подаешь мне пример!.. Ты такой храбрый... такой же, как папа и Татуированный... как наши матросы... я хочу быть достойной вас. Пусть они колют меня своими длинными саблями, я не буду кричать... я ничего не скажу... ты увидишь... увидишь.

Маленькие мученики обмениваются поцелуями, объятиями и идут дальше.

Встречный Ветер так поражен этой стойкостью, что забывает их ударить. Он щелкает тростником в воздухе и злобно ворчит:

— Ты упорствуешь с каждым ударом, как упрямый осел, но не беспокойся, уж я сумею устроить так, чтобы ты забыл про свою стойкость.

Тотор при этих словах начинает смеяться. Конечно, смех его нервный, но в нем слышится такая ирония, что Встречный Ветер останавливается, не понимая, во сне это или наяву.

Этот мальчишка смеет так издеваться над ним!

— А,— говорит Тотор,— ты остановился, у тебя хватает ума лишь на то, чтобы оскорблять мой горб... Ты глуп и ты опоздал, мой бедный Встречный Ветер! Я первый смеюсь над своим горбом... я люблю свой горб и вышучиваю его вместе с другими, которые умнее тебя. Да, я смеюсь над своим уродством, я шучу и я пою. Доказательством этому служит моя песенка, очень оригинальная, понимаешь, она называется «Горбунок».. Не хочешь ли выслушать один куплет? Этим я тебе докажу, что не боюсь ни тебя, ни твоей палки. Начинаю!

Геройский, неустрашимый ребенок пробует голос, делает беззаботный жест, не обращая внимания на удивленных малайцев и на злого Встречного Ветра, и поет чудным голосом свою песенку.

Малайцы безумно любят музыку. Этот дивный голос

либирует их за живое, сжимает их сердца, натягивает нервы и трогает душу. Может быть, он даже разжигает эти бронзовые сердца, которые закрыты для всех человеческих чувств, сострадания и великодушия.

На один момент, по крайней мере, он побеждает их жестокость, как заклинатель змей.

И потом, разве не герой этот ребенок, который поет в плену, больной, под палкой, против острия шпаги!

Встречный Ветер все это чувствует. Он топают ногами, скрежещет зубами и теряет самообладание, когда Тотор спокойно говорит ему:

Видишь ли, придется тебе придумать что-нибудь другое!

Они подходят, наконец, к странному жилищу, которое должно служить им тюрьмой. Тут только Встречный Ветер в состоянии ответить на насмешку горбуна одной только фразой:

Я доберусь до тебя.

Глава II

Тюрьма.— Плот.— Туда и обратно.— Скромная трапеза.— О, этот зверюшка!..— Предположение негодяя.— Жестокость.— Предательство Встречного Ветра.— Позвальба разбойника.— Новые удары.— Связаны.— Ужасная ночь.— Проекты Тотора.— Освободиться или умереть.

Тюрьма возведена одновременно в воздухе и на воде, что может показаться парадоксом.

Это красивая, изящная и живописная хижина с крышей из банановых листьев, стенами из плетеного бамбука с окнами-отверстиями, еле прикрытыми какой-то тканью, которая колыхается при малейшем порыве ветра.

Хижина стоит над водой; ее поддерживают четыре сваи, вбитые в дно. Длина свай пять метров. Глубина воды приблизительно четыре метра. Постройка находится в лагуне, образуемой рекой Флай, в пятидесяти метрах от берега.

Как же можно до нее добраться?

Четверо конвойных останавливаются у лагуны. Встречный Ветер и дети тоже.

Перед ними находится бамбуковый плот длиной в семь метров, шириной в пять, огороженный с четырех сторон тонкими поручнями.

Один из малайцев размещается на плоту и делает

пленникам знак следовать за ним. Подражая ему, они садятся на площадку, которая держится на воде, как пробка.

Три других малайца и Встречный Ветер поступают так же.

Нет ни весел, ни шеста, чтобы с их помощью достичь живописной постройки, которая находится на расстоянии пятидесяти метров.

Канат, сделанный из тростника, прикреплен одним концом к плоту, а другим к одному из кольев, на которых размещена хижина. Он находится под водой и, следовательно, невидим. Один из людей нащупывает его под водой, обхватывает обеими руками и тянет плот со всеми сидящими на нем.

Через две минуты они подъезжают к сваям. Малаец привязывает плот. Под отверстием, проделанным в полу, находится маленькая лестница, сделанная из бамбукового шеста с поперечными перекладинами, привязанными тростником. Здесь везде и всюду — бамбук и тростник. Малаец влезает на лесенку с ловкостью обезьяны. Он снова делает знак Тотору, который его великолепно понимает.

Он поднимается ловко, как настоящий марсовой. Потом он говорит сестре:

— Твоя очередь, Лизетта. Не бойся, это совсем не так трудно.

Энергичная девочка старается подражать брату и скоро догоняет его.

За ними влезает Встречный Ветер.

Остальные малайцы остаются на плоту. Первый, пригласивший их сюда, показывает жилище.

Две большие комнаты; в каждой — по две кровати из плетеного тростника. Все остальное — тоже из тростника и бамбука: стены, пол и потолок. Последний решетчатый, и через него можно видеть море.

— Точно зарешеченный люк, — говорит Тотор тоном знатока.

В середине каждой комнаты вделанные в пол очаги. На них готовят еду. Сейчас они покрыты толстым слоем золы, под которой тлеют угли, достаточно подуть на них, чтобы развести огонь. Кроме того, имеются кувшины с пресной водой. Снаружи висят на солнце пучки сушеной рыбы. На полу валяются чугуны, блюда, саго, свежие бананы, апельсины, — словом, есть чем питаться.

Многие пленники были бы очень довольны такой обстановкой. Окончательно водворив детей, малайцы удаляются, унося с собой лесенку и прерывая таким образом всякое сообщение между жилищем и лагуной.

Что касается столбов, то о них нечего и думать: они снабжены огромным количеством гвоздей, колючек, которые препятствуют спуску.

Устроившись на плоту, малайцы отправляются обратно; прочный канат соединяет плот с землей, так что можно в один момент прокатиться туда и обратно.

Чтобы прервать движение с той или другой стороны, надо только отвязать канат.

Тотор, Лизетта и Встречный Ветер, пленники и тюремщик, изолированы от всего мира. Злоба разбойников может сделать это одиночество ужасным.

Горбун ходит взад и вперед, рассматривая все, и говорит своей сестренке решительным тоном:

— На земле невыносимая жара... здесь нам будет очень хорошо... мы будем на свежем воздухе. Кроме того, здесь много вкусных вещей.

— Да, — серьезно говорит Лизетта, — мы можем покушать.

— Мы здесь поместимся... Это будет наша комната.

— Да, а... тюремщик пусть возьмет себе другую.

— Кто это здесь распоряжается? — прерывает со злобой Встречный Ветер. — Я помещусь где пожелаю... и здесь хозяин, и вы скоро в этом убедитесь.

Дети смотрят молча друг на друга и уходят в другую комнату, где они говорят шепотом.

Лизетта чувствует, что ее храбрость улетучивается. Голос дрожит, и ее маленькое сердечко сильно опечалено.

— О! Если бы мы только имели какие-нибудь известия о папе, — говорит она. — Судно в огне, кругом враги... наши друзья ранены... Боже мой, помоги нам! Маленький горбун храбрее ее.

— Надо надеяться... да, непременно надеяться, даже если это на первый взгляд кажется невозможным. Нам уже бывало и хуже. Вспомни, какие препятствия мы преодолевали. Вспомни наше бегство из Гвианы.

— Я знаю... но пожар на судне, все судно горело... И думаю, что кто-нибудь это нарочно устроил.

— Верно, мой друг, огонь на этом проклятом судне, управляемом не менее проклятым Марионом, действительно вызван нарочно, и это сделал ни кто иной,

как я... Встречный Ветер... я автор этого фокуса.

— Негодай! — кричит маленький горбун, сжимая кулаки. — Ты поджег «Лиззи»!

— А, господин горбун, наконец-то тебя прорвало, это тебе наносит большие раны, чем удары тростника. Твоя душа чувствительнее, чем твой горб... Вот что я должен принять к сведению.

Он проходит в ту комнату, где находятся дети, и ужасный смех дрожит на его лице, когда он видит негодующие и испуганные лица детей.

Мерзавец угадал, что нравственные мучения для них тяжелее физических.

Лизетта и ее брат поместились рядом на маленькой изящно сплетенной кровати. Неожиданное купание, пытки, страх, плен и даже присутствие палача не мешают им ощущать сильный голод.

Они отрывают каждый по спелому душистому банану, чистят его и кушают сладкую середину.

Встречный Ветер смотрит на них со злостью и говорит с глубоким смехом:

— Я могу вам рассказать много интересных вещей для возбуждения аппетита.

— Я совсем не любопытен, — говорит горбун, срывая второй банан.

— Хорошо, если ты удовлетворишься голыми фактами, ничем не украшенными, то вот они. Изволь, я тебе их все выложу: это я передал твоего отца и Татуированного в руки французских властей на Таити.

— Ты лжешь! — кричит Тоттор.

— Никогда не лгу, когда нужно кого-нибудь одурачить. Доказательством служит то, что ночью, когда «Лиззи» стояла на рейде, я пробрался на берег и рассказал маленькую историю прокурору республики. Немного погодя два моих друга были арестованы. Потом я перерезал перту бушприта, — продолжал негодай со злобной усмешкой.

— Вы убийца, вы хотели убить моего брата! — кричит Лизетта с ужасом.

— Да, убийца! Я даже старался его утопить, делая вид, что спасаю его. Я был бы счастлив, если бы мог положить перед вашим отцом его труп. К несчастью, подплыл Татуированный.

— Так я и утонул! — насмешливо говорит Тоттор.

— На Фиджи я взломал секретный ящик капита-

ни и выкрал его бумаги. Эти бумаги я послал Нику Портеру с пароходом из Батавии, который заходит в Торресов пролив. Ник Портер, очевидно, получил их вовремя, так как атаковал «Лиззи».

А храбрые матросы его отлично вздули,— перебивает Тотор.

Ну, будет и на его улице праздник,— хладнокровно продолжает Встречный Ветер.— На следующий день я испортил обе пушки, но так как это не подействовало, поджег корабль, чтобы легче было увезти вас, «мои маленькие ангелы», как говорит этот бестия Татуированный.

Когда пожар был в полном разгаре и огонь охватил судно от киля до палубы, когда дым заволок все, я толкнул вас в воду, как раз в тот момент, когда вы хотели спуститься в одну из лодок.

И предусмотрительно вывесил кусок черной ткани — сигнал, который был понят пиратами. Я бросился вслед за вами, и нас тотчас же подобрала и привели к Нику Портеру, пленниками которого мы сейчас являетесь.

Что же случилось с «Лиззи»? Я надеюсь, что она стореда или пошла ко дну. Экипаж, наверное, взят в плен моими друзьями-людоедами, которые съедят всех, от капитана до юнги, с гарниром из сладких оплошей...

Дети с ужасом выслушали эту историю, которую Встречный Ветер рассказывал насмешливым голосом.

Значит, несчастный, принятый на корабль из жалости, обездоленный, которому все дарили сочувствие, и потом и дружбу, оказался предателем, постоянным гниственным врагом.

Татуированный был прав, не доверяя негодяю, который теперь улыбается при виде убитых горем детей. Все его откровения действуют на них, как пощечины, которые больше, чем удары тростника.

Лизетта больше не может есть. Две большие слезинки выкатываются из ее глаз. Ее стойкость исчезает; она сейчас разрыдается.

Тотор страдает не меньше ее. Он старается сдержаться, но все же он не более чем ребенок, и хотя он иногда кажется мужественным, как взрослый, натура берет свое, делая его слабым перед грозной действительностью.

Лизетта вздыхает и говорит разбитым голосом:

— А мы вас любили, Встречный Ветер, я не боялась вашего лица... я вас жалела... я считала вас хорошим... я была счастлива, когда вы находились около меня... Да, я вас любила и всегда старалась доставить вам удовольствие. Мой брат делил свою привязанность между вами и Татуированным... он вам доказывал это поминутно... он смотрел на вас, как на спасителя, а вы были его убийцей. О, как все это ужасно!

— Да, я видел в вас доброго человека, — говорит Тотор, — я думал, что вы несчастный и храбрый. Я желал излечить ваши страдания... хотел избавить вас от того горя, которое грызло ваше сердце. и я открыл вам свое сердце широко... широко! Вы предали нашу дружбу, так же, как предали моего отца и матросов. Измена — это самое худшее, самое подлое, что может совершить человек; а вы предали нас без всякой на то причины, просто по злобе, по...

— Довольно, проповедник... Моя ненависть к вам, раскаленная добела экваториальным солнцем, имела веские причины... Вы их узнаете позже.

— Но ведь мы вас знаем только по той дружбе, которую вам предлагали, и по той ненависти, которой вы нам ответили. Мы вас раньше никогда не видели... Кто же вы такой?

— Это моя тайна! Я открою ее лишь вашему отцу, если он до тех пор не сгорит, не утонет и не будет зарезан пиратами. Но хватит болтать. Вы кончили обедать?

— Да, а вам какое дело? — спрашивает презрительным тоном Тотор.

— Мне такое дело, что вы дерзкий мальчишка, господин горбун.

— Если наше присутствие вам неприятно, убирайтесь.

— Оно меня не стесняет, и я, пожалуй, расположусь здесь вместе с вами, а так как я отвечаю за вас перед Ником Портером, то я вас еще и привяжу. Подходит ночь, и неизвестно, что может произойти.

— Вы нас привяжете! — негодуя протестует Лизетта.

— Надо вас обоих приучить к вашему положению пленников... Слушаться сторожа, хозяина, не протестовать, не говорить дерзости, что вы делаете каждую минуту. Если вы не послушаетесь, я опять заставлю свой тростник потанцевать на ваших спинах.

Тотор, конечно, не хочет покориться и унизиться перед этим тираном. Ведь он матрос... надо себя уважить! И маленький горбун, неустрашимый до безумия, становится перед сторожем и говорит, глядя ему прямо в глаза:

— Тебе придется скорее меня убить, чем привязать.

Он едва успевает выразить свой протест, как сильный удар тростника приходится ему прямо по лицу. У него вырывается крик боли. Толстый, синий рубец прорезает щеку. Он не успевает поднять руки, чтобы прикрыть лицо, как следует второй удар.

Потом удары сыпятся без счета по рукам, по пальцам, по ногам. Страдания ужасны, и у него вырываются сдвинные стоны. Лизетта хочет броситься между палачом и его жертвой. Удар ноги отбрасывает ее на другой конец комнаты. Она приподымается, шатаясь, подходит к разбойнику, стегающему брата, и обхватывает его ноги.

Лицо маленького горбуна неузнаваемо. Избитое, истерзанное, с глубокими рубцами лилового цвета, руки распухли, нос в крови... Лизетта приходит в ужас...

Встречный Ветер делается совсем бешеным. На губах его выступает пена, зубы скрипят. Удары сыпятся без остановок.

— Ну, что, теперь ты позволишь себя связать? — кричит разбойник.

— Нет! — стонет маленький мученик потухшим, но твердым голосом.

— Ах, так!.. Ты не желаешь!.. Ты не слушаешься меня!.. Ударами с тобой ничего нельзя сделать... отлично! Тогда я займусь твоей сестрой.

Переходя от слов к делу, негодяй изо всех сил ударяет по прелестному личику девочки. Она не столь стойка, как ее брат. У нее вырывается страшный вопль боли. Встречный Ветер ударяет еще раз, и Лизетта кричит изо всех сил. При третьем ударе она падает без сознания.

Тогда маленький горбун, который сам еле держится на ногах, говорит палачу с достоинством солдата, которому изменило счастье:

— Я сдаюсь!.. Делайте со мной все что хотите, но избавьте от мучений мою сестру.

С избитым лицом, с руками, покрытыми синими подтеками, он подымает девочку, кладет ее на постель из тростника и брызгает ей в лицо водой.

Она приходит в себя, узнает его, обнимает и шепчет, рыдая:

— Ах, мой дорогой брат, какие мы несчастные! А ведь мы не хуже других детей, за что же мы так мучаемся! Почему все мы да мы!

Маленький горбун старается казаться как можно спокойнее, он стискивает челюсти, чтобы удержать готовый вырваться стон, и говорит, с трудом шевеля губами, сквозь зубы:

— Имей терпение, будет когда-нибудь и на нашей улице праздник, и мы ужасно отомстим. Наступит день, когда плохо придется тем, кто нас мучил.

— Пока что я привяжу ваши лапы! — кричит Встречный Ветер, который снова принял насмешливый тон.

Обессиленные, но в душе не покоренные дети позволяют привязать себя негодяю, который иронически посвистывает

Потом он бросает их, как скотину, на решетчатый пол.

Приходит ночь, и они засыпают, изнеможенные. Но негодяй время от времени подходит к ним и с утонченной жестокостью толкает их ногой, чтобы прервать укрепляющий сон. При этом он произносит в темноте грязные ругательства, ужасные угрозы.

Лизетта дрожит всем телом. Тотор страдает от полученных ударов и мечтает о мщении.

О, если бы у него был тот револьвер, которым он убивал мадагаскарцев и спас Татурированного. Как славно он пробил бы череп Встречного Ветра, без страха и без сожаления о пролитой крови.

После ночи, в продолжение которой негодяй то и дело будил их ударами ноги, после долгих часов усталости, голода, жажды палач развязал веревки.

Освободившийся горбун говорит своей сестренке:

— Сегодня вечером он нас не привяжет! Мы сбежим. У меня есть план, великолепный план!.. Рискнем, лучше умереть, стремясь к свободе, чем жить в неволе, ты согласна?

— Да, — твердо отвечает девочка. — Я хочу быть свободной или погибнуть.

Глава III

Ни горящем судне.— Отчаяние.— Отчаянное решение.— Последний выстрел.— Пробойна.— Пожар потушен.— Водолазный аппарат.— Страх при виде чудовища.— Переговоры.— Письмо.— Предложения Ника Портера.— Насмешка и жестокость.— Ужасная угроза.

На палубе «Лиззи» царит ужасное волнение. Везде пылает огонь, и черный дым обволакивает все предметы. Матросы тушат пожар и сыпят проклятиями, узнав об исчезновении детей.

Капитан, убитый горем, остается недвижимым на руках Галипо и Татуированного, которые стараются привести его в чувство.

Нужно действовать, не медля ни минуты. Время не горпит. Матросам и судну угрожает гибель. Старший помощник отдает приказания: бесполезно употреблять насосы; лучше закрыть все люки, двери и пробоины, тогда очаги огня будут лишены доступа воздуха, и распространение его будет остановлено. Все это исполнено в одно мгновение. Но судно, внутри которого бушует огонь, похоже на вулкан. В нем масса патронов, пороха, химических веществ, спирта и даже две мины. Все это каждую минуту может взорваться, как пороховница, разнеся во все стороны осколки корабля и тела матросов.

Надо спустить на воду шлюпки и как можно скорее покинуть судно. Уже дан приказ, но в это время приходит в себя капитан. Обмороки у таких сильных людей прекращаются в одно мгновение. Он открывает глаза, собирается с силами и слышит приказ:

— Шлюпку на воду!

Он окунает голову в бочку с водой и кричит:

— Нет, нет... это потом.

Он не может и не хочет пожертвовать своим судном, к которому привязан всей душой, и потом, если «Лиззи» погибнет, что станет с матросами?

На мгновение он забывает личное горе, нравственные мучения и думает только об общем благе.

Смелый план зреет в его мозгу: сделать в судне пробоину, притопить его и таким образом залить пожар. Но достаточно ли времени? Надо успеть! Глубока ли вода? Несколько сажений, и рядом совсем близко болотистый берег: Все обстоятельства как будто благоприятствуют смелому плану.

Эти размышления продолжаются несколько секунд. Видя, что начальник оправился, Татуированный бежит как угорелый по палубе. Он обжигает себе ноги, но не замечает этого. Обезумевший, с опаленными волосами и вздымающейся грудью, он зовет детей прерывающимся голосом, с трудом произнося слова

— Тотор... Ли... зетта... о... деточки мои.. где же вы?..

Вдруг в его сердце закрадывается ужасное подозрение.

Встречный Ветер!.. Где же Встречный Ветер?

Он ищет его повсюду, зовет, спрашивает матросов, не знают ли они, где он.

Его давно не видели. Он куда-то исчез. Никто не знает, где он находится.

— Я так и думал... так и думал! — кричит он, хватая себя за голову. — Боже мой, отчего я не сделал, как хотел, не убил его, как паршивую скотину

Колосс опускается на стоящие тюки и плачет как ребенок.

— Бедняжки... бедные малютки... они в руках злодея... может быть, они уже умерли. О, несчастные мученики... я чуял, что он предатель.

Со всех сторон кричат:

— Татуированный... идите сюда... Татуированный, скорее...

На мгновение у него является безумная надежда. Может быть, нашли их забившимися в какой-нибудь угол? Может быть, он только что несправедливо отнесся к Встречному Ветру!

Он без ложного стыда вытирает глаза и подбегает к группе, состоящей из капитана, старшего помощника, раненого боцмана и плотника.

По расстроенному лицу капитана он понимает, что ошибся, и просто спрашивает:

— Я вам нужен, капитан?

— Да, мой друг.

— Я к вашим услугам.

Чтобы притопить судно, надо сделать пробойну в подводной части. Если не спешить и иметь под рукой нужные инструменты и особенно если можно свободно проникнуть внутрь корабля, то это дело отнюдь не сложное. Но в том тяжелом положении, в котором находилась «Лиззи», это сделать почти невозможно, по крайней мере, обыкновенным способом.

Поэтому капитан изобрел странное, страшное и почти отчаянное средство — притопить судно выстрелом.

Татуированный, — просто говорит он своему другу, ты нас недавно спас благодаря гаубице.

Я сделал что мог, капитан, и вы очень добры.

Можешь ли ты повторить эту штуку еще раз?

Очень просто!.. Эта пушка — настоящая игрушка... она весит не более тысячи двухсот...

Отлично! Я рассчитываю на тебя.

Вилль, зарядите оружие... Скорее...

Боцман готовит заряд, потом с силой забивает картечь и говорит:

— Все готово, капитан!

— Отлично, теперь мне нужны двое матросов, чтобы по моей команде открыли большой люк.

На палубе свирепствует пожар. Из-под досок идет дым, как из трубы движущегося парохода. Каждый в страхе думает о вулкане, который ежеминутно может взорваться.

Татуированный подхватывает пушку и, наклонившись, вкатывает ее на свою могучую спину. Он стоит на коленях и вновь, как некоторое время назад, удерживает орудие скрещенными на затылке руками.

Вилль совершенно спокойно подносит фитиль.

— Цельтесь вниз, Вилль!.. Цельтесь ниже.

— Опустите плечи и выгните поясницу, — говорит боцман человеку-лафету.

— Хорошо!

— Откройте люк! — кричит капитан.

Люк открыт, столб пламени и дыма долетает до верхушки мачт.

— Держите крепче, Татуированный, — кричит снова капитан.

— Не бойтесь... это настоящая игрушка.

— Ну, Вилль, стреляйте!

Пушка направлена сверху вниз, в люк, превратившийся в огненную печь.

Выстрел глухо отдается внутри судна. Стена судна пробита картечью немного ниже ватерлинии. На одно мгновение кажется, что белый дым и газы, образовавшиеся от сгорания пороха, ослабили огонь.

Больше нет сомнения в том, что вода ручьями хлещет в трюм. Слышно шипение от контакта воды с огнем.

Дерзкая и отчаянная попытка удалась. Татуированный, как и в первый раз, продолжает стоять совершенно спокойно. Он холодно спрашивает:

— Повторить?

— Нет, мой храбрый друг, — ласково говорит капитан, — этого довольно, я тебе очень благодарен.

Геркулес добавляет весело:

— Ну, оружие, отдыхай! Ах, если бы здесь был мой маленький, неустрашимый артиллерист! Бедный Тотор!

— Мы его найдем, — энергично отвечает капитан, который даже с разбитым сердцем заботится об общем благе.

Храбрый моряк не имеет ни времени, ни права думать только о своем личном горе. На нем лежит ответственность за чужие жизни; он должен спасти судно и матросов. Потом он позаботится о себе и о своих детях.

В это время к кораблю с угрозами подплывают несколько лодок, в которых сидят малайцы. Пираты издают рычание, потрясают оружием и, по-видимому, собираются напасть на судно. Пули, посланные им на встречу, делают их осторожнее.

На судне продолжается борьба за живучесть, слышны свист и шипение, белый пар вытесняет клубы черного дыма.

Вода потоками заливает горящие предметы, которые понемногу потухают.

Судно постепенно тонет, но капитан с помощью парусов приблизил его к болотистому берегу. Наконец корабль полупогружается. Пожар перестает распространяться и тухнет. В этот момент «Лиззи» касается днищем болотистого дна и замирает в илистой почве, которая, как бы поддерживая, обхватывает ее со всех сторон.

— Спасены! Судно спасено... да здравствует капитан! — восторженно кричат матросы.

Конечно, оно спасено от пожара, но внутри более пятидесяти тонн воды. Малейший ветер может его перевернуть; в нем громадная брешь, которую нужно задрать.

Это следует сделать прежде всего; найти брешь, через которую проходит вода, и крепко заделать ее. К счастью, водолазный аппарат спрятан на высоком юте. Капитан приказывает достать его из ящика, в котором он находится, и плотник надевает его на себя как раз в тот

момент, когда малайцы возвращаются с новыми угрозами. Вид чудовища с гигантским торсом и в металлической каске вызывает неимоверную панику.

При виде того, как он появляется из-за абордажной сетки, лодки отплывают подальше, но, когда он тяжело опускается в воду по тонкой веревочной лестнице, вся флотилия обращается в бегство, усиленно работая веслами. Люди испускают крики ужаса и торопятся увеличить расстояния между собою и этим животным, которому нет равного в местной фауне.

Водолаз быстро делает свое дело и показывается вновь перед глазами испуганных малайцев, которые издали наблюдают за новым врагом.

Человек в аппарате подымается на судно по маленькой лестнице. Теперь, перекрыв доступ воде, ее выкачают из судна насосами. Работа эта очень долгая, неприятная и трудная.

Но, прежде чем что-нибудь предпринять и в виду возможного возвращения врага, капитан восстанавливает обороноспособность судна.

Пушки вновь водружены на лафеты и заряжены. Ружья тоже заряжены, после того как их хорошенько прочистили. Усталый экипаж может, наконец, отдохнуть несколько минут; отдых этот достался дорогой ценой.

Только теперь капитан вновь вспоминает о своем ужасном горе.

Татуированный, который его ни на минуту не оставляет, старается утешить. Они не теряют времени на напрасные жалобы: Как люди дела, они бесстрашно смотрят в глаза совершившемуся факту, спрашивая себя, что делать.

Ответ является сам собою. Подходит матрос и докладывает:

— Капитан, пираты возвращаются!

— Их много?

— Нет, дюжина пирог. На первой из них стоит человек с белым флагом в руке.

— Это парламентар... Пусть придет.

Капитан поднимается на палубу и наблюдает. Первая лодка находится на расстоянии двух кабельтовых, она летит с быстротою морской птицы, устанавливает парус и находится почти на одном уровне с абордажной сеткой. Один из дикарей держит на конце копья какой-то предмет, который оказывается письмом.

Он вытягивает руку и потрясает оружием, крича:
— For captain!.. For captain *!

Марион хватает бумагу, сдергивает ее с копья и говорит Татуированному:

— Посмотри-ка, что им от меня нужно?.. Я боюсь читать.

В то время, как моряки берутся, на всякий случай, за оружие, чтобы воспрепятствовать предательству, капитан возвращается в свою комнату.

Ему кажется, что большой четырехугольный конверт жжет ему пальцы. На нем всего два слова, написанные длинными английскими буквами:

«Капитану Мариону».

Марион быстро разрывает конверт, вытаскивает сложенную вчетверо бумагу, разглаживает ее и жадным взглядом впиивается в текст, точно желает сразу прочесть все, что написано.

Вот что сказано в письме:

«Капитан Марион, уже давно я ничего не слыхал о вас. Борьба за существование разделила нас при обстоятельствах, которые лучше всего забыть. У вас было много неприятностей с судьями на вашей родине. Потом, избегнув наказания, вы добились свободы не совсем обыкновенным способом, что доказывает, что вы также созданы, чтобы лидировать в Struggle for life **.

Потом у вас появилось непонятное для меня желание напасть на меня, точно эти моря и океаны недостаточно велики, чтобы мы могли не встречаться, занимаясь каждый своим и не мешая друг другу.

Мне известны все ваши поступки с момента вашего бегства, каковы весьма замечательны и служат новым доказательством ваших достоинств. Кажется, вся эта титаническая работа совершена вами для того, чтобы оправдаться!

Позвольте мне немного поиронизировать над этой странной идеей.

Оправдаться?.. Что может это значить для такого человека, как вы? Какое вам дело до мнения людей, живущих на маленьком клочке земли вашей далекой родины?..

Европа! Разве кто-нибудь считается с ней здесь, на этих землях, выходящих из безграничного океана, где энергичный без предрассудков человек легко может удовлетворить все свои капризы, желания и аппетиты, осуществив фантастические чудеса «Тысяча и одной ночи»!

* Капитану!.. (англ.).

** Борьбе за существование (англ.).

Оправданный!.. То есть признанный официально невиновным в том поступке, который вы не совершили!

Еще раз повторяю, что может для вас это значить?

Буду с вами откровенен, честен и великодушен.

Нам обоим хватит места, и мы будем непобедимы!

Не хотите ли вы разделить со мною владычество над морями Океании?.. Хотите ли вы сделаться владыкой, полунариаром, полудивилизованным, без страха и без риска, если не без упрека?

Скажите «да»! Забудем прошлое, протянем друг другу руки, сделайте моим союзником... Таким же, как и я.

У вас есть все данные, чтобы властвовать: сила, храбрость, происхождение, умение держать себя, профессиональное образование — все это вещи, которых мне недостает, за исключением силы и неустрашимости.

И вам предлагаю больше чем мир, в то время как фактически вы находитесь в моей власти, и я мог бы предложить вам самые тяжелые условия.

И даю вам двадцать четыре часа на размышление.

Если ваш ответ будет таким, как я желаю, принесите его сами. Дайте три выстрела, и почетная стража выедет к нам навстречу, чтобы проводить вас ко мне.

Если вы будете так глупы, что откажетесь, я сейчас же преиспущусь в того неумолимого и жестокого врага, которого вы знаете. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть, и вы, конечно, будете побеждены.

И тогда я потребую, чтобы вы просили у меня пощады без всяких условий, вы и ваш экипаж. Через двадцать четыре часа я приказываю вам вместе с вашими людьми без оружия отъехать на шлюпке на два кабельтова от судна. Мои люди выедут к вам навстречу и примут от вас изъявление покорности.

Если вы не послушаетесь, я велю схватить вашего сына, остроумного и милого горбуна, который вместе со своей сестрой находится у меня в плену.

И велю его разрезать пополам, как маленького поросенка, и pošлю вам одну половинку, завернутую в банановый лист. Другую съедят люди, которые предпочитают мясо белых, приправленное сладкими овощами.

Через двадцать четыре часа после этого ваша хорошенькая девочка будет разрезана так же, как и ее брат, — сверху до низу. Вы получите одну половинку, а другая будет фигурировать на пиру, который я устраю окружающим меня людям.

Подумайте хорошенько и не доводите до крайности человека, для которого пролитая кровь — то же, что вода, и человеческая жизнь не значит более чем жизнь какого-нибудь насекомого, и который, смотря по вашему решению, будет нашим другом или палачом.

Ник Портер».

Татуированный еле сдерживался, чтобы не разразиться проклятиями, слушая странные и подлые предложения бандита.

Жилы на его лбу натянулись как канаты, и в его глазах проступило выражение дикого зверя, отправившегося на добычу. Хриплый вздох, скорее рычание, вырвался из его груди, и он закричал, теряя голову:

— Тысяча чертей!.. Этот разбойник убьет наших деток... наших дорогих маленьких ангелов... добрых, милых, великодушных... Но мы здесь, черт побери, и им придется, прежде чем дотронуться до них, иметь дело с нами. Капитан! Ведите нас на битву... и мы прирежем этих чернокожих негодяев, этих проклятых людоедов.

Марион, совершенно бледный, мнет письмо в судорожно сжатых пальцах. В то время, как его друг волнуется, он остается мрачным и спокойным, и на лбу его натягивается жила, которая свидетельствует о неистощимой энергии. Потом, положив руку на плечо Татуированного, он говорит нежным голосом:

— Мои деточки!.. Мои дорогие крошки!.. Вы будете спасены, или мы вместе погибнем!..

Глава IV

Новые угрозы.— Храбрость.— Возмущение.— Неустрашимость.— Оружие слабых.— «Убей его!» — Слишком крепко.— Шерстяной пояс.— Пловец.— Плот.— Как в романах.— Бегство.— Отлив.— Ужин.— Конец прекрасного сна.

Умереть или быть свободными! Для отца и для детей нет иного выхода: если они не добьются свободы, то лучше умереть.

Если бы они по крайней мере были вместе, чтобы рядом бороться или встретить смерть, в случае, если счастье им изменит! К несчастью, измена негодяя передала детей в руки самого жестокого из врагов. Этот враг может с самого начала пресечь все усилия несчастного отца, бросив ему в лицо трупы детей.

Положение последних ужасно. Минуты, которые им осталось жить, сочтены, и каждая из них — сплошное мучение, потому что ничто не может уменьшить безумную жестокость их палача.

После ужасной ночи, во время которой они были привязаны, как звери, Встречный Ветер решил морить

их голодом. Оскорбление, удары и, наконец, голод.

Утром четверо малайцев явились навестить пленников. Они прибыли на плоту. Опять тот же маневр взад и вперед, подъем с помощью маленькой лестницы, которую принесли и снова унесли. Молчаливый визит, который ограничился тем, что они убедились в присутствии пленников.

Все это время Тотор с любопытством следит за их маневрами. Он внимательно рассматривает место, где спрятан канат, которым притягивают плот; глубину воды он определяет длиною кольев, конец которых ему хорошо виден. Даже во время отлива довольно глубоко.

Он видит, как малайцы уезжают обратно и возвращаются в хижину недалеко от берега, из которой они легко могут наблюдать за тюрьмой.

Он вытягивает голову, чтобы хорошенько все рассмотреть. А в это время Встречный Ветер занимается очагом, он сгребает уголья и прибавляет к ним несколько сухих веток.

Потом он жарит несколько ямсов и ждет, когда они будут готовы для еды. Затем садится, поджав под себя ноги, и спрашивает Тотора:

— Разве ты не хочешь есть?

— Я подумаю! — отвечает горбун.

— А ты, девчонка?

Лизетта поворачивается к нему спиной, не желая отвечать.

— А, ты не голодна, принцесса-недотрога!.. Великолпно, я посажу тебя на диету на сегодняшний день, так же как твоего брата господина горбуна.

Лизетта бросается на шею брату и говорит:

— Прости меня, дорогой; из-за меня этот скверный человек оставляет тебя без еды.

— О! — отвечает Тотор. — Это мне совершенно безразлично! Тем более, что я должен сегодня поститься.

— Поститься? Почему это? — подозрительно спрашивает тюремщик.

— Я не обязан перед вами отчитываться, — храбро отвечает Тотор, смотря ему прямо в лицо.

— А, ты смеешься надо мной, мерзкий оборвыш! Отлично, я тебя привяжу, как вчера вечером, за руки и за ноги!

— Только попробуйте! Негодай!.. — прибавляет мальчик, который хочет вывести его из терпения.

Храбрый Тотор гордо становится перед ним, выставив вперед кулаки, точно собираясь боксировать.

Встречный Ветер злобно смеется, и этот смех перекашивает его лицо, шрамы которого делаются лиловыми. Он бросается на мальчика, желая его ударить.

Лизетта кричит.

— Не двигайся! — говорит Тотор, не отступая ни на шаг.

Неустрашимый мальчик подымает правую руку и что-то бросает, то же самое он проделывает левой рукой. Из его рук вырываются два облака седой пыли; это зола, которую Тотор только что собрал с очага. Ловко брошенные обе горсти золы с дьявольской точностью попадают Встречному Ветру прямо в глаза.

Ослепленный, взбешенный негодяй испускает дикий рык, на который отвечает звонкий, иронический смех маленького горбунка.

Разбойник трет глаза руками, не решаясь подойти ближе из боязни попасть в отверстие на пропасть.

Тотор возвращается к очагу, быстро собирает две новые горсти горячей золы, подкрадывается на цыпочках к разбойнику и снова бросает ее ему в физиономию.

Добрая половина попадает в широко открытый рот, проникает в горло, наполняет легкие, и негодяй начинает задыхаться.

Он бросается на решетчатый пол, вертится юлой, в то время, как грудь его разрывает кашель и глаза наливаются кровью.

Тотор, смеясь от души, кричит:

— Это не опасно для жизни, мой старый Встречный Ветер, от этого не умирают, но это все-таки больно! Не правда ли, Лизетта?

— Да, но когда это окончится... — говорит девочка, которая боится наказания.

— Во-первых, при помощи золы я могу сделать, чтобы это никогда не кончилось... Его больше нечего бояться... И чтобы его удерживать, я только время от времени должен буду посыпать ему золой рот и глаза. Но не бойся, как говорит Татуированный, у меня есть идея... Великолепная идея... Ты увидишь.

На очаге, рядом с жареными ямсами, Лизетта замечает нож Встречного Ветра. Огромный матросский нож с новой рукояткой. В ней снова просыпаются все ужасы, ненависть и желание освободиться. Может быть, в этом ноже заключена их свобода.

Она хватает его, протягивает брату и говорит, бледная как смерть, указывая на катающегося по полу и страшных муках негодяя:

— Убей его!

Тотор, колеблясь, берет нож и отвечает:

— Я не решаюсь ножом, револьвером — сколько угодно, тогда не нужно самому прикасаться к телу.

— Но если он убьет нас!.. Если он убьет папу!..

— Конечно, я знаю... Попробуй ты!

— Никогда! — с ужасом кричит Лизетта. — Я согласна лучше сто раз умереть, но ты... Мужчина... Моряк!

— Это верно!.. Так как он наш общий враг... так как он изменил нам и предал нас... так как он хочет нас погубить... Я имею право его убить!..

Мальчик хватается за нож, на цыпочках подходит к Встречному Ветру, который все еще лежит, и изо всех сил ударяет его ножом в грудь, но куртка и фуфайка задерживают удар, лезвие даже не доходит до кожи.

Несмотря на это, Встречный Ветер, который отчаянно страдает, чувствует удар и машинально хватается оружием рукой.

Горбун живо вырывает нож, чтобы не остаться безоружным, и говорит сестре:

— Я не могу, это слишком сложно, ты видишь!

— Смотри, он истекает кровью, может быть, он умирает.

Стараясь завладеть оружием, которое Тотор у него быстро выдернул, Встречный Ветер порезал себе пальцы до кости. И кровь течет всюду.

Теперь, когда он на некоторое время ослеп, негодяй боится мальчика, который, как он знает, бесстрашен и решителен. Хриплым голосом, прерываемым приступами кашля, он старается его разжалобить:

— Не убивай меня!.. Я... Я тебя прошу.

— А, — отвечает горбун, — я знал, что ты трус! Я не могу убить тебя, даже если бы хотел... у меня не хватит силы... но я могу выколоть тебе глаза... тогда ты ослепнешь навсегда и никому не сделаешь больше зла.

— Я... слепой! Это слишком ужасно!.. Если бы ты знал... даже теперь я ничего не вижу.

— Тем лучше... Я этого и хотел! И потом, знаешь, это тебе очень полезно после всего, что ты с нами сделал. Но я незлопамятный... и предложу тебе сделку...

— Что ты хочешь?

— Я согласен не выкалывать тебе глаза, если ты дашь мне твой шерстяной пояс, ведь он длиною, по крайней мере, метров пять...

— Да!.. Зачем тебе?

— Это тебя не касается!.. Торопись... время не терпит.

Негодяй* все еще лежит на решетчатом полу; он крутится как червяк, не решается ползти, не может стоять на ногах и понимает, что всякое сопротивление бесполезно. Он снимает пояс и бросает его перед собой. Горбун, ловкий как кошка, хватается его на лету и говорит сестре:

— Теперь я уверен в успехе!.. Бежим!

— Когда?

— Сейчас!.. Мы должны спешить.

Раздается голос Встречного Ветра:

— Дай мне воды!.. Немного воды... я тебя умоляю... я тебе больше не причиню никакого зла... клянусь тебе... если бы ты знал, как горят мои глаза... я страдаю... я больше ничего не вижу... Это ужасно... я страшно наказан... прости меня... ради Бога, прости... дай хоть каплю воды.

— Хорошо, мой друг, в следующий раз, — отвечает маленький горбун, — если у меня будет время, я загляну к тебе. Поклонись от меня всем этим господам.

— Ты уходишь?..

— «Не уходи!.. Не покидай!..» — поет маленький горбун, окончательно развеселившись.

Обойдя еще раз свою тюрьму, он подходит к отверстию над водой и, прикрепив кушак Встречного Ветра к его краю, спускает его в пустоту; потом говорит тихо своей сестре:

— Не бойся, дорогая!

— Что ты хочешь предпринять?

— Тише, не шевелись, чтобы Встречный Ветер не мог сориентироваться, где мы находимся. Я опущусь, доплыву до плота и приведу его сюда. Когда он будет между четырьмя кольями, поддерживающими дом, ты спустишься ко мне. Теперь поцелуй меня.

Дети обменялись быстрыми молчаливыми объятиями, потом Тотор бесшумно спускается по шерстяному поясу, бросается в воду и плывет, стараясь действовать как можно тише.

Плот, как уже известно, находится на расстоянии

пятидесяти метров. Тотор без труда достигает его, взбирается на него и ищет канат.

Сейчас отлив, и это обстоятельство благоприятствует дерзкому плану Тотора. Действительно, плот находится на несколько метров ниже и, таким образом, невидим из маленькой хижины сторожам.

Найдя канат, Тотор без труда приводит плот к отверстию между сваями.

Наверху Встречный Ветер продолжает шуметь. Он ничего не видит, задыхается и так страдает, точно ему налили в глаза расплавленный свинец.

Не слыша больше Тотора, потеряв надежду его умиловить, он начинает угрожать и осыпает его проклятиями.

Он ползет наугад, ощупывает обеими руками пол и приближается к отверстию.

Лизетта дрожит от ужаса, но, точно соблюдая приказ брата, не шевелится, старается дышать как можно тише и ждет Тотора.

Наконец-то... Он внизу... как раз в тот момент, когда Встречный Ветер, ругаясь, рыча и проклиная, добирается до проема.

Она хватается за пояс, изо всех сил сжимает его, закрывает глаза и скользит вниз.

Едва она ступает на плот, как Тотор, держась рукой за канат, направляет плот обратно.

Плот быстро удаляется от проклятой тюрьмы, и Лизетта не сводит восторженных глаз с брата, который, мокрый насквозь, управляет, как опытный матрос.

— Ты совсем мокрый, дорогой! — говорит она с нежностью глубоко любящего существа.

Он беспечно отвечает:

— Ничего, теперь жарко, и я высохну.

Она прибавляет:

— Как ты хорошо плаваешь!

Он продолжает смеясь:

— А буюк на моей спине! Мой горб! Благодаря ему, я держусь на воде как пробка!

Они подплывают к земле. Плот останавливается. Тотор его привязывает. Потом он выскакивает на песок, помогает выйти сестре и говорит ей:

— Опусть голову и пригнись, мы пойдем вдоль берега.

— Куда?

— Не знаю... как можно дальше отсюда... главное,

нужно исчезнуть до первых поисков, постараться добраться до леса.

— Да, это хорошо... теперь мы свободны... это ты, дорогой, все исполнил... мне кажется, что это происходит не со мной... что я читаю роман с приключениями...

— Мало ли что бывает в жизни...

Они быстро удаляются. Никто не заметил дерзкого и отважного бегства. Часовые стерегут, как вообще все часовые, то есть они курят, играют, спят.

Местность совсем пустынная. Они направляются вдоль берега, обнаженного отливом. Кругом густая изгородь из корнепусков, которые их великолепно прикрывают. Для начала все идет прекрасно. Это блестящая идея — бежать по земле, которая во время прилива покрывается водой, так что их следы нельзя будет отыскать.

Но не все гладко. Мягкая почва проваливается под ногами.

Тотор попадает по колено в яму. Довольный, что они на свободе, он, смеясь, предупреждает сестру:

— Осторожнее, Лизетта!

Девочка обходит болото стороной, но внезапно падает во всю длину, поскользнувшись на камне. Она быстро вскакивает, осматривается, точно боясь, чтобы кто-нибудь не увидел их в таком смешном положении.

Башмаки их наполнены камешками, одежда, платье и панталоны испачканы илом, лица грязные, волосы растрепаны.

— Не всегда приятно быть беглым, — важно замечает Тотор.

Солнце поднимается все выше, и жара становится невыносимой. Их мучает голод, так как они не ели уже более тридцати часов. Кругом много раковин, наполовину зарытых в песке. Дети подбирают несколько штук, не обращая внимания — хорошие те или плохие, съедобные или нет. Тотор открывает их ножом Встречного Ветра, и они по очереди едят.

Но и это не все. Начинается прилив.

Скоро вода подымается до лодыжек. Нужно спешить наверх, где их легко могут схватить. К счастью, эта местность лесистая и кажется пустынной.

Беглецы, которые без остановок идут в продолжение четырех часов, начинают уставать. Они проходят несколько маленьких лесочков на берегу моря и попадают

и настоящий цветник, где представлены лучшие образцы экваториальной флоры.

Кокосовые пальмы, лимонные, апельсиновые и хлебные деревья, ямсы, ананасы и бананы покрывают землю и вызывают у детей крики восторга.

— Да ведь это земной рай! — замечает Лизетта. — Как хорошо было бы жить здесь с папой, Татуированным и матросами с «Лиззи».

— Да, — отвечает Тотор, — мы бы были Робинзонами, но здесь, по всей вероятности, есть дикари!

— Может быть, они не злые, но что об этом говорить!.. Мы голодны и устали... поедим и уснем, там будет видно.

— Да, пробуем эти чудные фрукты и ляжем на эту душистую траву... это настоящий ковер...

Усталость не мешает им с аппетитом, свойственным их возрасту, уничтожать чудные плоды. К счастью, Тотор захватил с собой огромный нож Встречного Ветра, иначе им пришлось бы пустить в ход пальцы и зубы, гравмируя лицо и руки, то есть действовать подобно обезьянам.

Они собирают массу плодов и несут их в тень великодушного сандалового дерева, около которого вьется дикая ваниль.

Там, защищенные от палящих лучей солнца, они падают на душистый ковер из цветов и полулежа начинают есть. Челюсти их работают вовсю.

От сандала и ванили исходит пьянящий аромат.

Плоды удивительно сочные. Повсюду масса цветов, разноцветных бабочек и птиц, которые кажутся усыпанными драгоценными камнями.

Небо темно-голубое. Тень великолепна.

Хорошо поспать после стольких ужасов.

С беззаботностью, свойственной их летам, брат и сестра моментально забывают все свои несчастья и поддаются обаянию этих чудес.

Насытившись, они засыпают с полными руками и с губами, засахаренными соком различных, но одинаково сладких фруктов.

Как они красиво спят среди этих цветов в зеленой тени! Лизетта верно сравнила этот уголок с земным раем.

Приходят сумерки, и понемногу наступает ночь. Спокойная, свежая и удивительно успокаивающая.

Тотор и Лизетта продолжают спать.

Недвижно лежат они на тонких травах, образующих мягкую, душистую постель.

Сон их продолжается двенадцать часов.

Верхушки деревьев освещаются солнцем. Оно выскакивает из-за горизонта, точно огненный метеор, и добирается до деревьев, где скачут попугаи и воркуют зеленые молукские голуби.

Наступает полдень, температура достигает апогея.

Повсюду роса, переливающаяся всеми цветами радуги; повсюду цветы, смешавшись со злаками, открывают свои чашечки, откуда исходит опьяняющий запах.

Это пробуждение природы, предшествующее пробуждению юных беглецов, поистине великолепно.

Если бы Татуированный увидел своих маленьких друзей спокойно спящими в этом экваториальном эдеме, он наверняка воскликнул бы:

— О, милые маленькие ангелы!

Глава V

Два маленьких папуаса. — Завтрак вчетвером. — Враг. — Снова в плену. — Товарищи по плену. — Умышленное откармливание. — Чтобы быть съеденными.

Из-за веток доносится легкий шум, точно от приближения крысы. Сучья бесшумно раздвигаются, и на фоне деревьев один за другим появляются два человека.

Ростом с пару сапог, черные, курчавые, толстые, с блестящей кожей, страшно безобразные, они представляют аборигенов среди этой великолепной природы.

Это дети — мальчик и девочка — приблизительно одних лет с Тотором и Лизеттой. Они испуганы, но любопытство подталкивает их вперед, и они подходят к спящим, и смотрят на них блестящими, широко раскрытыми глазами.

Они рассматривают их долго и жадно и никак не могут поверить, что эти существа с белой кожей — люди. Дикари хотят убедиться в том, что эти спящие фигуры — из плоти и крови, живут, говорят и чувствуют.

Мальчик раздумывает одну минуту, потом отрывает стебель и, держа его между указательным пальцем и большим, на цыпочках подбирается к спящему Тотору. Видя, что тот все еще не двигается, он нагибается, смеясь, точно хочет сыграть с ним смешную шутку.

Тихо, с бесконечными предосторожностями, он сует ему кончик стебля в нос.

Тотор делает резкое движение, приподымается и трисется, точно его соединили с электрическим проводом.

— А-пчхи... а-пчхи... а-пчхи!

Очарование исчезло. Лизетта просыпается и испускает легкий крик. Тотор моментально вскакивает, в то время как маленькие мартышки отбегают в сторону, подпрыгивая, как лягушки.

Несмотря на горе, которое не отпускает их долгое время, несмотря на одиночество, опасности и страхи, горбун и его сестра заразительно смеются. Они вернулись к действительности при условиях не совсем обыкновенных.

— Они довольно хорошенькие, — говорит Лизетта, которая всегда была оптимисткой. — Это, наверное, туземцы.

— Да, — отвечает Тотор, хорошо знакомый с этнографией. — Это жители Новой Гвинеи... негритосы-папуасы.

— Но чего они хотят?

— По всей вероятности, познакомиться.

Негритята слушают эти слова, звуки которых кажутся им чудной музыкой, выкатив глаза и образуя ртом букву «О».

— Какие они толстые! — замечает Лизетта.

— Да, они круглые, как шары, и напоминают откормленных гусей.

Увы, бедняжка Тотор, сам того не подозревая, сказал правду.

Любезным жестом он предлагает им приблизиться, но они, труся, точно маленькие зайчата, остаются в отдалении, не зная, приблизиться или бежать.

Но все же любопытство удерживает их. А вернее всего, как предполагает горбун, — голод. Экваториальные фрукты насыщают очень быстро, но не надолго. Обед, который Тотор и Лизетта вчера собрали с соседних деревьев, обратился в воспоминание. Желудок требует новой пищи.

— Нам пора позавтракать! — говорит без предисловия горбун, с удовольствием глядя на пищу, за которой стоит только протянуть руку.

— Так давай позавтракаем! — отвечает Лизетта как послушное эхо.

Тотор без дальнейших церемоний начинает распоряжаться, как в своем собственном саду. Он собирает бананы, фиги, делится с сестрой и с аппетитом ест. Потом они отведали несколько зерен кукурузы, которые очень сочны и составляют чудное лакомство. Они едят до тех пор, пока не становятся сыты.

Между каждым блюдом они сосут сахарный тростник, лакомясь, как маленькие обезьяны. Во время этого первобытного пира маленькие папуасы с жадностью наблюдают за ними, подобно тому, как бедняки смотрят через окна на пирующих в модном ресторане.

Они изнемогают от голода, но ничего не трогают, даже, наоборот, видя, как белые расправляются с едой, они подходят к ним, протягивая руки, произнося в нос несколько звуков, которые должны изображать просьбу.

— Как это смешно, — говорит Тотор, — просить милостыню в стране, где каждый может собрать сколько угодно.

— Может быть, — тонко замечает Лизетта, — они хотят, чтобы белые им прислуживали.

— Я думаю, что тут нечто иное, — говорит Тотор.

С самым любезным видом он указывает им на деревья, покрытые фруктами, и на землю, усеянную питательными растениями. После этой выразительной пантомимы он говорит им:

— Нужно только подпрыгнуть или наклониться.

Но эти маленькие мартышки делают энергичный отрицательный жест, указывая с ужасом на странные предметы, которые Тотор и Лизетта не заметили раньше.

Это пучки разноцветных перьев, обломки копей, лоскуты грубых тканей, кости, которые прикреплены к стволам деревьев, привязаны к веткам и кольям, всаженным в землю, или развешаны там и сям на длинных веревках, образующих род изгороди.

— Конечно, это развешано владельцами, которые хотят таким образом утвердить право собственности, — тоном юриста замечает Тотор.

— Табу! — отвечает маленький негритос, точно он понял смысл горбуна.

— Наплевать мне на них! — говорит горбун. — Так как вы голодны и не осмеливаетесь поесть, то я, Тотор Марион, французский матрос и марсовой бугшприта, своей собственной властью накормлю вас.

Он немедленно дает им такое количество пищи, что

они с ужасом таращат глаза, а слюни при этом текут и текут из их ртов с крепкими белыми зубами, напоминающими пасти крокодилов в лагуне.

Они набрасываются на провизию, хватают ее и едят с жадностью молодых животных, аппетит которых не имеет предела.

Во время еды они с любопытством смотрят на белых, которые так смело уничтожают имущество Табу.

Наконец они сыты. Они вытирают рот тыльной стороной руки и спокойно усаживаются, выпуская вздох удовлетворения.

Что мы теперь будем делать? — спрашивает Лизетта у брата, с ужасом вспоминая вчерашнюю атаку.

— Вот какой у меня план, — отвечает Тоттор. — Встречного Ветра больше бояться нечего; малайцы, конечно, потеряли наши следы. Нам нужно во что бы то ни стало выйти к реке.

— А они? — спрашивает девочка, показывая на негритят.

— Я думаю, что они после этого пира покинут нас и вернутся в свою семью.

— Пожалуй! А что мы будем делать около реки?

— Мы спрячемся в кустах и будем ждать, пока папа, Татуированный и моряки не придут за нами. Ты, конечно, понимаешь, что папа думает, что мы все еще в руках Ника Портера, и он в шлюпке спустится вниз по течению, чтобы напасть на него.

— А где река?

— Там, где заходит солнце.

— Отлично! Если хочешь, мы двинемся как можно скорее.

— В таком случае пойдем сейчас же!

Сказано — сделано; они пустились в дорогу. Негриты не колеблясь последовали за ними, как будто это совершенно естественно и как будто, угостив завтраком, дети приняли их в свою компанию.

Тоттор смеется и говорит:

— Это очень комично! Теперь я буду отцом, а ты матерью семейства.

— Да, это очень комично. Смотри, что это они делают?

— Да они не так глупы: они уничтожают наши следы, чтобы нас невозможно было преследовать.

Таким образом, они продвигаются около получаса.

Тотор, который идет впереди, непреклонно придерживается западного направления.

Маленький папуас легким рычанием выражает протест, призывая повернуть на восток, где возвышаются горы, покрытые густым лесом. Тотор вновь указывает на запад, но маленькая мартышка упрямится и протягивает указательный палец, похожий на палочку лакрицы, по направлению к востоку.

— Так как мы не сходимся во мнениях, — говорит маленький горбун, — то пусть каждый следует своей дорогой.

Он продолжает путь в сопровождении Лизетты. Негритосы минуту колеблются. Они обмениваются несколькими словами, и на их лицах появляется выражение ужаса. Девочка плачет и дрожит; мальчик протягивает руки, как бы желая сказать:

— Я ничего не могу поделать!

И, поблуднев, насколько могут это сделать негры, то есть став серыми, как сажа, стуча зубами и вытаращив глаза, они следуют за Тотором и Лизеттой, дрожа всем телом.

— Происходит что-то странное, — замечает горбун вполголоса.

— И что-то очень страшное! — шепчет Лизетта.

— Но что же?

Увы, они скоро это узнают. В продолжение получаса все четверо идут дальше, белые счастливы, что приближаются к великой реке, к дороге, которая приведет их в город пиратов; черные охвачены таинственным ужасом.

Вдруг из-за кустов раздается шум шагов, дикие крики, ужасные рычания, характерные для людоедов океанских земель. Испуганные горбун и его сестра инстинктивно прижимаются друг к другу. Негритята стараются укрыться между ветвями.

Напрасный труд! словно тигры, отправившиеся на охоту, выскакивают два черных ловких и мускулистых тела. Это гигантские папуасы, обнаженные до пояса, с кожей, покрытой иероглифами, и жестокими лицами, хранящими следы алчности и порока.

С неслыханной жестокостью один из них хватая своей черной лапой негритят, которые попадают, как крысы в ловушку, и привязывает одного к другому.

Второй проделывает то же с Тотором и Лизеттой, при этом он выражает легкое удивление и хватая гор-

буна за волосы; так как Тотор протестует, он оглушает его тумаком по затылку.

Лизетта отчаянно кричит. Жалобы эти так же мало действуют на чудовище, как крики мучаемой птицы. Он бросает ее на безжизненное тело брата, привязывает их друг к другу длинной веревкой, которая служила ему кушаком, и не заботится больше о том, живы они или нет.

Проделав все это, разбойники забрасывают на плечи не живому телу и продолжают дорогу с такой легкостью, точно несут пару кроликов.

Крики Лизетты делаются все слабее, потом, побежденная страхом и горем, она лишается чувств.

Оба гиганта идут в направлении, которому следовал Тотор и которого так боялись бедные негритята.

Кто эти черные дети? Тоже беглецы, но от кого же они бежали?

Проходит приблизительно час. Они подходят к большой хижине из бамбука, крытой тройным слоем банановых листьев. Окруженная широким валом хижина возвышается на метр, и крыша ее образует со всех сторон навес.

Четыре маленьких пленника положены на пол.

Тотор и Лизетта понемногу приходят в себя.

Маленькие дикари, более выносливые, не лишились чувств, но веревки так крепко сдавили их тела, что они не в силах пошевелиться. Бросая во все стороны испуганные взгляды, понимая, что бегство невозможно и всякая надежда на помощь напрасна, они беспрекословно покоряются.

Один из палачей хватается их за волосы и растаскивает в разные стороны. Они не шевелятся, руки и ноги их онемели.

Другой разбойник, схватив своими огромными лапами светлые локоны Тотора и черные косы Лизетты, тоже тащит куда-то бедных малюток.

Они чувствуют в затылке отчаянную боль и испускают душераздирающие крики:

— Гектор!.. Братец!.. На помощь!.. О!.. Как больно!.. Я умираю... братец!.. На помощь!..

Горбун рычит, как молодой львенок. Он царапается, кусается, отбивается и подбадривает сестренку:

— Храбрись!.. Дорогая... нам помогут... о, негодяй! Кажется, он отрывает мне голову!... Негодяй... я ему отомщу!

Первый, который несет негритят, ударом ноги отворяет решетчатую дверь и втаскивает во внутрь комнаты свои жертвы. Второй следует за ним со стонущей Лизеттой и угрожающим ему Тотором.

Мучители и жертвы находятся в огромной темной комнате, где царит приятная свежесть. Мебель в этой комнате весьма странная. Около дюжины больших четырехугольных клеток по полтора метра длины.

Снабженные крепкими деревянными решетками, они, видимо, рассчитаны на огромных, сильных зверей. Большинство из них заняты, так как Тотор, внимательно рассматривающий все углы помещения, замечает через решетку какие-то движущиеся тени и в ужасе восклицает про себя: «Неужели нас отдадут на съедение диким зверям?»

Со всех сторон доносятся тихие жалобы, смешанные со стонами.

«Но это человеческие голоса!.. Голоса детей!»

Ужасно! Бедные пленники, сидящие в этих клетках, такие же несчастные дети, как и те, которых разбойники только что захватили в лесу и принесли с собой.

Тотор и Лизетта приходят в ужас от ужасной истины. Они догадываются, что их маленькие товарищи по несчастью убежали из этой ужасной тюрьмы, потом случай свел их вместе.

Конечно, охотники за людьми нашли их, несмотря на то, что они предусмотрительно заматали свои следы.

Эти люди-ищейки обладают собачьим нюхом. Они поймали своих пленников и прихватили вместе с ними Тотора и Лизетту. Всю эту несчастную четверку они препроводили в отвратительную тюрьму, где дети посажены в клетки, как гуси, которых откармливают.

Несколько клеток пусты, и двери их открыты. Вместо ключей на дверях — завязки из тростника, не такие устрашающие, как железные замки, но такие же крепкие.

Живодеры сажают туда детей — негров и белых. Первые спокойны, вторые кричат, протестуют, царапаются и кусаются. Но все это напрасно. Четыре двери бесшумно закрываются, и бедные малютки, разделенные друг с другом, закрыты в клетках.

Крики и жалобы прекратились. Повсюду царит тишина, которую прерывает голос горбуна.

Несмотря на отчаянное положение, неустрашимый ребенок все еще надеется на лучшее.

Дорогая Лизетточка! Не бойся, — говорит он своей сестре, которая молча плачет, — мы выйдем отсюда, и я приду к тебе в этом!

Да, да! Не правда ли, братец? — шепчет девочка, голос которой доносится издали совершенно ясно. — Ну же мой! Что-то с нами сделают?

Этого я не знаю, — говорит Тоттор, который храбрится, — но имей терпение. Мы вырвались из когтей Встречного Ветра, удерем и отсюда.

Но мы заперты, и эти противные черные люди ходят вокруг дома, я их вижу...

И я тоже! Но не бойся. Они не всегда будут нас сторожить... Они уснут или пойдут за едой и оставят нас одних... тогда мы посмотрим.

Если бы я была рядом с тобой, я бы не так боялась!

Храбрись, деточка!.. Я уверен, что нам удастся... и это чувствую... Ведь ты дочка и сестра моряков! Нужно быть храброй.

Я постараюсь.

Великолепно! Теперь отдохнем! Конечно, не все обстоит благополучно, у меня болят руки и ноги...

А у меня кожа на голове! Мне кажется, точно мне воткнули в голову раскаленные булавки; кроме того, веревки порезали тело.

Да, я знаю... это неудобства, с которыми сопряжена жизнь искателей приключений! Чем все это кончится? Ну, довольно болтать, помолчим и отдохнем.

Пока положение не особенно скверное, им не приходится идти или бежать по палящему солнцу. Пол илетки на полметра выстлан слоем шерсти. Это образует мягкое, уютное гнездышко, невольно располагающее ко сну; кругом царит тишина, и здесь легко можно проспать двадцать часов в сутки.

Хорошо бы покушать, — говорит проголодавшийся Тоттор.

Не вполне наевшись фруктами и растениями, он опасается, чтобы их с сестрой не заставили поститься и не морили бы голодом.

Увы, наказание совершенно другое. Проходит время, которое кажется горбуну бесконечным. Он обдумывает планы бегства, настолько же смелые, как и неисполнимые. Вскоре до его слуха доносится легкий шум шагов, потом несколько ударов, сопровождаемых вздохами и икотой. Не слышно ни жалоб, ни стонов.

«Пока ничего опасного», — думает Тотор.

По утрамбованной земле раздаются шаги босых ног. Тотор различает силуэты палачей. Раздается сухой треск, над его головой раздвигаются прутья решетки и просовывается длинная черная рука со скрюченными пальцами. Мерзкие лапы хватают Тотора за волосы, тянут его голову к отверстию и вытаскивают ее наружу. Тотор кричит и отбивается, но все напрасно! Через отверстие, которое слишком узко для его плеч, проходит только голова. Бедный малютка остается в клетке, и ноги его стоят на полу. Тотор снова кричит, но крик этот тотчас гаснет. Ему всовывают в рот, почти до горла, что-то круглое и несъедобное.

Он стискивает зубы, намереваясь прокусить этот предмет, но он крепок как железо, и зубы не могут ничего сделать. Огромные папуасы, серьезные и неподвижные, как бронзовые статуи, вершат свое странное дело.

Один из них все еще держит голову горбуна, которая издали кажется отрубленной, другой приспособил под мышкой бурдюк из козьего меха, напоминающий собой волынку, в которую вделана трубка, конец ее воткнут в рот Тотору.

Человек крепко сжимает бурдюк рукой, и из него вытекает мутная жидкость, похожая на кашу. Она через трубку проникает в глотку, в пищевод и, наконец, в желудок мальчика. Он давится, краснеет, бледнеет и волей-неволей пьет, пьет до изнеможения.

Наконец палач решает, что достаточно. Он вытаскивает трубку, и последняя порция наполняет рот жертвы, связывает его язык и зубы. Пища не особенно противная, она сладкая, густая и вязкая одновременно.

Мучитель номер два отпускает волосы Тотора, который моментально падает вниз, красный, как томат, и насытившийся, как птица. Не в силах произнести ни слова, бедный горбун ложится на толстый слой шерсти, изнеможенный, сонный и бесчувственный; он даже не слышит крика, который испускает его сестра.

Лизетта тоже подвергается экзекуции, известной скотоводам под названием механического откармливания. Все ее маленькое существо противится этому варварскому маневру, который делает человека машиной для еды и переваривания ее.

Насытившись так, что готова лопнуть, она падает на шерстяную постель, наполовину удушенная. Все маленькие пленники по очереди подвергаются этой пытке.

Волей-неволей они съедают эту смесь ямсового масла и кукурузной муки, которая скоро сделает их жирными и круглыми, как пулярки, с нежным, как у дроздов, мясом.

Тогда их можно будет съесть. Господа людоеды Новой Гвинеи считают себя лучшими гастрономами мира.

Глава VI

Индийный путь. — Одиннадцать против тысячи. — Воспоминание о Тонкинских героях. — Выстрел. — Подвиги Галипо. — Сожженный Аюг. — Город мертвецки пьяных. — Ник Портер. — Битва. — Резня. — Ужасная угроза.

Возвратимся к судну, стоящему в одном из рукавов дельты реки Флай, самой большой реки Новой Гвинеи.

Несмотря на то, что с первого взгляда оно кажется разгромленным и неспособным дальше нести на себе хрибрых матросов, его можно починить.

Первым делом следует закрыть доступ воде. Благодаря водолазному аппарату эту трудную операцию можно произвести относительно легко: закрыть брешь извне, набить пробойну досками, потом заткнуть отверстия никлей, пропитанной жиром.

Эта работа, производимая под водой, очень длительна и трудоемка. Когда пробойна будет ликвидирована и судно сделается водонепроницаемым, начнут работать помпы. Нужно выкачать огромное количество воды, заполнившей трюм. Это очень тяжело, особенно если экипаж ослаблен усталостью, ранами и болезнями.

Работа эта возможна, если насосы выкачивают воды больше, чем ее просачивается в трюм, но иногда, несмотря на все усилия, помпы не справляются. Тогда нужно наложить на дерево пропитанную жиром ткань. Это нечто вроде губки, употребляемой для мытья. Нередко этот пластырь спасает судно. Понемногу оно высвобождается из ила и песка и вновь держится на воде.

Закончив внешний ремонт, принимаются за внутренний. Рана, казавшаяся смертельной, излечена.

Все это продолжается очень долго даже для испытанного терпения моряков.

Если бы дети были на корабле, капитан занялся бы этим немедленно. Но время не терпит. После

подлого письма Ника Портера нужно срочно сняться с якоря и вступить в борьбу за освобождение дорогих малюток.

Если бы только несчастный отец знал, что произошло в воздушной тюрьме, где глава пиратов считал их в сохранности!

Если бы он знал об удивительном и великолепном поступке сына, маленького, веселого и бесстрашного героя, он мог бы не так спешить, он не бросился бы, зажмурившись, в это опасное предприятие.

Но он решился, и с тех пор, как судно спасено, его план неизменен. Он зовет старшего помощника и говорит ему:

— Дорогой Гранжан, к сожалению, я должен вас оставить здесь, в то время как мы нападём на разбойников в их логовище.

— Капитан! — отвечает старший помощник. — Вы — мой начальник, и я должен вас слушаться. Но вы ко мне всегда относились дружески. Позвольте мне сказать вам, не оспаривая ваш приказ, что я был бы счастлив участвовать вместе с вами в освобождении ваших милых деток, которых я люблю от всего сердца.

Марион крепко жмет ему руку и растроганно отвечает:

— Я знаю это, мой друг, и очень вам признателен, но и вы поймите, что я должен оставить здесь опытного человека, пользующегося авторитетом. С вами останутся пять человек, с собой я беру десять. Пока мы будем добиваться там невозможного, вы постарайтесь окончательно починить судно, защитить его в случае нападения, делая все, что вам заблагорассудится, чтобы сохранить нашу бедную «Лиззи».

— Капитан, ваш приказ будет исполнен... можете рассчитывать на меня.

— Спасибо! Выберите тех, которые должны остаться с вами.

— Оставьте плотника, который мне необходим, и раненых; берите с собой всех здоровых, вас, к сожалению, не слишком много.

С десятью воинами, сам одиннадцатый, неустрашимый бретонец собирается напасть на разбойничью орду, которая держит в страхе весь океан вплоть до Борнео. Он наскоро вооружает своих людей. Каждый получает пару револьверов, топор, саблю, винтовку и двести пятьдесят пуль.

Большая шлюпка спущена на воду. Все обмениваются рукопожатиями, и Марион отплывает по реке Флай.

Одиннадцать человек хотят напасть на целую армию ниритов.

Несмотря на храбрость моряков, которые идут на битву, как на праздник, это предприятие казалось бы верхом безумия, если бы в нашей отечественной истории не было уже подобного факта.

При первом покорении Тонкина горсточка героев совершала подвиги, которые кажутся неправдоподобными.

Вспомним имена этих храбрых французов, большинство которых здравствует и по сей день и могут с гордостью сказать:

Я был там, такие вещи случаются.

Лейтенант судна Франсис Гарнье, прапорщик Бальни д'Аврикур — оба погибшие на поле чести.

Младший лейтенант де Трантиниан, теперь генерал, гардемарин Отфейль, теперь капитан судна, доктор Арман, сделавшийся полномочным министром, помощник комиссара Дюбар, произведенный в главные инженеры.

Под командой Франсиса Гарнье они шли, имея при себе сто восемьдесят человек.

С этими воинами Гарнье послал вице-королю Тонкина Нгуиебу свой знаменитый ультиматум: если через двенадцать четыре часа он не получит удовлетворения или оскорбление, нанесенное Франции, он, Гарнье, объявит вице-королю войну и нападет на Ганой!

Это принадлежит истории.

Эти сто восемьдесят человек атаковали 20 ноября 1873 года Ганой, город с 80 тысячами жителей и с семью тысячами обученного войска, и взяли его приступом.

Заметьте, что этот город был огорожен и имел крепость по образцу Вобана.

На другой день сорок два человека под командой прапорщика судна Бальни д'Аврикур захватили редут Фугай.

Через несколько дней цитадель Нинг-бинг была взята Отфейлем с восемью солдатами. Это было девятнадцать лет назад.

За один месяц Гарнье и его сто восемьдесят человек покорили Тонкин.

С жителями Востока, ленивыми фаталистами и меланхоликами, следует поступать энергично и смело.

Они словно лишены нервов, не ощущают боли, не боятся смерти, и, несмотря на это, белые с их совершенным оружием и, главное, смелостью наводят на них панический страх, благодаря которому горстка людей может покорить целый народ.

Благодаря приливу, шлюпка подвигается очень быстро; их встречают два выстрела.

— Мимо! — кричит Галипо, сменивший свой белый наряд на костюм воина. — Капитан, осмеливаюсь просить разрешения ответить им одним выстрелом.

— Хорошо, мой мальчик... только одним!

Повар быстро подносит винтовку к плечу и целится в группу малайских стрелков.

Два человека падают, сраженные одной пулей. Общее удивление.

Галипо находит это вполне естественным и торжественно говорит:

— Вот как действуем мы, марсельцы.

Матросы хотели бы открыть огонь, но капитан противится этому. Он боится спугнуть эффект, вызванный этим выстрелом. Действительно, стрелки, боясь, как бы не последовал залп, который может их уничтожить, быстро удаляются.

Они бегут к верховью реки, где видно несколько домиков.

Шлюпка продолжает свой путь. Хижины пусты, не видно ни одного человеческого существа.

Вдали показывается группа строений; это больше чем деревня, почти что город.

Распбложенный в бухте реки город — одна из резиденций Ника Портера.

Перед ним около сотни местных лодок и величественная буанга, которая тихо покачивается на волнах.

Разбойники так уверены в своей безопасности, что на лодках нет никого. Они спят на земле пьяные; даже пушечные выстрелы не в силах их разбудить.

Никто не предполагает, что одиннадцать моряков могут напасть на тысячу.

У капитана появляется идея, и он говорит шкиперу шлюпки, показывая на буангу:

— Подплыви к этому судну, но тише.

Вскоре шлюпка вплотную подходит к буанге.

— Пусть кто-нибудь влезет наверх.

— Если вам безразлично, капитан, то влезу я, — предлагает Галипо.

— Как хочешь. Тебе передадут жбан с горючим, ты выльешь его содержимое на междупалубное перекрытие и зажжешь... главное, не обожгись...

— Не беспокойся, капитан, я хорошо знаком с жарением.

— Ну, живей!

Чтобы выиграть время, Татуированный хватает поваря за лодыжки, подымает его, как циркового паяца, и подносит к борту малайского судна.

Галипо влезает с легкостью обезьяны и кричит:

— Ну, подавайте!

Ему передают жбан, он хватает его на лету и исчезает внутри судна.

Через две минуты из всех строений потянуло горячим, потом показываются дым и пламя.

Галипо снова появляется на палубе, быстро спускается по балансиру, вскакивает в шлюпку и говорит:

— Там все сухое, как трут. Есть люди, которым скоро там не очень-то понравится.

— Про кого это ты говоришь? — с любопытством спрашивает Татуированный.

— Про всех тех, которые лежат там пьяными. Это будет для них как солнечный удар.

Татуированный, который со времени исчезновения детей всегда был в состоянии гнева, говорит с жестокой радостью:

— Со смертью животного исчезает и яд. Все средства хороши против этих мерзавцев.

Таково начало этой дикой и беспощадной войны.

Буанга пылает, как связка пакли. Прао, стоящие около нее, вспыхивают, и огонь перекидывается на лодки.

— Хорошее начало! — ворчит довольный шкипер; капитан командует:

— Гребите!

На берегу возвышаются воздушные хижины, похожие на тюрьму Тотора и Лизетты, это посты часовых, которые в данный момент спят. Однако находятся несколько пиратов, которые поднимают тревогу, стреляют, ни в кого не попадают и выкидывают черный флаг.

После этих аванпостов хижин становится больше, потом показываются огромные постройки, служащие жилищами пиратов, когда они сходят на берег для устройства оргий.

Там есть склады, наполненные товарами, продуктами и в беспорядке сложенными огромными богатствами.

Здесь стерегут несколько лучше, хотя и сюда докатилось пьянство, и воздух наполнен винными парами.

Жители Азии и Океании едят очень мало. Немного рису или рыбы и несколько фруктов им вполне достаточно, чтобы насытиться, но нельзя сказать, чтобы они были трезвенниками.

Поставьте перед ними крепкие напитки, и вы увидите, как они будут уничтожать их до полного бесчувствия.

Особое пристрастие, доходящее до неистовства, испытывают они к отвратительному рисовому спирту.

И, несмотря на это, люди пьют не из любви к приятному на вкус яду; они уничтожают опьяняющие напитки так быстро и в таком огромном количестве, что те не могут вызвать у них никакого вкусового ощущения, никакого гастрономического удовольствия. Они скорее стремятся к быстрому и полному опьянению, от которого слабеет тело, и которое уносит душу в далекий мир сновидений.

Главное, они чувствуют себя полностью в безопасности. Никто никогда не мог им противостоять, они всегда имели дело с малочисленными и слабыми врагами и всегда побеждали.

— Причаливай! — командует капитан Марион.

Шлюпка подплывает к деревянной набережной; и матросы «Лиззи» вылезают, удивленные тем, что беспрепятственно проникают в этот мертвецки пьяный город.

— Хорошо было бы все это подпалить, — замечает Галипо, который вошел во вкус. — Пожар флотилии продолжается? Как, капитан?

Все постройки — из дерева, бамбука и тростника; достаточно спички, чтобы спалить весь город.

— Подожди! — говорит капитан. — Может быть, потом...

Покамест он желает узнать, где находятся Ник Портер, Встречный Ветер и дети. Особенно дети, участь которых его страшно беспокоит. Ему необходимо захватить кого-нибудь в плен, чтобы добиться хоть каких-то показаний. С револьвером в руке подходит он к хижине, открывает ее ударом ноги и находит в ней четверых людей. Трое храпят, лежа на земле. Четвертый, сидя

на ковре, подносит ко рту тыквенный сосуд с жидкостью. Очевидно, это рисовая водка.

Еще одним ударом ноги он выбивает бутылку, хватая человека за волосы, приподымает его одной рукой и говорит:

— Я желаю знать, где находится Ник Портер!.. Ты слышишь — Ник Портер!..

Испуганный малаец стучит зубами, дрожит всем телом и лепечет непонятные слова.

Марион трясет его изо всех сил, держа в воздухе, как паяца, и кричит:

— Отвечай, или я тебя убью!.. Где твой хозяин? Злодей понимает слово «хозяин». И предлагает любому человеку, который умеет заставить себя слушаться, проводить его. Группа отправляется в путь, предводительствуемая человеком, зубы которого, окрашенные в черный цвет, продолжают стучать.

По мере приближения к центру поселка усиливается шум человеческих голосов, крики оргий, звук железных посуды и варварских музыкальных инструментов. Бегут испуганные люди. Большинство вооружено с ног до головы, они несут бутылки, съестные припасы, топки и какие-то неопределенные предметы, которые прячут под покрывающими их тканями.

Все эти люди бегут по направлению к громадной постройке, которая возвышается над хижинами, словно собор.

— Вот он... там,— говорит провожатый, дрожа еще сильнее.

Моряки спешат со штыками наперевес к громадной двери и расталкивают бегущих людей. Посреди криков и проклятий капитан широко распахивает дверь и первым входит в громадный зал, где товарищи Ника Портера едят, пьют, спят, развлекаются, производя ужасный беспорядок.

За ним входит вооруженный взвод. Это явление полчищ встречено грозным рычанием. Со всех сторон раздаются крики:

— Враги, враги!.. К оружию!

Ник Портер, потревоженный в самый разгар веселья, узнает капитана и бледнеет. Всегда храбрый и доверяющий окружающим его людям, он выхватывает револьвер и стреляет; плохо направленная пуля пробивает стену. Матросы поднимают ружья.

— Пли! — командует капитан.

Словно гром, раздаются выстрелы из десяти винтовок. Конические пули попадают в сомкнутые ряды застигнутых врасплох негодяев и производят невероятное смятение.

Храбрые, привыкшие ко всякого рода неожиданностям, к беспощадной борьбе, к окровавленным телам, пираты бросаются к трофеям, украшающим зал, вооружаются саблями, пиками, ружьями и ножами.

— Пли! — командует еще раз Марион.

Раздается новый залп винтовок, потом третий, четвертый, они охлаждают горячность разбойников, бросившихся было на маленькую группу, крепкую как скала.

За выстрелами следуют стоны и крики. Залпы раздаются с оглушительным треском и сотрясают легкую постройку. Дым стоит столбом. Везде видны тела, раздробленные черепа, сломанные руки и ноги. Кучи мертвых и умирающих. Место, где незадолго перед этим происходила оргия, представляет из себя ужасную картину разрушения. До сих пор среди моряков никто не ранен. После минуты тяжелого молчания раздается угрожающий голос Мариона:

— Ник Портер, слышишь ли ты меня!

— Да, слышу, проклятый! — кричит пират.

— Я сжег твой флот, взял твой город... Я превращу его в пепел и перережу твоих подлых сообщников. Ник Портер, ты был моим палачом... но я прощу тебя и пощажу всех твоих, если ты отдашь мне моих детей.

Разбойник злобно хохочет и отвечает с иронией.

— Ты прощаешь... ты угрожаешь... можно подумать, что хозяин положения — ты... но пощады должен просить ты у меня, и ты будешь убит. Смотри!

Глава VII

В темноте. — Чтобы бежать. — Хорошо охраняемая дверь. — Смелость и осторожность. — Стрелы. — В глаза. — Слепой. — Первая победа. — Снаружи. — Пожар. — Свободны. — Бегство. — В темную ночь. — Тотор — одновременно строитель, капитан и экипаж. — На плоту.

В то время, как экипаж «Лиззи» предпринимает нечеловеческие усилия, чтобы их освободить, дети капитана Мариона понимают, что положение их ухудшается с каждой минутой.

Запертые каждый в отдельной клетке, приговоренные к неподвижности на кровати из шерсти, ничего не слыша и не видя, отяжелевшие от огромного количества пищи, они не имеют силы сопротивляться животному состоянию.

Это откармливание, отвратительное и зверское, происходит четыре раза на день.

Малютки не в силах даже размышлять; они только едят, спят и переваривают. Они едва успевают обмениваться несколькими словами, так их утомляет эта усиленная работа организма.

- Не потолстел ли я?

Ему приходит блестящая мысль. Этот маленький бэсенок имеет неистощимый запас самых причудливых планов, исполнение которых не особенно трудно и может быть предпринято немедленно.

Он еще раз говорит себе:

- Так как в меня насильно вводят в десять раз больше пищи, чем я в состоянии уничтожить, мне остается избавить мой желудок от излишков...

Долго не раздумывая, он засовывает себе палец в рот до самой глотки. Результат наступает немедленно.

Тотор сразу чувствует себя лучше, его мозг проясняется, мысли делаются живее, возвращается воля и вместе с ней жажда деятельности, которая характеризует маленького марсового.

- Я буду поступать так после каждой еды, пока мне не удастся нас освободить. — Он вспоминает, что два миленьких папуаса, которых забрали вместе с ними, уже однажды бежали отсюда, и говорит себе: — Я поступлю так же!

Но у них два жестоких сторожа, которые откармливают бедных пленников. Гиганты состоят из одних мускулов, и сила их беспредельна.

Как убежать? Как обмануть их собачий нюх? Как выбраться из клетки?

С первого взгляда трудности кажутся совершенно непреодолимыми.

Между тем глаза Тотора привыкли к полутьме, которая царит в мрачном жилище. Горбун своим острым взглядом рассматривает людей и помещение. Для начала он замечает, что негодяи сменяются. На ночь под хижинкой остался только один; другой при заходе солнца ушел, а оставшийся улегся спать на подстилке.

Тотор слышит его храп недалеко от себя.

Нужно удрать от этого сторожа или совсем освободиться от него. Употребить силу немислимо. Остается хитрость. Этот бесенок имеет в своем горбе целую кучу идей. Но он молод и слаб в сравнении с колоссом.

В его кармане хранится нож Встречного Ветра. И это уже оружие.

Ах, если бы он обладал силой! Если бы не так трудно было пропороть человеческую кожу! С каким бы удовольствием он зарезал, как борова, этого отвратительного людоеда.

Не стоит себя обманывать. Со времени Скотена и Лемера, Абея Тасмана, Дампие, Бугенвиля, Кука и всех посещавших эти места с 1616 до 1770 гг., мало что изменилось.

Папуасы более чем кто-либо любят человеческое мясо. До сих пор ничто не мешало им предаваться этому отвратительному занятию.

Они любят хорошие, нежные кусочки, как истинные гурманы; таким образом, торговля человеческим мясом постоянно процветает в этой райской стране. Занятия некоторых людей заключаются только в добывании детей, чтобы потом, подвергнув их откармливанию, выгодно продать на съедение богатым любителям человечины.

Древние исследователи много рассказывали о подобных ужасных фактах, которые вполне достоверны.

Тотор знает все это. Он читал в книгах своего отца о рассказах древних и новых путешественников. Он прекрасно понимает, что означает это усиленное откармливание.

Значит, надо немедленно бежать вместе с сестрой. Он вытаскивает из кармана нож и перерезает тростниковые завязки, заменяющие замок. Его останавливает мысль: «Сторож сразу заметит это».

Но тогда что же делать? Нужно выйти из клетки и снова войти в нее, не производя шума и не оставляя следов. Когда он выйдет, он должен лишить тюремщика возможности его преследовать.

— Начнем сначала, — говорит Тотор, — и пусть маленькая Лизетта поспит во время этих приготовлений.

Он подымается и делает то, что раньше ему не приходило в голову. Захватив обеими руками решетки, он пытается трясти их и перевернуть.

Начало скверное. Ничто не поддается, решетки прочны словно скала. Но вот один прут начинает поддаваться.

Крепись, Тотор, тебя ждет удача!

Этот прут — против двери. Отверстие, в которое воткнуты его концы, слишком велики. Тотор чувствует, как сильно бьется сердце. Если бы удалось! Он подымает прут и вертя вытаскивает его. Внизу, на уровне постели, образуется отверстие. Мальчик ощупывает его и говорит:

Моя голова легко пройдет... но горб? Во всяком случае попробуем!

Это не так-то легко. Решетка давит и душит его. Но наконец он вылезает из проклятой клетки. Однако он слишком поторопился. Его ноги, обутые в туфли, производят шум. Он быстро снимает их и ступает тихо как мышка. На дворе светит луна. Свет ее, проникая через решетчатые стены, освещает внутренность комнаты. Это единственное счастливое обстоятельство, благоприятствующее несчастному ребенку, преследуемому судьбой. Сдерживая дыхание, избегая препятствий, ища, куда ступить, обдумывая каждое движение, он проскальзывает между клетками и стеной, отыскивая выход из проклятого дома.

Вдруг до его слуха доносится храп, и он чувствует смертный запах; он двигается дальше и видит сторожа, спящего на толстой подстилке. Около разбойника — тыквенная бутылка с рисовой водкой.

Направо и налево разложено оружие: дубина, лук, пика и длинные стрелы.

Тотор все это ясно видит, и с уст его готов сорваться крик отчаяния. Сторож-дикарь лежит поперек двери. Его тело загораживает выход и лишает его последней надежды. По всей вероятности, вчерашнее бегство маленьких негрят сделало его недоверчивым, и он предусмотрел эту предосторожность, которая теперь угрожает планам маленького горбуна.

Тотор снова чувствует, что сердце готово выскочить из груди. На глазах выступают слезы, и требуется вся его энергия, чтобы не разразиться рыданиями.

Он на минуту останавливается, спрашивая себя, что предпринять; он не хочет оставаться в качестве гуся при откармливании и готов совершить что-нибудь решительное, неустрашимое и, если нужно, ужасное.

Злость высушивает его глаза и успокаивает. Это животное без зазрения совести отдаст их на съедение людоедам. Подлая алчность пьяного дикаря угрожает ужасной смертью несчастным детям.

Маленький горбун говорит себе, что жалеть чудовище не стоит. Это дикое животное, которое во что бы то ни стало нужно обезвредить, хотя бы даже убив его.

И это возмущение и злоба, кипящие в его крови, придают Тотору смелость и силу, на которую он не считал себя способным.

Он подходит к дикарю настолько близко, что почти касается его. Храбрость мальчика доходит до безумия. Хладнокровие — беспредельно. Он наклоняется, задерживая дыхание, боясь произвольно произвести шум. Вытянув руки, он хватает одну из стрел, разложенных на полу, и тянет ее к себе. Он берет ее левой рукой и снова наклоняется, чтобы взять вторую стрелу.

Он действует настолько медленно и осторожно, что это в общем-то простое дело занимает целых десять минут.

Пот ручьями течет с его лица, сделавшегося совершенно мокрым. Сердце бьется. Тело дрожит.

Он до крови закусывает губу, чтобы задержать вздох.

Он стоит, крепко держа обеими руками по стреле. Боже! Что он собирается делать!

Отяжелевший от пищи и вина дикарь спит крепким сном существа, чувствующего себя в безопасности. Голова его покоится как раз у ног горбуна.

Тотор подносит концы стрел к закрытым векам негодя и изо всех сил втыкает их.

Потом, отпустив стрелы, он отскакивает назад.

Человек испускает ужасное рычание. Машинально он подносит руки к глазам. Они натываются на воткнутые стрелы. Не соображая что делает, обезумев от боли, он хватается их и выдергивает вместе с глазами, на месте которых образуются дыры, истекающие кровью. Потом он бьется в судорогах, рыча изо всех сил.

Из клеток раздаются жалобные крики.

Малютки со страхом и отчаянием сотрясают свои решетки.

Тотор узнает голос Лизетты.

К счастью, падач находится в другом конце комнаты. Горбун хватается свой нож, бежит к клетке, в которой сидит его сестра, ощупью находит дверь и говорит:

— Не бойся, сестренка, это я!

— О, дорогой... спаси меня... я умираю от страха... это ужасное рычание... этот шум.

Да... Это наш палач... я расправился с ним лучше, чем со Встречным Ветром.

Быстро произнося эти слова, он прорезает ножом трюмник, связывающий дверь.

Наконец проклятая дверь открыта. Испуганная девочка бросается в объятия брата, говоря:

Спасена!.. Ты меня спас... милый братец... бежим... скорей... скорей... подальше отсюда... я боюсь этого черного человека, который рычит...

— Он больше не опасен, — говорит Тотор, и голос его еще дрожит от гнева.

Бежим!.. Я умоляю!.. — настаивает девочка, которая не может успокоиться.

— Одну минутку, — говорит горбун.

Лизетта повисла на руке брата, чтобы более его не покинуть. Он идет, освещаемый лучами, проникающими через решетку, и останавливается перед каждой клеткой. Он открывает их таким образом, чтобы маленькие пленники могли выйти.

Для каждого пленника это — немедленная свобода, неожиданная возможность избавиться от ужасной участи. Это жизнь!

Странно! Дети не шевелятся. Может быть, их останавливает страх перед сторожем, или они так отяжелели от откармливания, но они лежат, свернувшись клубочком, как дипломированные животные на выставке.

— Живо! Выходите все! — кричит горбун, сотрясая клетки.

Раздается несколько тяжелых вздохов, но приказ горбуна остается без исполнения, как будто у них уже умерли всякие желания.

— Бежим! — кричит Лизетта.

— Отлично! Тогда я спасу их помимо их желания, — кричит Тотор, который не может понять такой инертности. — Мне нужно, чтобы они были свободны!

— Зачем?

— Потому что они побегут в разные стороны, и наши следы смешаются с их следами, и нам легче будет убежать от тех, которые, конечно, будут нас преследовать.

— Что же ты сделаешь?

В каждом местном жилище всегда сохраняется под золой огонь, необходимый для поджаривания пищи.

Дикари любят, чтобы огонь был всегда под рукой, и потому никогда не тушат его.

Недалеко от входа в очаге, который Тотор хорошо рассмотрел, он заметил под золой несколько горящих угольков. Он быстро собирает их в кучу, покрывает мелкими стружками, которые всегда лежат у очага. Потом становится на четвереньки и дует на них.

Вспыхивает яркое пламя.

— Вот что я сделаю,— говорит Тотор.

Он собирает все топливо, которое только может найти, и замечает тыквенную бутылку с рисовой водкой.

Он подносит к ней головню, и жидкость вспыхивает. Не колеблясь он поливает ею все клетки, где она рассыпается огненным дождем.

Горящие капли падают на детей, которых они обжигают, и на шерсть, которая вспыхивает.

Раздаются жалобные вопли, и маленькие ленивцы волей-неволей вынуждены покинуть клетки. Теперь они даже толкаются: каждый стремится выйти из клетки первым.

Горбун широко открывает дверь, и обезумевшая толпа вихрем вылетает на волю.

Тотор нервно смеется и говорит сестре:

— Теперь наша очередь!.. Живее, потому что делается жарко!

Пожар распространяется с фантастической быстротой. Построенная из легко воспламеняющихся материалов проклятая хижина пылает, как спичечная фабрика.

Брат и сестра, держась за руки, бегут со всех ног, в то время, как их палач с отчаянными криками бьется между угольями, обжигающими ему кожу.

Пожар освещает окрестности. Светло как днем, несмотря на полночь.

Испуганные дети, лоснясь от жира, останавливаются и рассматривают своего освободителя.

Вид брата и сестры, их белая кожа, горб Тотора, его волосы огненного цвета до такой степени пугают их, что они разбегаются во все стороны, причем даже те, которые уже с ними знакомы.

Это как раз то, чего хотел Тотор.

Они с Лизеттой остаются одни. Горбун пытается сориентироваться.

Понемногу луна пробивается сквозь облака дыма. Тотор показывает на запад и говорит:

— Вот куда мы должны пойти. Мы будем идти до самого восхода солнца, а как только станет светло, спрячемся.

Пойдем! — решительно отвечает девочка.

Ты в состоянии идти до утра?

О, да! Я прекрасно отдохнула... даже слишком хорошо! Я так долго не двигалась.

— А ты не голодна? — поддразнивая, спрашивает Тотор, к которому снова вернулась его веселость.

— О, нет! — убежденно говорит Лизетта. — Я могла бы пробыть дней восемь без еды; меня до сих пор тошнит.

Опять бедные малютки идут по стране, где каждый их шаг сопряжен с опасностью для жизни.

В траве прячутся ядовитые змеи, укусы которых смертельны. Вокруг летают чудовищные насекомые, которые безжалостно жалят. На деревьях висят соблазнительные, но ядовитые фрукты. Бездонные болота схоронились под травами и цветами. —

Наконец, им угрожает жестокий человек.

Вскоре они выходят на большую поляну, усеянную гонцими кустами, из которых поднимаются, точно колонны со сводами из листьев, гигантские кокосовые пальмы, присутствие которых указывает на то, что вода неподалеку.

— Если бы это был приток реки Флай! — мечтает Тотор, ум которого не знает ни минуты покоя.

— Что мы будем делать? — с любопытством спрашивает Лизетта.

— Мы спустимся по течению.

— Но у нас нет лодки!

— Мы построим плот, — отвечает никогда не унывающий Тотор.

— И наш плот нас понесет? — спрашивает Лизетта, которая уже видит себя плывущей на платформе, изготовленной своими маленькими ручками.

— О, да! — важно отвечает горбун. — Но мы еще не дошли, покамест нам нужно найти речку.

Они продолжают идти между травами, окропленными росой, мокрые насквозь, но довольные этой ванной.

При откармливании им не давали пить, и они страдали от жажды. Эти мучения окончились, и они чувствуют себя значительно сильнее, чем раньше.

Сырость увеличивается. С земли поднимаются белые испарения, которые доказывают близость воды.

Через несколько минут дети выходят на берег красивой реки шириною в двенадцать метров, которая течет по направлению к западу.

Они выпускают крик восторга, точно этот вид предсказывает им близкую свободу, и бросаются друг другу в объятия.

Теперь приблизительно четыре часа утра.

Через два часа взойдет солнце.

— Ты устала, сестренка? — нежно спрашивает горбун.

— Не особенно. А ты?

— О, нет! Я мог бы идти еще целый день.

— Что же мы теперь будем делать, раз мы дошли до реки?

— Мы построим плот и тихо поплывем по течению.

— Построим плот, но из чего же?

На берегу растет масса прекрасных канн с великолепными цветами, за свой величественный вид называемых натуралистами «*Canna gigantea*».

Огромные листья и полые внутри ветки делают их совершенно непроницаемыми для воды.

Прежде чем ответить на вопрос сестры. Тоттор вынимает нож Встречного Ветра, тщательно спрятанный в кармане, открывает его и срезает один из самых больших стволов.

— О, это режется очень легко! — радостно говорит он.

Схватив растение обеими руками, он дотаскивает его до реки, бросает и начинает скакать от восторга.

— Оно плавает как пробка! Ты спрашиваешь, из чего мы устроим плот?.. Вот из чего! Поскольку ты не устала и не хочешь спать, то поработаем!

— О, да, поработаем! На воздухе мы высохнем! Как весело будет плыть вдвоем!

— Теперь нужно все делать основательно, — важно замечает Тоттор, в силу обстоятельств взявший на себя обязанности конструктора.

Во-первых, нужно измерить глубину воды. Берега не особенно высоки; это обстоятельство благоприятствует плану Тоттора.

Он храбро влезает в воду, делает несколько шагов и останавливается, убедившись, что глубина достигает семидесяти сантиметров. Он вылезает из воды, узнав то, что желал узнать, отряхивается и говорит:

— Идет!

Он срезает четыре канн, самые высокие, какие только смог найти, и приносит их с помощью Лизетты на берег реки.

Эти четыре канны составят сруб, или, вернее, остов плота. Теперь нужно связать их вместе и образовать из них прямоугольник, это наиболее сложная часть работы.

Тотор, мокрый как пудель, в раздумье почесывает латылке, осматривая окружающие растения и стараясь найти что-нибудь похожее на веревку. Среди канн мелькают прекрасные растения, с расположенными веером листьями ленточной формы. Они длиной в два метра и шириной всего в шесть сантиметров, прекрасного зеленого цвета с узкой красной каймой.

Своим ножом, без которого он бы ничего не мог сделать, горбун срезает эти листья, растягивает их, разрывает и кричит:

— Мы спасены... спасены... они крепки, как ремень, и мягки, как шелк. Это свяжет лучше чем веревка.

Это *phormium tenax*, имя которого ему неизвестно, но качество которого он вполне оценил.

Через некоторое время две канны уже связаны с третьей.

Совместными усилиями дети спускают их в воду.

Остов готов, но течение, хотя и не особенно сильное, угрожает унести его.

Не теряя времени, Тотор отрезает листья формиума, связывает их друг с другом и образует таким образом цепь, которая будет им служить канатом.

Время слишком дорого, и нельзя терять ни минуты.

Лизетта помогает ему необыкновенно умело и ловко; он укладывает на остов поперечные брусья в форме решетки, накрывая их сверху еще одним поперечным рядом.

Какая работа! Какая деятельность! Подумать только, что для того, чтобы крепко привязать каждый из поперечных брусьев, он каждый раз спускается в воду.

Пот ручьями струится по лицу, его охватывает усталость, но он сопротивляется ей с энергией, которой позавидовали бы многие, и, чтобы ободрить Лизетту, которая тоже изнемогает, он находит в себе силы еще и шутить.

— Ну, вот наша игрушка и готова, не правда ли, сестренка?

— Да, — отвечает измученная девочка.

— И это очень весело!

Остается только набросать сверху толстый слой канн. Бедные детки употребляют на это последние силы.

Окончено! Тотор запрыгивает на плот, покрытый зелеными листьями и пестрыми цветами, и восторженно кричит:

— Он плывет! Он плывет! Иди скорее ко мне!

Лизетта спускается к воде, под ее весом плот не оседает ни на сантиметр.

Неустрасимые дети празднуют полную победу. Победу над врагами, над бедствием, над невозможным.

Восхищенная девочка прибавляет:

— Плыдем, братец, скорее, чтобы найти папу.

Но Тотор, который исполняет обязанности боцмана, еще не совсем готов. Чтобы управлять судном, ему нужен длинный и легкий шест, иначе плот, идя по течению, будет задевать за все извилины реки.

Выстругать его очень трудно. Нужно найти молодой бамбук, срезать его, очистить от веток, придать ему нужную длину, а бамбук очень, очень твердый.

Наконец все готово, хотя и не без труда. Приблизительно восемь утра, а солнце палит вовсю. Необходимо принять кое-какие меры, чтобы обезопаситься от его смертельных лучей. Тотор и Лизетта сплетают себе великолепные шляпы из листьев.

Потом, оба усталые, но сияющие от мысли, что возвращаются к отцу, устраиваются на плоту.

Тотор отдает швартовы, то есть отвязывает зеленую цепь, произнося значительные слова:

— До свидания! И — вперед!

Он отталкивает плот шестом и направляет его на середину реки, где его подхватывает течение.

Они садятся на связку канн, приспособленную для этого, и тихо вверяют себя реке.

Глава VIII

По течению. — Плот. — Капитан «Горбунка». — Опять людоеды. — Хороши ли они для еды. — Бедная Лизетта. — Горбун ничего не стоит. — Выдумка. — Взрыв. — Убит наповал. — Табу!

Плот тихо плывет по течению. Управлять им совсем не трудно. Надо только следить, чтобы он не цеплялся за высокие береговые травы и кусты.

Легким движением шеста Тотор придает ему нужное направление. Плавание — настоящая игра, которая радует храбрых детей. Они сами себя освободили, благодаря своей неустрасимости и энергии.

Первобытное судно движется страшно медленно, оно едва проходит пол-лье в час, но Тотор и Лизетта не обращают на это внимания — каждый час приближает их к большой реке, где находится настоящее судно, дорогая, любимая «Лиззи».

Они счастливы, хотя положение их мало чем привлекательно: ноги в воде, голова — под палящим солнцем, несмотря на шляпы из листьев канны; сидеть они должны неподвижно. Но они утешают себя тем, что это все же приятнее, чем оставаться в компании Встречного Ветра или сидеть в клетке и откармливаться для стола людоедов.

Между тем, несмотря на то, что последний обед был весьма обилен, они начинают чувствовать голод. Лизетта откровенно признается в этом брату. Тотор протестует.

— Мне достаточно, — говорит он, — вспомнить последний обед в клетке, чтобы почувствовать себя сытым на несколько дней. Мне кажется, что во мне достаточно пищи по крайней мере на шесть месяцев.

— Да, — отвечает Лизетта, — это было ужасно, и я сильно трусила, но теперь я уже об этом позабыла и охотно съела бы банан.

— Но у нас, к несчастью, его нет.

— Тем хуже.

— Нет, тем лучше, потому что нам приходится держать ноги в воде, а при полном желудке это очень вредно.

— Это верно, но, значит, мы ничего не будем есть все время, пока будем плыть?

— Конечно, если только на плоту не вырастут какие-нибудь овощи, или мы вдруг остановимся, увидим фруктовые деревья.

— А тогда мы причалим, братец?

— Конечно, и запасемся свежей провизией, но теперь мы поплывем вперед, если ты не возражаешь.

— Приказывай, дорогой, ведь ты капитан.

— Да, капитан безымянного судна.

— Судна! Скажи вернее — грядки из зелени и цветов. Что касается имени, то что мешает нам дать ему имя, раз этот плот так хорошо исполняет свой долг?

— Хорошо! Назовем его «Горбунком», — предлагает капитан Тотор, разражаясь смехом.

Девочка в свою очередь фыркает и говорит:

— Боже мой, братец, какие у тебя смешные идеи, какой ты веселый и остроумный!

— Ты мне льстишь, дорогая! А теперь знаешь, что мне хочется? Для крестин нашего челнока я спел бы свою песенку, которая здесь будет очень кстати, но я боюсь привлечь внимание врага. Не надо шуметь, и будем продолжать путь.

Их странное путешествие продолжается под палящими лучами солнца. Речка извивается во все стороны, и этим объясняется чрезвычайная медлительность ее течения. Но эта медлительность спасает детей, потому что даже средняя скорость быстро разрушила бы «Горбунка».

Плавание очень мучительно в этом раскаленном воздухе, под палящими лучами солнца, на отвратительной горячей воде. Кроме того, бедные малютки не ели и не спали уже в продолжение четырех часов. Их запас сна и пищи полностью истощился; они буквально падают от усталости.

Несмотря на всю их энергию, им необходимо остановиться. Лизетта засыпает со спущенными в воду ногами, облокотившись на связку канн, которая служит ей сиденьем; у Тотора больше не хватает сил управлять шестом, к тому же каждую минуту он может упасть вниз головой в воду, блеск которой его гипнотизирует. Они пристают к берегу самым простым способом: «Горбунок», более не управляемый, останавливается в заливчике, обрамленном огромными папирусами с острыми листьями.

— Ну,— говорит капитан Тотор,— так как мы сюда подъехали, здесь и останемся. Мы отыщем несколько плодов для еды и немного тени, чтобы уснуть, потом, отдохнув, отправимся дальше.

— О, да! — отвечает Лизетта, глаза которой красны от бессонницы и лицо вытянулось от усталости.

— Отдохнем, покушаем и поспим, я больше не в состоянии двигаться.

Тотор предусмотрительно захватил свой канат из листьев формиума. Он пользуется им, чтобы привязать «Горбунка» к стволам папируса. Сделав это, прелестный маленький капитан протягивает обе руки своей сестре, чтобы помочь ей сойти на берег. Потом он прибавляет:

— В качестве капитана я должен был бы покинуть судно последним, это правило и долг... но, кроме них, есть еще любовь и вежливость старшего брата, а моя сестренка нуждается в помощи... итак, тем хуже для правила.

Все это сказано так весело и мило, что Лизетта бросается ему на шею, целует его и говорит:

— То, что ты говоришь, прелестно! Когда я слышу и вижу тебя таким веселым, то чувствую в себе больше сил и мужества.

Бедная маленькая Лизетта очень нуждается и в том, и в другом. Она еле держится на ногах, глаза ее, несмотря на все усилия, закрываются, тело оседает.

Тотор подхватывает ее за талию и замечает забором из папируса целый ряд чудных бананов.

— Ах! — радостно кричит он. — Мы спасены! Вот тень и пища!

— Как чудно! — говорит Лизетта, приходя в восторг от этих великолепных растений.

Они кое-как добираются до подножия этого колоссального злака * и опускаются в траву, покрывающую корни растения. Но в этих мягких и душистых травах могут скрываться вредные животные: змеи и насекомые со смертельно ядовитым жалом. Предвидя это, Тотор бьет по земле палкой, чтобы изгнать опасных соседей.

Но еще не все сделано. Тотор должен позаботиться о пище. Нужно влезть наверх и достать оттуда обед.

Смелее, матрос!.. Влезай, мой старый марсовой бушприта... Ученье сделало из тебя обезьяну и гимнаста. В добрый час!

С покрасневшими глазами, окровавленными руками и вздымающейся грудью неустрашимый горбун лезет по стволу, хватается за фрукты и срезает их своим ножом.

Бананы падают на землю. Им хватит пищи на восемь дней.

Тотор быстро слезает и будит уснувшую Лизетту.

Оба торопливо уничтожают несколько бананов. И, изнемогая от усталости, спокойно засыпают с полным ртом под тенью огромных атласных листьев.

* Банан, несмотря на его размеры, по которым его можно было бы принять за дерево, не что иное, как травянистое растение, ствол которого вянет и сохнет после того, как даст плоды. Но он возрождается, благодаря молодым побегам.

Этот укрепляющий сон длится очень долго, и продолжился бы еще дольше, если бы ему не помешала катастрофа, которую, — увы! — легко было предвидеть.

Тотор и Лизетта просыпаются от сильных толчков. Они открывают глаза и испускают крик, впадая в дрожь. Перед ними мелькает бесконечное число рук, ног, черных тел, белых глаз, еще более белых зубов и курчавых волос.

— Боже мой, дикари! — шепчет в ужасе девочка.

— Да, дикари! — повторяет как послушное эхо не менее испуганный Тотор.

Во время их сна в райскую местность наведались два десятка чистокровных папуасов, одетых только в набедренные повязки, но вооруженных с ног до головы и украшенных с ужасающей безвкусицей. Каждый из них несет на себе лук, стрелы и саблю, приличествующую легендарному снимателю голов. На спине — нечто вроде мешка с украшением из кораллов и с огромными коричневыми пятнами сгустившейся крови.

В этот мешок папуас, сняв человеческую голову, прячет свой ужасный трофей.

Удивительный инстинкт! Папуасы не могут встретить врага или просто незнакомца, чтобы не ощутить мгновенного желания отрезать ему голову. Таковы нравы!

Тело съедают на месте с приправой из сладких корней, названных натуралистами очень верно *Solanum antroporhagorum*.

Голову приносят домой и украшают ею главный фасад; таким образом, бывают хижины, украшенные двумя или тремя дюжинами голов с пустыми глазницами, высохшими скулами, оскаленными челюстями. Чем больше голов, тем уважаемее их хозяин.

Подобные встречи поддерживают их страсть к человеческому мясу, но они очень редки. Поэтому папуасы, как мы уже видели, пополняют свои запасы выращиванием и откармливанием плененных.

Ужасные двурукие, толкавшие своими скрюченными лапами горбуна и его сестру, были не кто иные, как сниматели голов, людоеды.

Дети быстро вскакивают на ноги, понимая, что бегство невозможно и что положение их еще более ужасно, чем в тот момент, когда палачи сажали их в клетку; тогда они, по крайней мере, могли хоть рассчитывать

на отсрочку. Их подвергали откармливанию, результат которого был более или менее отдаленным.

Но теперь они попали в руки голодным животным, которых после неудачной охоты случай свел с великоленной дичью.

В огромных глазах людоедов сверкает жадность, и на лицах выступает жестокая улыбка.

Несмотря на это, к Тотору возвращается его смелость. Он со всей силой ударяет по черным рукам и кричит голосом, которому старается придать твердость:

— Прочь лапы!

Дикари громко смеются, обнажая белые зубы и сопровождая смех странным кудахтаньем.

В то же время они буквально дрожат от предвкушения редкого пиршества.

— Они смеются, как крокодилы, — шепчет Лизетта.

Папуасы затевают разговор. Очевидно, они говорят о чем-то очень интересном, так как жестикулируют, спорят и по очереди указывают на Тотора и его сестру, как будто разбирая их достоинства.

Их снова ощупывают, правда, очень нежно, как мясник ощупывает хребет теленка, а кухарка рассматривает дыпленка или кролика.

Это рассматривание их очень пугает.

— Они хотят уточнить, достаточно ли мы жирны, — стонет Лизетта, все более и более пугаясь.

С ней вопрос решенный: она достаточно нежная и пухленькая и из нее выйдет превосходное рагу.

Потом они осматривают горбуна, но его необычная конституция их расстраивает.

Горб им совершенно не знаком. Не зная, плакать или смеяться, Тотор говорим им, как будто они могут понять:

— Вы желаете знать, годится ли мой горб на будущее жаркое?

Действительно, это отклонение их очень беспокоит. Они снова горячо разговаривают, потом один из них грозно и неловко старается сорвать одежду, покрывающую подозрительную выпуклость. Тотор понимает и прибавляет:

— Они хотят узнать, не шутка ли это... но, к несчастью, это всерьез... если не верите, то посмотрите!

Ловким жестом он сбрасывает фуфайку и куртку и остается с голым торсом, одетый только в брюки.

Людоеды приближаются, рассматривают его вблизи, широко открывают глаза, проводят рукой по атласной

коже ребенка, смеются и испуганно отскакивают. Некоторые из них от испуга роняют оружие и дергают себя за волосы, напоминающие вязаную шапку. Другие скачут на месте, жестикулируют и кричат нечеловеческими голосами. Третьи, охваченные нервной веселостью, снуют взад и вперед и громко смеются.

Тотор одевается и говорит сестре:

— Они довольно веселые!

— Меня они пугают!.. Смотри, как они глядят!

И это правда. В их глазах, устремленных на Лизетту, сверкает алчность, значение которой очень нетрудно угадать. В то же время они презрительно отворачиваются от Тотора.

— Тем лучше! — шепчет горбун. — Я им не нравлюсь.

В то же время, выказывая пренебрежение, они испытывают к нему странное чувство — смесь страха, отвращения и почтения.

Когда Тотор подходит к ним, они разбегаются в разные стороны, как при виде человека, наряженного пугалом. Они избегают соприкосновения с ним, его взглядов, и, не будь Лизетты, его, пожалуй, отпустили бы на все четыре стороны. Но девочка представляет предмет особого внимания и заботы. Они как будто боятся, чтобы она не упала, не разбилась или не испарилась. Они обращаются с ней с вниманием скотоводов, поваров или гастрономов.

Бедная малютка смотрит испуганным взглядом на своего брата, который ее ободряет, прижимает к себе и готов пожертвовать собой ради ее защиты.

Но такое угрожающее положение не может долго продолжаться.

Один из папуасов, высокого роста, с властным голосом и жесткими чертами, точно созданный для того, чтобы предводительствовать, подходит к детям и хватает девочку.

Тотор тщетно старается ее удержать. Вцепившись в Лизетту, он волочится за ней по земле.

Ее уводят далеко от бананов, к одному из диких садов с фруктовыми деревьями, где папуасы, вероятно, предпочитают исполнять свои обряды.

Тотор с налитыми кровью глазами и с пеной на губах сжимает ее изо всех сил. Удар по голове заставляет его упсть без чувств на землю.

Испуганная Лизетта душераздирающе кричит:

- Ко мне, братец!.. Ко мне!.. Меня убивают!

Но нет! Пока они довольствуются тем, что связывают ее тонкой веревкой, нежной, как шелк, и прячут в один из вышеупомянутых мешков.

Людоеды принимают тысячи предосторожностей, чтобы не поцарапать ее нежную белую кожу, при виде которой у них текут слюнки.

Бедная малютка все время ужасно кричит, но ее жалобы производят на дикарей не большее впечатление, чем крики птиц на птичьем дворе.

Наконец, сраженная ужасом, с безумными глазами, потеряв от страха голос, Лизетта впадает в состояние транса, а папуасы приступают к приготовлениям чудовищного пира.

За время, более короткое, чем требуется на описание, они зажигают громадную канну, ветки которой дают яркое и душистое пламя. Они приносят чудные клубни — картофель людоедов — и жарят их на большом блюде в пальмовом масле. Потом каждый достает по тыквенной бутылке, содержащей необходимую приправу к человеческому мясу: яйца красных муравьев, смешанные с перцем и желтым корнем. Когда корни будут наполовину готовы, на вертеле, сооруженном из длинного стебля сасафраса и опирающегося на колья, зажарят жертву. Потом ее разрежут, разделят на две части и украсят клубнями, вместо трюфелей. Таково кулинарное искусство, проявляемое этими чудовищами, когда они имеют дело с пленниками.

Между тем удар, полученный Тотом, не особенно силен, и горбун понемногу приходит в себя; он слышит стоны сестры, видит группу дикарей, окруживших очаг, слышит шипение масла и понимает, что момент развязки близок. В нем немедленно вскипает ярость, он должен бороться изо всех сил или умереть.

О, если бы у него было оружие!.. Его чудный револьвер... как он выстрелил бы в эту кучу... Но нет ничего!.. Даже нож Встречного Ветра у него отняли.

Он машинально шарит у себя в карманах.

Ба!.. Находка! Хотя и не особенно большая!.. Металлический патрон! По всей вероятности, последний из его чудесного револьвера, о котором он так сильно сожалел. У него появляется идея! Опасная, отчаянная, но которую такой парень, как Тот, всегда может воплотить. Он подымается, напрягая все свои силы, и говорит Лизетте, в страхе распростертой на земле и поте-

рявшей всякую чувствительность к происходящему.

— Мужайся, сестренка!.. Мужайся и надейся!

Он с беспечным видом подходит к очагу, пользуясь моментом, когда никто его не видит, и бросает туда пулю, затем возвращается к Лизетте. Все это проделано с величайшим хладнокровием, не возбуждающим ни малейшего подозрения дикой орды. В ожидании взрыва Тотор делает странные жесты, скачет на одном месте, кривляется, испускает дикие вопли, желая всеми силами обратить на себя внимание предводителя.

Эти кривляния производят на дикарей большое впечатление, они уже и раньше были поражены его горбом и огненными волосами.

— Как долго нет взрыва! — говорит сам себе Тотор, вновь чувствуя себя уставшим.

Предводителю кажется, что огонь начинает затухать. Он бросает в очаг охапку дров, наклоняется и начинает раздувать огонь.

— Б-у-у-м!

Патрон разрывается, разбрасывая во все сторону угли, дрова, золу, клубни, котел...

Предводитель подскакивает, опрокидывается назад и остается лежать ничком, растопырив руки и ноги, как игрушка-паяц, нитки которого разорвались.

Невозможно описать удивление и ужас, охватившие дикарей.

Этот удар грома с безоблачного неба, этот разгромленный очаг и воин, убитый, точно по мановению жезла, кривляние горбуна, — все производит в головах дикарей невообразимую путаницу.

Как все первобытные люди, они верят в сверхъестественное, и их примитивный ум в смятении, он не может объяснить причину происшедшего.

Предводитель убит. Пуля выстрелила как из ружья и попала ему прямо в висок, раздробив череп и застряв в мозгу.

Это неслыханный, фантастический, баснословный случай, результаты которого превзошли всякие ожидания.

При виде мертвого предводителя обезумевшие от ужаса каннибалы бросаются на землю перед Тотором с испуганными лицами, с глазами, полными страха, ожидая новых ударов грома, который разнесет им мозги, как только что их предводителю, бывшему всего несколько минут назад сильным и гордым.

Не теряя ни минуты, Тотор нагибается к мертвому, хватая его саблю, возвращается к Лизетте, разрешает ее путы и кричит, потрясая оружием:

— Горе тому, кто пошевелится!

Но им и в голову не приходит шевелиться. Дрожа, стуча зубами, с кожей серой, как зола, с прерывающимся дыханием, они боятся даже моргать в присутствии горбуна, который стоит перед ними со своим мечом, точно ангел-губитель.

Наконец один из них, более храбрый или менее глупый, а может быть, лучше знакомый с оккультизмом, шепчет голосом, тихим, как дуновение: —

— Табу!

И остальные, ободренные этими двумя словами, заключающими в себе все их суеверие, шепчут нежными голосами:

— Табу!.. Табу!.. Табу!..

Знакомый с географической литературой и с рассказами путешественников Тотор понимает это слово.

Действительно, ему покровительствует всемогущий Бог, доказавший свое могущество чудом, которое только что свершилось. Чтобы умиловить это божество, людоеды объявили его, Тотора, Табу!

Он свят для людей всех племен. Никто не смеет к нему прикоснуться под страхом самого ужасного наказания.

Его будут почитать, помогать ему и предоставлять жилище, пищу, все... Он может брать все, требовать и желать всего.

Не всякий может быть Табу, и смертный, добившийся этого признания, должен считать себя счастливым.

Теперь господин Тотор — хозяин положения, которым он тотчас же пользуется.

Потрясая саблей покойного предводителя, он кричит звонким голосом:

— Табу!

Сабля эта мгновенно делается священной. Никто, кроме Тотора, славного Тотора, не может ею пользоваться, прикасаться к ней рукой.

Там не шутят по этому поводу. Голову живо отрубают, прячут в мешок и вывешивают перед хижиной. Тотор, сделавшись святым, хочет обеспечить эту же привилегию своей сестре и сделать ее неприкосновенной для окружающих ее дикарей. Он незнаком с церемонией,

но говорит сам себе, что некоторая театральность никогда не помешает.

Он вертит вокруг себя шпагой, потом останавливает тяжелый клинок над головой Лизетты и повторяет три раза:

— Табу!.. Табу!.. Табу!.. — и прибавляет вполголоса:

— Примем нужные меры.

Туземцы почтительно и послушно повторяют как эхо:

— Табу!.. Табу!.. Табу!..

— Ну, пока, я думаю, достаточно, — говорит Тотор, гордым жестом засовывая саблю за кушак, придерживающий брюки.

Лизетта, изнемогая от ужаса, выходит из оцепенения, в которое впала с того момента, как ее связали.

Она смотрит на эту странную сцену: туземцы, напуганные фанатики, не осмеливаются даже шелохнуться перед Тотором, имеющим вид победителя!.. Котел опрокинут... один из дикарей убит.

Тотор бросается к девочке, крепко обнимает ее и говорит ей радостно и шутливо:

— Мы спасены, милочка!.. И теперь мы — табу! Полубоги или даже целые боги. Теперь мы можем свободно все говорить, все делать, всего желать.

— Я ничего не понимаю!

— Это ничего! Ты увидишь! Смейся... скажи... мне хочется петь, плясать... делать глупости.

— Значит, больше нет никакой опасности? — шепчет девочка, целуя его.

— Ни малейшей!

— Как ты все легко принимаешь!

— Еще бы, у нас было достаточно времени поплакать, когда дела обстояли совсем плохо. Теперь же все идет как по маслу, и я был бы самым счастливым человеком в мире, если бы не беспокойство за участь папы, Татуированного и моряков.

— Что же мы теперь будем делать?

— Я этого еще не знаю... Надо обдумать и постараться использовать представившийся нам случай на общее благо.

Глава IX

Нитва. — Геркулес. — Резня. — Баррикада. — «Вперед!» — Бегство невозможно. — Жертва. — Пират желает, чтобы ему сдались без условий. — Верность долгу.

Вернемся в город пиратов, завоеванный неустрашимым экипажем «Лиззи».

Марион и Ник Портер стоят лицом к лицу. Храбрый капитан, уверенный, что победа в его руках, предлагает своему смертельному врагу условия. У последнего это вызывает смех, он говорит:

— Это тебя зарежут... Смотри!

Раздается резкий свисток. За ним — несколько глухих ударов, сопровождаемых треском, и стена, у которой стоит Ник Портер и несколько его приближенных, открывается.

— Бежим! — рычит бандит и, окруженный своими воинами, бросается из зала. Они перепрыгивают через решетку, которая теперь лежит на полу, и исчезают.

— Живьем... необходимо взять его живьем! — кричит капитан.

Не применяя оружия, со штыками наперевес, моряки преследуют бегущих. К несчастью, те из пиратов, которые еще не успели напиться до потери сознания, поднимаются и тоже бегут. А вооруженные даже пытаются оказать сопротивление. Беглецы перемешиваются с дерущимися, и все вместе образует единую плотную, разъяренную, рычащую баррикаду, загораживающую морякам выходы.

Уже стены постройки начинают трещать, и вся она грозит рухнуть, погребя под своими обломками и друзей, и недругов. Марион видит опасность, он понимает, что надо высвободить своих людей, ликвидировав так или иначе человеческую баррикаду.

Он командует:

— В штыки!

Они колют направо и налево, но все равно не в силах пробиться через пьяную массу, которая толкается, давит и убивает друг друга.

— Тысяча чертей! — кричит Татуированный. — С этими вязальными спицами мы ни к чему не придем. Если бы у меня была хорошая дубина...

Он находит нечто лучшее. Один из малайцев держит индуасскую палицу, которая слишком тяжела для его

ослабевших рук. Отчаянным ударом в лицо Татуированный ошеломляет человека и говорит ему, вырывая у него оружие:

— Дай-ка это лучше мне, тебе оно совершенно ни к чему!

Узловатая, округлая, длинная, тяжелая как железо, эта палица — весьма грозное оружие. Татуированный потрясает ею, вертит, воплощая в себе миф о Геркулесе.

Он бросается вперед, ударяя поочередно то одной рукой, то другой, пробивая, ломая черепа, плечи и спины. Все, к чему он прикасается, должно неминуемо погибнуть. Несмотря на рычание толпы, его удары ясно слышны и напоминают удары тяжелого молота; ничто не может их остановить.

Он сделался бледен как смерть, зубы его стиснуты, ноздри раздуваются, глаза горят, с каждой минутой сила ударов нарастает. Пробиваясь во главе моряков, которые лишь наблюдают за его действиями, он один исполняет работу целой группы.

И какую ужасную работу!

Между тем малайцы, хотя и разбитые, пробуют противостоять ему. Они пускают в ход колья, дубины, сабли. Один удар поражает его в руку, он смеется, вспоминая свою татуировку:

— Они задели президента!

Другой удар скользит по груди. Это ему не особенно нравится. Как уже известно, у него на груди изображена бомбардировка Фу-Чу французским флотом. Он рычит, раздавая удары направо и налево:

— Вы хотите разбить адмирала Курбе... уничтожить его мину... пробить «Вольту», его славное судно... ну, погодите же!

Удары усиливаются, не опасные, но все же причиняющие сильную боль и особенно неприятные гиганту, поскольку кожа составляет его главную гордость. При других обстоятельствах его разглагольствования вызвали бы безумный смех.

— Паф,— палица падает на чей-то череп, который разлетается вдребезги. Ему отвечают ударом копья. Острие застревает в богатырской мускулатуре, которая вздымает кожу, украшенную разноцветными рисунками.

— Еще дыра,— рычит Татуированный,— копье попало в свиту адмирала!.. А... мерзавцы... вы уничтожаете произведение искусства... вы портите мою картин-

ную галерею! Так вы хотите, чтобы я вас всех уничтожил.

И он убивает одного за другим этих маленьких людей с бронзовой кожей, несравненная ловкость которых, к счастью, парализована опьянением.

Бойня продолжается около пяти минут. Да, целых пять минут Татуированный обеими руками дерется изо всех сил.

Он высчитывает и говорит сам себе:

— Если делать в минуту двадцать пять ударов, то получится хорошенькая драка; но почему они так упрямятся, не желая отдать нам Тотора и Лизетту?

В то время, как Татуированный так горячо воюет, его компаньоны тоже не сидят сложа руки.

Вопреки ожиданиям, постройка, грозившая рухнуть, до сих пор держится. Теперь она заполнена трупами, которые образуют окровавленную кучу.

Не была ли угроза, обращенная к капитану и его людям, зарезать всех до единого просто хвастовством со стороны негодяев, почувствовавших себя прижатыми к стенке? Всякое сопротивление неожиданно прекратилось. Нужно скорее покинуть здание и начать преследование.

Моряки могут наконец выбраться из западни и осмотреться. Но следует опасаться, чтобы на них не напали сзади. А для этого есть только одно средство: не оставлять ничего за собой, уничтожать все на своем пути. Огонь!

— Галипо!

— Что угодно, капитан?

— Есть у тебя спички?

— Да, капитан!

— Везде много рисовой водки, облей стены и подожги!

— Слушаюсь, капитан!

Пока моряки заряжают ружья и освобождают проход, марселец собирает вдоль стен кувшины и бутылки, наполненные спиртом. Спустя минуту все трещит и пылает!

Маленькая группа бежит по улице, ведущей на эспланаду, обсаженную красивыми деревьями. Раздается несколько выстрелов из ружей огромного калибра.

Снаряды прорезают воздух.

— Вперед! — кричит неустрашимый капитан.

На эспланаде — группа людей, в большинстве ма-

лайцев, но есть несколько белокожих. Во главе их — высокий человек. Перед ними высится баррикада. Человек водружает на нее черное знамя, развевающееся на бамбуковом древке, и, скрестив руки, презрительно выжидает.

Это негодяй Ник Портер! Его бегство было хитростью, и он ожидает, чтобы на него напали. Ему не придется долго ждать.

Моряки бегут по улице и, прежде чем достигнуть последних домов, останавливаются на минуту перевести дух. Люди за баррикадой открывают по ним огонь. Но эти восточные жители, которые так хорошо владеют европейским оружием, очень посредственно стреляют из луков. Все стрелы пролетают по крайней мере на два метра выше цели. Моряки отвечают залпом. Марион становится во главе их и кричит своим звонким голосом:

— Вперед!

Все бросаются с ловкостью хищников навстречу несущимся выстрелам.

При выходе из улицы есть проход, ведущий к двум маленьким домикам, опирающимся на две гигантские кокосовые пальмы. Направо и налево земля усыпана огромными камнями и воткнутыми в землю бамбуковыми кольями.

Необходимо пробраться между двумя хижинами. Проход шириной около четырех метров. Если бежать во всю прыть двумя рядами, то можно проскочить это опасное место с быстротой молнии. Команды отдаются с поразительным хладнокровием, и моряки со всех ног устремляются в проход.

Они приближаются к двум хижинам. С баррикады больше не слышно ни единого выстрела, точно им хотят оставить свободный выход.

Да, это так! Никаких препятствий! Но эта безопасность обманчива, за ней кроется адская выдумка. В то время, как они оказались зажатыми в две прямые линии между хижинами, земля под их ногами заколебалась и раздвинулась. Напрасно стараются они повернуть назад. Все падают в глубокий ров, устроенный поразительно искусно под тонкой решеткой, прикрытой нежным газоном с маленькими кустиками и распустившимися цветами.

Падение очень тяжелое и сопровождается злобными воплями. Упавшие друг на друга, наполовину смятые

моряки, к счастью, не задевают своего оружия, иначе могли бы погибнуть от собственных пуль.

Они поднимаются, разбитые, встревоженные и пристыженные тем, что дали себя поймать этим негодяям, которые теперь испускают радостное рычание и оскорбительно смеются. Но их оцепенение длится недолго. Они отряхивают землю, облепившую лица, и осматриваются.

Ров не меньше четырех метров глубины и окружен непроходимой стеной. Напрасно стараются они взобраться по камням, только ломают себе ногти и падают обратно.

Идея! Если воткнуть штыки, то, пожалуй, можно было бы воспользоваться ими, как лестницей. Нет, это нелепо. Татуированный предлагает другой план:

Я встану к стене, а вы, капитан — мне на плечи... отлично; так как вы так же сильны, как и я, то я буду передавать вам товарищей, которых вы подымаете себе на плечи... Согласны?

— Попробуем!

— Другие в это время будут нас охранять и откроют огонь по всякому, кто посмеет нам помешать. Это называется человеческая пирамида, — говорит Татуированный.

Капитан взбирается с замечательной ловкостью на плечи Татуированного. Подходит вооруженный матрос. Татуированный обхватывает его за талию и подымает вверх. Капитан, не колеблясь, принимает человека и держит его с такой легкостью, точно это маленький ребенок, потом позволяет ему встать себе на плечи — сначала на колени и наконец на ноги по обе стороны его воротничка.

Другие не могут удержаться от выражения удивления и восхищения перед этой силой, соединенной с ловкостью.

— Добрался? — спрашивает Марион матроса.

— Да, капитан.

Человек хватается за выступ стены и начинает медленно взбираться.

Другие торопливо готовятся к такому же маневру, от которого зависит спасение.

Матрос почти вылез. Внезапно из его уст вылетает крик ужаса и боли. Он тяжело падает на землю и остается недвижим.

Товарищи нагибаются над ним, чтобы оказать по-

мощь, и у них вырываются крики бешенства. У несчастного перерезано горло от уха до уха. Из огромной раны хлещут ручьи крови, пачкающие руки тех, кто прикасается к нему. Капитан соскакивает на землю с криком:

— О, разбойники!

Татуированный яростно сжимает кулаки:

— Тысяча чертей, теперь я чувствую себя, как медведь в клетке... и не имею возможности ни вылезти отсюда, ни отомстить за товарища. Мало же я избил их только что.

Над отверстием раздается взрыв смеха, и слышен иронический голос:

— Ну, капитан Марион, не ошибался ли ты, когда считал себя более сильным?

— Ник Портер, — кричит капитан, — негодяй, запомни: мы еще не в твоих руках!

— Ну, нет, теперь уж вы — мои пленники, доказательством этому служит то, что я пришел предложить вам сдаться.

Первой мыслью несчастного капитана был отказ, но он не ребенок и понимал, что положение безнадежно. Их здесь десять человек и один труп, они отрезаны со всех сторон, не имея никакой надежды и возможности выбраться отсюда без посторонней помощи.

Через два или самое большее через три дня мучений голод и жажда ослабят их энергию, и тогда они все равно должны будут согласиться с требованиями неутомимого пирата. Марион предвидит все это. Он понимает, что их дело проиграно, что враг торжествует и ему остается только сдаться на условиях, приемлемых для него и его товарищей.

Он говорит своему врагу голосом, дрожащим от злобы и унижения:

— Раз я вам сдаюсь, то требую, чтобы жизнь моих детей и моих товарищей была в безопасности.

— У тебя скверная привычка вечно командовать, а я терпеть не могу чужих приказаний. Мы плохо поймем друг друга. Во-первых... что касается твоих детей, то я ничего не могу больше для них сделать, так как им ничего не надо...

Из рва раздаются стоны и рычания. Выйдя из себя, дрожа от злобы, моряки смешивают свои крики с отчаянием капитана и Татуированного.

— Негодяй, — кричит последний, — ты убил детей, — лучше не выпускай меня отсюда никогда, потому что я

ством твое сердце, если бы даже мне пришлось им отразиться!

Иронический голос продолжает:

— Я их вовсе не убивал. Они служили мне приманкой для тебя, их отца, моего единственного врага. Я велел их запереть в очень надежное место и приставил к ним человека тоже надежного; но они убежали, ослепив своего тюремщика.

Раздаются одновременно три восклицания: отца, Татуированного и матросов.

— Дорогие детки!.. Молодцы, ребята!.. Bravo, ребята!

— Не торжествуй слишком рано,— прерывает их насмешливым тоном пират, который все еще остается невидимым. Я имею все основания предполагать, что они попали в руки людоедов... и что теперь их уже, по всей вероятности, съели.

Странно! Эти ужасные слова не производят того эффекта, которого ожидал разбойник. Он думал убить их ужасом, а они радуются, что Тотор и Лизетта на свободе! Несмотря на то, что эта свобода сопряжена с ужасными опасностями, они радуются ей от всей души.

Что касается капитана и Татуированного, они испытывают такое счастье, что на мгновение забывают свое отчаянное положение.

Голос Ника Портера возвращает их к жестокой действительности.

— Может быть, я оставил бы жизнь людям... если бы они согласились вступить под черные знамена и сражаться за меня.

— Негодяй! — ворчит Боб Гаррисон с негодованием.

Пират спокойно продолжает, не обращая внимания на оскорбление.

— Что касается тебя, Марион, то тебя ожидает смерть! Неминуемая смерть! Пока ты на земле, я не могу чувствовать себя в безопасности... Я обрекаю тебя на смерть, и ты погибнешь от моей руки.

— Заткни свою глотку, собачий сын... мерзавец,— прерывает Боб.— Мы честные моряки и чувствуем отвращение к постыдному делу пиратов. Мы любим и уважаем нашего капитана и останемся ему верны до смерти! Не так ли, товарищи?

— Да... да... мы все верны долгу, начальнику и знамени!

— Ну, как угодно! Когда вы будете околевать от го-

лода и жажды, то сами попросите у меня пощады, но будет слишком поздно, и вас всех перевешают!

Глава X

Пир людоедов.— Мозг, зажаренный в масле.— Тошнота Лизетты, Да здравствует вегетарианство.— Они все-таки обедают.— Генерал Тотор.— Вооруженные для битвы.— Вперед! — Шум, пламя и выстрелы.— «Горбунок».

Придя в себя после пережитого ими волнения, Тотор и Лизетта уселись с тени прекрасного каучукового дерева. Жара стоит невыносимая. Вокруг толпятся людоеды, которые обращаются теперь с ними дружелюбно и с почтением, как с идолами.

Мальчик, от которого ничто не укрывается, говорит своей сестре:

— Какие они стали хорошие, любезные и предупредительные, эти отвратительные мартышки, которые хотели насадить тебя на вертел.

— О,— отвечает девочка,— я боюсь их больших белых глаз, их острых зубов, их обезьяньих жестов и бешеных движений.

— Успокойся... больше нечего опасаться.

— Я им не доверяю... я боюсь, как бы не возобновилось... и я желала бы уйти.

— А я нахожу это очень веселым и шикарным — сделаться вдруг божеством... управлять целой ордой людей и быть героем одного из тех приключений, про которые говорят после чтения у камина: «Это совершенно невозможно!» Точно все это не произошло на самом деле. Доказательством этому служит и наше настоящее положение.

— Я не возражаю, но все-таки что же мы будем делать дальше?

— Во-первых, мы покушаем. После всех этих волнений я чувствую сильный голод... а ты?

— Я тоже с удовольствием поем... ну, а потом?

— Потом мы изобретем какой-нибудь план, чтобы вернуться на судно... Но прежде всего я бы охотно удавил отвратительного Встречного Ветра. Иначе он будет сводить счеты с нами и с папой.

— Начнем с еды,— прибавляет Лизетта, которую волнует каждое движение дикарей.

Тотор важным жестом полубога подзывает одного из них.

Негр почтительно, точно перед идолом, разевает рот, глаза, ноздри, уши и останавливается неподвижно, чтобы не проронить ни одного слова.

Тотор широко открывает рот, потом делает несколько движений указательным и средним пальцами. В то же время он проводит рукой по своему животу. Пантомима эта очень проста и красноречива и на всех меридианах одинаково означает:

Я голоден!

Людоед понимает, торжественно кивает шерстяной шапкой, образовавшейся из его вьющихся волос, и бежит к своим соплеменникам. Он долго и оживленно говорит с ними, и этот разговор, очевидно, обозначает: «Бог голоден, совсем как простой смертный!»

Отлично, сейчас он получит пищу, — отвечают дикари.

У них имеется провизия всех сортов, даже мясо! Отборного сорта, к которому прикованы жадные взгляды всей группы, — это тело покойного вождя, умершего, благодаря совершенному им святотатству.

У них ничто не пропадет даром. Вождь этот молод — едва тридцати лет от роду, — довольно плотный, и в нем как раз достаточно жира, чтобы блюдо со сладкими кореньями получилось вкусным.

Отлично! Вместо прелестного, маленького белого существа, превратившегося в табу, съедят огромного черного молодца. Это будет пир и в то же время возмещение потери.

Ноги, руки, печень и, главное, мозг — это лакомые кусочки, *pes plus ultra* * людоедской гастрономии. Так как мозг еле-еле держится в раскроенном черепе, то они торопятся скорее достать его, чтобы не дать упасть на землю.

Снова зажгли огонь, котел подняли, коренья вытащили из золы. На них дуют, чтобы очистить, и снова кладут их в котел. Может быть, не особенно чисто, но нельзя же быть столь разборчивым. Божество голодно, и мозг не ждет.

Коренья приправляют доброй дозой пальмового масла, и, когда оно достаточно горячо, туда закладывают мозги, которые, попав в котелок, начинают шипеть.

Все это проделывается очень быстро, как обычно при-

* Самое лучшее, непревзойденное (лат.).

нято у людей, старательно выполняющих все, что от них зависит.

При виде этих приготовлений Тотор чувствует тошноту, но старается не подать виду, хотя и говорит:

— Неужели меня заставят съесть этот ужас!

Лизетта, откровенно возмущенная, закрывает глаза руками, чтобы не видеть ужасного зрелища, сопровождающего стряпню. У трупа отрезают руки и ноги, вырезают ему грудь и очищают кости...

— Мужайся, сестренка, — говорит Тотор, — нужно скрыть отвращение и быть совершенно спокойными, чтобы обмануть этих животных.

— Как все это ужасно! — стонет Лизетта, которая с трудом сдерживает рыдания. — Я готова бежать куда глаза глядят, лишь бы не видеть всего этого безобразия.

— Я также, — убежденно говорит Тотор, — но мы одни ничего не можем поделать; подождем, пока нас проводят до того места, где находится «Лиззи».

Мозг приготовлен. Зажарить его в кипящем масле совсем не долго. Достаточно пяти минут.

Импровизированный повар достает его острием пика, аккуратно кладет на хороший кусок бананового листа, добавляет к нему четыре великолепных клубня, слегка подрумяненных, золотистых и ароматных. Он подходит к детям, опускается на одно колено и подносит им это блюдо, предназначенное для вождей, для избранных этого племени, для табу!

Лизетта бледнеет, стискивает зубы, делает жест страха и отвращения и отворачивается. Тотор подбадривает сам себя. Когда переживаешь такие приключения, нужно быть готовым ко всему.

Он участвовал в битве, как настоящий мужчина, видел смерть при самых трагических обстоятельствах, собственноручно убил врага. Он не должен бояться этих человеческих останков; нужно быть твердым, управлять своими нервами, чтобы оставаться достойным великого звания табу!

Он смотрит на повара и делает рукой незначительный жест, точно господин, отказывающийся взять табак из открытой табакерки. Потом он прибавляет с любезной улыбкой, чувствуя, как тошнота подступает к горлу:

— Мерси... ни я, ни моя сестра этого не употребляем.

Дикарь настаивает. Удивленный, он кладет перед их носом блюдо, которое буквально пожирает глазами, и произносит какие-то папуасские слова.

Тотор подтверждает свой жест и кричит:

— Мы не желаем!.. Понимаете? Я, Тотор-табу... моя сестра Лизетта-табу... чувствуем отвращение к вашей стряпне, и мы, кажется, имеем полное право отказываться.

Дикарь кивает головой и говорит, подняв кверху нос:

Табу!.. Табу!..

Это очень приятно для 'самолюбия, но не для желудка.

К счастью, деревья покрыты плодами, которые составляют гордость и великолепие тропических стран. Апельсины, сладкие лимоны, кокосовые орехи и масса других, незнакомых цивилизованным нациям, но от одного перечисления которых начинают течь слюнки. Тотор указывает на них людоеду и говорит, повторяя свою пантомиму голодного человека:

— Смотрите, там есть все, за счет чего можно прекрасно существовать и не трогать своего ближнего... И потом, если бы вы знали, как полезно вегетарианство!

Они слушают, как он говорит, таращут глаза, и эти нежные речи кажутся им сладкой музыкой.

С ловкостью четвероруких они влезают на деревья, собирают массу плодов и очень довольны, видя, с какой жадностью набрасываются на них их юные друзья. Тотор и Лизетта быстро утоляют голод, а их дикие товарищи с упоением уничтожают человеческое мясо со сладкими кореньями.

Кушая с аппетитом, Тотор, от которого ничто не ускользает, видит, что туземцы прибывают и прибывают. В тот момент, когда дикари готовились задушить Лизетту, их было не больше тридцати, теперь их около сотни, и еще подтягиваются со всех сторон; раскрашенные и вооруженные, точно для битвы, они имеют грозный вид, который при виде детей сменяется невыразимым удивлением.

Горб Тотора производит невероятное впечатление. Каждый из вновь пришедших подходит к этому несслышанному феномену, рассматривает его и выражает жестами свое удивление. Но им недостаточно смотреть, они желают потрогать!

Тотор идет навстречу их фантазии; смешно видеть, как они ощупывают гроб, который добрый парень выставляет как залог своего будущего освобождения.

Новость о появлении феномена распространяется с быстротою молнии. Приходят целые племена людоедов с оружием и припасами. Любопытные, как дети, они идут, не раздумывая, поддаваясь влечению своего любопытства. Подходят все новые и новые дикари, такие же удивленные и такие же почтительные к табу, как первые приближенные.

Тотор может сделать все что угодно с этими жестокими людоедами.

В его юном мозгу зарождается гениальный план.

— Да... их много... они жестоки... хорошо вооружены... и сильные... как Татуированный... почти все геркулесы... я думаю, что удастся...

— Скажи, в чем дело? — с любопытством спрашивает Лизетта.

— Вот что... я — табу... у меня армия из людей не совсем обыкновенных... я встану во главе их и двину против Ника-Портера и его шайки.

— Как же ты это сделаешь?

— Очень просто: я назовусь генералом... генерал Тотор... и пойду в поход... как Мальбрук.

— Великолепно, братец. Но ведь ты, к несчастью, не знаешь их языка.

— Да, в этом-то и заключается главная трудность, но я с этим справлюсь... Так нужно, и я этого хочу!

— Тогда живее... я боюсь, что папа, Татуированный и наши моряки в опасности.

— Сейчас! Наступил момент испытать силу моего авторитета, поэтому устроим небольшое представление.

При этих словах маленький горбун подходит к повару, который занял место покойного вождя.

Этот папуас не сводит с него глаз и чувствует к нему живейшую симпатию. Тотор, вооруженный саблей, просит у своего нового друга пику. Тот дает с радостью, и Тотор прибавляет, потрясая ею в воздухе:

— Она такой же длины, как шест для сбивания яблок... Она не особенно удобна, но это национальное оружие и нужно владеть им, чтобы сохранить престиж.

Это еще не все. Чтобы быть готовым к войне, нужно

иметь еще связку красных перьев, которую воины прикалывают к своей шевелюре.

Тотор велит дикарю нагнуть голову, снимает перья и разделяет их на две части. Одну половину втыкает в черные косы Лизетты, а другую важно закладывает за своим левым ухом и говорит:

Хорошо!

Людоед торжественно, как магическую формулу, повторяет слово:

ро... шо...

Горбун, услышав это, смеется до слез. Его приступ исцелья вызывает смех всей армии, которая думает, что она должна во всем подражать своему вождю; они все сутулятся, точно на спине у них горб.

Смотри, смотри, — кричит горбун сестре, — они делают, как я, они мне подражают. Значит, мы сейчас отправимся в поход.

Мысль вооружиться пикой и одеть перья была действительно гениальной.

Папуасы, успокоясь немного после смеха, выпускают громкий клич, потом быстро собирают свое оружие, пики, колья, луки, понимая, что табу с белой кожей и золотыми волосами хочет их вести на битву.

Как подобает главнокомандующему, Тотор идет во главе рядом с Лизеттой, которая старается ступать с ним в ногу.

Толпа будущих победителей следует за ними в шумном и живописном беспорядке. Время от времени горбун, не умея объяснить с ними на их языке, делает неприсоречивые жесты. Они многообещающе и заслуживают самого громкого одобрения.

Этими жестами он показывает им, что они будут пить и есть, и они понимают, что табу ведет их на битву, за которой последует роскошный пир.

Чтобы не ошибиться и привести их в логово Ника Портера, Тотор собирается пойти вверх по течению реки, то есть вернуться вновь туда, откуда они пришли. Этот путь длиннее, но зато и надежнее.

Они идут, идут; идут так долго, что усталые Тотор и Лизетта не могут больше двигаться.

Но это пустяки. Раз они такие маленькие и нежные и ноги у них не такие длинные, как у папуасов, их понесут на руках.

Быстро устраивают носилки из тростника и бамбука. Материала более чем достаточно, а дикари — несрав-

ненные работники. Через десять минут все готово; вместо крыши их тщательно прикрывают двумя банановыми листьями.

Тотор и Лизетта садятся каждый в свои носилки. Их поднимают на плечи, и они продолжают путь, хорошо защищенные от солнца.

Тотор хорошо помнит топографию местности. Чувствуя себя настоящим командиром, он указывает острием пика направление, которому надо следовать.

Папуасы, подбадриваемые жестами, обозначающими еду и питье, все как один направляются к месту, где найдут целые озера вкусных напитков и горы съестных припасов.

Они нисколько не устают. Эти большие дети только и желают, чтобы ими управляли, и следуют за Тотором, как стая гончих.

Время от времени делают остановку. Всего на несколько минут, чтобы переменить носильщиков, потом снова пускаются в путь.

Войско приближается к сожженному домику, от которого остались только груды угля. Не стоит останавливаться.

Вперед! Вперед!

Скоро показывается воздушное жилище Тотора и Лизетты, где их мучил отвратительный Встречный Ветер.

Тюрьма пуста: нет ни провизии, ни тюремщика. Ничего.

Тотор знаками приказывает его разрушить, чтобы проверить послушание своих людей. Половина из них бросается в воду, как стадо крокодилов. Несколько секунд — и они взбираются в хижину. Через пять минут от проклятой хижины ничего не остается.

Тотор сияет. Теперь они направляются к караульне, где дежурили четыре малайца; там тоже пусто. Генерал Тотор подает новый знак.

Войско, как циклон, налетает на хижину и уничтожает ее в мгновение ока.

Город близко. Издали слышны выстрелы и неясные крики. Видны длинные клубы черного дыма, идущие от реки. У Тотора появляется предчувствие.

— Здесь — папа, Татуированный и моряки... Этот шум битвы... следы пожара... вдруг это доказательства борьбы между ними и пиратами?..

Лизетта согласна с ним и отвечает:

— Наверно, они хотели нас освободить!

— Надеюсь, мы пришли вовремя, чтобы им помочь.
— Надо их предупредить, что мы идем.
— Да, но как... Вот идея... спою песенку... Это будет хорошее предупреждение!

Он встает на носилках и поет во весь голос.

Ему кажется, что он слышит издали крики, он останавливается, прислушивается, приложив руку к уху, в то время как дикари, очарованные этим чудным голосом, слушают его с восторгом.

Он продолжает петь, и дикари просят: «Еще!» Но горбун хмурит брови, до его уха доносятся звуки, которые заставляют его побледнеть.

Он соскакивает на землю, схватывает свою пику левой рукой, протягивает правую руку в направлении домов и повторяет последнее слово своей песенки:

— Вперед!

Дикари понимают его.

Он бежит, сопровождаемый целой армией людоедов.

Глава XI

Ник Портер и Встречный Ветер.— Хитрость разбойника.— Удушье.— Кто такой Встречный Ветер? — Лучше смерть, чем возвращение на каторгу! — Они будут повешены.— Приготовление к казни.— «К оружию!» — Надежда.— Как пират хочет победить дикарей.

В продолжение долгих часов Встречный Ветер, ослепленный Тотором, рычал, кричал и звал на помощь.

Малайцы, несшие караул, не обращали внимания на шум; они играли, пили и отдыхали. Это три серьезных занятия, во время которых восточный человек не любит, чтобы ему мешали.

Когда пришел час осмотра, они отправились в воздушную тюрьму и нашли, что пленники исчезли, а у тюремщика красные, страшно распухшие глаза. Они отвели его к Нику Портеру, который сгоряча хотел отрезать ему голову без дальнейших объяснений. Но Встречный Ветер, временно потеряв зрение, не потерял способности говорить; несколькими словами он уснокоил пирата.

— Ты сделал бы глупость, убив меня, — сказал он Нику с холодным гневом. — Я — моряк, хороший моряк; тебе недостает опытных людей. Я могу быть тебе полезен. Горбун перехитрил меня. Он ослепил меня горстью горячей золы, потом сбежал вместе с девчонкой, ну

и что? Теперь они, конечно, пойманы и съедены людоедами.

— Я не отрицаю этого, но они были хорошей приманкой для отца и его людей.

— Но этот проклятый капитан ничего не знает, и я уверен, так как хорошо знаю его, что очень скоро он нападет на тебя вместе со своими сообщниками.

— Я не боюсь его!

— Все-таки приготовься к отчаянной борьбе. Я ненавижу его изо всех сил, но должен признать, что это человек необыкновенный; он так воспитал свой экипаж фанатиков, что тот за него пойдет на смерть.

— Значит, ты его ненавидишь так же, как я?

— Во сто раз больше! Ты хотел бы видеть его мертвым... а я хотел бы, чтобы он жил как можно дольше, чтобы я мог его предать самым утонченным мукам.

Эти дикие слова были произнесены с выражением такой сильной жесткости, что даже Ник Портер при виде этого человека с кровавыми глазами вздрогнул.

Эта общность ненависти спасла Встречного Ветра. Ник Портер решил, что лучше использовать в своих интересах эту бешеную энергию, эти отвратительные чувства.

Он поручил Встречного Ветра старой малайской женщине, которая вымыла и смазала ему глаза и таким образом возвратила зрение.

Как он и предвидел, долго ждать нападения не пришлось. Он помогал защищаться с удивительной энергией и вошел в милость к пирату, который, увидев его в деле, приблизил к себе.

Точно так же, как Марион боялся убить Ника Портера, Встречный Ветер боялся погубить капитана и Татуированного.

Обе стороны хотели взять друг друга живыми.

К несчастью, правда не восторжествовала; благодаря адской хитрости, Марион, Татуированный и матросы оказались в глубоком рву, из которого невозможно выбраться.

Эти неустрашимые люди пойманы в засаду и отданы во власть бандитов, которым незнакомо чувство сострадания и чести. Участь их решена. Они погибли! И ничто не может их спасти.

Ник Портер колеблется, уморить ли их голодной смертью или утопить, направив в ров один из ручейков, протекающих по городу.

— Умоляю тебя! — говорит ему Встречный Ветер. — Отдай в мои руки Мариона и его товарища, известного под именем Татуированного.

— Это мы посмотрим, когда они будут нашими пленниками!.. Это мое дело!.. Довольно заниматься болтовней!.. Примемся за работу.

Чтобы захватить маленькую геройскую группу, негодяй придумывает различные способы.

Уморить их голодом — это слишком долго; затопить ров — слишком опасно, трудно отрегулировать течение воды, и оно может враз утопить тех, которых более чем когда-либо он хочет взять живыми.

Ник останавливается на третьем плане: частичное или, вернее, неполное удушение. Вот что он сделает, чтобы скорее покончить с затянувшейся драмой: над отверстием рва положат несколько толстых бамбуковых стволов, на стволы набросают соломы, земли, — словом, все то, что может герметически закупорить место, где томятся несчастные моряки.

Встречный Ветер сильно заинтригован и спрашивает сам себя, что тот хочет сделать?

А все очень просто. Он велит поднести к четырем углам рва ружья, заряженные порохом, и стрелять в ров. Выстрелы раздаются заглушенные, за ними следуют стоны жертв, которых удушение вскоре сделает неспособными к сопротивлению.

Пороховой дым наполняет ров, проникая несчастным в глаза, в горло, в легкие.

Разбойник велит возобновить выстрелы второй и третий раз, пока стоны не прекращаются.

Ров открывают. Оттуда подымается густой дым. В глубине — ужасная куча из оружия и тел, лишенных воздуха.

Малайцы спускаются по лестницам из бамбука, неся веревки. Они связывают атлетов, от которых в страхе бежали, и подымают их поочередно на конце веревки.

— Я надеюсь, что они не умерли! — кричит с ненавистью Встречный Ветер.

Нет, сердца слабо бьются. Благородная кровь течет под посиневшей кожей, и негодяй с радостью ждет момента, когда они придут в себя.

Их переносят, все еще связанными, в большое помещение, которое одновременно служит складом съестных припасов и оружия.

Их укладывают на циновках и окружают тройным рядом вооруженных пиратов.

Со всех сторон сбегаются люди, чтобы ничего не пропустить из готовящегося ужасного зрелища.

Ник Портер, его приближенные и Встречный Ветер садятся перед пленниками, которые понемногу приходят в себя; но так как возвращение к жизни идет слишком медленно, приносят раскаленное железо. Палачи-любители, желая выказать начальнику свое усердие, подносят его к ногам пленников.

Кожа шипит, мучительные стоны вырываются из груди, тела извиваются в оковах, жизнь и сознание возвращаются вместе с чувством боли и пониманием безысходности положения, и храбрецы чувствуют, что они погибли.

Но без бравады, храбрые и неустрашимые перед лицом смерти, они сохраняют спокойствие.

У них не вырывается ни крика, ни жалобы. Твердые и спокойные, с ясным взглядом, они ведут себя так, будто ужасные мучения, которые сейчас начнутся, не имеют никакого отношения к ним.

Ник Портер говорит Встречному Ветру:

— Я могу сокрушить их спокойствие одним словом!

Последний смотрит на своего бывшего начальника и бывших товарищей с ненавистью, которая делает его страшную физиономию еще более отвратительной. Ник Портер прибавляет:

— У тебя, кажется, есть интересные для них сообщения, постарайся их занять.

Негодяй не может больше сидеть на месте, он встает, жестикулирует, складывает руки, краснеет, бледнеет и голосом, дрожащим от ненависти и пьянства, кричит:

— Вы, конечно, узнаете меня, капитан Марион и Татуированный!

Ни звука, ни взгляда, ни ответа.

— Кажется, нет,— продолжает Встречный Ветер.— В общем, я называю вас именами, которые вам не принадлежат. Вы — беглые каторжные из Гвианской тюрьмы и обозначаетесь номерами. Ты Марион Пьер Андре — номер 212-й, и больше ничего!.. А ты Франсуа Бушю, называемый Татуированным, — 214-й. Так называла вас великолепная тюремная администрация. Не правда ли? Узнаете ли вы меня, наконец?

— Нет! Неужели это возможно?

— Да, это я, господин Перно!.. Дорогой господин

Перно!.. Великолепный господин Перно!.. Ваш бывший сторож, который следует за вами с самой каторги и возвратит вас туда!

При этих ужасных словах Марион бледнеет и дрожит, точно пуля попала ему прямо в сердце.

Татуированный извивается в оковах и рычит:

— Тысяча чертей! Я так и думал! Ах, Встречный Петер!.. Встречный Ветер! Такая поганая рожа могла принадлежать только грязному пьянице, от которого нам, в Сен-Лоране, с отвращением отворачивались даже каторжные!

Подлая улыбка появляется на лице негодяя, который отвечает:

— Я знал, что это заставит вас заговорить! Правда нас тронула, вот мы и утерли вам нос!

Его прерывает молодой, звонкий, негодующий голос, который принадлежит повару Галипо:

— Ты лжешь, негодяй!.. Капитан Марион невиновен!.. И ты это прекрасно знаешь!.. Я был юнгой на «Шинтадине», когда совершилось преступление, и виновный — Ник Портер!.. Клянусь Богом и честью!..

— Великолепно, матрос! — кричит канонир Боб Гаррисон. — Капитан, мы знаем вас и уважаем!.. Не защищайтесь, не отвечайте ему! Мы прекрасно знаем Встречного Ветра!.. Это — подлец и изменник.

— Говорите, говорите, честные люди!

— Да, изменник! — продолжает канонир. — Потому что ты предал своего начальника, ты — трус, потому что ты мстил детям и теперь оскорбляешь пленников!

— И так далее, — рычит бандит, раздражаясь смехом. — Неужели вам не интересно узнать, как я мог разыграть эту комедию на пространстве большем, чем половина земного шара?

Ничего, кроме презрительного молчания.

— Э! Товарищ!... Ты, кажется, промахнулся, рассчитывая на большой эффект! — прерывает его Ник Портер, смеясь.

— Посмотрим! Итак, я был надсмотрщиком в Сен-Лоранской тюрьме; я был примерным служащим, хотя и любил немножко зелененькую, но это не мешало мне исполнять долг службы. После твоего первого бегства, номер 212-й, меня сместили на низшую должность и я должен был уплатить большой штраф. При втором бегстве ты меня искалечил, и в наказание за это я устроил так, чтобы тебя приговорили к смер-

ти, но перед вашим бегством вы меня побили, связали и бросили в высокую траву за камерами. Меня уволили бы со службы без гроша, меня ожидала нужда и насмешки. В довершение несчастья какой-то прохожий поджег траву, зажигая свою трубку. Меня поджарили, как колбасу, и превратили мое лицо в эту отвратительную маску. Я пролежал месяц в госпитале, потом был выброшен за дверь. Не имея ни гроша в кармане, ни вещей, ни положения, ни корки хлеба, я чувствовал смертельную ненависть к вам, виновникам своей беды. Я решил, несмотря на то, что это казалось невозможным, поймать вас и возвратить на каторгу. Это было бы хорошим мщением, не правда ли? Было совсем нетрудно проследить вас до Сан-Франциско; не стоит вспоминать детали, это отняло бы слишком много времени, а я хочу скорее видеть ваших товарищей повешенными и вас по дороге на каторгу. Благодаря моему искалеченному лицу, я мог, не узнанный вами, поступить на пароход, на котором ты думал отыскать правду и свое оправдание, мой бедный 212-й. Все шутки, сыгранные на «Лиззи», были делом моих рук: выдача в Таити, воровство бумаг, порча перты, порча пушек, пожары, воровство детей — но все это были мелочи. Главное, к чему я стремился и что было единственным смыслом моего существования — это вернуть вас в тюрьму; и вы вернетесь туда. Вот как это случится. Ник Портер, чтобы вознаградить меня за мои услуги, отдает мне вас в полную собственность. Не правда ли, хозяин?

— Да, болтун!

— Великолепно! Вот что мы с тобой сделаем, Марион Пьер Андре под номером 212-й, и с тобой, Бушю Франсуа, номер 214-й. Завтра мы возьмем «Лиззи» и препроводим вас на ней в Новую Каледонию, которая совсем близко отсюда. Так как ты приговорен к смерти, тебя казнят, если ты не будешь помилован на вечную каторгу. Последнее для меня еще приятнее: увидеть тебя снова в каторжной одежде! Тогда моя месть будет полна, я забуду и о своей беде, и об уродстве.

Несчастные онемели от ужаса, они не в силах произнести ни слова, ни жалобы, ни проклятия. Они слышали лишь одно слово «каторга», которое звучит в их ушах как колокол.

Каторга! Лучше сто раз умереть, чем вернуться

и этот ад, где следует навсегда распрощаться с приемлемой жизнью моряка, оставить надежду — с гордо поднятой головой возвратиться на родину, распрощаться с будущим, с детьми — со всем! Пусть лучше их освободит смерть! Они больше не обращают внимания на подлую физиономию, которая улыбается и торжествует, они не слышат голоса, произносящего оскорбления, — они мечтают о смерти, которая освободит их от мучений.

Вокруг их товарищи ругают разбойников, которые откровенно насмеваются над ними.

Ник Портер отдает приказ:

— Принесите веревки и повесьте всех. Сколько их? Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, не считая двух, которые принадлежат тебе, Встречный Петер!

— О, я не спускаю с них глаз!

Мне казалось, что их было девять, — продолжает Ник Портер.

— Один убит! — замечает один из пиратов.

— Повесьте и его! — прибавляет Ник Портер.

Их волокут на большую площадь, где возвышается огромное дерево с красными листьями. Приносят лестницы из бамбука, чтобы при помощи их привязать веревки к боковым веткам, превращенным в виселицу. Окружающие кричат, хохочут, выказывая необыкновенную радость при виде этой сцены убийства.

Капитан и Татуированный со связанными руками и ногами распростерты на земле. С утонченной жестокостью Встречный Ветер поворачивает им головы, оставляя смотреть на гибель товарищей. Они закрывают глаза, и негодая бьет их, рыча:

— Смотрите же, да смотрите!

Ник Портер командует:

— Подымай!

Палачи-любители хватают веревки и подают их тем, которые на лестнице. Готово свершиться ужасное преступление, как вдруг издали доносятся приглушенные крики. С криками смешивается какой-то неясный шум. Можно подумать, что идет многочисленное войско.

Шум приближается. Прибегают испуганные пираты крича:

— К оружию!.. К оружию!.. Мы погибли!

В сердцах приговоренных к смерти просыпается надежда.

Палачи соскакивают с лестниц. Толпа колеблется, охваченная ужасом. Эти хищные люди никогда не бывали спокойны; иногда достаточно ничтожного случая, чтобы их храбрость превратилась в панический страх.

— Что такое? — спрашивает Ник Портер, изо всех сил стараясь казаться спокойным.

Один из пиратов отвечает прерывающимся голосом:

— Господин, дикари!.. Целое войско!

— Только-то? — облегченно вздыхая, говорит разбойник.

— Но они вооружены и носят красное перо войны, они ожесточены, рычат и жестикулируют. К оружию! К оружию!..

— Глупости, не нужно оружия, они — в наших руках!

Потом он громко добавляет:

— Пусть каждый выставит перед своим домом всю водку, которая у него имеется! Живее!.. Живее!.. Дело идет о нашей жизни!.. Откройте склады!

Пока пираты исполняют с небывалой скоростью этот странный приказ, Портер пожимает плечами, говоря:

— Эти негодяи набросятся на спирт, и через пять минут вся людоедская армия будет пьяна.

Глава XII

Спирт. — «Табу!» — Браво, Тоттор! — Драка. — Борьба. — Уже время. — Освобождение. — Встречный Ветер. — Конец негодяя. Подвиги Галипо. — Выстрел. — Саквояж. — Бумаги и драгоценные камни. — Эпилог.

По обеим сторонам улицы расставлены различные по форме сосуды. Рядом с большими — очень маленькие, из которых исходит сильный запах, возбуждающий людей, болезненно склонных к алкоголю.

Маленькие сосуды после опустошения их содержимого послужат для того, чтобы погружать их в большие, и, таким образом, облегчат потребление питья.

Предводительствуемая Тоттором, который потрясает оружием, армия папуасов бежит по улице с рычанием и шумом обезумевшей толпы. Тоттор продолжает петь. Несколько нот доносятся до пленников. Они узнают эту веселую песню, и их охватывают восторг, радость, надежда.

Это он... Тоттор! Он, геройский и веселый мальчуган, несет им освобождение.

Рычание, крики, голоса, зовущие на помощь...

Тоттор... господин Тоттор, к нам... спасите нас!

А вот и голос отца:

— Смелее, деточка!.. Смелее, матрос! Мы здесь... Смелее, смелее... на помощь!

Черные бросаются на группу, окружающую приговоренных, чтобы перерезать всех до единого. Но вдруг их горячность сломлена! Они останавливаются и, точно тонкие, обнюхивают воздух. До их обоняния доносится запах алкоголя.

Водка!

К шуму убийства присоединяется рычание алчности.

Ничто не может остановить этих животных, которые чуют запах водки так же, как хищники — запах крови.

Те, которые несут Лизетту, опускают ее на землю; те, которые следуют за Тоттором, останавливаются. Все нибрасываются на сосуды, наполненные водкой, и с жадностью пьют.

Тоттор тоже останавливается. Он понимает адскую шутку Ника Портера и предвидит ее последствия.

Все погибло! Но неустрашимый ребенок не теряет головы. Его инициатива и энергия возрастают, возвышая его над самыми умными и опытными людьми.

Держа саблю в одной руке, а пику в другой, он бросается на пьющих, разбивает сосуды тяжелым оружием и кричит изо всех сил:

— Табу!

Видя, что его не слышат, он дает Лизетте дубину и приказывает:

— Бей посуду и кричи: «Табу!»

Понимая, что от этого момента зависит общее спасение, девочка бросается на другую сторону улицы и кричит так громко, как может:

— Табу!.. Табу!..

В это время до их уха доносится зов о помощи. Они дрожат, слыша знакомые голоса.

— Папа!.. Татуированный!.. Моряки! Нужно их освободить.

Дети бегут по улице среди дикарей, разбивая сосуды, запрещая прикасаться к этому яду, произнося тысячу раз магическое слово:

— Табу!.. Табу!..

Папуасы хотели бы послушаться, но не могут. Суеверие сильнее, чем любовь к водке, оно закрывает их жадные рты, стискивает губы, останавливает на полдороге руки, тянущиеся к сосудам, наполненным обожаемой жидкостью.

Правда, многие уже успели порядочно выпить; они пили в течение двух минут, и это их еще более воспламенило, и тем скорее заслуживают они похвалы, что остановились на полпути.

— Тотор! Генерал Тотор!.. какой вы ловкий командир, как много ума таится в вашем горбу!

Маленький храбрец снова становится во главе дикарей и кричит:

— Вперед!

Конечно, папуасы ожесточены этим запретом, но понимают, что после их победы он может быть снят. Нужно лишь завоевать себе право утолить жажду. Перережем всех, и наш хорошенький табу с золотистыми волосами даст нам целые реки водки.

Тотор и Лизетта бегут со всех ног, отыскивая отца, Татуированного, моряков.

Между папуасами и малайцами происходит ужасное столкновение. Ожесточенные еще более от водки, которая жжет им желудки, вечные враги азиатов, гиганты Новой Гвинеи бьют из всех сил дубинами и ножами.

В несколько мгновений они производят ужасный переполох. Враг почти не сопротивляется и скоро совсем сдается. Но пленников окружает толпа вооруженных людей, которые сражаются под деревом, обращенным в виселицу.

Туда пробираются Тотор и Лизетта. Они восхитительны в своей удали и храбрости. Вокруг них режут, убивают, а они полны любовью к отцу и, презирая страх, не ценя собственной жизни, думают только об одном: спасти отца и его товарищей, их друзей.

Верные папуасы следуют за ними. Происходит грозная, ужасная битва.

Видя, что люди связаны и с веревками на шее, дикари понимают, что это — друзья и что надо их освободить.

Ник Портер, Встречный Ветер и наиболее разъяренные бросаются на пленников, чтобы их задушить, но людоеды появляются так быстро, что у тех не хватает времени. Минуту они колеблются, думая об опасности, угрожающей их жизни.

Один Встречный Ветер не теряет. Потрясая ост-

рым кривым малайским крисом, он нагибается над капитаном Марионом, смотрит на него с безумной ненавистью и кричит:

— Тебя я должен убить непременно!

Лизетта испускает крик ужаса и бросается на отца, чтобы избавить его от смертельного удара или принять его на себя. Она рыдает:

— Папа... Дорогой папочка! Нет... о, нет.

Оружие готово опуститься на нее и пришить ее, мертвую, к груди капитана, который умоляет пощадить жизнь невинной малютки:

— Убей меня!.. Но сохрани мою дочь.

Разбойник смеется и рычит, обезумев от ненависти:

— Обоих одним ударом!

Произнеся эти слова, он вдруг испускает жалобный и злобный стон и падает на ребенка и его отца. При этом падении острие оружия царапает плечо Лизетты и бедро капитана.

В то же время раздается молодой, негодующий шлош:

— Ах... ты хочешь убить папу!.. Ты хочешь убить мою сестру!.. Подожди же, убийца!

Вот что произошло в эти две трагические минуты.

Находясь чуть позади отца и сестры, Тоттор видит, как Встречный Ветер поднимает на них оружие.

Мальчик бросается к ним и изо всех сил ударяет оружием под коленкой негодя. Мускулы перерезаны. Встречный Ветер падает. Он сжимает в руке оружие, но неустрашимый горбун не дает ему времени опомниться.

Ожесточенный, с пеной у рта, не узнавая себя, он ударяет изо всех своих детских сил. Удары сыпятся куда попало: на лицо, по которому течет кровь, на руки, которые все еще инстинктивно сжимают оружие.

— Браво... Тоттор!.. — кричит Татуированный, который старается перегрызть зубами свои путы.

— К нам... к нам... на помощь!.. — кричат матросы.

Лизетта, видя кровь у отца и у себя, стонет.

Папуасы рубят направо и налево и кричат как бешеные. Везде такая суматоха, что трудно разобрать, где друзья и где враги.

У Татуированного вырывается крик радости. Ему удалось страшным усилием разорвать веревки, которые он уже частично перегрыз зубами. Он хватает лежащее рядом с ним оружие и перерезает другие веревки, связывающие ноги, потом грозно приподымается.

Толкнув ногою Встречного Ветра, он говорит ему:

— С тобой мы еще встретимся.

Потом из чувства трогательной деликатности он хочет предоставить ребенку возможность освободить отца.

— Тотор, живо... перережь узы капитана.

Встречный Ветер, сильно раненный, не переставая кричит. Ник Портер, понимая, что все потеряно, убегает крича:

— Еще встретимся!

Татуированный, вооружившись ножом, бежит к связанным морякам, чтобы их освободить. Первым освобожден Галипо, который исполняет торжественный пируэт.

В момент капитан тоже на ногах. Он берет на руки Лизетту, у которой продолжает течь кровь из раны и которая, совсем бледная, прижимается к отцу.

Моряки поднимаются, с радостными криками хватают первое попавшееся оружие, не веря в чудо, которое их спасло.

Пираты обратились в бегство. Везде кучи убитых и раненых, которых папуасы приканчивают ударами ножей.

Все целуются и обнимаются с радостью людей, не надеявшихся больше встретиться.

Победители-папуасы танцуют как бешеные и жаждут водки.

Надо признать, что они ее вполне заслужили.

Тотор, от взгляда которого ничто не ускользает, видит постыдное бегство малайцев и решает дать своей армии награду, которую они заслужили сто крат. Он бросается на шею отцу и растроганно говорит ему:

— О, папа! Как я счастлив!.. Я обезумел от радости!.. И я люблю тебя всем сердцем...

Но воин не должен нежничать. У него должно быть сердце из бронзы и железа или из другого, еще более твердого металла.

Генерал Тотор отрывается от отцовской груди, жмет Татуированному руку, салютует саблей морякам, которые смотрят на него с восторгом, и подходит к своим храбрым папуасам, которые снова нюхают алкоголь.

Матросы бросаются следом за Ником Портером, но тот исчез бесследно.

В живых остался один Встречный Ветер, который истекает кровью и не перестает кричать, ругаться и проклиная. Папуасы, поскольку он белолицый, не решаются его прикончить. Но так как они видели, как генерал

Гибу ударял его саблей, им приходит в голову, что он будет лакомым кусочком, и они с криками и визгом тянут его за собой.

Татуированный при виде этой сцены говорит, качая головой.

— Ну, кажется, они хотят сделать из него бифштекс или котлету! Откровенно говоря, для меня это значительно приятнее, чем если б мне самому пришлось его прикончить.

Лизетта истекает кровью и плачет, видя это. Отец утешает ее нежными словами:

— Не бойся, деточка... это ничего... Я сделаю тебе перевязку.

— Но папа... ты тоже ранен!

— Ну, это совершенные пустяки!

От отрывает кусок от рукава своей рубашки и перематывает плечо своей девочке, которая говорит прерывающимся голосом:

— Папочка... я тебя умоляю, вернемся на корабль... Здесь я умру от страха... с нами может еще что-нибудь случиться... подумай, сколько мы пережили ужасов и страданий за последнее время! Мы спаслись чудом... уйдем скорее.

Капитан понимает, что девочка права. Но немедленный отъезд невозможен. Надо разыскать Ника Портера, взять его в плен, уничтожить логово пиратов и сжечь проклятый город, иначе вся экспедиция пропала даром. Это трудное дело, для которого понадобится вся армия генерала Тотора.

К несчастью, армия возбуждена больше, чем прежде, и умоляет начальника уступить. Те, которые раньше успели попить водки, совершенно вне себя. Их жажда становится невыносимой, и они громкими криками настаивают на снятии запрета. По крайней мере, Тотор в таком смысле понимает их крики и жесты.

Кроме того, есть еще Встречный Ветер, которого изголодавшаяся армия пожирает взглядом крокодила. К несчастью для него, он продолжает кричать, и его крики возбуждают людоедов и приближают катастрофу.

Один из них сует ему в рот саблю, прорывает щеки до ушей, захватывает язык и вырывает его.

Страшное рычание исторгается из груди негодяя и бросает Тотора в дрожь. Мальчик с отвращением закрывает обеими руками глаза.

Папуасы принимают этот инстинктивный жест за

разрешение пить и набрасываются на приготовленную для них рисовую водку.

Оргия очень коротка. Все продолжается не дольше пяти минут, в продолжение которых любопытный мог бы изучать различные способы питья: стоя, лежа, на четвереньках; негритосы уничтожают огненный напиток, помогая движением губ, шеи и щек. Глаза их горят, тело двигается, кожа темнеет, а жажда все возрастает; и они пьют и пьют.

Оьянение охватывает их очень быстро. Некоторые пьянеют, стоя на ногах с полной бутылкой у рта, и падают на землю с глухим рычанием. Другие начинают бегать кругами, пока не валятся наконец на спину или на живот. Остальные падают через эти распростертые на земле тела. Смешно и в то же время грустно видеть еще недавно великолепную армию, превращенную ядом в совершенно неспособных к борьбе дикарей.

Несколько человек, которые еще держатся на ногах, хотя и качаясь во все стороны, замечают Встречного Ветра; один из них торопится перерезать ему шею и по привычке хочет спрятать голову в приспособленный для этого мешок. Его пьяные глаза видят ужасную маску изменника, его опаленные глаза, перерезанные щеки, разорванный нос. Дикарь приходит в ужас и отбрасывает голову, потом с отвращением отталкивает его ногой так, что она катится как шар.

Капитан охотно пустился бы преследовать беглецов, чтобы взять в плен Ника Портера. Но каким образом и где его искать? У моряков больше нет оружия. В таких условиях неблагоприятно решиться на это. Каждый и так должен быть счастлив, что легко отделался. И капитан приказывает двигаться к шлюпке.

Генерал Тотор прощается со своей мертвецки пьяной армией. Капитан пересчитывает свое маленькое войско. Не хватает двоих: товарища, которого убили при попытке вылезти из рва, — его отнесут на судно, чтобы устроить ему торжественные похороны, — и Галипо.

Куда мог запропасться повар? Он только что был здесь веселый, радостный и готовый к новым приключениям. Все беспокоятся, ищут его, кричат, но безрезультатно. Вдруг в нескольких сотнях метров раздается выстрел, и почти тотчас же показывается фигура бегущего человека.

У капитана, матросов и детей вырывается радостный крик:

— Галипо!.. Это Галипо!.. Откуда ты?

Он подает капитану маленький чемодан великолепной работы, очевидно, похищенный пиратом, и говорит, выдыхаясь:

— Посмотрите-ка, капитан, что в этом чемоданчике, судается мне, что это вас заинтересует.

Чемоданчик большой и тяжелый. Пока капитан рассматривает его, Галипо прибавляет:

— Когда я увидел, что Ник Портер кинулся бежать, я последовал за ним.

— Без оружия! — замечает Татуированный.

— Мне удалось спрятать револьвер. Итак, я погнался за пиратом, которого хорошо и давно знаю еще с «Пинтадины». Он вошел в хижину, и через минуту я увидел его выходящим оттуда с чемоданом в руках... Он также заметил меня, узнал и произнес: «А, юнга!» Тогда я выстрелил ему прямо в грудь, говоря: «Это тебе должно следовало получить, морская собака!.. Это месть юнги». Он упал мертвым... я захватил его чемодан и прибежал сюда.

Татуированный, специалист по части замков, открыл чемодан. В нем — бумаги, записки, выписки из газет. Марион быстро пробегает их глазами.

Под бумагами в ящиках спрятано неслыханное количество драгоценных камней. Татуированный перебирает руками бриллианты, рубины, сапфиры и топазы, которые играют на солнце, и прибавляет торжественно:

— Здесь на несколько миллионов! Это твоя добыча, сын мой, и ты теперь страшно богат!

Но марселец живо протестует:

— Вы хотите, наверно, сказать, что мы теперь страшно богаты! Эта военная добыча принадлежит всему экипажу... и я разделю ее с товарищами. Не так ли, капитан?

Марион пробегает глазами какую-то бумагу и бледнеет от радости и гордости. Он хватает руку Галипо, и волнением сжимает ее изо всех сил и говорит с дрожью в голосе:

— Ты не только сделал богатыми своих товарищей, мой храбрый ребенок. Добыв эти бумаги, мне ты даешь нечто большее, чем богатство, большее, чем жизнь. Ты возвращаешь мне честь!.. А теперь, друзья мои, вернемся на судно... на нашу дорогую «Лиззи». Ваша храбрость спасла ее... и скоро она привезет нас к берегам далекой и обожаемой родины!

Эпилог

«Морской суд в Шербурге. Пересмотр процесса»:

«Морской суд в Шербурге вынес полное оправдание капитану Мариону, дело которого несколько лет тому назад приобрело на нашей родине громкую и печальную известность».

«Происходя из знаменитой семьи бретонских моряков, капитан Марион был приговорен к смерти судом в Рошфорде за морской грабеж и убийства.

Негодующие протесты обвиняемого, его славное прошлое, странные условия преступления, подозрительное поведение свидетелей — это убедило бы менее предубежденных судей.

Общественное мнение не ошиблось. Толпа, которая судит сердцем, всегда верила в невиновность капитана Мариона.

К счастью, его наказание было смягчено, и он был приговорен к вечной каторге. После пяти лет жестоких мучений он предоставил такие ясные и убедительные доказательства своей невиновности, что кассационный департамент отменил приговор первой инстанции и послал дело для пересмотра в шербургский суд».

Это оправдание, составленное в самых лестных выражениях, является блестящей реабилитацией капитана Мариона.

«Исправление горбов»:

«Два французских хирурга, господин Кало и господин Шипо, успешно производят операции, кажущиеся невозможными. Эти ученые берут самых изуродованных горбунов, которые обречены вечно нести на свой спине этот безобразный груз, и так удачно оперируют их, что люди становятся стройными, ловкими и красивыми.

Каким же образом им это удастся? Вы хотели бы это знать, не правда ли?

Мы постараемся вам это объяснить!

Во-первых: что такое горбун? Простодушный читатель сразу ответит: это тот, который имеет горб. Мы это отлично знаем. Но что такое горб?

Очень просто — это результат искривления позвоночника.

Хорошо, но что же в таком случае представляет из себя позвоночный столб?

Это костный орган, помещенный у человека на задней стороне тела, от затылка до верхней точки таза.

Этот орган состоит из двадцати четырех позвонков, костей, не зависящих друг от друга, снабженных отверстием для прохождения спинного мозга и следующих один за другим. Их внутреннее соединение происходит с помощью хрящей, связок и мускулов, и они образуют таким образом этот

орган, прочный, твердый, гибкий и выносливый, который поддерживает голову и ребра, служит футляром для спинного мозга и составляет главную опору тела.

Иногда случается, что эти позвонки заболевают под влиянием удара, ушиба или, чаще всего, плохого питания организма, наследственного туберкулеза.

Костный состав позвонков, охваченных воспалением, размягчается, тогда позвонки бывают не в силах сдерживать вес человеческого тела, верхние позвонки, оставшиеся здоровыми, но не поддерживаемые снизу, начинают выгибаться. Прямизна позвоночного столба нарушена, он сгибается, спина округляется, и все кончено!

Таков в общих чертах механизм горба. Ужасное и до сих пор непоправимое несчастье.

Как же не быть признательным тем ученым, смелые опыты которых навсегда освобождают маленьких мучеников от физических и нравственных страданий.

Способы господ Кало и Шипо различны, но результаты всегда одинаково блестящи: полное выздоровление!

Вот что мы наблюдали при операциях доктора Шипо. Маленький больной укладывается на живот. Операция производится под хлороформом. Хирург отделяет кожу сбоку от остистого отростка, который одновременно является выступающим задним отростком позвонков. Это рассечение производится на уровне искривления позвоночника.

После этого два ассистента тянут пациента, один за руки, другой за ноги. Позвоночный столб больного вытягивается. Хирург давит на горб, который выдвигается. выдвигается и выравнивается!

Больше нет горба! Тогда хирург осторожно привязывает один к другому отростки серебряными нитками, чтобы сдвинуть позвонки и воспрепятствовать новому выгибанию.

Рану без дренажа зашивают. Потом пациента при помощи многочисленных ремней и закрепляющих пластин неподвижно укладывают на приспособленные для этого доски.

Эта неподвижность длится более или менее долгое время до полного выздоровления позвонков. Пациент защищен от вторичного заболевания!

В таких выражениях многие журналы писали о знаменитом открытии, которое вскоре дошло до ушей капитана Мариона. Он поручил доктору Шипо своего сына Гектора, своего дорогого маленького горбуна, легендарного героя «Горбунка».

Теперь Тотор, освободившийся от своего груза, сделался прямой, как буква j. Он вырос большой, красивый и счастливый. Он усердно занимается, чтобы поступить в мореходную школу, он желает быть и будет моряком.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

Монмартрская сирота

Счастливые дни Монмартрской фермы

Переводъ Е. Н. Киселева

СЫНЪ ПАРИЖАНИНА

Переводъ Е. М. Чистяковой-Вэръ

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

МОНМАРТРСКАЯ СИРОТА

Часть первая

КОРОЛЕВА ЗОЛОТА

Глава I

Два путника, или, вернее, два беглеца, брели, едва передвигая ноги, по отвратительной дороге, изрытой ухабами и рытвинами и усеянной острым красным булыжником, причиняющим невыносимую боль ногам.

Беглецы эти — негр и молодая белая девушка.

Он — седой старик, с короткой щетинистой бородой, искривленным от страданий ртом и зияющими ранами вместо глаз.

Едва прикрытый изодранной в клочья одеждой, носящей следы недавней борьбы, страшно запыхавшийся от безостановочного бегства, шел он, пошатываясь и спотыкаясь о камни, раздирающие в кровь его голые ноги.

Она — обаятельно красивая, совсем молоденькая, почти дитя — с отчаянием уцепилась за руку старика и вела его, пытаясь облегчить ему путь; но сама на каждом шагу спотыкалась, стонала и, несмотря на неимоверные усилия сдерживать себя, временами горько жаловалась на свою судьбу.

Время от времени она тревожно оборачивалась и оглядывала пустыню своими полными слез голубыми глазами, со страхом ожидая, что с минуты на минуту нагрянут враги.

Вот новый стон сорвался с ее губ, обнаруживших два ряда жемчужных зубов и как бы созданных для счастливой улыбки.

— О, я изнемогаю... Жо... Мой добрый Жо... Я, кажется, сейчас умру...

Бедный старик со вздохом остановился и сказал мягким и музыкальным голосом, свойственным лишь неграм, невероятно коверкая слова:

— Не теряйте бодрости, мадемуазель Элиза. Золотые россыпи не далеко... Мы найти белых, которые нам помогут!

Измощенная и задыхающаяся, девушка, однако, собрала последние силы и пыталась продолжить путь. Шатаваясь, она сделала несколько торопливых шагов; но ноги у нее подогнулись, и она в изнеможении тяжело рухнула на землю.

Лишенная сил, но сохранявшая все же энергию, молодая девушка проклинала свое бессилие, ломая в отчаянии руки.

— Бедный мой отец... Моя дорогая матушка... В руках этих разбойников... О, кто, кто их спасет!.. — стояла она.

— Милосердный Бог не оставяет их, — пытался успокоить ее негр.

Девушка, как бы в виде протеста, сделала энергичный жест плечами и лихорадочно отбросила свои тяжелые, светлые, с золотистым отливом волосы, беспорядочно разметавшиеся во время бегства и буквально окутывавшие ее до колен.

— Это невыносимо... невыносимо... Неужели ж надо мною висит проклятье, и ничего мне не суждено сделать для их спасения!..

Несчастный старик, пораженный этим взрывом отчаянья у своей молодой госпожи, энергия которой его не раз изумляла и приводила в восторг, так и вастыл, стоя в грязной рывтине и дрожа, как на морозе, под яркими и горячими лучами солнца. Не зная, чем и как утешить девушку, он и сам заплакал.

О ужас! — из его глаз, оставляя алый след на изуродованном лице, катились совершенно красные слезы.

Несчастный плакал кровью.

Молодая девушка задрожала от ужаса при виде этого страшного зрелища.

— Жо... мой бедный, дорогой страдалец, — шептала она. — Проклятое золото... Из-за него тебе выкололи глаза. Из-за него отец и мать мои попали в плен... и их мучают теперь под пытками... Бедный мой отец!.. Его опьяняли его собственные слова, когда он нам

говорил: «Больше, чем на сто миллионов... Я буду Королем Золота...»

— Господин говорил правду: это так и есть.

— А ты... зачем ты не открыл бандитам, где эти сокровища?.. Мы не знали бы тогда всех этих несчастий.

— О, я не хотеть, я не сметь... О, нет, никогда!.. решительно возразил негр.

— А теперь... Мы обречены здесь на смерть от голода, жажды, страха и усталости... Нас преследуют... Я это чувствую... Нас вот-вот настигнут эти негодяи-бандиты, которые в тысячу раз коварнее и более жестоки самих индейцев... Они замучают нас самыми утонченными пытками.

— Мы уйти... Мы найти поле золотоискателей... Поле там, недалеко...

— Я больше не могу держаться на ногах...

— Мадемуазель Элиза... Моя дорогая, маленькая Лизон, ваш старый Жозеф понести вас...— предложил девушке своим детским голосом готовый на всякое самопожертвование старый негр, забывая и свою страшную усталость, и страдания, причиняемые ему только что совершенной над ним ужасной операцией.— Будьте его глазами, а он будет вашими ногами,— продолжал он.— Ведите его... Указывайте ему ту сторону, где восходит солнце... там мы найти белых... там мы спасены...

Девушка с трудом поднялась на ноги, употребив неимоверные усилия, чтобы не упасть, и, достав платок, с нежностью и любовью протерла старику ресницы.

Затем она обвила руками его шею и, прикоснувшись губами к его впалой щеке, поцеловала бедного негра, у которого крепко забилося сердце от этой ласки.

— Идем...— промолвила она.— Я немного отдохну, и мы пойдем рядом.

И вот, опираясь друг на друга, эти два существа, которые, казалось, олицетворяли собой страдание и несчастье во всем их ужасном, надрывающем душу виде, стали медленно продвигаться вперед под знойными лучами все более и более раскаляющегося солнца по направлению к зеленому холмику, что виднелся на горизонте.

Четверть часа длилось это путешествие по мучительной дороге, целая четверть часа невыносимой пытки.

Жо совершенно обессилел, едва переводил дух и только невероятным напряжением воли еще держался

на ногах. Элиза, крепко обхватившая его шею, чувствовала, что сердце его бьется с перерывами, а хриплое дыхание готово прекратиться совсем.

Вот-вот он упадет с тем, чтобы больше уже не подниматься, и увлечет за собой и свою ношу: для обоих путников это равносильно смерти.

Казалось, что для путников всякая надежда уже потеряна, как вдруг где-то за деревьями раздались несколько выстрелов.

Туда!.. Лагерь золотоискателей... Милая Лизон, мы спасены!.. — радостно воскликнул старик.

Девушка, хорошо знакомая с американскими нравами, отлично знала, что на Дальнем Западе, куда уже начала проникать цивилизация, алкоголь и порох нашли себе самое широкое применение в часы развлечений.

— Рудокопы выпили и гуляют, — продолжал старик веселым тоном.

Ковбои, ранчмены и искатели золота так и живут с револьвером или винтовкой в руках, и все может послужить им предлогом для стрельбы. Всякий удачный ход во время картежной игры, всякий меткий удар игральной кости знаменуется выстрелом. В театре они заменяют аплодисменты целым градом пуль, продиравливающих деревянную крышу дрянного балагана, наскоро сколоченного в центре их поселения, состоящего из шатров и бараков.

Какой-нибудь весельчак, желая пошутить, пулей выбивает у своего приятеля сигару, которую тот курит, прогуливаясь.

Да, для Лизон все это не ново; ее лишь страшила мысль, как бы, вместо дурно воспитанных авантюристов, котя и бесшабашных, но безобидных, не наткнуться на грубых пьяниц, отравленных алкоголем, на безумцев, затевающих кровавые драки и убивающих друг друга без всякой причины. В этой местности, граничащей с Новой Мексикой, Техасом и индейскою территорией, где не существует иного права, кроме права сильного, и иных развлечений, кроме дикого разгула, сплошь да рядом встречаются отъявленные негодяи, бродяги, выброшенные из жизненной колеи.

Необходимость, однако, не рассуждает. Приходилось выбирать одно из двух: погибнуть или попасть в этот ужасный вертеп, где все же, быть может, им будет оказана помощь.

Ей было известно, что пионеры в неустанной борьбе с туземцами пробивают себе путь к обширной песчаной долине, окруженной скудными оазисами зеленых деревьев, ежедневно опустошаемыми пилой и топором. Несколько узеньких ручейков мутной воды вьется по этой долине, почва которой, изрезанная во всех направлениях рытвинами, свидетельствует об упорном труде и успешной деятельности человека. Всюду — сотни и тысячи продолговатых четырехугольников и столько же наполненных песком ям.

Там и сям — заступы, лопаты, оловянные и деревянные дощечки, ящики из досок, странные инструменты из ивового дерева, формой напоминающие детскую колыбель. Тут же на песке валяются тысячи коробов из-под консервов.

Этот обширный участок, теперь безлюдный, и есть золотое поле. Эти прямоугольные ямы — те самые claims, как их называют золотоискатели, откуда добывается золотой песок. «Claims» означает собственно принцип, по которому рудокопы допускаются к их работам. Покинутые инструменты — это орудия золотоискателей, которые в настоящий момент за своею адскою оргией забыли о ежедневном труде и обо всем на свете. Здесь же, на этом поле, зарыты сотни убитых, подкарауленных алчными людьми, которых страсть к наживной пригнала сюда со всех концов земного шара. Людей этот состоит из рабочих и бандитов, привычных к самому тяжелому труду и самым страшным излишествам. Теперь их около тысячи, а быть может, и больше точно неизвестно; но число их растет ежедневно, и через месяц, вероятно, их наберется до десятка тысяч. Все они теснятся в сколоченных на скорую руку палатках и телегах, а иные — в душе аристократы — умудрились выстроить себе хижины из наложенных друг на друга грубых толстых бревен, скрепленных болтами. Все вместе это имеет вид беспорядочно раскинутого города с населением из англичан, немцев, янки, евреев, португальцев, перуанцев, аргентинцев, испанцев, китайцев, ирландцев, кабатчиков, отравителей, воров, мошенников, убийц, готовых на все ради удовлетворения своих алчных appetitов.

В описываемый момент затеянная неизвестно по какому поводу оргия была в самом разгаре. Воздух насыщен алкоголем, порохом и кровью. Кабаки, с претензией переименованные в салуны, набиты битком,

содержатели этих притонов обделывают свои далеко не самые золотые дела.

Таков был тот ад, на который наткнулись в конце концов измученный старый негр Жо и прелестная, юная Лизон, девушка с французским именем и напористого парижского типа, да, парижского, так как это дитя, как увидят ниже читатели, было родом из Монмартра.

В другое время прибытие двух беглецов осталось бы незамеченным.

Появись они в разгар рабочей поры, они могли бы найти покровительство у какого-нибудь разбогатевшего золотоискателя, ставшего таковым мгновенно, благодаря значительной находке.

Легкая нажива делает человека радушным и щедрым. Таковы рыцари зеленого поля, таковы и искатели золота — те же игроки, но не на зеленом, а на золотом поле, подверженном таким же случайностям.

Техасец громадного роста заметил маленькую группу в тот момент, когда Лизон, не будучи в состоянии дальше терпеть мучительную и изнуряющую жажду, стояла на коленях пред ручьем и, преодолевая отвращение, пила илистую воду.

Ростом в шесть футов, с могучим, но нескладным станом, грудью коренника и испытаным лицом, на котором отражались все дурные страсти, возбужденный алкоголем, этот человек олицетворял собой мускульную силу, грубую и неукротимую.

При виде молодой девушки, которая похолодела от ужаса, заметив его, он разразился грубым хохотом.

О, черт возьми!.. Это маленькая француженка с той стороны... Немного пообтрепанная во время путешествия, но прелестная...

Она отшатнулась от него, побледнела и бросилась бежать.

Он снова расхохотался животным смехом и крикнул: Eh God by!.. С каких это пор не узнают приятелей?

Увы, она прекрасно узнала этого человека, который бродил вокруг их фермы, носившей в честь далекой родины название Монмартрской.

Он всегда бросал на девушку взгляды, приводившие ее в трепет, и, вопреки обычному уважению, с каким относятся американцы к женщине, позволял себе дерзости.

Теперь слепая судьба столкнула ее с этим негодяем, который внушал ей безумный страх и непреодолимое отвращение.

Он бросился следом и догнал ее без всякого труда.

Ни ее слезы, ни мольбы, которые могли бы, кажется, смягчить тигра, не оказали на него никакого действия, и, схватив ее за волосы, он притянул ее к себе, пытаясь приложиться к ее щеке своими губами, от которых разило алкоголем и нюхательным табаком.

Она испускала душераздирающие вопли, к которым примешивались крики отчаянья слепого: тот шел на ощупь, с вытянутыми руками и, наткнувшись на камень, беспомощно упал на землю.

Эти отчаянные крики донеслись до пировавших в тавернах; они прибежали на шум.

При виде гиганта, в руках которого билась молодая девушка, негодяи осыпали его шуточками и остротами.

Они протягивали свои лапы к несчастной девушке, которая, поддавшись слабости, свойственной ее полу и возрасту, продолжала горько плакать.

Жо, смятый толпой, не мог подняться и страшно кричал от боли.

Эти мучительные стоны наконец вывели из себя Бэна, и он зарычал:

— Во имя дьявола, заставьте замолчать этого негра, или я убью его, как собаку.

— Что ж нам с ним сделать?

— Опоите его! Отройте ему глотку и лейте виски, пока он не лопнет.

Это дикое предложение вызвало продолжительное «ура».

В мгновение ока Жо был перенесен со своего места и, с воронкой во рту, распластался на столе.

Пока одни хохотали до упаду над судорожными движениями несчастного слепого, подвергнутого этой ужасной пытке, другие вопили хриплыми, пьяными голосами, решая, что им делать с Лизон.

Измученная усталостью, лишениями и страхом несчастная девушка испустила слабый крик, похожий на жалобный писк смертельно раненной птички, и упала без чувств.

Глава II

Соучастники Бэна — человек двадцать пять или тридцать — были отъявленные бандиты, отребье Золотого Поля, поселения, которое составилось исключительно из самых забубенных подонков, отбросов различных цивилизованных обществ. Они придумали разыграть молодую девушку в лотерею.

Бэн, сопровождаемый дико ревущею пьяной и обморокнutoй толпой, перенес бедную Лизон, еще не очнувшуюся от обморока, в свой log-house.

Нельзя сказать, чтобы этот log-house поражал своей роскошью. Это была комната футов пятнадцати в длину и двенадцати в ширину. Вся ее обстановка состояла из двух кроватей, или, правильнее, двух огромных деревянных ящиков, наполненных маисовыми листьями и покрытых мехами, очень, правда, красивыми. Деревянные стены во всю длину были завешаны седлами, уздечками и винчестерскими ружьями, а на полу лежали долженствующие изображать собой подстилки отирательные лохмотья, издававшие острый тошнотворный запах, каким пахнут дикие звери.

Гигант положил девушку на одну из постелей, а сам вышел.

На пороге он встретил своего близкого приятеля. Быстро наклонившись к нему, он отрывисто шепнул ему на ухо:

Пятьсот долларов, если поможешь мне выиграть... если нет, удар ножа между плеч...

— Ладно... можешь быть спокоен, — ответил тот, прельщенный крупной суммой и обеспокоенный угрозой.

Местом для розыгрыша золотоискатели выбрали самую, по их выражению, «выдающуюся» в Золотом Поле таверну.

«Выдающийся» — один из любимейших эпитетов, употребляемый ими для выражения превосходства какого либо человека или предмета.

Таверна эта «Deesse Fortune» принадлежала Джошуа-Отравителю.

Она представляла собой нечто вроде местного Café Anglais или Maison Dorée.

Как бывший ученик аптекаря, Джошуа-Отравитель, попавший в Золотое Поле в силу некоторых обстоятельств, о которых он благоразумно умалчивал, с ред-

ким успехом применял свои профессиональные познания при приготовлении убийственных напитков, столь любезных американским глоткам.

Своими изобретениями по части горячительных напитков он, между прочим, успел приобрести громкую известность среди населения Far-West'a. Гению его изобретательности, например, обязаны своим существованием так называемый «булавочный» сироп и «тарантуловая» настойка, два напитка, которые даже американцы находят лютыми.

Первый из них — невинная смесь сахарной водки, кайеннского перца, безводной серной кислоты и патоки — употреблялся как легкое средство, возбуждающее аппетит. Второй напиток появлялся на стол только в исключительных, высокаторжественных случаях и с составом его, равно как и с действием на организм, читатель познакомится несколько позже.

Отравителю, который славился среди золотоискателей как большой грамотей, было поручено написать на тридцати двух билетиках имена участников лотереи.

Пока он, не торопясь, выводил каллиграфически букву за буквой, чтобы дать тем временем потребителям выпить на большую сумму, пред ним вырос подкупленный Бэном золотоискатель и шепнул ему:

— Мы разыгрываем девушку, из-за которой Бэн готов рискнуть головой. Во что бы то ни стало он должен ее выиграть. Ты положишь в карман двести долларов, если на всех билетах будет имя Бэна...

— Добро, — ответил тот, делая жест человека, понимающего с полуслова.

И он принялся методически свертывать билетики, подделку которых ему тем легче было совершить, что никто не подозревал обмана. Затем он сложил билеты в засаленную поярковую шляпу и знаком подозвал прислужницу-ирландку, напившуюся почти до бесчувствия.

Она с важностью выслушала хозяина, выпила — вероятно, для прояснения мыслей — еще стакан «булавочного» сиропа и заговорила своим ужасным хриплым голосом:

— Я понимаю... Вы хотите, чтобы я вынула наугад одну из этих бумажек... Это лотерея, не так ли?

— Да, лотерея.

— А чем одарит меня выигравший?

— Десятью долларами и поцелуем! — крикнул кто-то.

О, поцелуй!.. Я предпочитаю кружку «тарантуловой» настойки. Ее требуют не особенно часто... Правно, нынешние мужчины разучились пить.

Если я выиграю, так ставлю целый бочонок, — предложил Бэн.

Взрыв аплодисментов раздался в ответ на это обещание.

Ирландка протянула руку, опустила ее в шляпу, вынула бумажку и поднесла ее содержателю притона.

Тот медленно развернул ее, расставил ноги и, чтобы окончательно усыпить подозрительность участников лотереи, крикнул:

- А мне что даст счастливец?
- Пятьдесят долларов... Шестьдесят... Сто...
- Это недурно. Но все же не так щедро.
- А ты, Бэн, отчего ты ничего не говоришь?

Пятьсот долларов. Да расстреляет черт мою душу!

— В добрый час! Вот что значит говорить джентльменски. Тебе посчастливилось, приятель. Выигрыш за тобой... Посмотрите, джентльмены, на билете выведены все до одной буквы: «Бэн Рэнджер».

Раздался гром проклятий и аплодисментов, перемешанный со звоном разбиваемой посуды и треском револьверных выстрелов.

Бэн вынул из-за пояса горсть золотого песку, высыпал его на стол и вышел.

Товарищи его, пившие без перерыва со вчерашнего вечера и не менее пьяные, чем он, закричали ему вслед:

— Э, как?.. уже?.. а «тарантуловая» настойка?.. выпей свою часть...

— Нет... нет... я спешу, — отказался Бэн.

— Ладно, мы проводим тебя до дому.

— Как хотите.

Все двинулись в путь, горлая песни, паля из револьверов и продолжая свою попойку во встречных кабаках, которыми буквально усеяна их дорога.

Во время этого промежутка, длившегося часа два Элиза, запертая в log-house'e бандита, мало-помалу пришла в себя. Она стала припоминать все, что случилось с ней после того, как она, измученная злоключениями, пришла просить защиты от бесчеловечных преследователей у людей своей расы.

Разве люди эти чем-нибудь отличались от тех бандитов? Увы, они нисколько не уступали в свирепости

и зверстве тем чудовищам, которые отняли у нее родителей и изуродовали бедного Жо, ее кроткого и преданного друга.

Что случилось с ее отцом и матерью? Что теперь с ее бедным Жо? А что ждет ее самое? Какая участь — хуже всяких несчастий, хуже даже самой смерти?

К ней возвратилась ясность мысли, и она с трепетом обдумывала ужасающую действительность.

Вынужденный отдых в логове негодяя, который должен был возвратиться с минуты на минуту, придал ей немного бодрости.

Не задаваясь вопросом, каким образом и зачем она здесь очутилась, девушка соскочила с постели и бросилась к двери, которая была заперта всего лишь на задвижку. Она мгновенно открыла ее и хотела бежать, куда глаза глядят из этого ада.

Как раз в этот момент к хижине подошла безобразная ватага.

Пьяные негодяи узнали беглянку и с криками окружили ее.

— Вы теперь моя! Я вас выиграл! — обратился к ней Бэн и схватил ее за руку.

С силой, удесятеренной страхом и отвращением, Лизон выдернула руку, оставив в руках негодяя кусок сукна, и, как безумная, бросилась бежать очерти голову. Бэн, спотыкаясь и пошатываясь, гнался за ней и, не будучи в состоянии догнать, бешено орал:

— Да зажарят меня в аду!.. Не уйдете...

Она увертывалась от него, убегая зигзагами, и он свирепел все больше и больше, раздражаемый неудачей и насмешками товарищей. Наконец он остановился, тяжело дыша, вытащил револьвер и прицелился в девушку, которая остановилась перевести дух.

«Он меня убьет, — подумала она. — Тем лучше».

У бандита, однако, было другое намерение.

— Она бежит недурно, — загремел он. — Надо перебить ей одну ногу... Ногой меньше... Не все ли равно? Не так ли, товарищи?

— Стоп! — вдруг прервал его один из золотоискателей, вытаскивая свой револьвер. — Ты не имеешь права калечить девушку.

— Это мое дело. Что хочу, то и делаю, — возразил Бэн.

— А я этого не позволю. Долой револьвер, или я тебя пристрелю.

Бэн пожал плечами, презрительно сплюнул и выстрелил в девушку, но промахнулся, так как руки его дрожали от ярости.

В ответ на это последовал новый выстрел, и пуля угодила Бэну в живот, в ту его часть, где на коже видна впадина, образуемая желудком, это излюбленное место американских стрелков.

Бэн зарычал, как смертельно раненный зверь.

Ракалия!.. Ты меня убил...

Я предупреждал тебя... Знаешь, бывают моменты, когда говорят одни только револьверы.

Чувствуя приближение смерти, колосс проткнул пальцем рану, из которой струей брызнула алая кровь, и, собравшись с последними силами, испустил долгий призывный крик со странными переливами.

Желая отомстить, умирающий прицелился дрожащей рукой в своего убийцу, но тот вовремя это заметил и вторым выстрелом в висок уложил его наповал.

Окруженная бандитами, Луиза и думать не могла о богстве.

Минуту длилось трагическое молчание, вызванное этой непредвиденной драмой, которая была, как мы сейчас увидим, всего лишь прологом другой, еще более ужасной.

На громкий призыв Бэна из соседней таверны стремглав прибежал второй гигант. Увидя труп, он во весь голос завопил, прерывая рыдания страшными стонами:

Мой брат убит!.. Мой брат убит!.. Кто убил Бэна?

Все молчали.

— Отвечайте, отвечайте же, подлые трусы! — яростно кричал он.

Это я, Фред, — с решительным видом ответил слогка побледневший убийца. — Выстрел был вполне законен... Я предупредил Бэна.

Ложь! — заорал Фред. — Бэн уколошил бы пять таких, как ты...

С этими словами он как бешеный бросился на своего противника, который снова поднял свой револьвер и спустил курок.

Револьвер дал осечку.

Одним взмахом могучей руки Фред повалил несчастного на землю, насел его коленом на грудь, вытаскивал нож и одним ударом перерезал ему горло.

Кровь полилась в два ручья и образовала на белом песке красную лужу.

Новым ударом ножа свирепый золотоискатель отделил два позвонка, отсек от туловища голову и, взяв ее за бороду, бросил к ногам Бэна, прорычав: — Ты отмщен, брат!

Бедная Элиза с невыразимым ужасом присутствовала при этой страшной сцене.

Несмотря на то, что ей пришлось провести все свое детство в пограничных местностях, она не имела представления о подобном злодействе.

Человека, полного сил и здоровья, иссек в куски другой человек. Всюду кровь... Всюду трупы, даже там, где человек только что нарушил покой девственной природы своим появлением.

Верно, значит, все то, что рассказывали про кровавые оргии искателей золота, ковбоев, ранчменов и охотников, всех этих виртуозов ножа и револьвера! Ничего, значит, не было преувеличено в повествованиях об их свирепости, об их необыкновенном презрении к своей и чужой жизни!

Она считала себя погибшей: эта обстановка, похолодевшая на какой-то страшный кошмар, доводила ее до потери сознания; она призывала смерть... быструю смерть, которая избавила бы ее от этой ужасной муки.

Глава III

Она, словно под гипнозом, с ужасом не сводила глаз с бандита, от которого зависела ее участь.

Он был такого же гигантского роста, как и его брат, труп которого лежал тут же, распростертый на покрасневшем песке.

По акценту в нем легко было узнать уроженца Техаса, это был типичный образчик тех янки, которые сами о себе говорят, что они — наполовину лошади, наполовину крокодилы.

Между тем товарищи Фреда ушли, горланя песни, в таверну Отравителя, оставив Лизон наедине с Фредом.

— Теперь они нас оставят в покое, — заговорил гигант, пожимая плечами. — Снадобье Джошуа отшибет им память дней на восемь, а некоторых и совсем спровадит на тот свет.

Из всех ядовитых напитков, потребляемых янки,

самый страшный, несомненно, «тарантуловая» настойка, получившая, вероятно, такое название потому, что пьющий ее полностью теряет рассудок, как это бывает при укусе тарантула.

Ее состав, открытый несколько лет тому назад Джошуа-Отравителем, весьма несложен. Нужно взять десять литров спирту, столько же сушеных персиков, две пачки черного табаку, сорок литров воды и дать этой смеси перебродить.

Эта адская настойка, квинтэссенцией которой является никотин, вызывает у тех, кто в состоянии проглотить ее и удержать в желудке, злокачественное, болезненное опьянение. У выпившего ее состояние опьянения продолжается целую неделю, и он полностью уподобляется буйным помешанным, с ним приключаются судорожные припадки, и следующий вслед за припадками упадок сил нередко влечет за собой смерть.

Когда ревушая и жестикулирующая толпа скрылась за дверями таверны, острый взгляд Фреда, прикованный к Элизе, несколько смягчился.

— Я хочу похоронить Бэна, вы не поможете мне? — обратился он к неперестававшей дрожать девушке голосом, звучавшим не так грубо, как раньше. — Он — единственное существо в мире, которое я любил, — продолжал он. — Что будет дальше, не знаю.

Она наклонила голову в знак согласия, сообразив лишь одно, а именно, что погребение на время отсрочит ожидающую ее участь.

Фред взял заступ и, отойдя шагов сто, под одиноко стоявшим деревом с лихорадочной поспешностью выкопал в золотоносном песке глубокую яму. Когда могила была готова, он завернул в мех труп брата и опустил его на дно.

Засыпав могилу землей, он обратился к Элизе со словами, в которых сквозила грусть.

— Если вы знаете молитву, произносимую над могилой усопшего христианина, прочтите. Я не знаю.

Просяба эта была равносильна приказанию, и Лизон повиновалась. Она опустилась на колени на влажную почву, где сияло несколько блестков золота, и стала молиться, меж тем как Фред вырезал ножом крест на коре дерева.

Окончив молитву, молодая девушка поднялась и с тоской взглянула на бандита.

Он потирал глаза своими волосатыми кулаками и рукавом кожаной куртки смахнул со лба крупные капли пота.

— Благодарю вас,— сказал он.— Вы добрая девушка, и я не причиню вам никакого зла. Полно горевать... Бэн отищен... Вы помолились за упокой его души... Пойдем теперь выпьем!

Лизон несколько ободрилась, посмотрела на великана и сказала ему своим приятным серебристым голоском, все еще дрожащим от страха:

— Я никогда еще не была в таверне... мне бывает нехорошо от виски...

Он терпеливо выслушал ее, как будто размышляя над ее странными словами, которые как-то не укладывались в его голове.

— Как! Вы не любите алкоголя!.. Но ведь все девушки Золотого Поля страшно его любят и пьют с утра до вечера.. Вы, вероятно, голодны и хотите есть,— прибавил он вслед за тем.— Пойдемте ко мне, угощу вас пирогом и колбасой.

— Нет, благодарю вас, я не могу теперь ничего есть. Я с удовольствием выпила бы воды!

— Вот тебе и на!.. Воды!.. Да разве же кто-нибудь пьет воду!.. Ведь я предлагаю вам выпить у Джошуа-Отравителя.

— Нет, мне достаточно немножко воды...

Он пожал плечами с видом человека, который отказывается понимать, и поднес ей оловянный сосуд, до половины наполненный какой-то жидкостью весьма подозрительного вида.

Она хотела было поднести его к губам, но непобедимое отвращение взяло верх над жаждой, и она молча поставила его на чурбак, выполнявший роль стола.

— Вода, должно быть, не первой чистоты? — догадался Фред.— Подождите!

И с поспешностью, удивившей даже его самого, побежал к источнику, прополоскал несколько раз сосуд и, зачерпнув воды, принес девушке.

— Нате, пейте воду, если уж вам так хочется!

Она схватила сосуд и с жадностью стала пить.

— Ну, как вы себя теперь чувствуете? — спросил он.

— Лучше, много лучше, благодарю вас.

— В таком случае, вы станете сейчас моей женой, не правда ли?

Не будучи в состоянии защищаться и чувствуя себя в полной власти великана, она задрожала от ужаса, и на глазах ее снова выступили крупные слезы.

Он смотрел на нее, разинув рот, совершенно обескураженный, не зная, что и думать.

— Я могу принадлежать только тому, кого люблю.

— Так полюбите меня...

— Я люблю только того, кто пойдет со мной под венец...

— В таком случае, будьте моей супругой!

— Поймите, наконец, что я не из таких!..

Этот страстный протест поразил его. Он оставался минуту в изумлении, напряженно что-то соображая, и наконец, почесав кулаком свой толстый затылок:

— Я обещал... Я не причиню вам никакого зла, так как вы прочитали молитву над могилой Бэна. Я верю всему, что вы мне говорите, хотя это меня очень удивляет. Остается только глянуть, что делают другие...

Как раз в этот момент слышались крики и револьверная пальба.

Фред приоткрыл дверь и увидел в ста шагах от хижины группу совершенно обезумевших авантюристов, судорожно изгибающихся, жестикулирующих, окровавленных.

«Тарантулова» настойка, как видно, начала действовать.

Элиза видела, как блеснули ножи, как сверкнули в воздухе их клинки и как человек тяжело свалился на землю, хрюкая как боров... Другой отошел на несколько шагов, держась обеими руками за живот, откуда вываливались внутренности. Слышались иронические крики «браво» и затем новые выстрелы.

Негодяи, охваченные манией убийства, кололи друг друга куда попало, между тем как другие обменивались самыми безумными ругательствами.

Слова «проклятая баба» слышались ежеминутно, и по направлению к хижине Фреда с угрозой протягивались кулаки.

Крики и жестикуляции с каждым моментом усиливались, страсти разгорались.

Вдруг всю группу этих буйных сумасшедших охватило сумасбродное веселье.

Что случилось?

После короткой ссоры два авантюриста бросились

в таверну и возвратились, таща каждый по бочонку литров приблизительно на пятьдесят.

При помощи ножей они отбили пробки с медными оправами.

Из отверстия высыпалось немножко черноватого порошкообразного вещества.

Затем оба грузно уселись на стоймя поставленные бочонки, в полутора метрах друг от друга.

Фред, сильно заинтересованный этими приготовлениями, заерзал на месте от волнения и крикнул:

— Смотрите-ка, моя дорогая!.. В бочонках ведь порох... Вот так молодцы!.. Забавляются!..

Владелец таверны, никогда ни в чем не отказывающий подобным клиентам, принес им между тем пару железных добела накалиенных брусьев, вручил по одному каждому из них и бегом бросился обратно.

— Дуэль! — воскликнул Фред. — Дуэль на пороховых бочках!

Фред не ошибся.

Как сумасброден ни кажется такого рода поединок, а между тем он имел место.

Зрители последовали примеру Джошуа-Отравителя и стремглав бросились подальше от опасного места, в то время как каждый из дуэлянтов старался попасть раскаленным стержнем в отверстие бочонка своего противника.

Взрыва пришлось ждать недолго. Над одним из бочонков взвились клубы белого дыма, и тотчас же вспыхнуло пламя.

Не прошло и полминуты, как один из молодцов очутился между небом и землей, весь окутанный черным дымом, и в тот же момент раздался грохот взрыва.

Взлетевший на воздух человек не успел еще пролететь и половины всего пути, как загремел второй взрыв.

Как легко было предвидеть, второй бочонок вспыхнул благодаря близости к первому, и оба безумца, страшно изуродованные, бесформенной массой свалились на землю.

Сила взрыва была столь велика, что хижину Фреда основательно потряхнуло, а свидетелей этой невероятной дуэли повалило на землю.

Фред, находивший это зрелище очаровательным, хохотал до упаду; по его словам, из двадцати подобных дуэлей больше половины оканчивается хромотой участников, а пять или шесть — моментальной смертью.

- Э... э... моя дорогая, ваши ухаживатели разле-
гаются в куски,— шутил он.

-- О! — воскликнула Лизон с мольбой.— Помогите
мне... Уведите меня отсюда, Фред... Умоляю вас... Вы
ведь не злой! Вы так любили своего брата! Фред,
именем Бэна, которому я все простила и над могилой
которого я молилась...

Этого грубого человека охватил как будто прилив
нежности.

- Ладно, я попытаюсь... Я сделаю все, что смогу...
Но только, если вы будете моей женой... Без этого...
Знаете... я ничего не обещаю. Подумайте, а я пойду
к Джошуа и постараюсь устроить это дело... Да,
пусть дьявол возьмет мою душу, если я этого не добьюсь.
Не знаю еще, как... Придется, быть может, бросать
жребий... Во всяком случае, надейтесь!

Он ушел, и Элиза осталась одна со своими мрачными
мыслями и предчувствиями.

Спустились сумерки, и к тоске одиночества присо-
единилось жуткое ощущение от окружающей темноты.

Вдруг неподалеку от хижины раздался веселый пере-
ливчатый крик, заставивший пленницу вздрогнуть.

В этом трехсложном звуке, выкрикиваемом на осо-
бый лад, привычное ухо лесного бродяги сразу разли-
чило бы крик дрозда-пересмешника.

Это — что-то вроде призыва, который можно выра-
зить словами «топпи-о-фи!» и который очень похож на
перекличку парижских titi, этих пересмешников огром-
ной столицы.

Как ни искусно воспроизведен был этот крик,
Лизон сразу догадалась, что он принадлежит человеку
и притом другу.

Значит, ее не забыли и не покинули.

Бедняжка обрадовалась.

- Это Колибри... Без сомнения... Я спасена,—
радостно прошептала она.

Дверь легонько приотворилась, и в log-house про-
скользнула чья-то гибкая фигура.

Две руки с нежностью обвилились вокруг шеи де-
вушки.

- Да, Лизон, мой друг, моя сестра, это я...— едва
слышно произнес мягкий, гортанный голос.

- Ты, Колибри? Моя дорогая малютка! Ты?.. Но
как ты здесь очутилась?

- О, индианка всюду проберется! Колибри — дочь

Чёрного Орла, а Черный Орел — великий вождь команчей... Мой отец научил меня всем хитростям мужей нашего племени и вселил в меня душу воина.

— Да, мало есть мужчин более отважных, чем ты, моя милая!

— Нужно торопиться... Идем... Наши друзья там... Они ждут тебя с лошадьми наготове.

— А отец?.. Мать?..

— Они все еще в плену у бандитов, но мы и их выручим!..

— А Жо?.. Ты нашла его?

— Нет!

— В таком случае я не уйду! Я не покину Жо.

— Значит, ты остаешься?

— Да.

— Ладно, и я с тобой.

Глава IV

Между тем наступили сумерки.

В хижине Фреда было темно, как в яме.

Индианка вытащила из своего кисета огниво, трут, кремеш и вмиг зажгла свечку из древесной смолы, вроде тех, что жгли наши деды.

— Итак, ты останешься со мной, Колибри?

— Ты не хочешь покинуть своего доброго старого Жо, а я не хочу покидать своей малютки Лизон.

— Если бы ты знала, что это за ужасные люди и как опасно среди них оставаться!

— Тем более мое присутствие необходимо! У нас, кстати, есть чем защищаться. Посмотри-ка: два винчестера, два кольцовских револьвера, патроны...

— А я и не подозревала, что они здесь есть.

— То-то, разве моя Лизон может быть трусихой?! — кратко и твердо сказала Колибри, снимая со стены винтовки.

— Конечно, нет. Но я пришла сюда, умирая от голода, жажды и усталости; целых два дня ходили мы без отдыха с моим бедным Жо, у которого негодяи выкололи глаза. Теперь, с твоим приходом, ко мне возвратилось присутствие духа... Ты увидишь... ты сейчас увидишь!

— В добрый час, — промолвила Колибри, по всем правилам заряжая оружие. — Я в тебе узнала прежнюю Лизон.

Обе они совсем еще дети, дети в буквальном смысле этого слова: Лизон нет еще восемнадцати лет, а индианка, без сомнения, не старше шестнадцати.

Она — среднего роста и изящного сложения; формы ее рук и ног исключительно красивы; под ее блестящей кожей цвета красивой флорентийской бронзы нетрудно угадать гибкие и крепкие, как сталь, мускулы; ее черные с синеватым отливом волосы ниспадают на спину по индейскому обычаю двумя прядями, доходящими до пояса; широко открытые живые глаза блестят, как два черных алмаза, а за мясистыми и влажными, как сердцевина спелого граната, губами виднеется ряд зубов молочной белизны.

Этой натуральной чарующей красоте придает еще больше оригинальности и предности живописный костюм.

На ней ловко сидит охотничья блуза из бизоньей шкуры цвета замши, обшитая разноцветными вышивками и тонкой бахромой по швам; блуза эта, стянутая в талии поясом из черной змеиной кожи, спускается до колен в виде юбки; панталоны из той же мягкой кожи, с такими же украшениями и национальная обувь — мокасины, сделанные из шкуры луговых собак и кабаньей щетины — дополняют этот костюм.

— Надо искать Жо, — сказала с решимостью Лизон.

— Хорошо. Прежде, чем потушить огонь... дай мне сориентироваться. А потом мы подумаем о том, как будем защищаться в потемках.

Быстрым взглядом она окинула все закоулки log-house, прошла с закрытыми глазами вдоль, вширь и вкось по хижине, сосчитала шаги и, взяв карабин, сказала:

— Ладно! Я знаю теперь, как и где все расположено.

Приняв, таким образом, все предосторожности с апломбом и опытом старого охотника, она дала Лизон один из имевшихся у них кольтовских револьверов с серебряной чеканкой на рукоятке, а другим вооружилась сама.

Затем она проворно заплела роскошные волосы своей подруги, надела ей на голову шляпу из соломы и сказала, смеясь:

— Золотоискатели примут нас из-за наших кос за китайцев.

Она задула лучину, спрятала ее в кисет для огня и вышла на улицу.

Лизон последовала за ней, оставив за собой дверь

незапертой, и обе они бесстрашно пошли осматривать таверны и салуны.

Это было в высшей степени смелое и безрассудное предприятие, на которое не решились бы самые отважные храбрецы; девушки же не находили в нем, казалось, ничего необыкновенного.

Таверны, освещенные керосином, представляли собой простые бараки с оконными рамами без стекол. Благодаря этому обстоятельству, снаружи легко было видеть всех посетителей.

В первой таверне Жо не было.

Кабаки, которых там множество, были расположены на близком расстоянии друг от друга. Они занимали большинство домов на единственной, изрытой грязными рытвинами улице с деревянными тротуарами по сторонам, позволяющими с грехом пополам передвигаться по поселку, когда дождь превращает в топи огромные кучи песка.

Они приблизились с беспокойным любопытством к таверне и стали заглядывать в окна.

Там царил оглушительный шум; звучали самая безобразная ругань и отвратительные песни, велись адские игры. Сквозь густые тучи табачного дыма, наполнявшие кабак, они различали зверские, пьяные лица золотоискателей; но они не находили среди них доброго негра, характерное лицо которого узнать было легко.

Они упорно продолжали поиски, но нигде не находили старика.

Было поистине чудом, что смелые девушки не были узнаны проходящими и уходящими посетителями таверн, которые испытывают какую-то настоятельную необходимость перекочевывать, перенося свое пьянство из одной таверны в другую.

Наконец, как это и можно было предвидеть, произошел роковой и неизбежный случай.

Один из золотоискателей, менее пьяный, вероятно, или более проницательный, узнал их.

Он только собирался войти в салун Джошуа, когда заметил девушек, которые как раз в этот момент стояли на тротуаре, освещенном, как днем, ярким светом фонарей.

Он в изумлении протер себе глаза и заурчал:

— Да зажарит дьявол мои внутренности, если это не проклятая девчонка. Право!

Он направился к девушкам, но те пустились от него бежать.

Негодяй погнался за ними, крича во всю глотку.

Он грубо поймал индианку за рукав ее блузы и хотел потащить за собой.

Не издав ни звука и не говоря ни слова, она вытащила нож и одним ударом, которому позавидовал бы любой мексиканец, пропоролла ему руку до кости.

Пьяница испустил вопль бешенства и боли и поднял страшный крик:

— Она пролила мою кровь!.. Фред!.. Фред!.. Вор, фальшивомонетчик! Иди сюда!

На эти крики пьяницы толпою повыскакивали из гинерен, и впереди всех — Фред.

— В чем дело? Чего ты?

— Она меня окровавила... Вот!.. — и он показал свою руку, изрезанную до кости.

— Кто?.. Да кто же?..

— Другая!

— Какая другая?

— Та, что заодно с проклятой девчонкой.

Фред увидел наконец две ловкие фигурки, которые бежали уже в конце улицы, и закричал во всю силу легких.

— Беда! Беда!.. Не дайте им убежать!

Фред не старался даже объяснить себе, каким образом девушка, оставленная им в log-house'e, очутилась теперь на улице в сопровождении индианки.

Ему нужно было прежде всего схватить их; как все случилось — объяснится потом.

Лизон и Колибри успели бы уйти, если б не помешала непредвиденная случайность.

Деревянный тротуар, по которому бежали девушки, сломался под индианкой, и нога бедняжки застряла меж двух досок, как в западне.

Пока она ее высвобождала, банда пьяных негодяев успела приблизиться.

С решимостью, которой нельзя было предположить в таком хрупком существе, Лизон заслонила подругу и, направив на толпу длинное дуло револьвера, захваченного ею в хижине, без малейшего колебания спустила курок.

Крики и проклятия возобновились с удвоенной силой. Но этот отпор, столь же решительный, сколь и неожиданный, на минуту остановил толпу.

Как ни был короток этот промежуток, он дал возможность Колибри высвободиться, и обе девушки стремглав бросились наутек.

К несчастью, они потеряли из-за этой остановки две минуты! Две минуты, за которые они успели бы спастись и найти стоянку друзей.

Теперь же, увы, их путь был прегражден пьяной толпой, подымавшей все больший и больший шум.

Им ничего больше не оставалось, как укрыться в хижине Фреда, стоявшей у самого края улицы, в нескольких шагах от ям, вырытых золотоискателями в песчаной почве.

Едва переводя дух, вбежали они в log-house и успели забаррикадировать дверь, прежде чем наиболее ловкие из пьяной ватаги, пошатываясь, приплелись туда.

Они принялись стучать в дверь, требуя, чтобы девушки впустили их вовнутрь.

При постройке своего жилища Фред и Бэн приложили, очевидно, немало стараний, чтобы сделать его как можно прочнее.

Оно представляло собой нечто вроде небольшого форта, или блокауза, в котором несколько решительных человек с успехом могли бы выдержать довольно серьезную осаду. Братья-золотоискатели, которые неутомимо работали и вели таинственный и замкнутый образ жизни, имели, по всей вероятности, серьезные основания придать своему log-house'у вид крепости.

По всем четырем углам строения, ровно как и в дверях, устроены были бойницы для ружейных дул, едва заметные для непосвященного глаза. Девушки заметили их только благодаря тому, что сквозь них пробивались исходящие от освещенных пивных и салунов лучи, прорезывающие царившую в хижине темноту.

Не обращая никакого внимания на удары в стены, сколоченные из толстых бревен, обе девушки энергично принялись за подготовку к защите.

Колибри, благодаря своей способности различать предметы в темноте, без всякого труда отыскала карбины и патроны, и осажденные вооружились с ног до головы.

— Дом выстроен на славу и продержится молодцом, — сказала Колибри, подойдя к двери и заглянув в бойницу.

— И мы не ударим лицом в грязь, не так ли? —

спросила Лизон, просовывая дуло своей винтовки в одно из боковых отверстий.

О, да! — энергично ответила индианка. — И так как самый лучший способ защиты — нападение, то... начнем!..

— Ты готова, дорогая?

— Да, Лизон, я готова.

— Ладно... Пли!..

Грянули два выстрела, за ними еще два и еще два, раздавшийся вслед за ними рев бешенства и боли доказывал, что девушки не промахнулись.

Золотоискатели пришли в замешательство и отступили.

Некоторые из них были до того взбешены своею неудачей и упорным сопротивлением этих детей, что предложили поджечь log-house. Другие зашли еще дальше и настаивали на том, чтобы взорвать блокгауз, поднять его на воздух динамитным патроном.

К счастью, и тому, и другому воспротивились Фред и его друзья, которыми руководило, главным образом, желание взять бесстрашных девушек живыми, а отчасти некоторая к ним жалость. Они предложили окружить блокгауз тесным кольцом, жаждой и голодом принудив маленький гарнизон к сдаче.

После долгих и шумных споров план Фреда, пообещавшего товарищам новые порции «тарантуловой» настойки, был наконец принят.

Благодаря этой сделке между осаждающими, в распоряжении молодой француженки и ее подруги, маленькой индианки, оказалось несколько часов отдыха.

Лизон, которой страшно хотелось спать, заснула, как солдат на войне, держа наготове свой заряженный пистолет, между тем Колибри следила сквозь бойницы на всем, что происходило снаружи, готовая при первой же необходимости разрядить свое ружье в осаждающих.

Ночь прошла спокойно, и Лизон проспала ее всю ночь, несмотря на безвыходность положения.

При первых проблесках зари девушки увидели золотоискателей, расположившихся на почтительном расстоянии от хижины под защитой земляных насыпей.

Они хотят заморить нас голодом, — промолвила Лизон, окидывая быстрым взглядом осаждающих.

Тогда осада не будет продолжительна, — высказала свое предположение индианка.

Осада, действительно, не затянулась, но не в том смысле, который вкладывала Колибри.

Взбешенные упорной защитой девушек и подстрочаемые язвительными шутками и насмешками вновь прибывших товарищей, осаждающие решили возобновить атаку.

Золотоискатели выскочили из своих засад и как бешеные бросились к хижине, потрясая в воздухе кирками, заступами и дубинами. Другие подняли адский огонь. Пули сыпались градом на стены блокауза, отрывая куски дерева и превращая хижину в щепки.

Несчастные девушки уцелели только каким-то чудом. Они бесстрашно расстреливали почти в упор из своих 'винчестеров' расхажившуюся пьяную толпу, но это ее не останавливало.

Несколько осаждающих повалились, как пораженные громом, но остальные с криком торжества добрались до деревянных стен.

Лизон и Колибри не успели даже вновь зарядить ружья.

Окруженный со всех сторон log-house затрепал под ударами орудий.

Несчастные девушки делали все возможное, чтобы спасти свою жизнь. Теперь уже ничто не сможет помочь им! Страшная боль щемила их сердца при мысли о том, какая судьба их ожидает. Их душили слезы гнева и невыносимой душевной муки.

Они бросились друг другу в объятия, обменялись словами дружбы и любви и решились покончить с собой.

Привести это в исполнение, однако, оказалось невозможно, так как у них не осталось ни одного заряда ни в винтовках, ни в револьверах.

Неожиданно часть стены прямо перед ними рухнула.

Крепость была взята... И успех этот, эта победа 500 пьяниц над двумя молоденькими девушками, почти детьми, встречена диким воем торжества.

— Мы погибли, — прошептала Лизон.

— Нет еще, — воскликнула Колибри и издала крик дрозда-пересмешника.

Не успел еще отзвучать этот призыв, полный надежды на избавление, как послышался бешеный топот лошадей, и на Золотое Поле внезапно ворвался отряд всадников.

Узнав скакавших во главе отряда двух всадников, золотоискатели с удивлением и беспокойством восклицали:

Стальное Тело!..
Черный Орел!..

Глава V

Прискакавший отряд состоял человек из двадцати пяти или тридцати: нескольких киовасских воинов, конбоев Монмартр-ранчо, сахема * Черного Орла — отца Колибри, канадца Джимми и, наконец, Стального Тела — бывшего foreman'a ** в Колорадо-ранчо, грозы монокрадов и пограничных бандитов.

Нужно было обладать безумным мужеством, чтобы с такими незначительными силами дерзнуть напасть на это население Золотого Поля. И теперь еще эта нетронутая цивилизацией часть необъятного американского материка продолжает служить театром воистину эпической борьбы и подвигов неслыханной храбрости, чуть ли не чудес.

Вновь прибывшие принадлежали, очевидно, к такого сорта храбрецам; об этом свидетельствовало мертвое молчание, воцарившееся среди золотоискателей при их появлении. Все эти насильники и пропойцы предчувствовали близкую грозу.

Всадник, мчавшийся во главе отряда и ловко сидевший на своей маленькой пегой лошади, подал знак, и лошади остановились как вкопанные.

Эти полудикие неукротимые животные не подпускают к себе никого, кроме своих хозяев, которым повинуются как верные собаки; стоит подойти к ним постороннему человеку — и они начинают лягаться и кусаться, как дикие звери. Они отличаются необыкновенной скоростью, выносливостью и удивительным инстинктом при выслеживании врага, будь то человек или зверь; они исключительно преданы человеку, сумевшему их укротить.

На всаднике был живописный костюм ковбоя: большая серая шляпа с приподнятыми спереди широкими полями и тульей с золотой каймой, красная шерстяная блуза, зашнурованная ремнями, голубой шелковый пояс, к которому подвешена пара кольтовых револьверов с серебряной чеканкой на рукоятке, кожаные индейские панталоны и сапоги со шпорами.

* Вождя.

** Управляющего.

На первый взгляд во всаднике, этом среднего роста человеке, со спокойным и безмятежным лицом, трудно было заподозрить того грозного смельчака, слава о котором распространилась далеко за пределами Рио-Гранде, огромной реки, отделяющей Соединенные Штаты от Мексики.

Он — красивый малый, лет двадцати пяти, с тонкими чертами лица, слегка загоревшего под знойными лучами солнца, с правильным прямым носом, молодецки закрученными темнорусыми усами, вьющимися слегка волосами и светло-голубыми глазами, с острым, как клинок шпаги, взглядом.

Услышав крик дрозда-пересмешника, индейский вождь протянул руку в том направлении, откуда слышался сигнал, и сказал ковбою:

— Моя дочь и ее подруга там! Пусть мой белый брат поговорит с искателями золота.

Ковбой отъехал шагов на восемь или на десять от группы, слегка приподнялся на деревянных стременах, удобно поместился на своем огромном мексиканском седле и крикнул звучным, отчетливым голосом:

— Молодая девушка, дочь ранчмена из Монмартра, и слуга ее, старый негр по имени Жо, укрылись здесь от своих преследователей, атаковавших ранчо. Мы пришли сюда за ними с самыми мирными намерениями.

Эти простые слова, не заключавшие в себе никакого бахвальства и произнесенные миролюбивым тоном, встретили целый град проклятий и изысканных ругательств.

Это Фред, раздраженный бессонной ночью, с пересохшей глоткой и невыветрившимся еще из головы хмелем, отвечал ему от имени всех бродяг.

— Ракалия... Степная собака!.. Эта девушка принадлежит мне, мне одному!

— По какому праву?

— По праву сильного.

— А полностью ли ты уверен в своем праве и своей силе?

Фред, бледный, со зловещим лицом и налитыми кровью глазами, сделал несколько шагов вперед и крикнул:

— Ах ты, подлый выродок! Да я сотру тебя в порошок одним щелчком!

Ковбой залился звонким смехом, который раскатился

но всемо полю и донесен был эхом до saloons, где на минуту прекратилась попойка.

Смех его подействовал на колосса, как укол слепня на быка, и привел его окончательно в ярость.

Я — Фред Рэнджер и убил на своем веку двенадцать человек! Береги свою шкуру! — взревел он голосом, сдавленным злобой.

Не теряя спокойствия, ковбой крикнул ему в ответ:

Бедняга! Вскормившая тебя свинья не могла родить тебя ничем иным, как боровом; а боров, как известно, годен лишь на жаркое, а не в ораторы. Советую тебе поэтому замолчать. Ты надоел моим молодцам своей болтовней. Ступай, заспи свой хмель после «тарантуловой» настойки и пощади наши уши!

Трус! Трус! Трус! Говорить ты горазд, а подойти ближе трусишь... сидишь на своей козе... Не бойся, и без оружия!

С ловкостью гимнаста ковбой перескочил через голову своей лошади, оставив за собой седло и стремяна неподвижными, точно его выбросило с лошади какою-нибудь эластичной пружиной.

Он кинул на землю свой нож и револьверы и, остановившись пред гигантом, сказал ему:

— Ты назвал козой мою лошадь... Предупреждаю тебя, что Букин-Билли-Гильом — Бараний Прыжок — страшно самолюбив, и он тебе не простит обиды, если ты перед ним не извинишься.

Разговор принимал все более и более забавный характер, и в конвойном отряде ковбоя все, посмеиваясь, ожидали, чем все это кончится.

Золотоискатели были взбешены.

У Фреда выступила пена на губах.

Лизон и Колибри стояли у открытой настежь двери log-house'a и обменивались приветствиями с Черным Орлом.

Золотоискатель приготовился к боксу и бросился на противника, не доходявшего ему и до плеча, с намерением раздавить его своими огромными кулаками, твердыми и тяжелыми, как два молота.

Изумительно ловким, почти неуловимым движением ковбой уклонился от удара и угодил колоссу кулаком в самый лоб. Тот глухо завыл, пошатнулся, как от удара дубиной, и подался назад, не взвидя света.

Головорезы, для которых сила Фреда казалась устрашающей, на минуту оцепенели от изумления: воз-

можно ли, чтоб один удар кулака так подействовал на гиганта и сделал неспособным к бою его, этого непобедимого Фреда, свернувшего голову не одному сопернику?

Им это казалось тем досаднее, что победителем был ковбой, то есть непримиримый враг золотоискателей, один из тех, с которыми они ладят так же, как кошки с собаками.

Они попытались ободрить Фреда криками, но тот их не слышал — страшный удар парализовал его сознание.

— Что, довольно с тебя, а? Отвечай-ка, герой, убивший двенадцать человек, — потешался над ним ковбой. — Думаю, что хватит, так как я очень постарался. Мне остается теперь только расписаться на твоей физиономии в знак памяти о нашей встрече.

С этими словами он откинулся всем корпусом назад, коснулся рукой земли и, подняв ногу на высоту лица колосса, провел по нему своей шпорой от правого виска до левого угла нижней челюсти.

Нужно заметить, что колесики мексиканских шпор очень широки и снабжены острыми, как наконечник стилета, зубьями.

Кровь полилась ручьем, и несколько клочков волос остались на этом странном орудии пытки.

Это Стальное Тело называл своей росписью.

Рубец был воистину ужасен и остался неизгладимым навсегда.

Обильное кровопускание привело золотоискателя в себя; он с ревом хищного зверя бросился на ковбоя и схватил его поперек тела.

Все, кроме друзей последнего, ожидали, что молодой человек будет раздавлен в ужасных тисках.

Однако тот самым любезным образом позволил обхватить себя, а затем быстрым движением тела высвободился из объятий колосса, приподнял его над головой и отшвырнул от себя с такой силой, что Фред, описав в воздухе дугу, всю тяжестью повалился на землю.

— Брат мой — мужчина! — выразил на своем горланном наречии индеец одобрение и восхищение.

Остальные шумно ему аплодировали, хотя не раз были свидетелями его изумительных подвигов и успели к ним привыкнуть.

Фред хрипел, окончательно обессиленный и неспособный продолжать поединок.

- А теперь ты извинишься перед Букин-Билли, не правда ли? — обратился к нему ковбой со словами, в которых слышалась насмешка и в то же время непреклонная воля. — Моя лошадь — славное животное и совсем не заслуживает твоих издевательств. Торопись же, ну, живей, потому что моя лошадь страшно нетерпелива и точна... уж я ее знаю... Спешу, или она с тебя снимет скальп.

Негий мустанг, видя пред собой лежащего на земле человека, стал ржать, прятать ушами, оскалил зубы и бил копытом о землю, взрывая песок.

- Ступай, Билли, мой мальчик, сними с него скальп, если ему не угодно извиниться.

Мустанг снова заржал и, вцепившись зубами в кожу на затылке золотоискателя, рванул ее...

Послышался треск и вслед за ним рев, достойный ливня, которого потрошат живьем.

— Довольно... довольно... пощади!.. — ревел Фред.

— Я согласен, но признайся раньше, что Билли не коза.

— Да... да... я ошибся... Это великолепное животное.

При этих словах ковбой свистнул на особый манер, и мустанг поднял голову.

— Достаточно, Билли, оставьте в покое джентльмена и не тревожьте его скальпа.

Фред между тем потерял сознание.

Этот странный поединок и еще более странный диалог продолжались не более нескольких минут.

Ошеломленные золотоискатели стали мало-помалу приходить в себя и приободрились, заметив, что отряд неприятелей не так уж велик; они возобновили свои пьяные крики и решили отомстить за Фреда.

Лизон и Колибри воспользовались удобным моментом и с карабинами в руках присоединились к отряду.

Это обстоятельство еще более разъярило толпу и с новой силой пробудило в ней низменные инстинкты.

Загремел первый выстрел, и пуля, свистя, задела ухо Букин-Билли; мустанг стал лягаться.

— Джимми, — хладнокровно сказал Стальное Тело, — познакомьте-ка этого неловкого стрелка со своим карабином.

Жако-Канадец, или Джимми, быстро приложил к плечу свой винчестер, прицелился и спустил курок.

Зачинщик подскочил на месте, при этом Канадец,

белобрысый, румяный гигант лет двадцати, заметил вслух:

— Я вlepил ему в самую середину его «хлебной корзины».

— Недурно, Жако...

Не обращая внимания ни на пальбу, ни на крики, ни на угрозы, Стальное Тело обнажил голову перед молодыми девушками, ощущая некоторую робость в присутствии Лизон, которая протянула ему руку.

— Благодарю,— сказала она своим приятным голосом,— благодарю вас, сударь, что вы так вовремя явились на выручку и рисковали из-за меня жизнью, не будучи даже со мной знакомы.

Он дотронулся кончиками пальцев к протянутой ему маленькой ручке и, не осмеливаясь пожать ее и не зная, что делать, пролепетал в сильном смущении:

— Мадемуазель, вы слишком добры... Право же, не за что... Я друг этого храброго индейца... его отважной дочери... Он и ваши ковбои искали вас... я присоединился к ним... все очень просто.

Он говорил с ней по-французски, фамильярно, точно так же, как с Канадцем, и его акцент ей очень нравился.

Колибри в это время беседовала с отцом, который похвалил ее за догадливость и храбрость.

Потом она протянула руку Канадцу, который покраснел при этом до корней волос и, чтобы скрыть свое смущение, выстрелил в золотоискателя, который целился в них из засады.

С трех или четырех сторон раздались выстрелы, и полетели пули, не причинив, однако, никакого вреда. Пьяницы не в состоянии были точно прицелиться.

Некоторых из них убивали в упор друг друга.

Другие падали от ударов своего собственного ружья, с невероятной силой отдававшего в плечо.

Пока Стальное Тело с проницательностью опытного вождя поспешно обозревал позицию, Лизон выражала свою признательность преданным друзьям, которые два дня без усталости шли по ее следам.

Затем она вся погрузилась в тоскливые мысли о родителях и старике Жо, пропуская мимо ушей болтовню Жако и Колибри, которые вечно пикировались между собой и при этом абсолютно не могли жить друг без друга.

Стальное Тело, принявший на себя командование

отрядом, и слышать не хотел об отступлении, так как не было никаких сведений об участии бедного негра.

Нужно было во что бы то ни стало спасти старика.

Пальба между тем становилась все жарче. Небольшой отряд, служивший до сих пор безответной мишенью, стал выказывать признаки нетерпения, тем более, что полет пуль становился точнее, и несколько человек были уже слегка оцарапаны. Нетерпение это передалось и лошадям, и они беспокойно топтались на месте.

Через несколько секунд в отряде воцарилась мертвая тишина. Стальному Телу пришла в голову внезапная мысль.

Улица была совершенно свободна. Можно было ускользнуть по ней из Золотого Поля, спрятать девушек в близлежащем лесу, где они были в полной безопасности, а потом возвратиться и попытаться освободить Иво.

— Жако, — обратился он к Канадцу, — посади Конибри на холку своей лошади.

— Вы позволите, мадемуазель? — спросил он затем Лизон. Подняв ее, как ребенка, посадил впереди седла, вскочил на крепкую спину мустанга и крикнул звучным голосом:

Вперед!

Ковбои с револьверами наготове бросились за своим смелым предводителем, который первым врезался в толпу золотоискателей, преградивших путь.

Лошади, привычные к самым экстраординарным ситуациям, с дьявольской ловкостью преодолевали препятствия, разгоняя по пути людей, лягались передними ногами и кусали тех, кто пытался их задержать.

Золотоискатели, не ожидавшие такого стремительного натиска, поняли, что добыча ускользает, и открыли адский огонь, сопровождаемый отчаянным воем.

Отряд прорезал толпу и был уже на границе Золотого Поля. Еще момент — и он достигнет желанного леса.

Вдруг Стальное Тело разразился проклятиями.

К ним навстречу во весь опор скакал вчетверо больший отряд вооруженных с ног до головы всадников на полудиких пограничных лошадях.

Их было, по меньшей мере, человек сто.

Во главе их неслась галопом на великолепной чер-

ной лошади с белой звездой во лбу молодая женщина необыкновенной красоты, скрывающей в себе что-то роковое.

Лицо ее было той мраморной белизны, которой отличаются креолки испанского происхождения; губы ее казались кровавой раной, а глаза с бархатистыми зрачками сверкали ярким металлическим блеском.

Она была одета в длинную амазонку цвета морской волны; на голове ее была поярковая шляпа с золотой тульей и длинным белым пером.

Еще несколько скачков — и отряды столкнутся лицом к лицу.

Отряд Стального Тела, как меньший по численности, должен был неминуемо погибнуть.

Ужасная катастрофа была тем более неизбежна, что атакующие тесно сжали свои ряды и образовали компактную неуязвимую массу.

Только пушкой можно было разбить эту груды людей и лошадей, летевших как вихрь.

Несмотря на то, что улица была достаточно широка, они успели загородить ее всю.

Этот бешеный натиск был, очевидно, выполнен по заранее обдуманному плану, так как молодая женщина, вместо того, чтобы приказать своим людям посторониться, изо всей силы ударила хлыстом по шее своего скакуна, заржавшего от боли и бешенства, и крикнула звонким, покрывшим шум атаки голосом:

— Adelante!.. Вперед!

Глава VI

На востоке от Скалистых гор, между тридцать второй и тридцать пятой параллелями северной широты, простирается огромное плоскогорье, которое известно географам под странным названием «Zlano estacado» — на испанском языке, «Stakad Plain» — на английском и «Plaine Jalonnée» — на французском, то есть дословно — равнина с вехами.

Будучи ограничено с другой стороны 101-м и 104-м градусами восточной долготы по Гринвичу, плоскогорье это образует неправильный четырехугольник, каждая из сторон которого равняется приблизительно 300 километрам.

Огромная площадь Жалонейской долины отличается тем, что она совершенно пустынна.

В долине нет ни рек, ни деревьев, ни жителей; она покрыта великолепной травой, густой и сочной, благодаря чему представляет собой прекрасное пастбище для скота. Вместо рек и ручьев там есть множество источников, а высота ее над уровнем моря, достигающая 1500 метров на севере и 1000 метров на юге, делает долину одной из самых здоровых местностей на огромном пространстве между Колорадо, Канзасом, Новой Мексикой и Техасом.

Эта столь плодородная и прекрасная в климатическом отношении территория, где можно набить в самое короткое время несметные богатства разведением скота, имеет один крупный недостаток — дурное соседство.

На северо-западе от нее лежат земли индейцев навахо и апахов, число которых достигает девяти или десяти тысяч человек, причем ни тех, ни других нельзя подозревать в симпатии к белым поселенцам.

На северо-востоке живут кивасы и команчи, которые до сих пор еще не тронуты цивилизацией и грабят, убивают и скальпируют, как и в добрые времена Фенимора Купера, Майн Рида и Габриэля Гарсиа Маркеса. Там же рыскают племена шошонов и хикарилов — больших охотников до человеческих скальпов.

На юге, по обоим берегам Рио-Гранда, отделяющей Соединенные Штаты от Мексики, рассеяно население значительно более опасное, чем самые кровожадные индейцы. В то время, как последние сохранили немало достоинств, свойственных первобытным народам, «досперадос» — так называется это население, состоящее из подонков, — стоят ниже всякой критики.

Это весьма разнообразный сброд бандитов различного происхождения, различного цвета кожи, вырвавшихся из тюрем Старого и Нового Света, чье имя служит пугалом для колонистов, которых, между прочим, не так-то легко напугать.

Воровство, убийство, поджог, грабеж — вот занятия этих негодяев, свирепость которых стимулируется беспрестанным пьянством, в котором они видят высшее наслаждение и единственную цель существования.

Всего лишь 30 миль отделяет их территорию от южной границы Plaine Jalonnée, или Staked Plain, и потому можно судить, легка ли была задача — основать колонизацию на этом участке.

Техасцы, однако, сделали такого рода попытки, но

с какими предосторожностями! Земли, принадлежащие Техасу, были распланированы на тридцать одинаковых участков, и туда отправились концессионеры, которые, однако, вскоре были перебиты desperado, и кости их до сих пор белеют у источников, так что поселения эти существуют лишь на бумаге.

И вот один француз привел в исполнение то, что не удалось техасцам, несмотря на их упорство, на их храбрость и их авантюристский дух.

Да, один француз отважился проникнуть в самую глушь *Zlano extacabolo*, устроился там и зажил относительно счастливой жизнью, которая дается в удаче храбрым и сильным людям.

Но зато сколько испытаний в такой жизни, сколько в ней борьбы, насилия и козней! Какое ожесточение против озверевших, распущенных людей, какой гнев вскипает в груди.

Вот, впрочем, факты в их полной героизма простоте.

Участник событий Парижской коммуны, рабочий механик, известный под именем Леон Дэррош, успел спастись бегством от ужасных репрессий Кровавой недели.

Он покинул Париж при странных обстоятельствах, благодаря одному плачевному эпизоду, описание которого необходимо для этой правдивой истории и будет сделано несколько позже.

После тысячи перипетий Дэррошу удалось высадиться в Новом Орлеане с женой и двумя детьми, сыном и дочерью, и без всяких средств.

Сыну его было тогда три года, а дочь еще лежала в колыбели.

Самому Дэррошу едва ли исполнилось двадцать семь лет.

Это был тип парижского рабочего, наполовину художника, наполовину ученого, для которого характерно облагораживать свой труд применением научных знаний, совершенствовать свой ум и способности; он входит в ту часть общества, которая нередко выдвигает из своей среды писателей, философов или политических деятелей.

Таких рабочих было много уже во время коммуны, теперь же имя им легион.

Дэррошу пришлось обустроиваться в Америке, где борьба за существование ожесточеннее, чем где бы то ни было. Он взялся за работу с усердием человека, привыкшего к любому труду.

Он ни слова не понимал по-английски, но, к счастью, в Луизиане говорят еще и по-французски.

Сначала он добывал себе пропитание работой в гавани при разгрузке судов.

Его семья вынуждена была жить в лачуге, в которую просачивалась вода и ил, поскольку построена она была ниже деревянных плотин, окаймляющих берега Миссисипи.

Они задыхались от носившихся в воздухе испарений и жестоко страдали от американских комаров, которые, издаки жужжа, прокусывают вам кожу своим незаметным хоботком и впускают в кровь яд, вызывающий у нас ярость от постоянного желания почесать место укуса.

Им приходилось жить впроголодь, что хуже смерти.

Увы, далеко позади остался Париж, — Париж в хорошие дни, с его веселым грохотом, с его деловитой, шумливой толпой, где никогда не чувствуешь себя оторванным от света.

А Монмартр! И наверху, на самом верху его — улица Lepic под мельницами, на просторе; а скромный домишко, откуда виден как на ладони весь Париж, садиком величиной с платок, где дышалось полной грудью!

О, Париж! Дорогой Париж! Дорогой уголок Монмартра, полный света и солнечных лучей!

Бедная женщина, бедные дети! Они одиноки в этой огромной стране с ее бестолковым шумом, туманными днями, невыносимой жарой, грубым населением и зараженным воздухом!..

Да, они одиноки в Луизиане, этой карикатуре на Французскую столицу, среди этих, совершенно обамериканившихся французов, они затеряны в среде равнодушных людей, бегущих по делу как на пожар; в продолжение многих часов оторваны от мужа, от отца, который изнемогает под тяжестями, исполняя обязанности вьючного животного,

Страшная болотная лихорадка сломила энергию и бодрость этого человека, которого ничто не могло привести в отчаяние. Пораженный этою болезнью, Дорош потерял место грузчика.

Наступила острая и неустанная борьба за существование, настоящий поединок с этою страшною нуждой, которая еще ужаснее для человека, борющегося с ней на чужбине.

Несчастные изгнанники жили впроголодь изо дня в день, несколько месяцев, пока наконец Дэррош не нашел себе место кочегара на одном из миссисипских пароходов.

Теперь у них появилось пропитание!

Спустя некоторое время ему посчастливилось устроиться механиком на одну из железнодорожных линий.

Наступило довольство!

Посоветовавшись, они решили покинуть Новый Орлеан и поселиться в Литль-Роке, столице Арканзаса.

Там им жизнь нравилась больше, но они не собирались устраиваться в этом городе окончательно.

Служебные обязанности Дэрроша заставляли его посещать довольно часто Аустин, красивый городок, расположенный на берегу Рио-Колорадо; городок этот столица Техаса.

Он находится на самой границе. В двух шагах от него лежала совершенно дикая страна с ее опасностями, кознями, но часто и сюрпризами, приносящими счастливцу несметные богатства.

И вот Дэррошу, которому надоело его скромное прозябание, не соответствующее его способностям и усердию, с каким он трудился, захотелось разбогатеть.

Он мечтал, чтобы его жена, его нежная, прелестная подруга и его дорогие малютки — радость их семейного очага — могли, наконец, после долгих испытаний, воспользоваться теми благами, что приносит с собой богатство, достичь удовлетворения всех своих желаний, всех прихотей и добиться высшего счастья быть в состоянии делать добро ближним.

В Аустине ему не раз приходилось слышать рассказы про Staked Plain, или Plain Talonnée, о том, какую выгоду можно извлечь из тамошних богатств и какие непреодолимые препятствия поджидают там на каждом шагу.

Он часто подумывал, не попытать ли там счастья, и взвешивал все за и против.

Наконец он решил испытать судьбу и, приготовив со свойственной ему энергией и быстротой все необходимое для основания фермы, отправился в путь с женой, детьми и своим верным слугой-негром Жо на приспособленной к длинным переездам большой и крепкой телеге.

Глава VII

Путешествие прошло благополучно, без большого труда и без приключений.

Проехать через главный проход, открывавший доступ на равнину, было нетрудно. Они медленно поднялись по склону и к вечеру добрались до местности, покрытой роскошной растительностью.

Неподалеку находился живительный источник, к которому тотчас же устремилась лошадь Дэрoша.

Парижанин заметил родник с высоты своего большого мексиканского седла и приказал Жо перевезти туда все необходимое для ночной стоянки.

Вдруг слух его уловил звуки человеческого голоса. Это была какая-то заунывная песня, слов которой невозможно было разобрать. Она становилась все тише и тише.

Дэрoш стал с осторожностью продвигаться по направлению певшего, затем соскочил с лошади и принялся за поиски.

Наконец он наткнулся на лежащего в высокой траве индейца с разрисованным яркими красками лицом; лежавший спокойно смотрел на него, не прерывая своего пения.

В двух футах от него торчало воткнутое в землю копье с привешенными на нем скальпами, то есть человеческими шевелюрами вместе с покрывавшей череп кожей.

Над ним стояла, опустив голову, лошадь и беспокойно обнюхивала его.

Было заметно, что индеец не в состоянии самостоятельно ни подняться, ни двинуться и, очевидно, жестоко страдает, хотя лицо его выражало невозмутимое спокойствие.

Увидев Дэрoша, индеец принял его за десперадо и, предполагая дурные намерения, обратился к нему на своем ломаном английском языке.

— Белый человек хочет убить индейца и взять скальп. Пусть он подождет, пока ангел смерти сам микроет ему глаза.

Парижанин сделал энергичный отрицательный жест и ответил на не менее исковерканном английском языке:

— Вы ошибаетесь, краснокожий! Я — не враг. Я попробую помочь вам.

— Медицина белых могущественна, но и она не может спасти человека, укушенного гремучей змеей. Черный Орел пропел уже свою предсмертную песню... Черный Орел умирает!

Услышав издали разговор, госпожа Дэрош с обоими детьми подошла к мужу.

Он заметил в это время огромную змею, убитую индейцем после того, как она ужалила его в ногу.

Под действием яда опухоль быстро распространилась, и нога приняла форму деревянного обрубка.

При виде молодой женщины и детей ее, у индейца выступили на глазах непокорные слезы, и он сказал с горькой улыбкой:

— У Черного Орла есть жена... и двое детей... он их больше не увидит.

Мадам Дэрош была тронута до глубины души этими признаниями и прерывающимся от волнения и приступа рыданий голосом прошептала:

— О, мой друг... Мой друг... как помочь... как спасти этого бедного отца?

Дэрош посмотрел долгим взглядом на обожаемую подругу и на своих малюток и воскликнул:

— Да... Я могу... Может быть, это грозит смертью... Но это мой долг. Жо! Принеси скорей аптечку.

Пока негр бегал за ящиком, содержащим самые необходимые медикаменты, Дэрош вынул из кармана нож, поднял ногу умирающего и нашел на ней следы от зубов ужасной змеи.

В два приема он надрезал кожу и мясо, прониж ножом до нетронутого гангреной места, сделал новый крестообразный надрез и снова взглянул на безмолвно следивших за его операцией жену и детей.

Индеец и глазом не моргнул, несмотря на страшную боль; только лицо его, обыкновенно грубое, несколько смягчилось.

Дэрош отвел взгляд от своей семьи и с простой, которая доступна только великим сердцам, бесстрашно приложил губы к зияющей ране.

Он с силой втянул в рот гнойную ядовитую жидкость, выплюнул ее и снова втянул ее из раны, рискуя жизнью, так как ничтожная царапина на губе, деснах или языке могла вызвать отравление.

Молодая женщина поняла теперь, что означали его слова: «может быть, это грозит смертью... но это мой долг» и сопровождавший эти слова взгляд, полный любви.

Она побледнела, и ее охватила дрожь при виде чужа, оспаривающего у смерти цену, быть может, собственной жизни этого незнакомого человека, тоже супруга и отца, как и он.

Да, ее охватила дрожь. Но зато как гордилась она любовью этого человека, этого героя, столь великодушного и в то же время столь скромного!

Около четверти часа продолжал Дарош свою операцию, не думая об опасности, которой подвергался.

Мало-помалу через рану стала просачиваться кровь, сначала черноватая и ядовитая, а затем и красная, становившаяся все чище.

Тогда он смочил рану несколькими каплями карболовой кислоты, которую достал из походного ящика, принесенного негром Жо.

Только теперь он подумал о самом себе — о возможном заражении, о грозящей ему опасности.

Он взял бутылку с виски и тщательно прополоскал рот.

— Все, что было в моей власти, я сделал, — заверил он наконец.

Жена его, все еще трепещущая и страшно встревоженная, бросилась в его объятия и прошептала со слезами нежности на глазах:

— Как прекрасен твой поступок и как я горжусь тем, что принадлежу тебе!

Индеец смотрел с бесстрашием, свойственным его расе, на эту нежную и любящую пару. Ему было гораздо лучше, но он чувствовал еще крайнюю слабость.

Дарош предложил ему место в своей телеге, но индеец отказался, предпочитая ночлег на шелковистой благоухающей траве под открытым небом.

Доморощенный врач тщательно промыл рану слабым раствором карболовой кислоты, сделал перевязку, дал своему пациенту бутылку водки для поддержания сил, пожелал ему спокойной ночи и ушел, пообещав сделать на рассвете новую перевязку.

На другой день, к удивлению и прискорбию Дароша, индейца уже не было на том месте, где он его накануне оставил, он исчез.

Жо, не любивший индейцев, как и все черные, дал полную волю своей желчности, от волнения меньше обычного коверкая слова:

— Те люди — негодяи, воры, пьяницы... Этот, как и другие краснокожие, не благодарный белому, спасшему

ему жизнь, прийти, чтобы скальпировать всех, красть скот, телегу и провизию.

Дэрош только пожал плечами и решил тотчас же приступить к постройке фермы для разведения скота.

Прежде всего нужно было окрестить будущее здание, или ранчо, как его тут называют.

В память о далекой родине решили назвать его Монмартром.

И теперь еще ферма носит это название и значится так в межевых планах техасских землемеров под рубрикой небольших хозяйств.

Затем выбрали место, возвышавшееся над всей равниной, где и решили построить жилище, отвели участок под огород, который в самом непродолжительном времени засеяли.

На эти разнообразные работы ушел целый месяц упорного труда, он пролетел незаметно и быстро, как сон.

Однажды на восходе солнца в новой колонии поднялась сильная тревога: по направлению к ферме несся во весь опор значительный отряд всадников.

По беспорядочному бегу, живописной одежде и по длинным копьям, унизанным скальпами, нетрудно было узнать индейцев.

Их было по меньшей мере человек сто, и они неслись с неслыханной скоростью на степных скакунах, таких же диких, как и они сами. Спины неоседланных мустангов покрыты были шкурами пантер.

В пустынных местах всякого незнакомца приходится считать за врага; поэтому Дэрош и Жо схватили свои винтовки и, спрятавшись с мадам Дэрош и детьми в телеге, решили защищаться самым энергичным образом.

Вдруг Жо, весь бледный, насколько могут быть бледны негры, вскочил со вздохом облегчения:

— Хозяин!.. Господа!.. Индейцы... там... не враги... Они прийти с женщинами нас повидать... Они идут не с войной.

В это время один из индейцев, по-видимому вождь, соскочил с коня, сбросил с себя оружие в знак мира и приблизился к телеге.

— Ведь это наш индеец... тот человек, которого укусила змея! — воскликнула мадам Дэрош.

Парижанин, действительно, узнал в нем Черного Орла, который братски протягивал ему руки.

Дэрош ответил ему тем же; они искренно и горячо облобызались.

— О, мой славный краснокожий! Как я рад видеть вас! — смеясь и сияя от радости, говорил Дэрош. — А я считал вас уже человеком, не достойным доверия.

Индеец снова принял свой важный вид и, поклонившись мадам Дэрош, сказал:

— Черный Орел не забывает... Он обязан жизнью бедному врачу... Благодарность — добродетель краснокожих... Белый врач будет всегда любимым братом Черного Орла.

— Я тоже буду вашим другом, вашим братом. Но, скажите, каким ветром вас занесло?

— Черный Орел — главный вождь команчей; он распускал своим воинам, как белый спас ему жизнь. Они захотели познакомиться с белым, другом краснокожих; они попросили разрешения сопровождать своего начальника, когда он повезет свою жену Красную Лилию в лагерь своего друга.

— Как, ваша жена и ребенок здесь, и вы ничего не говорите? Где же они? Позовите их сейчас же! Между нами не должно быть никаких церемоний. Пудьте у нас, как у себя дома.

Команч улыбнулся, повернулся к воинам и произнес несколько слов по-индейски.

Тотчас же от отряда отделился всадник на белом коне, которым управлял с замечательною ловкостью.

Дэрош узнал в нем молодую женщину, прелестное создание, необыкновенной и редкой красоты.

На ней была длинная, стянутая у талии блуза из дубленой кожи, а к груди привязан кожаными ремнями прелестный ребенок, протиравший крошечными кулачками заспанные глазенки.

Она сошла с лошади и с некоторым смущением, придававшим ей еще большую прелесть, приблизилась к европейцам.

Черный Орел с неподражаемым достоинством, жестом, полным высокомерия и гордости, указал на нее:

— Вот Красная Лилия, моя жена, и Колибри, моя дочь!

Прекрасная индианка произнесла на своем гортанном наречии несколько слов, вызвавших одобрение Черного Орла и команчских воинов.

Слова эти, полные чувства и благодарности, пере-

водились вождем на английский язык по мере того, как она их произносила.

— Красная Лилия никогда не забудет, что белый спас ее мужа, великого вождя команчей. Она вечно будет преданной сестрой белого, его жены, и ее дочь Колибри будет воспитана в любви к белым и их детям. Да ниспошлет им Маниту долгую и счастливую жизнь!

Слова эти, исходившие из самых глубин сердца, глубоко тронули парижан. Эта благодарность, эта привязанность, которую она так живо чувствовала, и искренность которых, как убедится в дальнейшем читатель, подтверждалась самыми ужасными доказательствами, взволновали их до глубины души.

Дети, Марсель и Лизон, подошли к молодой матери и по очереди с наслаждением осыпали ласками и горячими поцелуями индейского ребенка.

Маленькая дикарка отвечала радостным смехом, и на ее бронзовых щеках появились ямочки; все это переполняло счастьем родительские сердца.

Через несколько минут белые и краснокожие смешались в одну тесную семью.

Чтобы отпраздновать, как следует, новую дружбу, Дэрош готов был выставить весь свой запас виски и огненной воды, до которых так падки индейцы.

Черный Орел, однако, энергично отказался.

Он прекрасно знал, как вреден этот яд, расточаемый янки с такой коварною щедростью.

— Нет, нет! Не надо огненной воды; только благодаря воздержанию команчи до сих пор сохранили свою гордую независимость.

Когда предварительные беседы были окончены, индейцы соскочили с коней и отпустили их на волю, так как они были обучены являться на первый зов хозяина.

Человек двадцать воинов стали приближаться, держа в руках свои копья с привешенными к ним ужасными трофеями.

Дэрош с глубоким отвращением заметил эти пучки волос на содранной с черепа коже, не успевшей еще засохнуть и красной от крови.

Команчи с невозмутимым хладнокровием дикарей воткнули глубоко в землю на некотором расстоянии друг от друга копья, так что скальпы при малейшем ветре развевались на высоте двух метров.

Интересуясь, что значат эти странные украшения, иррижанин обратился к Черному Орлу за разъяснениями.

Вождь команчей рассказал, что он узнал о намерении десперадо напасть с большим отрядом на прибывших недавно с запада поселенцев, то есть Дэрроша и его семью, с целью убить их и ограбить.

Выведав, когда и где они намерены осуществить свой страшный план, — индейцам известно все, — Черный Орел, совершенно излечившийся после укуса змеи, бодрствовал много дней и ночей, выслеживая и наблюдая.

Краснокожие дождались со своим обычным терпением момента, когда десперадо двинулись на Монмартр-ранчо, и предупредили их свирепое нападение.

С быстротой молнии индейцы налетели на разбойничью шайку, перебили и скальпировали всех, кроме одного, которому Черный Орел сделал такое внушение:

Белый, жена его, его дети и его черный слуга — братья команчей. Если хоть один волосок упадет с их головы, если пропадет у них хоть один конь или будет украдена хоть одна корова, то десперадо, находящиеся по эту и по ту сторону Рио-Гранде, будут все до единого перебиты команчами. Иди и сообщи всем десперадо волю Черного Орла, великого вождя команчей.

В заключение своего рассказа Черный Орел с гордостью обратился к Дэррошу:

— Теперь, белый брат, можешь спокойно жить на земле, которую ты облюбовал. Никто никогда не осмелится тебя тронуть. Если когда-нибудь случайно грабители, не знающие о твоём союзе со мной, осмелятся прийти, то будь спокоен: вид скальпов десперадо заставит их бежать отсюда навсегда.

Я понимаю, мой краснокожий друг, — сказал Дэррош, пожимая ему руку. — Это вроде того, как у нас вешают в вишневых садах мертвую ворону, чтоб она служила пугалом. Благодарю, мой славный брат, благодарю не за эти мерзкие парики, а за вашу дружбу и за ту великую услугу, которую вы мне оказали.

Глава VIII

С этого дня безопасность была обеспечена.

Страшный урок, данный пограничным бандитам,

принес свои плоды, и поселенцы Монмартр-ранчо спокойно принялись за свои работы.

Разведение скота быстро продвигалось вперед.

Кобылицы и коровы, пасясь на роскошных пастбищах, давали обильный приплод, и не проходило недели без того, чтобы в стаде не прибавилось несколько телят или жеребят. Беззаботно резвились они возле своих матерей.

Лошади содержались в особом месте, окруженном в виде барьера железной проволокой, не дававшей им уходить слишком далеко от фермы.

Колонисты жили в тесном семейном кругу, вдали от городского шума; здесь не было и в помине тех страстей, эгоизма и безобразной жизни, которыми так позорно славятся крупные центры.

Краснокожие, эти неутомимые кочевники, которых ничто не в силах удержать на одном месте, являлись сюда не однажды, без всяких, конечно, дурных намерений.

Они дружески обменивались приветствиями со своими братьями белыми, отделяли им часть только что добытой на охоте дичи и дарили красивые одеяния, очень искусно сшитые по индейскому обычаю из шкур бизона.

Разбив палатки, они разводили огромные костры, на которых жарилось мясо, плясали до упаду, угощали друг друга до пресыщения, пели песни и вели беседы самого фантастического характера.

После одной или двух недель шумного пиршества, они снимались с лагеря и мчались в глубь бесконечных прерий, с тем чтобы вновь внезапно так же появиться среди поселенцев *Plaine Jalonnée*.

Так прошел целый год в полном довольстве, без малейшего горя. Счастье было таким полным, что трудно было не сомневаться в его продолжительности, в особенности этим людям, которых всегда и всюду преследовали жизненные невзгоды и удары судьбы.

И действительно, над этими достойными и благородными людьми, которые, казалось, уже победили неумолимый рок, не замедлила разразиться страшная беда.

Постоянно увеличивающийся прирост стада вызвал необходимость в новых помощниках, и Дэрш взял к себе двух ковбоев, почти совершенно одичавших на полной свободе.

Пастухи эти, принужденные вести столь тяжелую

и суровую жизнь, набираются по большей части из людей, выбитых из жизненной колеи на обширные равнины западной Америки, благодаря каким-нибудь грехам молодости, столкновениям с правосудием или просто из любви к приключениям.

Необходимость как-нибудь просуществовать заставляет их наниматься на фермы, благо, там не требуется никаких свидетельств и рекомендаций.

У вновь поступившего не спрашивают ни о его происхождении, ни о месте жительства, ни о прежних занятиях. Он должен лишь уметь пользоваться лассо для поимки животных и карабином для защиты их, быть готовым просиживать по целым часам, дням и даже неделям в седле, не бояться ни зноя, ни холода, ни ветра, ни людей, ни диких зверей. Всякий, кто удовлетворяет этим требованиям, может получить место с платой в 25—30 долларов в месяц.

Между ковбоями могут попадаться забияки, горькие пьяницы, но ни в коем случае не лентяи. Но зато среди этих выбитых из колеи людей и неисправимых бродяг очень часто встречаются и честные малые, профессионалы высшего разряда.

Несмотря на свою привычку к излишествам, когда в кармане не пусто, ковбой, если он принялся за работу, является образцом честности, упорства в труде и энергии.

Таковы, по большей части, члены корпорации ковбеев, которая отчасти напоминает собой французский легион, составленный исключительно из иностранцев, легион, представляющий нечто цельное и стройное, несмотря на входящий в него разнородный люд.

К сожалению, к вышеупомянутой корпорации, буйной, но глубоко честной, пристают иногда негодяи, бросающие на нее тень.

Два ковбоя Монмартр-ранчо не составляли, казалось, никакого исключения из общего правила и были не лучше и не хуже своих товарищей.

Они обнаруживали к детям самую горячую привязанность, постоянно окружали их своими заботами, чему очень радовались родители.

Время от времени маленькому Марселю, которому уже сильно нравились лошади, оружие и вообще буйные упражнения, позволяли сопровождать то одного, то другого из них куда-нибудь в окрестности.

Ковбой сажал Марселя впереди себя, неся во весь

опор, и мальчик чувствовал себя счастливым и весело кричал: «Браво! Еще! Еще!»

Однажды оба ковбоя уехали с мальчиком и долго не возвращались. Обыкновенно они отлучались не более, чем на час, теперь же наступил уже вечер, а их все не было.

Мадам Дэррош, слегка беспокоившаяся вначале, начала серьезно тревожиться, когда наступил вечер.

К несчастью, она осталась на ферме одна: Дэррош и Жо отправились искать место для постройки новой загородки.

Она хваталась за последнюю надежду: вероятно, Дэррош и Жо встретились с ковбоями, и они теперь все вместе.

Ночью негр и хозяин возвратились домой, страшно усталые.

Мадам Дэррош бросилась к ним навстречу с душе-раздирающим криком:

— Марсель! Где Марсель?

Предчувствие ужасной катастрофы, готовой обрушиться на них и разбить их счастье, охватило несчастного отца.

— Но... я не знаю... Я его не видел...

Обезумев от горя и побледнев, мать пролепетала:

— Ты его не видел... он не с тобой... Марсель... мой мальчик... погиб... похищен, быть может...

Но она была храброй женой человека, побывавшего в огне обеих осад и бесстрашно пережившего все ужасы Кровавой недели.

Она хотела противостоять удару, поразившему ее в самое сердце, хотела остаться на ногах, быть твердой. И это ей удалось.

Смертельно бледная, с налившимися кровью глазами, она схватила мужа за руку, сжала ее до боли и хриплым изменившимся голосом вскричала:

— Едем! В путь!

Лошади Дэрроша и Жо, еще оседланные, стояли на привязи у входа, в ожидании, пока их отпустят пастись на свободе.

Она вырвала карабин из рук оцепеневшего негра, схватила лошадь под уздцы, вскочила в седло и, снова крикнув: «едем!», пустилась во весь опор.

Обыкновенно она питала боязнь к огнестрельному оружию и верховой езде.

Бывало, муж, желая выучить ее на всякий случай

владеть ружьем и скакать верхом, давал ей в руки винтовку или сажал на лошадь; она спускала курок, накрыв глаза и вздрагивая при звуке выстрела, или, сидя в седле, то и дело цеплялась руками за гриву лошади, боясь упасть.

Пережив ужасный удар, не сознавая, что делает, Дэррош машинально следовал за ней с затуманенными от слез глазами.

Она мчалась наугад, не замечая, что начинавшая уставать лошадь возбуждалась только при звуках ее голоса:

— Марсель!.. Марсель!.. Дитя мое! Мой бедный крошечка!.. Марсель!.. Марсель! — кричала она.

И этот голос обезумевшей матери, обыкновенно столь тихий и гармоничный, переходил в какой-то рев.

Лошадь, закусив удила, неслась как ураган.

Конь Дэрроша мчался вслед за нею с развешивающейся по ветру гривой и ржанием, которое повторяли, как эхо, пасшиеся в степи кобылицы.

Не будучи в силах больше кричать, несчастная мать хрипела, у нее пошла горлом кровь; она выстрелила из карабина в надежде, что ковбои увидят пламя и услышат звук выстрела.

Ей хотелось верить, что какой-нибудь случай застал их запоздать.

Быть может, они упали с лошади, быть может, они сбились с дороги.

Отец, тоже безутешный, сохранил все же больше хладнокровия. Он раздумывал о том, что ковбои были, по всей вероятности, сообщниками десперадо, этих прирученных врагов колонистов, или даже сами принадлежали к их среде.

Без сомнения, эти презренные похитили ребенка. Зачем? С какой целью?

Вероятно, в качестве заложника, за которого можно получить большой выкуп.

Ему хотелось приблизиться к жене, поговорить с ней, попытаться успокоить ее нежными словами и какими-нибудь убедительными доводами укротить ее возбуждение, обостряющееся все сильнее и сильнее.

Несчастная ничего не видела, ничего не слышала.

Ее лошадь неслась наугад во мраке, закусив удила, с неукротимым бешенством.

Ее призывы, то пронзительные, то хриплые и глухие, прерывались ружейными выстрелами.

— Марсель!.. Мар... сель!.. Hallo!.. boys... слышите вы меня!

Мрак беспредельной прерии оставался по-прежнему непроницаем и безмолвен.

Загнанные лошади, с вспотевшими, взмыленными боками, стали уставать.

Дэрош с тревогой вспомнил о страшной болезни, последствии безумного бега,— столбняке, действию которого, очевидно, начало уже проявляться.

Он боялся, и не без основания, этой болезни, поражающей даже самое выносливое животное от чрезмерной усталости.

Предугаданная им катастрофа не замедлила приключиться.

Лошадь мадам Дэрош запуталась в траве и свалилась бездыханная, с неподвижными, сведенными судорогой ногами.

Конь Дэроша, бывший не в лучшем состоянии, остановился и застыл, как бы превратившись в гранит.

Парижанин соскочил с седла и нашел жену, которая растянулась на земле без движения, почти не дыша.

При виде своей обожаемой жены, своей подруги по борьбе, изгнанию и всем несчастьям, теперь лежавшей пред ним в агонии, при мысли о своем ребенке, которого так зверски у него отняли, несчастный заплакал так, как плачут перед смертью.

Слабое, болезненное стенание привело его в себя.

Его жена бредила.

Теперь, когда сломлена была ее энергия, бедная молодая мать, будучи не в силах двигаться, произносила лишь имя ребенка душераздирающим шепотом, характерным для впавших в беспамятство:

— Марсель!.. Марсель!..

Вокруг них царил непроницаемый мрак; кругом была тихая пустыня.

Дэрош присел на корточки, положил голову жены себе на колени и нежными словами, с какими мать обращается к своему больному дитя, пытался ее успокоить.

Разбитый, уничтоженный, измученный, он страдал в продолжение долгих, мучительных часов, тех проклятых часов, которые тянутся как целые годы.

На рассвете он пришел в ужас, увидя жену: до того она изменилась.

Не имея ничего под руками, даже стакана воды, он приложил к ее вискам влажную от росы траву и влил несколько капель этой влаги между губ, чтобы чуть-чуть немного освежить воспаленные уста.

Так прошло еще два часа.

Топот быстро скачущих лошадей заставил Дэрроша надрогнуться. Жо, добрый, преданный негр, неся во весь опор с двумя запасными лошадьми.

Как только занялась заря и стало возможно различить следы, он бросился за ними вдогонку, посадив с собой на седло маленькую Элизу, которую не решался оставить одну.

Малютка проплакала всю ночь.

Она улыбнулась отцу, бросилась к нему на шею и осыпала горячими поцелуями.

Потом она спросила о матери.

Увидев ее лежащей на земле, она принялась кричать.

Ее мама, ее дорогая мама ничего ей не говорила, не видела и не узнавала ее.

Потом какая-то мысль промелькнула в ее маленькой головке, и малютка прошептала:

- Спит мама... правда? Скажи, папа!

- Да, моя милая, — сказал отец, тяжело вздыхая и заглушая рыдания, — да, она спит.

- Идем, господин, — сказал Жо, длительные переживания вновь отразились на его речи: — Вы иметь мужество. Марсель потихоньку увели, мы его после похитили. Добрая госпожа много очень больна. Мы ее повезли в дом. Я сам принес сюда двух лошадей, чтоб отвезти вас.

Дэррош пожал руку доброму негру и сказал ему:

— Ты прав, мой друг. Да, делай как знаешь. Ты видишь, я потерял голову... Думай за нас за всех...

Павшие лошади оставались недвижными, и их окоченелые трупы привлекли уже целые мириады мошек.

Жо снял с них седла и уздечки, быстро привязал к тем лошадям, что привел с собой, и, когда все было готово, сел в седло, позади Лизон.

Дэррош посадил жену на холку лошади, сам вскочил в седло позади нее и, прижав ее к груди, умчался домой.

Несчастливая мать шептала бессвязные слова, делала бессмысленные жесты, приводившие в трепет ее мужа, и смотрела вокруг себя бессмысленным взглядом загнивающей, ничего не видя и ни на чем его не

останавливая. Она все никак не могла прийти в себя.

Увы, маленький Марсель, появление которого спасло бы ее, не возвращался.

Да, бедный ребенок похищен был двумя бандитами, которые увезли его далеко в глубь пустыни; полу мертвая мать, не переставая, шептала его имя.

Целых три ужасных недели продолжалось такое состояние, и Дэрoш за все это время не дал себе ни минуты покою.

Вместе с Жо, самоотверженности которого не было предела, он шаг за шагом отстаивал ее у смерти, и наконец она была спасена.

На двадцатый день мадам Дэрoш очнулась от кошмара, посмотрела долгим взглядом на мужа и на Жо, который смеялся и плакал от избытка чувств, и вдруг вспомнила.

Из груди ее вырвался крик:

— Марсель!..

Дэрoш грустно опустил голову, и она разразилась рыданиями.

Она плакала долго и безутешно и затем прошептала тихим, разбитым голосом:

— Леон, мой друг... мой дорогой, дай мне мою дочь... мою Лизон...

Она была спасена.

В этот самый момент открылась дверь, и на пороге появилась высокая и гордая фигура индейца.

— Черный Орел! — воскликнул Дэрoш. — О, вожди! Горе обрушилось на твоего бледнолицего брата и на твою бледнолицую сестру, которые тебя так любят.

Краснокожий, не видя Марселя, своего маленького друга, подумал, что ребенок умер.

Парижанин рассказал ему ужасное происшествие.

Индеец с важностью выслушал его и сказал:

— Десперадо украли ребенка. Команчи оскальпируют сотню их.

— Не лучше ли было бы попытаться найти моего малютку?

— Друг мой! Твои братья краснокожие общут всю пустыню. Они сделают все, что возможно, чтоб осушить глаза моей сестры и залечить кровавую рану ее сердца.

Их поиски были долги, терпеливы и усердны. К несчастью, они оказались тщетными. Похитители ребенка, очевидно, покинули страну, так как больше никакая весть о них никогда не доходила до безутешных родителей.

Глава IX

Долгие, долгие годы протекли в полном спокойствии.

Эти шестнадцать лет были бы вполне счастливыми, если бы не были отравлены потерей маленького Марселя.

В Монмартр-ранчо было полное изобилие. Стада увеличивались. Разбогатевшие поселенцы выстроили себе комфортабельный дом и имели множество пастухов для присмотра за стадом. Среди них было двенадцать ковбоев, взятых французами на службу по рекомендации foreman'a, управляющего, который знал всех их отлично.

Несмотря на свое горе, Дэррош очень мало постарел. Постоянные разъезды по Жалонейской долине (Plaine Jalonnée), пребывание на чистом воздухе совершенно переродили его организм, истощенный трудами и особенно луизианскими лихорадками.

Несмотря на приобретенные богатства, он остался прежним простым, добрым и услужливым человеком.

Мадам Дэррош была безутешна. Она ни на минуту не забывала пропавшего сына, говорила о нем каждый день и надеялась на его возвращение; она перебирала его вещи, игрушки и ежедневно ставила на стол его прибор, как бы ожидая, что вот-вот он появится и бросится к ней с криком:

— Мама, это я!

В этой упорной столько раз обманутой надежде было что-то мучительное и вместе с тем трогательное; ее стали скоро разделять и прочие члены семьи.

Добрый Жо, значительно постаревший, но все еще бодрый и здоровый, составил себе относительно этого какой-то религиозный культ веры и упования. Да, без сомнения, Марсель, его маленький господин, вернется выросшим, загоревшим, возмужалым — таков был догмат его веры.

А Лизон, красивая, грациозная, энергичная Лизон,

которая сохранила всю свою женственность, несмотря на чисто мужское воспитание!

Она превратилась в прелестную молодую девушку; ей было восемнадцать лет; она души не чаяла в своем отце, матери и в старом Жо; ее баловали, как пятилетнего ребенка, что, однако, нисколько не мешало ей скакать по 20 миль на полудикой лошади или выстрелом из карабина уложить, как кролика, матерого степного волка.

Она в совершенстве владела всеми видами женского труда и обладала знаниями, которые обыкновенно отсутствуют у американских женщин: умела недурно стряпать и говорить по-французски, по-английски и по индейски.

Она носила наполовину индейский, наполовину европейский костюм, умела из ничего создавать себе украшение и становилась более чем прекрасна: к ее необыкновенной красоте прибавлялось неотразимое очарование.

Команчи, не отказываясь полностью от своего кочевого образа жизни, значительно сузили, тем не менее, круг своих кочевий.

Монмартр-ранчо становился как бы центром, вокруг которого селились индейцы, группировались все теснее и теснее колонисты, золотоискатели и, к несчастью, авантюристы.

Черный Орел, его жена Красная Лилия и дочь Колибри то навещали их, то вновь уходили, но большую часть своего времени проводили в Монмартре.

Колибри росла вместе с Лизон, и их общее воспитание странным образом повлияло на становление их характеров. Колибри от Лизон приобрела некоторые европейские черты, передав в то же время Лизон некоторые черты, свойственные ее индейской расе. Обе девушки от этого лишь выиграли, и эта примесь дикости у одной и цивилизованности у другой делала их еще более очаровательными.

Между тем Дэрош, приобретя крупное состояние, стал в последнее время о чем-то упорно призадумываться. Он небрежно относился к своему делу, возлагая самые важные работы на foreman'a, своего управляющего, пользовавшегося у него вполне заслуженным доверием.

Время от времени он таинственно куда-то исчезал вместе с Жо, и оба возвращались измученными после

довольно длительной отлучки. Так продолжалось почти год; постоянно через более или менее значительные промежутки времени они исчезали, тщательно скрывая цель и место своих экскурсий.

Из века в век, еще со времени завоевания испанцев, среди жителей этой страны, которая до 1848 года принадлежала Мексике, а затем отошла к Соединенным Штатам, бытовала странная легенда.

Во времена, когда Кортес и его свирепые товарищи подвергали пыткам индейцев, чтобы вырвать у них возможно больше золота, бывшего там в таком изобилии, что оно употреблялось в домашнем обиходе, вождю одного большого индейского племени, жившего по ту сторону Рио-Гранде, удалось спасти от грабителей сокровищницу нескольких союзных племен. Вождь и его помощники настолько хорошо скрыли эти несметные богатства, что все розыски клада не привели ни к чему. Но благодаря, с одной стороны, некоторым обстоятельствам, с которыми скоро читатель познакомится, а с другой стороны, любопытным документом, опубликованным заинтересованной стороной, тайна эта была скоро приоткрыта.

Так или иначе, но легенда продолжала среди индейских племен передаваться от поколения к поколению.

О баснословных сокровищах, которые никак нельзя найти, говорили столько же, сколько о сокровищах Эльдорадо, слух о которых привлек в Бразилию столько авантюристов, возбудил столько вожделений и погубил такую массу упорных кладоискателей.

Немало экспедиций организовано было искателями приключений, которым синдикаты, составившиеся с целью открытия этих сокровищ, выдавали авансы.

Граф Рауссэ-Бульбон видел в этом открытии осуществление своих заветных мечтаний.

Маркиз де Пиндрей принял участие в одной из подобных экспедиций и был убит в Соноре.

Много других искателей приключений пало жертвами своей алчности: ни лишения, ни опасности, ни отсутствие важных документов, ни, наконец, сомнительность этой легенды — ничто не могло их остановить.

Но о кладе не переставали говорить, и постоянно возобновляющиеся попытки найти его придавали легенде интерес во все времена.

Таким образом и Дэрoш услышал о ней тотчас же по прибытии в эти места.

Как истинный парижанин, он был скептиком и первое время смеялся над этими баснями; он сочинил даже на эту тему свою историю, которую рассказывал по вечерам детям, как сказку, начиная ее словами: «Жил был однажды...»

После похищения Марсея сказка о сокровищах больше не звучала, но она глубоко засела в голову Дэрoша.

Друзья его, краснокожие, верили, конечно, в эту легенду как в святое писание, но говорили о ней неохотно.

Однажды он узнал, что какой-то американский капиталист устраивает за свой счет большую экспедицию с целью еще раз поискать легендарные богатства.

«Без сомнения, тут что-то да есть! — решил он, думая об этом. — Не попытать ли и мне счастья!»

И вот он, как и другие, опьяненный собственными словами и ослепленный мечтой, пустился на поиски клада.

Это было незадолго до событий, изложенных в начале этой ужасной и правдивой истории.

Черный Орел сообщил ему, конечно, все, что знал о сокровищах. Мало того, одна старинная индейская песня, нечто вроде таинственного гимна, известного лишь жрецам и вождям, повествовала об Анатских, или Анамских, горах и о Воздушной Столице.

Дэрoшу вдруг пришла на память великолепная гравюра из журнала «Four du Monde». Она изображала причудливую группу воздушных жилищ, стоящих вершинами на Анамских горах. Они лепились к самым верхушкам скал на значительной высоте и со своими четырехугольными отверстиями казались как бы наростами на теле горы, до которых невозможно добраться.

Но в одном месте видны были на расстоянии семь или восемь метров друг от друга небольшие площадки, и с помощью небольшой веревочной лестницы, вероятно, можно было бы постепенно подняться до входа в эти необыкновенные жилища. И в голове его застряла упорная, доводящая его до изнеможения, до страдания мысль: «О, если бы это было там!»

С тех пор он, точно одержимый, не знал покоя, мечтая об открытии старинного, покинутого города Арапаосов.

Под впечатлением этой идеи он приказал однажды приготовить шесть запасных лошадей и в сопровождении Жо отправился на поиски, проделал 50 лье за дни дня, но ничего не нашел и вернулся в Монмартрино с тем, чтобы вскоре снова приступить к розыскам с еще большим ожесточением.

Поездки продолжались до тех пор, пока в одно прекрасное утро он не обнаружил старинные, в течение веков необитаемые жилища, прилепившиеся, как ласточкины гнезда, к склонам горы.

Он задрожал от радости и воскликнул:

Я был уверен в этом!

Теперь вопрос был в том, как взобраться на эту отвесную скалу.

Не долго раздумывая, Дэррош с помощью Жо, который вполне разделял безумные мечтания своего господина, принялся за сооружение лестницы.

И какая это была лестница! Каждую минуту она грозила сломаться и рассыпаться в куски.

Не обращая на это ни малейшего внимания, они стали взбираться на головокружительную высоту, причем одно неловкое движение, малейшее отклонение в сторону грозило им падением с высоты в 60 метров.

Нужно было обладать недюжинной отвагой, чтобы совершить этот подъем, на который никто не отважился в продолжение трехсот лет.

Наконец они добрались до маленькой комнаты, похожей на каменную клетку, вспугнув оттуда целую стию летучих мышей.

Вдоль стен ее красовались произведения скульптуры и грубой живописи, прекрасно сохранившиеся и представляющие собой различные эмблемы, или фетиши.

За первой комнатой следовали вторая, затем третья; они сообщались между собой четырехугольными проемами, едва достаточными для прохода человека.

Во второй комнате было темнее, чем в первой, а в третьей еще темнее, чем во второй, так как все три расположены были перпендикулярно к фасаду и углублялись внутрь горы.

Это была пещера с вырубленными в ней кельями, соединенными друг с другом массой входов, выходов и переходов, благодаря которым в ней легко можно было заблудиться.

Дэррош зажег свечу, которой она запася.

Они шли наугад, все дальше и дальше углубляясь внутрь горы.

Вдруг навстречу им послышалось ворчание, и их обоняние поразил неприятный запах какого-то зверя.

— Гм! Смотри-ка, ракун! — воскликнул Жо. — Откуда прийти здесь этой гадине?

Ракун, или енот, — небольшое часто встречающееся там животное, у южных негров — весьма лакомое угощение и предмет самой страстной охоты.

У Жо мгновенно пробудился охотничий инстинкт, и он как сумасшедший бросился в погоню за парой енотов, избравших себе для жительства такое странное место, которое одновременно находится и в воздухе и под землей.

Он забыл все на свете: и своего господина, и клад, — и, очертя голову, носился по окутанным мраком комнатам и коридорам, руководствуясь, как гончая собака, лишь запахом животного.

Тщетно звал его Дэрош и уговаривал бросить затею, боясь не без основания какого-нибудь опасного обвала.

Наконец откуда-то издалека раздался глухой голос Жо:

— Господин!.. Пусть вы пришли... пришли сейчас!.. Тот зверь не мог убежать... Это я его поймал...

Дэрош бросился в том направлении, откуда слышался призыв, и набрел на негра, который сидел на корточках в углу и из всех сил старался удержать какой-то предмет неопределенной формы.

Перед ним возвышалась очень высокая стена. В этой комнате, очевидно, последней было только одно входное отверстие.

На стене он заметил скульптурное украшение, изображающее совершенно голого человека с головой крокодила.

Оно не особенно его поразило, так как он видел подобные изображения и в других комнатах.

Жо меж тем пытался в своем углу, кричал и ругал барахтающееся в его руках животное.

— Ты пришла, гадина!.. Я скорее вырвать тебе хвост!

На земле виднелась круглая дыра, похожая на лисью нору и служащая, очевидно, входом в убежище ракунов.

Жо несколько опоздал, но успел все-таки уцепиться

и хвост зверя, который упорно отбивался когтями и визжал, протестуя против такого странного и мучительного обращения.

Жо был в страшном возбуждении и кричал:

Господин, вы чтоб тащить тоже... Тащите, тащите!.. Мы взять гадину!

Чтобы избавиться от страшных криков и успокоить расходившегося негра, Дэррош пришел на помощь, и несчастный зверь, исчерпав последние силы, покорился судьбе.

Жо схватил его за задние лапы, вытащил из норы и, опасаясь, чтобы зверь не укусил его, изо всех сил ударил им о стену.

Ну, старый безумец, ты успокоился? — спросил Дэррош негра, смеясь.

Вдруг он задрожал всем телом.

Его охватило страшное волнение.

Еще немного, и он бы упал, так как ноги его стали подкашиваться.

Негр, размахивающий трупом животного, в свою очередь, тоже задрожал.

Пушистое рыльце животного, его покрытые пеной губы, вооруженные когтями лапки — все было покрыто желтого цвета металлической пылью с характерным отблеском.

Дэррош ближе поднес свечу и, не веря своим глазам, пролепетал: «О... Это золотой песок!»

— Точно, — подтвердил Жо, — та гадина каталась в золотом песке.

— Но тогда... сокровище индейцев — колоссальное сокровище... несметное... Сокровища Воздушного Города! Значит, они должны быть здесь.

Он взял в руку щепотку металлической пыли, слегка зернистой, жесткой на ощупь, и больше не сомневался.

Да, это было золото.

Судя по тому, что мех енота был насквозь пропитан песком, по ту сторону стены, там, куда вела нора, находилась масса этого металла.

Дэррош всунул руку в дыру, и концы его пальцев покрылись золотой пылью.

Но между осуществлением его алчного желания и кладом, который, как он догадывался, был всего в нескольких метрах от него, увы! — возвышалась скалистая, возведенная веками стена.

Призывая все свое спокойствие и сдерживая бие-
ние сердца, он обратился к Жо:

— Идем, мы немедленно же вернемся сюда с ин-
струментами и сокрушим эту проклятую стену. Но, —
прибавил он, размышляя, — как мы найдем это место
в таком лабиринте отверстий, проходов, углов...

— Мы сделаем знаки, — ответил Жо наивно.

— Да, чтоб другие напали на наш след... Только
того и не хватало! Закроем-ка поплотнее дыру.

Он закрыл дыру обломками скалы и обратился к Жо:

— Иди вперед, и мы постараемся сориентироваться.

Старик, держа под мышкой труп зверя, отыскивал
дорогу, а Дэррош, погрузившись в думы, шел за ним
со свечой в руке.

Голое туловище негра внушило ему внезапно стран-
ную мысль.

— Если б я мог набросать на его спине общий
план местности, то потом нашел бы ее с закрытыми
глазами. Почему бы, впрочем, и не привести это в ис-
полнение?.. Мой нож остр, как бритва. Несколько
черточек, нацарапанных острием... Жо даже и не почув-
ствует... А вернувшись домой, я смогу снять копию
с этого... живого плана.

Он сообщил свою мысль негру, и тот нашел ее
великолепной.

— Сейчас!.. да, сейчас!.. вы рисовать на мне, моя
кожа... Как это смешно!

И Дэррош, держа в одной руке свечу, а в другой
нож, стал набрасывать план, осторожно проводя по
черной коже Жо розовые линии, обозначающие путь
от норы ракуна до первого домика Воздушного Го-
рода.

Несмотря на принятые предосторожности, в не-
которых местах оригинального плана выступила кровь,
и Дэррош, кончив дело, собрал несколько щепоток
красноватого песку, валявшегося на земле, и присыпал
свежие раны.

Так переписчик посыпает песком неуспевшие еще
высохнуть чернила на бумажных листах.

Порошок этот, как оказалось впоследствии, был не
что иное, как гематит, или красный железняк, чего
Дэррош совершенно не предполагал.

Пропитанные им раны, залечиваясь, образовали на
спине ничем не выводимые пунцовые следы, нечто
вроде татуировки.

Достигнув входа, Жо сбросил вниз труп животного, и они стали медленно и с большими предосторожностями спускаться по проложенному ими опасному пути.

Благополучно добравшись до подножья скалы, они разобрали деревянную лестницу, чтоб уничтожить всякий доступ к вершине скалы, и, устроив из обломков ее костер, зажарили несчастного енота.

Затем они развеяли по ветру пепел, съели с каннибальским аппетитом свою жертву и, оседлав лошадей, помчались к Монмартр-ранчо.

Они отсутствовали лишь пять дней.

Глава X

На другой же день по приезде домой Дэррош и Жо снова отправились в Воздушный Город.

Парижанин сгорал от страстного нетерпения поскорее убедиться в важности своей находки и не мог усидеть на месте.

У него, однако, хватило благоразумия ни слова не сказать жене и дочери, дабы не разочаровать их в случае неудачи.

Он удовлетворился тем, что, целуя их при прощании, сказал:

— Немножко терпения, и вы узнаете невероятную новость, сулящую нам счастье и радость.

У мадам Дэррош мелькнула мысль, что есть какие-нибудь вести о бедном маленьком Марселе.

Но — увы! — ее муж, несмотря на свое благородное сердце, несмотря на глубокую любовь к семье, лелеял гонерь лишь одну мечту — мечту о сокровище.

Она вздохнула и подумала: «Для меня нет счастья, пока мне не отдадут ребенка»..

Взяв с собой шесть лошадей и все необходимое, Дэррош и Жо вновь отправились по знакомой дороге в Анатским горам.

Прихваченные ими горняцкие и плотничьи инструменты сослужили им хорошую службу как при постройке лестницы, так и при сверлении стены.

Они нашли без труда Воздушный Город, благополучно добрались до верхней площадки и вошли в первую комнатку.

Тут-то и пригодился Дэррошу план, который он начертил на спине негра за неимением бумаги и пера.

Без него им никогда не удалось бы отыскать цель путешествия среди множества каменных комнаток, похожих друг на друга, как ячейки улья.

Без плана они ни в коем случае не нашли бы того пути, по которому их повел господин Случай и образе енота.

Благодаря плану они в десять минут очутились у большой стены с изображением идола с головой каймана.

Вооружившись кирками, они энергично принялись колоть стену над норой. Работа, к их удивлению, подвигалась страшно медленно.

Красноватый цемент, связывавший глыбы гематита, из которого состояла стена, поддавался очень туго.

Они удвоили энергию и, проработав около часа, пришли к заключению, что им придется работать целую неделю, дабы прорыть отверстие, чтобы мог пройти человек.

Холодная злоба охватила Дэрoша, сгоравшего от нетерпения найти сокровище, и ему пришла в голову безумная мысль, осуществление которой могло стоить жизни им обоим.

— Что ж, — коротко сказал он, — коль сильна болезнь, так и лекарство нужно употребить сильное. Динамитный патрон... Единственно, чем можно помочь нашему горю.

С этими словами он вынул из патронташа петарду, насыпал в нее динамита, привязал с одной стороны бикфордов фитиль и, уложив патрон в нору ракуна, скомандовал Жо:

— Идем отсюда, живей!

Несколько минут спустя страшный взрыв потряс до оснований скалу и разрушил стену.

Оглушенные грохотом взрыва, они добрались до стены, пролезая сквозь щели и пробираясь через груды обломков.

При свете свечи они заметили брешь, окруженную тучей дыма.

Неразрушимая стена раскололась, как будто в нее ударила молния.

Проход оказался очень узким, и они с трудом протиснулись сквозь него.

Дэрoш пролез первым, исцарапав все тело, и, поднявшись на ноги, заметил над головой огромный осколок, сорвавшийся сверху.

— Стоит этому осколку шелохнуться, — подумал он, — и мы заперты здесь навеки. Да и жизнь наша не будет тогда долговечна...

Наконец-то они здесь, в этой сокровищнице, которая целые века возбуждала алчность людей...

Нет сомнения, это и есть то место и те сокровища, о которых говорит легенда.

Дэрош, однако, не испытывал того опьянения, того бешенства, которые в подобных случаях охватывают, обыкновенно, даже самых спокойных и бескорыстных людей.

Он как будто разочаровался.

А меж тем там хранились слитки золота, составляющие целое состояние.

Самородки различной величины, от ореха до человеческой головы, симметрично разложенные слитки, кучи золотого песка наполняли сундуки или, вернее, грубые ящики из неотесанного дерева, которые прекрасно сохранились.

Золото это — тусклого цвета, без всякого блеска, словно подернутое дымом, действительно, на вид не имело ничего привлекательного.

Это была грубая материя в ее неприглядной простоте, не подвергнутая еще обработке.

Представьте себе глыбы гранита до того, как из них вытесали дворец, кусок мрамора перед тем, как скульптор придал ему форму богини или героя.

Но собранное здесь золото и в этой грубой форме представляло огромную ценность.

Несметное богатство заключалось в двадцати пяти нищиках, выстроенных в ряд вдоль стены!..

— Ведь здесь больше трех тысяч кило, — воскликнул, наконец, Дэрош, воодушевляясь величиной цифр. — На сто миллионов!.. Быть может, даже еще больше!..

Звук голоса удивил его, до того он изменился.

Казалось, будто говорил не он, а кто-то другой.

Что касается Жо, то он предпочитал молчать.

Он чувствовал себя счастливым, видя радость своего господина; он ликовал, потому что ликовал Дэрош; это была опосредованная радость, если можно так выразиться.

Мало-помалу, однако, Дэрошом овладевало чувство, похожее на опьянение.

Он набирал полные руки золотого песка, пропускал

его сквозь пальцы, погружал руки в золотые кучи и царапал ногтями золото, ощущая при этом лихорадочную радость и стараясь продлить свои ощущения как можно дольше.

Наконец у него вырвался крик. Это был крик восхищения и удовлетворенной жадности.

При свете свечи, которую держал Жо, Дэрoш увидел последний ящик, в котором переливались с ослепительным блеском всякого рода драгоценные камни: алмазы, рубины, бирюза, аметисты, сапфиры, изумруды, гранаты.

Большинства их не касалась рука ювелира, но некоторые были отделаны индейцами с таким искусством и вкусом, что могли бы соперничать с теми знаменитыми драгоценностями, которые Фердинанд Кортес отказался уступить даже самому Карлу V.

Долго стоял перед сундуком Дэрoш, опьяненный видом сокровищ.

Наконец он сделал над собой усилие, и ему удалось побороть овладевшее им лихорадочное возбуждение.

Он бросил последний взгляд на кучу богатств, которые послала ему в дар слепая судьба, и сказал твердым голосом:

— Ну, полно, пора уходить; не правда ли, мой добрый Жо?

— Это самое! Мы идти, если хозяин хочет.

Они пробрались через брешь и вошли в комнатку. Дэрoшу вдруг пришла в голову беспокойная мысль, что кто-нибудь может случайно наткнуться на это отверстие.

Жо, как бы догадавшись о тревоге хозяина, сразу разрешил его опасения; взяв кирку, он, ни слова не говоря, принялся за обломок стены, который, как было уже упомянуто, каким-то чудом удерживался над их головами.

Под ударами кирки камень с грохотом рухнул, завалив собой трещину, таким образом клад был совершенно скрыт от постороннего взгляда.

Они убрали, как и в первое посещение, лестницу, уничтожили за собой все следы и добрались до коней, которые паслись, стреноженные, в километре оттуда.

Несмотря на то, что Дэрoш старался всеми силами сохранить спокойствие, он не мог сдержать своего волнения и шумно выражал свою радость.

Жо, более сдержанный, уговаривал своего хозяина быть осторожнее, но бесполезно.

Когда они пробирались через густые заросли, покрывавшие подножье горы, ему послышался легкий треск сучьев и шорох шагов.

Господин, — сказал он вполголоса, — вы не говорить так громко. Люди там, которые, может быть, следовать за нами и услышать нас говорить...

Дэрош усмехнулся, пожал плечами и ответил:

— Ба, оставь, старина! Это какой-нибудь зверь, спугнутый нашими шагами. Здесь никого, кроме нас, нет.

И, вопреки самым элементарным правилам благоразумия, он продолжал мечтать вслух.

Однако до Монмартр-ранчо они добрались без всяких приключений; несмотря на это, Жо все время был испуган и в глубине души был почти уверен, что их настигли.

Мадам Дэрош и Лизон едва узнали Дэроша, до того он был возбужден.

Когда он стал перечислять им с воодушевлением сказочные богатства Воздушного Города, его снова охватило лихорадочное возбуждение.

— Да, более чем на сто миллионов... Представляете ли вы себе, мои дорогие, что такое сто миллионов в сравнении с нашим ничтожным имуществом фермерско-скотоводов?

Они обеспечат нам жизнь такую же, как у могучих магистеринов американской демократии: Железнодорожных Королей!.. Королей Серебра!.. Королей Нефти!.. А я... буду Королем Золота.

Мы купим себе дворец в Нью-Йорке, снимем роскошный отель в Париже, приобретем чудесную виллу близ Ниццы... Мы сможем разъезжать по железным дорогам с пышностью аристократов, соорудить блестящую яхту для переездов из Нового Света в Европу и обратно... Для нас осуществится в жизни гениальный захватывающий дух роман, имя которому — «Граф Монте-Кристо»!..

Да, он осуществится целиком... Не будет забыта и месть... Неумолимая, беспощадная месть преступнику, который облачил наш Париж в траур... который погубил его позором... сеял всюду безумие и смерть...

Жена Дэроша следила за все возрастающим возбуждением мужа и делала попытки успокоить его, но

он не слушал ее и продолжал, все больше и больше воспаляясь:

— Да, этот бандит Кровавой недели, этот негодяй..

— Леон, друг мой, довольно, я тебя умоляю...

— А, он теперь разыгрывает из себя важную персону... полковник, увешанный орденами, скоро генерал, близкий друг всех модных знаменитостей... А, подлец!.. Я надаю тебе пощечин, несмотря на твои эполеты, я сорву с тебя твои побрякушки, я ткну тебя носом в твое прошлое...

Дэрошу хотелось как можно скорее укрыть в безопасном месте свои сокровища, которые, впрочем, пока еще ему и не принадлежали.

Сперва их надо было доставить секретно и с большими предосторожностями из Анамских гор в какой-нибудь большой город.

Это было сопряжено с огромными трудностями.

Как, в самом деле, незаметно перевезти через всю прерию обоз, который едва поместился бы в трех товарных вагонах?

Кому довериться? Кого взять в помощники?

Исполнить эту задачу с одним лишь Жо нечего было и думать. Что делать? Как быть?

Ждать?.. Но ждать он был не в состоянии.

Разбить сокровища на части и перевозить их мало помалу?

Невозможно! Их неминуемо выследят после двух-трех подобных поездок.

И Дэрош выходил из себя при мысли, что в случае смерти его и Жо сокровища могут ускользнуть из рук его жены и Лизон.

Он проклинал себя за свою несообразительность и не мог себе простить, что не догадался захватить с собой из пещеры драгоценные камни, которые можно было перенести без всякого труда в виду их незначительного объема и веса; а меж тем одни они составляли уже целое состояние.

Несколько дней прошло таким образом за обдумыванием различных планов, и, к досаде Дэроша, каждый день приносил все новые и новые трудности.

Как раз в это время на фермеров обрушился новый удар судьбы, страшный, неожиданный, тем более ужасный, что он настиг их в тот самый момент, когда

они предполагали, что навсегда избавились от преследовавшего их рока.

Монмартр-ранчо не был уже так изолирован, как вначале.

У Дэроша были соседи; соседи, конечно, относительно — настолько, насколько можно считаться соседями в пустыне.

Самое близкое жилище — Колорадо-ранчо — было в двенадцати километрах на восток.

Другое — Президент-ранчо — находилось на юго-западе от фермы, и от Монмартра отстояло значительно дальше, чем Колорадо-ранчо.

Лежавшую на северо-востоке индейскую деревушку отделяло от фермы Дэроша расстояние в 50 с лишним миль.

Словом, в случае внезапной опасности, трудно было надеяться немедленной помощи.

Вои * Монмартр-ранчо составляли, правда, довольно сильный гарнизон, но по делам службы они слишком далеко удалялись от фермы, и нередко случалось, что дом оставался без защиты.

В то время не было, впрочем, никаких причин опасаться каких бы то ни было нападений, тем более, что Дэрош был в тесной дружбе с команчами, которые способны были преследовать до самого ада всякого, кто осмелился бы покуситься на жизнь или свободу жителей Монмартра.

Однажды вечером к ферме подошли несколько спутников и попросили у хозяев гостеприимства.

Их было четверо, и вид их не внушал особого уважения.

Они выдавали себя за рудокопов и будто бы держали путь к Золотому Полю, которое открыто было несколько месяцев назад и привлекало своими богатствами множество людей, стремящихся к быстрому обогащению.

В пустыне гостеприимство считается священной обязанностью; путник может всегда рассчитывать на стол и ночлег.

В этот вечер пастухи заняты были своими обычными работами, и на ферме находились лишь хозяева и Жо.

Дэрош усадил четырех прохожих за общий стол,

* Пастухи.

а после ужина отвел их в помещение, где ночевали ковбои.

Сумерки сгустились, и ранчмэн принес гостям свечу, вправленную в стеклянный подсвечник. Но едва Дэрш вошел в комнату, как один из незнакомцев, стоявший позади него, набросил ему на шею лассо и в мгновение ока затянул петлю.

Дэрш, задыхаясь, упал, не проронив ни звука. Его связали по рукам и ногам, втокнули в жесткий кляп и оставили в дортуаре.

Затем бандиты пробрались в столовую, набросились на жену и дочь Дэрша и, прежде чем те могли опомниться, связали их, заткнули им рты и уложили их рядом с фермером. То же самое с удивительным проворством они проделали над Жо и над прислугой ирландкой, которые были в кухне.

Предупредив таким образом всякое сопротивление, бандиты принялись за грабеж и завладели всеми ценными вещами: серебром, золотом, драгоценностями и т. п.; не был забыт ими и большой запас виски.

С ними были две телеги, запряженные лошадьми, неказистыми на вид, но быстрыми как ветер.

На одну повозку они положили наполовину задушенного Дэрша и его жену, а в другой поместили Лизон и Жо.

Не заботясь о служанке, которую бросили недвижимо на полу, бандиты вскочили в свои телеги по двое на каждую, и лошади под частыми ударами кнута понесли их как бешеные сквозь ночной мрак.

Глава XI

Возвратимся, однако, к тому, что происходило на Золотом Поле в тот страшный момент, когда два отряда неслись во весь опор навстречу друг другу.

Один из них был сравнительно невелик, он состоял из Лизон и Колибри, Стального Тела, Черного Орла с его индейцами, Жако-Канадца и ковбоев из Монмартр-ранчо.

Другой, вчетверо многочисленнее первого, состоял из каких-то незнакомцев, командовала им амазонка, редкая красота которой носила странный, фатальный характер.

В голове Стального Тела молнией пронеслась мысль: «Будь я один... с этими всадниками, лучшими и

мире С нашими дикими лошадьми... по револьверу в руке... адский огонь... Вмиг бы прорвали мы цепь этих молокососов... Но с двумя девушками на руках это немыслимо»...

Оба отряда летели навстречу друг другу.

Вот-вот они столкнутся.

В рядах незнакомцев раздались торжествующие крики.

Стальное Тело презрительно улыбнулся. Он обхватил крепче Лизон.

— Не бойтесь! — шепнул он ей и ударом своих длинных шпор заставил Букинг-Били стать на дыбы, повернул его на месте под прямым углом, он опустил повод.

Пегий мустанг на мгновение как будто застыл в воздухе, а затем, опустив уши и оскалив зубы, точно зверь, готовый броситься на добычу, в один прыжок перескочил через тротуар, находящийся по левую сторону.

В момент этого ловкого скачка Стальное Тело успел командовать товарищам:

— Налево, за мной!

Преодолев тротуар и видя перед собой раскрытый настежь вход в таверну мистера Джошуа, величаемого Отравителем, лошадь Стального Тела, которая была великолепно выдрессирована и привыкла повиноваться самым неожиданным и затейливым командам хозяина, метнулась в дверь и врезалась в самый центр посетительской притоны.

Можете себе представить, что за вой, ругань и проклятья, смешанные с грохотом разбившейся посуды, поднялись при этом внезапном вторжении.

Это был настоящий погром... На полу валялись в беспорядке разбитые столы, в куски разломанные скамьи, сбитые с ног джентльмены... Общий вид таверны напоминал собой посудную лавку, в которую ворвался разъяренный бык.

Букинг-Били промчался как ураган по огромной зале, щедро раздавая по дороге вправо и влево укусы и удары передними ногами.

Жако-Канадец, Черный Орел, форман Монмартра и другие, мчавшиеся в первом ряду, с интересом следили за смелым маневром своего предводителя и издавали команды. Начальник краснокожих испустил военный клич команчей, протяжный и переливчатый:

— Аоууу!... а!.. оууу! аааа!..

— Ну, что, вы не боитесь? — спросил добрый канадец у Колибри, которую он держал перед собой в большом мексиканском седле.

— Нисколько, — ответила девушка, сверкнув глазами.

Маленькие степные лошадки перескочили через тротуар и ринулись бешеным галопом вслед за Букинг-Били, завершая дело, с таким успехом начатое Стальным Телом.

В мгновение ока весь отряд очутился в зале среди живописной груды обломков, образовавших не привычный для степных скакунов ковер.

Джошуа-Отравитель, стоя за прилавком, вопил всю глотку и рвал на себе волосы, глядя на эту оригинальную и столь для него печальную картину.

Бои между тем удовлетворили охватившую их страсть всесокрушения и, хохоча до упаду, остановили наконец лошадей.

Весь этот ловкий и отважный маневр длился не более пятнадцати секунд.

В тот самый момент, когда последний бой перескочил через тротуар, черный жеребец красивой амазонки проскочил мимо фасада.

Бешеный гнев овладел прелестной женщиной; щеки ее стали еще бледнее, губы заалели, а глаза сверкнули огнем.

Положение, в самом деле, вместо трагического, каким оно казалось раньше, становилось комическим.

Это моментальное исчезновение войска, на котором был предпринят натиск, способно было, действительно, взбесить и обескуражить.

Молодая женщина испустила крик бешенства, и разгоряченный отряд, будучи не в состоянии замедлить аллюр лошадей, промчался как ураган мимо окон под градом насмешек, которые расточали им вслед, не скупясь, ковбои.

Внутри таверны была невообразимая суматоха.

Пьяницы, оглушенные, сбитые с ног, смятые лошадиными копытами, пытались подняться и снова падали на пол, усеянный осколками разбитой посуды и залитый кровью.

В воздухе стоял отчаянный стон. Крики бессильной злобы, вопли отчаянья и предсмертное хрипение слились в какую-то адскую музыку.

С коней, друзья! — прозвучал, как труба, голос Стального Тела, перекрыв собой на мгновение окружающий шум.

Бои вмиг соскочили с седел и принялись умирить своих лошадей. Славные животные быстро успокоились и застыли на месте, несмотря на царивший микрог них содом.

Теперь очистите залу, — скомандовал Стальное Тело.

Ковбои, повинаясь приказанию, схватили крикунов и охалку и, толкая и потчюя ударами сапог сопротивляющихся, выкинули их на улицу.

Несколько труднее было справиться с теми, кто был в глубине залы.

Недолго думая, Стальное Тело приказал запереть их в погреб в противоположном углу.

Все это, понятно, исполнено было в мгновение ока.

Шум стал мало-помалу стихать, но зато все слышнее и назойливее становились упреки и угрозы Джошуа.

— Я разорен... Вы меня разорили!.. — орал он. — Пусть дьявол зажарит мои кишки, если вы мне за все это не заплатите, подлые ковбои!..

— Эй, ты, полно там!.. — крикнул ему Стальное Тело. — Ребята, у нас осталось всего лишь пять минут на приготовление к защите... Соберите в кучу все обломки... Забаррикадируйте вход!.. Так!.. Теперь уложите лошадей поперек и укройтесь за ними... Оружие — в руки... Приготовьте патроны... Те сейчас мнитсся и начнут атаку.

Понимая, как дорога каждая минута, бои проворно готовились к отпору, не теряя веселости, этой главной черты их характера.

Все они были в великолепном настроении.

И почему бы им, в самом деле, не веселиться? Но первых, им удалось освободить Лизон, маленькую благодетельную фею, столь добрую и снисходительную к проказам этих взрослых детей, ту Лизон, которая так часто ухаживала за ними во время болезни, перевязывала им раны, живо интересовалась их радостями и печальми — словом, была для всех близким и отзывчивым другом; подобные услуги не забываются этими людьми, способными не только на разгул и безумные авантюры, но и на высокий подвиг самопожертвования.

Среди луж крови, копоты, спиртных паров она узна-

вала каждого из них в лицо, называла каждого по имени, в самых теплых выражениях благодарила за участие, которое они приняли в ее судьбе.

Растроганные этой горячей благодарностью, которая на их взгляд, сильно преувеличивала их заслуги, эти простые люди, не руководствуясь никакими расчетами, приготовились без всяких колебаний совершить ради Лизон все возможное и, если понадобится, по жертвовать даже жизнью.

Кроме того, их приводили в неописуемый восторг перипетии их отважного предприятия, несмотря даже на то, что оно будет стоить жизни многим из них.

Вдруг раздался выстрел.

Это Джошуа-Отравитель, одержимый приступом бешенства, схватил револьвер и, прицелившись в Стального Тела, спустил курок.

Индеец, однако, вовремя заметил это движение.

С быстротой мысли он подтолкнул снизу руку трактирщика, и пуля пролетела мимо, лишь слегка задев шляпу Стального Тела и разбив вдребезги бутылку, стоявшую на полке.

— Спасибо, краснокожий, — весело сказал ковбой.

Вмешательство индейца привело еще в большую ярость Джошуа, и он с бешенством во взгляде, с пеной и кровью у рта, разразился самой отборной руганью:

— Ракалия!.. Гадина!..

И он прицелился в Черного Орла.

Но вождь не дал ему выстрелить.

Он слегка наклонился, одним ловким прыжком очутился под протянутой, вооруженной револьвером рукой содержателя притона и, схватив его под бок, согнул, как тросточку, положил на стойку, уперся коленом в грудь и вытащил свой нож для скальпирования.

Негодяй догадался, что индеец собирается совершить над ним страшную операцию, которую его соплеменники проделывают обыкновенно над побежденными врагами.

— Сжался... смилуйся!.. — заревел он, объятый паническим ужасом.

Индеец захохотал своим горловым смехом и без малейшего сожаления или колебания схватил в охапку огромную шевелюру, которая так заманчиво трепыхалась на черепе Джошуа.

Держа левой рукой волосы, правой индеец провел по голове трактирщика круговой надрез острым, как бритва, ножом.

Джошуа завопил, как дикий зверь, и отчаянно закрился.

С виртуозностью, достойной лучшего применения, кожа была срезана в один прием до самой кости.

Красная линия начинаясь посередине лба, тянувшись с удивительной правильностью до затылка, и отсюда снова к середине лба с противоположной стороны, проходя над ушами.

Индеец дернул левой рукой шевелюру, и кожа с сухим треском отделилась от головы, обнажив голый череп пурпурно-красного цвета.

Эта операция, столь почитаемая индейцами Северной Америки, называется скальпированием.

Шевелюра побежденного врага считается у них почетным трофеем, и потому они никогда не теряют случая завладеть ею.

Они с гордостью рядятся в эти ужасные трофеи, и даже теперь, по крайней мере у индейцев браво, количество снятых скальпов служит мерилom доблести воинов.

Скальпы — их почетные знаки.

Ковбои с видом знатоков следили за операцией Черного Орла, которая длилась ровно столько времени, сколько понадобилось бы, чтобы вырвать больной зуб, и бурно аплодировали.

Многие из них, несомненно, собственноручно продолжали то же самое в дни жестокой нужды, когда не приходится гнушаться каким бы то ни было заработком. Дело в том, что скальпы, на которые очень низки американские любители коллекций, ценятся довольно дорого, от 150 до 200 долларов. Притом спрос на этот товар так велик, что производители его не успевают удовлетворять всех желающих.

Работа недурная, сказать нечего, — с важностью заявил Жако-Канадец на своем старофранцузском наречии. — Но, черт возьми, такое кровопускание может вызывать хронические головные боли!..

Облитый кровью, которая струилась по его лицу и запекалась в бороде, Джошуа упал без чувств на свой прилавок. Колибри, с детства привыкшая к подобным ужасам, равнодушно смотрела на эту сцену, меж тем как Лизон, возмущенная до глубины души,

закрыла глаза и заткнула уши, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Между тем приближалась минута, когда, по расчету Стального Тела, должны были вернуться неприятели.

Отряд, действительно, уже приближался легкой рысью. Теперь к нему пристали те золотоискатели, которых «тарантулова» настойка не окончательно еще лишила способности шевелить руками и ногами.

— Внимание, друзья! — спокойно произнес молодой человек.

Послышался звук заряжаемых карабинов, и вслед затем воцарилась гробовая тишина.

Лишь потрескивали черепки посуды под копытами лошадей.

В сопровождении двадцати всадников прелестная амазонка появилась у открытого входа в таверну, где, спрятавшись за лошадьми, залегли ковбои.

Она остановилась, окинула смелым взглядом группу и с презрительным видом, какой обыкновенно принимают американки, разговаривая с мужчинами, громко и властно проговорила:

— Hello! Между нами, кажется, какое-то недоразумение. Ведь вы славные ребята, и не прочь заработать по сотне долларов... Не правда ли?.. Решено, что ли?.. По сто долларов на брата?..

Это неожиданное предложение вызвало среди ковбоев движение, которое молодая женщина приняла за готовность войти в сделку, и продолжала таким тоном, как будто бы все уже было решено:

— Итак, вы присоединяетесь к моему отряду, а эту маленькую француженку, которая все убегает и прячется, сдадите мне на руки.

Отряд Стального Тела заволновался и громко за протестовал.

Бледная, негодующая, с дрожащими от волнения губами, Лизон протолкнулась вперед и, остановившись перед амазонкой, смерила ее с ног до головы гордым взглядом и сказала ей, чеканя каждое слово:

— Француженка не убегает и не прячется. Вы хотите завладеть ею, посягнуть на ее свободу... на жизнь, быть может. Попробуйте, если смеете.

Амазонка, не ожидавшая со стороны девушки такой твердости и решимости, ответила ей, кусая губы:

— Ваши слова ни к чему не приведут, моя милая; через минуту ваши защитники покинут вас, и вы будете

и моей власти. Господа,— обратилась она к ковбоям,— предлагаю вам по 200 долларов, вместо ста. Это изрядная сумма!

Да, вы действуете, как истинная американка,— спросила ей Лизон, пожимая плечами.— Но не на таких людей вы напали. Мои защитники — честные и неподкупные друзья!

Вот это хорошо сказано,— раздался со стороны ковбоев чей-то грубый голос.— Мы не продажны и будем защищать вас до последнего вздоха; это так не верно, как и то, что я — Джек Смокер. Не правда ли, товарищи?

Браво! Браво!..— закричали с энтузиазмом ковбои. Можете на нас положиться.

А, так вы отказываетесь! — вскричала расхолажившаяся амазонка.— Хорошо! Вы поплатитесь за это! Что же касается вас, моя малютка, то пеняйте на себя одну, если что-нибудь приключится с вашими родителями!..

Вы говорите о моих родителях... Что могут иметь общего с вами мой отец и моя мать, взятые в плен бандитами?

Это уж мое дело, крошка! И вы скоро пожалеете, что противились мне.

Лизон почувствовала, как припадок гнева затуманил ей голову.

Инстинктивно подняла она свой револьвер на издававшуюся над ней американку.

Я должна была бы вас убить, как кровожадного зверя: какой-то таинственный голос говорит мне, что вы будете для всех нас демоном зла... Но я не убийца...

Амазонка звонко расхохоталась и быстрым движением подняла на дыбы своего коня.

Этим движением она открыла находившегося сбоку молодого человека, одетого в живописный мексиканский костюм; Лизон не успела опомниться, как он метнул свое лассо по направлению к ней.

Открытая петля была уже над головой девушки, как вдруг в этот самый момент прогремел выстрел из карабина.

Глава XII

Выстрел принадлежал Стальному Телу.

Он прицелился и спустил курок с той, доступной лишь охотникам степей молниеносной быстротой, на которую не могут надивиться даже лучшие стрелки цивилизованных стран.

Ему удалось ухватить тот самый момент, быстрый как мысль, когда незнакомец, метнув свое лассо, протянул руку в ожидании, когда петля упадет на плечи девушке.

Рука оставалась еще четверть секунды в том же положении, а затем бессильно опустилась, раздробленная пулей.

— Карамба! — вскрикнул раненый. — Ракалия исколечил меня!

Как раз в это время петля упала и обвилась вокруг шеи Лизон. Лошадь, приученная к такого рода упражнениям, уперлась передними ногами в землю и дернула лассо, прикрепленное к седлу с помощью массивного железного кольца.

Лизон, однако, была не из тех жалких созданий, которые в минуту опасности теряют голову и падают в обморок, вместо того, чтобы собрать всю свою энергию и хладнокровие, необходимые при подобных обстоятельствах.

Вероломная атака застала ее врасплох, но не привела в замешательство.

Она прошла школу своих друзей-команчей, знакома была со всеми хитростями, к которым принято при бегать в пустыне, и знала, как с ними бороться.

Быстрым движением она протянула руки и опустила голову. Страшная петля, не достигнув цели, соскользнула на землю, и человек с раздробленной рукой разразился градом отборных ругательств, которыми испанский язык — нужно ему отдать справедливость далеко не беден.

Ловкость, с какою Лизон высвободилась из петли, вызвала дружное «браво!» ковбоев и радостные рукоплескания Колибри, а Черный Орел в знак одобрения чопорно покачал головой.

Крики и проклятия раненого вывели почему-то из терпения всегда непоколебимо спокойного Жако Канадца.

— Да перестанет ли, наконец, он реветь, этот на

рень! — воскликнул он в сердцах. — Можно подумать, что его отправляют на тот свет... Из-за одной несчастной пули столько шума...

Стальное Тело расхохотался, что окончательно вышло из себя незнакомца, и ругань его стала еще простнее и грязнее.

Канадец прав, — прервал его Стальное Тело насмешливо-спокойным тоном, — вы подымаете слишком много шума из-за пустяков. Это было с моей стороны лишь предостережением, я вас пощадил, хотя мог бы убить наповал.

— Ты лжешь, негодяй! — вскричал раненый.

Несмотря на все свое хладнокровие, ковбой вздрогнул, но сдержался и ответил медленно и с ударением на каждом слове:

— Я не негодяй и не лгу никогда. Всякий, кто знаком со мной, знает это прекрасно. В вашем отряде есть несколько господ, на лице которых еще не изгладились следы моих шпор. Эти джентльмены могут засвидетельствовать, что Стальное Тело...

— А, так это вы — тот знаменитый ковбой?.. Мы готовы принять ваши услуги за какую угодно высокую цену...

— Мадемуазель Элиза Дэрош уже заявила вам только что, что мы не продаемся... Полно вам браниться и злословить. Не забывайте, что если вы еще живы, то обязаны этим единственно моему терпению, и потому не злоупотребляйте им... Вы перерезали нам только что дорогу с целью уничтожить наш отряд. Вы совершили, таким образом, заведомо враждебный акт, который нельзя ничем оправдать...

— Но вы меня ранили!..

— Молчать, когда я говорю! Теперь вы намерены изгородить нам путь... Ваши попытки завладеть мисс Дэрош равносильны объявлению войны. Вы, очевидно, добываетесь битвы; ладно, будем драться!.. Что касается вас, сударыня, — он почтительно склонился перед амазонкой, наблюдавшей его с презрительным и в то же время любопытным выражением во взгляде, — то не угодно ли вам отсюда удалиться. Стычка будет серьезна, и я был бы в отчаянии, если б вас задела пальная пуля.

— А если мне заблагорассудится здесь остаться? — возразила она своим резким голосом. — Если мне не страшны эти пули, которых вы так из-за меня боитесь...

— Как вам угодно, сударыня. Я исполнил свой долг. Будь, что будет...

Пока велись эти переговоры, к всадникам приблизились золотоискатели.

Во главе их шел Фред, потрясая своим винчестером. Помятый, со свежими следами шпор ковбоя на лице, он готовился страшно отплатить обидчику.

Незнакомец с раздробленной рукой после нескольких неудачных попыток всунул, наконец, свою истерзанную руку за борт камзола и геройски приготовился к бою.

Как ни бесстрашны были ковбои, но положение их иначе, чем критическим, не назовешь.

Зная, как важен первый решительный удар, Стальное Тело готовился прибегнуть к стремительной и внезапной атаке.

Он окинул опытным взглядом товарищей, лежащих с суровым и решительным видом с винтовками наготове за своими живыми баррикадами.

Его честность и лояльность не позволили ему, однако, начать атаку, не предупредив неприятеля.

— Мы хотим отсюда уйти... Прочь с дороги! .. крикнул он громовым голосом.

— Нет!.. Нет!.. Смерть ковбоям!..

При этом возгласе Стальное Тело быстро опустился на землю и скомандовал:

— Пли!

Раздалось сразу двадцать пять выстрелов, сопровождаемых шипящими, характерными для картечных ружей звуками.

Каждый ковбой наметил себе среди врагов по противнику, и залп, направленный в самую гущу скучившихся на мостовой всадников, произвел среди них страшное опустошение.

Люди и лошади, как скошенные, упали наземь, извиваясь в предсмертной судороге и еще более усиливая впечатление от этой ужасной картины душераздирающими криками агонии.

Осаждающие, заранее торжествовавшие победу, совсем не ожидали подобного оборота дела.

Видя, что добрая четверть отряда выбита из строя, амазонка побагровела от бешенства и выстрелила из револьвера по направлению тучи дыма, которая заволочла вход в таверну. Вслед за ней разрядили ружья и ее всадники, но этот первый неприятельский залп

причинил ковбоям мало вреда, так как они были скрыты от стрелявших клубами дыма.

У них были убиты две лошади и ранены два человека. Однако неподвижность и бездеятельность начинали тяготить ковбоев, этих детей необъятного простора, кочевников, вся жизнь которых проходит в постоянном движении.

Несмотря на явное превосходство неприятеля, они жаждали борьбы под открытым небом; их обуяла страсть врезаться в отряд врагов и пробиться сквозь эту массу рассвирепевших всадников и бешеных жеребцов.

Стальное Тело угадывал желание своих товарищей и вполне его разделял, но у него не хватало духу решиться на этот опасный шаг.

Да, этот головорез, никогда не останавливающийся перед самыми крайними мерами, сотни раз рискнувший своей головой, чуть не в первый раз в жизни сделался жертвой сомнений и колебаний.

Он глядел долгим взглядом на Лизон, зардевшуюся под его пламенным взглядом, и, тронутый видом прелестной девушки, ощущал в своем сердце огромную потребность преданности, самопожертвования и героизма.

Не будучи даже знаком с молодой девушкой, Стальное Тело принял участие в ее судьбе, руководствуясь лишь страстью к приключениям и привязанностью к своему другу Жако-Канадцу.

Теперь же, видя, как несчастна Лизон, он мысленно дал себе клятву вырвать ее из рук злодеев и возвратить родителям, если бы ему даже пришлось для этого поджечь всю страну со всех четырех концов.

Такие мысли отрывочно мелькали в его голове, пока он напиргал все силы своего ума, ища выход из создавшегося положения.

Наконец он придумал.

«Динамит!» — воскликнул он про себя.

В европейских странах, как известно, производство, продажа и употребление этого взрывчатого вещества осуществляется под государственным контролем.

В Америке же производство его общедоступно, а употребление не стеснено никакими законами.

На Золотом Поле им пользуются почти непрерывно для извлечения из-под земли и дробления золотосодержащих жил.

Можно было ожидать, что в силу своих опасных свойств динамит хранится в герметически закупоренных емкостях и доступен не всякому.

Но это не так.

Со своей обычной индифферентностью янки таскают его повсюду и как попало, невзирая на частые катастрофы со множеством жертв.

Как у всякого местного трактирщика, расправляющегося за отсутствием полиции самолично со своими строптивыми посетителями, у Джошуа-Отравителя было несколько ящиков, предназначенных для хранения оружейных принадлежностей.

Стальное Тело открыл один из таких ящиков и, порывшись, нашел динамитный патрон.

Он быстро просверлил его и, снабдив тут же найденным бикфордовым фитилем, бросился к дверям.

— Итак, вы не намерены оставить нас в покое? крикнул он наступавшим.

В ответ он получил лишь несколько проклятий, и по его направлению протянулась дюжина револьверов.

Тогда он с зловещим хладнокровием вынул из рта дымящуюся сигару, поднес ее к фитилю и стал раздувать огонь.

Фитиль занялся, и никакая сила в мире, казалось бы, не могла предотвратить взрыв, который должен был произойти с секунды на секунду.

Нисколько не заботясь о страшной опасности, которой он подвергается, Стальное Тело со всего размаху бросил патрон, который описал в воздухе кривую линию и упал в самую середину неприятеля.

Последние, заметив его движение, сообразили в чем дело и затрепетали от ужаса.

Меж тем Стальное Тело со скрещенными на груди руками неподвижно стоял под направленными на него револьверами, но никто из врагов не осмелился выстрелить.

В мгновение ока все они рассыпались, как стаи воробьев, и бросились в разные стороны.

Одна лишь амазонка оставалась на месте, бестрепетная и спокойная, точно смерть потеряла над ней свои права.

Ловким прыжком соскочила она с коня, спокойно нагнулась и концами своих изящных пальцев, затяну-

гих в перчатку, подняла патрон, фитиль которого один слышно потрескивал.

Свидетели этой удивительной сцены на мгновение астыли в томительном ожидании.

Мужчины и женщины, друзья и враги — все за-тали дыхание при виде этого геройского поступка, свидетельствовавшего о необычайной энергии молодой женщины.

Грациозным движением руки бесстрашная амазонка инула патрон в глубину находившегося неподалеку «claim'a», и тотчас же последовал взрыв, похожий на пушечный выстрел.

Шепот изумления и одобрения пробежал по рядам индейцев и ковбоев; а меж тем этих людей не легко удивить храбростью.

Ни разу не дрогнула ее рука, ни один мускул ее прекрасного лица не выдал волнения. Она стояла горделивая и властная, устремив на Стальное Тело магнетический взгляд своих черных глаз, и долго его не отрывала, словно желая очаровать ковбоя.

Он чувствовал, как внутреннее пламя охватывает все его существо.

Сердце его неровно забилося, и кровавым облаком лилоклись глаза, которые он не в силах был оторвать от ее глаз. Они точно вступили в поединок взглядами. Взгляд ее глаз, черных и глубоких, в которых отражалась упорная, несокрушимая воля, наткнулся на его взгляд, пронизывающий и острый...

Пристыженные своим беспорядочным бегством, а особенно этим уроком храбрости, который преподала им женщина, всадники снова стали группироваться вокруг амазонки.

Отважная попытка Стального Тела не дала, таким образом, никаких результатов, и ковбою приходилось снова начинать борьбу, исход которой трудно было предугадать, благодаря этой сильной противнице.

Стальное Тело, не знавший до сих пор врага, способного устоять против него, и притом убежденный в справедливости защищаемого им дела, пришел в страшный гнев.

— Гром и молния! — заворчал он. — Будь вместо нее мужчина, я бы живо спровадил его на тот свет!

Между тем лошадь амазонки, прекрасно выдрессированная, подбежала к своей госпоже, выделявая грациозные курбеты.

Стальное Тело чувствовал, что вместе с этой женщиной ускользает и последняя надежда на спасение.

Он хлопнул изо всех сил в ладоши перед самой мордой лошади, и она, испугавшись, шарахнулась назад.

В этот самый момент он сжал в своем кулаке правую руку молодой женщины, просунул эту руку себе под мышку и сказал ей очень вежливым, хотя и несколько насмешливым тоном:

— Сударыня, вы у меня в плену.

Однако она, как истая американка, привычная ко всякого рода спорту, обладала силой, которой мог бы позавидовать любой мужчина.

Придя в себя от неожиданности, она с силой дернула плечом, то тцетно: рука ее была сжата, как в железных тисках.

Ее всадники с яростным криком подскочили к боющимся.

— Сударыня, — обратился ковбой к своей пленнице, — прикажите своим людям удалиться отсюда на расстояние выстрела их карабинов, в противном случае...

— В противном случае? — спросила она его с иронией.

— В противном случае, я вас убью.

В ответ на его слова она громко расхохоталась и, не оставляя своего ироничного тона, сказала ему:

— Нет, вы не убьете меня. Вы не посмеете... Кроме того, это было бы слишком подло.

— Вас целая сотня, а нас всего двадцать пять человек... Вы напали на нас без всякого повода... Вот это, действительно, подлость...

— Берегитесь!

— Вы подвергаете опасности жизни всех нас, а между нами есть две молодые девушки, женщины, как и вы... Кроме того, мы защищаемся...

— О, я отомщу... я отомщу вам за это оскорбление...

— Прикажите вашим хлыщам удалиться!..

— Не хочу.

— В таком случае я вас предоставлю Черному Орлу.

— Неужели!

— Да! И я скажу ему: вождь, вот женщина, которая хотела погубить твою дочь и подругу ее — французенку...

— Ну, и что ж?

— Увидите, остановят ли краснокожего предрассудки людей белой расы. Увидите, помешает ли ему ваш магнетический взор укротительницы зверей привязать нас к столбу пыток и проделать над вами страшную операцию скальпирования ножом.

Глава XIII

Во время этого быстрого отрывочного разговора Стальное Тело успел дотащить молодую женщину до входа в таверну.

Она все еще не сдавалась и продолжала энергично упирается.

Угрозы Стального Тела не имели на нее никакого действия.

— Вот как! — смеялась она. — Так, значит, обычай скальпировать еще не вышел из моды?

— Нисколько, не угодно ли взглянуть...

И он указал ей пальцем на лежавшего у стойки несчастного Джошуа, вокруг которого образовалась лужа крови.

Она бесстрастно взглянула на эту ужасную картину и сказала своим резким голосом:

— Это ваш друг, начальник команчей, так принаридил джентльмена в красный колпак?.. Поздравляю!

— Да, Черный Орел — тонкий художник, добросоветный и искусный.

Видя, что она не в силах высвободиться из железных тисков Стального Тела, она обернулась к своим всадникам, стоявшим поодаль в нерешительности, и крикнула им:

— Не щадить никого! Мужчин всех расстрелять! Француженку взять живьем...

— Еще один шаг, — загремел Стальное Тело, — и, клянусь вам, эта женщина будет мертва!

Угроза ковбоя подействовала.

Человек с раздробленной рукой, не слезавший с коня, несмотря на свою рану, имел, очевидно, серьезные причины дорожить жизнью прекрасной незнакомки.

Он отдал приказание своим товарищам, и те тотчас же отступили на почтительное расстояние, зная по опыту, что Стальное Тело не замедлит, по своему обыкновению, привести в исполнение угрозу, так напугавшую их начальника.

Не обладай Стальное Тело такой сверхъестествен-

ной силой, ему не удалось бы побороть сопротивление своей необыкновенной пленницы, не прибегая к каким-нибудь не совсем безукоризненным приемам.

Это была удивительно элегантная борьба, если судить по внешнему виду противников.

Товарищи Стального Тела и не подозревали, что, сохраняя внешнее спокойствие и учтиво улыбаясь, он растрачивал при каждом шаге энергию, равную силе ломовой лошади, и что каждое движение этой прелестной молодой женщины способно было сбить с ног всякого мужчину, обладающего обыкновенной силой.

С губ ее ни на минуту не сходила странная улыбка, придававшая ее лицу еще больше загадочности и прелести.

Трудно было сказать, к чему полуоткрылись эти алые губы: затем ли, чтобы принять горячий поцелуй, или затем, чтобы укусить.

Казалось, она воодушевлена двумя противоположными чувствами: восхищением перед этим сильным мужчиной и одновременно глубокой ненавистью к нему.

Авантюристская натура этой женщины, привыкшей встречать всюду подобострастную лесть и рабское повиновение, точно испытывала какое-то неизведанное наслаждение, удовлетворение, наткнувшись на человека более сильного, чем она сама, и в то же время амазонка не могла простить своему победителю удара, нанесенного ее самолюбию.

Она равнодушно прошла мимо хрипевшего Джошуа и окинула высокомерным взглядом Черного Орла, как бы говоря: «Твой длинный скальпированный нож мне не страшен».

Но вот взгляд ее упал на Лизон и Колибри.

Спокойная и непоколебимая в самые опасные минуты, она при виде их не сумела сдержать себя и дала полную волю своему необузданному гневу.

— Чего вы, наконец, хотите, сударыня? — прервала ее Лизон негодующим голосом. — Я вас совершенно не знаю, никогда вас не видела... Ни я, ни мои родители никогда не причинили вам ни малейшего зла. Вы же нас третируете, как злейших врагов, угрожаете мне, грозите своим гневом моим родителям...

Незнакомка презрительно пожала плечами.

— Эта девочка меня допрашивает! Я — пленница... Я не желаю отвечать. Будь я на свободе, то снизошла бы, пожалуй, к мольбе и ответила бы, быть может.

Лизон побледнела и сжала в руке рукоятку своего револьвера.

Берегитесь, не доводите меня до крайности!

— Уж не убьете ли меня... и вы? Все говорят здесь об убийстве. К счастью, все ваши угрозы остаются платоническими. А если бы вы и убили меня... вот уж, что мало меня беспокоит... Я не боюсь ничего... и никого!

— Ты лжешь! — прервал ее решительный гортанный голос.

Незнакомка оглянулась и увидела перед собой Колибри с ножом в руках.

Гм... Дикарка вмешивается в разговор, точно настоящая леди!

— Да, ты лжешь, — ответила ей маленькая индианка, сохраняя свое хладнокровие. — Есть кое-что, чего ты боишься. Ты боишься потерять свою красоту!

— О! Дикарка, кажется, еще и философ! — с иронией сказала амазонка, стараясь казаться спокойной, но в глубине души смущенная сильным и решительным видом Колибри. Она прекрасно знала, что женщины и гнев не знают ни жалости, ни пощады к себе подобным, и содрогнулась при мысли, что она может подвергнуться одной из ужасных индейских операций, которые уродуют жертву, не убивая ее.

— Не рисуйся и не насмехайся надо мной, — продолжала Колибри. — У меня очень злой характер... Ты взята в плен... Покорись судьбе и прикажи своим людям очистить нам путь или...

— Или?

— Или же я сделаю своим ножом надрезы на белой коже твоего лица и выдавлю в твои свежие раны те яркие краски, к которым так пристрастны мои братья-индейцы... А потом, когда ты будешь тагуирована, я отпущу тебя в города, где твой вид, намерное, привлечет всеобщее внимание.

Молодая женщина, дрожа от злости, покусывала губы и наконец сказала:

— Вы свободны. Можете идти. Я еще сведу с вами счеты...

— Но вы не откажетесь, конечно, проводить нас немножко, не правда ли, сударыня? — вступил в разговор Стальное Тело со своею обычной вежливостью и слегка насмешливым тоном.

— Вы хотите удержать меня в качестве заложницы?

— Да.
— Вы злоупотребляете моим положением.
— Мы следуем лишь вашему примеру.
— Даю вам слово, что вы не встретите с нашей стороны никаких препятствий к вашему отступлению.
— Если б я был один, эта гарантия меня вполне бы устроила.

— Значит, вы сомневаетесь в моей честности?

— Нет, но я не очень доверяю вашим хлыщам, а еще и того меньше — золотоискателям. Лучше нам отправиться вместе. Ваши всадники будут следовать за нами на расстоянии двух-трех километров с тем, чтобы удерживать золотоискателей на почтительном отдалении. Принимаете вы эти условия?

— Принимаю.

— Вот и прекрасно! Больше нам ничего и не нужно.

— А Жо? — воскликнула Лизон, ни на минуту не забывавшая про бедного калеку.

— Позвольте мне сначала обезопасить вас, а затем уже я буду разыскивать его, чего бы мне это ни стоило.

Ковбои и индейцы вывели из таверны своих коней и стали собираться в путь, спешившись на улице перед входом, где валялось в беспорядке множество трупов.

Прежде всего они занялись своими ранеными, которых в ожидании, пока возможно будет сделать им перевязку, двое из товарищей усадили позади себя на крупах лошадей.

Лизон и Колибри тоже заняли свои места, перини на холке у Букинг-Билли, а вторая на передке седла Жако-Канадца.

Стальное Тело сказал что-то по-индейски Черному Орлу. Вождь команчей, не особенно болтливый от природы, сделал жест рукой в знак того, что он понял.

Вслед за тем, ни слова не говоря, он схватил с грубостью дикаря амазонку и посадил ее на шкуру пантеры, покрывавшую в виде седла хребет его мустанга; сделав это, он и сам вскочил на коня позади пленницы.

Втроем они замыкали шествие: справа — Стальное Тело с Лизон, слева — Канадец с Колибри, а между ними — Черный Орел с амазонкой.

Последняя, мертвенно-бледная, не сводила с ковбои своего зловещего взгляда.

Как только они двинулись в путь, золотоискатели

бранью и ревом бросились было вдогонку, но всадники амазонки преградили им путь, вынужденные на время выступать в качестве союзников ковбоев.

Особенно запальчиво рвался вперед Фред.

Он яростно ругал Стальное Тело, вызывал его на поединок, шумел, бесновался и вопил так, точно внезапный отъезд Лизон причинил ему невыносимое страдание.

Не на шутку, видимо, понравилась этому грубому животному прелестная девушка, которая мелькнула перед ним светлым видением среди грома выстрелов и порохового дыма.

Да, этот полудикарь, видевший до сих пор в женщине лишь самку, был поражен в самое сердце.

Он сильно страдал, видя, что другой мужчина увозит Лизон.

У него будто оборвалось что-то в груди.

Никогда еще он не испытывал такого горького и острого чувства, даже после смерти своего брата.

Воспоминание о готовности, с какой эта девушка помогла ему отдать последний долг брату, размягчило его суровую душу, и предательские слезы выступили у него на глазах.

Он не стыдился этих слез. Они облегчили ему страдания и сообщили всему его существу какое-то сладкое ощущение. Он тут же решил никогда не покидать той, которая пробудила дремавшие в нем чувства.

Страшный шрам, проведенный на его лице шпорой Стального Тела, напомнил о поединке с ковбоем, о постыдном поражении, о том, как он просил прощения у мустанга, и в нем с новой силой разгорелось желание отомстить надругавшемуся над ним врагу.

— Я отомщу ему! — кричал он. — Я его убью, как собаку... Он увез эту девушку... Она должна быть моей! Я не могу без нее жить... Хотя бы мне пришлось или этого предать огню все Соединенные Штаты, хотя бы нужно было перерезать сотни тысяч людей, эта женщина будет моей...

Скоро под влиянием этой внезапной безумной страсти рассеялись скопившиеся в его голове винные пары, и к нему возвратилась способность рассуждать.

«Что мне делать? — задал он себе мысленно вопрос и, ни минуты не колеблясь, ответил: — Следовать за ней по стопам, шаг за шагом, день и ночь, с тем упорством, с каким индеец-охотник преследует свою дичь».

Как ни ловки ковбои, как ни быстры их лошади, он их настигнет, пусть даже ему придется для этого углубиться на 500 лье в пустыню.

Он наскоро перевязал свой шрам, пощупал, крепко ли держится пояс, наполненный золотым песком, перебрисил через плечо свой винчестер и последовал за всадниками, которые медленно двигались за ковбоями, сохраняя дистанцию в два-три километра.

Амазонка и Стальное Тело все время хранили молчание.

Она видела, что наткнулась на достойного соперника и, несмотря на кипящую в ней злобу, не решилась бросить ему вызов.

Таким образом они проехали около трех лье.

Молодая женщина начинала тяготиться своим положением и, наконец, прервала молчание:

— Мистер Стальное Тело!

— Сударыня?

— Долго ли еще намерены вы оставлять меня в тесной компании Черного Орла, в обществе которого мне, по меньшей мере, скучно.

— Это зависит только от вас, сударыня.

— Что ж нужно сделать, чтобы освободиться от милого присутствия?

— Дайте слово, что в продолжение двадцати четырех часов вы воздержитесь от всяких враждебных действий против нас.

— А, значит, вы верите в мою честность?

— Я в ней никогда не сомневался; я не был лишь уверен в степени вашего влияния на золотоискателей.

— Прекрасно! В таком случае я заключаю с вами перемирие ровно на один день и на одну ночь, ни на минуту больше.

— Мне этого хватит... Дружище, помогите сударыне сойти с коня! — обратился он к Черному Орлу.

Не ожидая помощи краснокожего, молодая женщина ловко соскочила на землю и, сделав иронически прощальный жест рукой, крикнула:

— До скорого свидания, мистер Стальное Тело!

— К вашим услугам! — вежливо ответил ковбой, слегка поклонившись ей.

Маленький отряд продолжил свой путь, а незнакомка, задумчиво помахивая хлыстом, осталась стоять в ожидании своих всадников.

Чувство, которое она испытывала, в высшей степени странное и сложное, с трудом поддавалось анализу.

Сверхъестественная сила Стального Тела, его безумная отвага и мужественная красота, его редкая лояльность, слегка насмешливая вежливость и вообще все его действия по отношению к ней произвели на ее возбужденные нервы очень сильное впечатление.

Никогда не чувствовала она ничего подобного.

Ненавидела ли она ковбоя?

Несомненно; она находила даже, что ненавидит его уж слишком сильно и, как опытная женщина, признала, что такая ненависть гораздо опаснее полного равнодушия.

С удивлением и тревогой она поняла, что не только не испытывает никакой радости, освободившись из плена, а даже, наоборот, отъезд отряда вызвал в ней чувство пустоты, какая ощущается обыкновенно при разлуке с близкими друзьями.

Ее воображению представилась молодая девушка, которая сидела веселая, счастливая и улыбающаяся на холке пегой лошади, опершись на грудь Стального Тела.

Она почувствовала острую боль в сердце и вскричала:

— Нет! Он не любит ее! Он не будет ее любить... И не хочу этого!..

Как бы удивившись своему внезапному порыву, она расхохоталась громким, деланным смехом и прибавила:

— А, моя бедная донна Хуана, уж не влюблена ли ты в Стальное Тело?.. Ты — искательница приключений... ты — непобедимая?.. Ну, нет, этому не бывать. Это было бы слишком глупо!

Всадники приближались во весь опор.

Глава XIV

Наконец-то можно было свободно вздохнуть.

Выручив Лизон и Колибри, ковбои чувствовали себя превосходно, тем более, что им удалось наконец выбраться из проклятой мышеловки Джошуа под открытое небо.

Дыша полной грудью, они мчались во весь опор по выросшему травой зеленому полю, тянувшемуся без конца и края.

Амазонка, согласно условию, оставила их на время покоя, и ковбои видели, как отряд ее медленно возвращался по дороге, ведущей к Золотому Полю.

Лизон вспомнила при этом с горечью о добром негритенке, о котором не было никаких известий.

— Бедный мой Жо! — шепнула молодая девушка.

— Мы отыщем его, мадемуазель, клянусь вам! — поспешил успокоить ее Стальное Тело. — Но в данный момент нам необходимо позаботиться о ваших родителях, не правда ли?

— Да, сударь, это мое самое горячее, самое святое желание. Но как их найти?.. Как освободить их?.. О, не покидайте меня!.. Помогите...

Стальное Тело остановил ее на полуслове.

— Еще не будучи с вами знаком, — заговорил он поспешно, — я дал себе слово вырвать вас из рук ваших преследователей. Теперь же даю вам торжественную клятву, что возвращу вам ваших родителей, хотя бы ценою своей жизни.

— Ты можешь прибавить, дружище, что к твоей клятве присоединяются и все бои Монмартр-ранчо, обратился к Стальному Телу вечный курильщик Смокер-Джек, вытряхивая пепел из своей трубки. — Они вылезут из своей шкуры, — продолжал он, — но выручат хозяев.

— Клянусь и я, — сказал своим спокойным голосом Жако-Канадец. — С таким молодчиной, как Стальное Тело, мы готовы идти на край света и даже дальше, если понадобится.

Улыбка миловидной Колибри была самой драгоценной наградой для честного гиганта.

Лизон была глубоко растрогана готовностью, с которой эти простые, искренние люди предлагали ей свои услуги; у нее выступили слезы на глазах, и она промолвила едва слышным сдавленным от волнения голосом:

— Мерси, мои добрые друзья, мерси! О, я никогда не забуду вашей преданности.

— Мы рады хоть чем-нибудь вам услужить, мисс Лизон, — прервал ее своим грубым голосом Смокер-Джек. — Ведь мы, между нами говоря, здорово-таки любим хозяина, хозяйку и вас... Мы все — народ бездомный, бродяги... Мыкались с горем пополам по белу свету... Нередко терпели голод... А у вас в Монмартр-ранчо мы точно в родной семье... Не так ли, друзья?

— Верно!.. Верно!.. — кричали бои. — Смокер-Джек хорошо сказал.

— Чудесно сказано! Браво, Курильщик!

— Мы все пойдем, как один человек, никто не останется! — кричали ковбои.

Встречая вокруг выражения такой горячей привязанности, Лизон улыбалась сквозь слезы.

Пора было, однако, устроить привал, чтобы покорить лошадей и посоветоваться относительно ближайших действий.

Прежде чем принять какое-нибудь решение, нужно было узнать, при каких обстоятельствах совершился грабеж и увоз семьи Дэрроша и несчастного Жо.

Лизон рассказала в кратких словах все перипетии этой драмы с того момента, когда, связанная по рукам и ногам, она была брошена вместе с Жо на одну из повозок.

Оба увезшие их бандита перепились. Они уснули тяжелым сном, и лошади, никем не управляемые, неслись наугад, руководствуясь лишь инстинктом.

С неслыханным терпением и упорством Жо все время тер о железную гайку путы, связывавшие его руки, и наконец-таки сумел их перетереть.

Освободив свои руки, он принялся высвобождать Лизон и с невероятными усилиями разорвал связывающие бечевки.

Всю ночь продолжалась бешеная скачка, и они были увезены по крайней мере на 20 лье от фермы.

Но вот стало рассветать. Бандиты время от времени просыпались, но лишь за тем, чтобы потягивать похищенные у Дэррошей виски, и были до бесчувствия пьяны.

Лизон решила воспользоваться этим обстоятельством и избавиться от своих похитителей во что бы то ни стало.

Рискуя убиться, она перелезла через задний борт телеги, повисла на руках и, оттолкнувшись, прыгнула на землю.

Несмотря на то, что трава была высокой, толчок получился воистину ужасным, и Лизон долго лежала, точно мертвая, в беспамятстве.

Когда она пришла в себя и открыла глаза, было уже совершенно светло, она увидела перед собою Жо, который смачивал ей виски утренней росой.

Славный негр, как оказалось, соскочил с телеги след за ней и пробыл некоторое время без чувств.

Будучи сильнее или, быть может, упав более удачно, он очнулся первым и нашел ее неподалеку в траве.

Бандиты ничего не заметили, так как лошади продолжали мчать телегу с прежнею стремительностью.

Местность, куда попали Лизон и Жо, была им совершенно незнакома.

О возвращении на ферму не могло быть и речи, так как бандиты, хватившись пленников, прежде всего направились бы туда.

А меж тем нужна была помощь, и потому пришлось искать ближайшее поселение скотоводов, земледельцев или золотоискателей.

Негр и молодая девушка не подозревали даже, что на северо-востоке от них находилось знаменитое Золотое Поле, открытое всего лишь несколько месяцев тому назад и привлекавшее своими богатствами с каждым днем все больше и больше авантюристов.

Очень часто обитатели Монмартр-ранчо гостеприимно раскрывали свои двери перед этими проходимцами, которые стекались сюда со всех концов мира в надежде на быстрое обогащение.

Таким же образом в числе прочих побывали у Дэрошей Бэн с Фредом.

Несмотря на сравнительно большое расстояние, отделявшее их от Золотого Поля, Жо хотел направиться именно туда. Лизон сильно этому противилась, но, к несчастью, негр сумел склонить ее к этому решению.

Они двинулись в путь на восток и шли уже несколько часов, как вдруг случилось то, что и должно было случиться.

Предоставленные самим себе лошади опрокинули телегу и разбили ее в куски. Вопреки всякой логике, бандиты уцелели, отделавшись легкими ушибами.

Сразу протрезвев, они хватились беглецов и пустились за ними в погоню.

Они возвратились по своим стопам и без труда нашли место, где те совершили побег.

Затем шаг за шагом они пошли по следам беглецов и скоро их настигли.

Все это было детской забавой для этих людей, которых постоянная жизнь в пустыне научила распознавать самые неуловимые и запутанные следы.

Тогда-то и пришла в голову одному из бандитов варварская мысль выколоть несчастному Жо глаза, что бы помешать новому бегству.

Что могли сделать старик и молоденькая девушка против двух сильных мужчин, вооруженных с ног до головы?

Они повалили на землю бедного Жо и, не обращая внимания на крики, слезы и мольбы Лизон, выкололи бедняге глаза.

Лизон слышала, как один из негодяев сказал при этом своему товарищу:

— Она говорила, что их нужно взять живыми, но не запрещала принимать меры против бегства.

— Да, черномазого нужно беречь как зеницу ока; он нам очень нужен; за него хорошо заплатят, — согласился другой.

Вопреки всякому ожиданию, бедной девушке и изуродованному негру удалось бежать.

Совершив свое злодейство, бандиты снова захрапели в расчете на то, что обессиленные пленники не решатся на новый побег в незнакомой, пустынной местности.

Лизон и Жо решили, однако, бороться до конца.

Взявшись за руки, они скользнули в высокую траву и, гонимые ужасом, еле дыша, пустились в путь.

Несколько часов длилось это горестное бегство.

Не раз несчастный старик оступался и в бессилии падал на землю.

Лизон подымала его, ободряла, и бедняга, поддерживаемый нежной заботой и ласками своего маленького друга, собирал последние силы и, ковыляя, продолжал путь.

Много страданий натерпелись они, пока добрались до Золотого Поля.

С гневом и негодованием слушали этот надрывающий душу рассказ ковбои.

Для всех, однако, оставалось загадкой, что побудило негодяев решиться на такое дерзкое похищение?

Стальное Тело спросил у Лизон, что думает она по этому поводу.

— Мой отец, — ответила она, — с некоторых пор был занят розысками каких-то баснословных сокровищ. После одной из своих экспедиций он возвратился домой сияющий и объявил нам, что клад...

— Знаю, знаю я про эти пресловутые индейские сокровища, — резко прервал ее Стальное Тело. — Ваш отец, мадемуазель, не первый и не последний из тех, что увлекаются этой химерой. Уже многие в поисках

их потеряли спокойствие духа, рассудок и даже жизнь.

Лизон намеревалась было возразить ему, что отец ее нашел уже эти сокровища, но тотчас же сообразила, что ковбой прервал ее затем, чтобы не дать ей проговориться.

«Он прав,— подумала она.— Какой неподкупный, честный человек! Нужно быть преданным душой и телом, чтоб устоять против такого соблазна. Мне можно спокойно ему довериться... Я чувствую, что ничто в мире не способно его прельстить. Ему одному, только ему одному я могу вполне доверять.

Видя, что его поняли, Стальное Тело продолжал:

— Авантюристы Востока организовали недавно новую экспедицию с целью розыска все тех же сокровищ. Эта по счету уже двадцатая. Весьма вероятно, что участники ее, зная, что ваш отец увлекся такими же несбыточными мечтами, и полагая без всякого, разумеется, основания, что он наткнулся на сокровища, похитили его и всю его семью с целью держать их в качестве заложников.

Так, должно быть, это и было.

Поведение бандитов подтверждало догадки Стального Тела. Лизон с дрожью припомнила брань и угрозы бандитов.

Эти негодяи, игравшие, очевидно, второстепенную роль, знали о существовании сокровищ, так как они грозили Жо ужасными пытками, если он не откроет им секрета.

Она не могла без ужаса вспоминать о судьбе своих родителей, находящихся в руках таких опасных злодеев.

— О, лучше б они были на свободе вместо меня! — воскликнула она.

Это восклицание напомнило Стальному Телу, что Лизон еще неизвестно, как они узнали о происшествии на ферме.

Он наскоро ей рассказал, как это случилось.

Возвратившись домой, бои нашли лежавшую без чувств прислугу-ирландку, полумертвую от страха и лишений.

Она рассказала им обо всем происшедшем, но не могла дать почти никаких сведений относительно внешности бандитов.

Несмотря на страшную усталость, ковбои наскоро перекусили и, переменяв лошадей, бросились в погоню за похитителями.

Колеса телеги оставили на траве глубокий след, и это облегчило погоню, но, к сожалению, бандиты опередили своих преследователей на целые сутки.

Приглядываясь к следам, ковбои без труда догадались обо всем, что произошло. Они угадали побег Лизон и Жо и, невзирая на то, что были немногочисленны, разделились на две группы, из которых одна продолжала следовать за телегой, увезшей Дэроша и его жену, а другая отправилась по следам негра и молодой девушки.

Следы последних были страшно запутаны, во многих местах обрывались или были затерты копытами животных, так что нужно было обладать упорством и настойчивостью ковбоев, чтобы после двухдневных розысков добиться желаемых результатов.

Между тем возвратилась и первая группа, но — увы! — ни с чем.

Входившие в ее состав ковбои прошли вплоть до речки, впадающей в Рио-Пеккос (Rio-Peccos) — по всей вероятности, это была Рио-Тайяк (Rio-Tayak), — и наткнулись на берегу ее на разбитую телегу и на трупы двух лошадей.

Никаких следов людей не было видно. Вероятно, Дэрош и жена его были там погружены на судно.

Пришлось на время прекратить погоню и присоединиться к товарищам.

Во время их отсутствия к ковбоям очень кстати пристал еще маленький отряд.

Это произошло благодаря счастливой случайности.

По великой тропе, пересекающей с северо-запада на юго-восток Жалонейскую долину (Plaine Jalonnée), известную больше под названием Команчской Дороги, держали путь Черный Орел, дочь его Колибри, Жако-Канадец, фореман Колорадо-ранчо Стальное Тело и несколько индейцев из племени Черного Орла.

Команчский вождь с дочерью и воинами шел в Монмартр, чтобы погостить там несколько дней.

Жако и Стальное Тело возвращались в Колорадо-ранчо после охоты у Черного Орла.

Вождь узнал Смокер-Джека еще прежде, чем его спутники успели заметить ковбоев.

Оба отряда соединились, и Джек-Курильщик рассказал своим друзьям все, что случилось в Монмартре.

После этого они уже вместе отправились по следам

Лизон и Жо к Золотому Полю, а Колибри взяла на себя роль разведчика.

Что было потом — известно.

Глава XV

Отряд Стального Тела благополучно добрался до Монмартр-ранчо.

Прелестная амазонка, вопреки ожиданиям, оставила боев в покое, и предосторожности, принятые ими на случай внезапного нападения, оказались пока излишними.

Ферма сохраняла свой обычный вид, если не принимать во внимание едва заметных следов грабежа, учиненного, очевидно, с целью скрыть истинные мотивы похищения Дэроша и его семьи.

Прислужница-ирландка принялась с обычным усердием за исполнение своих скромных обязанностей и быстро восстановила порядок в доме, родном для нее, благодаря ласковому обхождению хозяев.

Добрая женщина плакала от радости, увидев свою молодую госпожу; Лизон бросилась к ней в объятия и тоже залилась неудержимыми слезами, не видя и этой привычной домашней обстановке своих обожаемых родителей.

Несмотря на всю свою твердость, молодая девушка не могла видеть без слез эти большие комнаты, которые не оживлялись уже горячими речами ее отца, нежной, меланхолической улыбкой ее матери и беспрестанными шутками вечно веселого и счастливого Жо.

У нее сердце разрывалось на части, когда она оставалась у дверей спальни, где, точно открытые гробницы, манили ее две одинаковые с медными золочеными спинками кровати родителей.

— Папа, мой дорогой папа, — шептала она, — и ты, моя ненаглядная мама, где вы теперь? Вы оплакиваете свою бедную Лизон... О, я найду вас... Я вас вырву из рук злодеев.

Печальные дни потекли для обитателей Монмартр-ранчо.

Несмотря на упорные розыски, на которые ковбои и индейцы не щадили сил, о супругах Дэрош не было никаких вестей.

Ни малейшего следа! Ни ничтожнейшего указания!

Чтоб предупредить новое нападение на ферму, которое могло последовать со дня на день, целый индейский отряд поселился вблизи от Монмартра.

Красная Лилия, жена Черного Орла, привела сюда из команчской деревни всех своих братьев и родственников, и они составили для Лизон самый надежный охранный гарнизон.

Ковбои снова принялись за свой тяжелый труд, так как стада нуждались в постоянном уходе.

Стальное Тело со своей обычной любезностью предложил молодой владелице фермы поручить ему заботу о ее огромных пастбищах.

Со слезами на глазах приняла Лизон эту новую услугу.

— О, сколько вы уже для меня сделали! Как я вам благодарна! — воскликнула она.

Он поспешил ее прервать, уверяя, что считает для себя величайшим счастьем посвятить ее благополучию всю свою жизнь.

Он сказал это просто, без всякой рисовки и бравады, какие присущи героям романов или воздыхателям.

Он был привязан к ней, как истинный друг, любезен, как хорошо воспитанный человек, и относился с той трогательной заботливостью, которая вообще свойственна всем очень сильным людям.

Друг его Жако-Канадец тоже поселился в Монмартр-ранчо. И это было вполне естественно, так как он никогда не разлучался с индейским племенем, которое считало его своим приемным сыном и привязалось к нему, как к родному.

Жако был спокойный малый, которого почти ничто в мире не могло вывести из себя. Он обладал силой бизона, неподражаемо стрелял из ружья и не лишен был известной доли хитрости, унаследовав это качество вместе с акцентом и гигантским ростом от своих предков, которые издавна жили в Канаде.

При этом он, как и все канадцы, был крайне религиозен и догматичен.

Это последнее не раз было причиной легких разногласий между ним и Колибри, которую он тщетно пытался обратить в свою веру.

Послушайте, мадемуазель Колибри, — говорил он, нет ничего хуже, как быть неверующим.

— Вы, значит, находите меня гадкой? — спрашивала она.

— Боже сохрани! Вы самое милое существо не только в нашей пустыне, но и на всем свете.

— В таком случае, зачем же вы...

— Вам ведь известно, что я родом из прихода Святого Бонифация, что близ Виннипега... На всем земном шаре нет более католической местности, чем наша! Что сказали бы наши старики, если бы я попросил у них разрешения вступить в брак с еретичкой...

— Тогда, мой дорогой Жако, не женитесь на мне!

— Но ведь мы уже обручены!

— Ну, так не будем обручены!

— Я согласен скорее тысячу раз умереть... Я вас люблю... и не на словах только... Стоит вам пожелать, и я готов пожертвовать всем... Дать себя привязать к столбу пыток... Позволить снять с себя скальп...

— Зачем же тогда вы мучаете меня своими угрозами, чтоб я шла скучать на проповеди вашего ксендза?

— Нехорошо жить без религии. Мне хочется, чтобы она у вас тоже была.

— Но ведь она у меня есть. Разве я не обожаю лучезарное солнце, лучи которого лелеют наши прерии и дают жизнь моим любимым цветам! Разве я не преклоняюсь перед природой с ее девственными лесами, птицами, увеселяющими своим пением мою жизнь, насекомыми, которые кажутся мне живыми цветами! Разве я не восторгаюсь бесконечной ширью голубого неба и мерцающими в нем звездами... Нашими озерами... нашими реками... водопадами! Разве я не боготворю безграничную свободу, которую не променяю ни на какие проповеди!

Так спорили они обыкновенно до тех пор, пока Жако, побежденный, не садился в отчаянии на коня и, опустив поводья, отправлялся бродить бесцельно по полям.

Глядя на него, можно было вообразить, что человек этот решается на какой-то отчаянный шаг.

Ничуть не бывало.

К вечеру он спокойно возвращался домой с огромным букетом самых красивых и редких цветов и приносил их давно уже поджидавшей его Колибри, которая делала при этом вид, будто случайно встретили его у ворот фермы.

— Простите мне, мадемуазель Колибри, что я доставил вам столько неприятностей, — каялся Жако.

В знак примирения она дружески протягивала ему руку, и размолвка забывалась до нового спора.

Глава XVI

Прошел месяц.

Между Лизон и Стальным Телом устанавливались все более и более тесные отношения, не переходившие, однако, границ дружбы.

Тысячи мелочей сближали их ежечасно, и, сами того не замечая, они стали почти необходимы друг другу.

Оба они были молоды, красивы, честны, смелы и решительны; оба совершенно незнакомы с жизнью и потому не задумывались о том, к чему может их привести это нарождающееся чувство, которое со дня на день становилось глубже и крепче.

Стальное Тело с удивительным тактом и деликатностью, которые трудно предположить в этом грозном авантюристе, умел смягчить горе Лизон и, несмотря на то, что вырос среди бандитов, обладал настолько чуткой, отзывчивой душой, что всегда попадал в тон настроению молодой девушки.

Он не пытался утешать ее. Он лишь весь проникся ее страданиями и с родственным участием выслушивал горькие жалобы бедного ребенка, так варварски разлученного с родителями.

И Лизон вволю плакала, изливая свою душу перед этим незнакомцем, вдруг ставшим для нее самым близким и надежным другом.

Она решительно не узнавала в этом добром, мягком и нежном молодом человеке того грозного ковбоя, которого видела среди порохового дыма окровавленным и беспощадным.

Только изредка, когда у него загорались глаза и раздувались ноздри при каком-нибудь воспоминании о своей прежней жизни, полной невзгод, она узнавала в нем прежнего Стальное Тело.

Иногда приходилось укрощать дикую лошадь или бешеного быка, к которым никто не дерзал приблизиться.

Он бросался с ловкостью гимнаста на спину неоседланного и невзнузданного коня, колот его шпорами, сжимал бока своими богатырскими коленями и, в конце концов, приводил его всего в пене и полумертвого

от страха и усталости, но зато кроткого и послушного, словно то был ребенок, выросший в манеже.

Еще с более поразительной отвагой, ловкостью и силой справлялся он с бешеным быком, который после нескольких головокружительных туров и отчаянных прыжков, ошеломленный, застывал на месте, внезапно успокоившись.

Совершив подобный подвиг, Стальное Тело, как ни в чем не бывало и без малейшей рисовки, скромно занимал свое место возле девушки, которая не могла скрыть перед ним своего восхищения.

Как уже упоминалось, Стальное Тело пережил тяжелое прошлое. Однако ошибочно было бы думать, что это прошлое наложило на него печать грусти или сделало его менее жизнерадостным.

Наоборот, это был чрезвычайно веселый малыш, живой и остроумный, настоящий парижский гаврош с легкой примесью янки.

Лизон удивляло его чистое французское произношение.

— У вас такой акцент, точно вы воспитывались во Франции, — как-то заметила она.

— Я приобрел его, живя среди французских матросов, — ответил он с улыбкой.

— Значит, вы были моряком?

— Каких только профессий я не перепробовал! Где только я не бывал!.. Даже во Франции... даже в Париже!..

— Но сколько же вам тогда лет, мистер Эдуард?

Все, кроме Лизон, называли его Стальным Телом (прозвище, данное ему индейцами и ковбоями), одни лишь Лизон называла его настоящим именем.

При этом вопросе чело его затуманилось, и светлые глаза будто подернулись дымкою.

— По правде сказать, я не знаю точно своего возраста. Быть может, мне двадцать два года, а может, двадцать пять... Мне об этом никто никогда не говорил.

— Вы имеете несчастье быть...

— Сиротою? Хотите вы сказать. И об этом мирно ничего не известно. Знаю только, что не помню своей семьи с самого раннего детства.

— О, как это, должно быть, больно — не знать родительской ласки с нежного возраста.

— Да, это тяжело.

— Итак, вы не знали ни отца, ни матери?

— Напротив! Я их слишком хорошо знал!.. Но действительно ли была мне матерью эта вечно пьяная старуха, шатавшаяся по притонам... Действительно ли был моим отцом старый негодяй, до того пропитанный алкоголем, что мог бы воспламениться, приблизиться он неосторожно к огню...

Я смутно припоминаю эту парочку, влачившую свое существование в грязной конуре одного из беднейших кварталов Нью-Йорка. Эти «достойные» супруги проводили все время в драках, работая ровно столько, сколько необходимо, чтобы раздобыть себе выпивку, и очень мало заботились о пропитании живших с ними четырех или пяти мальчишек, моих сверстников. Помните, что старика звали Сильвер (серебро) — о, какая ирония! Меня называли Эдуардом или, короче, Недом. И питался овощами и остатками еды, которые собирал на мусорных кучах, изредка лишь запивая их стаканом черной водки, подносимым мне стариком или старухой.

— Это ужасно! — вскрикнула Лизон.

— Мне было всего четыре года, когда меня стали приучать к воровству, заставляя брать пример с моих старших братьев, которые, несмотря на свой детский возраст, в совершенстве владели этим ремеслом. Я плохо справлялся с такого рода работой, но мои почтенные старики приписывали это моей молодости и не теряли надежды сделать из меня ловкого вора.

— Но им, конечно, не удалось совратить вас с истинного пути? — спросила она его дрожащим голосом, полным сочувствия.

Он улыбнулся и продолжал свои воспоминания.

— С робостью приступил я к краже съестных припасов, выставляемых у входа в магазины... Я был красивым, розовым, белокурым мальчуганом и не внушил никому подозрений... Я «подчищал» повсюду оплошному и возвращался домой с полными карманами различной снеди. В награду и в виде поощрения я получал стакан виски.

Это безобразие! — возмутилась Лизон.

— Я уже начинал входить во вкус этой ужасной жизни, — продолжал Стальное Тело, вновь улыбаясь, — когда, к счастью, одно незначительное обстоятельство вырвало меня из этой обстановки.

Однажды я украл коробку консервов. Коробка мне очень понравилась, так как на ней была нарисована

хорошенькая свинка с розовым рыльцем и закрученным хвостиком. Содержимое меня интересовало очень мало, но этикетка положительно очаровала.

Меня заметили из магазина в тот самый момент, когда я, забыв про все на свете, любовался свинкой.

Содержатель магазина приказал меня схватить и отдать в руки полиции, но жена его этому воспротивилась и, несмотря на то, что я был весь в грязи и лохмотьях, повела меня к себе.

Долго не мог я прийти в себя от изумления, до того меня поразила роскошь новой обстановки после логова супругов Сильвер.

Добрая женщина дала мне поесть и была поражена моей жадностью и неумением обращаться с приборами для еды: у Сильверов мы ели (в те редкие дни, когда бывало что есть) просто руками и из общей миски, точно звери.

Когда я насытился, она стала меня журить за то, что я крал, но делала это так ласково и нежно, что глаза мои наполнились слезами. Тронутая моим раскаянием, она поцеловала меня, всунула мне в руку маленькую серебряную монету и подарила коробочку со свинкой.

До сих пор никто никогда меня не целовал. Эти материнская ласка глубоко меня потрясла, и у меня на душе стало как-то вдруг светло и радостно.

— Не хорошо, стыдно воровать! Ты больше не будешь этого делать, не правда ли, мой дорогой милотка? — почти умоляюще спрашивала меня своим мягким, ласковым голосом моя благодетельница.

— Нет, я не буду больше красть, сударыня... Ни когда, никогда... клянусь вам.

Она еще раз поцеловала меня и прибавила, отпуская:

— Когда тебе нечего будет есть, приходи сюди, ты всегда найдешь у меня бутерброд и чашку кофе. Я ушел от нее совершенно преобразившимся.

Первым моим желанием было освободиться от робочки, напоминавшей мне о прошлой жизни, с которой мне страстно хотелось порвать. Ни минуты не задумываясь, я бросил ее в водосточную трубу, несмотря на то, что мне грозила перспектива остаться без обеда.

Радуюсь своему мужественному решению, я крепко зажал в руке подаренный мне шиллинг и дал себе клятву никогда его не тратить.

— И вы сдержали свое слово? — спросила с любопытством Лизон, сильно заинтересовавшаяся этой необыкновенной биографией.

Стальное Тело обратил ее внимание на никелированную цепочку своих часов, и она увидела болтавшуюся на ней в виде брелока блестящую монетку, потертую от времени.

— Это мой талисман, — сказал он с улыбкой, — и я не променяю его на целое состояние.

— Но как же вы перебивались? — возобновила прежний разговор Лизон.

— Голодом; как ни мизерно такое питание...

— Что же с вами стало потом?

— Я долго блуждал без всякой определенной цели, руководствуясь одним лишь желанием: не возвращаться к супругам Сильвер, где меня поили водкой и обучали красть. Это мне удалось, так как я забрел в такую отдаленную часть огромного Нью-Йорка, что не мог бы найти логово старых бродяг даже при очень сильном желании.

Тогда-то началось для меня поистине ужасное существование. Я остался совершенно без крова. Ночь и проводил где попало: в тумбах, на уличных скамьях, у порога домов, на лесах строящихся зданий, в извозничьих дрогах, в вагонах — словом, всюду, только не в постели.

Я оспаривал свою жалкую трапезу у крыс и собак...

А ведь мне было не более шести лет!

Тем временем я испробовал все уличные ремесла: был чистильщиком сапог, посыльным, разносчиком газет и зарабатывал с горем пополам несколько пенни в день.

Босой, оборванный, с непокрытой головой терпел и зимнюю стужу и летний зной. Я уверен, что всякий другой мальчуган не перенес бы подобных лишений, меж тем как для меня они прошли бесследно, благодаря моему могучему организму.

— Один... в таком возрасте... Ни ласки, ни поцелуя... Ни совета... И какое, притом, ужасное одиночество! О, как должны были вы страдать!..

— Тем более, что сердце у меня от природы любящее и привязчивое. У меня было несколько маленьких товарищей, таких же бездельников, прошедших школу супругов Сильвер.

Моими лучшими друзьями были бродячие собаки

и бродяги-философы, перебивавшиеся, как и я; с хлебом на воду.

Больнее всего было то, что я никак не мог отыскать тот магазин съестных припасов, который сыграл столь важную роль в моей судьбе.

Я, кажется, отдал бы всю свою жизнь, чтоб еще раз увидеть дорогое существо, которое одним своим словом, одной лаской вырвало меня из пучины, куда и стремглав скользил по наклонной плоскости. К сожалению, я знаком был лишь со своим кварталом и понятию не имел об улице, где жила моя спасительница.

Приблизительно до восьми лет влачил я подобное существование.

К этому времени я стал довольно часто посещать рейд и доки, мечтая о море, которое меня непреодолимо тянуло к себе.

Счастливым случай подарил мне возможность познакомиться с капитаном трехмачтового французского судна, нуждавшимся в юнге.

С замиранием сердца предложил я ему свои услуги, — представьте себе мою радость, — он охотно согласился. Наше судно в тот же день покинуло американский берег.

Мое имя занесли в корабельные списки, и я официально был признан равноправным членом экипажа.

Итак, я завоевал себе кой-какое положение! Я обладал убежищем, гамаком, имел право на порцию еды! Какая радость!.. Какое счастье!..

Есть дети, которые смотрят на обязанности юнга как на величайшую муку; мне они казались радостью!

Я принялся за дело с таким старанием, выказывая столько прилежания и рвения, что скоро заслужил всеобщее уважение.

Наш капитан, грубый и в то же время бесконечно добрый бретонец, сильно ко мне привязался и при этом души во мне не чаял.

Бедный капитан Порник!

Он был для меня настоящим отцом. С удивительным терпением учил он меня читать, писать и считать, сделал из меня искусного моряка и — я с гордостью это сознаю — честного человека.

Целых десять лет прожили мы, не разлучаясь друг с другом, и образ его так живо запечатлелся в моей памяти, что я всегда могу представить себе его таким, каким видел в страшную минуту, разделившую нас навеки.

- Ваш благодетель умер? — мягко спросила его Лизон.

- Да, — сказал со вздохом ковбой, и его светлый взор затуманился под наплывом грустных воспоминаний.

Мы вернулись из Франции, и я провел несколько приятных месяцев в семье Порника, в Роскофе, где мой дорогой капитан имел небольшой домик.

Как только мы прибыли в Вара-Круц, на нашем корабле обнаружили случаи желтой лихорадки.

Ужасная болезнь уносила одну жертву за другой.

Наш капитан умер последним на моих руках... и я вновь остался один, пощаженный страшным недугом.

Отдав последний долг своему благодетелю, я объехал всю Мексику вдоль и поперек, чтоб рассеять охватившую меня тоску.

Поступить на другое судно, под команду другого капитана у меня не хватало духу.

Снова мне предстоял выбор нового ремесла; но теперь за мной был долголетний опыт, и я обладал железным здоровьем, так что ничто в мире не было мне страшно.

После некоторого размышления я остановился на профессии ковбоев, с жизнью которых я соприкоснулся во время своего путешествия по Мексике.

Сказано — сделано. Я немедленно отправился на границу между Мексикой и Северо-Американскими Штатами и пополнил собою ряды свободных сынов вольной прерии.

С той поры я уже никогда не расставался с широким простором этих степей.

Глава XVII

Стальное Тело, Джек и Черный Орел за приятным времяпрепровождением в Монмартр-ранчо не забывали, однако, и о делах.

Чтоб не оставлять ферму без защиты, на розыски супругов Дэршей они отправлялись по очереди, в сопровождении нескольких боев.

Всякий раз Лизон с нетерпением ждала их возвращения, не теряя надежды на то, что розыски увенчаются успехом и она сможет прижать к груди своих обожаемых родителей.

Но — увы! Всякий раз ее ждало жестокое разоча-

рование, и всякий раз из груди ее вырывался тяжелый вздох, когда она получала на свои нетерпеливые распросы один и тот же ответ:

— Никаких вестей, сударыня!

Меж тем дни проходили за днями, а Лизон и Стальное Тело и не замечали, как отношения их становились все более и более близкими.

Во время одной из непринужденных послеобеденных бесед Лизон показалось, что Стальное Тело, как всегда нежный и сдержанный, был несколько возбужден.

Она чувствовала, что и у нее самой нервы напряжены и появилось какое-то беспокойство.

Воздух был тяжел и удушлив, как перед грозой, и это обстоятельство, очевидно, немало содействовало взвинченному настроению молодых людей, столь здоровых духом и телом, столь чуждых всяким припадкам неврастении.

Они сидели так близко, что почти касались друг друга.

Он смотрел на нее любящим взором и говорил с увлечением.

Она слушала, слегка наклонив голову и время от времени бросая на него свой чистый взгляд, который придавал ее лицу выражение невысказанной упоительной ласки.

Они говорили о любви.

— Итак, мистер Эдуард, вы никогда еще не любили? — спросила его Лизон своим музыкальным голосом.

— Никогда! Но я превосходно понимаю это нежное и вместе с тем бурное чувство, источник столько мук и страданий... Чего только не делает оно с человеком! Оно внушает ему преданность, доходящую до самопожертвования, вызывает в нем ревность, порождает ненависть, облагораживает его или возбуждает в нем самые дурные инстинкты... Оно угнетает душу или уносит ее в беспредельную высь и всегда заполняет жизнь!

— Так это и есть любовь? — спросила она с детской наивностью.

— О, нет, это еще не все; но у меня, грубого авантюриста, не хватает слов для выражения всего, что я чувствую.

— По-вашему, в любви — высшее благо?

— Да, но и величайшая мука. Впрочем, что мука?.. Счастлив тот, кого любят! Но еще счастливее тот, кто любит!..

— Пожалуй, но мне кажется, что любовь, в сущности, эгоистическое чувство.

— Как бы то ни было, она благороднее и сильнее всех человеческих страстей и господствует над всеми ими. Под ее влиянием гордый становится скромным, скупой — щедрым, строптивый превращается в покорного, трус — в героя. Для любящего человека становится безразличным все, что не касается любимого существа, даже то, что раньше было главным смыслом его жизни. В то же время в его глазах любая мелочь, имеющая прямое или косвенное отношение к предмету страсти, приобретает значение чего-то священного.

Лизон с увлечением слушала пылкую речь ковбоя, голос которого то громкий и могучий, то тихий и нежный проникал ей в самую душу.

Мало-помалу ею овладело волнение, заставившее чаще вздыматься грудь и ускорившее биение сердца.

Она была почти уверена, что он обращается к ней... Что любимое существо, о котором он говорит, — она, Лизон, маленькая Лизон, которую так увлекали эти пленительные слова любви... И она втайне радовалась этому.

— Да, — продолжал Стальное Тело, — любовь, как и ее понимаю... и как ее чувствую... — прибавил, он незаметно для самого себя, но тотчас же оборвал начатую фразу, так как заметил, что Лизон сначала вся зарделась, а затем страшно побледнела.

— Что с вами, дорогая Лизон? — спросил он девушку, не прибавляя против обыкновения к имени слова «мисс» или «мадемуазель».

Лизон даже не заметила этой фамильярности, до того она казалась ей естественной.

— Ничего, Эдуард... Я вас слушаю... я очень счастлива... Говорите!.. Говорите еще, мой друг!..

Он еще ближе придвинулся к ней и с тем же жаром продолжал говорить о счастье и радостях высокой, чистой любви, делясь с ней всеми испытываемыми им ощущениями.

Безмолвная, очарованная, слушала Лизон его пламенные излияния и думала: «Да, это так... Мне кажется, что он читает мои мысли... Я испытываю то же самое. Неужели это любовь?..»

Сердце ее тревожно забилося. Заволакивавший ее мысли туман внезапно рассеялся, и она боязливо и радостно призналась самой себе: «Я тоже люблю! О, да, я люблю его!»

Стальное Тело, все больше и больше воодушевляясь, взял ее за руку, не встретив с ее стороны сопротивления.

— Элиза, дорогая, любимая... — порывисто говорил он. — Это вас... вас я люблю всей своей душой... Я вас обожаю! Мне хочется посвятить вам все свои силы... Быть вашим рабом... Защищать вас до последней капли крови... Умереть за вас... Лизон... Моя любимая Лизон!

Она вся была под обаянием его страстных речей и чувствовала, что силы покидают ее.

Ее затуманившиеся глаза едва различали мужественные черты ковбоя.

Она слабо вскрикнула.

В этом звуке слышались и страх, и томление, и радость.

Губы молодого человека прикоснулись к ее губам и обожгли их доцелуем.

Это прикосновение привело Лизон в себя, и она запротестовала всем своим существом.

Ее полузакрытые глаза наполнились слезами, и она прошептала слабым замирающим голосом, полным мольбы:

— Эдуард, мой друг... не троньте меня... пощадите... во имя нашей любви...

Это трогательное обращение подействовало на него, и, сделав над собой усилие, он укротил свой безумный порыв.

— Простите меня, простите, дорогая Лизон... Я вас так люблю... Моя любовь — единственное извинение...

— Благодарю вас... Вы — очень хороший человек... Я вас очень люблю и вдвойне горжусь вами, — ответила она ему, кротко улыбаясь сквозь слезы.

Два удара в дверь моментально вернули их к действительности.

Вошла служанка Келли с письмом в руках.

Письма в пустыне — большая редкость, и получение их считается там немаловажным событием.

Келли вручила пакет Стальному Телу, и он с любопытством стал рассматривать адрес, написанный твердым и элегантным почерком, совершенно ему незнакомым.

— Человек, вручивший мне это письмо, — сказала дужанка уходя, — приехал верхом и ждет ответа.

— Благодарю вас, моя добрая Келли. Я сейчас... Вы позволите, мисс Лизон?

— Да... Читайте скорее. Не знаю почему, но меня беспокоит это письмо.

Ковбой сломал печать и быстро пробежал взглядом короткое послание.

— Гм... Странно!.. — сказал он задумчиво, протягивая ей письмо.

Она прочитала вполголоса:

— «Особа, желающая дать Стальному Телу некоторые весьма важные сведения, назначает ему свидание, не сопряженное для него ни с какими опасностями. В воле Стального Тела принять или отклонить это свидание, но он предупреждается, что полученные им сведения прольют свет на таинственное похищение мистера и мистрисс Дэррош. Возможно, что ему будет также кое-что сообщено об участии монмартрских ранчменов.

Если Стальное Тело принимает предложение, то пусть последует за подателем этого письма, который укажет ему место свидания.

Означенное свидание по разным соображениям может состояться лишь в Денвер Сити, и потому оно потребует довольно много времени».

— Нет ни числа, ни подписи, — заметила Лизон по прочтении. — Что вы думаете предпринять, Эдуард?

— Вы можете еще сомневаться, Элиза? Я еду сейчас же, без всяких проволочек.

— О, нет! Я не сомневаюсь в вас, мой дорогой, любимый друг... Но... вдруг это — ловушка?..

Он расхохотался с видом человека, которому ничто в мире не страшно.

Этот смех, эта уверенность в своих силах и вполне заслуженная репутация непобедимого героя постепенно ее успокоили.

— Не поехать ли и мне с вами? — спросила она после некоторого колебания. — Дело касается моих родителей... Я умираю от беспокойства... Вы знаете...

— До Денвера слишком далеко... Дорога длинна и утомительна... Кроме того, неизвестно еще, что там может случиться. Вы ведь сами только что высказали подозрения... Один — я ничего не боюсь... я всюду

пройду... Но с вами я буду в постоянной тревоге, и это свяжет мне руки.

Она сдалась под его разумными доводами и скинула:

— Вы, по крайней мере, будете мне подробно писать о себе и о деле. Не правда ли? Не забывайте, что я буду страшно страдать, не получая от вас известий.

— Как только представится хоть малейшая возможность, я пошлю вам точное и подробное письмо. У меня есть связи в Денвере — несколько храбрых друзей, с которыми я изъездил вдоль и поперек великую прерию. Не бойтесь и надейтесь на меня!.. А теперь, дорогая Лизон, прощайте или, вернее, до свидания. Сохраните для своего отсутствующего друга хоть маленький уголок в своем сердце... Помните, что он вам безгранично предан.

— Я не из тех, которые забывают, мой дорогой Эдуард! Когда бы вы ни вернулись, вы найдете меня такую же любящей.

Она протянула ему обе руки и подставила лоб.

Он поцеловал ее и вышел, чтоб приготовиться к пути.

Сборы были недолги: свернуть одеяло, наполнить патронташ, запастись дюжиной сухарей и оседлать Букинг-Билли было делом полчаса.

Какого-то багажа, чемодана или даже плаща не было и в помине.

Наскоро переодевшись в шерстяную рубаху, охотничью блузу из бизоньей кожи, индейские кожаные панталоны и фетровую шляпу с золотой тульей, он вышел к гонцу и застал его сидящим за жирным куском дичи и добрым стаканом виски.

Это был худощавый американец лет пятидесяти, с загараемым лицом и козлиной бородкой.

Ничто в его наружности не указывало на его общественное положение или профессию.

«Просто человек!» — отметил про себя Стальное Тело со своей обычной беспечностью.

Затем обратился к незнакомцу:

— Я отправляюсь с вами в Денвер. Как только вы будете готовы, мы двинемся в путь.

— Я готов!

— В таком случае, по коням!

Стальное Тело пожал в последний раз руку Лизон, попросил ее передать привет Колибри и Джеку, которые ушли на охоту, и вскочил в седло.

Незнакомец последовал его примеру, и они направились легкой рысью в глубь равнины.

Глава XVIII

В продолжение многих лет, проведенных семьей Даршей в Жалонейской долине, в округе произошли значительные перемены.

Несмотря на то, что эта необъятная степь оставалась по-прежнему малонаселенной, по ней давно уже была проведена железная дорога.

В этом отношении привычки американцев идут в разрез с обычаями Старого Света.

В то время как европейцы решаются на постройку железнодорожной ветви только в случае очевидной и бесспорной нужды в ней, американцы прокладывают рельсовой путь на огромные расстояния везде, где чувствуют в нем хоть малейшую потребность, причем совершенно не принимают во внимание интересы того или иного города, той или иной деревни.

Забота же о собственном обустройстве вблизи железной дороги лежит на самом населении.

По югу описываемой равнины проходит бесконечно длинная ветвь Южной Трансконтинентальной железной дороги. Она тянется с востока на запад, начинаясь у Даллоса, прорезает у самой Мексиканской границы небольшой городок Франклин, а затем через Тексон, Аризона-Сити и Лос-Анжелес доходит до Сан-Франциско.

У Франклина, то есть у самой границы, от нее отходит сравнительно небольшая ветвь на юг к большому мексиканскому городу Чигуагуа (Chihuahua).

На севере железная дорога поднимается к Денверу и доходит до Омаги (Omaha), соединяя, таким образом, всю эту область с Северной Трансконтинентальной магистралью.

Денвер, столица штата Колорадо, принадлежит к числу тех удивительных американских городов, которые в какие-нибудь двадцать пять или тридцать лет становятся крупнейшими центрами.

Промышленность, торговля, финансы, просвещение — все это выросло в Денвере как-то вдруг, за несколько лет, и теперь он со своими памятниками, театрами, библиотеками, университетом, отелями, дворцами, электрическим освещением, трамваями, миссионе-

рами и десяти-, пятнадцати- и двадцатизэтажными домами готов потягаться с большими европейскими столицами.

В этот самый Денвер и направлялся Стальное Тело по приглашению таинственного корреспондента.

Он не знал точно, где находится этот город.

На севере, конечно, но каков ближайший путь туда?

Его спутник сказал, что через двадцать миль * им придется сесть на поезд.

— А я полагал, что мы будем ехать все время верхом! — сказал он с легкой досадой.

— Расстояние слишком велико для этого.

— Какое именно?

— Около трехсот миль!

— Но что ж мне тогда делать со своей лошадью по приезде на железнодорожную станцию?

— То же, что и я со своей. Вы ее продадите вместе с седлом и уздечкой первому встречному за десять долларов (50 фр.).

Стальное Тело бросил насмешливый взгляд на незнакомца и ответил ему:

— Букинг-Билли стоит больше тысячи долларов, да и вопрос еще, отдам ли я его за эту цену.

— В таком случае, возьмите с собой кого-нибудь, кто отведет лошадь обратно.

— Это превосходная мысль.

Как раз в этот момент они заметили Жака-Курильщика с его неизменной трубкой в зубах.

Стальное Тело коротко объяснил ему, в чем дело, и Жак охотно присоединился к маленькому отряду, готовый всегда оказать услугу товарищу.

Через несколько часов они благополучно прибыли на ближайшую станцию.

Железнодорожная станция в американской глуши представляет собой нечто в высшей степени архаичное. Несколько деревянных служб, наскоро сколоченная гостиница для нужд служащих, водокачка и угольное депо — вот и все ее постройки. В местностях, где занимаются скотоводством, к этому прибавляют еще обнесенный изгородью загон для скота и несколько платформ, при посредстве которых скот загоняют в вагоны. Тем не менее такая станция фигурирует на карте в качестве населенного пункта, и янки абсолютно

* Английская миля, равная двум километрам.

уверены, что лет через десять она превратится в город. И этому пророчеству приходится доверять, так как американцы не раз поражали мир всякого рода неожиданностями.

Стальное Тело и его спутник вошли в пульмановский вагон, а Смокър-Жак отправился с лошадьми вояси.

Чудо — эти пульмановские вагоны!

Это настоящие подвижные дворцы с изумительной, роскошной обстановкой и поразительными удобствами.

Тут можно найти и ресторан, и спальни, и комфортабельные уборные, причем все за сравнительно небольшую плату.

Замечательно еще то обстоятельство, — оно показалось бы возмутительным для привилегированных сословий Старого Света, — что для всех без исключения пассажиров существует один класс и одинаковая цена за проезд.

Джентльмен и рабочий, богач и бедняк сидят в вагонах рядом чисто по-братски, вместе прогуливаются, вместе едят, вместе спят и не смотрят друг на друга исподлобья.

В исключительном положении находятся лишь индейцы, которых железнодорожная компания провозит бесплатно, позволяя им пользоваться лишь площадками вагонов.

Вопреки обычной вежливости, с какою в Соединенных Штатах относятся друг к другу лица даже противоположных классов и различных состояний, незнакомец в своем обращении со Стальным Телом позволял себе презрительную фамильярность, называя его, например «боем» без всяких там титулов и прочих добавлений.

Стальное Тело отвечал ему тем же и величал его просто «человеком».

— Hallo, бой, пора и поесть!

— Хорошо, человек!

Наконец незнакомец, которому такое обращение пришлось не по вкусу, решил отрекомендоваться.

— Я — полковник Сайрус Диксон.

— А я, господин полковник, — мистер Стальное Тело.

В Америке, как во всякой «демократической» стране, придают огромное значение всяким титулам и отличиям. Каждый там величает себя генералом, профес-

сором, доктором, полковником, судьей, сенатором и т. п. Чем ниже человек по званию и происхождению, тем крепче он цепляется за всякие внешние атрибуты и пустые клички.

Наша заплесневевшая французская знать там в большом почете, доказательством чему служит все увеличивающееся в Америке количество «жантильменов» бестрепетных охотников за приданым, которые стекаются сюда в надежде погреть руки за счет американских миллионеров, промышляющих кожей, керосином, лесом, шерстью, зерном, окороками и тому подобными товарами.

Можно сказать, что все эти доки, фабрики, мануфактуры, магазины суть не что иное, как лаборатории, где фабрикуются для вывоза разные княгини и баронессы.

Принимая все это во внимание, Стальное Тело ничуть не удивился, что человек, посланный к нему в качестве гонца, оказался более или менее настоящим полковником.

Они пили, ели, спали, курили, жевали табак, сокращая долгие часы путешествия, и наконец прибыли в Денвер.

Они ни словом не обмолвились ни о письме, ни о предстоящем свидании.

Говорили обо всем понемногу, и этот обрывистый разговор не только не сблизил их между собой, и наоборот, скорее, воздвиг между ними ледяную преграду.

Стальное Тело вздохнул с облегчением, когда поезд подкатил к Денверу; он рад был отвязаться от своего попутчика, присутствие которого становилось для него час от часу невыносимее.

На станции их уже поджидал большой четырехместный экипаж, на облучке которого восседал великодушный негр в новой блестящей ливрее.

Полковник уселся в экипаж первым и, важно подбоченившись, жестом указал Стальному Телу место на облучке, подле кучера.

Ковбой расхохотался тем зловещим смехом, который наводил ужас на людей, хорошо знавших его.

Смех этот предшествовал, обыкновенно, жестокой расправе, которую Стальное Тело в известных случаях считал неизбежной.

Ни слова не говоря, он вскочил в викторию, рессоры

которой сильно закачались, и хладнокровно уселся рядом с полковником, вонзив в бархатную подстилку для ног колеса своих шпор.

Полковник оторопел от неожиданности, а затем, испыхнув, вскочил было с места, но, заметив острый и угрожающий взгляд ковбоя, счел для себя более благоразумным смириться.

— В отель, Джим, и живее! — крикнул он негру, и лошади понеслись во всю прыть.

Стальное Тело взглянул на лошадей, презрительно свистнул и спросил у полковника:

— Это ваша пара?..

— Да, выдающиеся рысаки! Они мне обошлись более чем по тысяче долларов.

— Рысаки-то рысаки, да ни к черту они не годятся. Ноги у них короткие, хребты длиннейшие... точно ясли. Билли, моя маленькая лошаденка, вмиг бы их обогнала.

Он говорил это с развязным видом и в то же время, как бы забавляясь, резал своими шпорами дорожную обивку.

Полковник сидел, точно на пылающих углях, но, будучи, очевидно, наслышан о грозной славе Стального Тела, всеми силами сдерживал свое бешенство.

После нескольких минут быстрой езды лошади остановились перед роскошным домом, настоящим дворцом.

— Мы приехали, что ли? — спросил Стальное Тело.

— Да! — процедил сквозь зубы полковник.

Ковбой увидел перед собой золоченую решетку с двустворчатой дверцей, за ней — цветник, усаженный редкими растениями, а затем широкую мраморную лестницу с изящными колоннами по бокам.

«К какому дьяволу меня ведут?» — думал он с видом человека, которого мало трогает роскошь окружающей обстановки.

На верхней площадке лестницы стоял швейцар в костюме опереточного генерала; он приветствовал их сухим ударом алебарды о мраморный пол.

Затем они вошли в приемную довольно больших размеров, которая утопала в розах. Розы были повсюду: ими устлан был пол, покрыты стены, обвиты в виде гирлянд колонны и карнизы.

Воздух этой комнаты со сказочной обстановкой насыщен был до тошноты резким, опьяняющим благоуханием.

Как истый сын природы, Стальное Тело остался

равнодушен к этому великолепию, нагло бьющему в глаза.

Цветы лишь напомнили ему его любимую Лизон, которая питала особое пристрастие к розам.

С любезностью разъяренного бизона полковник Диксон ввел ковбоя внутрь дворца.

Все комнаты были разукрашены редкими коврами, драгоценными обоями и высокими изящными зеркалами, в которых бесконечное множество раз отражалась во весь рост фигура Стального Тела. Его огромные шпоры, кожаная блуза, украшенная галунами шляпа и пара больших револьверов с серебряной чеканкой придавали ему в этой обстановке вид драматического или водевильного героя.

Пройдя целую анфиладу комнат, они вошли наконец в кокетливо убранное помещение из нескольких комнат, в духе Людовика XV. На обоях, на сиденьях, на коврах — всюду были изображения пасторалей, деревенских идилий и грациозных пастухов и пастушек.

— Эти комнаты отведены вам, — сказал полковник своим отвратительным сиплым голосом янки. — Вот вам спальня... За этой дверью — уборная, а там небольшая комната для курения.

— All right! — ответил Стальное Тело и стал расстегивать свою блузу, готовясь привести себя в порядок после дороги.

— Имейте в виду, — добавил полковник, — что эта мебель стоит дорого, и постарайтесь здесь не пачкать!

В ответ на это любезное предупреждение, Стальное Тело лишь пожал плечами и продолжал жевать свой табак, с которым он, как и все американцы, редко расставался.

В тот самый момент, когда полковник собирался уходить, Стальное Тело спокойно к нему подошел и плюнул ему в физиономию.

— О, черт возьми! — крикнул, обезумев от ярости, полковник и протянул руку за револьвером, торчавшим у него сзади под самой поясницей из специально предназначенного для оружия кармана.

— Чего вы, господин полковник? — спросил его ни смешливо Стальное Тело. — Напрасно изволите гневаться!

— Негодяй, гадина; степная собака!

Стальное Тело хохотал, следя за тем, как американец вытирает себе лицо.

— Никто, кроме вас самих, мистер Сайрус, не виноват в том, что я воспользовался вами, как плевательницей. Вы предупреждали меня не грязнить здесь мебель, а между тем мне необходимо было куда-нибудь плюнуть. Я искал подходящее место, но не нашел более грязного, чем ваша физиономия.

Полковник окончательно вышел из себя, вытащил в мгновение ока свой «Смит и Вессон» и прицелился в Стальное Тело.

Но бедному полковнику положительно не везло в этот день. За секунду до того, как щелкнул курок, Стальное Тело отскочил в сторону.

Раздался выстрел, и овально-коническая пуля угодила в самый центр чудесного сэн-гобенского зеркала, которое стоило бешеных денег.

Полковник хотел было выстрелить вторично, но на этот раз Стальное Тело успел принять меры предосторожности. Он схватил его руку и сжал ее с такой силой, что пальцы американца затрещали в суставах, и оружие скользнуло на пол. Стальное Тело подобрал его и вышвырнул в окно. Стекло разбилось вдребезги, а револьвер с уже взведенным курком полетел вниз и, ударившись при падении о гранитную мостовую двора, выстрелил сам собой.

Весь этот шум произвел в доме страшный переполох. Со всех сторон слышался звон электрических явонков, усиленная беготня прислуги и хлопанье открываемых и затворяемых дверей.

Стальное Тело чувствовал себя в родной стихии и находил эту сумятицу очаровательной.

Так как полковник не догадывался убраться по-доброму-поздорову, то ковбой схватил его в охапку и, качнув раза два в воздухе, швырнул по направлению к разукрашенным различными художественными росписями дверям, которые под тяжестью его тела распахнулись, и полковник грузно грохнулся о пол далеко за дверьми, где громко стонал, не будучи в состоянии двигаться.

В этот самый момент, среди суматохи, наполнявшей разными голосами и самыми причудливыми тонами огромный дом, раздался взрыв веселого, молодого смеха.

Вслед за тем слышался свежий и звонкий жен-

ский голос, в котором звучало неудержимое веселье.

— Что это?.. Револьверные выстрелы... Пороховой дым... Дребезжание стекол... Выбитый из строя полковник... Гм... Это так мой дорогой враг Стальное Тело извещает о своем появлении!

Зашелестело женское платье, затем — мелкие женские шаги, и перед изумленным взором ковбоя предстала в изящном декольтированном платье молодая женщина ослепительной и необыкновенной красоты с влажными черными глазами, бледным лицом и пурпурными губами.

— Она!.. Это она! — воскликнул Стальное Тело, узнав в этой красавице, протягивающей ему с улыбкой руку, амазонку с Золотого Поля.

Глава XIX

Неожиданное появление этого дивного создания произвело странное впечатление на молодого человека.

Ему живо припомнились Золотое Поле, стычка с всадниками, отбитая атака, окровавленный череп умирающего за своим прилавком Джошуа-Отравителя, взятие в плен амазонки и ирония, с какою она сказали ему: «До скорого свидания».

Теперь она стояла перед ним более прекрасная и очаровательная, чем когда бы то ни было.

Она шутила по поводу его шумных подвигов и не сводила с его красивого, энергичного лица восхищенного взгляда своих черных глаз, полных неги и люто укротимой страсти.

Он стоял перед ней, ослепленный ее красотой, и смущенно молчал, когда она прикоснулась к его руке своей маленькою ручкой, под нежной кожей которой трудно было подозревать стальные мускулы.

— Дорогой мистер Стальное Тело, теперь ваша очередь быть пленником! — сказала она своим звонким голосом.

Он и не думал протестовать против такого нежного насилия.

Не будучи в состоянии совладать со своими чувствами, он приложил к сердцу руку очаровательной женщины и затрепетал всем своим существом, когда она прижалась к нему с невыразимой грацией.

Он искал слов, но не находил их и стоял взволнованный и безмолвный, боясь показаться глупым.

К счастью, полковник помимо своей воли вывел его из неловкого положения.

Он ворочался, тщетно стараясь подняться на ноги, и обратил на себя внимание молодой женщины, которая залилась при виде его бесплодных усилий звонким раскатистым смехом.

— Бедный полковник! — насмешливо воскликнула она. — Однако вы недурно его отделали, мистер Стальное Тело.

— Что это за птица? Он у вас в услужении?

— Он приходится мне чем-то вроде отца, — ответила она, продолжая смеяться.

— Вот как?.. Меня это удивляет! Этот господин — ваш отец?!

— И я этому удивляюсь. И все удивляются... Помогите ему, пожалуйста, принять вертикальное положение!

— С удовольствием!

Он схватил его под мышки и мигом поставил на ноги, как какую-нибудь деревяшку.

— Ну же, полковник Сайрус, побольше энергии, право! — приговаривал он шутливо. — Старый ветеран наших великих войн не должен поднимать столько шума из-за пустяков. Бодрее! Бодрее!

— Он — ветеран! — улыбнулась молодая женщина. — Да он никогда в своей жизни не воевал!

— Но ведь он называется полковником!

— Это здесь в большой моде. Он имеет, впрочем, полное право носить этот титул, так как он унаследовал его от своего брата. У его брата и, следовательно, у моего дяди, были огромные усы и ворбще вид старого вояки; его прозвали, благодаря этому, генералом. С тех пор мой батюшка стал величать себя полковником. Он еще очень скромен, как видите!

Полковник, который, очевидно, привык быть мишенью для ее насмешек, даже не подумал протестовать и, ни слова не говоря, удалился, бросив на Стальное Тело угрожающий взгляд.

Теперь ковбой почти совсем овладел собой и решил всеми силами бороться против чар молодой женщины, которые приводили его в страстный трепет и до боли ускоряли биение его сердца.

— Это вы мне писали, сударыня? — начал он глухим голосом, сдерживая свое волнение и стараясь сохранить деловой тон.

— Да, я.

— Вы мне обещали сообщить кое-какие сведения о...

— Оставим это пока! Всему есть свое время, но правда ли? Вы теперь мой пленник, и позвольте, конечно, располагать вами по моему усмотрению?

Он слегка поклонился в знак согласия.

— Вы все-таки сдержите свое обещание относительно колонистов Монмартр-ранчо! — упорствовал он.

— Конечно, будьте спокойны.

Как раз в этот момент комната, где они вели беседу, вмиг осветилась снопом электрического света, прогнавшего начинавшие уже было сгущаться сумерки.

— Ах, да! Из-за вашей оригинальной манеры извещать о своем прибытии, я совершенно забыла о своих гостях и об обеде, который я даю в вашу честь. У меня сегодня розовый обед!

«Розовый обед? — спрашивал себя в недоумении Стальное Тело. — Что бы это значило?»

Америка, как известно, страна эксцентричностей.

Чем выходка экстравагантнее, чем она безумнее и безвкуснее, тем больше она имеет шансов произвести фурор.

Только этим и можно объяснить, почему там вошли в моду цветные обеды.

Эта гастрономическая фантазия заключается в том, что на таком обеде все, начиная с посуды и кончая костюмами дам, должно быть одного и того же цвета.

Это, конечно, обезображивает картину бала, но зато выглядит эксцентрично.

— Мои гости скоро станут съезжаться; я должна их встретить. Идемте за мной, мой дорогой пленник!

Стальное Тело послушно следовал за ней, не слишком восхищаясь роскошной, фантастической обстановкой, совершенно чуждой среде, в которой он жил.

Он чувствовал себя превосходно.

Глядя на живописный костюм ковбоя и на его принужденную осанку, можно было принять его за какого-нибудь знатного принца, которому пришла фантазия перерядиться и оказать своим присутствием честь хозяевам.

Мало-помалу стали собираться гости.

Лакей, весь в галунах, торжественно провозглашал имена и титулы прибывших.

Мужчины были почти все высокого роста, худые и костлявые, с лицами, на которых лежал отпечаток

общераспространенных среди янки желудочных болезней.

Дамы, разодетые в розовые цвета всевозможных оттенков, были, напротив, очень хороши, стройны и элегантны и, по обыкновению, держались с мужчинами несколько свысока.

Молодая хозяйка представляла своего гостя вновь прибывающим и забавлялась их изумлением при виде попавшего в ее роскошный салон ковбоя.

— Мистер Стальное Тело, Король Прерий,— рекомендовала она его.

Стальное Тело принимал рукопожатия и отвечал на них такими пожатиями, от которых легко могло вывихнуться не очень крепкое плечо, и, казалось, был очень доволен процедурой представления.

Мужчины с завистью смотрели на его мужественную красивую фигуру и досадовали на внимание, которым окружала его хозяйка, а женщины и девушки расточали ему улыбки и без стеснения любовались им.

Все гости, казалось, были уже в сборе, когда лакей вошел в гостиную и объявил:

— Дон Фернандо-Дуранго-и-Монтемагор-и-Лас-Эскальдас!

Появился молодой человек в черном фраке. На перекинутой через плечо повязке из тонкого черного шелка покоилась его раненая левая рука.

Стальное Тело тотчас же узнал в нем всадника, который пытался накинуть лассо на Лизон во время осады таверны Джошуа.

— Все гости давно уже в сборе, дон Фернандо! Одного вас пришлось ждать!

— Простите, дорогая Диана,— пробормотал он, смущенный подобным приемом.

«Диана,— подумал Стальное Тело,— какое прелестное имя у этой женщины».

Иронически улыбаясь, молодая женщина представила их друг другу.

— Дон Фернандо-Дуранго... Мистер Стальное Тело...

Ковбой, решивший отложить старые счеты, готовился к новому рукопожатию, но дон Фернандо закусил губы и удостоил его лишь высокомерным полупоклоном.

В ответ на это Стальное Тело смирил его пренебрежительным взглядом с ног до головы и, спрятав руки в карманы, холодно кивнул ему головой.

Мексиканец — а только мексиканцу может принадлежать такое обилие имен — слегка побледнел, чувствуя на себе взоры присутствующих, но старался не подавать вида, что заметил оскорбление, хотя дрожание губ и сверкание глаз выдавали его.

Он подошел к молодой хозяйке и предложил ей руку, чтобы проводить в столовую.

Но тут подоспел Стальное Тело.

— Мне кажется, сударыня, — произнес он, кланяясь с ловкостью и непринужденностью светского джентльмена, — мне кажется, что вы изволили оказать мне честь быть сегодня вашим кавалером?

— Вы опоздали, мой дорогой Фернандо, — сказала она мексиканцу с издевкой. — Я нахожусь в распоряжении мистера Стальное Тело.

И она быстрым движением оперлась на руку ковбоя как раз в тот самый момент, когда метрдотель, широко распахнув дверь, произнес обычную фразу:

— Кушать подано!

Все направились в столовую.

Обстановка ее была до того роскошна и оригинальна, что вызвала возгласы изумления даже у американцев, которых трудно чем-либо поразить.

В комнате господствовал розовый цвет.

Это была симфония розового цвета.

Розовые скатерти, розовые салфетки, розовая посуда, поставленные только лишь для вида розовые свечи, так как столовая освещалась электрическими лампочками, сделанными в виде роз. Ковры, живопись, потолок, эмалированные куверты, стаканы, графины — все было розового цвета или покрыто розами. Даже сосуды, в которых замораживалось розоватое шампанское!

Прекрасная Диана заняла место между Стальным Телом — по правую руку и доном Фернандо — по левую.

Со всех сторон раздавались похвалы оригинальному и изящному вкусу хозяйки; один только Стальное Тело ни словом не обмолвился о празднике.

Это немало удивляло молодую женщину, и она наконец спросила его:

— Ну, мистер Стальное Тело, что вы скажете о моем обеде?

Он оторвался от розового ракового супа, над которым добросовестно трудился, и, не задумываясь, ответил

— Что сказать? У вас богатая фантазия.

Подобная оценка, сделанная кем-либо другим, а не Стальным Телом, искренность которого ей очень нравилась, произвела бы на нее впечатление удара обухом по голове.

«Дикарь прав! — подумала она. — Это, пожалуй, и в самом деле «штука», при виде которой парижанка лишь пожала бы плечами».

Обед был в самом разгаре.

Мужчины поглощали блюда за блюдами с поразительною торопливостью, точно их ждали дела, а женщины ели не торопясь и с аппетитом, охотно запивая розовые яства шампанским.

Угощений было достаточно, но не хватало главной приправы — веселости.

Янки — истые сыны коммерции, и было бы напрасной тратой времени ожидать от них остроумия.

Дамы слегка флиртовали, но на лицах их была написана мертвящая скука.

Стальное Тело ел много и пил за четверых.

Веселый от природы, он острил и шутил, но американцы сохраняли мрачный вид, так как из-за своих вечных дел им некогда было ни есть, ни спать, ни смеяться, ни мыслить.

Одна лишь Диана разделяла его настроение, и из всего общества лишь они двое, казалось, были веселы. Чем живее шла их беседа, тем больше вытягивалось лицо Фернанда и тем более угрожающе сверкали его глаза.

Хозяйке было все-таки неприятно, что ее гости так и не оттаяли.

Стальное Тело посоветовал ей подлить алкоголя в шампанское, и она, весело хохоча, попросила у гостей извинение и ушла из-за стола, чтобы лично проследить за тем, как будут делать смесь.

Воспользовавшись ее отсутствием, Фернандо с перекосенным от злобы и бешенства лицом нагнулся к Стальному Телу и сказал ему глухим голосом:

— Для нас двоих здесь слишком тесно.

— Возможно! Постарайтесь, в таком случае, убраться.

— Вы хотите дуэли? — загремел мексиканец.

— Единственно, чего я хочу, это того, чтоб вы не мешали мне обедать!

Мексиканец вообразил, что ковбой боится дуэли, и совершил большую глупость.

— Признайтесь, что вы трусите! — сказал он ему. Стальное Тело так захохотал, что покрыл своим смехом голоса всех беседующих.

— Вы городите чепуху, господин человек с тремя дюжинами имен! Я вам докажу это за десертом.

— Вы, значит, согласны драться?

— К вашим услугам, мой мальчик!

— Назначьте день... час...

— Да сегодня же, как только выйдем из-за стола. А что касается места, то здесь же, в салоне мистрисс Дианы.

— Имейте в виду, что поединок будет смертелен!

— Ладно. А теперь оставьте меня в покое и дайте мне насладиться праздником.

Глава XX

Мысль Стального Тела приправить шампанское алкоголем дала чудесные результаты.

После нескольких тостов, ловко подобранных Стальным Телом, гости наконец оттаяли.

Вскоре в столовой воцарилось всеобщее шумное веселье, и к розовой гамме присоединился новый оттенок: розовые пятна на щеках янки, выпивших по мере.

Стальное Тело стал незаметно царем бала. Он шутил, отпускал остроты, рассказывал разные забавные истории, и обедающие, забыв про свои дела, хохотали до упаду, как сумасшедшие.

Дон Фернандо тянул вино стаканами, но оно не только не веселило его, но, наоборот, делало все мрачнее и мрачнее.

Стальное Тело подшучивал над его погребальным видом, и мексиканец скрежетал зубами от злости.

Возбужденный вином, ухаживаниями прелестной хозяйки и окружающим весельем, Стальное Тело весь отдался наслаждению, забыв про все на свете: про причину своего приезда в Денвер, про супругов Дэрон, даже про бедную Лизон, которая любила его всей душой и возлагала на него все свои надежды.

За десертом он поднялся со стула и, твердо стоя на ногах, несмотря на огромное количество выпитого вина, провозгласил тост.

Слуга наполнил было его стакан шампанским, но он лишь пожал плечами и, заметив на столе цветочную

вазу, в которой красовались пышные розы, попросил выпростать ее и наполнил шампанским.

Ваза вмещала добрых три бутылки.

Когда вино было налито, он положил на стол один из своих револьверов и поднял огромную чашу.

Присутствующие с недоумением поглядывали друг на друга.

«Что бы это значило?» — думали они.

— Я пью за здоровье феи, которой мы обязаны сегодняшним праздником... Я пью за прекраснейшую из прекрасных... Я пью за мистрисс Диану, самое прелестное создание во всем мире! Ура!

С этими словами он приблизил вазу ко рту и одним духом осушил ее, к изумлению окружающих.

— Никто, кроме меня, не должен пить из этой чаши! — воскликнул он и со всего размаху бросил вазу вверх, к высокому куполообразному потолку, и, моментально, схватив свой револьвер, выстрелил в вазу в тот самый миг, когда она достигла апогея полета.

У американцев, страстных любителей всякого спорта, дух заняло от интересного зрелища, и они разразились громом аплодисментов, когда пуля Стального Тела раздробила вдребезги цветочную вазу.

Некоторые из миллионеров, бывших свидетелями такой ловкости, охотно пожертвовали бы своими миллионами, лишь бы воспользоваться той славой, которую завтра же газеты Денвера разнесут про Стальное Тело по всей округе.

Один репортер-любитель уже поднялся из-за стола и подошел к телефону, спеша сообщить в редакцию газеты столь эксцентричную новость.

— Да здравствует Стальное Тело!

— Да здравствует Диана! — кричали гости в экстазе и долго еще расхваливали на все лады ловкого стрелка.

Между тем обед подошел к концу, и Стальное Тело вспомнил о своих счетах с Фернандо.

В пограничных городах, в ранчо, на Золотом Поле спорщики не особенно затрудняют себя выбором места дуэли и дерутся там же, где произошла ссора.

Стальное Тело не считал нужным отступать от своих привычек.

— Не можете ли вы отдать в мое распоряжение ваш зал минут на пять? — спросил он Диану, как будто бы речь шла о каких-то пустяках.

Она думала, что Стальное Тело замышляет танцы, и спросила:

— Кадриль? Великолепная мысль! Я сейчас прикажу принести сюда рояль.

Стальное Тело весело рассмеялся.

— Если хотите, назовите это кадрию; но у меня будет один лишь vis-à-vis.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Очень просто, дон Фернандо предложил мне небольшой матч на пистолетах.

— Дуэль?.. Теперь же?.. Право, господа, у меня никогда еще не было столь оригинальных и занятных гостей.

Услышав слова «матч... дуэль... пистолет...», гости насторожились и, узнав в чем дело, с любопытством и нетерпением стали ждать поединка. Особенно были довольны перспективой дуэли прекрасная половина, которой страшно нравятся всякого рода кровавые драмы.

Заслышав о дуэли, полковник Диксон немедленно принес пару кольцовских револьверов и предложил их дону Фернандо, у которого был при себе лишь маленький карманный револьвер.

— Они великолепны, — расхваливал он их мексиканцу. — Я пользовался ими во время пограничных экскурсий и могу похвастаться их точностью.

— Уж не занимались ли вы профессией деспирадо, господин полковник? — насмешливо спросил его Стальное Тело.

— Вы угадали! Я «десперировал» даже неподалеку от Монмартр-ранчо, фермы ваших друзей-французов.

Ковбой был в таком состоянии, что даже не обратил серьезного внимания на слова полковника, в чем ему позже не раз приходилось горько раскаиваться.

Каких ужасных испытаний и тщетных усилий мог бы он избежать, если бы догадался задать всего несколько вопросов янки, который под влиянием винных паров стал необычайно откровенен!

Гости, шумно болтая, перешли в большой зал, метров в 30 длиной, и стали двумя рядами вдоль его стен. Ширина зала была довольно значительна и, привлекая во внимание ловкость обоих дуэлянтов в стрельбе, нечего было опасаться шальной пули.

Приготовления были недолги. Стальное Тело подошел к мексиканцу и спросил его об условиях.

— Мы станем по противоположным концам комнаты у самых стен и будем стрелять друг в друга, не двигаясь с места, до тех пор, пока один из нас не упадет мертвым.

— All right! — согласился ковбой. — А кто подаст нам сигнал?

— Я, я! — воскликнула Диана и, получив от обоих соперников благодарность за оказанную им честь, скомандовала: — По местам, господа!

Держась ровно и крепко, точно он и не прикасался к вину, Стальное Тело гордой и уверенной походкой подошел, звеня шпорами, к стене, обращенной на север и, повернувшись лицом к противнику, приготовил свои револьверы.

Мексиканец направился к своей позиции быстрыми и нервными шагами; его резкие движения выдавали клокотавшую в нем ненависть, возбужденную ревностью.

— Вы готовы? — спросила молодая женщина, когда они заняли свои места.

— Мы готовы.

— Разом!.. Пли!.. Раз!.. Два!.. Три!..

На мгновение воцарилась мертвая тишина, а вслед затем раздался выстрел, к удивлению присутствующих — единственный.

Не успело еще смолкнуть эхо выстрела, как послышался крик бешеной злобы, и гости поняли, почему выстрел был одиночным.

Оказалось, что в тот момент, когда дон Фернандо поднял свой револьвер и, прицелившись в соперника, готовился выстрелить, Стальное Тело выпустил свой заряд, не теряя, по своему обыкновению, времени на прицеливание.

Его пуля, направленная, тем не менее, с поразительной точностью, угодила в самое дуло револьвера, бывшего в руках мексиканца.

Удар был настолько силен, что искривил дуло, и оружие выпало из рук Фернандо.

— Сам дьявол сидит в этой ракалии! — бешено воскликнул мексиканец.

Стальное Тело расхохотался и обратился к нему своим насмешливым и в то же время внушающим трепет голосом:

— Эй, вы, там, не шевелитесь, если не хотите продырявить себе шкуру!

— Неужели вы станете стрелять в безоружного противника? — воскликнул полковник Диксон. — Взгляните, он не в состоянии держать оружие!

— Если вам угодно, займите его место, — резко оборвал Стальное Тело полковника. — Он сам поставил условие: стрелять друг в друга, не двигаясь с места, и до тех пор, пока один не упадет мертвым. Я пользуюсь своим правом.

Уверенный, что минуты его сочтены, Фернандо вытянулся во весь рост и, устремив на противника гордый взгляд, неподвижно стоял в ожидании смертельной пули!

— Так! Прекрасно! Смотрите же, не шевелитесь! — кричал ему Стальное Тело.

Присутствующие с изумлением смотрели на ковбой, ровно ничего не понимая.

— Не шевелитесь же, или вы погибли! — еще раз крикнул он Фернандо и стал палить в него, неподвижного и окаменевшего от изумления, из обеих револьверов разом правой и левой рукой.

Несколько секунд длилась эта пальба, наполнившая зал густым облаком дыма и невообразимым гулом.

К всеобщему удивлению, Фернандо продолжал держаться на ногах, бледный как мертвец, но нигде не раненный.

Стальное Тело спокойно заткнул за пояс свои револьверы и подошел к своему сопернику.

— Я мог бы вас убить, — сказал он ему, — но не хотел этого, так как никакой злобы к вам не питаю. Но следовало вам преподать урок за ваше слишком спесивое обращение, и потому я счел нужным вас «нарисовать».

С этими словами он обратил внимание гостей на стену, у которой стоял Фернандо, и все увидели на ней следы пуль, которые так близко облегали фигуру мексиканца, что некоторые из них задели его волосы, а другие отхватили лоскуты от его платья.

С недоброй улыбкой, будто недовольная, что обошлось без кровопролития, Диана подошла к стене и показала гостям, что, соединив черточками следы, оставленные пулями, можно получить силуэт Фернандо.

Затем она обратилась к молодым людям и сказала им.

— Поздравляю вас, господа. Вас, мистер Стальное Тело, за вашу ловкость, а вас, дон Фернандо, за то, что вы дали вашему противнику случай показать эту

ловкость. Завтра весь Денвер придет разглядывать эту стену. Ну, а теперь я прошу вас пожать друг другу руку, благо все кончилось благополучно.

Стальное Тело простодушно протянул свою руку, но Фернандо холодно подал ему два пальца, а затем отозвал его в сторону и сказал, причем в голосе его прозвучали ненависть и злоба:

— Вы меня унизили, осмеяли... Вы меня уничтожили в сердце той, которую я безумно люблю... Лучше бы вы лишили меня жизни! О, она далеко увлечет вас, эта тигрица с жемчужными зубами... эта сердцеедка... этот бич людей... Я оставляю вас между ненавистью и любовью... надеюсь, что вы будете раздавлены между ними. До свиданья! Вы узнаете скоро, что значит ненависть испанца!

После этого Фернандо удалился и исчез, а Стальное Тело, не ожидавший такой развязки, лишь пожал плечами и поспешил открыть бал с Дианой, так как музыка приглашала к кадрили.

Глава XXI

Проснувшись на следующее утро, Стальное Тело увидел перед собой лакея, держащего в руках поднос с утренним кофе, закуской и свежими газетами.

Не без труда ковбой припомнил все события вчерашнего дня: розовый обед, дуэль, танцы с Дианой, во время которых еще больше упрочилось их влечение друг к другу.

— Скажите, пожалуйста, дружище, у кого я нахожусь? — спросил он у слуги.

— Как, вы не знаете? Вы во дворце полковника Сайруса Диксона, банкира... знаменитого торговца золотом.

— Диксон... Диксон... Ах, да, он мне вчера откомендовался. Он, кажется, претендует на скромное звание Короля Золота?

— Да!.. Таких претендентов, впрочем, еще трое или четверо.

— А мистрисс Диана?..

— Она его дочь... Королева Золота! Она приказала поторопить вас с завтраком, так как минут через двадцать собирается на прогулку верхом и просит вас присоединиться к ней.

— С удовольствием.

Слуга ушел, а Стальное Тело быстро уничтожил завтрак, перелистывая газеты, столбцы которых были заполнены описанием его вчерашних подвигов, его портретами, биографией, в которой не было ни слова правды, и даже рисунком той части стены, где следы пули обозначили силуэт его противника.

Во дворе он увидел Диану в платье амазонки, а подлнее двух великолепных вороных скакунов, которых держали под уздцы двое конюхов.

Со свежим лицом, влажными губами и ясным взором своих прекрасных глаз утренняя Диана была, по обыкновению, очаровательна.

Вопреки ожиданиям Стального Тела, она встретила его равнодушно, почти холодно, что плохо вязалось с установившейся между ними накануне близостью.

Это еще больше разожгло его чувства к ней, на что она, как опытная кокетка, очевидно, и рассчитывала.

Во время прогулки они не обменялись ни словом, но зато взгляды их были красноречивее всяких фраз, и, как ни старалась молодая женщина казаться равнодушной, Стальное Тело видел, что она разделяет его страсть.

Они возвратились во дворец к обеду и провели все послеобеденное время до вечера в уединенной беседе. По настоянию Дианы Стальное Тело рассказал ей о всех кровавых подвигах своей жизни.

— Много людей убили вы на своем веку? — спросила она его с любопытством.

— Точно не знаю; после пятидесятого я бросил считать.

— О, это ужасно!

— Да, ужасно; но если бы вы знали, в каком аду мне приходилось жить! Я могу сказать в свое оправдание, что убивал, лишь защищая свою жизнь, и ни когда не злоупотреблял своей силой.

Диана свела незаметно разговор к теме любви, и Стальное Тело, околдованный жгучим взглядом ее прелестных глаз, весь отдался приятному времяпрепровождению, позабыв о цели своей поездки и обо всем на свете.

Вечером они вместе отправились в театр.

Их появление произвело там огромную сенсацию. Публика, знавшая по газетам о подвигах Стального Тела, так шумно выражала им свой восторг и уважение, что актеров не было слышно даже в первых рядах

Отвечая улыбками и поклонами на раздававшиеся со всех сторон крики, полные восторга, Диана и Стальное Тело не заметили, что двое зрителей, сидевших сбоку, в одной из лож партера, следили за каждым их движением.

Один из них был гигантского роста; в глазах его горела злоба; на его грубом лице виднелся огромный шрам, едва начинавший заживать.

Другой был ниже ростом, и тонкие, аристократические черты его лица можно было бы назвать красивыми, если бы они не были искажены бешеным гневом.

— Поклянитесь мне Фред, что вы его не убьете! — сказал он вполголоса гиганту.

— Клянусь, дон Фернандо, хоть мне страстно хочется скорее отправить на тот свет этого негодяя, который меня избил, унизил, осрамил...

Месть, мой друг, хороша лишь в том случае, если ею можно упиваться долгое время.

Меня все же бесит, что он в двух шагах от дула моего револьвера, а я не могу разmozжить ему головы.

— Несчастный! Эта толпа идиотов предала бы вас суду Линча, и через минуту от вас остались бы одни куски. Не беспокойтесь, нам скоро представится более удобный случай мести.

— Ладно, я подожду. Вполне полагаюсь на вас, дон Фернандо.

— Можете на меня рассчитывать, Фред, а теперь пойдемте в гостиницу и посоветуемся, что предпринять.

Глава XXII

Прошло несколько дней с тех пор, как Стальное Тело поселился в отеле Диксона, а между тем он ни разу не пытался серьезно поговорить с Дианой о деле, по которому приехал. Молодая женщина окончательно окружила ему голову. Она его пленила своей остроумной беседой, превосходным музицированием, своими нежными, пленительными ласками.

Ей нужно было подчинить себе его волю, обольстить его, и она тем лучше играла свою роль, что сама шныгувалась в своих собственных сетях.

Стальное Тело не задумывался о том, к каким последствиям может привести его страсть, и все больше и больше поддавался обаянию Дианы. Весь отдавшись

своему необузданному чувству, он и не заметил, как мало-помалу утратил свободу воли и превратился в послушное орудие в руках своей очаровательницы.

Прошла еще неделя, и между молодыми людьми установились самые близкие отношения.

Однажды вечером полковник ушел в театр, и они остались наедине.

Стальное Тело долгим взглядом созерцал прекрасное лицо Дианы, с трудом веря, что его любит это прелестное создание. Она обеими руками обняла его голову, покрывая ее поцелуями, и со страстью шептала ему:

— Я люблю тебя, я твоя! О, как я тебя обожаю! С первого же момента, как я тебя увидела там, на Золотом Поле, я почувствовала, что ты меня победил... Никого, никого в мире, кроме тебя, я не люблю... и ни когда не любила. Ты веришь мне. Скажи мне, что веришь... Я когда-то думала, что люблю. Выходила замуж... Я несколько раз шла под венец... Но потом убеждалась, что это ошибка, и разводилась.

Она смотрела на него взглядом, полным любви, нежно его ласкала и продолжала шептать с лихорадочной возбужденностью:

— Ты — тот идеал, которого я так долго и так тщетно искала. Да будет благословен тот день, когда я в первый раз увидела тебя, властвующего над всеми окружающими... Я искала тогда сокровища и нашла любовь.

— Какие сокровища, моя дорогая? — спросил машинально Стальное Тело.

— Ах, да... Ты еще не знаешь этого... Я тебе еще ни слова не говорила о себе и своей жизни, а между тем мне известно все, что касается тебя. Слушай же! Мне нечего от тебя скрывать, так как мы принадлежим друг другу и ничто в мире не может нас разлучить.

— Да, моя дорогая, — сказал Стальное Тело и поцеловал ее.

— Начну со своей биографии. Прежде всего могу тебя успокоить: тот грубиян-полковник, которому ты недавно воздал должное, вовсе не отец мне. Я дочь французского офицера, которого свела судьба с моей матерью во время мексиканской войны.

Он был самым красивым офицером французской армии, а моя мать самой красивой женщиной во всей Мексике. Они полюбили друг друга, и моя мать отдалась ему душой и телом.

Три месяца спустя войска были отозваны во Францию, и офицер уехал, оставив мою мать на произвол судьбы.

Она принадлежала к одной из родовитейших фамилий Мексики, но офицеру показалось недостаточным ее состояние.

Он, впрочем, добился своего. Женился на миллионерше и продолжал службу во Франции в чине полковника.

— Подлец! — произнес Стальное Тело.

— Когда я родилась, мать покинула родной дом и вышла замуж за десперадо, который занимался 20 лет своей профессией на Рио-Гранде. Способный, упорный и труде, не особенно разборчивый в средствах, он быстро разбогател и превратился в полковника Диксона, в Короля Золота.

Он меня любит за то, что я ему напоминаю мою мать, умершую, когда мне едва исполнилось десять лет. Он меня еще и ценит за то, что я знаю толк в его делах и безумно люблю золото.

— Вы любите золото? — спросил ее с неприятным чувством ковбой.

— Ужасно, до безумия, почти до болезненности.

— Это странно!

— Но я люблю его не из скупости. Я не коплю его и расточаю направо и налево без счета. Кроме того, не ценность его возбуждает во мне безумную страсть, а его внешний вид: я схожу с ума при виде золотого песка, самородков, слитков, драгоценностей, золотых медалей или монет...

Меня охватывает лихорадочная дрожь при прикосновении к золоту... Меня гипнотизирует блеск его...

При этом я страстная любительница всякого спорта. Потеряя... карты... пари... особенно игра на Золотом Поле, которая сулит миллионы или полное разорение, — вот та атмосфера, без которой я не могу жить.

Много миллионов прошло через мои руки, но еще больше я растратила на удовлетворение своих капризов и безумных прихотей... Мне хочется иметь его еще больше... еще и еще... без конца... У меня мания золота.

Меня прозвали Королевой Золота. Правильнее было бы окрестить меня Помешанной На Золоте.

Стальное Тело с интересом слушал необычную биографию Дианы и старался не прерывать ее исповеди,

которая давала ему возможность видеть ее таковою, какою она была на самом деле.

— Понятно,— продолжала Диана,— что меня сильно заинтересовала легенда об индейских сокровищах.

Я совершила несколько экскурсий по стране, собирая поверья и сказанья и изучая по памятникам местную историю. Таким образом, я пришла к заключению, что сокровища не миф, и даже предположила место, где они находятся.

С целью розыска их я поручила надежным людям организовать экспедицию, которая, к сожалению, ни к чему не привела. Меня это, однако, не обескуражило, и я снарядила вторую экспедицию, которую возглавила сама. Чтоб обеспечить на сей раз успех, я разослала по всей стране агентов и шпионов с тем, чтобы они всюду разыскивали касающиеся сокровищ сведения и документы, не отступая, в случае надобности, даже перед кражей последних.

В один прекрасный день двое из моих агентов принесли мне известия, которые привели меня в лихорадочный трепет. Они назначены были ходить по пятам за ранчмэном Монмартра.

Услышав последнюю фразу, Стальное Тело вздрогнул всем существом, но сразу взял себя в руки, и одно минутное волнение прошло для Дианы незамеченным.

— Этот человек,— продолжала она,— преследовал с большим упорством ту же цель, что и я. Он был смелее меня и нашел сокровища.

Сердце ковбоя сильно билось, но в лице его не дрогнул ни один мускул.

— Да, этот человек и слуга его негр видели эту гору золота... Секрет был в их руках... Они сделались обладателями баснословных сокровищ.

С тех пор у меня в голове гвоздем засела мысль любыми средствами присвоить себе эти богатства.

Ты слышишь друг мой: любыми средствами. Даже путем преступления, если в нем будет необходимость.

Цель оправдывает средства — таков мой девиз, и от него не отступлюсь.

Глава XXIII

Стальное Тело едва сдерживал волнение, выслушивая тайны, которые Диана ему поверяла. Он волновался, но его несколько не удивлял и не возмущал принятый ею принцип Макиавелли: цель оправдывает средства. Он освоился с ним.

Как и у всех пограничных американских бродяг, привыкших любой ценой удовлетворять свои разнузданные страсти, понятие о справедливом и несправедливом у него бывали иногда весьма расплывчаты.

— Да и преступление ли это, — продолжала Диана, — отобрать сокровища у мужлана-скотовода, продавца мяса... Кражу имущества, превышающего известную сумму, нельзя даже назвать кражей... Это скорее финансовая победа...

Грабителя, напавшего с оружием в руках на путника и отобравшего у него кошелек с сотней долларов, сажают на десять лет в тюрьму. Дельца же, похитившего среди бела дня сотню миллионов, не только не сажают за решетку, но еще и венчают славой, присматриваясь к его ногам.

Генерал захватывает целую область... Ему воздвигают памятники, имя его заносят в летописи, память его чтут, как героя.

Нет, моя совесть спокойна, что бы там ни пришлось сделать для достижения цели.

Эта мораль показалась бы Стальному Телу несколько циничной, если бы автором ее не было столь очаровательное существо. Диана на минуту прервала свою речь и осыпала его новыми ласками и поцелуями.

— Ну, а потом... что было потом? — спросил ковбой, всеми силами стараясь не поддаваться обаянию Дианы, которое затмевало его рассудок.

— Потом? Я составила отряд из десперадо, золотоискателей и ковбоев, готовых за хорошую плату идти и огонь и воду.

Официально предводитель их — дон Фернандо, безумно влюбленный в меня и добивающийся моей руки; на самом деле во главе отряда стою я.

Не думай, однако, что Фернандо знаком с тайной; и ему не доверила ни слова, хотя он считался моим женихом. Я доверяюсь тебе первому, тебе одному.

Нескольким людям из моего отряда, самым решительным и ловким, я поручила доставить мне во что

бы то ни стало обитателей Монмартр-ранчо, и они, воспользовавшись гостеприимством француза, напали на него врасплох в его же доме, связали и увезли вместе с его семьей...

Как ни владел собою Стальное Тело, он не мог удержаться от восклицания.

Диана нахмурила брови, слегка побледнела и почти угрожающе продолжала:

— Э, что это! Уж не слишком ли я с тобой откровенна? Уж не ошиблась ли я, подарив тебе свое доверие... и любовь? Разве мы не принадлежим друг другу?.. Что тебе с того, что я велела похитить этих людей и даже мучить и пытаться их, чтобы выведать у них тайну сокровищ. Ты разве знаком с ними?

— Нет, я их никогда не видел, но...

— Знаю, знаю... Ты взял на себя роль рыцаря и покровительствуешь их дочери, которая успела ускользнуть из моих рук вместе с негром. Но я не сержусь за это на тебя. Напротив, я этому рада, так как иначе не познакомилась бы с тобой. Ты тогда разрушил все мои планы, но зато создал мне счастье...

— Но каким образом я расстроил твои планы?

— Да очень просто. Ты помнишь, что тогда на Золотом Поле шла оргия. Эта оргия была устроена по моей инициативе: золотоискатели пили за мой счет. Праздник этот устроен был с целью отвлечь внимание золотоискателей, а мои люди тем временем перенесли на Золотое Поле француза и его супругу. Когда, спустя два дня после начала оргии, туда же пришла их инфанта с негром и попала в лапы золотоискателей, я думала этим воспользоваться, а как, ты догадываешься!

— Нет, не догадываюсь.

— Как мужчины недогадливы! Я показала бы французам их дочь в тот самый момент, когда ей грозила опасность стать игрушкой в руках пьяниц, и сказала бы им: «Выбирайте между сокровищем и честью вашей дочери!» Как раз в этот момент появился ты как гром с ясного неба и перевернул все вверх дном. Никогда, однако, не жила я такою полной и интенсивной жизнью, как в дни борьбы с тобой, и всегда буду благодарить судьбу, которая столкнула меня с тобой, мой идеал! Впрочем, твое появление на Золотом Поле окончательно испортило мое дело. Ранчмэн Монмартра и жена его в моих руках и через несколько часов откроют мне тайну, или же...

— Или же? — спросил Стальное Тело, стараясь казаться совершенно хладнокровным.

— Их ждет смерть от страшных пыток, которым и приказала их подвергнуть. Видишь, я от тебя ничего не скрываю. Ты теперь знаешь, кто я, каковы мои планы, намерения, желания; я перед тобой вся, как на ладони... Ты обещал мне свою поддержку и помощь и будешь отныне делить со мной и счастье, и несчастье... А теперь, мой любимый, приготовься к сюрпризу, который мне подсказала моя любовь.

С этими словами она нежно обняла Стальное Тело и вышла из комнаты, оставив его в догадках, что еще готовит эта женщина, демонический характер которой обнаружился перед ним только что в самой яркой форме.

Через полчаса она возвратилась в сопровождении длинного костлявого субъекта степенного вида, с выбритым лицом и длинным носом, увенчанным очками и золотой оправе.

Он был весь в черном и держал в руках книгу и черном шагреновом переплете с золотыми обрезам.

«Точно пастор!» — подумал Стальное Тело, и на лице его появилась тень, не предвещавшая ничего доброго.

Диана была на вершине блаженства и не заметила даже перемены, происшедшей в ковбое.

— Достопочтенный Гарнэр, пастор епископальной церкви! — отрекомендовала она священника.

— Мистер Эдуард Сильвер, — поклонился Стальное Тело, пронизывая незнакомца взглядом.

— Это жених? — спросил тот.

— Да, — ответила Диана.

— В таком случае, мы можем немедленно приступить к церемонии.

— К какой церемонии? — спросил Стальное Тело, и то время как пастор стал листать свою книгу.

— К церемонии нашего брака, мой любимый, мой дорогой!.. Ведь это и есть тот сюрприз, который я тебе обещала... Пусть наша любовь будет закреплена Богом...

Как громом сраженный этой чисто американской инантюрой, Стальное Тело стоял ошеломленный и смотрел то на пастора, то на Диану, не находя слов в ответ.

Избалованная всеобщим преклонением, необыкновенно богатая и ослепленная своей страстью, Диана не могла заподозрить и тени колебания со стороны

своего избранника. Она объяснила себе его волнение избытком счастья и ласково ему улыбнулась, как бы желая ободрить.

Рой мыслей пронесся в голове ковбой. Прежде всего его возмутило, что Диана хотела навязать ему духовный брак, не спросив предварительно его согласия. Затем его испугала мысль, что, вступив в брак, он навеки простится со своею неограниченною свободой и, главное, станет слепым орудием в руках Дианы, которая сделает его сообщником во всех своих темных деяниях. Этот брак был бы для него равносильен цепи... золотой, правда, цепи, но все же цепи.

«Как быть? Что предпринять?» — раздумывал Стальное Тело и, по своему обычаю, не особенно медлил с решением.

В мгновение ока подскочил он к двери, с силой оттолкнул стоявшего на пути пастора и, прежде чем Диана успела опомниться, со всех ног кинулся вниз по лестнице.

Видя, как Стальное Тело сбил с ног пастора, молитвенник и очки которого отлетели на несколько шагов, Диана в первое мгновение предположила, что ее возлюбленный внезапно сошел с ума, но тут же быстро сообразила, какую страшную обиду нанес ей ковбой, и, бросившись к окну, крикнула, что было сил.

— Заприте входную дверь!.. Не давайте никому выйти!.. На помощь!.. На помощь!..

Стальное Тело меж тем летел вниз как стрела. На нижнем этаже он увидел перед собой огромную фигуру атлета-швейцара, преградившего ему путь. Сложившись, ковбой ринулся на него головой вперед — прием, которому он научился у бретонских моряков. Удар пришелся в верхнюю часть живота, и колосс, как подкошенный, свалился на землю, не издав ни звука.

Со всех сторон сбежались слуги, встревоженные криками своей госпожи и электрическими звонками.

«Я прорвусь!» — убеждал себя Стальное Тело. Он выскочил во двор, освещенный, как днем, снопами электрического света.

— Остановитесь!.. Остановитесь, или я вас убью! кричала ему Диана, стоя у окна и прицеливаясь в него из револьвера крупного калибра, который она успела снять со стены своего будуара, похожего на оружейную комнату.

Ковбой продолжал бежать очертя голову и был уже у самого выхода, когда Диана, вся красная от волнения, спустила курок.

— Ты должен быть моим... Навсегда... или тебе смерть!.. — шептала она.

Глава XXIV

Стальное Тело сделал порывистое движение и покличнулся.

— Ранен... — пробормотал он. — Однако это демон, а не женщина... Уж не думает ли она такими приемами развить во мне вкус к брачной жизни?..

Он был на улице и не сомневался, что за ним будет послана погоня, так как Диана не настолько инстинктивна, чтоб оставить в живых или на свободе человека, с которым поделилась самым сокровенным.

Необходимо было скрыться. Но куда?.. Бежать по улицам нечего было и думать, так как его знали в лицо все жители города, благодаря его дуэли с Фернандо, и преследователи без труда нашли бы его.

Все это он сообразил в одну секунду.

Вдруг ему пришла в голову счастливая мысль.

Перед дворцом на площади по всем направлениям сновали электрические трамваи.

Он вскочил на платформу проходившего мимо вагона и забился в наименее освещенный угол.

Между тем рана давала о себе знать. Стальное Тело ощущал острую боль в спине и сильную слабость. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы узнать, не затронуты ли легкие.

— Ну, опасность не велика. Пустяки!.. — успокоил он сам себя, убедившись, что легкие не задеты, и плотно прижался спиной к стенке вагона, чтобы задержать кровотечение.

После нескольких остановок, во время которых пассажиры мало-помалу все покинули вагон, трамвай переехал предместье Денвера и остановился. Здесь кончалась линия.

Стальное Тело медленно, пьяной походкой вышел из вагона.

«Малый хватил через край!» — подумал кондуктор, видя, как ковбой, покачиваясь, скрылся во мгле ночи.

Вокруг было пустынно, и лишь вдали виднелось несколько домов, стоявших особняком.

Стальное Тело не хотел возвращаться в город, а решил как-нибудь добраться до ближайшей железнодорожной станции и возвратиться на Монмартр-ранчо.

Это, однако, трудно было исполнить, так как обильное кровотечение совершенно лишило его сил.

Он увидел перед собой большую стену, одиноко стоявшую среди пустынного места. Чувствуя, что у него подкашиваются ноги, он растянулся на земле у стены и напряг всю свою волю, чтоб не впасть в обморочное состояние.

«Недурно, недурно она меня угостила, — думал он, припоминая события последних дней. — Впрочем, я этого вполне заслужил. Бедная Лизон! И как у меня хватило духу изменить ей, доброй, ласковой, любящей!.. Я был сам не свой... Она меня околдовала, эта красавица Диана!.. Ведь я по-прежнему люблю Лизон, я ее обожаю...»

Его мысли были прерваны едва слышными стонами, исходившими как будто из-под земли; нужно было обладать острым слухом дикаря, чтоб уловить их.

Стальное Тело затаил дыхание и стал прислушиваться, прильнув ухом к земле. Сначала не слышно было ни звука, но несколько мгновений спустя до ушей его донесся неясный шум, прерываемый стонами.

Ему почудилось, что кто-то зовет о помощи, и он, не задумываясь, решил ответить на призыв, не заботясь о своей ране.

Как ни короток был отдых, он восстановил силы ковбоя.

Стальное Тело вскочил на ноги, осмотрел свои револьверы и обошел стену, ища вход в жилище, со всех четырех сторон окруженное высокими голыми стенами, из-за которых выглядывали лишь ветви деревьев.

Поиски его увенчались наконец успехом: он наткнулся на небольшую дверь и, нащупав кнопку электрического звонка, надавил ее.

Никакого эффекта. Он надавил еще и еще раз, но никто не появлялся.

«Одно из двух: или звонок испорчен, или дом необитаем», — решил Стальное Тело и стал обдумывать способ перебраться через стену.

Способ нашелся сразу. Он снял с себя длинный и широкий шерстяной пояс, обмотанный вокруг талии, привязал к концу его револьвер, не найдя вокруг дру

того подходящего предмета, и швырнул этот метательный снаряд таким образом, что он обвился вокруг метви, нависшей над самой стеной.

Резкое движение вызвало у Стального Тела крик боли, но зато лестница была готова.

Перелезть через стену было бы для него делом одной минуты, если бы не пуля в плече. Теперь же ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы исполнить намерение. Сжав зубы, обливаясь кровью и холодным потом, взобрался он на дерево и спустился по стволу на землю, отвязав предварительно свой пояс.

Очутившись во дворе, он несколько минут лежал, собираясь с силами, а затем встал, опоясавшись и пошел по направлению к дому, силуэт которого выделялся в темноте.

Дорожка, усыпанная песком, привела к входу в дом, вокруг которого распространялось благоухание невидимых в темноте роз.

Стальное Тело попытался открыть двустворчатые высокие двери, но они не поддавались. Он обошел дом и увидел на боковом фасаде, над самой землей, небольшие окна, очевидно, из кухни.

Ковбой собирался уже вновь растянуться на земле и отдохнуть, как явственно услышал глухие удары, сопровождаемые жалобными стонами и хрипением.

Стальное Тело было мало чувствителен к опасностям и своим собственным страданиям, но горе и муки других его глубоко трогали.

Исходившие из-под земли стоны и вздохи причиняли ему невыносимое страдание, и он, позабыв про свою рану и слабость, решил, во что бы то ни стало помочь несчастной жертве.

Он вышиб ногой оконное стекло, открыл раму, пролез в него ногами вперед и спрыгнул на пол, причем сотрясение отозвалось в его ране, причинив страшную боль.

Стоны послышались ближе.

Стальное Тело зажег спичку и убедился, что не ошибся: помещение это было кухней, великолепно обставленной. Он поднес спичку к стоявшему на одной из полок фонарю и при свете его увидел в глубине кухни небольшую железную дверь, которая, как следовало полагать, вела в погреб.

Как и все раненные, ковбой испытывал мучительную жажду и стал искать воду. Но каково было его удив-

ление, когда он не нашел в кухне ни капли этой спасительной влаги!

Меж тем стоны и вздохи слышались совсем близко, и не было сомнения, что они исходят из глубин погребов.

Стальное Тело не без труда открыл железную дверцу, захватил с собой фонарь и, пошатываясь, спустился по каменной лестнице в подполье.

Когда он очутился в погребе, у него вырвался крик гнева и сострадания:

— О, несчастные страдальцы!

Мужчина и женщина, лежа на гнилой соломе в трех-четырех шагах друг от друга, с мольбой протягивали к нему руки. Прикованные длинной железной цепью к противоположным стенам погреба, они не могли даже пожать друг другу руки.

Их изможденные лица и потухшие глаза свидетельствовали об ужасных, невыносимых страданиях.

При виде ковбоя женщина поднялась на колени, но тотчас же бессильно опустилась на свое зловонное ложе. Мужчина собрал последние силы и глухим изнемогающим голосом прохрипел:

— Воды... умоляю вас... Воды!

Ковбоя охватила дрожь.

Воды! Но именно воды и не было в этом проклятом доме... А меж тем несколько капель ее могли бы вернуть жизнь несчастным.

— Воды... о, воды... Вот уже десять дней, как нам не давали пить...

Десять дней! Стальное Тело содрогнулся при мысли о пережитых ими муках, а ведь самые тяжкие лишения были ему нипочем.

— Я сделаю все, что будет в моих силах! — сказал ковбой и, спотыкаясь на каждом шагу, поднялся по лестнице в кухню и возобновил поиски воды.

Лишний труд! Нигде ни росинки.

Он уже готов был упасть без чувств от слабости и жажды, но у него мелькнула надежда найти воду во дворе, и он, собрав остаток энергии, подставил к окну, через которое проник в кухню, стул и выглянул наружу.

Едва волоча ноги, он сделал несколько шагов по тропинке между двумя клумбами, и вдруг — о, радость! — он разглядел в темноте блестящую поверхность.

довольно широкого бассейна, на которой покачивались две белые фигуры — вероятно, лебеди.

Стальное Тело, мучимый лихорадкой, бросился на-измель у самого резервуара и жадно стал поглощать мутноватую воду.

Утолив жажду, он сразу почувствовал себя бодрее.

Неподалеку от бассейна он увидел цинковую лейку, позабытую здесь, очевидно, садовником.

В один момент он наполнил ее водой, подбежал к окну и спустился в кухню.

— Мужайтесь, мужайтесь! Вот вода! — кричал он несчастным узникам, спускаясь по лестнице в погреб.

В ответ последовало два радостных восклицания, какими потерпевшие крушение приветствуют показавшийся на горизонте парус — предвестник спасения.

Стальное Тело налил воду в чашки, захваченные им с собой в кухне, и напоил узников.

— Еще!.. Еще!.. — просили они, выпивая чашку за чашкой.

Боясь, как бы они не причинили себе вреда, молодой человек уговорил их воздержаться и не пить слишком много.

Из всех мук едва ли не самая тяжелая — жажда. Но зато стоит утолить ее, и мук как будто не бывало.

Напившись, узники почувствовали себя несравненно лучше и в самых трогательных выражениях благодарили своего спасителя.

Они рассказали ему, как их привезли сюда ночью и закрытой карете и приковали на цепь!

— Знаете, чем мы питались все эти десять дней? — спросил его мужчина. — О, вы никогда не угадаете! нас все время кормили... вареньем.

— Мне знаком этот род пытки. Мексиканцы, перуанцы, чилийцы и другие народы испанского происхождения очень часто к нему прибегают. Нет ничего ужаснее режима, состоящего из одних сахаристых веществ при полном отсутствии воды.

— О, да, ничего ужаснее этой пытки нельзя придумать. Когда мы прибыли сюда, нас страшно мучил голод, и между тем нам не оставили ничего, кроме варенья из гуавы, самого приторного и сахаристого.

Не имея другой пищи, мы вынуждены были есть варенье, чтоб обмануть как-нибудь голод. Можете себе представить наш ужас, когда мы заметили, что палачи не оставили нам ни капли воды. Начались страшные мучения!

На другой день нам принесли лимонное варенье, потом ананасовое желе, потом желе из айвы...

Что это были за страдания!..

В варенье достаточно питательных веществ, чтобы сохранить человеку жизнь и сознание: тем ужаснее были наши испытания.

Глаза, рот, внутренности, все тело горело огнем. Мы рычали как дикие звери с утра до ночи... потеряли счет времени... не знали, где мы и кто наши преследователи...

Вода!.. Вот единственное слово, бывшее у нас на устах. Вода!.. — единственная мысль, на которую были направлена вся умственная деятельность. Нашему болющему воображению чудились реки, фонтаны, источники, и галлюцинации эти еще усиливали наши муки.

Я не знаю, как мы выжили эти десять дней. Еще пара часов, и мы погибли бы. Вы пришли вовремя.

Несчастный говорил торопясь, сбиваясь, проглатывая окончания слов, и сопровождал свой рассказ лихорадочными жестами, словно помешанный.

Состояние женщины было еще хуже; ее необходимо было накормить и подкрепить вином.

Узник перевязал Стальному Телу рану, и ковбой почувствовал себя значительно лучше. Он поклялся довести до конца свое доброе дело: дать несчастным свободу и позаботиться об их выздоровлении.

Сначала он попробовал разбить их цепи заступом, но оставил попытку, убедившись, что они выкованы из отличнейшей стали.

— А, мошенники, — ворчал он, — оглядывая цепи, они хорошо знают тюремное дело.

— О, Господи, что с нами будет? — застонала женщина.

— Будьте спокойны: не все еще потеряно, — утешил ее ковбой. — Часа через два, как только я отдохну, я отправлюсь в Денвер и достану там несколько пилон, спиртовую лампочку и паяльную трубку. Посмотрим, выдержит ли цепь! В следующую же ночь вы будете на свободе!

— О, как это долго... как бесконечно долго... стонала женщина. — А что, если они опять придут... если заметят, что здесь кто-то был...

— Не беспокойтесь, я уничтожу все следы.

Несмотря на внешнюю грубость, Стальное Тело обладал нежным, отзывчивым сердцем и глубоко со-

чувствовал этим несчастным, измученные лица которых инушали ему глубокую симпатию.

После короткого отдыха он зарыл в песок несколько бутылок воды, так чтобы узники могли при желании ими воспользоваться, и, горячо пожав им на прощание руки, заверил, что вернется к ним не позже, чем через сутки.

Он был уже на лестнице, как вдруг, вспомнив что-то, возвратился и, протягивая узнику один из своих револьверов, сказал:

— Он заряжен. Если в мое отсутствие кто-нибудь сюда придет, защищайтесь.

— Благодарю вас. Теперь я спокоен.

Стальное Тело поднялся из погребца на кухню, поставил стул к окну и хотел было пролезть во двор, но вместо окна перед ним зияла гладкая, неподвижная, как стена, поверхность.

Он соскочил со стула, поднял над головой фонарь и испустил крик изумления и досады.

Пока он был в погребе, кто-то замуравал окно: он очутился в западне.

Глава XXV

Стальное Тело, покидая Монмартр-ранчо, словно унес с собой душу Лизон.

Никогда одиночество так не угнетало молодую девушку, хотя и тяготело над ней со дня разлуки с родителями.

Как ни тяжела была для нее потеря родных, присутствие нежного самоотверженного друга все же смягчало ее горе, а вспыхнувшая молодая любовь не давала ей впасть в отчаяние. Она придала ей новую неведомую силу и внушила твердую надежду на светлое будущее.

Лизон тщетно ждала вестей от любимого друга, принужденного так внезапно с ней расстаться. Стальное Тело не подавал никаких признаков существования, и в сердце девушки закралась смутная тревога. Она трепетала при мысли, что с ним могло случиться что-нибудь недоброе.

Со времени возвращения Лизон в Монмартр-ранчо ковбои и особенно индейцы Черного Орла охраняли ее как зеницу ока.

Ни днем, ни ночью никто из посторонних людей

не мог приблизиться без того, чтобы еще за несколько
лье от фермы не наткнуться на верную охрану.

Недели две спустя после отъезда Стального Тела
Колибри и Жако-Канадец охотились за дикими индю-
ками неподалеку от фермы, как вдруг заметили метри-
в трехстах всадника, едущего по направлению к Мон-
мартр-ранчо.

— Стой!.. Куда путь держите? — крикнул ему
Жако во всю силу легких.

Всадник продолжал свой путь, не удостаивая Жако
даже взглядом.

Канадец, не любивший шутить, остановил коня,
приложил к плечу винчестер и с быстротой молнии
спустил курок.

Пуля угодила в самый висок лошади, и она как
подкошенная упала на землю.

— Bravo, мой Жако! — воскликнула Колибри, вос-
хищаясь меткостью выстрела на таком почтительном
расстоянии.

Всадник успел соскочить из седла на землю, выти-
нув вперед руки с парой револьверов.

Колибри свистнула, и обе лошади, великоленно
дрессированные, тотчас же улеглись в высокой траве,
которая их совершенно скрыла из виду для незна-
комца.

Жако и Колибри оставили коней и, извиваясь, точно
змеи, в траве поползли по направлению к всаднику.

Последний, очевидно, хорошо был знаком с приема-
ми дикарей и не сомневался, что где-нибудь из-под
травы на него глядят дула карабинов, и потому терпе-
ливо ждал развязки.

— Руки вверх, дружище! — раздалась команды
совсем близко от него.

Всадник бросил револьверы на землю и послушно
поднял руки вверх.

Жако и Колибри вскочили на ноги в пяти шагах
от него, все еще держа ружья наготове.

— Великолепная работа, дружище, — сказал Канад-
цу незнакомец, — но вы напрасно убили мою несчаст-
ную лошадь; я и не думал скрываться.

Колибри узнала всадника и воскликнула:

— Это Фред с Золотого Поля.

— Черт возьми, да ведь это тот самый молодец,
которого пометил шпорой Стальное Тело!

— Да это я, — сказал Фред. — Но на сей раз я при

шел не как враг, а как друг, — прибавил он, стараясь по возможности смягчить свой грубый голос.

— Что вам угодно?

— Мне нужно поговорить с барышней из Монмартр-ранчо и передать ей этот пакет. Не можете ли меня проводить к ней?

— Проводить вас в Монмартр? Ладно. Но с условием, что вы передадите мне ваши револьверы.

Фред отдал ему свои револьверы, взвалил на плечи свой небольшой тюк, и они отправились к ферме.

Колибри хотела предупредить Лизон о неожиданном визите их преследователя, но не успела. Молодая девушка, услышав топот лошадей, вышла им на встречу.

Увидев Фреда, она сразу же узнала его и побледнела.

С Фредом случилось тоже нечто необычное. Этого гиганта, вылитого, казалось, из чугуна, охватило волнение, которое абсолютно не вязалось с его внешностью.

Бледный, с выступившим на лбу потом и трясущимися руками, он стоял, не смея поднять глаза на хрупкую молодую девушку.

Неловким движением обнажил он перед ней голову и пролепетал робким, исполненным благоговения голосом:

— Я испугал вас, мадемуазель... Простите... Жако-Канадец и Колибри знают, что я пришел сюда не в качестве врага. Напротив... Не бойтесь меня... Я предан вам душой и телом. Честное слово!..

Лизон слушала его прерывающиеся слова и не могла прийти в себя от изумления. Она не узнавала в нем то пьяное животное, того хищного зверя, каким он показал себя на Золотом Поле.

— Вы хотите говорить со мной? Войдите... Я вас выслушаю, — сказала она ему, стараясь скрыть инстинктивный ужас, внушаемый ей этим человеком.

— Я войду тоже! — сказала решительно Колибри.

Лизон кивнула головой в знак согласия.

— Вы опасаетесь меня, — сделав над собой усилие, сказал колосс. — Да, вы правы: после печальных событий на Золотом Поле вы не можете от меня ждать ничего хорошего.

Они втроем вошли в гостиную, и Лизон указала ему на кожаный стул.

— Говорите, я вас слушаю,— обратилась она к нему своим приятным голосом.

Он глубоко вздохнул и, подбирая более менее изысканные выражения, чтоб не оскорбить как-нибудь ее слуха, начал:

— Мадемуазель, я — бандит, это верно, но я, по-своему, честен... если я убивал, то никогда не обкрадывал убитого... Я вел себя по отношению к вам, как негодяй, но я тогда себя не помнил: адские напитки Джошуа отняли у меня рассудок... Я говорю это не для того, чтобы извиниться, а чтобы вы знали, что в трезвом состоянии я не способен на такие мерзости... С той поры я не пью ничего, кроме чистой воды, и, клянусь, никогда не дотронусь до спиртных напитков. Я стораю от стыда при воспоминании о своем поведении на Золотом Поле... после того, как вы молились на могиле моего брата Бэна... Вы были похожи тогда на ангела, спустившегося в ад.

Искренний тон Фреда поневоле тронул Лизон, и она смотрела на него уже не с таким страхом.

— Я рада, что вашей душе доступны такие чувства. Охотно прощаю вас за горе, которое вы мне причинили.

Авантюрист вздохнул с облегчением, и на его глазах, широких и прозрачных, как у бизона, выступили слезы.

— О, я заслужу это прощение... Вы увидите... Вы увидите... Я расскажу вам все... Она хотела, чтобы и продолжал пить... чтобы меня легче было таким образом подбить на преступление. Она хотела, чтобы и похитил вас...

— Пусть бы попробовали,— прервала его Колибри.— Знайте, что Лизон охраняют пятьсот охотников за черепами, двадцать пять ковбоев, Жако и я...

— Я рад... Я очень рад...

— Если мой отец Черный Орел захочет,— продолжала она высокомерным тоном,— то завтра же здесь будут еще полторы тысячи индейцев и пяти сотен ковбоев.

— Не теряйте времени, соберите всех,— говорил Фред,— а главное, не притупляйте ни на минуту своей бдительности. Я боюсь, мисс Лизон, как бы другим не поручили то, от чего отказался я... Они могут напасть целым отрядом... Она хочет вашей смерти... Это настоящий демон... Она поклялась... Вы бы при

или в ужас, если бы знали, какими она располагает средствами...

— Она!.. Да кто она? — нетерпеливо спросила Лизон, у которой болезненно сжалось сердце.

— Та, перед которой не может устоять никто... Амазонка с Золотого Поля... Та, которую зовут Дианой, Королевой Золота...

— Я не боюсь ее, — сказала Лизон, поднимаясь и сделав энергичный жест рукой.

Фред колебался, не решаясь нанести ей удар в самое сердце, но его ненависть к Стальному Телу победила жалость, и он сказал глухим голосом:

— Уверены ли вы в этом?

— Да, потому что она против меня бессильна. Кроме того, я умею защищаться.

— Даже если б она лишила вас... того, кого вы любите? Да... Стальное Тело в ее власти... она его околдовала... Он не покидает ее ни на минуту... Ходит за ней, как тень... Она вскружила ему голову.

У Лизон до боли сжалось сердце и потемнело в глазах.

Но она тотчас же взяла себя в руки и воскликнула:

— Вы лжете... Вы лжете... Вы клеветеете на отсутствующего... Будь Стальное Тело здесь, вам дорого обошлись бы ваши слова!

— Я знаю, что мне не следовало говорить вам этого... Но моя ненависть сильнее меня... Стальное Тело — мой злейший враг... Я ненавижу его всей душой... Но лучше бы он тысячу раз оскорбил меня, чем доставил такое горе вам...

При этих словах Фреда, которые звучали искренне, Лизон еще больше побледнела и сказала упавшим голосом:

— Докажите... Докажите, что это правда!

Фред поспешно перерезал веревку, которой был перевязан принесенный им пакет, развернул несколько листов упаковки и вытащил целую грудку иллюстрированных журналов.

Там было несколько сот номеров различного формата. В заголовки огромными буквами были вынесены надписи вроде следующих: «Подвиги ковбоя», «Стальное Тело — Король Прерий», «Розовый обед у мистрисс Диксон», «Стальное Тело — Король Револьвера и Диана — Королева Золота», «Самая красивая парочка Соединенных Штатов», «Помолвка Дианы и Стального Тела».

Текст сопровождался множеством иллюстраций, в которых черты лица Дианы и Стального Тела переданы были с изумительной точностью. Это были гравюры, сделанные по снимкам моментальной фотографии.

Лизон не могла оторвать взгляда от иллюстраций. С болью в сердце узнавала она Стальное Тело в различных позах, фигурирующего повсюду с счастливой улыбкой на устах рядом с этой проклятой женщиной, чудесная, несравненная красота которой поражала даже на портретах.

Ревность, гнев и тоска все сильнее обуревали душу Лизон по мере того, как она перелистывала журналы.

Значит, верно, что он ее так низко и бесстыдно предал... Тысячи, сотни тысяч людей знают теперь о его любви, которую он так бессовестно выставлял напоказ... А его клятвы в вечной любви!.. «Самые красивые новобрачные в Соединенных Штатах». Она несколько раз перечитала эти слова, которые жгли ей губы и рвали на части сердце.

Она не проронила ни слова, напрягла всю энергию, чтобы сдерживать рыдания, и боялась двинуться с места, чтоб не упасть без чувств.

Все ее существо было исполнено горечи. «Прелестная Диана и непобедимый ковбой Стальное Тело под венцом», — прочитала она в последнем номере, и глаза ее, как сквозь туман, различали иллюстрацию, в которой изображалась Диана в декольтированном платье и Стальное Тело в своем живописном костюме ковбоя, стоящие перед пастором, уткнувшим нос в молитвенник.

...Женат... Женат на другой... Он, спасший ее, рискуя жизнью... зажегший в ней первую любовь... клявшийся ей в вечной любви!..

Она забыта, покинута, поругана...

А между тем только пятнадцать дней прошло со времени его отъезда.

Лизон чувствовала себя погибшей, уничтоженной.

Она собрала последние силы, вытянулась во весь рост перед Фредом и с твердостью сказала ему:

— Вы сослужили мне ужасную службу! Как бы то ни было, благодарю вас! Мой дом к вашим услугам. Жак позаботится о вас!

С этими словами Лизон холодно ушла в свою комнату в сопровождении Колибри.

Там она, рыдая, упала в объятия подруги и прошептала убитым голосом:

— О, Колибри, как я страдаю... Уж лучше бы смерть!..

Глава XXVI

Очутившись взаперти, Стальное Тело сначала пришел в страшный гнев и, как раненый тигр, стал метаться из угла в угол. Однако вскоре он успокоился и стал обдумывать план действий.

В первый момент он хотел разрушить стену, выросшую, как по волшебству, перед окном, но он отказался от этой мысли. Ясно было, что снаружи кто-то сторожит, и было бы безумием подставить свою голову под пули или дать взять себя живым.

Стальное Тело решил, что благоразумнее всего терпеливо ждать. Возвращаться к узникам он не хотел, боясь неприятной вестью разрушить их надежду на скорое освобождение.

Он подвинул к входу большой деревянный стол, стоявший посреди кухни, и улегся на нем.

«Я убью сразу двух зайцев,— подумал он,— и отдохну, и буду настороже».

Ждать пришлось довольно долго.

Стальное Тело отдыхал; как солдат на бивуаке: он дремал, прислушиваясь к малейшему звуку.

Едва заметный луч света, падавший сквозь полированное матовое стекло в потолке кухни, известил о наступлении утра.

Добрых четыре часа прошло в глубокой тишине; ни один звук извне не нарушил безмолвия.

Вдруг послышался легкий шорох.

«Идут!» — подумал Стальное Тело и насторожился.

Он бесшумно соскочил на землю, тихонько взвел курок револьвера, положил его на край стола, чтобы был под рукой, и, сдерживая дыхание, притаился у двери.

Кто-то легкими шагами подошел к двери, осторожно вложил в замочную скважину ключ и беззвучно повернул его.

Дверь приоткрылась, и в отверстие просунулась рука, вооруженная револьвером.

Прошло несколько секунд.

Успокоенный тишиной, неизвестный человек, согнувшись дугою, стал осторожно продвигаться в комнату, готовый выстрелить при первой необходимости.

Вот он заметил Стальное Тело. Но ковбой не дал ему опомниться; он быстро схватил вооруженную руку незнакомца и сжал ее с такой силой, что револьвер выпал из руки. В тот же момент другой рукой он схватил его за горло и привлек к себе. Все это заняло не более двух секунд.

— Смотри-ка! — воскликнул насмешливо Стальное Тело. — Да ведь это не кто иной, как великолепный полковник Сирус Диксон. Здравствуйте, полковник!

Полковник, еще не успевший прийти в себя после стычки с ковбоем, перевел дух и, как ни в чем не бывало, вступил с ним в беседу.

— Алло, это вы, Стальное Тело? — сказал он.

— К вашим услугам!

— Как я рад, что именно вы, а не кто иной открыл секрет этого дома...

— Я очень польщен!

— И людей, которые заключены здесь...

— Вдвойне польщен!

— Шутки в сторону. Предлагаю вам сделку. Двести тысяч долларов, если вы согласны помочь мне выжать из этих людей секрет сокровищ.

— Каких сокровищ?

— Для вас это должно быть безразлично. Я предлагаю вам двести тысяч. Миллион франков на французские деньги. Согласны?

— Нет, — коротко ответил ковбой.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу... то есть я требую, чтобы вы немедленно освободили несчастных, которых так зверски пытаете.

— А если я откажусь?

— То я вас подвергну пытке еще пострашнее.

— Попробуйте.

Стальное Тело, ни слова не говоря, повалил полковника на пол, связал его по рукам и ногам, всунул ему в рот кляп из платка и приготовился к одной из страшных пыток, употребляемой индейцами.

Вдруг ему в голову пришла счастливая мысль исследовать карманы полковника.

Сказано — сделано.

Он извлек несколько деловых бумаг, кошелек и связку ключей. Схватив ключи, он засветил фонарь и бросился в погреб.

— Вы! Это вы, дитя мое? — радостно воскликнула женщина.

— Да, быть может, вы сейчас освободитесь,— ответил он ей, с трудом сдерживая волнение.

Он осмотрел замок на кандалах и, выбрав самый меньший ключ, прошептал:

— Кажется, этот. Да, он подходит.

Два поворота ключа — и железное кольцо, охватывавшее стан женщины, со звоном упало на землю вместе с цепью.

— Свободна... Я свободна... О, дитя мое! Дорогое дитя... Да благословит вас судьба!

Слезы счастья и благодарности брызнули из ее глаз.

— Сударыня, вы преувеличиваете оказанную вам услугу,— смущенно проговорил ковбой, освободив от цепей и ее мужа.

Пока оба супруга в объятьях друг друга плакали от счастья, Стальное Тело возвратился в кухню и, прихватив полковника, точно сверток, под мышку, перенес его в погреб.

Несчастные узники, едва державшиеся на ногах, признали в нем своего палача.

Ни слова не говоря, ковбой бросил полковника на кучу гнилой соломы, изладил вокруг его пояса железное кольцо и, повернув дважды ключ в замке, вынул у него изо рта кляп и перерезал связывавшие веревки.

Полузадушенный полковник лежал без движения, ничего не видя, не слыша и не чувствуя.

— Воображаю, какую он скорчит гримасу, очнувшись! — весело сказал ковбой.

После этого узники, с трудом передвигая ноги, покинули вслед за своим освободителем проклятый дом.

— Что вы теперь думаете предпринять? — спросил их Стальное Тело.

— Нам бы денек отдохнуть... чего-нибудь поесть... и выпить несколько чашек чаю, чтоб утолить эту адскую жажду.

— Все это легко исполнимо,— улыбнулся ковбой.— Ну, а затем?

— Как можно скорее возвратиться домой... Узнать, что случилось с нашей девочкой... с нашим честным добрым слугой...

Стальное Тело давно, уже подозревал, что судьба свела его с родителями Лизон. Присутствие в этом доме полковника Диксона укрепило его в этой мысли. Желая

убедиться в том, что догадки его правильны, он спросил дрожащим от волнения голосом:

— Далеко ли отсюда ваше жилище?

— Оно находится в южной части Staked-plain'a. Оно называется Монмартр-ранчо.

— О, Боже, — воскликнул Стальное Тело, — значит, я не ошибся! Вы — господин и госпожа Дэрош?

— Да!.. Да!..

— Отец и мать Лизон?

— Да!.. Но откуда вы это знаете?

— После... после... Скажу вам только, что Лизон на свободе. Не беспокойтесь за нее... Она в Монмартр-ранчо и в полной безопасности.

— Лизон спасена!.. Лизон спасена!.. О, какое счастье! Вы — наш ангел-хранитель!..

Они были у самой калитки, которую Стальное Тело без труда открыл одним из ключей. Он взял под руки обоих супругов, которые едва держались на ногах, и они вышли на улицу.

Ковбой остановил первую проезжавшую мимо карету и, усадив родителей Лизон, дал кучеру адрес одного из своих друзей, проживавших в Денвере.

Карета покатила, и друзья, отдавшись всецело радостному чувству, не обратили внимания на стоявший неподалеку от проклятого дома небольшой кэб, который последовал за ними.

Глава XXVII

Выстрелив наудачу в беглеца, Диана отскочила от окна назад и, побледнев, прошептала:

— Если он убит, я покончу с собой!

Такова логика женщины.

Она вздохнула с облегчением, когда очнувшийся от удара швейцар поднялся к ней и объявил, что проклятый ковбой успел скрыться.

— Я найду его во что бы то ни стало! — решили она. — О, как я люблю его, неблагодарного!

Священнослужитель подобрал свои очки и Библию и что-то бормотал.

Она вручила ему несколько золотых монет, говоря:

— Жених был не совсем трезв... Вы обвенчаєте нас в следующий раз... Теперь же ни слова о случившемся!

Он дал слово хранить все в секрете и вышел.

Оставшись одна, Диана стала обдумывать, что ей делать и, после краткого размышления, спокойно села за письменный стол и быстро написала несколько строк.

«Выгодное предложение, — читала она вполголоса написанное. — Две тысячи долларов всякому, кто даст точные и достоверные сведения относительно происхождения и детства Неда Сильвера, называемого Стальным Телом. Одна тысяча долларов тому, кто укажет, где находится в настоящее время Стальное Тело. С сообщениями обращаться по адресу: Корнелиус Фьельд, штале-мастер, Windsor Hôtel, Денвер».

Затем она подошла к телефону и позвонила:

— Allô... Allô... Соедините с Windsor Hôtel. Allô!.. Это вы, Корнелиус?.. Хорошо... Вы одни?.. Превосходно!.. Пишите под мою диктовку.

И она продиктовала ему объявление.

— Разошлите это немедленно в редакции главных журналов, — прибавила она. — Дайте при этом точные приметы Стального Тела... Да... Он бежал... Не прерывайте меня. Все ваши люди должны быть готовы к экспедиции... Следите внимательно за домом... Вы все поняли? Хорошо... Спокойной ночи!

Сделав эти распоряжения, Королева Золота прилегла на софе и только теперь стала размышлять о том, почему же Стальное Тело покинул ее.

«Неужели он меня не любит? — думала она. — Неужели он предпочел мне молоденькую француженку? Это весьма возможно, так как девушка очень хороша. Я ей этого не прощу; она дорого заплатит за это!»

Было уже очень поздно, но Диана, несмотря на страшную усталость, не могла уснуть.

«Мне, однако, необходим отдых, — решила она. — Сон поддерживает энергию».

Диана позвонила горничной и приказала ей разбудить себя ровно в девять часов утра. Она приняла большую дозу хлорала, легла в постель и тотчас же уснула.

Ей снились любовь, золото и месть.

Глава XXVIII

На следующий день часов в девять служанка вихрем влетела в спальню Дианы.

— Барыня!.. Барыня!..

— Что?.. Что такое?.. — вскочила с постели Диана.

— Вас спрашивает какой-то старик... оборванный, грязный, противный...

— Нищий, вероятно.

— Нет, у него в руках газета, и он говорит, что должен вам сообщить кое-что важное.

— О, Боже, неужели что-нибудь о нем?.. Зовите его. Я сейчас буду готова.

Несколько минут спустя перед ней предстал оборванный, потерявший всякий человеческий облик, от которого разило тошнотворным запахом грязи, табака и алкоголя.

Не дожидаясь приглашения, бродяга с развязным видом сел в стоявшее перед ним кресло тонкой работы и заговорил хриплым голосом:

— Я прочитал вот это объявление, — ткнул он рукой в газету, — и могу вам дать сведения относительно Неди Сильвера, прозываемого Стальным Телом.

— Вам следовало обратиться за этим к моему секретарю Корнелиусу Фьельду.

— Я был у него и требовал двести долларов вперед, но ракалия отказал и послал к вам.

— Вы имеете сообщить мне что-нибудь важное?

— Да, весьма важное. Но дайте мне вперед двести долларов.

— Сначала скажите мне свое имя.

— Это справедливо. Я — старик Сильвер.

— Его отец! — воскликнула она, и на ее лице вырилось отвращение.

— Его отец, если вам угодно... У меня было столько мальчуганов, что...

Она не слушала его и шептала: «Его отец... О, Боже, как же должна быть сильна моя любовь к нему, если ее не убило в моем сердце даже такое открытие!»

— Вот вам двести долларов, — обратилась она и бродяге. — Говорите все, что вам известно. Остальную сумму получите после.

— All right.

Целый час продолжалась их беседа, которая, очевидно, была крайне важна для молодой женщины, так как она отказалась от получения писем, телеграмм и сообщений по телефону; она записала все, что рассказал ей старый бродяга и, прочитав вслух записанное, заставила его подписаться.

Отсчитав 2000 долларов, она спросила, где его можно найти в случае надобности.

— Я уже несколько месяцев в Денвере и останусь здесь до тех пор, пока не пропью ваших денег. Вы меня найдете в кафе «Esperance», если меня до тех пор не посадят в тюрьму.

— Ладно. Прощайте, или, вернее, до свиданья!

Он ушел, оставив после себя в благоухающем бу-
дуаре Дианы острый противный запах.

— О, какое счастье! — воскликнула молодая женщина, оставшись одна. — Наконец-то они в моих руках!.. Он будет теперь моим... Все препятствия устранены... Как, однако, странно переплелись обстоятельства...

К ней снова ворвалась, как ветер, служанка.

— Барыня, кучер Джим настаивает, чтоб вы его сейчас же приняли.

— Джим?.. Зачем?

Молодая женщина увидела в полуоткрытую дверь одетого в ливрею Джима, который нетерпеливо топтался на месте.

— Госпожа! — не выдержал он: — Я бегу из Wind-
sor Hôtel. Видел Корнелиуса... Важные новости... Я на-
пал на след Стального Тела...

— Тише!.. Войдите!.. — сказала она и услала гор-
ничную.

— Говорите! — приказала она ему.

— Я видел Стальное Тело.

— Но когда, каким образом?

— Каким-то чудом. Я, по обыкновению, стоял со своим кэбом около дома, пока полковник был внутри. Вдруг открывается калитка, и выходит Стальное Тело...

Несмотря на умение владеть собой, Диана не могла сдержать изумления и воскликнула:

— Стальное Тело!.. Он?.. Вы не ошиблись?

— О, нет, я прекрасно знаю проклятого ковбоя. Не раз я его возил. Это был наверняка он. И при том не один.

— С полковником, конечно?

— О, нет, он держал под руки двух людей, мужчи-
ну и женщину, которые, казалось, изнемогали от уста-
лости или болезни.

— Но это невозможно! — вскричала Диана.

— Уверяю вас, что это так. Мужчина и женщина...

— А полковник?.. Где был полковник?

— Не знаю, госпожа. Но появление ковбоя и двух

незнакомцев показалось мне столь необычным, что и счел нужным их проследить.

— Браво, Джим, вы получите награду за догадли вость.

— Неправда ли, я заслужил тысячу долларов, обещанных в газете?

— Даже вдвое больше... Но продолжайте. Что было дальше?

— Они втроем сели в экипаж, который провез их через весь город и остановился у дома, номер которого я заметил. Там они с большим трудом сошли с экипажа. Стальное Тело был бледен как мертвец и едва передвигал ноги.

«Должно быть, он серьезно ранен,— подумала Диана.— О, я, негодная!»

— Они вошли в дом,— продолжал Джим,— и скоро его покинут.

— Вы думаете?

— Я уверен в этом. Все они в таком состоянии, что неспособны двинуться в путь. За Стальное Тело, впрочем, я не поручусь: от этого дьявола можно ждать всего. Но за женщину я ручаюсь: меньше чем через сутки она не двинется с места.

— Спасибо, Джим, за известия. Вот вам тысяча долларов, обещанных в газете, еще тысяча в виде благодарности. Теперь ждите с каретой во дворе.

— Слушаю, сударыня.

Когда кучер удалился. Диана подошла к телефону и позвонила:

— Allô... Allô... Корнелиус... Да, это я... Они в наших руках... Они в доме номер семь, улица Georges... Пошлите сейчас же четырех человек для наблюдения. Взять их в городе невозможно... Приготовьте в путь весь отряд... Мы возьмем их в дороге... Я тоже поеду. Ах, да... Отправьтесь в дом, посмотрите, что стало с полковником! Поняли? Ладно! Как только я буду готова в путь, я вам дам знать.

Она пробежала глазами полученные утром телеграммы и письма и наскоро позавтракала.

Затем вынула из своего гардероба мужской костюм и быстро переоделась.

Бархатный камзол со множеством небольших карманов и широкие бархатные шаровары сразу преобразили ее.

Большая с задорно приподнятыми полями фетровая

шляпа, которую она надела на свои роскошные волосы, туго собранные в узел и накрепко приколотые, дополнила ее костюм, придававший ей вид ловкого и элегантного спортсмена.

Она посмотрела в зеркало и осталась собой довольна.

«Кем мне лучше быть: велосипедистом или всадником?.. — Всадником», — решила она и надела пару изящных кавалерийских сапог с золотыми шпорами, взяла свой любимый хлыст с бирюзовой рукояткой и спрятала в небольшую кобуру свой маленький револьвер.

— Пока вы отдыхаете, я бодрствую и скоро дам вам о себе знать, — проговорила она, оглядывая себя последний раз в зеркале.

Глава XXIX

У Фреда не хватало духу покинуть Монмартр-ранчо. Его привязанность к Лизон становилась все сильнее и сильнее.

Он совершенно преобразился. В нем невозможно было узнать прежнего бандита, который терроризировал всю страну своею страшной силой и неслыханной свирепостью.

Любовь — искренняя, властная, тираническая — произвела в нем решительный переворот. Она истомила его, укротила и превратила необузданного колосса в спокойного, мягкого и робкого человека.

Единственной целью его жизни было стремление угодить Лизон, и все его старания были направлены к тому, чтобы сделать для нее переносимым свое присутствие.

Несмотря на такую резкую перемену в его характере, он внушал мало доверия Колибри, Жако и Черному Орлу, и они искали случая убраться из Монмартр-ранчо.

Одна лишь Лизон с проницательностью чуткой женщины не сомневалась в искренности Фреда.

Принесенные им вести о Стальном Теле, как и следовало ожидать, произвели на молодую девушку удручающее впечатление. Он встретил ее на другой день бледной, изможденной, с большими синими кругами под глазами.

При взгляде на нее у него сжалось сердце от сострадания.

— Я причинил вам большое горе. Простите, мени, мисс Лизон,— обратился он к ней умоляющим голосом, почтительно поклонившись.

— Да, Фред, вы причинили мне тяжкое горе. Удивляюсь, как у меня хватило сил перенести его.

— Я заслуживаю самого жестокого наказания... Я покончил бы с собой, если б с вами случилось чтонибудь дурное... Мне не следовало говорить... Но, что делать, я не в силах был сдержаться.

— Делать нечего... Ведь все это правда...— нечально сказала она, и на глазах у нее выступили слезы.

— О, не плачьте, мисс Лизон, умоляю вас. Я готов сделать, что угодно, лишь бы вы не плакали. Хотите... я возвращусь туда... Я скажу Стальному Телу: «Послушай, ты совершаешь преступление... Возвратись в Монмартр...» Да, я это сделаю... и исчезну навсегда.

Молодая девушка, растроганная искренним раскаянием этого грубого человека, протянула ему обе руки.

Он схватил их в свои огромные ручищи и держал их, не осмеливаясь пожать.

— Вы меня прощаете, мисс Лизон... О, как вы ангельски добры... Я хочу хоть чем-нибудь загладить свою вину перед вами. Прикажите мне совершить какой-нибудь подвиг, положить за вас жизнь... Вы считали меня пьяницей, злодеем... Но, клянусь вам, что я от природы не таков... На Золотом Поле я вел себя как негодяй... Но в этом виновен не я один... Она три дня опаивала нас спиртным.

— Кто? — спросила с дрожью в голосе Лизон, предугадывая ответ.

— Королева Золота.

— Но к чему это ей понадобилось?

— Чтобы заставить нас согласиться на какую-то экспедицию, цель которой мне неизвестна.

И он рассказал ей все, что знал о намерении Дианы.

Молодая девушка с вниманием слушала его, и смысл последних событий все более для нее прояснялся.

Сокровища! Да, эти проклятые сокровища, открытые ее отцом, были причиной всех несчастий. Из-за них ее разлучили с родителями, ослепили несчастного Жю, едва не лишили чести и жизни ее самое.

Ясно, что виновница всех этих несчастий та алчная

женщина, которую Фред называет Королевой Золота. В этом не может быть никаких сомнений.

Злоба, ненависть и негодование охватили Лизон и пробудили в ней ее обычную энергию.

«Полно мне плакать и убиваться,— думала она.— Не слезы нужны, а борьба; неумолимая, беспощадная борьба, борьба на жизнь и на смерть с этой опасной, хищной женщиной, причиной всех моих невзгод. А, ей хочется сокровищ, она через потоки крови пробирается к золоту... Так нет же. Не бывать этому! Не видать ей сокровищ. Я буду их защищать».

Она пристально взглянула на Фреда и сказала ему твердым голосом:

— Вы только что сказали, что готовы положить за меня жизнь.

— Да, мисс Лизон, и сочту это за счастье.

— Я у вас требую меньшего... Помните вы моего доброго, старого негра Жо?

При этом имени гигант покраснел, вспомнив про пытки, которым по его приказанию бандиты подвергли бедного старика.

— Да, помню...— сказал он, запинаясь.— Я помню этого беднягу.

— Что с ним стало?

— Не знаю. Но его можно отыскать.

— Вы сделаете это, Фред?

— С радостью, мисс Лизон.

— Но это нелегкая задача. Жако и Черный Орел со своими воинами две недели тщетно искали его на Золотом Поле.

— Не беспокойтесь. Я найду его. Я без него не возвращусь.

— Не нуждается ли вы в помощниках? Несколько решительных человек...

— Благодарю вас, мисс Лизон. Я предпочитаю действовать в одиночку. Пара лошадей, оружие, немного провизии — вот все, что мне нужно. Итак, я могу готовиться в путь?

— Да, Фред, и, повторяю вам, вы доставите мне большую радость, если возвратите моего честного Жо.

Он неловко поклонился в ответ и вышел, взглянув на нее долгим, любящим взглядом, как бы желая запечатлеть ее образ в своих широко раскрытых серых глазах.

Он выбрал себе двух крепких лошадей, перекинул

через плечо свою винчестерку, заткнул за пояс пару револьверов и, ни с кем не простившись, покинул ферму.

— Скатертью дорога! — сказал Жако-Канадец Колибри, проводив взглядом колосса.

В тот же день Лизон энергично принялась за приготовления к экспедиции, о которой никто, кроме ее ближайших друзей, не должен был знать.

Согласно ее желанию, Черный Орел устроил обычный контингент находившихся в Монмартр-ранчо воинов.

Жако и Смокер-Джек закупили по ее приказанию 500 карабинов и большой запас патронов.

Заготовлено было множество съестных припасов: бисквитов, консервов, сушеной рыбы и т. п.

Десять дней прошло уже со времени отъезда Фреда, а меж тем о нем не было никаких известий. Отсутствие авантюриста начинало беспокоить друзей Лизон, знавших о цели поездки Фреда. Жако ворчал и награждал Фреда не особенно для него лестными эпитетами, Черный Орел пожимал скептически плечами, а Колибри уверяла, что этого и следовало ожидать от бандита.

Одна Лизон не теряла надежды.

Наконец, в одно прекрасное утро, когда Лизон стояла по обыкновению у окна и задумчиво глядела в глубь необъятной прерии, она заметила вдали двух человек, вид которых заставил сильнее забиться ее сердце.

Один из них был гигантского роста и сидел в седле свободно и прямо; другой следовал за ним, сгорбившись и низко опустив голову.

— Жо, мой дорогой Жо!.. Ты... Это ты?.. — вскричала молодая девушка, выбежав навстречу всадникам.

Да, это был бедный негр; Фред сдержал свое слово и привез старика, преодолев все препятствия.

Услышав голос своей обожаемой госпожи, Жо остановил лошадь, спустился с седла и протянул обе руки по направлению голоса.

Лизон бросилась в его объятия и, рыдая, обнимала и покрывала поцелуями несчастного старика.

Он, не в состоянии что-либо сказать, устремил на нее свои слепые глаза, из которых струились слезы.

Обернувшись к Фреду, который безмолвно стоял и,

растроганный, наблюдал эту нежную сцену, Лизон протянула ему руку и сказала:

— Фред, вы совершили доброе, хорошее дело. С этих пор вы будете моим другом и другом всех, кто меня любит.

Он поклонился и, покраснев, ответил:

— Я исполнил лишь свой долг и не смел надеяться на такую большую благодарность.

Глава XXX

По выходе на свободу, супруги Дэррош сочли наиболее разумным скрываться до полного восстановления здоровья.

Они считали бесполезным и даже опасным искать защиты у американского правосудия; не говоря уже о том, что суд слишком бы затянулся и обошелся очень дорого, он, несомненно, принял бы сторону обвиняемых, так как в этом краю с законами церемонятся меньше, чем где бы то ни было, раз эти законы невыгодны миллионерам. С другой стороны, обратиться к правосудию — значило открыться врагу и, следовательно, навлечь на себя новые преследования, чего они отнюдь не желали.

Приятель Стального Тела принял гостей со свойственным лесному бродяге гостеприимством, и они стали быстро поправляться.

Стальное Тело был кумиром Дэррошей. Они осыпали своего молодого друга бесконечными благодарностями и ласками. Ему пришлось рассказать им с мельчайшими подробностями обо всем, что произошло со времени их увоза, и, как ни скромничал Стальное Тело, они догадались, что он всюду играл главную роль, и без конца благодарили его.

Молодой человек чувствовал себя очень скверно. Мучила совесть при воспоминании о его измене милой, доброй и нежной Лизон, которую он ни на минуту не переставал любить. Но в то же самое время пред ним во всей красе вставал образ Дианы с ее черными пылающими глазами, прекрасным бледным лицом, обольстительной, чарующей улыбкой, и он думал: «Я — отвратительное существо; это несомненно. Я не в силах забыть Диану... Она меня очаровала... Но ведь я люблю, обожаю Лизон... Я готов идти на смерть по одному ее жесту... Что же это значит? О, как я несчастен!..»

Заметив, с какою любовью молодой человек говорит о Лизон, Дэрроши втайне лелеяли надежду, что молодые люди полюбят друг друга, и счастье будет для ковбоя достойным вознаграждением за его самоотверженное участие в судьбе их семьи. Едва оправившись, они засобирались в путь и предложили своему спасителю погостить в Монмартр-ранчо. Нечего и говорить, что Стальное Тело с радостью принял предложение.

Они взяли три билета до Will-Spring'a, ближайшей от Монмартр-ранчо станции, и уселись в удобные вагоны южной компании.

Опасаясь, и не без основания, новых приключений в пути, Стальное Тело вооружился с ног до головы и вооружил своих спутников.

Они выехали из Денвера ночью.

Первая часть пути прошла вполне благополучно; они пили, ели, спали и радовались перспективе увидеть наконец дорогую Лизон и Монмартр-ранчо со всеми находящимися там друзьями.

Наступило утро. Кровати были сложены, и вагон принял свой обычный вид. Друзья выпили по чашке чаю, закусили и вышли на площадку полюбоваться чудной панорамой берегов Рио-Гранде, этой огромной реки, сопровождающей линию железной дороги до самой мексиканской границы.

Поезд шел обыкновенным ходом и находился между станциями Valverde и Fort Mac-Ral.

Вдруг слева, в двух десятках метров от поезда, показался белый дымок и раздалось несколько ружейных выстрелов. Одна пуля попала в паровозный колесо и со звоном разбила его вдребезги.

Напуганные пассажиры повскакивали с мест и с ужасом спрашивали друг друга, что происходит.

Слышались проклятия, женские и детские крики, треск взводимых курков.

— Что это?.. В чем дело?..

— Бандиты!.. Атака на поезд!.. Нападение десно радо!

Паника охватила всех, и поднялась невообразимая суматоха.

Затем последовал сильный толчок, точно паровоз наткнулся на препятствие, и поезд сначала замедлил ход, а потом и вовсе остановился.

При первых же звуках выстрелов друзья догадались, что нападение на поезд (подобное, кстати сказать,

случалось все реже, даже в самых пустынных уголках Америки) было инспирировано их врагами.

Почувствовав толчок, Дэррош, будучи опытным механиком, тотчас же сообразил, что произошел он не вследствие преграждения пути или порчи машины, а благодаря быстрому торможению. Ясно было, что машинист был в заговоре с бандитами и умышленно остановил поезд.

В мгновение ока Дэррош вскочил в соседний вагон и пробрался на площадку паровоза. Он не ошибся: ни машиниста, ни кочегара на месте не оказалось: оба прыгнули с поезда в момент нападения.

Опытной рукой взялся он за тормоз, и через несколько секунд поезд тронулся, ускоряя мало-помалу ход.

Бандиты, бросившиеся к поезду, только тогда осознали смелый маневр Дэрроша, когда поезд пришел в движение.

С проклятиями и ревом несколько человек бросились к паровозу, но Стальное Тело, разгадав их намерения, был настороже. Не целясь, сделал он навстречу бандитам несколько выстрелов, которые образумили нападавших. К нему присоединились более решительные из пассажиров, вооруженные револьверами, и импровизированный машинист смог под их прикрытием беспрепятственно продолжить свою работу.

Дэррош служил в свое время машинистом, и в совершенстве изучил все части локомотива. Поезд, управляемый его искусной рукой, двигался как положено и четко.

Нападение произведено было неподалеку от границы. Чудом спасенные пассажиры, знавшие по опыту или понаслышке о свирепости и зверствах пограничных бандитов, не могли прийти в себя от радости. Мужчины, женщины и дети кричали громкое «ура» в честь бесстрашного спасителя, который с изумительным хладнокровием и искусством вел паровоз без помощи кочегара по совершенно незнакомой ему линии.

Госпожа Дэррош и Стальное Тело тоже приняли участие в овации.

Во всех вагонах только и разговоров было, что про нападение да про смелого француза. Везде господствовали шум и веселье.

Только в последнем вагоне несколько мужчин не разделяли общей радости. Они сидели по разным скамь-

ям, стараясь не подать вида, что близко знакомы друг с другом.

Один из них, небольшого роста, одетый в изящный бархатный костюм, с дымчатым пенсне на носу, был особенно возбужден.

Он нервно хлопал хлыстом по своим лакированным с золотыми шпорами сапогам и с бешенством говорил сквозь зубы соседу:

— Скоты!.. Их идиотская радость меня раздражает... Опять провалились мои планы!

— Нет, мистрисс Диана, партия еще не проиграна. Она лишь несколько осложнилась,— ответил ей вполголоса один из таинственных пассажиров.

Три четверти часа спустя поезд остановился на вокзале Fort Mac-Ral.

Дэрош мог наконец оставить свой пост у машины и присоединиться к своей супруге, которая всю дорогу страшно волновалась, опасаясь нового нападения.

Из-за отсутствия машиниста и кочегара поезд не мог двигаться дальше. Предстояло ждать около 16 часов следующего поезда, с которым должны были приехать вызванные по телеграфу из города новые служащие.

К счастью, в Fort Mac-Ral оказалась гостиница, в которой пассажиры могли кое-как устроиться и перекусить.

Стальное Тело и Дэроши решили не дожидаться поезда, а купить лошадей и отправиться верхом в Монмартр-ранчо, который был всего лишь в 35 лье от вокзала.

На это решение их толкнуло страстное желание поскорее увидеть Лизон и то обстоятельство, что с конечной станции им все равно пришлось бы сделать 20 лье на лошадях.

Покупка лошадей и необходимых съестных припасов отняла у них не более часа.

Когда небольшая группа скрылась за горизонтом, пассажир, который обменялся с Королевой Золота несколькими фразами в вагоне, пригнулся к ее уху и шепнул ей:

— Видите, мистрисс Диана, партия еще не проиграна. Не позже, чем завтра, пустыня возвратит нам их.

Глава XXXI

Стальное Тело был убежден, что нападение на поезд было организовано не профессиональными бандитами, имеющими в виду лишь наживу, а отрядом Дианы, получившим, очевидно, приказание во что бы то ни стало захватить беглецов в пути. Поэтому он не сомневался, что за ними будет послана погоня.

По его расчетам до Монмартр-ранчо было приблизительно 18 часов верховой езды. Имея по две смены крепких местных лошадей, он нисколько не боялся бы погони, тем более, что от встречи с друзьями отделяло всего несколько часов, если бы не крайняя слабость госпожи Дэррош. Как бы то ни было, выбора не оставалось, приходилось торопиться.

Первая часть пути прошла вполне благополучно. Беглецы меняли лошадей каждые два часа, давая им минут по десять отдыха.

К ночи они проделали уже около половины пути, и на горизонте стали вырисовываться горы, которые нужно было перевалить, чтобы добраться до Монмартра.

Следовало устроить привал, так как госпожа Дэррош чувствовала себя крайне утомленной. Стальное Тело приготовил ей постель из свежей, душистой травы и стреножил коней.

Ночь прошла спокойно.

Но чуть забрезжило, лошади стали выказывать признаки беспокойства. Дэррош и Стальное Тело догадывались, что погоня близка.

Они разбудили госпожу Дэррош и, быстро оседлав коней, пустились в путь.

По мере того, как рассветало, на горизонте яснее обрисовывалась величественная панорама гор.

— Нам придется перебраться через вершину? — спросил Дэррош.

— Нет, — ответил Стальное Тело, — нам незачем будет взбираться на вершину, и только благодаря этому мы сможем уйти от погони. На полпути к вершине есть ущелье, а в нем скрыт подземный ход, известный лишь мне да Черному Орлу. Мы никогда его не исследовали, но, по разным признакам, я уверен, что он прорезает всю гору. Если успеем добраться до этого подземелья, мы спасены.

Лошади между тем фыркали, мотали головами и всячески выражали беспокойство.

— Черт возьми! — вскричал Стальное Тело. — Дело неладно!

— Да, — сказал Дэррош.

— В чем дело? Не скрывайте от меня ничего, — обратилась госпожа Дэррош к молодому человеку.

— Да, скрывать не к чему. Мы опасаемся погони.

— Что ж делать?

— Гнать лошадей и поскорее добраться до гор. Только там мы будем в безопасности.

Прошло около часа.

Лошади мчались во всю прыть. Госпожа Дэррош чувствовала страшную ломоту во всех суставах, но ни единым звуком не выдавала своих страданий.

Стальное Тело время от времени подымался на стременах и оглядывался назад. Один раз ему почудился блеск металла на солнце.

По мере приближения к горам, почва становилась холмистее, там и сям подымались скалы.

Стальное Тело остановил спутников и взобрался на ближайшую скалу метров в десять вышиной. Вглядываясь вдаль, он различил на расстоянии двух-трех льо кавалерийский отряд, казавшийся издали рядом черных точек.

— Гром и молния! За нами следуют по пятам! — вскричал он. — Остается одно — гнать лошадей вовсю.

Всадники пришпорили коней и понеслись вихрем. Благодородные животные, словно понимая опасность, не щадили своих сил. Они скакали по дороге, круто подымающейся вверх и стиснутой, как горный поток, между двух хребтов.

Беглецы были уже на порядочной высоте и могли без труда разглядеть внизу отряд, состоявший человек из шестидесяти. За отрядом скакал целый табун сменных лошадей.

О сопротивлении не могло быть и речи. Нужно было искать спасение в бегстве.

Подъем становился все круче и круче. Лошади выбивались из сил: их все учащавшееся дыхание предвещало, что они скоро падут от усталости.

Приходилось дать им отдых.

Неприятель, впрочем, поставлен был в такие же условия.

Друзья снова двинулись в путь.

Госпожа Дэррош героически выносила все страдания, не выдавая их. Стальное Тело, однако, с бесну

койством замечал, что лицо ее покрыто мертвенной бледностью и глаза страшно воспалены. Вдруг она покачнулась в седле и инстинктивно ухватила за гриву своего мустанга.

— Что с вами? — вскрикнул Стальное Тело, поддерживая ее рукой.

— У меня нет больше сил... Привяжите меня... к седлу...

Ковбой остановил лошадей, снял ее, как ребенка, с седла и положил на траву. Дэрош sprysнул ей лицо холодной водой, и она, придя в себя, прошептала:

— Я страшно ослабела... Но нужно добраться... туда. Друг мой, дай мне виски...

Дэрош протянул ей бутылку, и она, никогда не пившая ничего, кроме воды, приняла несколько глотков этого возбуждающего напитка.

На ее бледных щеках показался румянец, и, поднявшись на ноги, она вскричала твердым голосом:

— Едем! Нужно спешить!

Снова начался утомительный подъем. Им казалось, что они никогда не доберутся до желанного ущелья. Несмотря на быстрый бег лошадей, вершина горы, казалось, ничуть не приближалась.

С другой стороны, благодаря оптическому обману, складывалось впечатление, что неприятельский отряд приближается с невероятной быстротой.

Лошади опять стали задыхаться. Стальное Тело опасался, как бы у них не начался столбняк.

Необходимо было дать им передохнуть.

Ковбой и Дэрош взяли по булыжнику и стали растирать онемевшие ноги лошадей.

Этот массаж несколько освежил животных, и они возобновили путь с новой энергией.

Оставалось уже не более часа езды до моста, где скрыт был подземный коридор, когда одна из лошадей пала, пораженная, точно громом, столбняком.

Такая же судьба ждала с минуты на минуту и других.

Снизу уже долетали голоса преследователей, но беглецы были приблизительно на два часа впереди и решили дать в последний раз отдых лошадям.

Они вторично растерли омертвевшие ноги животных, дали им повалиться на земле и пощипать травы, а затем, сами изнемогая от усталости, продолжили путь.

Неприятельский отряд был уже совсем близок. Казалось, вот-вот он настигнет беглецов.

Наконец, после получасовой быстрой езды, Стальное Тело остановил своих спутников и радостно воскликнул:

— Мы спасены!

Оба супруга вопросительно посмотрели на него, не видя перед собой ничего, кроме бесконечной дороги, лентой подымающейся к вершине горы.

— Слева, в нескольких метрах отсюда, есть крутой обрыв. Вы не замечаете его, потому что он замаскирован высокою травой. На краю его скрыта тропинка, которая и приведет нас в подземелье, известное лишь мне и Черному Орлу. Я уже здесь однажды скрывался. Бодритесь!

Госпожа Дэррош, силы которой были на исходе, оживилась.

Беглецы спешили. Стальное Тело снял с лошади лассо, оружие, съестные припасы и другие предметы первой необходимости. Затем он повернул лошадей головами к обрыву и погнал их вперед громким гиканьем и уколами ножа.

Несчастные животные, обезумев от боли, собрались с последними силами и помчались к обрыву.

— К чему вы это сделали? — спросил ковбой Дэррош.

— Чтоб обмануть наших преследователей; не види лошадей, они подумают, что мы перевалили через гору.

— Но ведь нас выдадут их следы!

— Ничуть! Лошади не подкованы, а горная дорога так камениста, что копыта не оставляют на ней следов... Ну, теперь в путь!

И он повел их к обрыву.

Когда госпожа Дэррош увидела над пропастью узкую каменистую тропинку, по которой следовало пройти несколько метров до природного тоннеля, у нее закружилась голова, и она не могла сделать ни шагу.

Стальное Тело попросил ее завязать глаза платком. Она повиновалась, он поднял ее, точно ребенка, на руки и с изумительным хладнокровием и ловкостью, которой позавидовал бы самый искусный гимнаст, понес свою драгоценную ношу. Дэррош осторожно двигался за ними, следя за каждым шагом Стального Тела, чтобы в случае нужды поддержать его.

Через несколько минут они добрались до входа в подземелье, совершив чудеса ловкости, и, изнемогая от усталости, тут же расположились на отдых.

Час спустя мимо них проскакал парами, в строгом порядке, неприятельский отряд из шестидесяти человек.

Маневр Стального Тела увенчался полным успехом. Не видя лошадей и ничего не подозревая, конный отряд ровным шагом продолжал свой подъем.

Отдохнув, друзья решили тронуться в путь.

По расчетам Стального Тела, коридор перерезал весь хребет и должен был вывести их на ту сторону горы.

У них не было факелов и приходилось идти в темноте на ощупь, ежеминутно натываясь на водяные лужи, образовавшиеся, быть может, много веков назад.

Переход был длинен и крайне утомителен. Путники шли несколько часов, потеряв счет времени и не зная, день ли на поверхности или уже наступила ночь.

Как ни хотелось им как можно скорее выйти из смертной атмосферы подземелья на чистый воздух, усталость взяла свое, и друзья, будучи не в силах продолжать путь, расположились на отдых.

Сон стал уже властно смыкать их отяжелевшие веки, как вдруг подземелье вздрогнуло от оглушительного громового раската. Ошеломленные беглецы вскочили на ноги, и глазам их представилась необычайная картина.

Глава XXXII

Лизон с лихорадочной поспешностью готовилась к намеченной ею экспедиции.

Не страсть к золоту, конечно, побуждала ее торопиться: она не питала никакой любви к этому проклятому металлу, ставшему в ее глазах олицетворением несчастий.

Как были они счастливы, пока магнетический блеск его не омрачил светлый ум ее бедного отца!

А теперь!.. Сколько тревог, сколько мук и горя!

Да, нужно во что бы то ни стало отыскать источник всех этих бед, вернуть спокойствие любимому отцу, вернуть прежнюю счастливую жизнь, полную солнечного света и безграничной свободы.

Теперь, когда после многих тщетных попыток Жо

был наконец найден, исчезло последнее препятствие к осуществлению ее плана.

Старый негр рассказал ей с мельчайшими подробностями все, что знал относительно клада; он не упустил ни одной даже незначительной детали.

Он описал ей шаг за шагом дорогу к горам, где скрыто было золото, и не сомневался, что они найдут ее без труда.

— Но, мой бедный Жо, ты тогда обладал зрением, сказала она старику, с горечью глядя на его изуродованное лицо. — Теперь же — увь! — эти изверги ослепили тебя, и нам трудно будет найти Воздушный Город.

— О, нисколько, моя маленькая Лизон. Я помню все, что видел в пути. Там — это была скала... там было всего одно дерево... там — это ручей... Горы до облаков... Я сам вас повести, говоря: «Повернуться налево... Идти прямо...» О, это совсем легко.

— Ты думаешь, мой друг?

— Я уверен. И есть еще другое, что следовало сделать.

— Что именно, мой дорогой Джо?

— Взять лошадей, которые отвезти туда меня и муше * Дэрша. Лошади ехать туда два раза и знать дорогу.

— Да, это верно, — согласилась Лизон, — мы завтра же отправимся в путь, и ты будешь нашим проводником.

Старый негр тихонько засмеялся.

— Это очень смеяться, — сказал он, — зрячие, которых вести слепой.

В тот же день Черный Орел и Канадец роздали команческим воинам огнестрельное оружие, которое приветствовали кликами радости. Всех воинов было около пятисот человек, и они, благодаря ружьям новой конструкции, представляли довольно грозную силу.

Даже Черный Орел, обыкновенно сдержанный и степенный, не мог скрыть своего удовольствия и радовался, как дитя, глядя на своих команчей, вооруженных винтовками, точно солдаты белых.

* Искаженное monsieur.

Вместе с оружием каждый из воинов получил по полсотне патронов и на неделю съестных припасов.

Ковбои во главе со Смокер-Джеком должны были неотлучно оставаться в Монмартр-ранчо и быть всегда готовыми к отпору в случае внезапного нападения.

Вечером того же дня Фред, не перестававший робеть в присутствии Лизон, собрался с духом и спросил молодую девушку, разрешит ли она ему сопровождать ее.

— Ну, конечно, Фред, — ответила она с сердечностью, — я иначе и не думала. Вы войдете в состав генерального штаба вместе с Колибри, Красной Лилией, Черным Орлом и Жако, — прибавила она шутя.

Фред покраснел от радости.

— Благодарю, благодарю вас, мисс Лизон. Я очень счастлив. Пусть только представится случай, и вы убедитесь в привязанности Фреда Ранджа.

— Я вам верю без доказательств, Фред. Да, собственной, вы мне уже доказали свою преданность... Итак, Фред, до завтра!

На следующий день ранним утром небольшая армия тронулась в путь, следуя за своим слепым проводником.

Как все дикие, первобытные люди, Жо обладал поразительной способностью чутьем угадывать направление. Дорога со всеми ее поворотами и особенностями крепко запечатлелась в его памяти. Он ехал впереди отряда, нимало не затрудняясь, и ни разу не отклонился от правильного пути.

Время от времени он останавливал коня и обращался с указаниями к Лизон, ехавшей рядом.

— Лизон, дорогая малютка, вы видите там большой кедр, который совсем один? — спрашивал он ее во время подобных остановок.

— Да, мой друг, я вижу его верхушку.

— Хорошо! Когда мы пройдем мимо него, мы найдем маленький лес розовых магнолий... Затем после пройти поле дикого овса...

И эта топография слепого отличалась замечательной точностью.

За одиноко стоящим гигантским кедром показалась благоухающая рощица розовых магнолий, а затем и поле, поросшее диким овсом.

К ночи устроен был привал. Лошадей стреножили, и они жадно набросились на сочную траву, а люди

после легкого ужина удобно расположились на ночь под охраной часовых.

Утром маленькое войско продолжило путь, не замедляя и не ускоряя своего шага.

По мере того, как отряд приближался к горам, Лизон все сильнее и сильнее начинала сомневаться в результате экспедиции.

Дело в том, что Жо, прекрасно знавший дорогу до самой скалы, не ручался за то, что разберется в бесконечных извилинах подземелья.

На вопросы Лизон, куда идти после того, как им удастся добраться по лестнице до вершины, он положительно не мог ничего ответить.

— Мы найти там маленькие комнатки... Много маленьких комнаток... Там мы с муше Дэрошем увидим ракуна, который нам показать дорогу дальше.

Вот все, что мог ей сказать старый негр.

— Но как найдем мы путь в перепутанных извилинах пещерах? — спросила его Лизон.

На лице старика появилась хитрая улыбка, и он поспешил успокоить Лизон.

— Вы разве не знаете, что муше Дэрош нарисовать все ножом на старой коже, которая покрывает мою спину?

— План!

— Да, план!.. Это самое нужное!

Лизон совсем забыла об этом оригинальном и практичном изобретении, о котором отец ее с таким увлечением рассказывал ей и ее матери.

Итак, план существовал! Но, как им воспользоваться? Ни Жако, ни Колибри, ни Черный Орел, ни сама Лизон ничего не смыслили в этом деле.

Выручил Фред.

— Не беспокойтесь, мисс Лизон: мы, золотоискатели, часто обязаны прибегать при работе к различным чертежам, и потому я без труда разберусь в нашем живом плане.

На следующий день отряд подошел к горе, в которой были высечены клетки Воздушного Города.

Фред отозвал в сторону Жо и попросил его обнять спину, желая снять для удобства копию с плана на бумагу. Каково же было изумление золотоискателя, когда вместо плана он увидел на обнаженной спине негра лишь идущие вкось и вкривь бесформенные и полуистертые рубцы.

Можно было подумать, что кожу старика обрабатывали какой-то едкой щелочью.

План никуда не годился.

Фред бросился к Лизон, чтоб поделиться с ней этим досадным открытием, как вдруг раздался оглушительный грохот, потрясший гору от основания до вершины.

Глава XXXIII

Как только Стальное Тело и Дэроши покинули Fort Mac-Ral и скрылись из виду, Диана стала обдумывать план действий.

Хотя в ее распоряжении было несколько решительных людей, составлявших ее почетную свиту, она не решалась немедленно пуститься в погоню за беглецами, зная дьявольскую отвагу и изворотливость Стального Тела. Она решила дожидаться прибытия основного отряда и в ожидании его поручила несравненному полковнику Сирусу Диксону, которого за несколько часов до экспедиции извлекли из погреба в самом жалком виде, закупить две смены лошадей для отряда.

Через несколько часов отряд Дианы прибыл в Mac-Ral и после короткого отдыха пустился вслед за беглецами.

Ночевка была устроена на том самом месте, где был первый привал Стального Тела и его друзей. Еще до рассвета Диана подняла своих людей, чтоб выиграть, таким образом, время.

— К четырем часам вечера они будут в наших руках! — воскликнула она, энергично взмахнув хлыстом.

Ее лошадь рванулась вперед, и отряд понесся вихрем за своей предводительницей.

Погоня была в полном разгаре, и чем меньше становилось расстояние между неприятельскими группами, тем сильнее разгоралось у Дианы желание.

Она забыла обо всем в мире, и все ее помыслы сосредоточились на одном: возможно скорее увидеть повбоя.

Зачем?.. Она и сама не отдавала себе отчета в этом. У нее была потребность созерцать его мужественное лицо, любоваться его статной фигурой, слышать его страстную речь.

Лошади неслись стрелой.

— Вперед!.. Вперед!.. — кричала время от времени Диана, припадая к развевающейся гриве своего скикуна.

Расстояние между преследуемыми и преследователями заметно уменьшалось, и наконец один из всадников Дианы, стрелок из Кентукки, разглядел вдали небольшую группу беглецов.

— Вот они! Вот они!.. — радостно воскликнул он, протягивая руку по направлению к горам.

— Сто долларов за дорогую весть! — приветствовала его открытие Королева Золота.

— Горы!.. Они успеют скрыться в горах! — вскричал полковник.

Диана пожала плечами.

— Их лошади выбились из сил, — сказала она. Мы нагоним их прежде, чем они достигнут вершины. Смелее, бои, смелее!.. Тысячу долларов тому, кто поставит мне Стальное Тело живым!..

— Ура! Да здравствует Королева Золота!

— Вперед!.. Вперед!..

Вскоре они наткнулись на труп пораженной столбняком лошади.

— Видите... Видите... Их лошади падают... Они в наших руках. Вперед, бои... Вперед!..

Бешеный галоп, короткий отдых лошадям, и снова энергичный призыв «Вперед!».

Подъем становился все круче. Отряд двигался медленно, но все же быстрее беглецов.

Странное дело! Маленькая группа скрылась из виду за поворотом и не появлялась больше на глазах.

Уж не перехитрил ли своих врагов этот дьявол в образе Стального Тела?

Но нет, Диана не даст себя перехитрить.

— Назначьте десять человек для надзора за ущельем! — распорядилась она. — Они должны присоединиться к отряду через четыре часа.

Короткая остановка — и отряд снова в пути.

Вот он добрался до крутого утеса и после долгих усилий благополучно перевалил через него, а полчаса спустя достиг вершины горы.

— Это крайне странно! — удивлялась вслух Диана. — Беглецов не видно, а между тем я могу поручиться чем угодно, что мы их не проглядели. Да и где бы они могли укрыться, когда здесь все видно как на ладони. Неужели же они успели перевалить

через горы? Вперед! Вперед!.. — еще раз скомандовала она, и отряд стал быстро спускаться вниз по другому склону горы.

Спуск совершался очень быстро, но был необычайно крут, и всадники искренно удивлялись, как их лошади и они сами не сломали себе шей.

Лошади, предоставленные самим себе, осторожно продвигались шаг за шагом и, постоянно упираясь то передними, то задними ногами, истерзали в кровь свои неподкованные копыта.

Необходимо было дать отдых и лошадям, и всадникам. Решено было расположиться лагерем.

Диана, взбешенная неудачей, приняла твердое решение еще с большей настойчивостью возобновить на рассвете преследование.

Неудача обескуражила бы всякую другую женщину, но не Диану. Далекая от мысли покориться обстоятельствам, она, едва подкрепив свои силы, отправилась бродить по живописной местности, обдумывая план действий на случай, если беглецам удастся ускользнуть из ее рук и добраться до Монмартр-ранчо.

Совершенно машинально взгляд ее упал на возвышавшуюся перед ней гору с красноватым скатом, на вершине которого там и сям виднелись окнообразные отверстия, расположенные строго друг над другом.

Вид этой горы, на которую она сначала не обратила внимания, заставил внезапно сильнее забиться ее сердце.

Ей вдруг пришли на память рассказы, описания, изображения и легенды о фантастическом Воздушном Городе, где скрыты несметные сокровища древних индейских царей.

У Дианы захватило дух, и от волнения она едва держалась на ногах.

О, Боже! Неужели эта та самая скалистая стена, неужели это те самые квадратные окна, те самые каменные площадки, о которых говорилось в индейских легендах, и за один только факт увидеть которые она готова была отдать часть своей жизни!

Она месяцами бродила в горах, ища все это — увы! — тщетно, как и многие другие безумцы, одержимые той же мечтой. Неужели же это была не мечта? Неужели слепой случай привел ее туда, куда не проникала еще нога ни одного цивилизованного человека, кроме француза Дэрoша?

Она не сомневалась теперь, что неосторожные слова, вырвавшиеся у Дэроша и подслушанные ее агентами, не бред человека, помешавшегося на химере...

Молодая женщина жадным взором оглядывала красновато-бурую гору, и на ее бледном красивом лице появилась торжествующая улыбка.

— Воздушный Город! — прошептала она, задышавшись от волнения. — Я искала любимого человека и... набрела на сокровища!..

Глава XXXIV

Страсть к золоту на мгновение перевесила любовь. Мысль о сокровищах отодвинула на задний план мечты о единственном человеке, которого она любила со всей пылкостью своей натуры.

В ней проявилась истинная Королева Золота.

За один момент она пережила самые разнообразные ощущения: изумление, тревогу, сомнения, бьющую ключом опьяняющую радость.

Ей хотелось воспарить над миром, замкнуться и самой себе и наслаждаться, упираться своим счастьем.

Двумя мечтами полна была ее жизнь — мечтой о счастливой любви и о сокровищах.

И вот одно ее желание близко к осуществлению. Пред ней Воздушный Город, тот самый легендарный город, который вот уже несколько веков тщетно ищут тысячи мечтателей.

Она несколько минут оставалась точно в забытьи.

Очнувшись, задумалась над тем, как добыть сокровища.

Прежде всего она решила не посвящать в свою тайну никого, за исключением самых доверенных людей.

Кроме полковника Диксона, в ее отряде было несколько человек, более или менее посвященных в тайну сокровищ.

Первым по значимости был Корнелиус Фильд, ее секретарь, который знал все секреты Дианы. Затем агенты, следившие за Дэрошем и подслушавшие фразы, когда он, вопреки советам Жо, громко выражал радость по поводу открытия сокровищ. Кое-что знали, наконец, и авантюристы, похитившие Лизон, ее родителей и старого негра.

Все эти люди знали, однако, тайну лишь отчасти, ров

но настолько, насколько принимали в ней непосредственное участие, и оставались в полном неведении относительно того, что касалось их товарищей, и потому не могли бы ничего предпринять порознь. Все эти секреты сосредотачивались в руках Королевы Золота, и лишь она одна могла обеспечить успех предприятия; сообщники ее это знали и согласились быть пайщиками Дианы.

Королева Золота поспешила поделиться открытием со своим секретарем Корнелиусом.

Это был человек небольшого роста, средних лет, чрезвычайно ловкий и не особенно разборчивый в средствах для достижения целей. Он занимал некогда довольно важный пост в департаменте полиции, но, крайне самолюбивый, вошел в столкновение с высшими своими начальниками и подал в отставку, с тех пор был в услужении у частных лиц.

Час спустя была уже готова лестница, сколоченная по распоряжению Корнелиуса Фильда из стволов высоких деревьев, вырубленных в растущем поблизости лесу. Ступени ее, для выигрыша во времени, сделали из лассо.

Как только импровизированная лестница была готова, ее тотчас же приставили к скалистой, почти вертикальной стене, и Диана первой стала по ней взбираться. Мужской костюм, облежавший ее стройную фигуру, облегчил ей подъем, и ее всадники восхищались ловкостью и смелостью, с какими она взобралась на первую площадку. Вслед за ней поднялись Корнелиус и полковник Диксон.

Когда все трое оказались на площадке, Корнелиус осторожно втащил лестницу и приставил ко второй площадке. Подъем совершился в том же порядке.

Чем выше, тем эта операция становилась опаснее, и у стоявших внизу людей дух захватывало при мысли, что взбиравшимся достаточно одного неправильного шага, чтобы полететь вниз и разбиться вдребезги.

Наконец они достигли девятой площадки и оказались у цели. От людей, стоявших внизу, их отделяло расстояние в 70 метров.

Как некогда Дэррош, Королева Золота проникла в первую комнату, высеченную в скале. Мужчины последовали за ней и застали ее погруженной в рассмотрение бумаги, которую она только что вынула из маленького портфеля змеиной кожи.

На листе красными штрихами был начерчен план.

— Ну, что, господин полковник, — улыбаясь, сказал Корнелиус, — разве не удобнее было снять план, чем содрать его вместе с кожей со спины негра, как вы это предлагали?

— Да, но вы слишком долго провозились с вашей копией, — возразил полковник своим гнусавым голосом.

— Зато человечнее. Я напоил старика до потери сознания, и, уверяю вас, он не чувствовал ни малейшей боли, когда я обрабатывал его черную кожу серной кислотой.

Диана слушала, улыбаясь, и в то же время внимательно разглядывала план. Наконец она подняла голову и воскликнула с лихорадочной торопливостью.

— Готово, идем!

Корнелиус отвязал от лестницы смолистые сучья дерева, известного под названием окошэ, вполне заменяющего индейцам факелы, и они двинулись в путь.

В подземелье отвратительно пахло летучими мышами, которые носились целыми тучами, вспугнутые светом...

Впереди шел, освещая путь, Корнелиус. За ним Диана с планом в руках, а полковник Диксон замыкал шествие, смешно сгибаясь при проходе через небольшие отверстия между двумя соседними комнатками.

План был сделан превосходно. В нем были помечены не только проходы, но и отличительные признаки той или иной комнаты. Каждая из этих каменных клеток сообщалась тремя или даже четырьмя ходами с соседними, и потому без плана решительно нельзя было бы разобраться в этом лабиринте.

С сильно бьющимися сердцами, Диана и ее спутники медленно продвигались вперед.

Наконец они дошли до голой стены, где изображена была голова каймана и в которой Дэрш проделал клинообразную брешь при помощи динамитного патрона.

— Сокровища здесь, — прошептала Диана задыхающимся голосом.

Ее сердце билось до боли и руки дрожали.

Корнелиус поднес к стене факел, ища какое-нибудь отверстие или расселину. Перед ним был сплошной гранит. После более внимательного осмотра он заметил, наконец, нору, ту самую, из которой Жо вытащил за хвост ракуна.

Нагнувшись, он разглядел в шереховатости гранита следы металлического порошка, которые Дэррош впопыхах забыл уничтожить.

Как и Дэррош, полковник всунул в нору руку и вытащил несколько зерен золотого песку.

Диана, снедаемая лихорадочным волнением, последовала примеру полковника и просунула туда же свою нежную маленькую ручку.

Ее пальцы нащупали золото... Песчинки металла прилипли к ее руке и забились под ногти.

— Золото!.. Это золото! — восклицала она, пьянея от восторга. — Нужно пройти туда во что бы то ни стало!

— Как бы уничтожить эту проклятую стену? — вскричал полковник, наэлектризованный видом золота.

— Это можно сделать лишь при помощи пушки или динамита, — ответил Корнелиус, стараясь сдержать свое волнение.

— Но ведь динамит можно достать не ближе, чем в Fort Mac-Ral.

Диана нервно пожала плечами и обратилась к своему секретарю:

— Скажите, Корнелиус, сколько динамиту заключается в патроне винчестера?

— Почти шесть с половиной граммов.

— Прекрасно. У каждого из наших всадников есть по сто патронов, не так ли?

Корнелиус утвердительно кивнул головой.

— Так как их пятьдесят человек, то всего, значит, имеется пять тысяч патронов. Считая по шесть с половиной граммов в патроне, мы располагаем количеством динамита в тридцать два кило... Итак, нужно выпотрошить патроны, и у нас будет столько динамиту, что мы сможем взорвать целую шахту.

Полковник и Корнелиус с искренним восхищением смотрели на молодую женщину, которая так быстро придумала столь простой и легкий способ.

Они приветствовали ее план криками «браво» и, будучи американцами, понимающими, что в данном случае «время — больше, чем деньги», поспешили привести в исполнение ее план.

Они с большими предосторожностями спустились вниз, оставив Диану наедине с вековыми сокровищами.

Выпрастывание патронов продолжалось больше часа, и Диана дрожала от нетерпения.

За неимением подходящего сосуда, динамит завернули в дорожное одеяло, которое завязали четырьмя узлами, и после невероятных усилий благополучно доставили к норе ракуна.

Достаточно было одной ничтожной искры, чтобы все трое оказались погребенными в мрачной пещере, и потому полковник принял самые строгие предосторожности, стараясь держаться с факелом возможно дальше от взрывчатки.

Корнелиус наполнил нору динамитом, ввел туда длинную шерстяную тряпку, пропитанную порохом, привязал к ней разорванное полосами одеяло, затем засыпал нору мелкими камешками и песком, плотно приптав их сапогом.

Когда все было готово, Корнелиус слегка посыпал порохом свой импровизированный фитиль и, улыбаясь, обратился к Диане:

— Адская машина готова!

Они отошли на достаточное расстояние от стены, после чего Диана поднесла к фитилю огонь.

Показались искры и легкое пламя, змейкой извивающееся по направлению к норе.

Мгновение — и раздался оглушительный взрыв!

Глава XXXV

Дэрош и Стальное Тело вскочили на ноги, ошеломленные грохотом, потрясшим гору от основания до вершины.

Ослепительный блеск прорезал окружавший их непроницаемый мрак, и одновременно посыпались с грохотом груды камней.

Им почудилось, будто перед глазами поднялась стена, точно в феерии, и они стояли оглушенные, подавленные, потеряв способность двигаться.

Затем снова спустилась непроницаемая тьма.

Несколько минут спустя совсем близко показался яркий свет и послышались человеческие голоса.

Это были возгласы безумной радости.

Смех, восклицания, выражения восторга — все это смешивалось в нестройный гул.

— Миллионы!.. Целое царство золота!.. Это поразительно!.. Слитки!.. Золотой песок!.. Самородки!.. Еще!.. Еще!..

Стальное Тело, оглушенное ударом камня, не со-

знавал, что вокруг него делается; но Дэррош, успевший прийти в себя, полностью отдавал себе отчет во всем происходящем.

Он сразу узнал эти пожелтевшие от времени ящики, на которые падал свет факелов.

В них заключались индейские сокровища, те сокровища, которые он нашел после столь тяжких поисков.

Он понял все.

Воздушный Город тянулся вдоль всего подземелья между обоими склонами горы.

Древние обитатели его общались, очевидно, с внешним миром двумя путями: по одну сторону горы — через квадратные отверстия, выходящие на площадки, по другую — через пещеры, к которой вела головоломная тропинка, открытая Стальным Телом.

Между пещерой и помещением, где хранились сокровища, природа устроила тонкую гранитную стену, которая теперь была уничтожена взрывом.

Ранчмэн сразу все это сообразил.

Все его труды погибли... Все надежды рухнули... Его сокровища — ведь он первый открыл их — в чужих руках.

Гнев, бешенство, отчаянье овладели им, и он, бесильно сжав кулаки, крикнул незнакомцам:

— Негодяи!.. Мошенники!.. Воры!.. Оно вам не достанется!.. Нет, оно вам не достанется!..

Он хотел было броситься на них с револьвером, но у него не хватило сил, и он беспомощно упал на землю.

Три крика изумления и ярости раздались в ответ на его неблагоприятный протест, и в тот же миг из-за облаков не совсем еще рассеявшегося дыма к месту, где лежал Дэррош, бросились три фигуры.

Стальное Тело, Дэррош и госпожа Дэррош были с силой опрокинуты на землю, прежде чем подумали о защите, и каждый из них почувствовал на груди колено врага.

— Диана!..

— Стальное Тело!..

Ковбой узнал Королеву Золота при свете факела.

Диана, сжимавшая в своих железных тисках госпожу Дэррош, тотчас же вскочила на ноги.

Стальное Тело чувствовал на своем виске холодное дуло револьвера, а над горлом Дэрроша блесло лезвие ножа.

— Долой оружие!.. Не убивайте их! — скомандовала Диана тоном, которому трудно было не повиноваться.

Дэрош тоже узнал Диану и ее друзей.

— Наши палачи!.. Проклятие!.. — хрипел он.

Полковник сжимал ему горло, тогда как Диана связывала ему руки носовым платком.

Стальное Тело, побежденный в первый раз за всю свою жизнь, лежал без движения.

Победить его, впрочем, было на сей раз нетрудно. Не совсем зажившая рана, страшное напряжение сил во время бегства и только что полученный удар камня по голове окончательно его обессилили.

Молодая женщина, тяжело дыша, смотрела на него сверкающим взглядом, в котором можно было одновременно прочесть и злобу, и ненависть, и любовь.

Лежа на спине со связанными руками и ногами, он сжимал в бессильной злобе кулаки и старался не смотреть на Диану.

Он понял теперь, что произошло, и первая мысль его была о Лизон, которой грозило новое горе.

— Диана, моя дорогая, — протянул своим отвратительным, гнусавым голосом полковник, — как можно пощадить этих людей!.. Вы не подумали!.. Слишком много свидетелей... Понимаете?... Ведь только мертвые умеют хранить тайны... Нужно их убить... Не так ли, Корнелиус?

— Да, — ответил секретарь глухим голосом. — Я такого же мнения.

— Слышите, Стальное Тело, я одна располагаю вашей жизнью.

— Располагайте, моя дорогая!

— Не шутите, а не то я разможду вам голову.

— Разможжите, моя дорогая!

— Эти люди умрут до вас... и на ваших глазах!

— Я понимаю, что вам выгодно убить их после того, как вы воспользовались их имуществом. После грабежа — убийство... Это очень последовательно...

Он рассмеялся нервным презрительным смехом, оскорбившим молодую женщину, словно пощечина.

— Еще раз советую вам, воздержитесь от насмешек!

— А вы воздержитесь от угроз! Уж не принимаете ли вы меня за ребенка?

— Ладно! Хотите спасти свою жизнь и жизнь своих друзей?

- Вы хотите устроить сделку?
- Пусть француз из Монмартр-ранчо откажется от своих прав на сокровища!..
- Никогда! — прервал ее с дикой энергией Дэррош. Она продолжала, точно не слышала этих слов:
- А вы откажитесь навсегда от знакомства с ним, с его суженой и дочерью.
- Довольно! Я не принимаю условий... Я буду делать то, что мне захочется... Пойду туда, куда меня повлечет привязанность... Отдамся тому, кто заслужит мою любовь...
- Несчастный! Я хотела, чтобы ты загладил нанесенное мне оскорбление... Чтоб ты был моим... Чтоб ты располагал мною и моим золотом...
- Я требую прежде всего свободы для них и для себя... Без всяких условий...
- Да, чтобы ты отправился любезничать с маленькой француженкой... и вместе с нею насмеялся бы надо мной!
- А почему бы и не так? — засмеялся он, чувствуя страстное желание подразнить ее.
- Вот как! Ты произнес смертный приговор себе и им! — вскрикнула она, сверкая глазами. — Умри же! Ты оскорбил меня и умрешь от моей руки!
- С этими словами она, дрожа от бешенства, быстро выхватила револьвер и, направив его на Стальное Тело, крикнула:
- Этого я беру на себя!.. С теми расправьтесь сами!

Но курок не успел щелкнуть, как над ухом Дианы прозвучал гортанный смех, и она оказалась опрокинутой навзничь, полузадушенной чьими-то железными тисками. Полковник, поднявший было нож над беззащитным Дэррошем, был сбит с ног и упал в беспамятстве, пораженный страшным ударом в затылок, а Корнелиус, приподнятый на воздух, задыхался в чьих-то могучих объятиях.

— Э, черт возьми, мы, кажется, подоспели вовремя! Не правда ли, товарищ? — весело спросил кто-то у Стального Тела.

— Колибри!.. Дружок мой..

— Колибри!.. Мое дитя! — воскликнул Дэррош дрожащим голосом.

— Ну... Ну... Долой лапы... — гремел поблизости полунасмешливый, полусердитый голос. — Долой лапы!.. Или не будь я Жако-Канадец, если ты не взду маешь раскаиваться слишком поздно.

В то же самое время прозвучал военный каманч ский клич, и Черный Орел, сваливший полковника Диксона ударом томагавка, стал поспешно развязывать путы на ногах Дэрoша и Стального Тела.

При свете факела он заметил лежащую неподвижно госпожу Дэрoш.

— Моя сестра умерла? — спросил он, скрежеща зубами.

— Нет вождь, — ответил Дэрoш, дружески пожимая его руки. — Мы спасены!.. Спасены вами!.. Мой добрый Жако!.. Моя дорогая малютка Колибри!.. А Лизон... Где Лизон?

— Вы ее скоро увидите.

Диана попыталась вырваться из державших ее рук, но маленькая индианка сжала ее, словно тисками.

Жако удалось наконец связать Корнелиуса, предвзительно его обезоружив.

Черный Орел осторожно приподнял госпожу Дэрoш, забыв о полковнике, который лежал неподвижно, точно труп.

Колибри с невыразимой ненавистью смотрела на Диану. Королева Золота не сдавалась и усиленно билась в руках дикарки.

— Не барахтайся, негодная тварь! — обратилась к ней индианка холодным тоном. — Не барахтайся, или я возьму свой нож и выколю тебе глаза, как это сделали твои бандиты с бедным Жо.

Стальное Тело вдыхал в себя воздух полной грудью. Он пожал руку Жако и поблагодарил его и Колибри за помощь, пришедшую так кстати.

— Не забудь поблагодарить и Лизон, которая привела нас сюда, — ответила ему индианка.

— Лизон! — повторил Стальное Тело и низко опустил голову.

— Да, Лизон, которой ты изменил из-за этой авантюристкой и которая чуть не умерла с горя, — продолжала Колибри.

Дэрoш был счастлив. Судьба одним махом возвратила ему все: любимую дочь, сокровища, свободу его собственную и близких ему людей.

Его занимала теперь мысль, как Черный Орел,

Колибри и Канадец пробрались сюда, не имея плана подземелья?

Как бы в ответ на его мысль, индейский вождь испустил призывный крик.

По этому сигналу со всех сторон показались с яркими факелами в руках вооруженные с ног до головы индейцы. Они образовали непрерывную цепь, начиная от первой комнатки и до сокровищницы.

Диана, видя, что все погибло, спокойно отнеслась к своей участи, гордо и пренебрежительно глядя на врагов.

Она тоже без труда объяснила себе все происшедшее.

Многочисленные индейцы наводнили подземелье и, мало-помалу расширив свои ряды, добрались до сокровищницы.

Диана, Корнелиус и полковник, слишком увлеченные борьбой с беглецами, не заметили, как к ним подкрались враги.

Между тем госпожа Дэррош пришла в себя, и ее тотчас же стала бить сильная лихорадка.

Дэррош и Стальное Тело, как и она, нуждались в притоке свежего воздуха. Все страстно желали поскорее увидеть дневной свет и широкий простор голубого неба. Черный Орел подал знак, и его отряд двинулся к выходу.

Индейцы потащили полковника и Корнелиуса.

Диана, обезоруженная, со связанными руками, шла впереди Колибри, гордо и презрительно подняв голову, не обращая внимания на конвоировавшую ее индианку.

Друзья выбрались на верхнюю площадку, радостно приветствуя дневной свет и свежую струю воздуха.

Индейцы соединили лестницами все площадки и употребили все усилия, чтоб сделать спуск удобным и безопасным.

Дэррош и его жена, рискуя свалиться вниз, наклонились над площадкой и старались найти глазами Лизон. Молодая девушка заметила их и хотела им что-то крикнуть, но, онемев от неожиданности их появления и счастья свидания, лишь как зачарованная безмолвно смотрела вверх.

Дэррош спустился первым, за ним последовала жена, а третьим — Черный Орел.

Когда они были на земле, индейцы, охранявшие Лизон, приветствовали их криками радости и торжества.

Лизон как-то нервно, со страстной, почти болезненной нежностью бросилась на шею родителей и залилась счастливыми слезами.

— Папа!.. Мой дорогой папа!.. Моя милая мама!.. Родимая!.. Неужели это не сон?.. Неужели вы опять со мной!..

Дэрош не мог сдержать волнение и рыдал, как дитя.

Госпожа Дэрош лепетала прерывающимся голосом имя Лизон, прижимала дочь к груди и, лаская ее, шептала:

— Еще!.. Моя пташка... Поцелуй меня еще раз!

Мертвенно-бледная Диана спокойно и решительно сошла на землю, сопровождаемая Колибри.

За ними спустились Жако и Стальное Тело, чувствовавший себя очень скверно в присутствии Лизон и Дианы. Затем были спущены вниз на лассо полковник и Корнелиус, после чего сошли последние индейцы.

Лизон еще не заметила своей соперницы. Она отдалась вся счастьем свидания и без конца обнимала и ласкала родителей.

У Дэроша вырвался радостный крик. Он увидел старого негра.

— Жо!.. Мой славный Жо!

— Муше Дэрош... Госпожа... Дорогая госпожа... Я, который слышал ваш голос...

И старик, сопровождаемый Фредом, упал в объятия Дэрошей.

— А вот — тот, кто возвратил нам нашего дорогого Жо, — представила Лизон родителям Фреда.

Дэрош горячо пожал ему руку.

В этот самый момент Лизон побледнела, и у нее сильно забилося сердце. Она узнала Диану, которую приняла сначала за мужчину, благодаря ее костюму. Вслед затем взгляд ее упал на Стальное Тело, стоявшего поодаль в сильном смущении.

Воспитанная в индейском духе и привыкшая с детства видеть применение страшного закона Динча: «Око за око, зуб за зуб», Лизон, не задумываясь, решила отомстить своему злейшему врагу.

Она в мгновение ока схватила револьвер, прицелилась в Королеву Золота и вскричала, сверкнув глазами, потемневшими от ненависти:

— Вот виновница всех наших несчастий... Смерть ей! Диана смерила ее взглядом.

— Только трусы и подлецы убивают пленников! — ответила она ей.

Лизон опустила руку

— На вас нельзя смотреть как на честного врага... Вы совершили слишком много грязных поступков... Для достижения своих алчных целей вы не были разборчивы в средствах... Вы отдали меня на поругание... Вы изуродовали Жо... Вы хотели замучить пытками моих родителей... Вы собирались обокрасть их.

Из всех этих попреков лишь последний задел Диану за живое.

— Я... воровка? — спросила она Лизон с негодованием.

— Да, воровка!.. Слышите, я повторяю: вы воровка!..

— Вы бессовестно злоупотребляете своей силой.

— Вы сами подали мне пример своим поведением на Золотом Поле. Вы знаете про существование в пустыне закона Линча? Так вот вы, по меньшей мере, раз десять заслужили применения этого закона.

Диана, все еще надеясь, что ее всадники придут к ней на помощь, пыталась выиграть время, поддерживая разговор с Лизон.

Молодая девушка разгадала ее замысел.

— Не надейтесь на помощь, — прервала она ее. — Ваши сообщники далеко. Они сдались без боя нашим друзьям индейцам, тем более, что вы употребили все их патроны на взрыв. Мы отпустили их на все четыре стороны с условием под страхом потери скальпа не возвращаться сюда.

— Можете последовать за ними, — прибавила Лизон после краткой паузы.

Диана вздрогнула от радости и неожиданности, но тотчас же постаралась скрыть свое волнение.

— Вы даруете мне свободу? — спросила она резким голосом. — Без условий? Смотрите, как бы вам не пришлось об этом пожалеть... Я люблю мстить, как вам известно.

— Отомстить за оказанное вам добро? Это на вас похоже! Но вы мне теперь не страшны. Ни мне, ни моим близким.

— Я подписываюсь под тем, что сказала моя дочь, — вступил в разговор Дэрош. — Несмотря на свою расточительность, вы страстно любите золото. Вы любите его до того, что готовы из-за него обогреть руки кровью.

Знайте же, что сокровища, которые вы надеетесь, быть, может, вновь захватить, навсегда ушли из ваших рук. Там, — он протянул руку к вершине горы, — от тридцати до тридцати пяти тысяч килограммов золота и сумму от ста до ста пяти миллионов. Кроме того, там миллионов на двадцать драгоценных камней. Все это теперь же мы заберем с собой и увезем на мою ферму. Это сделать не трудно. Каждый из нас без труда возьмет на седло по шестьдесят килограммов. Позже я постараюсь поместить сокровища в солидном банке. Вы можете навсегда распрощаться со своей мечтой. Еще одно, последнее слово. Вам сейчас подадут лошадей — для вас и ваших спутников. Отправляйтесь, подобра-поздорову и не попадайтесь мне на пути. Знайте, что я прощаю только один раз.

Им привели трех лошадей. К одной из них привязали полковника Диксона, который еще не оправился от удара, нанесенного ему Черным Орлом, на вторую с трудом взобрался Корнелиус, а третью подали Диане, которая одним прыжком вскочила в седло.

Королева Золота прищипорила свою лошадь, и небольшая группа удалилась, подгоняемая грозным военным кличем команчей.

Диана с налитыми кровью глазами и бледная как мертвец до крови кусала губы.

— О, — шептала она, скрежеща зубами, — я отомщу... всем... Я отомщу так, что ад содрогнется от ужаса... Отомщу или умру!..

Часть вторая

ЛИЗОН

Глава I

В 1889 году Париж торжественно и пышно праздновал столетний юбилей Великой французской революции.

Широко задуманная, грандиозная выставка привлекала в столицу огромные людские волны, сотни и тысяч посетителей. Небывалый наплыв провинциалов и непрерывный приток разношерстных элементов со всех уголков земного шара совершенно изменил обычный облик Парижа.

Это был настоящий триумф бонвиверов, хлыщей, прожигателей жизни, наводнивших, как тучи саранчи, наш город.

Что за смешение рас, национальностей, народов, состояний и наречий, — смешения, эмблемой которого могла бы послужить современная Вавилонская башня — башня Эйфеля, этот поразительный памятник буржуазной спеси и глупости!

Обе Америки, Северная и Южная, имели здесь значительный контингент своих представителей с громко кричащими именами и титулами, явившихся Бог весть откуда, требовательных, претенциозных, смотрящих на Париж, как на огромную гостиницу, а на парижан — как на ее обслугу.

Были, конечно, среди посетителей и люди, достойные глубокого уважения, но они составляли лишь незначительный процент.

Между иностранцами, приехавшими сюда с целью безумно прокутить свое состояние, Бог ведает, каким путем добытое, было немало известных миллионеров, кованные сундуки которых гнулись под тяжестью золота и кредитных билетов.

Таких подстерегала наша прокутившаяся знатная молодежь, которая под маской утонченной любезности и дворянского благородства старалась скрыть алчное стремление наполнить свои дырявые карманы приданным американских невест.

Проведшие всю свою жизнь в погоне за долларом, миллионеры эти в большинстве случаев имели самое смутное представление о так называемом «большом свете».

Все эти короли кожи, мыла, железа, какао, шерсти, сахара, керосина, хлопка, обладавшие состоянием в тридцать, пятьдесят, сто или двести миллионов, по большей части ничем не отличались от простых лавочников.

Высокие, худые, костлявые, с непомерно длинными ногами и болтающимися точно плети руками, всемогущие в атмосфере своих дел, они здесь теряли под ногами почву и чувствовали себя беспомощными.

Женщины и молодые девушки, особенно последние, гораздо более привлекательные на вид, производили неприятное впечатление из-за своей невыносимой, свойственной англосаксонской расе спеси, которая усиливалась благодаря обладанию миллионами.

Эти визитеры занимали роскошнейшие отели и платили бешеные деньги, не упустив, по своей привычке, случая поторговаться. Они старались всеми силами угнаться за модой и не ударить лицом в грязь перед парижанами.

Желая войти в высший круг общества, они обращались за помощью к тому или иному банкиру, тому или иному корреспонденту американской газеты и твердо верили, что ведут истинно парижскую жизнь, меж тем, как на деле образ их жизни был лишь пародией на жизнь высших парижских кругов.

Банкир Фердинанд Тэррье был одним из тех, к кому американские гости наиболее охотно обращались за подобными услугами. Он служил некогда в армии офицером и принимал участие в мексиканской войне, по окончании которой вышел в отставку в чине лейтенанта и с орденом Почетного легиона в петлице.

Ловкий, беззастенчивый, неразборчивый в средствах, он с головой погрузился в атмосферу всяких афер, в которых, благодаря своему нраву, преуспел.

Это был мужчина лет 45 с широким полным лицом, щетинистыми короткими волосами и начинающими сидеть усами. Высокая, стройная фигура с военной выправкой и живой открытый взгляд придавали ему вид прямого и честного человека, что совершенно не соответствовало действительности.

Его банк считался одним из самых солидных в Париже. У него был великолепный отель на Курсельском бульваре, чудная вилла в Трувилле и роскошный дворец в Солоньи. Он вел великосветскую жизнь, страстно любил охоту, был знатоком лошадиного спорта и тонким ценителем женской красоты.

С самого начала выставки его бюро на Шоссе д'Антэн стало центром, куда стекались прибывавшие ежедневно из Америки финансовые тузы.

И в этот вечер, в середине июля, когда выставка была в полном разгаре, в его отеле на Курсельском бульваре назначен был бал-монстр со всеми его прелестями: обедом, танцами, котильоном, концертом, ужином и т. д.

Мадам Тэррье, парижанка, наполовину обамериканившаяся, благодаря частым общениям с миром янки, принимала приглашенных, меж тем как супруг ее прогуливался в своем чудном саду рука об руку с одним из своих друзей.

— Да, дорогой Гастон, это настоящая жемчужина! — говорил банкир. — Двадцать лет... Единственная дочь... Мало сказать — красивая... Чудной, восхитительной красоты... Удивительно сложена... Все формы точно высечены из мрамора... Можешь положиться на мой вкус!

— Оставим в стороне ее пластические достоинства. А есть ли другие, более важные?

— За ней тридцать... а быть может, и все сто пятьдесят миллионов!...

— Черт возьми!

— Да, самых настоящих. У них открыт кредит на двадцать миллионов во французском банке, на пятнадцать — у Ротшильда, на восемь — в лионском.

— А у тебя?

— Всего на пять миллионов: карманные деньги.

— Кто ее родители?

— Мать — тип заурядный, мелкой безобидной буржуа. Отец похож на рабочего, одетого по-праздничному... Простоватые добряки... Сентиментальны до смешного... Вообрази, они поручили мне купить для них избушку на Монмартре, улица Лэпик, против Мулэн де ла Галэт...

— Что-то уродливо-странное! И у таких чудачков сто пятьдесят миллионов.

— Как видишь... Что ж, согласен ты жениться?

— Увы, ничего более не остается.

— Ты не забудешь, конечно, мои труды?

— Ты можешь еще сомневаться! Ведь мы старые друзья и притом, что еще важнее, сообщники.

— All right, как говорит твой будущий тесть, — улыбнулся банкир. — Мне остается лишь представить тебя невесте и ее родителям.

Они вошли в салон. Банкир окинул комнату быстрым взглядом и направился к небольшой группе, сидевшей в стороне от других гостей. Это были две женщины и мужчина, одетый не по моде.

Банкир церемонно поклонился.

— Мой дорогой господин Дэрош, — сказал он, — позвольте мне представить вам моего друга кавалерийского полковника графа Гастона де Шамбержо... Дорогой граф, честь имею представить вам господина Дэроша, эсквайра.

С этими словами он еще раз поклонился и быстро отошел исполнять свои обязанности хозяина.

Полковник непринужденно и вместе с тем почтительно раскланялся перед госпожой Дэрош и Лизон и протянул руку Дэрошу, которую тот, по американскому обычаю, потряс до боли в плече.

На лице Дэроша играла приветливая и веселая улыбка, но от взгляда Лизон, полного дочерней любви, не скрылось, что на лбу ее отца появилась поперечная складка, и лицо его побледнело, как это бывало с ним во время приступов сильного гнева.

Полковник, видевший его впервые, ничего, конечно, не подозревал.

Он постарался завязать разговор на тему, интересную для его нового знакомого.

— Мой друг Тэррье, — начал он, — говорил мне как то, что вы занимаетесь разведением лошадей *en grand* в юго-восточных прериях.

— Да, сударь, у меня на пастбищах *Staked-Plain's* есть около десяти тысяч лошадей.

— Я всю свою жизнь по склонности и по долгу службы очень интересовался разными породами лошадей. Я был бы вам очень обязан, если бы вы дали мне некоторые сведения относительно мустангов ваших прерий.

— Готов, к вашим услугам. Очень рад, что могу вам быть полезен.

Пока они переливали таким образом из пустого в порожнее, Лизон и ее мать, особенно же Лизон, внимательно разглядывали нового знакомого, который сильно выделялся среди окружающих мужчин своей мужественной красотой и элегантностью манер.

Опытные во флирте и питающие большую слабость к представителям французской знати американские мисс начинали не на шутку завидовать Лизон, на которую полковник время от времени бросал восхищенные взгляды.

Он был, действительно, очень хорош, этот охотник за приданым, который ловко скрывал свою волчью жадность и порочность преступника под обольстительной и обаятельной наружностью светского льва.

Его возраст определить было трудно: судя по свежести лица и по бодрой, почти юношеской выправке, ему было не больше тридцати лет, а между тем чин его, если только он был настоящим, мог принадлежать лишь человеку на склоне лет.

Высокого роста, хорошо сложен, он обладал недю-

жинной физической силой, и на лице его не было ни одной морщинки. Излишества и оргии прошли для него совершенно безнаказанно: волосы его сохранили свой цвет и густоту, зубы поражали белизной, а темносиние, почти черные глаза блестели, как у двадцатилетнего юноши.

Орлиный нос, тонкие усы и чувственные, несколько мясистые губы, пурпурный цвет которых еще более оттенялся белизной тела, придавали его безукоризненно красивому лицу гордое и страстное выражение.

Чувствуя на себе его взгляд, Лизон время от времени подымала на него глаза и смутно догадывалась, что полковник познакомился с ее семьей ради нее.

Она смотрела на него с любопытством и в то же время испытывала какое-то болезненное чувство, похожее на страх.

Ей казалось, будто она уже где-то видела это лицо. Ей знакома была эта ироническая улыбка, эти своеобразные губы, эта бледность.

Поговорив с Дарошем, он подошел к ней и, смягчив тембр своего голоса, с глубоким поклоном обратился к госпоже Дарош.

— Вы позволите, *madame*, пригласить *mademoiselle* на тур вальса?

— Боюсь, сударь, как бы моя дочь не оказалась плохой танцовкой.

Лизон подумала, было, отказать, но, боясь показаться смешной, робкой барышней, поднялась со стула и грациозно оперлась своей ручкой, затянутой в изящную перчатку, на плечо полковника.

— Благодарю вас, сударь, постараюсь быть ловкой.

Он увлек ее в середину зала, где под звуки оркестра множество пар несло в вихре вальса.

Она вся отдалась удовольствию. Тонкое благоухание духов, ослепительный свет электрических ламп и ласкающие звуки музыки приятно щекотали нервы и переносили ее в мир грез.

Легкая, как перышко, неслась она по зале в объятиях своего неутомимого кавалера и испытывала точно такое же ощущение, как там, далеко, в поросших высокой травой прериях, когда, опустив поводья, вверяла себя воле своего необузданного прерийского скакуна.

Полковник восхищался ее грацией и поздравлял себя с такой удачной находкой.

«Эта малютка просто очаровательна! — думал он. —

Да еще 150 миллионов в придачу! Я сделаю из нечуждую парижанку! Поздравляю вас, господин полковник, начало недурно!»

Вальс кончился. Лизон чувствовала себя странно утомленной, и Дэроти решили возвратиться домой.

Час спустя они были уже в роскошном отеле, занятом ими в ожидании, пока будет закончена покупка домика на Монмартре.

— Я никогда не привыкну к светской жизни, говорила родителям Лизон. — Разве можно отдать ей предпочтение перед свободой, полной жизнью в нашей обширной, безграничной прерии!

— Какого ты мнения относительно графа де Шамбержо? — перебил ее вдруг Дэроти.

— Это, без сомнения, незаурядный человек. Он очарователен в обращении, но внушает мне почему-то страх. Он похож... он похож... на кого он похож?.. Ах, да... я вспомнила... Он похож на эту ужасную женщину... Диана... Диксон... Королева Золота!

— Совершенно верно! Удивительно похож! — воскликнула госпожа Дэроти.

— Да, мое дитя, — сказал Дэроти. — Знай, что этот человек — один из ужаснейших негодяев, какие когда-либо оскверняли человеческий род.

Глава II

На следующее утро Лизон чувствовала себя совершенно разбитой. Отец и мать ждали ее к завтраку в небольшой столовой.

— А Колибри? — спросила она, садясь за стол.

В ту же самую минуту с шумом распахнулась дверь, и раздался звонкий, веселый голос:

— Колибри?.. Вот она! Bonjour, p'ra... Bonjour, m'tan, bonjour, Лизон!

— Здравствуй, дикарка! Давай-ка свою мордочку!

Колибри выбежала вперед и, обняв разом головы всех троих, расцеловалась с ними.

— Жако? — спросила Лизон.

— Жако? Он загулял.

— Как? Что ты говоришь?

— Он проводил меня вчера ночью в одиннадцать часов домой от Буффало и, не заходя даже в отель, возвратился обратно в компанию Годи...

— Кто это Годи?

— Полковник Годи... Буффало-Биль... А, вот как, ты, значит, ничего не знаешь... Ты как будто не от мира сего.

— Но Жако?

— Он нашел в трупке своих знакомцев и запиrowал так, что небу стало жарко.

— И он до сих пор еще не пришел?

— Нет!

— Недурное поведение, нечего сказать, а еще жених!

Колибри беззаботно махнула рукой, как бы говоря: «Ба, я не беспокоюсь, он скоро придет».

Она села за стол и стала с жадностью волчонка уплетать завтрак.

Можно было предположить, что это помещение в первом этаже отеля, выходящего на Avenue de l'Opéra, вся эта обстановка стесняет дочь Черного Орла и заставляет ее чувствовать себя неловко.

Ничуть не бывало!

Колибри чувствовала себя, как дома. Она быстро ориентировалась и через восемь дней своего пребывания в Париже знала его лучше, чем провинциалы через шесть месяцев. Зато она относилась крайне отрицательно к некоторым требованиям культурной жизни. Например, она и слышать не хотела о ботинках, будь они на высоких или на низких каблуках.

— Но, мой дорогой дикаренко, — увещевала ее госпожа Дэррош, — не станешь же ты ходить по Парижу совсем босой!

— Что ж, я надену свои мокасины или сошью себе обувь из сукна.

При виде перчаток, этих глупых, длинных до плеч перчаток, она не могла удержаться, чтобы не прыснуть со смеху.

— Моя красная кожа и твоя белая гораздо лучше той шкуры животного, которой покрывают себе руки, — говорила она подруге.

Не мирилась она и с европейской прической, а носила волосы двумя косами — по-индейски.

Наряд ее удивительно гармонировал с ее большими бархатными глазами, ртом спелого граната и бронзовой кожей лица, с правильными, тонкими и изящными чертами.

Костюм ее, включающий множество ярких красок,

без сомнения придавал бы всякой другой женщине вид попугая; ей же он сообщал какую-то особенную прелесть.

Колибри, как и все дикари, питала к театру и всякого рода зрелищам пристрастие, граничащее с безумием. Балов и приемных вечеров она, наоборот, терпеть не могла, так как они казались ей смертельно скучными, и она чувствовала себя на них не в своей тарелке. Поэтому она накануне отказалась сопровождать Лизон на бал, а предпочла пойти с Жако на велодром, посмотреть труппу Буффало-Билля.

Она стала было делиться с друзьями своими впечатлениями, но тотчас же замолкла, заметив, что Дарош сильно чем-то озабочен.

Колибри обняла обеими руками его голову и тоном маленького капризного ребенка спросила его:

— Что с тобой? Скажи!

— Я хочу рассказать Лизон нечто такое, о чем одно воспоминание может истерзать душу.

— Так я уйду к себе, — сказала Колибри, сделавшись сразу серьезной.

— Нет, дитя мое, останься с нами; ты равноправный член нашей семьи, мы любим тебя, как родную. Ты должна знать все, как и Лизон.

Он поднялся со стула, посмотрел нет ли кого-нибудь в соседних комнатах и обратился к дочери:

— Моя дорогая, ты услышишь нечто ужасное, нечто такое, что заставит болезненно сжаться твое нежное сердце, но ты должна это знать.

Он был страшно бледен. Руки его дрожали от волнения, и голос до того изменился, что трудно было его узнать.

— Это было, — начал он, — в 1871 году, в момент агонии Парижской Коммуны.

Версальская армия за несколько дней до того ворвалась в Париж, и началась Кровавая неделя.

Репрессии достигли чудовищных размеров.

Достаточно было доноса, подозрения, неправильно истолкованного жеста, чтоб повести вас на расстрел.

Убивали не только тех, кого находили с оружием в руках, а тщательно разыскивали и предавали смерти всякого, кого иногда справедливо, но большей частью ошибочно считали участником восстания.

Нас было два брата.

Мне тогда было двадцать семь лет, а моему дорогому Луи — двадцать пять.

Мы дрались сначала в качестве волонтеров против пруссаков, а восемнадцатого марта одна тысяча восьмьсот семьдесят первого года подняли оружие в защиту Коммуны и попали за это в список обреченных на смерть.

Ровно за восемнадцать месяцев до этого брат мой женился на прелестной молодой девушке; она была настоящим ангелом по своей красоте и кротости.

Это был брак по любви. Они обожали друг друга, как в первые дни своей брачной жизни. Рождение ребенка еще увеличило, если это только возможно, привязанность этих молодых, красивых, честных существ.

Увы! Счастье их было кратковременным, и жизнь их трагически оборвалась во время этой огромной драмы, стоившей жизни стольким жертвам.

Мы жили тогда в том самом домике на Монмартре, о котором я вам так часто говорил, мои дорогие дети; не один счастливый день провели мы там!

Он стоял на углу улицы Лэпик, и с находившегося при нем садика открывался вид на весь Париж.

Мы жили там вчетвером в дружной семье, любя друг друга всем сердцем, работали от души, с любовью ухаживали за нашим гнездышком и пользовались каждым часом досуга, чтоб заниматься, читать...

В таком положении застигла нас война, а за ней восстание.

Когда наши разбитые батальоны не в силах уже были сопротивляться, когда мы остались без вождей, без определенного плана защиты, без надежды и увидели, что все погибло, мы с братом возвратились домой, где поджидали нас, изнемогая от тоски и страха, наши подруги.

Мы думали, что спасены, так как пробрались домой незамеченными через трупы людей, через груды разрушенных домов, забаррикадированные улицы.

У наших ног расстилался Париж, потонувший в дыму и огне и казавшийся адом. До нас доносился шум битвы, стон раненых и умирающих, грохот разрушаемых зданий и памятников, ружейная пальба, барабанный бой, пушечные выстрелы...

Победители все более и более тесным кольцом стягивали Париж.

Мы знали, как они обращаются с побежденными. Взяв приступом улицу, они обыскивали все дома снизу доверху. С пленниками не церемонились. Если находили на их руках следы пороха, если замечали на одежде красноватое или синеватое пятно от отдачи ружья, если в доме натыкались на оружие, виновных безжалостно расстреливали в самый короткий срок без суда и следствия.

Убивали часто там, где заставляли: в комнатах, на лестнице, во дворе.

Жизнь или смерть человека всецело зависели от каприза любого офицера.

Скоро версальцы добрались и до нашего квартала. Моя невестка и твоя мать, обезумев от ужаса, прибежали к нам с криком:

— Солдаты!.. Солдаты!.. Спасайтесь!

Я стоял тогда в нашем садике и с трепетом глядел на море пламени, бушевавшее внизу.

Услышав крик, я бросился в находившуюся тут же цистерну и только успел захлопнуть за собой крышку, как ворвались солдаты.

Брат спрятался в деревянном сарае, но — увы! — его обнаружили через несколько же минут, и бледного, но совсем еще оправившегося от полученной в бою раны, привели к офицеру.

Офицер этот был совсем еще молодой человек. Его лицо с безукоризненно правильными чертами было бы прекрасно, если бы в глазах не светила кровавая жажда тигра.

Моя невестка бросилась перед ним на колени и с мольбой протянула руки, умоляя пощадить ее мужа.

Он взглянул на нее и, пораженный, очевидно, ее необыкновенной красотой, изменился в лице. Выражение ярости сразу исчезло, и на губах появилась сладострастная улыбка.

Он нагнулся к молодой женщине и что-то шепнул ей на ухо.

— Никогда... Никогда!.. — вскричала моя невестка с негодованием и, вскочив на ноги, укрылась в объятиях мужа.

Брат, сверкая глазами, бросился на офицера, дал ему пощечину.

— А, вот как! — взревел офицер и, подняв свою окровавленную саблю, нанес ему два страшных удара по голове.

Брат упал как подкошенный.

— Убийца!.. Убийца!.. Брат, отомсти за него и за меня! — вскрикнула обезумевшая от горя и ужаса моя невестка.

С этими словами она выхватила револьвер из рук одного из солдат и, приставив его к сердцу, выстрелила, а затем упала окровавленная на труп своего любимого мужа.

Твоя мать была свидетельницей всей этой сцены.

Когда после ухода солдат она приподняла крышку цистерны, чтоб освободить меня, я не узнал ее дорогого лица, до того оно изменилось за эти несколько страшных минут...

Дэрош умолк и, уставившись глазами в одну точку, предавался, очевидно, мрачным воспоминаниям. Госпожа Дэрош, бледная как мертвец, порывисто дышала. Лизон и Колибри, затаив дыхание и с широко раскрытыми глазами, слушали ужасный рассказ.

— Ты, вероятно, догадываешься, дочь моя, кто был палачом моего брата и его жены, — прервал Дэрош тягостное молчание. — Да, этот кровожадный тигр — твой вчерашний кавалер, граф де Шамбержо. Я поклялся жестоко отомстить ему... И вот настал час искупления...

Глава III

Колибри еще накануне твердо решила сводить друзей на представление-монстр, даваемое в этот день труппой Буффало-Билль. Впечатление, произведенное описанием кровавой драмы, было настолько удручающим, что девушка не решалась сначала сделать свое предложение. Однако программа представления настолько ее интересовала, что она не утерпела и за обедом поделилась ею со своими друзьями. Против ее ожидания, Дэрош, желая рассеять мрачное настроение своей семьи, сам настоял на том, чтоб жена с дочерью и Колибри отправились на это представление, программа которого, действительно, была очень заманчива и особенно интересна для обитателей американских прерий.

Труппа полковника Годи, или Буффало-Билль, состояла, как уже известно читателю, из нескольких

десятков ковбоев, которые показывали парижанам свое искусство на одной из площадей столицы. Одеты в свои оригинальные костюмы, они поражали зрителей ловкими упражнениями с лассо, показательными битвами с татуированными индейцами, изображали деспердо, нападающих на почтовый дилижанс, охоту на бизонов и т. д.

Успех полковнику Годи был вполне обеспечен, отчасти благодаря интересу, который представляет для европейцев малознакомая им жизнь обитателей американской прерии, а главным образом, благодаря ловкости, с какой полковник рекламировал свою труппу.

Некоторое время до приезда в Париж полковник подвизался со своей труппой в Лондоне и успел заинтересовать ею высшие круги английского общества, страстно увлекающиеся всякого рода спортом. Среди зрителей можно было нередко заметить принца Уэльского и других высокопоставленных лиц.

Все это создало труппе полковника Годи блестящий успех, и его представления в Париже стали, как и в Лондоне, местом rendez-vous всей парижской знати, интересующейся спортом.

Огромные разноцветные афиши, расклеенные по всем улицам столицы, извещали, что сегодняшнее представление будет из ряда вон выходящим: кроме обычных упражнений, которые исполнит вся труппа, зрители будут свидетелями укрощения дикого коня одним из ковбоев. Конь этот — дитя американских прерий был недавно приобретен одним парижским коннозаводчиком, страстным любителем лошадиного спорта; чудное животное было столь бешеным и диким, что все старания обуздать его оказались тщетными, и владелец его, услышав про труппу Буффало-Билль, бросил ей вызов — усмирить бешеного коня и предложил полковнику Годи пари на крупную сумму. Пари было принято, и, таким образом, публике представлялась возможность присутствовать на захватывающем представлении.

Госпожа Дэрош, Лизон и Колибри несколько опоздали. Все отведенные для зрителей места были уже переполнены, и первая часть программы, состоявшая из охотничьих и боевых упражнений, близилась к концу.

Лизон и Колибри при виде знакомых сцен американской жизни мысленно перенесли из центра цивилизации в свои дикие прерии. При виде ловко пущенно-

го лассо или лихой верховой езды, они точно ощущали воздух родных степей, глаза их блестели, и ноздри раздувались.

Но вот упражнения закончились, и короткий антракт отделил зрителей от второй, самой интересной части программы — укрощения коня.

Через четверть часа прозвучал сигнал, и на обширной арене появился стройный мужчина с уздечкой и лассо в руках.

На нем был хорошо нам знакомый классический костюм: широкополая серая фетровая шляпа с золотым током, шерстяная блуза с ременными застежками, индейские панталоны из дубленой оленьей кожи, окаймленные бахромой, и мягкие сапоги с мексиканскими шпорами.

Он потребовал, чтобы лошадь была выпущена без всяких пут, как там — далеко, в американской прерии.

Весь состав труппы: ковбои, индейцы и служители, — все на лошадях образовали большое кольцо с тем, чтобы не дать животному уйти до того, как оно будет укрощено.

Когда лошадь была в десяти шагах от мексиканца, он крикнул державшим ее конюхам:

— Отпустите ее!..

Освобожденная от уздечки и шор, лошадь предстала перед зрителями во всей своей дикой, скульптурной наготы.

Ошеломленная, она оставалась один момент неподвижной, но затем, возбужденная аплодисментами публики, криками и револьверными выстрелами, яростно рванулась вперед.

Ковбой положил на землю седло, взял в левую руку уздечку, а правой раскрутил лассо.

Все взгляды сосредоточились на нем.

Это был молодой человек среднего роста, прекрасно сложенный, ловкий и мускулистый.

Голубые глаза его глядели ясно и открыто и блестели холодным металлическим блеском, а рот, осененный небольшими темно-русыми усами, придавал ему гордое, несколько надменное выражение.

Видя перед собой человека, лошадь тремя огромными прыжками бросилась к нему навстречу, взвилась на дыбы и громко заржала, обнажив челюсти.

Лизон и Колибри с любопытством следили за этой сценой.

Кроме любопытства, Лизон испытывала еще какое-то чувство, в котором не могла себе дать отчета.

Ее сердце лихорадочно билось.

Она вся горела, как в лихорадке.

Она устремила свой взгляд на незнакомца, черты которого невозможно было разглядеть, но который удивительно напоминал своей статной фигурой и нервными жестами того, кто остался далеко отсюда, на Жалонейской равнине. Того, кого она так целомудренно и бесконечно любит... Того, который заставил ее так много страдать и своей изменой чуть не убил ее.

Колибри все больше и больше приходила в восторг.

— М'ман Дэрош!.. Лизон!.. Посмотрите-ка! Ведь это чудесно!.. Я полагала до сих пор, что на свете есть только один человек, способный проделывать такие штуки... Bravo!.. Bravo!..

Крики «браво» неслись со всех сторон, и были вполне заслужены.

Ковбой, с гибкостью тигра, избегал ударов и укусов яростно нападавшей на него лошади.

Вот он метнул правой рукой лассо, и петля, просвистев в воздухе, захлестнула шею животного. Одно движение рукой — и петля затянута. Почувствовав натянутое ремеш, лошадь рванулась со страшной силой в сторону, но крепкое лассо, сжатое в железной руке, не поддавалось...

Лошадь хрипела, дрожала, глаза ее налились кровью.

Она рванулась еще раз и, обессилев, упала на бок, задыхаясь в петле.

Одним скачком ковбой бросился на нее и в мгновение ока связал ей ноги длинным ремнем лассо.

Пользуясь ее неподвижностью, он оседлал лошадь, надел на нее узду, после чего вынул платок и завязал ей глаза.

Все это было проделано с такой дьявольской легкостью, что публика не успела опомниться.

Не имея времени развязать лассо, ковбой выхватил из-за пояса нож и в несколько приемов разрезал ремни на шее и ногах лошади.

Сильным толчком он поднял лошадь на ноги и, схватив узду, вскочил в седло. В тот же миг он сорвал повязку с глаз животного.

Почувствовав на спине седока и получив свободу, дикое животное снова пришло в ярость и стало отби-

ваться от всадника с необыкновенной силой, так что даже знатоки не могли понять, как ковбой держится в седле, и выражали свой восторг бурными аплодисментами.

Не сумев сбросить седока, лошадь попыталась укунить его за ноги, свирепо кося на него сбоку налившимися кровью глазами.

Ковбой образумил ее несколькими ударами ремня.

Лошадь взвилась на дыбы, заметалась по сторонам, проделывая так называемые козлиные прыжки, излюбленные дикими, степными лошадьми.

До сих пор ковбой оставался пассивным; он как будто прирос к седлу.

Теперь он переменял тактику и стал колотить своими огромными шпорами бока обезумевшей лошади.

Запыхавшееся животное еще несколько минут билось, тщетно стараясь лечь на спину и придавить своей тяжестью всадника.

Но вот, наконец, лошадь поднялась на ноги, слабо заржала и понеслась галопом, покорно повинуясь воле всадника.

Со всех сторон раздались дружные рукоплескания и оглушительное «браво», а ковбой, радуясь успеху товарища, с торжествующими криками разрядили свои револьверы.

Лизон, с напряжением следившая за борьбой, вздохнула с облегчением и принялась тоже аплодировать.

Она жадно всматривалась в лицо ковбоя, но поля шляпы и расстояние мешали ей разглядеть его.

Вдруг, в момент, когда он с быстротой ветра неся по арене, кто-то бросил ему из первого ряда ложи великолепный букет орхидей.

С поразительной ловкостью ковбой схватил его на лету.

Затем он мгновенно остановил мчавшуюся во весь опор лошадь, то есть продемонстрировал высшее искусство верховой езды.

Это продолжалось не больше двух секунд, но ковбою их хватило, чтобы, опустив поводья и переложив букет с правой руки в левую, приподнять шляпу и поклониться в знак благодарности даме, бросившей ему цветы.

Слабый крик вырвался у Лизон, и, побледнев, она наклонилась к Колибри.

— Он... это он! — прошептала она глухо.

В эту же минуту она ясно расслышала хорошую знакомый звонкий голос:

— Браво, Стальное Тело! Браво, мой дорогой!

Лизон без труда узнала своего смертельного врага — Королеву Золота.

— Колибри, посмотри-ка... посмотри-ка... Это он и проклятая Диана...

Но маленькая индианка ничего не слышала. Она вся застыла, точно наступила ногой на кольца гремучей змеи.

В четырех шагах от себя она заметила Жако, своего друга, своего жениха, между двумя красавицами, раздетыми в пух и в прах.

Он рассказывал им какую-то историю, смешившую их до слез, причем самым бесстыдным образом награждал их время от времени звучными поцелуями.

Сцена эта происходила за кустом магнолий.

Он прогуливался, как крестьянин на деревенском празднике, и усердно занимал своих дам.

Вдруг слово застряло у него в горле, и он побледнел.

— Господи! Колибри!

Индианка смерила его с ног до головы полным презрения и отвращения взглядом и, проглотив слезы обиды, спокойно сказала госпоже Дэрош:

— М'тап Дэрош, пойдем, что ли, домой?

— Да,— поддержала ее Лизон,— пора!

Добрая женщина, так и не заметившая, что происходит с обеими девушками, согласилась, и они отправились домой. По дороге госпожа Дэрош удивлялась сходству между ковбоем, укротившим дикого коня, и Стальным Телом.

Глава IV

Взгляд Колибри, полный ужаса и отвращения, уничтожил Жако. Он рад был умереть, провалиться сквозь землю, лишь бы не чувствовать на себе этого негодующего взгляда.

Когда госпожа Дэрош, Лизон и Колибри удалились, он, ни слова не говоря, покинул своих изумленных дам и бросился бежать куда глаза глядят.

Только теперь с ужасающей ясностью осознал он все безобразие своего поведения.

— О, Колибри никогда не простит... Индианка...

Я ее знаю... Это настоящий кремьень... Я погиб... Я погиб... — шептал он.

Немало мучило его и то обстоятельство, что он согрешил против заветов святой Церкви, и он с трепетом думал об ожидающем его возмездии.

Сильно преувеличивая степень своего преступления, он совсем потерял голову и видел выход из создавшегося положения лишь в самых крайних поступках.

Он был убежден, что теперь, когда для него разбита любовь и закрыты врата рая, утерян и весь смысл существования.

К чему ему теперь жить!

Он шел большими шагами, не зная куда.

Ему и в голову не пришло возвратиться в отель, умолять Колибри о прощении и, быть может, получить его.

Его полудикая мысль не могла остановиться ни на чем, кроме непосредственного возмездия, несколько не соотнося важность преступления и строгость наказания.

Он дошел таким образом до берега Сены.

Перед ним был широкий каменный мост.

«Я утоплюсь... — решил он. — Все равно, как умереть... Я плаваю, как рыба, но если броситься сверху, то не успею опомниться, как пойду ко дну...»

Он дошел до середины моста, перескочил через перила и со всего размаху бросился в реку.

Почти одновременно, лишь на несколько секунд раньше, метрах в ста от Жако, кто-то таким же самым манером ринулся в реку с противоположной стороны моста.

Это была женщина.

Падая, она испустила крик, полный отчаяния.

Оба почти в одно время коснулись воды, но Жако, бесшумно погрузившийся в волны, успел услышать этот душераздирающий вопль и плеск воды неподалеку.

Как ни силен был удар, Жако не потерял сознания.

«Прощай, моя маленькая Колибри», — подумал он. Затем он сообразил: «Гм... кажется, еще кто-то топится... Подходящее время...»

С этой мыслью он отдался на волю течению.

Однако человеку, плавающему как рыба, нелегко утонуть, находясь в полном сознании. Независимо от собственной воли он делает движения, которые выносят

его на поверхность воды. Нужно обладать особенной энергией, чтобы все-таки заставить себя пойти ко дну.

Жако твердо решил умереть и привел бы свое решение в исполнение, если б, вынырнув против воли, не заметил борющейся с волнами женщины.

Он бросился вплавь к ней, решив, что утонуть еще успеет. Женщина исчезла с поверхности воды. Жако нырнул, но через минуту вынырнул ни с чем.

Меж тем со всех сторон сбежался народ, который стал подбадривать Жако криками, решив, что он бросился с моста с единственной целью спасти жертву. С берега подали лодку.

Жако вздохнул полной грудью и нырнул снова. Минуты через две-три он появился на поверхности реки, держа в одной руке потерявшую сознание женщину и стараясь при помощи другой удержаться на воде.

Несколько минут спустя лодка доставила их на берег.

Выскочив из лодки, Жако стряхнул с себя воду и решил: «Придется отложить на другой раз... Надо ее спасти... Досадно все-таки, что случилась эта проклятая история...»

Он поблагодарил подавшего им лодку и глянул на спасенную, которую видел лишь мельком.

Это была молоденькая девушка, лет шестнадцати. По ее скромному, незатейливому наряду нетрудно было догадаться, что она принадлежит к трудящемуся классу. Промокшее платье из простенькой дешевой материи плотно облегало едва расцветшее молодое тело, оттеняя стройные формы. Густые мокрые пряди светло-русых кудрей с золотистым отливом точно ореолом осеняли ее прелестную головку с тонкими, правильными чертами мертвенно-бледного лица.

Вся ее фигура дышала трогательной невинностью и кротостью, и, глядя на нее, Жако чувствовал, как в его душу вливались мир и успокоение.

На место происшествия явилось вскоре несколько полицейских, которые уложили девушку на носилки и перенесли на находившийся неподалеку полицейский пост.

Туда же был приглашен и Жако.

Пока девушку приводили в чувство, с Жако был снят допрос.

— Жак Лэффранк... по прозвищу Жако... родом

из Святого Бонифаса, что около Виннипэга, в Канаде... Профессия... ранчмэн,— отвечал он на обычные вопросы.

— Как? Ранчмэн? Что это означает? — переспросил полицейский бригадир.

— Это то же самое, что скотовод.

— Ваша квартира?

Жако не осмелился дать адрес Дэршей.

— Я из труппы Буффало-Билль.

Бригадир похвалил его за самоотверженность, с какой он бросился спасать девушку, и предложил переменить свое промокшее насквозь платье.

Девушка все еще не приходила в себя.

Тем временем бригадир порылся в кармане ее платья и нашел в нем небольшое кожаное портмоне. Там оказалось несколько мелких серебряных монет и тщательно сложенное письмо, почти совсем не пострадавшее от воды.

Он развернул его и прочитал вполголоса:

«Дорогая мама!

Прости, родная, за горе, которое я тебе причиняю. Но жизнь моя загублена. Я должна умереть. Меня завлекли в ловушку, опоили и навеки запятнали мою честь.

Негодяй давно уже меня преследовал...

Мама, моя бедная, дорогая мама, во что бы то ни стало покинь Париж; возвратись в нашу милую Бретань...

Моей любимой сестричке Ивонне теперь двенадцать лет. Она слишком красива, и я боюсь, как бы ее не постигла моя участь... Молю тебя, увези ее отсюда поскорее и подальше.

Прощай, матушка... Прощай, моя любимая сестренка. Прощай, мой малютка Леоннэ

Прощайте все!

Жанна.

Тот, кто меня погубил, богат, знатен; для него нет ничего святого.

Это...»

Бригадир, читавший это трогательное письмо, как будто выхваченное из романа, внезапно прервал чтение.

— Гром и молния! Вот так история!.. Во всяком случае, это имя не должно фигурировать в протоколе... Однако этот молодчик всюду поспевает. Будь на его месте обыкновенный смертный, давно бы ему торчать в Новой Каледонии... Этому все нипочем... Как же! Связи с министрами, с финансовыми тузами... Знатный род. Таким море по колено! — ворчал бригадир.

Легкий вздох вырвался, наконец, из груди бедняжки; она слегка приоткрыла испуганные глаза, но тотчас же зажмурилась. После нескольких глубоких вдохов, окончательно придя в себя, она зарыдала. Зачем ее спасли!..

Она должна жить и нести свой позор!..

Часа через полтора Жако постучался в дверь одной из многочисленных квартир неприглядного дома на улице Лэпик. Дверь отворила женщина средних лет, скромно, почти бедно одетая. Увидев свою дочь — а это была мать Жанны — бледную, с воспаленными глазами и в сопровождении незнакомого человека, она испуганно вскрикнула и подхватила Жанну, которая, увидев мать, упала ей на грудь и разразилась истерическим плачем.

Глава V

Со дня своей встречи с полковником Шамбержо, которая, разумеется, не была случайной, Дэрош был весь поглощен мыслью о мести. Сначала он думал о смертельной дуэли под каким-либо предлогом, но моментальная смерть казалась ему слишком незначительным наказанием для этого негодяя. Он решил сорвать маску благородства с этого ненавистного лица, уничтожить, растоптать своего врага, как последнего гада, и заставить его искупить преступления целым рядом самых мучительных пыток.

Дэрош обладал даром разгадывать людей, и после нескольких встреч с графом Шамбержо он не сомневался, что человек этот совершил в своей жизни не одно преступление.

Однако нужны были доказательства.

По рекомендации одного из своих банкиров он познакомился с искусным агентом тайной полиции, оказавшим банку немало услуг, благодаря своей находчивости и ловкости.

Дэрош объяснил, что ему надобно, дал ему для начала три тысячи франков и обещал крупное вознаграждение в случае успеха. Требовалось, разумеется, соблюдение самой строгой тайны.

Пенвэн, так звали сыщика, не теряя времени, принялся за дело. Уже через несколько дней он представил Дэрошу несколько важных справок относительно общего состояния дел у полковника Шамбержо.

Оказалось, что финансовое положение полковника было из рук вон плохо. Игра и несколько неудачных

биржевых спекуляций, если и не разорили его полностью, зато сильно подорвали кредит.

В обществе он пользовался репутацией порядочного человека, хотя за ним числилось немало грязных историй, не выплывших наружу лишь благодаря громкому имени полковника и его крупным связям.

Агенту удалось напасть на след компрометирующих знакомств: граф Шамбержо вел разгульную жизнь и имел дела с женщинами самого отвратительного пошиба.

Далее сыщик намекнул, что графу не чужды и некоторые мошеннические проделки.

Таким образом, Дэррош был прекрасно осведомлен относительно всего, что касалось полковника, и мог следить за каждым его шагом.

Полковник между тем считал его ограниченным янки, начиненным долларами, и, потирая руки, помышлял о том, как проведет этого простофилю.

Он не сомневался, что Дэррош с радостью отдаст ему свою дочь с несколькими миллионами в придачу.

План Дэрроша и без того был близок к осуществлению, когда неожиданная случайность еще ближе придвинула его к цели.

Утром, на следующий день после представления у Буффало, Лизон поднялась с сильной головной болью после мучительной, бессонной ночи. Всю ночь она думала о внезапном появлении Стального Тела в Париже, меж тем как она была уверена, что он в Америке. Она невыразимо страдала, представляя себе его рядом со своим смертельным врагом — Королевой Золота.

«Браво, Стальное Тело! Браво, мой дорогой!» — звучал в ее ушах ненавистный голос Дианы.

— Опять эта женщина терзает мое сердце! — шептала она. — О, это кончится плохо для нее или для меня.

Ей принесли утренние газеты, и она с обычным интересом принялась их просматривать.

На третьей странице ей сразу бросился в глаза отпечатанный крупным шрифтом заголовок: «Буффало-Билль. Великолепное представление. Король ковбоев».

Это была трескучая реклама, ловко замаскированная в разделе «Разные известия».

В ней пространно описывалась вся сцена укрощения дикой лошади, причем не был оставлен в тени и романический дивертисмент.

Слезы злости выступили у Лизон.

«Да, это кончится плохо! — подумала она снова. О, если б я могла забыть его!..»

Глаза ее машинально пробежали газету, как вдруг ее внимание привлек знакомый адрес.

— Улица Лэпик, № 68, — сказала она вполголоса. Но ведь это дом, где некогда жил отец; тот самый дом, и вот опять странная драма...

Она внимательно прочитала заметку, озаглавленную одним словом: «Безутешная».

«Как и я», — подумала Лизон.

Это было сжатое описание покушения на самоубийство, имевшее место накануне на мосту.

Заметка была составлена по рапорту полицейского комиссара, и истина, разумеется, была тщательно скрыта. Делалось лишь предположение, что драма имела романтическую подкладку, приводился адрес жертвы и инициалы ее и спасителя.

После короткого размышления Лизон, глубоко тронутая горем шестнадцатилетнего ребенка и пораженная роковым совпадением, решила отправиться по адресу, указанному газетой, чтобы по возможности облегчить судьбу несчастной.

Она поделилась своей мыслью с Колибри. Индианки сочувственно отнеслась к предложению Лизон; обе девушки быстро собрались и, как только была подана карета, поспешили по адресу.

Подъехав к дому № 68, bis, Лизон постучалась к консьержу и, расположив его к себе с помощью луидора, разузнала несколько подробностей относительно семьи, где случилось несчастье.

Как и следовало ожидать, семья эта крайне нуждалась и занимала одну из квартир в rez-de-chaussée.

«Быть может, они живут в том самом помещении, где двадцать лет тому назад произошла не менее ужасная драма», — подумала Лизон и осторожно, с робостью стукнула в дверь.

На стук вышла женщина, очевидно, хозяйка квартиры, с озабоченным и хмурым лицом.

При виде молодых девушек лицо ее прояснилось. Узнав, что она мать несчастного ребенка, Лизон коротко объяснила ей цель своего посещения. Она рассказала ей, что родители ее, обладающие теперь несметными богатствами, некогда жили в этом самом доме и, как

она теперь, вели жестокую борьбу за существование. Она не скрывала, что это совпадение было важным мотивом, приведшим ее сюда.

— Мужайтесь! Не теряйте надежды! Теперь наступит конец вашей нужде! — ободряла она ее.

— О, как вы добры; мое изболевшее материнское сердце так нуждается теперь в сочувствии! — лепетала бедная женщина.

— Можно нам повидать ее? — спросила Лизон.

Женщина кивнула головой в знак согласия и повела гостей в соседнюю комнату, дверь в которую была приоткрыта.

Это была большая комната, скромная обстановка которой носила следы благополучия, но только — увы! — в далеком прошлом.

Две большие, чисто убранные кровати, небольшая библиотечка на этажерке из дорогого дерева, несколько хороших картин на стенах, большой портрет в изящной золоченой раме, изображавший мужчину в форме морского лейтенанта, наконец, искусно сделанная модель судна, стоявшая на комоде, свидетельствовали, что некогда владельцам этих вещей жилось недурно.

На одной из кроватей лежала Жанна. Глаза ее были воспалены, щеки горели лихорадочным румянцем, а волосы беспорядочно разметались на подушке.

При виде Лизон и Колибри она закрыла лицо руками и рыдала.

Лизон взяла ее за руку, нежными поцелуями покрыла лицо девушки, всячески стараясь успокоить ее.

— Пусть плачет! — сказала Колибри. — Слезы облегчают горе.

Индианка стояла около комода и рассеянно рассматривала портрет морского офицера.

Прочитав надпись под портретом, она взволнованно обратилась к Лизон:

— Подойди скорее сюда, милая. Прочти. Это просто невероятно.

Лизон подошла и прочла:

«Капитану Порнику в знак благодарности от моряков, которых он спас».

Лизон побледнела и дрожащим от волнения голосом вскрикнула:

— Капитан Порник!.. Неужели он вам приходится родственником?

— Он был моим мужем... Добрый, честный человек...

— Он умер шесть лет тому назад?
— Увы...
— От желтой лихорадки?.. В Вэра Круссе?
— Да, мадемуазель. Но откуда вам все это известно?

— Я сейчас вам это объясню... Да, это был глубоко честный, благородный человек... Это он вырвал своего юнгу Эдуарда Сильвера из когтей нужды и порока...

— Вы знаете и Эдуарда?.. Нашего дорогого Неда?.. Взгляните на этот портрет, милая барышня!

Она сняла со стены фотографическую карточку, пожелтевшую от времени, и Лизон без труда узнала в изображенном на ней коренастом семнадцатилетнем юнге Стальное Тело.

Она повесила портрет, схватила руку госпожи Порник, сильно ее пожала и воскликнула:

— Вы и ваша семья близки мне и моим родным уже потому, что нас связывает знакомство и дружба с Эдуардом, которому мы многим обязаны. О, я сделаю для вас все возможное...

Мадам Порник поблагодарила ее взглядом.

— Скажите мне откровенно, вы небогаты?

— Увы! Весь мой годовой доход — триста франков, которые я получаю как вдова моряка.

— Сколько у вас детей?

— Еще одна дочь Ивонна и мальчуган восьми лет — Леоннэк. Они сейчас в школе.

— Я позабочусь о них и о Жанне, — сказали Лизон. — От моих родителей и меня вы обязаны принимать поддержку без всякого стеснения. Слышите? Это все равно, как если бы вам помогал Нед Сильвер, то есть Стальное Тело, как мы его зовем в своем кругу.

С этими словами она вынула из портмоне 1000 франков и протянула их вдове.

Бедная женщина не знала, что и делать.

Ей неловко было брать деньги у девушки, которую она видела первый раз в жизни, и она стояла в нерешительности.

Заметив, что ее колебание обижает девушку, она наконец взяла деньги и, горячо поблагодарив ее, с достоинством сказала:

— Я принимаю эти деньги во имя того, кого мой муж считал своим приемным сыном. Мы не имели от Неда никаких известий с тех пор, как покинули нашу

Бретань. Я не дала ему своего парижского адреса. Он, вероятно, писал нам и не получил ответа. Что он может обо мне подумать!.. Но мы теперь повидаемся с ним, не правда ли, мадемуазель?

— Да, я думаю, — ответила Лизон упавшим голосом и протянула госпоже Порник руку. Затем она подошла к Жанне, поцеловала ее в пылающие щеки и сказала на прощанье:

— Смотрите, поправляйтесь поскорее, моя малютка! Я пришлю вам сейчас врача! Завтра я опять приду. Позже, когда вы поправитесь, вы расскажете мне все про свое горе.

Колибри тоже дружески поцеловала Жанну, и обе девушки, еще раз пожав руку госпоже Порник, возвратились домой.

Глава VI

Обратимся теперь назад, чтобы лучше уяснить себе события, последовавшие друг за другом с поразительной быстротой.

Возвращение Дэршей и их друзей из Воздушного Города в Монмартр-ранчо мало походило на триумфальное шествие.

Как ни радостно было свидание Лизон с родителями, вырванными, наконец, из когтей Королевы Золота, как ни успешна была предпринятая экспедиция, сделавшая Дэршей обладателями несметных богатств, счастье было далеко не полным.

Бедная госпожа Дэрш и ее муж слишком исстрадались и нравственно и физически; бедняга Жо был живым олицетворением горя; Лизон испытывала невыразимые муки разбитой, поруганной любви, а Стальное Тело не мог без жгучего стыда смотреть на Лизон.

Он предполагал, что ей еще ничего не известно, и в первый момент подошел к ней и с искренней радостью протянул ей руку.

Лизон, желавшая скрыть свою рану от родителей, взяла его руку, но сделала это так холодно, что у молодого человека упало сердце. Когда они остались на минуту одни, она ответила на его объяснения полным презрением взглядом и сухо ему сказала:

— Я знаю все!..

Он побледнел, смешался, не зная, как себя держать.

Она не упрекала его и меньше всего походила

на жертву. Напротив, ей удалось сохранить ледяное достоинство и скрыть за ним терзавшие ее невыразимые муки.

— Мои родители и я так многим вам обязаны, сказала она ему, — что вы всегда будете самым дорогим нашим другом. Вы спасли жизнь и мне, и моим родителям... Мы обязаны вам жизнью, богатством, всем...

Ему хотелось кричать: «Лизон, моя обожаемая, не говорите со мной так. Я люблю вас, вас одну... кланюсь вам...»

Дэрош услышал последние слова молодой девушки и присоединил к ним выражения своей благодарности.

— Да... Наша жизнь принадлежит вам... И если вы нас тоже любите, то не покидайте никогда. Слышите?.. Никогда!.. Будьте нашим сыном!..

— От всего сердца принимаю ваше предложение, ответил Стальное Тело, и они обменялись энергичным рукопожатием, которое как бы скрепило их союз.

Стальное Тело с помощью Черного Орла, Жако и Фреда, с которым он после короткого объяснения Лизон охотно примирился, занялся разгрузкой и переносомклада.

Жизнь в Монмартре вошла в колею и шла обычным чередом с той лишь разницей, что теперь хозяйству было поставлено на широкую ногу, благодаря огромным денежным средствам.

Верная своему решению, Лизон была приветлива, сердечна с Стальным Телом, но и только.

Он пытался ее разжалобить, смягчить, но добивался лишь одного ответа:

— Не говорите так... Не заставляйте меня понапрасну страдать... Избавьте меня от бесполезной муки...

Измученный, отчаявшийся Стальное Тело, как утопающий за соломинку, схватился за последнюю надежду. Он обратился к посредничеству Колибри, зная, каким доверием пользуется она у Лизон. Маленькая индианка, обладавшая чувствительным сердцем и очень любившая своего «большого друга», как она называли Стальное Тело, только покачала головой:

— Ты чуть было не убил ее... Ты не знаешь, что за муки она испытала по твоей милости... Она тебя слишком любила... Это было больше, чем любовь... Это была ее вера, ее жизнь, ее душа... Погубить все это — преступление. Оставь в покое сердце, которое ты разбил...

— Но разве ты не видишь, что я люблю ее больше, чем когда-либо?..

— Значит, ты сумасшедший...

— Да, сумасшедший, от любви, стыда и отчаяния!

Так шли дни за днями, и только Лизон и Стальное Тело знали причину тягостного настроения, которое, однако, разделялось всеми.

Однажды он неожиданно и почти грубо спросил ее:

— Лизон, вы еще меня любите?

Она вздрогнула, побледнела, но у нее хватило силы ответить ему упавшим голосом:

— Увы, боюсь, что нет!

Как сумасшедший бросился он в степь, рыдая, словно дитя.

С тех пор он ходил мрачный, как ночь, и избегал оставаться с Лизон наедине.

Между тем стали поговаривать о поездке во Францию.

Лизон видела в ней свое избавление, но боялась, что Стальное Тело поедет тоже. Супруги Дэрош настойчиво приглашали его, да ему и самому страстно хотелось сопровождать их, но Лизон умоляла его остаться в Монмартре-ранчо.

— Вы требуете этого? — спросил он с болью в сердце.

— Я ничего не могу от вас требовать, — ответила она ему с обычной мягкостью и горькой улыбкой. — Я обращаюсь к вам с просьбой.

Он опустил голову.

— Если вы этого хотите, я остаюсь, — ответил он глухим голосом.

Семья Дэрошей с Колибри и Жако вскоре отправилась в Нью-Йорк, а оттуда во Францию.

В момент расставания Лизон хотелось броситься в объятия Стального Тела и крикнуть ему:

— Едемте... едемте... И не будем никогда расставаться!..

Но проклятый образ Королевы Золота, ее звонкий, насмешливый хохот пришли ей на память в эту минуту, и она сдержала свой порыв.

Они уехали. И Стальное Тело остался дома, вопреки настояниям Дэроша, который не мог себе объяснить этого каприза.

Мало-помалу под наплывом новых впечатлений тоска Лизон стала смягчаться.

Как ни длинен был переезд, он нисколько не утомил ее, благодаря исключительным удобствам, доступным лишь очень состоятельным людям.

Весь путь по железной дороге семья Дэршей совершила в так называемом silver palace (серебряном дворце), то есть вагоне, обставленном с поразительной роскошью.

На «Cascogne», чудесном трансатлантическом пароходе, каждый из наших путешественников имел отдельную каюту и окружен был полным комфортом.

Говорят, что у богачей, как и у бедняков, есть свои горести; однако у них есть тысячи способов облегчить эти горести; меж тем как у бедняков их нет.

Одно дело носить в душе смерть среди четырех голых стен мансарды, в холоде, голоде и с малютками на руках, другое — страдать во дворце с 500 000 франков годового дохода.

Новая обстановка, быстро сменяющие друг друга картины, ощущения — все это так успокоительно действовало на душу Лизон, что она чувствовала себя совершенно излечившейся от тоски и с увлечением молодости наслаждалась жизнью.

Нью-Йорк был первый огромный город, где они остановились на несколько дней; и обе девушки не могли прийти в себя от изумления, до того поразили их огромные дома и толпы людей на улицах. Они удивлялись, как люди эти могут жить в таком шуме, в такой суете. Немало поразила их безграничность и величие океана, через который они переплыли при исключительно благоприятной погоде.

Немало нового ожидало их и во Франции, при приближении к берегам которой у Дэрша сильно забилось сердце и глаза заволокли слезы.

В Париже Лизон казалось, что она переродилась или, правильней, что существование ее раздвоилось.

Одна Лизон, проводшая свое детство и юность в Монмартр-ранчо, которая любила и страдала, осталась в гигантских прериях Америки.

Другая Лизон, путешественница, миллионерша, вся прониклась жизнью огромного Парижа, его интересами, волнениями и чувствовала себя так, словно всю жизнь прожила здесь.

Таким образом, она мало-помалу успокоилась, и только легкая меланхолия напоминала о недавних жестоких мучениях, как вдруг в тот момент, когда она

считала себя излечившейся, она встречается в Париже виновника всех своих страданий.

Мало того, на ее пути опять возникает Диана, ее смертельный враг, ее неумолимая соперница, которая с обычной наглостью напоказ демонстрирует свою любовь.

Она бросила букет Стальному Телу, шумно ему аплодировала, а он принял ее цветы, поблагодарив полным огня взглядом.

Лизон не сомневалась, что они снова встретились и вместе приехали в Париж.

Ее страдания возобновились с новой силой.

Она хотела было во всем чистосердечно признаться родителям и просить их увезти ее куда-нибудь подальше отсюда, но раздумала, не желая быть помехой отцу в его предприятии, которому она полностью сочувствовала.

И молодая девушка мужественно сделала шаг навстречу новым мукам.

Несмотря на то, что она вся была поглощена своими новыми страданиями, она не могла не заметить продолжительного отсутствия доброго канадца.

— Куда девался мой друг Жако? — спросила она Колибри.

— Жако не должен быть больше твоим другом, — ответила индианка.

— Почему, моя милая? Что ты говоришь?

— Да. Это господн, который старается не отставать от Стального Тела.

— Я не понимаю.

— Он кутит черт знает с кем. Вот и все.

— Но ты с ума сошла?

— Быть может... Но не слеpla.

— Бедная Колибри! И ты обманута!

Индианка пожала плечами и сказала, хрустнув пальцами:

— Не будем больше об этом говорить. Ты ведь знаешь, что краснокожие не чувствительны к горю.

— Я знаю, что они обыкновенно сдержанны и без жалобы переносят мучения и физические, и нравственные. Но, в сущности, они страдают не меньше.

— Зато никто не замечает их горя, и скоро они сами перестают его чувствовать, благодаря воле.

— Но ведь ты так любила этого доброго, большого Жако, твоего неразлучного друга детства и товарища.

— Да, я люблю его еще и теперь. Но я хочу уничтожить эту любовь и вырву ее из своего сердца! — воскликнула она с какой-то дикой энергией.

— Ты права, нужно только захотеть, — прошептала Лизон и подумала: «Неужели у меня не хватит сил? Разве я не воспитана по-индейски... Разве я наполовину не индианка... Посмотрим!..»

Глава VII

Лизон не ошиблась: Стальное Тело вновь увлекся Королевой Золота. Но ее предположение, что они встретились еще в Америке и вместе приехали в Париж, было ошибочно.

О, если бы Лизон знала, что Стальное Тело вышел победителем после первого увлечения и, несмотря на все чары Дианы, сумел побороть свои чувства и бежать от нее в тот момент, когда та предлагала ему себя самое и все свое состояние. С какой радостью протянула бы она ему руку примирения! От скольких бессонных ночей избавила бы себя.

Но она не хотела выслушать Стальное Тело, несмотря на все его мольбы... Что он мог сказать в свое оправдание, раз о его позоре громко свидетельствовали денверские газеты и иллюстрированные журналы?

Потом она уехала, оставив его на осиротевшей ферме, в наводящей тоску и грусть компании Жо, индейского вождя, Фреда и Жака-Курильщика.

Полагать, что он останется там, как орел в клетке, значило плохо знать его.

Скоро его одолела безысходная тоска.

В один прекрасный день он уложил свои вещи, попрощался с Букин-Билли, которого оставил на попечение Смокер-Жака, пожал протянутые на прощанье руки и отправился на ближайшую железнодорожную станцию.

Денег у него хватало лишь на проезд. Но это его не смущало: лишь бы добраться до Парижа, там он как-нибудь перебьется.

Переезд совершился без всяких приключений, и он очутился на парижской мостовой, свободный как птица и с несколькими жалкими грошами в кармане.

Он тотчас же заметил афиши Буффало-Билля и сказал себе: «Вот эта работа по мне!»

Немедля он отправился к полковнику Годи, который его хорошо знал и принял с распростертыми объятиями в свою трупшу.

Через несколько дней коннозаводчик сделал труппе Буффало известный читателям вызов.

Стальное Тело принял вызов и укротил коня, что доставило ему громкий успех и кругленькую сумму в 5000 франков.

Таким образом он обеспечил свое существование.

Можно себе представить изумление Стального Тела, когда он узнал в женщине, бросившей ему букет орхидей, ту, которую он так смертельно оскорбил, прекрасную Диану, гордую Королеву Золота.

В нем боролись самые разные чувства, но ослепительная красота Дианы вновь одержала победу над голосом рассудка, и он готов был опять пасть к ее ногам.

К несчастью, он не заметил Лизон, которая поспешила уйти, решив с болью в сердце, что Стальное Тело вновь сблизился с Королевой Золота.

Диана терпеливо ждала героя дня у выхода.

Увидев его, она радостно побежала навстречу, пылко пожала руку и, шепнув ему: «Идем!», увлекла к своей карете.

— Идем!.. Мой любимый... Я тебя обожаю!..

И он не успел опомниться, как очутился в карете рядом с нею.

— Диана!.. Вы здесь!.. Какими судьбами?..

— Очень просто, мой дорогой! Я ни на минуту не упустила тебя из виду. Я знала о твоём отъезде... о твоём пребывании во Франции... О поступлении в трупшу Буффало... Я следила за каждым твоим шагом, за каждым движением, потому что ты мне дороже всего в мире... Женщина, которая любит, способна на все, а я тебя обожаю...

Он улыбнулся и сказал:

— Вы говорите, что любите меня, а между тем чуть было не отправили в Воздушном Городе на тот свет.

— Потому что я люблю тебя до безумия... Ты должен принадлежать только мне и никому больше... Можешь быть уверен, что я не пережила бы тебя и покончила бы с собой над твоим трупом.

На красивом, мужественном лице Стального Тела появилась улыбка.

— Ты надо мной смеешься? — спросила его Диана обиженным тоном. — Ты не веришь мне?

— Нет, — ответил он. — Но не смешно ли, что к словам любви у вас примешиваются постоянно фразы о смерти, убийстве и тому подобном.

Диана, в свою очередь, рассмеялась и заговорила, переходя то на «ты», то на «вы».

— В самом деле вы правы! Какое я странное существо. Я вечно слишком увлекаюсь, желая добиться своих целей, а потом приходится исправлять ошибки, которые легко можно было избежать. Знаешь, я теперь стала другой и не могу без смеха вспоминать, как хотела женить тебя на себе. Я люблю тебя всем сердцем и отказываюсь от всяких условий.

С этими словами она обвила его шею руками и страстно прижалась к его груди.

Ласки прелестной женщины, ее пылкие, страстные признания, искренность, в которой невозможно было сомневаться, вскружили голову молодому человеку и пробудили в нем страсть, которую он некогда питал к этому очаровательному созданию.

Он пылко ее обнял, и губы их слились в поцелуй.

Карета остановилась у подъезда роскошного дворца.

В вестибюле *rez-de-chaussée* ходил взад и вперед высокий худой человек с козлиной бородкой, жуя табак и время от времени выплевывая слюну.

Он тотчас же узнал Стальное Тело, пожал ему руку и похлопал по плечу.

— Черт возьми! Никак это вы, господин полковник, — сказал, смеясь, Стальное Тело. — Значит, вы благополучно выбрались из погребца в Денвере... Поздравляю...

— По вашей милости мы тогда потеряли золота миллионов на полтораста, знаете ли это, мой дорогой?..

— Ба! — сказала, пожимая плечами, Диана. — К чему мне золото... Лишь бы не потерять тебя, мое сокровище, — обратилась она к Стальному Телу, стесняясь присутствия янки не больше, чем присутствия какого-нибудь домашнего животного.

Она поручила полковнику сделать распоряжение относительно обеда и, взяв молодого человека под руку, повела его к себе.

Оставшись, наконец, наедине в небольшой роскошно убранной комнате, они бросились в объятия друг друга, забыв про все на свете.

Диана всем сердцем, всем своим существом любила Стальное Тело. Однако ее жгучая, безумная страсть не ослепляла ее настолько, чтобы не замечать, что сердце Стального Тела принадлежит ей не совсем. Если он и любил ее, то не той глубокой, безраздельной любовью, какой она добивалась.

Со дня новой встречи ее не покидал страх, как бы этот человек, в любви которого она видела весь смысл своего существования, снова не оставил ее наедине с тяжелой тоской.

Поэтому она всячески старалась заполнить его жизнь, привязать его к себе, стать для него необходимой.

Обыкновенно резкая, упорная, повелительная, она стала нежной, ласковой, покорной. Ни минуты не давала ему скучать; с поразительным искусством разнообразила она время, занимая его то музыкой, то пением, то остроумной беседой.

Порывы страсти бросали ее, как безумную, в объятия молодого человека, зажигали его, и он забывал тогда и про широкий простор своих прерий, и про свободу, и про Лизон, из-за которой покинул Америку...

Глава VIII

Семья Дэрошей переехала с Avenue de l'Opéra на Avenue Noche в свой собственный отель, который банкир Тэррье приобрел и роскошно обставил для своего богатого клиента.

Мебель, картины, посуда, украшения тонкой художественной работы — все это было приобретено в самый короткий срок, чуть ли не в 24 часа, теперь Дэроши имели свое серебро, белье, постели.

Кучера, лакеи, горничные, метрдотель, повара с поварятами — целый штат прислуги был в их распоряжении.

Однако, несмотря на всю эту роскошь, чудом разбогатевшие труженики остались теми же простыми, добрыми людьми.

Челяди это не нравилось.

Кучера были неприступны; лакеи держали себя с важностью дипломатов и, кичась знакомствами с графом N или герцогом X., за лошадьми которых они имели честь ухаживать, считали для себя унижением прислуживать таким простым людям; горничные полны

были высокомерия, складывали губы сердечком и повышали при разговоре голос, подражая дамам высшего света; повар мало обращал внимания на меню, но зато, как человек практичный, усердно приделывал в счетах хвостики к нулям.

Привыкнув к служащим Монмартр-ранчо, которые как бы входили в их семью, или к прислуге в отеле, относящейся безразлично к своим ежедневно меняющимся господам, Дэроши впервые ознакомились с той язвой, которую представляла собой современная челядь.

Но она являлась частью той роскоши, которая необходима была Дэрошу для достижения цели, и поэтому он с ней мирился.

Дней через десять после переезда в свой отель, Дэрош пригласил банкира Тэррье и его друга-полковника на завтрак.

Граф Шамбержо воображал, что поразили этих простых людей благородством своего происхождения, блеском чина и своими достоинствами светского человека и интересного собеседника. Он не сомневался, что произвел сильное впечатление на Лизон.

Он замечал, как она краснела и бледнела при его появлении, и самодовольно улыбался, думая об ее миллионах. Завтрак, начиная с сервировки и кончая винами, был безупречен.

Граф заметил все это и оценил со свойственным ему тактом, в то время, как банкир приходил от всего в шумный восторг.

Полковник был необыкновенно любезен с дамами.

После завтрака мужчины отправились на половину Дэроша поговорить о делах.

Ранчмэн со своей обычной простотой приступил прямо к делу.

— Господин граф, — обратился он к полковнику, — господин Тэррье попросил меня от вашего имени о незначительной услуге. Я в вашем полном распоряжении, граф.

Простяк Дэрош, в роли импровизированного комедианта, употреблял все усилия, чтобы изобразить человека, который бесконечно осчастливлен знакомством с представителем столь знатного рода и возможностью даже оказать ему услугу.

Шамбержо и Тэррье видели в нем американца, начиненного долларами, прельщенного знатным титу

лом и лелеющего мечту сделать свою дочь графиней.

— Вы так любезны, что я отброшу всякое стеснение,— начал с любезной улыбкой граф.

— Весь к вашим услугам, господин граф!

— Перед вами ужасный расточитель...

— Обладая вашим положением в свете, с вашим чином и, в особенности, таким блестящим именем, не мудрено сделаться... ну, как бы выразиться... уничтожителем денег...

— Вы совершенно верно выразились. Я именно — денежный уничтожитель. При этом мое финансовое положение теперь несколько затруднительно.

— Да... Сколько соблазнов для молодого человека... Зеленое поле... Скачки... Красивые женщины с острыми зубками.

— Вы меня смущаете... Эти пороки мне в самом деле стоили очень дорого... Но теперь я хочу все переменить... отказаться от прошлого и сделаться... наилучшим из супругов и отцов.

Дэрош слушал его, наклонив голову, и небрежно спросил:

— Что вы подразумеваете под словами «стоили дорого»?

— Большую сумму... Очень большую... Целый миллион... а то, пожалуй, еще и с дробью...

— Ну, подожим, полтора миллиона,— сказал Дэрош.

Полковник продолжал улыбаться, но его лоб и руки покрылись потом. Ужасное волнение заставило его сердце усиленно биться.

Его дела, действительно, обстояли из рук вон плохо. Он один только это знал. Теперь наступил решительный момент: Дэрош был его последней надеждой.

— Полтора миллиона... сущая безделица... — сказал Дэрош. — Сочту за честь, если вы у меня их займете.

Шамбержо напряг всю свою волю, чтоб казаться хладнокровным, и, стараясь скрыть выражение глаз, произнес, понизив голос:

— Но я не могу вам предложить никакой материальной гарантии.

— Слово такого человека, как вы, господин граф, служит для меня наилучшей гарантией!

С этими словами Дэрош вынул из бокового кармана бумажник и, подписав чек на полтора миллиона, с подобострастием подал его своему собеседнику.

— Будьте добры дать мне для формы расписку в получении и не забывайте при случае, что я всегда к вашим услугам.

Полковник, с трудом сохраняя спокойствие, настроил расписку и с развязным видом вручил ее Дэррошу.

— Я вам бесконечно благодарен. Только американцы могут быть столь доверчивы и благородны!

И они расстались, обменявшись рукопожатием и комплиментами.

Усевшись в карету рядом с своим другом-банкиром, Шамбержо сразу преобразился. Хладнокровие и сдержанность как рукой сняло. Дикая радость и необузданное веселье обуяли его.

— Черт возьми! Он богат, как Крез, этот американский идиот... Стой, голубчик, мы еще тебя пощупаем... Для начала все-таки это недурно...

Тэррье тоже потирал руки.

— Ну, а как насчет небольших комиссионных?..

— На твою долю будет двести тысяч... Доволен?

— Ты не скуп... Благодарю... А теперь, что ты намерен делать?

— Сегодня — кутить... Тысчонок пятьдесят ухлопаем. Едем сейчас же к Нюнюш. Пусть приготовится к вечеру. Сегодня пир горой!..

— Смотри, будь осторожнее!

— Брось! Человеку, у которого в кармане полтора миллиона, бояться нечего.

Глава IX

Спустя полчаса после отъезда гостей, к отелю подкатила скромная коляска, и из нее вышел, оглянувшись предварительно по сторонам, какой-то человек.

Он попросил доложить о себе Дэррошу и немедленно был принят.

Его ввели в комнату, которую недавно покинули полковник и банкир.

Он почтительно поклонился и сказал несколько сильным голосом:

— Вы меня узнаете, господин Дэррош?

Дэррош внимательно осмотрел его с ног до головы и не узнал.

— Но вы меня так часто видели и подолгу со мной беседовали. Всмотритесь в меня хорошенько! — настаивал незнакомец.

Ранчмэн снова с большим вниманием оглядел его, подошел поближе, пожал плечами и сказал:

— Я вас никогда не видел.

— В таком случае мое переодевание удалось как нельзя лучше,— смеясь, сказал гость.

Перед Дэрошем стоял человек высокого роста, очень плотного телосложения, с толстой шеей, закрытой доходящим чуть не до ушей воротником, с седеющими волосами и в дымчатых очках.

Вдруг послышался звук, похожий на свист сифона с сельтерской водой, и, к изумлению Дэроша, незнакомец стал быстро уменьшаться в объеме.

Он похудел в одну минуту: платье на нем болталось, как на палке, очки упали, воротник отвернулся, и седая шевелюра куда-то исчезла.

— Пенвэн!.. Да ведь это вы, господин Пенвэн! — воскликнул Дэрош, узнав теперь в стоявшем перед ним худощавом, ловком и мускулистом человеке лет 35 своего агента.— Но это просто чудо! Объясните, как вы добились такой метаморфозы?

— Очень просто. У меня под курткой каучуковый жилет, сделанный в виде кармана. Я по желанию надуваю его или выпускаю воздух при помощи резиновой трубки, снабженной металлической пробкой. Это нечто вроде аппарата, употребляемого контрабандистами для перевозки спирта.

— Вы — волшебник! Но к чему вам такие предосторожности?

— Они необходимы. Я заметил, что вокруг вас, равно как и вокруг графа Шамбержо, раскинута целая сеть самого тщательного надзора. За вами и за всей вашей семьей следят день и ночь с поразительной настойчивостью.

— Уж не собираются ли меня ограбить?

— Не думаю; во всяком случае, можете быть спокойны: я сумею оградить вас от всех неприятностей. Ну, а теперь относительно другого дела. Я навел справки насчет графа Шамбержо. Как я и предполагал, это — отвратительнейшее из созданий. Он весь соткан из пороков. На его совести не одно гнусное преступление.

— А, а.. Я так и думал... Этот бандит не переменился... — сразу побледнев, прошептал Дэрош.

— Здесь есть, между прочим, некая дама Альфонсия Буриньяк, по прозвищу Нюнюш, известная куртизанка и сводница. Полковник — один из ее наиболее частых посетителей.

— Нужно заручиться ее содействием. Конечно, с помощью денег, — с живостью перебил его Дэррош.

— Я уже это сделал и с успехом.

— Не нужно ли вам еще денег?

— Нет, пока не нужно.

— На всякий случай небольшую сумму! — и он протянул ему чек.

Агент поблагодарил его и начал готовиться к уходу. Вынув из бокового кармана небольшую трубку, он поставил ее к губам и стал наддувать. Через минуту он снова приобрел вид толстого купца и, надев парик и очки, раскланялся.

Спустя четверть часа он вышел из кареты на углу Avenue de Neilly, расплатился с кучером и медленным шагом прогуливающегося рантье подошел к скромному домику, в воротах которого исчез. Еще через четверть часа он появился в дверях этого же дома, но с противоположной стороны, выходявшей на улицу du Midi.

Окинув быстрым взглядом улицу и убедившись, что никто за ним не следит, он подошел к прекрасному дому на улице Charles Laffite и нажал на пуговку электрического звонка.

Мучимый угрызениями совести, тоской по Колибри и печальными мыслями о разбитой любви, бедняга Жако не находил себе места. Засунув руки в карманы, он бесцельно бродил по Парижу с тайной надеждой увидеть хоть издали Колибри. Не зная, куда деваться от тоски, он иногда принимал участие в представлениях Буффало-Билль. Особенно плохо чувствовал он себя по ночам, когда все вокруг засыпало. Бессвязные, полудикие мысли назойливо лезли ему в голову, вызывая картины одна другой мучительнее. Совершенный грех не давал ему покоя: теперь нечего надеяться на рай; он уже представлял себе адские муки за гробной жизни.

Вдруг его осенила простая мысль о возможности искупить свой грех.

— Hallo! — вскричал он. — Это идея: надо пойти к священнику!

И, не откладывая дела в долгий ящик, он на другой же день оделся по-праздничному и отправился в церковь.

На исповеди он чистосердечно во всем признался и почувствовал большое облегчение.

Жако вернулся в труппу Буффалья-Билля, участвовал в представлении, ел за троих и после утомительного дня заснул сном праведника.

Наутро он проснулся радостный и бодрый и тотчас же поспешил на Avenue de l'Opéra, горя желанием увидеть, наконец, свою дорогую Колибри, рассказать, что священник отпустил ему его грех, и вымолить прощение.

Но там он узнал, что Дэроши покинули отель.

Это известие поразило его в самое сердце. Он предположил, что они, не предупредив его, покинули Париж, и мысль эта вновь погрузила его в отчаянье. Он снова стал шататься по улицам без всякой определенной цели и с адом в душе. Дружба, любовь, семья — все для него погибло, и перед ним решительнее, чем прежде, встала мысль о самоубийстве.

Эта мысль напомнила ему о другом существе, столь же несчастном, как и он сам. Ему страстно захотелось увидеть еще раз спасенную им девушку и ее семью, которая так пр-родственному тепло к нему отнеслась. Он быстро зашагал по направлению к Монмартру.

Повернув в улицу Лэпик, он заметил впереди себя восьмилетнего мальчугана, с школьной сумкой через плечо, который шел, подбрасывая в воздух два апельсина.

Жако догнал его и, подкравшись, поймал на лету один из апельсинов. Мальчик в гневе обернулся, но, узнав знакомого, весело рассмеялся.

— Ба! Господин Жако! Вы к нам? Идемте! — мальчик прикоснулся двумя пальцами к своему берету и взял кобоя за руку.

— Здравствуй, Леоннэк! Здравствуй, дружок! Все ли у вас благополучно?

— Все, господин Жако, merci!

И они, весело разговаривая, вошли в дом.

Госпожа Порник, увидев спасителя своей дочери, радостно протянула ему обе руки.

Жако покраснел, поцеловал ее в обе щеки и, глубоко тронутый, пролепетал:

— Я очень рад вас видеть... Очень, очень рад...

Ивонна, девочка лет двенадцати, прелестная брюнетка, подставила ему для поцелуя лоб.

Жанна встретила его со страдальческой улыбкой на губах.

Мадам Порник усадила Жако рядом с Жанной, которая полулежала в кресле с печальным, устремленным в пространство взглядом.

Жако жалостливо смотрел на ее бескровные щеки, бледные губы и сказал своим грубым голосом, стараясь смягчить его:

— Ну, что, мадемуазель Жанна, вам все еще не лучше?

— Нет... Ничего... Я не больна... Но быть как прежде веселой я уже не могу.

— Ну, вот! Такая молоденькая девушка, как вы, должна смеяться, петь, бегать, веселиться... Ваша жизнь ведь еще впереди!

Она устремила на него свой безжизненный взгляд, и две крупные слезинки повисли на ее ресницах.

Девушка не произнесла ни одной жалобы, но вид ее надрывал душу. Она походила на плачущую статую, на статую отчаяния.

Всем стало тяжело и грустно, но Леоннэк, на которого общее настроение, к счастью, не повлияло, очень кстати вскочил на колени к Жако и заставил его рассказывать про индейцев и про труппу Буффало-Билли.

Постепенно дурное настроение исчезло, и все с интересом слушали рассказы Жако. Даже Жанна будто забыла на минуту свое горе, увлекшись картинами незнакомого ей мира.

Вдруг кто-то легонько стукнул в дверь.

Мадам Порник бросилась открывать.

Крик удивления, почти ужаса вырвался у Жако. Он побледнел и стал отступать... Наткнувшись на стену, он остановился и точно прирос к ней.

— Боже мой... Колибри... Я пропал...

Лизон и Колибри — это были они — обменялись приветствиями с госпожой Порник и дружески расцеловались с Жанной.

— Жако, мой добрый Жако! — вскричала Лизон, заметив стоявшего истуканом канадца, наполовину скрытого занавеской. — Вы здесь! Как я рада вас видеть!

И с радостной улыбкой она протянула ему руку.

Канадец схватил ее своими огромными ручищами и от волнения не мог произнести ни звука.

Бледная, с сжатыми губами, Колибри устремила на него взгляд, сверкающий гневом.

Члены семьи Порник наблюдали эту нелепую сцену, ничего не понимая.

Наконец к Жако вернулся дар слова, и он пролепетал:

— Мадемуазель... Мадемуазель Лизон... Скажите мне что-нибудь о ваших родителях... Они здоровы?

— Да, мой друг, благодарю вас... Они очень удивляются вашему отсутствию. Им хочется вас увидеть.

— А я... Мне тоже...

Жако покраснел до белков глаз и лепетал что-то невнятное. Он чувствовал на себе грозный взгляд Колибри и страстно желал провалиться сквозь землю.

Испытывая адские муки, бедняга несколько раз порывался уйти, госпожа Порник с таким искренним радушием просила его остаться, что у него не хватало духа ей перечить.

Колибри, между тем, решительно повернулась спиной к Жако и уселась между Жанной и Ивонной.

Индианка сразу изменилась: только что суровая и непреклонная, она стала теперь ласковой и нежной.

— Моя Жанночка, бедная малютка, полно грустить и убиваться,— заговорила она своим гортанным голосом, обнимая несчастную девушку.— Помните, что вам нужно жить для вашей мамы, для Ивонны, для маленького братца, для меня и Лизон; ведь все мы так вас любим!

Жанна горячо пожала ей руку и ничего не сказала в ответ.

— Вы чего-нибудь хотите? — продолжала Колибри.— Скажите, что могло бы доставить вам удовольствие?

— Я была бы счастлива... если только я могу еще быть счастлива... покинуть Париж... Я хотела бы бежать отсюда в нашу родную Бретань... Там умереть, если горю суждено меня убить...

— Зачем такие грустные мысли! Лучше думайте о жизни! Вот мы едем скоро в Америку. Господин Дэрош, отец Лизон, уполномочил меня просить вас отправиться вместе с нами и остаться навсегда среди нас, сделаться членами нашей семьи.

Искра надежды блеснула в глазах бедняжки.

— Как вы все добры к нам,— прошептала она в умилении.

Пока они беседовали, Лизон тщетно пыталась завести разговор с Жако. На все ее вопросы он отвечал бессвязными фразами или лаконичными «да» и «нет».

— Скажите, все-таки, Жако, как вы здесь очутились? Я никак не могу этого понять.

— Я встретил Леоннека, который играл апельсинками, и пришел вместе с ним.

— Странное объяснение... Что с вами? Вы точно во сне.

— Я не во сне, а схожу с ума... Быть здесь, около нее, и чувствовать, что она ненавидит и презирает тебя, от этого нетрудно лишиться и без того небольшого ума...

Лизон от души жалела Жако. Улучив удобный момент, она подошла к Колибри и стала умолять ее во имя их взаимной дружбы и любви простить Жако и протянуть ему руку примирения.

Индианка вскочила со стула. Глаза ее сверкали и ноздри раздувались. В ней, очевидно, происходила борьба между ненавистью к человеку, который насмехался над ее любовью, и чувством привязанности к своей названной сестре.

— Нет, ни за что... Жако — подлец! — вскрикнули она, сделав энергичный жест рукой.

— Извините, мадемуазель, что я вмешиваюсь в ваши дела, — обратилась к Колибри госпожа Порник, но между вами, очевидно, произошло какое-то недоразумение: Жак Лэфран не может быть подлецом!

— Разве вы его настолько близко знаете, что можете с уверенностью утверждать это?

— Человек, который с опасностью для жизни вытаскивал из Сены мою дочь, не может быть подлецом.

На лице Колибри появилось выражение крайнего изумления, и голос ее смягчился.

— Как?.. Это он... Он спас Жанну?..

— Да, да... Я ему обязана жизнью и умоляю вас забыть недоразумения, бывшие между вами.

Две крупные слезы, первые, быть может, в ее жизни, выступили на глазах у индианки, и она сказала голосом, в котором слышалось и бешенство и умиление:

— А... Вы меня победили!.. Я, индианка, становлюсь такой же слабой, как вы — слабые белые женщины... Жако, забудем все!

И она протянула ему руку.

Жако стремительно вскочил со своего места, порывисто схватил обеими руками ее маленькую ручку.

— Колибри... Мерси!.. — произнес он, наконец. Я страдал... Я хотел умереть...

— Ни слова о прошлом! Я все забыла! Но знай, что если это повторится, то ты меня больше не увидишь. Я сумею умереть по-индейски...

Жако молчал, но его взгляд красноречиво свидетельствовал о том, что творилось в его душе.

Лизон сияла, глядя на Жако и Колибри.

Глава X

Не желая их стеснять, она подсела к госпоже Порник и заговорила с ней о деле, которое ей поручил отец.

— Жанна как-то мне говорила, — начала она, — что она охотно оставила бы Париж и вернулась в Бретань. Не разделяете ли вы ее желания покинуть Париж?

— О, да, моя милая барышня, я готова хоть сейчас. Меня тянет в Бретань. Но, увы! Бедность выгнала нас отсюда после смерти мужа. Пришлось бежать в Париж. Искать работы... Я стала прачкой, научила Жанну шить... Мы начали приходить в себя... Даже чувствовали себя счастливыми, как вдруг это ужасное горе...

— Мама, — прервала ее страдальческим голосом Жанна, — не говори об этом... умоляю тебя...

— Нет, нет, дитя мое, успокойся.

— Жанна, дорогая, расскажите мне про свое горе. Ведь я вас так люблю; это облегчит вашу душу, — обратилась к девушке Лизон, взяв ее ласково за руку.

— Нет... нет... не теперь!

— Хорошо, милая, после, когда вы меня лучше узнаете. Возвращаясь к нашему разговору, госпожа Порник. Согласились бы вы уехать вместе с нами в Америку? Ведь вам безразлично куда ехать? Разве что в Америку далеко? Но ведь вы — жена моряка.

Госпожа Порник вздрогнула от неожиданности.

— В Америку?! Но как мы там сможем жить?

— При вашем усердии и добросовестности вы можете там зарабатывать вдесятеро больше, чем здесь. Мы поручим вам управление одной из наших ферм. Такого честного управляющего, каким будете вы, очень трудно найти. Да и для ваших детей это было бы очень хорошо; они научились бы труду и жили, не зная нужды и горя.

— Да... да... Это правда... — сказала вдова, соблазненная такой перспективой.

— Ах, как это будет хорошо! — вмешался вдруг в разговор маленький Леоннэк. — Как это будет хорошо! Я хочу ехать. Я буду там охотиться с Жако, ездить верхом, буду ковбоем...

— Хорошо сказано, мой мальчик, — похвалила его Колибри.

— Я хочу ехать немедленно, — настаивал Леоннэк.

— Нужно подождать, пока мы закончим дела.

— Это не будет очень долго? — спросил мальчик.

— Нет, мой малютка. Месяца два, а... может быть, и меньше, — успокоила его Лизон. — Однако уже поздно. Пора идти, — продолжала она. — Итак, госпожа Порник, я считаю вопрос о вашей поездке в Америку почти решенным. До свидания, мадам. До свидания, дорогие Жанна, Ивонна. А ты, Леоннэк, живей одевайся, и идем к нам вместе с дядей Жако.

Колибри, в свою очередь, простилась, и все четверо вышли из домика на улице Лэник.

События быстро следовали друг за другом.

Агент Пенвэн, взявший на себя тщательный надзор за полковником Шамбержо, не терял времени даром. Собрать важные улики против полковника было тем легче, что вся жизнь того была соткана из грязных пороков и преступлений. При содействии Нюнош, не подозревавшей, кто такой ее толстый и смешной клиент, Пенвэн мог проследить день за днем, шаг за шагом все темные похождения Шамбержо, не упуская при этом случая пользоваться новейшей техникой, чтобы при нужде иметь неопровержимые, фактические доказательства его виновности. Миниатюрный фотоаппарат и небольшой фонограф — последнее слово электротехники — оказали ему большие услуги.

При помощи их он получил несколько фотографий и оттисков фонографа, передававших с поразительной точностью возмутительные сцены, каждая из которых могла быть достаточной уликой для осуждения на каторжные работы.

Дело уже близилось к концу, и Дэрош потирал руки, в надежде, что скоро пробьет час мести и крошечный тигр по заслугам получит за все свои преступления, как вдруг случилось нечто непредвиденное.

Однажды ночью Пенвэн возвращался после утомительного дня в свою квартиру.

Он благополучно добрался до дому и, убедившись, что за ним никто не следит, всунул уже ключ в замок своей двери, как вдруг получил сзади страшный удар по голове и упал замертво, не успев даже крикнуть.

— Готово? — спросил кто-то по-английски.

— Готово, он без сознания.

Первый поднес палец к губам и свистнул. Через две минуты к подъезду подъехала карета, запряженная рысаком.

Человек, который, соскользнув с выступа над дверью, нанес Пенвэну удар, открыл дверцу кареты и с помощью двух грумов уложил агента внутрь.

Люди, переодетые грумами, сели рядом, дверцы закрылись, и карета покатила по направлению к Avenue de Koule.

Через полчаса карета остановилась на широком мосту, перекинутом через один из рукавов Сены.

Зловещая тишина. Кругом ни души.

Дверцы кареты снова открылись. Двое людей подхватили безжизненное тело, направились к парапету моста и, раскачав свою ношу, перебросили ее через перила в Сену.

Убийство полицейского агента наделало много шума в Париже.

Энергично проведенное расследование раскрыло множество уголовных дел, давно закрытых. Но обо всем этом мы расскажем в нашем дальнейшем повествовании.

Эпилог

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ МОНМАРТРСКОЙ ФЕРМЫ *

Глава I

Мы расстались с обитателями Монмартрской фермы в Париже в трагическую минуту убийства полицейского сыщика Пенвэна, следившего за полковником Шамбержо, который был злодеем и убийцей, а между тем оставался до сих пор безнаказанным.

* Издавалось как отдельное произведение.

Дэрош ничего не знал о преступлении и на следующий день с 10 утра ждал к себе сыщика с докладом. Но пробило 11, а Пенвэн не приходил. Зная аккуратность и точность агента, Дэрош забеспокоился. Наступило время завтракать — агента все не было. Дэрош позавтракал, вышел из дома, решив непременно отыскать Пенвэна. Свое беспокойство он старательно скрывал от домашних.

Только он ушел, как горничная доложила госпоже Дэрош и Лизон, что какая-то женщина желает переговорить с кем-нибудь из членов семьи по крайне важному делу.

Незнакомку немедленно приняли. У нее было такое расстроенное лицо, что Лизон охватил страх за отца — не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья.

Женщина, имевшая вид субретки из хорошего дома, подала ей письмо, которое Лизон торопливо распечатали и, страшно волнуясь, прочла:

«Г-н Дэрош! Вчера в 11 часов ночи у подъезда моего дома чья-то взбесившаяся лошадь, споткнувшись обо что-то, убила. Кучера отбросило в сторону, а двоих седоков подняли в бесчувственном состоянии.

Я как раз в это время возвращалась к себе домой в Нейльи и тотчас же распорядилась, чтобы пострадавших перенесли в мой дом. Их было двое: молодой человек двадцати пяти лет и мальчик лет восьми или девяти. Немедленно пригласили врача.

Пострадавшие несколько часов были без сознания. Когда они, наконец, опомнились, то оказалось, что мальчика зовут Леоннэк Порник и что он живет на Монмартре, на улице Лэник. Молодой человек Жак Лэфранк, по прозвищу Жако. Он сообщил мне ваш адрес, а мальчик при этом умолял как можно дольше скрывать от матери и сестры случившееся несчастье, чтобы не огорчить их.

Уведомляю вас об этом происшествии по просьбе Жака Лэфранка. Посылаю при этом свою горничную, которая и проводит вас ко мне.

Жду с большим нетерпением.

Глубокоуважающая вас
баронесса Берген».

Глубоко волнуясь, передала Лизон письмо госпоже Дэрош и позвонила, чтобы велеть кучеру закладывать лошадей.

Субретка догадалась предложить Лизон ехать в карете баронессы.

— Вы этим сэкономите четверть часа,— пояснила она,— ведь столько-то, по меньшей мере, уйдет на запряжку.

— Вы правы, действительно,— согласилась Лизон, набросив на плечи легкую мантилью и прикалывая шляпу шпильками к волосам.

Она поцеловала мать, сказала, что постарается скоро вернуться, и вышла из дома в сопровождении субретки.

Они сели рядом в карету, дверцы захлопнулись. Карета быстро помчалась.

Глава II

Для Стального Тела жить в доме Дианы делалось все более невыносимым. Физическое влечение к этой женщине у него заметно ослабело, а в то же время пришла тоска по утраченной свободе, по семье Дэршей, сделавшейся для него родною, но главным образом скучал он по Лизон, к которой его влекло сильное чувство чистой любви.

В описываемое утро он вошел в кабинет Дианы и застал ее в тот момент, когда она поспешно прятала в письменный стол какие-то бумаги и фотографии.

— Это что за портреты? — спросил он.

Диана искусно скрыла свое замешательство и, не отвечая на вопрос, переменяла тему разговора.

— Что с тобой делается, мой милый? Я с некоторых пор замечаю, что ты не в своей тарелке.

— Нет, я ничего. Как всегда.

— Ну что ты говоришь! Ведь я же вижу.

— Мне скучно.

— Скучно? Со мной, с любимой женщиной, скучно?

— Я измучился от этой жизни — жизни зверя в клетке. Это невыносимо!

— Потерпи еще одну недельку.

— Как! Еще целую неделю на привязи, взаперти? Нет, я не могу.

Он проговорил это очень резким тоном. Она обиделась и испугалась.

При мысли, что он может ее покинуть, сердце сильно забилося у нее в груди. На глазах выступили слезы.

Однако она пересилила минутную слабость и ответила ему не менее резко.

— Повторяю, я не могу так жить! — с раздражением вскричал Стальное Тело. — Опротивели мне эти вечные тайны. Каждый день ты ведешь беседы с какими-то подозрительными личностями самого отвратительного типа...

— Да тебе-то какое дело? — возразила она, в свою очередь повышая тон.

— Я желаю знать, что это за люди. Кто, например, этот старый франт, вышедший сейчас отсюда гордым петухом, задравши голову?

— Да не ревнуешь ли ты?

Она засмеялась деланным смехом.

— Вовсе нет. Но я все-таки хочу знать, как его зовут.

В другое время Диана нашла бы, что ответить ему: придумала бы какое-нибудь правдоподобное объяснение; но поскольку он проявлял такую настойчивость, она решила дать ему резкий отпор.

— А если я не желаю говорить?

— Отлично. В таком случае и я заведу свои тайны от тебя.

— А, так! Понимаю, чего ты добиваешься. Тебя уже тянет опять к этим проклятым Дэррошам... К твоей противной кукле Лизон... Не играй со мной, миленький, в эту игру; она для тебя опасна.

— Ты, что же это — пугать меня вздумала!.. Ха-ха-ха!.. Она мне угрожает!..

Разговор принимал все более и более бурный характер.

— Стало быть, ты этой Лизон еще не забыл! — в бешенстве кричала Диана. — Хорошо же. Она и ее родители обречены на смерть. Так и знай. Моя ненависть к ним еще сильнее моей любви к тебе. Я сейчас просила тебя подождать еще неделю. Это потому, что до приведения приговора в исполнение осталась ровно неделя. Этот приговор не подлежит обжалованию. Понимаешь — не подлежит!.. Можешь теперь разыскать их, предупредить. Все равно, уж поздно!

Она размахивала руками, упивалась собственными словами и была очень похожа на фурию.

Первый раз в жизни ковбой узнал, что такое страх. Он испугался.

Не за себя — лично он не способен был испытывать страх, — но за Дэррошей, за Лизон, за тех, к кому он был так нежно и так глубоко привязан.

Он понял, что ему необходимо немедленно выяснить

все адские намерения Дианы. Между тем он знал, что она больше не скажет ему ни единого слова.

Что делать?

Быстрее молнии в его голове пронеслась мысль, которую он решил привести в исполнение во что бы то ни стало.

Неимоверным усилием над собою он подавил кипевшее в нем бешенство. Пожимая плечами, он впился в Диану своими серыми, стальными глазами и проговорил смягченным голосом:

— Это же очень глупо, мой друг, если ты думаешь, что я все еще интересуюсь монмартрскими фермерами. Я с самого приезда в Европу не видел их, и у меня нет желания их видеть. Правда, к Лизон во мне зарождалась симпатия, но эту симпатию в самом зародыше приглушила моя любовь к тебе.

— Правда ли это? — с живостью спросила Диана.

Она успокоилась так же быстро, как и вышла из себя.

— Правда.

— Поклянись мне своей любовью.

— Клянусь тебе своей любовью, — сказал ковбой, а сам подумал, что честью не решился бы поклясться.

Добрые отношения восстановились.

Они отобедали вдвоем, как всегда, а вечером ездили кататься верхом.

Стальное Тело старался, чтобы Диана забыла про утреннюю размолвку.

Внешне спокойный, он все время думал об опасности, грозившей Дэрошам, и разрабатывал план будущих своих действий.

Он был уверен, что в письменном столе Дианы заперта разгадка тайны близкой гибели Дэрошей. Поэтому он решил пробраться утром в спальню Дианы, смежную с его комнатой, вынуть потихоньку ключи из ящика, в который она их клала на ночь, и произвести обыск в письменном столе.

Это он и исполнил. Словно опытный вор, прокрался он утром в девять часов в спальню Дианы, достал ключи, прошел в кабинет, отпер письменный стол и пересмотрел там все бумаги.

Изумлению его не было границ, когда на фотоснимках он узнал утреннего посетителя.

Он с чувством глубокого отвращения положил их обратно в конверт.

«Нечего сказать, хороши знакомые у Дианы!» — подумал он.

Тут же он нашел чековую книжку и на последнем талоне прочел фамилию графа Шамбержо.

— Черт побери! Это он и изображен на карточке. Для чего Диана выдала ему чек на целый миллион? Не понимаю.

Бумаги были сложены пачками в отдельные папки с надписями: бумаги Шамбержо, бумаги сыщика Пенвэна, бумаги Дэроша...

Первые две пачки он только наскоро перелистал, зато стал внимательно читать бумаги Дэроша.

С первых же строк он обомлел от охватившей его злости. Лицо его страшно побледнело.

— Какое бесстыдство!.. Какая гнусность!.. — шептал он. — Диана — само олицетворение преступности. Дальше идти некуда. И эту женщину я любил! Да меня за это повесить мало... Ах... ее следовало бы сейчас же задушить, как ядовитую гадину, чтобы избавить от нее мир.

Он прочитал еще несколько страниц и, приложив руку к сердцу, закричал не своим голосом:

— Лизон!.. Замышляется покушение на Лизон!.. Ну, нет, змея, этому не бывать.

Было уже одиннадцать часов. Нужно было спешить.

Стальное Тело торопливо завернул все бумаги и карточки в газету, запер стол, ключи положил себе в карман и, никем не замеченный, вышел из особняка Дианы.

А та только что проснулась и как раз в эту минуту электрическим звонком позвала горничную помочь ей одеться.

Глава III

Очутившись на улице, Стальное Тело вскочил в первый попавшийся фиакр, назвав извозчику адрес Дэроша.

С сильно бьющимся сердцем вошел он в дом, где жили близкие ему люди, с которыми он не видался с самого их отъезда во Францию.

Он велел доложить о себе мистеру Дэрошу. Ему ответили, что мистер Дэрош только что ушел из дому. Тогда он попросил провести его к мадам Дэрош.

Мадам Дэрош его тотчас же узнала и очень обрадовалась.

— Эдуард Сильвер! Дитя мое, это вы!

Они расцеловались, как мать и сын.

Она стала расспрашивать его о здоровье, о делах на Монмартрской ферме, но он сидел как на иголках и перебил ее вопросом:

— Лизон!.. Где Лизон? Она дома, надеюсь?

— Только что выехала.

— Какая жалость! — вскричал он, но тотчас сдержал себя, не желая расстраивать добрую женщину.

— Она, должно быть, скоро вернется. Произошло неприятное приключение. Ее позвали к нашему доброму канадцу: он выпал из экипажа и расшибся. С ним был маленький Леоннэк Порник...

— Порник! — вновь вскричал Стальное Тело, подскочив на стуле. — Это фамилия старого капитана, моего благодетеля, заменившего мне отца.

— Так вот это его сын.

Мадам Дэррош рассказала, как Лизон случайно познакомилась с вдовой капитана Порника и ее семейством.

Стальное Тело слушал рассказ госпожи Дэррош с большим вниманием, стараясь скрыть от нее свое беспокойство за Лизон.

Он рассчитывал, что с минуты на минуту вернется домой господин Дэррош, которому, не стесняясь, можно будет рассказать все.

Однако прошло больше часа, а Дэррош не возвращался.

Случай с Жако и Леоннэком, правдоподобный, почему-то казался Стальному Телу подозрительным.

Его тревога за Лизон все усиливалась.

— Вам известен адрес, куда поехала Лизон? — спросил он.

— Нет. Я знаю только, что письмо было от госпожи Берген.

Стальное Тело смертельно побледнел, и только громадным усилием воли ему удалось скрыть охвативший его ужас. Он вспомнил, что в прочитанных им утром бумагах упоминались Нюнюш и Берген — два имени, очевидно, принадлежащие одной и той же особе.

Быстро развязав принесенный с собою пакет, он отыскал адрес Нюнюш и вручил пакет госпоже Дэррош, прося спрятать эти бумаги в надежное место и вручить их господну Дэррош сразу же, как только он вернется.

Затем он простился с госпожой Дэррош и торопливо ушел, не выдав ей своего беспокойства.

Глава IV

Люди, бросившие в Сену бездыханное тело сыщика Пенвэна, были бы чрезвычайно изумлены, если бы могли увидеть, что происходило в темноте.

Упавшее в реку тело сыщика сперва скрылось под водой, но через несколько секунд вновь появилось на поверхности и, приняв вертикальное положение, поплыло по течению.

Странный вид имел этот человек, по пояс в воде, медленно уносимый течением среди ночного мрака! Неизвестно, куда бы занесло его по воле волн, если б при свете начинавшейся зари его не увидели два рыбака. Ловили они рыбу, понятно, не имея законного разрешения.

— Можно нас поздравить! — крикнул один из них, увидев плывущее тело. — К нам принесло утопленника, получим премию.

— Держи карман шире! Проехала живая премия. Утопленник воскрес, иначе разве он плыл бы стоя? — возразил другой рыбак.

— Его можно сделать утопленником.

— Нет, уж лучше вытащим из воды. Надеюсь, он вознаградит нас за то, что мы лишаемся премии. Правда, старина? Слышишь, что ли? — крикнул он утопающему.

Утопающий не отвечал. Тем не менее рыбаки вытащили багром плывущее тело и стали приводить в чувство.

После нескольких минут усиленных стараний с их стороны утопленник чихнул, сделал несколько судорожных движений и попытался поднять голову. Рыбаки помогли ему.

Постепенно придя в чувство, сыщик стал припоминать, каким образом он тут очутился.

Он ничего не помнил с той минуты, как собирался войти в свою квартиру.

Поглядев на реку и ощупав свое мокрое платье, он догадался, что его пытались убить и, чтобы скрыть преступление, сбросили в реку.

Он машинально засунул руки в карманы: кошелек, часы, бумаги — все исчезло.

«Как хорошо, что я принял меры предосторожности», — подумал сыщик.

Взглянув на рыбаков, на их открытие, честные физиономии, он решил, что этим людям можно вполне довериться.

— Послушайте, снимите с меня сюртук, — обратился он к одному из них.

Тот не замедил исполнить просьбу.

— Теперь освободите меня от жилета!

Второй рыбак начал снимать с него жилет, но сыщик остановил его и с большим трудом заочевенными пальцами сам отстегнул воротничок сорочки и ма-нишку.

После этого он указал одному из рыбаков на небольшую каучукую трубку и попросил отвинтить от нее металлическую пробку.

Тот отвинтил. Послышался странный свист, и к изумлению обоих рыбаков их тучный клиент в один миг превратился в самого обыкновенного человека.

— Довольно! — со смехом кричал первый рыбак. — Будет! От вас, пожалуй, ничего не останется, вы превратитесь в нуль!

Второй рыбак покатывался со смеху.

— Из-за этого жилета я кажусь вдвое толще, — заметил Пенвэн.

— Понимаю! Вы в нем пронесите спирт под самым носом у господ таможенных чиновников!

Сыщик не возражал. Он считал это объяснение очень для себя удобным, так как оно избавляло его от необходимости посвящать рыбаков во все подробности своего приключения.

— Он вам очень пригодился, — прибавил другой рыбак. — Без этого жилета вы пошли бы ко дну как камешек.

— Что правда, то правда! — согласился сыщик.

Он снял с себя резиновый футляр и вынул из кармана своего фланелевого жилета, который остался совершенно сухим, шесть сложенных вчетверо стофранковых билетов.

Эти деньги он дал рыбакам, объясняя, что это благодарность за их услуги. При этом он попросил их достать чего-нибудь поесть и попить согревающего, а также перевязать ему рану на затылке, которая очень болела, и перевезти его на городскую квартиру.

Такая огромная сумма ошеломила рыбаков. Они от-

казались взять эти деньги. Они не желали извлекать выгоду из чужой беды.

Пенвэн, будучи скептиком от природы и по профессии, не верил своим ушам.

Он думал: «Скажи, пожалуйста, в какие дебри забралась деликатность?»

Видя, что рыбаков не переубедить, и не желая тратить время на спор, он отдал одному из них 100 франков и попросил купить всего, что нужно, для хорошего завтрака. Поблагодарить и наградить их он решил потом, впоследствии.

Рыбак сбегал в соседнюю деревню и вернулся через час, притащив целую корзину провизии. Он со смехом рассказал, как удивил он лавочника, когда потребовал сдачи со ста франков. В деревне он успел нанять мужика, который вез в Париж на рынок свеклу и согласился за 25 су доставить больного.

Рыбаки обрадовались случаю и угостились на славу. Сыщик выпил коньяку и подкрепился. Потом его усадили в телегу и, по его приглашению, проводили до его квартиры в Нейльи.

Там рыбаки уложили его в постель, так как он был настолько разбит, что не мог ни стоять, ни сидеть. Он упросил их остаться и походить за ним, пока он не оправится и не встанет на ноги.

Глава V

Лизон была совершенно незнакома с планом парижских улиц и не знала, куда ее везет горничная баронессы Берген.

Впрочем, она этим вопросом совершенно не интересовалась. Мысли ее были заняты судьбою Жако и Леоннэка, положение которых ей представлялось критическим. Умелый, опытный кучер быстро гнал рысак, выбирая наиболее пустынные улицы. Очевидно, ему были даны известные инструкции...

После целого часа езды по таким закоулкам, которых никогда, быть может, не видывал даже иной коренной житель столицы, карета остановилась перед домом, который стоял уединенно на очень глухой и пустынной улице. На вид это был особняк, в каких живут богатые люди, желающие совместить шумную столицу с деревенской тишиной.

Дом казался нежилым. Как и на всей улице, в нем

была мертвая тишина. Зеркальные окна были завешены тяжелыми драпировками, так что с улицы ничего нельзя было увидеть.

Спутница Лизон позвонила у подъезда. Раскрылась тяжелая дверь.

У входа их встретила женщина средних лет с нахальным измятым лицом, в безвкусном, чересчур богатом для дома наряде и со множеством драгоценностей. Можно было сразу угадать куртизанку на склоне лет, не брезгающую темными делами.

Наивная Лизон видела в ней лишь личность, оказавшую благодеяние дорогим для нее людям, и сейчас же принялась горячо ее благодарить.

— Вы баронесса Берген? — спросила она.

— Да, мадемуазель. — А вы, мадемуазель Дэрош? Очень рада познакомиться. — И она, пристально вглядываясь, протянула молодой девушке руку.

— О, мадам, как я вам благодарна за ваши заботы о дорогом мальчике и о моем друге Жако.

Женщина, выдававшая себя за баронессу Берген, известная более под кличкой Ньюнш, ловко разыграла роль скромной добродетели, не желающей принимать похвал за свои добрые дела.

Обменявшись с Лизон еще несколькими любезностями, она повела ее длинным коридором через целую анфиладу комнат, ввела в небольшую роскошную меблированную гостиную.

— Посидите здесь. Я хочу предупредить господина Жако, что вы приехали. Ему нужно приготовиться.

Лизон села в кресло и с нетерпением стала ждать возвращения баронессы Берген.

Прошло пять, десять минут. Наконец, четверть часа. Хозяйка не появлялась.

Лизон забеспокоилась.

«Уж не случилось ли чего с кем-нибудь из них?» — думала она, без конца поглядывая на часы.

Прошло еще четверть часа, двадцать минут.

Никого!

Становилось страшно.

После некоторого колебания Лизон решила выйти из гостиной и узнать, что случилось.

Она толкнула дверь, в которую вошла, — тяжелая дверь оказалась запертой.

Всем телом навалилась она на нее, но усилия не привели ни к чему, дверь не поддавалась.

Лизон начала догадываться, что стала жертвой обмана, и на лбу у нее выступил холодный пот.

«Что мне делать? — думала она. — Кричать? Здесь никто не придет на помощь. Выброситься из окна? Окна выходят во двор... Да и за мной, разумеется, наблюдают».

Она бессильно опустила на стул, ломая голову, кто бы это мог устроить ей такую западню. Впрочем, ее еще не покидала надежда, что дверь заперлась случайно и что хозяйка просто задержалась у больных.

Прошло еще около получаса.

Лизон безуспешно искала выхода из своего положения и томила неизвестностью.

Но вот щелкнул замок.

Дверь распахнулась.

Лизон вскочила со стула и обмерла, увидев перед собой графа Шамбержо.

В эту минуту он совсем не был похож на изящного штаб-офицера, исполненного достоинства, каким Лизон привыкла видеть его в гостиной. Он был в истинном своем виде, без маски. На его одутловатом лице не было и тени благородства. В глазах блеснул злой, насмешливый огонек. Вся фигура выражала нескрываемое торжество.

Лизон, заметив это, в первое время растерялась, но быстро оправилась.

— Здравствуйте, мадемуазель Дэрош, — сказал полковник. — Вы, разумеется, не ожидали меня здесь встретить?

— Я ожидала дурного. Значит, господин Шамбержо, меня заманили сюда по вашему наущению? Вы виновник этой западни?

— Как же быть, мадемуазель? Ваш отец уж очень упрям. Я узнал из верных источников, что он ни в коем случае не желает выдать вас за меня замуж, а между тем мне необходимо во что бы то ни стало жениться на вас.

Лизон поняла всю суть гнусного замысла Шамбержо и замерла от ужаса при мысли о том, что ее ожидает. Однако она собрала всю свою волю и ответила:

— Вы плохо меня знаете. Со мной справиться будет не легко.

— Время сделает свое. Я убежден, что между нами установятся самые лучшие отношения — до плотской любви включительно. Не так ли, душечка?

Шамбержо хотел ее обнять, но она оттолкнула его и бросилась к дверям.

— Не трудитесь напрасно. Дверь заперта.

— Негодяй! — крикнула ему Лизон, не зная, что предпринять.

Неожиданно в доме поднялась ужаснейшая суматоха: слышались удары каким-то тупым орудием по крепким дверям, топот, звон разбиваемой посуды. Можно было подумать, что на дом напало целое племя дикарей или что в нем случился пожар и распоряжается пожарная команда.

Полковник побледнел и заметался по комнате, как пойманная крыса.

Шум и грохот слышались все ближе и ближе. Лизон подумала, что полиция накрыла гнусный притон, и стала громко звать о помощи.

Видя, что дело приняло дурной оборот, граф Шамбержо отворил окно и выпрыгнул во двор.

Через несколько минут дверь гостиной разлетелась вдребезги, как от ударов топорами, и Лизон с изумлением увидала перед собой Стальное Тело, Жанну, Колибри и Жако. Стальное Тело смущенно остановился в стороне, любуясь Лизон, а Жако и Колибри объяснили ей, каким образом удалось ее отыскать.

Накануне вечером Жако вместе с Леоннэком были на представлении труппы Буффало-Билля. После спектакля один англичанин-спортсмен, с которым они и раньше часто встречались, пригласил их зайти в кафе выпить ликеру. После нескольких рюмок Жако вдруг почувствовал, что его клонит ко сну. Точно такая же история произошла и с Леоннэком, хотя он ликера не пил, а только одну чашку черного кофе. Они оба впали в забытие, от которого очнулись на другой день довольно поздно в дортуаре Буффало-Билля.

Очнувшись, Жако отвез Леоннэка домой, опасаясь, что мадам Порник беспокоится о сыне.

Там уже сидела встревоженная Колибри. Увидев Жако и Леоннэка совершенно здоровыми, она радостно всплеснула руками и только тут рассказала, как тревожилась за них, узнав о несчастье с экипажем. Она очень мучилась тем, что ее не было дома, когда получено было сообщение о несчастии, и что она не могла поехать с Лизон к баронессе Берген, адрес которой ей неизвестен.

При имени Берген Жанна вдруг побледнела и затряслась.

— Скорее! Скорее! — закричала она не своим голосом. — Скорее на помощь к Лизон! В этом проклятом доме меня погубили! Ее надо немедленно выручить!

Жако объяснил, что никакого случая с экипажем не было.

Все сразу стало на свои места.

Колибри и Жанна, зная адрес Нюнюш, или баронессы Берген, сейчас же поехали в проклятый дом.

У подъезда они застали Стальное Тело, который, не получая ответа на свои звонки, могучим ударом плеча только что вышиб входную дверь.

Нюнюш и двух ее горничных связали по рукам и ногам, несмотря на их сопротивление, — они барахтались, царапались, кусались. Выломали еще пару дверей — и все.

Дело было сделано. Лизон освобождена.

Полковник Шамбержо успел под шумок выбраться на улицу и пустился наутек.

Глава VI

Диана была поражена, когда узнала об исчезновении Стального Тела. Сначала она пришла в бешенство, но вскоре припадок сменился жгучим горем раненого женского самолюбия, обманутой любви, ревностью.

Она чувствовала себя совершенно изломанной. Энергия, мужество, которыми она всегда отличалась, покинули ее. Пропажа бумаг, унесенных Стальным Телом, не особенно ее заботила. Ее терзала лишь одна-единственная мысль, что любимый человек, который был для нее единственной радостью в жизни, вероломно бросил ее.

Она позабыла обо всех своих делах, ломая в отчаянии руки и плача горькими слезами.

— Неужели он навсегда меня покинул? Неужели он не вернется?

Она болезненно прислушивалась ко всякому звуку, к маленькому шороху, надеясь, что дверь вот-вот откроется, в комнату войдет ковбой и кинется в ее объятия.

Поздно вечером оглушительно зазвенел звонок. Диана вся встрепетнулась.

— Это он!.. Он!.. — прошептала она, замирая в ожидании.

Но ожидание было обмануто. То был граф Шамбер-

жо; он постучался и, задыхаясь, вбежал в комнату, бледный как покойник.

Глаза его беспокойно бегали с предмета на предмет.

— Что с вами? Что это вы влетели, как бомба? — спросила Диана не особенно дружелюбно.

— Все погибло! — сказал он дрожащим голосом. — Дом «Нюнюш» подвергся нападению какой-то шайки, которая перевернула там все вверх дном.

— А Лизон?

— Эти люди увезли ее.

— И вы не могли?..

— Да что же можно было сделать? Я сам едва успел выскочить в окно.

— Итак, вы утверждаете, что все погибло?

— Решительно все.

— Тогда вам остается одно, господин Шамбержо: поскорее удрать из Парижа, не то вам придется очень плохо.

— Ни за что на свете не уеду из Парижа! Я вовсе не желаю умирать от скуки.

— Значит, умрете на каторге.

— За такие-то пустяки? У меня есть связи, я выкручусь, да, наконец, военное начальство не допустит. Что же вы молчите про свою собственную участь? Ведь мы — сообщники.

— Между собой и французской юстицией я положу преграду в виде Атлантического океана.

— Следовательно, вы при первой же неудаче готовы бить отбой?

— Я еще не решила. Не знаю. Там увидим. Дайте мне сутки сроку — тогда я вам отвечу насчет своих будущих намерений. А пока оставьте меня одну.

Полковник простился и ушел, оставив Диану в самом мрачном расположении духа.

После ухода графа Шамбержо она долго прислушивалась к замиравшему уличному гулу и вздрагивала при стуке каждого проезжавшего экипажа.

Всю ночь она не спала и только к утру забылась тяжелым сном, который часто прерывался кошмарами.

К утреннему кофе ей, как всегда, подали газеты и утреннюю почту.

Она равнодушно читала письма, как вдруг у нее замерла душа и забилось сердце при виде конверта, на котором она узнала почерк Стального Тела.

Дрожащими от волнения руками распечатала она письмо и побледнела, прочитав первые строки...

Ковбой писал ей, что он убедился в том, что его чувство к ней было не любовью, а затянувшимся увлечением. Последнее время он страшно тяготился их совместной жизнью, а когда узнал об адских замыслах Дианы против Дэршей, то решил порвать с нею окончательно и навсегда.

«Забудьте меня! — писал молодой человек. — Это неизбежно, необходимо. Я тоже постараюсь забыть, что Вы преследовали невинных людей, не причинивших Вам ни малейшего зла, что Вы являетесь виновницей целого ряда вопиющих преступлений, идущих вразрез с самыми элементарными понятиями о чести и совести.

Перестаньте преследовать дорогих мне людей. Умоляю Вас именем всего, что только есть еще в Вас честного и порядочного. Умоляю, потому что мне придется, к сожалению, выступить против Вас, так как я буду их защищать.

Между нами все кончено безвозвратно, но мне было бы страшно тяжело оставаться с Вами во вражде.

Эдуард».

Диана перечитала письмо несколько раз.

Последний луч надежды на возвращение любимого человека исчез. Ею овладели тяжелые, мрачные мысли.

— Как я несчастна! Как я одинока! — шептала она. — Только теперь я чувствую всю глубину моей любви к нему. Без него для меня жизнь — сплошное мученье... Нет, я этого не хочу — и этому не бывать!

Ее мысли приняли другое направление. Вспомнилась семья Дэршей, вспомнилась Лизон.

В душе Дианы снова мелькнула надежда.

— О, если б он знал! Боже мой, если б он знал! — подумала она. — И зачем я тогда же не рассказала ему? Лизон без труда подавила бы в себе зарождавшееся чувство, и он любил бы меня одну... Дэрши благословляли бы меня за возвращенного сына... Как я была бездумна! Мне, видите ли, хотелось, чтобы он отказался от Лизон единственно из-за любви ко мне... Теперь для меня нет иного выхода. Я им скажу, что они не имеют права любить друг друга. Я им представлю доказательства. И тогда он вернется ко мне и опять будет моим».

Глава VII

Дэрош вернулся домой вечером в самом унылом настроении.

Пенвэна он нашел в постели, совершенно больным, страдающим от тяжелой раны на голове. Сыщик рассказал ему о событиях последней ночи: о нападении, о покушении на его жизнь, о своем чудесном избавлении от смерти, благодаря резиновому жилету. При рассказе о похищении бумаг, добытых им с такими трудами, у сыщика выступили на глазах слезы.

Пропажа бумаг была для Дэроша тяжелым ударом. Вместе с ними исчезла всякая надежда отомстить злодею, подвести его под вполне заслуженное наказание.

Дома ждала Дэроша еще одна неприятность. Он застал жену в смертельном беспокойстве о Лизон, которая уехала уже давно и до сих пор не возвращалась.

Дэрош, как мог, уговаривал ее не беспокоиться, доказывая, что девушку что-то задержало у пострадавших, но в глубине души сам не верил тому, что говорил.

Приключение с Пенвэном показало, что у Дэроша есть опасные враги, которые не остановятся ни перед чем. Дэрош смутно догадывался, что случай с Жако и Леоннэком — простая выдумка. Уж не попала ли Лизон в ловушку?

Рассказывая мужу о визите Стального Тела, госпожа Дэрош оживилась.

— Нам его Бог посылает! — сказал обрадованный Дэрош. В эту минуту госпожа Дэрош вспомнила про сверток, оставленный Эдуардом, и передала его мужу.

Дэрош с изумлением и недоумением торопливо развернул пакет и, когда увидел его содержимое, испустил радостный крик:

— Бумаги!.. Исчезнувшие документы! Труды Пенвэна не пропали даром! Какое счастье!

В пакете находились те самые фотографии, о которых говорил Пенвэн. Дэрош бросился к письменному столу и быстро написал письмо своему верному агенту, уведомляя его, что похищенные документы отыскались и что завтра же он подаст в суд на Шамбержо.

Тут же, не медля ни минуты, он запечатал письмо и велел своему слуге немедленно отнести по адресу.

Он знал, что обрадует Пенвэна, и думал, что сыщик от радости выздоровеет быстрее.

После этого с чувством безразличия он перелистал тетрадь с надписью: «Дело Шамбержо», связал документы в один пакет и спрятал в свой письменный стол.

Он собрался было ехать к госпоже Порник, рассчитывая узнать у нее что-нибудь относительно Лизон, когда послышался громкий звонок.

Дэроши бросились оба к дверям и увидели Лизон, которая входила в сопровождении Колибри, Стального Тела, Жанны и Жако, как всегда, жизнерадостного и пышущего здоровьем.

Глава VIII

На следующий день Дэрош поехал к Пенвэну переговорить лично и посоветоваться о дальнейших действиях.

Он намеревался теперь же представить прокурору все документы, относящиеся к Шамбержо, и начать судебное дело против полковника и Дианы Диксон, соучастие которой в покушении на жизнь Пенвэна теперь было очевидным.

Сыщик, спокойно проспав не менее десяти часов, почти совсем оправился от полученной раны. К нему вернулась вся его сообразительность и прозорливость. Он не разделял намерения Дэроша насчет немедленной подачи заявления прокурорскому надзору и советовал поступить несколько иначе.

Он полагал, что лучше сначала через печать обратиться к общественному мнению, и, когда общественное мнение будет в достаточной степени взбудоражено злодеяниями полковника Ш. (по его мнению, лучше было не называть в газетах полной фамилии преступника), тогда уже и возбудить судебное дело. Пенвэн утверждал, что военное министерство слишком часто оказывает давление на гражданское судебное ведомство, выгораживая своих; после же поднятой газетной шумихи оно лишится возможности выступить в защиту полковника Шамбержо, гласно изобличенного, потому что в противном случае оно вызовет против себя взрыв общественного негодования. Как ни обширны связи графа в военных кругах, перед такой перспективой и они вынуждены будут отступить.

Дэрош проникся справедливостью доводов агента и согласился действовать, придерживаясь его тактики.

Тут же вместе с Пенвэном он составил для газет небольшую заметку с описанием скандальных походов полковника у Ньюнш и о содеянных в этом грязном доме преступлениях.

Заметка оканчивалась заявлением, что по всему изложенному, по первому требованию судебной власти, будут представлены неопровержимые доказательства.

Заметка появилась в тот же день в вечерних газетах и произвела страшнейший переполох в обществе и в военном ведомстве.

Рано утром на следующий день Дэрошу прислали повестку с приглашением явиться в два часа к прокурору республики.

Дэрош торжествовал и от радости потирал руки. Он выиграет дело!

В два часа он уже сидел в прокурорском кабинете и беседовал с секретарем прокурора.

Секретарь был человек средних лет, с умным лицом и живым, проницательным взглядом.

Показания Дэроша он тщательно записал, быстро пробежав представленные им документы, но на вопрос, долго ли будет вестись следствие, определенного ответа не дал.

Впрочем, у Дэроша было в руках надежное средство ускорить процесс. Вернувшись домой, он тотчас же написал новую заметку, которая вновь появилась в вечерних газетах. В этой заметке сообщалось, что автор вчерашней статьи был приглашен к прокурору республики и вручил ему доказательства виновности полковника Ш. В конце выражалась надежда, что виновник всех перечисленных преступлений будет передан в руки правосудия и не избежит законной ответственности.

Глава IX

У Лизон произошла важная перемена в жизни.

С возвращением в семью Дэрошей Стального Тела тоску молодой девушки как рукой сняло. Рассеялось гнетущее чувство одиночества, исчезли мысли о том, что «не стоит жить». Эдуард относился к ней с такой глубокой нежностью, таким обожанием, что Лизон начала верить в возможность счастья.

Стальное Тело чувствовал себя глубоко виноватым перед ангельски-доброй, кроткой девушкой. Свое недавнее увлечение, которое принял за любовь, он теперь

от всей души проклинал, осознав, наконец, как близка и дорога ему Лизон.

Терзаемый угрызениями совести и не будучи в состоянии долгие выносить неопределенность своего положения, молодой человек искренне покался перед Дэррошем во всех своих прегрешениях и ошибках, облегчив, таким образом, свою душу. В то же время он признался Дэррошу в своей горячей любви к Лизон.

Признания Эдуарда несколько не удивили Дэрроша. Он еще в Монмартр-ранчо замечал близость и дружбу между молодыми людьми и ничего против этого не имел. Со своей стороны, он охотно простил Эдуарду его увлечение, но не мог сказать, как отнесется к этому дочь. Поэтому он посоветовал Эдуарду собраться с духом и повиниться во всем также и перед ней.

— Если моя дочь простит ваши «грехи молодости», — сказал он, улыбаясь, — то мы с женой охотно согласимся на этот брак. Я нахожу, что этим мы хоть отчасти отблагодарили бы вас за те неоценимые услуги, которые вы нам оказали.

С замиранием сердца постучался Стальное Тело в комнату молодой девушки и, пересиливая волнение, приступил к объяснению, от которого зависело счастье всей его жизни.

Лизон слушала исповедь Эдуарда бледная, с бьющимся сердцем.

То краснея, то бледнея, следила она за его страстной речью, а когда он кончил, бросилась ему на грудь, обняла его голову обеими руками и заплакала слезами счастья.

Стальное Тело осыпал ее лицо, ее мокрые от слез глаза горячими поцелуями, клялся в вечной любви и гладил ее мягкие шелковистые волосы.

— О, до чего я вас люблю!.. До чего вы мне дороги! — шептал он, прижимая ее к себе. — Как мог я так ошибаться в своих...

— Довольно! Никогда не упоминайте больше об этом, слышите? Прошлому — навсегда забвенье. Ради Бога, забудемте все!

Говоря это, она зажимала ему рот своей крошечной ручкой.

— О, благодарю вас, моя милая, моя хорошая! Всею своей жизнью я докажу вам, что вполне заслужил ваше прощение.

— Вы опять? Об этом нельзя говорить.

— Правда, правда... Не буду больше никогда!..

Послышался стук в дверь.

В комнату вошли мистер Дэррош и его жена. По счастливым лицам молодых людей они догадались, что объяснение прошло как нельзя лучше, и с радостными улыбками бросились в объятия своих детей.

Дэррош позвал Колибри.

Маленькая индианка, когда ей передали радостную весть, нежно обняла свою горячо любимую подругу и крепко поцеловала ее.

Знакомых семьи Дэррошей с быстротой молнии облетела весть, что Лизон выходит замуж за Стальное Тело.

Глава X

Диана сильно ненавидела Дэрроша, считая его почему-то похитителем своих сокровищ, но ее любовь к Стальному Телу была еще сильнее этой ненависти.

Не задумываясь, она написала Дэррошу письмо, прося свидания с ним по очень важному делу, имеющему близкое отношение к его семье.

Дэррош получил это письмо утром на третий день после неудавшегося покушения на Лизон и на другой день после известного объяснения между Стальным Телом и Лизон.

В изумлении прочел он это письмо всей семье и, посоветовавшись с Эдуардом, немедленно ответил Диане, что готов ее принять.

Так как дело, по словам Дианы, касалось всей семьи Дэрроша, то он решил принять ее в присутствии жены, Стального Тела, Лизон и Колибри, которую считал тоже членом своего семейства.

Диана не замедлила приехать. Она заранее торжествовала победу и радовалась, собираясь разом убить двух зайцев: вернуть к себе любимого человека и поразить в самое сердце ненавистную соперницу — Лизон. Семью Дэрроша, и в особенности Лизон, она продолжала ненавидеть всеми силами своей души, хотя и знала, какая близкая родственная связь существует между этой семьей и Стальным Телом.

С маской спокойствия на лице, силясь скрыть бушевавшее ее волнение, Диана вошла в гостиную и, окинув взглядом всех присутствующих, холодно сделала общий поклон.

Дэррош вежливо раскланялся с ней и пригласил сесть.

Диана прямо приступила к делу, не желая терять времени.

— Дело, о котором я вам писала, мистер Дэрош, очень важное и касается вашей семьи.

— Мы с нетерпением ждем ваших сообщений, будучи уверены, что они действительно очень важны.

— И вы не ошиблись. Слушайте. Лет восемнадцать тому назад вас постигло большое горе: у вас украли ребенка, малолетнего сына.

Госпожа Дэрош при этих словах вздрогнула и вся обратилась в слух.

— После долгих напрасных поисков, — продолжала Диана, — вы отчаялись найти сына и, считая его погибшим, покорились судьбе... Знайте же: ваш сын жив.

— Жив!.. Мой Марсель жив! — вскрикнула госпожа Дэрош, не помня себя от радости. — Будьте благословенны за эту добрую вест! Я готова забыть все зло, которое вы нам причинили.

— Да, он жив. В четырехлетнем возрасте ваш сын был похищен двумя десперадосами, обдeldывавшими свои дела на берегах Рио-Гранде. Они устроили это похищение из мести. Мальчик оставался у одного из похитителей до восьмилетнего возраста, а затем исчез.

— Исчез?.. Значит, я его не увижу? — простонала бедная мать.

— Я его разыскала, — с гордостью объяснила Диана, — и возвращаю вам его.

Настала мертвая тишина. Присутствующие, затаив дыхание, ждали чего-то необыкновенного.

Диана вынула из сумки какие-то бумаги и развернула их.

— Вот письменные показания за подписью обоих десперадосов. Один из них, Сирус А. Диксон, мой отец, потерял ребенка из виду через несколько месяцев. Другой, у которого мальчик прожил около четырех лет, сейчас в Денвере. В этих бумагах вы найдете интересные подробности. В них, между прочим, сказано, что у ребенка на левом плече имеется родимое пятно.

— Да, — сказала госпожа Дэрош, — лилового цвета, в виде полумесяца, с мизинец величиной.

Стальное Тело смертельно побледнел.

— Десперадо, взявший к себе ребенка, — продолжала Диана не совсем ровным голосом, — поспешил переменить ему имя. Он назвал его Эдуардом, или Нэдом.

Таким образом, Марсель Дэрош превратился в Эдуарда Сильвера. Сильвер — фамилия десперадо.

Она повернулась к Стальному Телу и сказала ему:

— Нэд Сильвер, покажите вашей матери родимое пятно, точно такое же, как на левом плече Марселя Дэроша.

Присутствующие, словно громом, были поражены словами Дианы.

Госпожа Дэрош закричала так, как кричала много лет назад, когда, обезумев от горя, мчалась по своей родной равнине на испуганном скакуне в поисках сына.

— Марсель!.. Марсель!..

Дэрош бросился к молодому человеку, весь дрожа от волнения, и крикнул глухим голосом:

— Ты наш сын!.. Ты наш Марсель!.. Он сорвал с него одежду и обнажил плечо, а на плече — родимое пятно..

— Мать!.. Вы — моя мать! — вскричал Стальное Тело и кинулся в объятия матери, которая заливалась слезами.

В то же время из груди Лизон вырвался душе-раздирающий крик, и она упала как подкошенная.

Мадам Дэрош, отдавшись порыву радости, даже и не заметила, какой тяжкий удар нанесен ее дорогой дочери.

— Мой сын!.. Мой мальчик!.. Мой Марсель!.. Дитя мое!.. О, если б ты знал, как я тосковала о тебе!.. Но и ты, должно быть, много перенес горя!.. Расскажи мне все, все...

Диана, при всей своей ненависти к Дэрошам, была глубоко растрогана этой сценой. В ее сердце даже к Лизон шевельнулось чувство сострадания. Теперь Лизон уже ей не соперница. Любовь молодой девушки к Стальному Телу превратится в простую привязанность сестры к родному брату.

Больше Диане нечего было здесь делать. Ее миссия закончилась. Пользуясь суматохой, она незаметно ушла.

«Завтра же он вернется ко мне!» — думала она, садясь в свою карету.

Дэрош, его жена и Марсель — будем звать его теперь настоящим именем — настолько были поглощены своим счастьем, что не замечали положения Лизон, около которой хлопотала Колибри, стараясь привести ее в чувство.

Вдруг Марселя поразила та же самая мысль, от которой упала в обморок Лизон.

Он вскрикнул, точно раненый лев.

— Лизон!.. Матушка!.. Вы не подумали о Лизон!.. О нашей преступной любви!.. О нашем разбитом счастье!.. Лизон!.. Сестра моя!..

Он видел, что она лежит без чувств на руках у Колибри, но не решался подойти.

Он боялся, что теперь его ласки будут для нее оскорбительны.

Мадам Дэрош взглянула на мужа с такой радостной улыбкой, что Марсель был просто озадачен, и проговорила:

— Если б ты только знал, друг мой, как я счастлива! Теперь мы с легким сердцем можем отпраздновать свадьбу наших детей. Как светло у меня на душе, как радостно!

— Я тоже думаю, что нам не следует тянуть со свадьбой, — согласился мистер Дэрош. — Марсель, сынок мой, что же ты стоишь? Подойди скорее к своей невесте, успокой ее, утешь.

Стальное Тело смотрел на своих родителей широко раскрытыми глазами, испытывая тревогу и страх. Неужели они помешались от радости?

Та же мысль пришла в голову и Колибри.

— Мой брат!.. Он мой родной брат! — шептала Лизон, постепенно приходя в себя.

— Да нет же! — вскричала мадам Дэрош. — Он не брат тебе! Лизон!.. Дорогая моя!.. Я тебя люблю больше, чем иная мать любит свою дочь, но ты не дочь мне.

— Лизон вам не дочь? — вскричал Стальное Тело, окончательно сбитый с толку. — Так кто же она?

Из глаз Лизон ручьем хлынули слезы. Она начала приходить в себя после потрясения. На щеках появился легкий румянец.

— Она дочь моего брата, убитого версальцами во время коммуны, — сказал Дэрош. — Она наша приемная дочь и племянница. Твоя двоюродная сестра, Марсель! Помнишь, Лизон, — обратился он к молодой девушке, — я по приезде в Париж рассказывал тебе эту печальную историю: как злодей Шамбержо убил моего брата Луи Дэроша и его жену. Оставшаяся после них девочка-сирота была ты.

Лизон подбежала к госпоже Дэрош, обняла ее и сказала:

— О, какие вы добрые! Вы меня так любили и баловали, что мне и в голову никогда не приходило, что я могла оказаться монмартрской сиротой.

Она протянула руку Стальному Телу и сказала ему:

— Я очень сильно любила Эдуарда, и он причинил мне много горя. Марсель сделает так, что я все это забуду. Не правда ли, братец?

— Неужели ты еще можешь в этом сомневаться? — радостно ответил весь светящийся от счастья молодой человек.

— Ну, вот, вы теперь радуетесь, веселитесь, смеетесь, — сказала с улыбкой Колибри, — а только что перед этим были похожи на приговоренных к смерти.

— Действительно, я думала, что сейчас же умру, — прошептала Лизон. — Так мне было тяжело!

— А что, папа Дэррош, — продолжала индианка, — как ты думаешь: ведь эта гадкая женщина приехала сюда сообщить тебе о твоём сыне вовсе не из доброты. Я полагаю, что она просто хотела расстроить его свадьбу с Лизон.

— Совершенно верно, моя дикарочка.

— И в своих расчетах она блистательно ошиблась, — сказал Стальное Тело.

Глава XI

Когда полковник Шамбержо прочитал в газетах убийственную заметку о себе, он первый раз в жизни почувствовал, что у него из-под ног уходит почва.

У него оставалась еще слабая надежда на огромные связи, неоднократно помогавшие ему выкручиваться из разных скандальных историй. Он рассчитывал, что военное ведомство и на этот раз вырвет его из рук гражданского правосудия.

Однако эти надежды вскоре рухнули. На третий день после появления роковой заметки его вызвали к военному министру для объяснений.

Министр, всегда такой любезный и обходительный с штаб-офицерами, принял на этот раз полковника Шамбержо с удручающей суровостью, даже не взглянул как следует, не пригласил сесть. Резко чеканя каждое слово, он проговорил строго и холодно:

— Мне представлены доказательства вашего скандального преступного поведения, за которое вам придется сесть на скамью подсудимых. Гласное разби-

рательство подобного дела опозорит не только нас с вами, но и ляжет пятном на весь офицерский корпус. Вам предстоит разжалование, потом ссылка и каторга. Выход один — револьвер. Даю вам 24 часа на размышление. После этого срока я приступлю к действиям. Ступайте.

Министр сурово сделал рукою жест по направлению к двери.

Нечто подобное произошло и в квартире Дианы, притом почти одновременно.

Королева Золота все еще находилась под обаянием сладкой мечты о том, как к ней вернется ее любовник, когда ей вдруг доложили о приходе полицейского комиссара, который вошел немедленно, не дожидаясь, когда ему разрешат это сделать.

— Вы зачем? Что случилось? — спросила она, все застав в дурном предчувствии.

— Дело не особенно для вас приятное... До полиции дошли слухи о том, что на одного французского гражданина было совершено покушение. Его ночью оглушили ударом по голове, а потом бросили в Сену, чтобы скрыть следы преступления.

— Мне-то какое дело до этого? — перебила комиссара Диана. — Знаете ли вы к кому пришли?

— Я пришел к госпоже Диане Диксон и предупреждаю ее, что через 48 часов она будет помещена в дом предварительного заключения по обвинению в подстрекательстве к убийству, — сухо проговорил комиссар.

Диана сообразила, что у полиции в руках серьезные доказательства об ее участии в преступлении, раз полицейский чиновник позволяет себе говорить таким тоном.

Она видела, что игра проиграна, но не в ее характере было сдаваться.

— Вы не имеете права говорить мне подобные вещи, — сказала она. — Да знаете ли вы, что я — Королева Золота и что у меня тесные связи с Северо-американским посольством?

— Все это нам известно, иначе мы не стали бы вас предупреждать заранее, а просто арестовали бы без всяких разговоров. Вы поняли меня! Надеюсь, вы и сами знаете, что вам теперь следует предпринять, чтобы избавиться от разных неприятностей... Желаю вам всего лучшего!

Комиссар вежливо поклонился и оставил Диану

в состоянии полнейшего потрясения от неожиданного оборота, который получило дело.

Намек комиссара был предельно ясен.

Диане предстояло в течение двух суток покинуть французскую территорию во избежание ареста и предания суду.

Глава XII

Вслед за первым ударом на Диану обрушился еще один. Она прочитала в газете известие о помолвке Марсея Дэрша с его двоюродной сестрой Элизой Дэрш.

Это известие было для нее как гром среди ясного неба.

Лизон не родная, а двоюродная сестра Стального Тела!

Сначала она пришла в отчаяние. Потом это отчаяние сменилось безумной яростью.

Глаза ее горели диким огнем. Она металась по комнате, точно львица в клетке, вся охваченная бесильной злобой.

В ней с новой силой проснулась жажда мести всем Дэршам и главным образом проклятой Лизон, которую Диана считала виновницей всех своих несчастий и неудач.

Мучение было тем более ужасно, что она даже не имела особой надежды на отмщение, так как волей-неволей вынуждена была исчезнуть с поля битвы и притом немедленно, сейчас.

В таком состоянии застал ее личный секретарь Корнелиус, которого она вызвала к себе по телефону, как только ушел комиссар.

Взяв себя в руки, Диана описала секретарю визит полицейского чиновника.

— Этого нужно было ожидать со дня на день, — со своим обычным спокойствием сказал секретарь. — Всеми этими сюрпризами мы обязаны вашему другу — Стальному Телу.

— Не все ли равно, кому мы этим обязаны? Это с вашей стороны одно пустословие, — резко перебила его Диана. — Поспешите лучше с дельным советом.

— Я вполне одобряю совет, данный комиссаром. Лучше ничего не придумашь. Собирайтесь-ка в путь-дорогу, и сегодня же покатим домой.

— Вы мне советуете постыдное бегство с поля битвы! — вскричала Диана. — Неужели мы так и позволим нашим врагам торжествовать победу?

— Да ведь ничего же больше не остается. А что касается врагов, то им еще придется с нами посчитаться. Чем угодно готов поручиться, что они не преминут вернуться на родину, на свою Желонейскую равнину. Ну, а там, среди американских прерий, все преимущества будут на нашей стороне. Уезжая из Парижа, мы не отказываемся от дальнейшей борьбы, а только меняем поле битвы. Это единственный выход из нашего теперешнего положения.

Доводы Корнелиуса были как нельзя более убедительны. Приходилось покориться необходимости и бежать, бежать.

Секретарь посмотрел в записную книжку и сообщил Диане, что завтра вечером из Гавра отходит в Нью-Йорк трансатлантический пароход «Нормандия», принадлежащий французской компании. Он предложил выехать из Парижа сегодня же ночным курьерским поездом и брал на себя все хлопоты.

Плача от досады и проклиная судьбу, Диана начала укладываться и дала себе клятву умереть или жестоко отомстить тем людям, которые, по ее глубокому убеждению, только и делали, что преграждали ей дорогу к счастью.

Глава XIII

Возвратившись домой от военного министра, Шамбержо долго шагал из угла в угол, придумывая средство спасти свою шкуру. Военный министр предлагает самоубийство! Вот выдумал! Самая мысль о таком выходе из создавшегося положения казалась полковнику смешной, нелепой, недостойной такого серьезного и умного человека, каким он себя считал.

Уйти из жизни, от ее радостей, имея в кармане миллион наличными! Это было бы верхом глупости. Я первый назвал бы себя идиотом.

Шамбержо решительно отогнал от себя эту смешную мысль.

Тогда что же делать? В Париже оставаться нельзя — на каторгу сошлют. Поселят в Гвиане, а это, по выражению Дианы, «довольно неприятный морской курорт».

Что же делать? Что же делать?

Мысль Шамбержо работала лихорадочно.

— Да, остается одно: бежать из Парижа, бежать из Франции.

Это не особенно улыбалось графу Шамбержо. Покинуть Париж было бы для него чересчур тяжело. Не из патриотизма — нет, какой там патриотизм! Для полковника это было пустым звуком. А просто потому, что Париж, по его мнению, был единственным городом в мире, где порядочный человек мог жить, не умирая от скуки.

Однако у него, как и у Дианы, не было другого выбора. Он волей-неволей решил бежать и притом немедленно.

Остановившись на этом решении, он принял меры предосторожности.

Прежде всего позвал денщика и отпустил его следующего дня. Денщик был очень рад представившемуся случаю погулять с земляками. Полученный отпуск его несколько не удивил: полковник и раньше оказывал ему такую услугу.

Он наскоро смахнул кое-где в квартире пыль, почистил полковничьи сапоги и испарился.

Оставшись один, Шамбержо вытащил свой дорожный чемодан и сложил в него самые нужные вещи. Туда же упаковал и часть своих денег, а другую аккуратно уложил в бумажник.

Потом он сбрил усы и надел на себя лакейскую ливрею, в которую его денщик облачался в приемные дни.

Оглядев себя в зеркале, Шамбержо остался доволен. Сбритые усы настолько изменили его вид, что сыщики (Шамбержо был уверен, что за ним следят) не могли бы смекнуть, кто скрывается под этой ливреей. Наступившие сумерки увеличивали шансы полковника.

Посмотрев еще раз в зеркало, Шамбержо взял в руки чемодан и через черный ход вышел из дома. На улице он закурил папироску и с видом досужего лакея, посланного господином с поручением, медленно зашагал по направлению к Западному вокзалу. Подозрительного ничего не заметил. Он прибавил шагу, не обращая внимания на трех человек, шедших другой стороной улицы, разговаривавших на парижском патуа и хохотавших громким, раскатистым смехом.

То были Пенвэн и спасшие его рыбаки. Они и виду

не подавали, что следят за каждым шагом лакея, в котором Пенвэн сейчас же узнал хорошо знакомого ему графа Шамбержо.

То отставая, то обгоняя полковника, Пенвэн и его товарищи дошли до вокзала.

Четверть часа спустя Шамбержо, запасшись билетом до Гавра, сидел уже в вагоне.

Пенвэн и его спутники, поступившие к нему на службу за хорошее жалованье, назначенное Дэрошем, подумали-подумали — и также взяли три билета до Гавра и уселись в соседний вагон.

Едва успели. Через минуту раздался свисток, и поезд тронулся.

Глава XIV

В доме Дэрошей поселились счастье и радость.

Лизон оживилась, опять сделалась бодрой и жизнерадостной, какою она была до злополучного путешествия Стального Тела в Денвер. Тупую тоску и угрызение совести, мучившие Стальное Тело, вытеснила из его сердца пламенная привязанность к Лизон и радужные мечты о будущем счастье.

Счастливая мать не могла наглядеться на сына, отскавшегося после стольких лет горя и страданий. Дэрош также радовался, глядя на сына-богатыря и ощущая вокруг бьющее ключом счастье.

Колибри и Жако, окончательно перебравшиеся в особняк Дэрошей вместе со своим другом Леоннэком, тоже чувствовали себя как нельзя лучше, что, однако, не мешало им, к общей потехе, почти постоянно пикироваться между собою.

Госпожа Порник, и раньше навещавшая Дэрошей довольно часто, на другой день после знаменательного дня явилась с обеими дочерьми и пробыла в гостях целый день, искренне радуясь счастьем своих друзей.

Ожилась даже всегда грустная и унылая Жанна, и на ее бледных щеках появилось что-то вроде румянца.

Совершенно оправившийся от раны Пенвэн тоже по приглашению Дэроша принял участие в общей радости и зашел с неотходившими от него ни на шаг рыбаками поздравить жениха и невесту. Пробыли они не больше получаса, потому что им нужно было беспрерывно следить за каждым шагом графа Шамбержо.

Разговор, естественно, вертелся вокруг событий последних дней, то есть покушения на Пенвэна, наглой попытки похитить Лизон среди бела дня в Париже, визита Дианы и его неожиданных последствий.

Дэрош торжественно объявил, что дела, которые задерживали его в Париже, идут отлично и движутся к концу, так что он надеется в самом скором времени уехать из Франции. Он уже приступил к приготовлениям к отъезду и просил госпожу Порник сделать то же самое.

Госпожа Порник долго не решалась принять предложение Дэроша относительно переезда в Америку, но после продолжительного разговора со Стальным Телом, который был так искренне привязан к семье своего приемного отца, покойного капитана Порника, согласилась.

Дэрош рассчитывал, что полковник Шамбержо будет немедленно арестован на основании собранных против него неоспоримых улик. На свидетельские показания потребовалось бы дней двенадцать. Одним словом, недели через две, передав дело честным и опытным адвокатам, можно было уехать домой в Америку.

Так думал Дэрош.

Вдруг телеграмма из Гавра:

«Полковник Гавре. Диана тоже. Иду по пятам. Сегодня пять часов отходим Нью-Йорк пароходе «Нормандия». Пенвэн».

— Черт возьми! — вскричал Дэрош. — Негодяй опять ускользнул от правосудия.

Он протянул телеграмму Стальному Телу.

Ковбой пробежал глазами и спокойно сказал:

— Очень хорошо. Французское правосудие теперь бессильно, мы будем судить его сами, своим судом. В Америке ему наших рук не миновать.

— Твоя правда, милый Марсель. Я сейчас же дам телеграмму своему нью-йоркскому агенту Уайсту, чтобы он встретил «Нормандию» и не спускал глаз с Дианы и с этого разбойника. А здесь нам больше делать нечего. Нам нужно быть как можно скорее в Нью-Йорке, чтобы на месте проследить за всеми действиями наших врагов. Сегодня же ночью мы отправимся в путь.

— Как же вы отправитесь? Следующий пароход отходит из Гавра только через неделю.

— Я знаю, но нам необходимо спешить. Быть может, пойдет какой-нибудь пароход с английского берега. В противном случае, придется заказать экстренный, каких бы денег это ни стоило.

Через полчаса вся семья Дэршей и вся прислуга были на ногах. Начались приготовления к отъезду.

Наскоро уложив свой нехитрый багаж, Жако и Стальное Тело отправились к госпоже Порник. При помощи таких силачей, как Жако и Стальное Тело, в полтора часа весь ее багаж был уложен и отправлен на Северный вокзал.

Тем временем Дэрш сходил к своему банкиру-американцу и поручил ему улаживание хозяйственной части всех своих дел.

Ко времени отхода ночного поезда все было готово, и друзья, возбужденные торопливыми сборами, собрались в отдельном комфортабельном купе первого класса.

Жанна с особым удовольствием покидала Париж, где все напоминало ей о пережитом позоре. Впереди у нее была смутная надежда на лучшую жизнь.

Больше всех радовались отъезду Колибри и Леоннэк. Колибри скучала о вольной жизни в прериях, а Леоннэку хотелось увидеть краснокожих индейцев. Под поездную качку он уснул, мечтая о том, как будет жить среди дикарей и «вступит в ковбой».

Глава XV

Пенвэн с товарищами внимательно следили за каждым шагом полковника Шамбержо, опасаясь, как бы он не соскочил с поезда на какой-нибудь промежуточной станции.

Но тревожились они совершенно напрасно. Забившись в дальний угол вагона, полковник неподвижно просидел до самого Гавра.

Поезд пришел в Гавр утром. Шамбержо, успевший переодеться в серый костюм, до отбытия парохода снял номер во второклассной гостинице. Пенвэн внимательно осмотрел дом, где помещалась гостиница, и, убедившись, что из нее только два выхода и оба на улицу, расположился с товарищами в ресторане напротив.

Выпив кофе, они спросили карты и занялись игрой, не переставая наблюдать за обоими выходами из гостиницы. Тут же они и отобедали.

Вскоре после обеда Шамбержо вышел из гостиницы и направился к гавани. Пенвэн убедился, что полковник окончательно и бесповоротно намерен бежать в Америку. Действительно, Шамбержо поспешил прямо на пароход и взошел на «Нормандию» в ту минуту, когда она начала разводить пары.

Отплытие должно было состояться в пятом часу.

Пенвэн сквозь громадную толпу протиснулся на палубу парохода, где ужасная толкотня, крик, шум, грохот машины — все сливалось в общий непреодолимый гул.

Сыщик видел, как Шамбержо брал себе билет второго класса. Он хотел пойти следом за полковником, как вдруг ему на глаза попала знакомая женская фигура: перед ним была Диана Диксон, которую он хорошо запомнил, хотя видел всего один раз. Рядом с ней стоял человек, в котором Пенвэн, по описанию Дэрроша, легко узнал секретаря Дианы — Корнелиуса.

Диана и Корнелиус, заметив Шамбержо, переглянулись между собой и прошли за ним в каюту второго класса.

Пенвэну было бы очень интересно узнать, что произойдет между тремя беглецами, но он не мог последовать за ними, потому что очень спешил.

Работая локтями, он с трудом пробился сквозь густую толпу, сошел на берег, поговорил с товарищами и стрелой помчался на телеграф — послать депешу Дэррошу. Быстро настрочив и отправив телеграмму, Пенвэн вернулся на пристань.

Пароход был готов к отплытию. Провожавшие сошли на берег. Матросы готовились снимать мостки. Пенвэн и его товарищи стали подыматься на палубу.

— Поздненько, господа, поздненько! — крикнул им капитан.

— Насилу успели! — отвечал запыхавшийся сыщик. — С приятелями загуляли, да так, что пришлось бежать на пароход без багажа.

Пенвэн взял для себя и приятелей три билета второго класса. Рыбаки сначала были поражены предстоящей поездкой из Гавра в Нью-Йорк, но они успели так привязаться к Дэррошу и агенту и притом получали такое хорошее жалованье, что, не колеблясь ни минуты, согласились ехать. Промысел давал им очень мало, родных и близких у них не было, так что жалеть им было не о чем.

Чтобы внушить к себе доверие администрации парохода, сыщик отдал на хранение в контору бывшие при нем 20 000 франков. Переезд прошел вполне благополучно. Правда, три приятеля отдали все-таки дань морской болезни, но это только в первые дни.

Диана и Корнелиус, ехавшие в первом классе, изредка встречались с Шамбержо.

Общая ненависть к Дэррошу сплотила их в тесный союз. Как только Шамбержо оправился от морской болезни, все трое принялись обдумывать план мести.

Глава XVI

Большой английский пакетбот, или почтовый пароход «Этрурия», совершающий рейсы между Америкой и Англией, вошел в гавань Нью-Йорка на полсута позднее «Нормандии».

Дэррош и его друзья, вовремя успевшие на отходящий английский пароход, совершенно не заметили, как доехали до Америки, — до такой степени быстро промелькнуло для них время переезда среди приятных разговоров и радужных мечтаний о будущем.

Решили поехать в свои родные прерии после недолгого пребывания в Нью-Йорке и, не теряя времени, справить в Монмартре-ранчо уже не одну, а сразу две свадьбы. Дело в том, что Жако дорогой сделал Колибри предложение и получил согласие. Обратиться ее в христианство ему так и не удалось, и он отказался от дальнейших бесплодных попыток.

От морской болезни Жако страдал сильнее и дольше всех. Когда же он от нее избавился, то почувствовал себя наверху блаженства и целые дни мечтал со своей подругой о том, как мирно и тихо будут они жить среди родных прерий, рядом с близкими и любимыми людьми. Среди дружеских бесед они нередко вступали между собой в пресмешные перепалки.

В Нью-Йорке Дэррош остановился в собственном роскошном особняке на Пятой авеню. Гостям были предоставлены великолепно убранные апартаменты. Сейчас же по приезде, не успев еще хорошенько отдохнуть, Дэррош вытребовал к себе телеграммой сыщика Уайста.

Уайст, типичный, поджарый янки, которого с виду можно было принять за нотариуса, подробно изложил

Дэрошу все, что происходило в неприятельском лагере. Получив телеграмму Дэроша, он дождался прибытия «Нормандии» в Нью-Йорк и с тех пор не упускал из вида Шамбержо, Диану и Корнелиуса. Графа он сразу же узнал по описанию, сделанному Дэрошем, а Диану и Корнелиуса он видел и раньше.

Таким образом, Королева Золота и ее друзья с момента вступления на американский берег находились под неослабным надзором Уайста и его помощников.

— Они поселились в доме полковника Диксона на Пятой улице, на Седьмой авеню.

— Как вы думаете, что они намерены делать? — спросил Дэрош.

— Мне кажется, что они на днях должны уехать из Нью-Йорка. По всей вероятности, они поедут в Денвер, в резиденцию Королевы Золота. Полагаю, что до прибытия туда она не приступит ни к каким важным действиям.

— А почему вы думаете, что они собираются уехать из Нью-Йорка.

— Потому что у них идут усиленные приготовления к отъезду.

Дэрош дал сыщику еще несколько дополнительных наставлений на случай внезапного отъезда Дианы и Шамбержо и уже хотел отпустить его, как вдруг Уайст вспомнил одну деталь.

— Знаете, — обратился он к Дэрошу, — я заметил, что за каждым шагом ваших врагов следит еще кто-то. По-видимому, это какой-то француз. Действует он очень ловко, и если я его и заметил, то только благодаря случайности.

— А каков он из себя, этот француз?

Уайст описал его наружность. Дэрош сразу же узнал по этому описанию своего парижского агента Пенвэна и предложил Уайсту познакомиться с ним и договориться.

Глава XVII

Уайст оказался совершенно прав в своих предположениях.

Через день после его разговора с Дэрошем Диана и ее союзники уехали из Нью-Йорка. Американский скоростной экспресс помчал их на юг, в Денвер.

Денвер они избрали главным центром для своих

враждебных действий против Дэрошей. Во-первых, Денвер находился поблизости от Монмартр-ранчо, ставки Дэрошей, а во-вторых, у Дианы и Корнелиуса были там многочисленные знакомства решительно среди всех слоев населения — от крупных чиновников и миллионеров до всевозможных разбойников-десперадосов.

Диана и ее союзники выработали план чрезвычайно простой: набрать в Денвере и на Золотом Поле банду самых отчаянных негодяев, человек 500 или 600, дожждаться удобной минуты и напасть неожиданно на Монмартрскую ферму. Вот и все.

Нападение, разумеется, предполагалось, когда Дэроши уже вернутся туда.

Шамбержо, возлагавший на Дэроша всю вину за постигший его во Франции позор, был в восторге от этого плана. Он заранее наслаждался тем, как во главе шайки головорезов налетит на ферму своего ненавистного врага и все разорит, сомнет, разрушит, не оставив камня на камне.

Только во время переезда через океан Шамбержо узнал доподлинно, за что его ненавидит Дэрош. Диана, прочитавшая все «дело Шамбержо», открыла ему истинную причину. Полковник долго ломал голову и напирал память, чтобы припомнить кровавую сцену на улице Лэпик, на вершине Монмартра, происшедшую два десятка лет тому назад. Он тогда много пролил крови, много погубил невинных жертв и отдельных эпизодов не помнил.

Диана ехала мрачнее ночи и почти всю дорогу молчала. На вопросы Корнелиуса и Шамбержо отвечала нехотя и кратко.

Она была поражена в самое сердце тяжелым ударом — помолвкой Стального Тела и Лизон. Ее поддерживала только надежда на жестокую, беспощадную месть.

Подобно Шамбержо, она только и думала о том, как бы восторжествовать над своими врагами, протащить их через все степени унижения и потом без всякой жалости уничтожить.

— Я их достану живыми, и уж покажу же я им! — мечтала Диана, стараясь рассеять этими злобными думами отчаянную тоску, которая грызла ее всю дорогу.

От Нью-Йорка до Денвера было более трех тысяч верст.

При всех удобствах, при всей комфортабельности

первокласных вагонов на североамериканских железных дорогах такой длинный путь, да еще сразу после переезда через океан, давал о себе знать. Диана и Корнелиус, как более закаленные деятельной жизнью, бодрились, но полковник совсем расклеился и пластом лежал на диване.

Поезд мчался бешено, преодолевая огромные пространства.

Исходя из американского правила, что «время — деньги», машинист и кондукторы мало интересовались тем, насколько безопасно и надежно полотно дороги.

Впрочем, пассажиры, едущие на дальние расстояния, не особенно много выигрывают от такой скорости, потому что на небольших станциях иногда по нескольку часов приходится дожидаться прихода встречного поезда.

Уайст и его помощник, следившие по поручению Дэрроша за Дианой, сначала избегали попадаться на глаза ей и ее спутникам, но около Сан-Франциско, от которого до Денвера оставалось 150 верст, они вошли в тот же вагон, где сидели три союзника, и даже попытались вступить с ними в разговор, выдавая себя за коммерсантов.

Но попытка не удалась. Шамбержо был до такой степени измучен путешествием, что ему было не до разговоров, да и английский его сильно хромал. Что касается Дианы и Корнелиуса, то они на все вопросы отделялись короткими и сухими «да» и «нет».

Так доехали до станции Санди-Рэндж, от которой до Денвера — сто верст.

Глава XVIII

В доме Дэрроша на Пятой авеню все кипело радостью жизни.

У всех были счастливые, веселые лица. Весело звенели в комнатах детские голоса Леоннэка и Ивонны. Мрачноватый дом от этого только выигрывал, казался нарядным, оживленным и праздничным. Даже убитая своим горем госпожа Порник перестала плакать, как бы заразившись общим веселым настроением.

Пенвэн, извещенный Уайстом, не замедлил явиться в дом с обоими товарищами, веселыми парижанами, которые всех смешили остроумным рассказом о том,

как они, выслеживая Шамбержо, незаметно для самих себя очутились за океаном в Нью-Йорке.

— До Нью-Йорка все было хорошо, — говорил Пенвэн. — Проследить за этим господином в Гавре и на пароходе ничего не стоило. Но вот мы очутились в этой проклятой американской столице, в которой не знаем ни одной улицы. Просто черт ногу сломит! Улицы обозначены номерами. Ни одного названия. Извольте тут сориентироваться.

— Конечно, вам было очень трудно, — с улыбкой говорил Дэррош. — И вы очень ловкий человек, что сумели все-таки выпутаться. Зато теперь вы свободны. За нашими врагами установлен постоянный надзор.

Дэррош еще в Париже предложил Пенвэну оставить его беспокойное и опасное ремесло и заняться фермерством, что гораздо почетнее и полезнее. Пенвэн охотно согласился. Он был одинок, как и его друзья-рыбаки. Тем также нечего было терять на родине. Поэтому и они, со своей стороны, тоже согласились на предложение Дэрроша, решив, что, если они соскучатся по Франции и им захочется опять побраконьерствовать, то они всегда могут уволиться и уехать домой.

Друзья не теряли в Нью-Йорке времени даром. Целые дни они ходили по магазинам и делали покупки для предстоящего торжества.

Дэррош открыл на этот предмет самый широкий кредит и только просил своих друзей об одном — чтобы они ни в чем не стесняли себя и помнили, что они не скоро попадут опять в такой оживленный и богатый торговый центр.

Дней десять спустя после приезда в Нью-Йорк все почувствовали себя отдохнувшими, и все нужное для свадьбы было закуплено.

В Нью-Йорке больше делать было нечего. На другой же день решили выехать.

Дэррош телеграфировал на Монмартрскую ферму, чтобы там все приготовили к приему гостей. Черного Орла и Красную Лилию он велел предупредить о приезде Колибри. Вождя со всем племенем он приглашал на торжество в Монмартр-ранчо.

Послали также приглашительную телеграмму и семье Жако, жившей в Сен-Бонифэс, около Виннипега. Старика Лэфрана уведомили о свадьбе сына и звали приехать на торжество со всей семьей.

Перед самым отъездом, когда друзья весело и оживленно беседовали за вечерним кофе, в гостиную вошел лакей и подал Дэрошу телеграмму.

— Должно быть, от Уайста, — сказал Дэрош и торопливо развернул депешу.

Пробежав, он побледнел и стал читать вслух дрожащим голосом:

«Наш поезд подвергся крушению в нескольких верстах от станции Снауи-Рэндж. Масса убитых и раненых. У меня отрезало обе ноги. Товарищ мой Кук убит наповал. Диана Диксон и полковник Шамбержо получили смертельные раны. Диана умерла вскоре, а Шамбержо промучился пять часов. Труп Корнелиуса обезображен до такой степени, что его нельзя узнать. Лежу в Денвере в больнице. Уайст».

Известие поразило всех, как громом. На минуту в гостиной воцарилась мертвая тишина.

Первая нарушила молчание Колибри.

— О чем же горевать, папа Дэрош? — вскричала она. — Змея погибла, шакал тоже. Это хорошо. Я рада.

— Ты права, — сказал Дэрош. — Эти люди причинили нам много зла и горя. Жалеть их нам, действительно, нечего. Но ведь вместе с ними погиб бедняга Кук и искалечен несчастный Уайст. Вот что грустно.

Уайста и Кука знал лично один только Дэрош, поэтому он и был огорчен больше всех.

Смерть Дианы, молодой красавицы во цвете лет, поразила и даже отчасти опечалила Лизон и в особенности госпожу Дэрош. От природы добрая и великодушная, Лизон готова была забыть все зло, причиненное ей опасной соперницей, а госпожа Дэрош невольно чувствовала признательность к женщине, которая для нее сделала доброе дело.

Стальное Тело мысленно перебрал все хорошие и дурные качества этой женщины, сыгравшей такую роковую роль в его собственной жизни и жизни близких, и не мог решить — огорчаться ему или радоваться, что судьба избавила их от ужасов предстоявшей борьбы с ней не на живот, а на смерть.

Только о графе Шамбержо никому и в голову не пришло пожалеть.

На следующее утро в газетах появилась подробная информация о железнодорожной катастрофе между станциями Снауи-Рэндж и Орселз. Оказалось, что все

полотно от Сан-Франциско до Орселэ было размыто ливнями, прошедшими накануне. Начальник дистанции прекрасно знал, что путь не безопасен, но ввиду того, что предыдущий состав благополучно проследовал по размытому пути, дал пропуск и этому поезду, несмотря на представления своего помощника. В результате случилась катастрофа, которая, впрочем, в Америке далеко не редкость, — 150 раненых и 75 убитых.

Газеты, между прочим, пролили много типографских чернильных слез по поводу безвременной гибели первой денверской красавицы Дианы Диксон, известной под именем Королевы Золота.

Глава XIX

Дэроши и их друзья прибыли в Денвер благополучно.

Первым делом Дэрош в сопровождении опытного врача, которого захватил с собой из Сан-Франциско, отправился в больницу.

Уайст был вне опасности, но очень ослабел после операции, стоившей ему большого количества крови.

Дэрош сделал для раненого все, что мог, и успокоил искалеченного сыщика обещанием обеспечить его пожизненной пенсией.

Исполнив долг человеколюбия, Дэрош поспешил к своим.

В Монмартр-ранчо их ожидала торжественная встреча.

Смокер Жако и Фред, в отсутствие Дэроша ведавшие всем хозяйством, устроили такой прием дорогим гостям, какого те и не ожидали.

Ковбои в праздничных костюмах приветствовали их криками «ура» и ружейной пальбой. Черный Орел, Красная Лилия и их ближайшие родственники выехали навстречу за несколько верст и приветствовали своих белых братьев торжественными речами на очень образном индейском языке. У ворот фермы их встретил Фред, держа за руку беспомощного слепого старика. Лицо Жо сияло счастливой, радостной улыбкой. Услышав голос Лизон, он бросился к ней и стиснул ее в своих объятиях. Девушка питала к старику-негру самую искреннюю, горячую привязанность. Она обвила его шею своими руками и нежно поцеловала, как любящая дочь.

Мадам Дэрош также обняла старика и сейчас же поделилась с ним своей великой радостью.

— Мой дорогой, мой преданный друг Жо! — обратилась она к нему. — Обними же скорее своего любимого мальчика, моего отыскивавшегося сына. Помнишь, как ты его когда-то нянчил и баловал?

Жо весь застыл от изумления, ничего не понимая.

У него даже мелькнула мысль: не сошла ли его госпожа с ума? От горя это бывает.

— Обними же меня, приласкай своего питомца! — весело вскричал Стальное Тело, обхватив ласково старика.

— Муше Стальное Тело, — сказал дрогнувшим голосом старик. — Неужели вы — Марсель? Мой малютка Марсель?.. О, я хочет плакать... О, какой я довольный!

Лицо старика выражало неописуемую радость. На глазах выступили слезы.

Фред не произнес ни слова. Он тоже был растроган до слез.

Во внешности Фреда произошли резкие перемены. Внутренняя борьба и перенесенные нравственные страдания облагородили даже его крупные черты лица. В его манерах не осталось ничего, что напоминало бы прежнего грубого и жестокого разбойника, наводившего ужас даже на самых звероподобных искателей золота. В его больших серых глазах угадывались затаенная грусть и тихое горе. Видно было по всему, что голова его работает хорошо, а душа переживает внутренний кризис.

Сильная и глубокая любовь к Лизон преобразила его и духовно, и физически.

Лизон протянула ему обе руки и горячо поблагодарила за заботы о бедном Жо.

Со Стальным Телом Фред обменялся крепким рукопожатием и братским поцелуем. Между ним и его счастливым соперником уже давно установились дружеские отношения.

С приездом Дэрошей Монмартрская ферма оживилась. Давно уже здесь не раздавалось таких веселых голосов, такого веселого смеха. Давно уже Дэрош, его жена и старик Жо не хохотали до такой степени беззаботно и от души.

Глава XX

Обитатели Монмартрской фермы зажили мирной и счастливой трудовой жизнью.

Свадьбы Стального Тела и Жако были отпразднованы обе в один день.

Старик Лэфран, отец Жако, со всем своим многочисленным семейством, состоявшим из жены, пяти дочерей и восьми сыновей разного возраста, не преминул, конечно, явиться на торжество. Дэрош упросил их остаться подольше, и они провели на ферме больше месяца.

Черный Орел явился на праздник со всей команчской деревней. Для вождя команчей это событие было двойной радостью, потому что он любил Стальное Тело не меньше, чем свою дочь.

Краснокожие широко воспользовались гостеприимством радушных хозяев фермы и проделали, к великой радости Леоннека, все трюки, которые он видел на представлении труппы Буффало-Билля.

Парижане с удовольствием любовались верховой ездой дикарей и их военной пляской.

Со своей стороны, команчи дивились, какие замысловатые выкрутасы выделявали ногами веселые парижане, друзья Пенвэна.

Пиршество на ферме продолжалось больше недели; потом жизнь опять вошла в свою колею.

Дэрош для каждого из друзей подыскал в своем громадном имении подходящее занятие.

Для всех началась трудовая, полезная и вполне разумная жизнь. Днем все были заняты делом, а вечера проводили за чтением или за дружеской беседой. По воскресеньям и праздникам все, кто жил на других фермах Дэроша, съезжались в Монмартр-ранчо в одну большую дружную семью.

Игры и всевозможные развлечения чередовались с дружескими беседами, за которыми частенько вспоминали пережитые события.

Проходили дни, недели, месяцы, — никто их не замечал.

Время — самый лучший врач. Фред, долго изнывавший от своей безнадежной любви к Лизон, незаметно для себя самого стал излечиваться от своего недуга. Пылкая страсть постепенно перешла в братскую дружбу, правда, горячую и преданную.

Этой перемене способствовала, между прочим, зародившаяся в нём любовь к другой женщине. Этой женщиной была Жанна.

Смотря на бледное, грустное лицо Фреда, Жанна угадывала, что он переживает тяжелую драму. Кто сам много страдал, тот особенно чуток к чужому горю. Жанна искренне жалела молодого человека и при каждом удобном случае старалась выказать ему без слов свое сочувствие.

По мере того, как учащались его встречи с ней, Фред все больше и больше ценил ее, а она все больше и больше убеждалась в том, что под грубой внешностью этого великана скрыта нежная и любящая душа.

Одним словом, Жанна жалела Фреда, и скоро эта жалость, как водится у женщин, перешла в любовь.

Когда, наконец, Фред, преодолев робость, признался ей в своей любви, Жанна вся вспыхнула ярким румянцем, и сердце ее так и заколотилось в груди.

На Монмартрской ферме сделалось двумя счастливыми людьми больше.

Впрочем, никто во всей Желонейской долине не имел основания пожаловаться на свою судьбу.

Мадам Порник превосходно справлялась с хозяйством на ферме, которую ей отдал в управление Дэррош. У нее оставалось достаточно свободного времени для того, чтобы следить за воспитанием Леонэка и Ивонны, для которых Дэррош выписал учителя.

Пенвэн и его друзья жили — не грустили. Бывший сыщик сделался отличным фермером и из своих парижских привычек сохранил только одну: аккуратно прочитывал все газеты, какие получал, а получал он их отовсюду: из Денвера, из Нью-Йорка, из Парижа.

Его друзья, рыбаки-браконьеры, помогали ему по хозяйству, и если они и мечтали иногда о поездке в Париж, то только на время, чтобы непременно вернуться потом опять в Монмартр-ранчо. Им страшно полюбилась необъятная ширь вольной прерии. По праздникам они неизменно отправлялись удить рыбу у себя на речке и уже не боялись, что их отдадут под суд за браконьерство.

Просматривая однажды газеты, Пенвэн наткнулся на заметку о том, что полковник Сирус А. Диксон запутался в долгах, разорился и объявлен несостоятельным должником.

— Тут нет ничего мудреного, — сказал Дэрош, когда ему сообщили об этом. — Ведь его дела вела Диана. После ее смерти все и пошло прахом!

Стальное Тело и Лизон, Жако и Колибри продолжают любить друг друга по-прежнему. Обе четы живут в полном мире и согласии, но Жако и Колибри по-прежнему продолжают неизменно пикироваться между собой.

Старый Жо доживает свой век у «малютки Марселя», как он продолжает именовать Стальное Тело, хотя тому уже сравнялось тридцать лет.

В прежние годы он усердно баловал Лизон, а теперь с таким же усердием балует двух ее деток.

СЫН ПАРИЖАНИНА

Часть первая

Глава I

Юный путешественник.— Без приключений! — Слишком много удобств.— Жертва и палач.— Мститель.— Бал на «Каледонце».— Оскорбление.— Борьба.— Двое в море.

«В море. 1 января 1904 года.

Мои дорогие, я очутился по ту сторону шара, который зовется землей, если только можно говорить о сторонах шара... Словом, вы понимаете, где ваш сынок. Ты помнишь эти места, папа? Западный берег Австралии, немного выше тропика Козерога; и мы плывем на юг. Сегодня 1 января и день моего рождения; поздравляю вас обоих с тем и другим, дорогие, и шлю самый горячий сыновний поцелуй. Сегодня мне стукнуло семнадцать лет, и я, как и ты, отец, в эти годы, совершаю кругосветное плавание.

Но какая разница! Ты испытал столько чудесных приключений, которые сделали тебя известным, а я просто — пассажир 1-го класса. Временами я почти скучаю. Конечно, мимолетно я видел множество прекрасного, но ничто не было неожиданным, и все портили объяснения Бедекера. Милый отец, мне скучно без приключений.

А между тем, стоит чудная погода. Теперь, как вы знаете, здесь лето, но в море мы не страдаем от зноя. В открытый люк врывается легкий ветерок, полный странных благоуханий, смешанного аромата ванили, лимона, смолы и розы и еще какого-то опьяняющего, тонкого запаха. По обыкновению на палубе — танцы. Танцуют с увлечением, одержимо. Музыка гремит; скоро подадут ужин. Я не приму участия ни в том, ни в другом. Не хочется мне толкаться в шумной толпе.

Я ни с кем не познакомился, а между тем, у меня уже

Роман написан в 1904 году.

есть враг и друг. Друг — славный двенадцатилетний юнга, скромный и кроткий, кажется, ирландец. Он подносит курильщикам просмоленный фитиль, о который они зажигают папиросы и сигары.

Бедного мальчика преследует один из пассажиров, молодой человек моих лет, богатый американец, одетый по последней моде, и всеобщий любимец. Во время качки мой юнга обжег ему нос; вместо того, чтобы посмеяться, он избил беднягу. И с этих пор мучает его невыносимо, и никто, даже капитан, не решается его остановить. Но я решился.

Ровно шесть часов тому назад я расхаживал по палубе.
— Воу, огня! — крикнул янки.

Дрожащий юнга подошел к нему и подал фитиль. Ударом ноги американец сбил его на пол и закричал:

— Смотри, не разбей стеклышка от часов!

Мальчик старался встать. Бац! Новый удар, потом третий, четвертый. Бедный мальчик лежал как оглушенный теленок, и никто не возмущился, никто не попробовал заступиться за него.

Я спокойно подошел к американцу и сказал:

— Вы поступили недостойным образом. Оставьте этого ребенка!

Рослый янки окинул меня взглядом, усмехнулся и ответил:

— А, французик, значит, повар или парикмахер. Ну, милейший, оставьте-ка меня в покое. Со мной не говорят таким тоном. И я залеплю вам пощечину.

Он поднял руку; я оттолкнул его и ответил ему ударом кулака, который попал под пятую пуговицу его жилета.

Он вскрикнул «ох!» и свалился рядом с юнгой.

Оба поднялись. Мальчик крикнул мне по-английски «благодарю» и убежал. Янки бранился:

— Мошенник, ты предательски ударил меня.

— Сам — мошенник, а я действовал честно; правда, джентльмены? — обратился я к зрителям.

— Да, да, честно! — прозвучало несколько голосов.

— Какая-то мелюзга! Я уничтожу тебя!

— Кажется, будет драка, — со смехом ответил я.

— Хорошо, если ты не трус — я потребую честной борьбы... на палубе «Каледонца».

— Если угодно, сию минуту.

— Нет, завтра, — ответил американец.

— Когда, где и как тебе угодно!

Вот единственное приключение, дорогие, которое пережил я».

Молодой человек отложил письмо.

О, нет, его нельзя назвать «мелюзгой». Правда, он не исполин, далеко нет. Он ниже среднего роста,

но сложен сильно, мускулист. На лице его — выражение живости, ума, веселости. Чувствуется, что это славный, откровенный, прямой малый, немного сорви-голова.

Перечитав письмо, он решил дописать его на следующий день после бокса и вышел на палубу покурить.

Бал на корме был в полном разгаре. Мужчины во фраках, леди и мисс в бальных туалетах, в бриллиантах и цветах грациозно двигались под музыку, а большой пароход, весь залитый электрическим светом, быстро скользил, покачиваясь, по волнам.

То и дело взлетали пробки от шампанского. Служки ловко лавировали среди толпы, привычно удерживая подносы с бокалами, полными пенящегося вина.

Пили много. Буфет торговал хорошо, и многие джентльмены развеселились и покраснелись от шампанского. Среди них молодой человек увидел своего неприятеля. Он, очень разгоряченный, отошел от танцующих, обмахиваясь сложенным цилиндром, потом, заложив его между жилетом и рубашкой, вынул портсигар.

Американец заметил француза, узнал его и, опередив своих почитателей, которые следовали за ним, направился к молодому человеку. Француз сидел на кресле-качалке и равнодушно курил.

В американце вспыхнула злоба.

— Ага, вот и французишка, — сердито заметил он. — Ему следовало бы отправиться в людскую, на кухню, а не сидеть здесь, исподтишка любуясь, как веселимся мы, господа.

Молодой человек пожал плечами и ответил тоном истинного завсегдатая бульваров:

— Выпил немного и сам не знаешь, что болтаешь! Убирайся-ка!

Возбужденный вином и усмешками своих друзей, янки прибавил с презрительным жестом:

— А может быть, у этого бедняка нет денег, чтобы тоже немножко выпить?

— Дерзишь? — возразил француз. — Ну, на первый раз я прощаю: у тебя в голове шумит. Но довольно, не то — получишь!

Янки захохотал, засунул пальцы в карман жилета, вынул пригоршню долларов и бросил деньги в лицо француз, сказав:

— Я могу дать милостыню. Эй, подними! Выпей за мое здоровье и кричи «да здравствует!..»

Он не успел закончить. С изумительным хладнокровием молодой француз вскочил с кресла и, бледный, с горящими глазами, бросился на оскорбителя и залепил ему жестокую пощечину, слышную, звонкую.

— Получил? Я держу данное слово! — крикнул он.

Американец взревел как раненое животное, выхватил из кармана револьвер и прицелился в молодого француза, но тот с быстротой молнии вырвал из его рук оружие и выбросил в море, крикнув:

— Ну, и характер! Но, поверь, так меня не убивают!

Окончательно потеряв голову, возбужденный вином янки чувствовал, что он навсегда потеряет уважение остальных пассажиров, если немедленно не оплатит противнику.

С грубым проклятием кинулся он на француза и обхватил его руками. Завязалась борьба. Они сжимали друг друга, качались, задыхались. Остальные расступились, давая им свободное место, и, конечно, начали заключать пари.

Борцы упали; не выпуская друг друга из рук, они катались по палубе.

Вдруг без видимой причины пароход страшно накренился. Что случилось — неизвестно, но исполинская волна накрыла нижнюю палубу; раздался ужасный крик.

Пассажиры инстинктивно ухватились за что попало и отделались, в основном, легким испугом. Боровшиеся молодые люди не разжали объятий. Сперва водная гора накрыла их, потом подняла, как два перышка, и бросила в пучину.

Долю секунды они еще виднелись на гребне вала, потом он разбился, и они скрылись в пучине.

— Двое людей за бортом! — раздался испуганный крик матросов.

Глава II

Отчаянный призыв. — В океане. — Акулы. — Дерево. — Среди ветвей. — Оригинальный разговор. — Шерстяной Король. — Тотор и Меринос. — В виду берега. — Пресная вода. — Эгоизм. — Ссора.

Пароход, делающий приблизительно 18 узлов в час, то есть около 30 километров, не так-то скоро может

сделать разворот. Напрасно команда старалась как можно поспешнее остановить «Каледонца». Громадное сооружение из дерева и металла удалялось от места несчастья с быстротой болида.

Молодые люди, попавшие в воду, наконец выпустили друг друга из рук и выплыли на поверхность с ловкостью искусных пловцов. В ту же минуту они увидели, что «Каледонец», весь залитый электрическим светом, быстро удаляется. Оба пришли в ужас, оба закричали, но как слабо звучали их голоса в бесконечной водной пустыне. А яркий свет все удалялся, потухал, временами совсем исчезал в волнах.

Наконец молодой американец высунулся до половины из воды и среди внезапно спустившейся тьмы закричал срывающимся голосом:

— Сюда! Помогите! Тысяча фунтов... десять тысяч тому, кто меня спасет! Отец богат! Он даст много золота! Помогите, помогите!

Француз уже оправился; он берег силы и только шутливо ответил:

— Ну, дружок, не спеть ли это на мотив песенки «Каде Руссель?»

— Сюда! Помогите! Дам золота... У меня миллионы, да, миллионы...

— Шутки! В этой большой лоханке, в которой мы барахтаемся, ты такой же несчастный, как я.

Минули две долгие, две жестокие минуты. «Каледонец» прошел целый километр и только тогда остановился. Стали снаряжать спасательные лодки, и наконец они отошли на веслах к месту несчастья. На палубе парохода не было светящихся буйков, и предстояло отыскивать попавших в море, так сказать, на ощупь в темноте. Пароход начал разворачиваться, чтобы пойти за шлюпками. Но на все это потребовалось более двадцати минут.

Американец продолжал кричать; между тем француз заметил, что, хотя они и плывут по направлению к пароходу, волны с неудержимой силой уносят их в правую сторону.

— Ну, вот, — сказал он, — нас подхватило течение и несет к берегу.

— На помощь! На помощь! Сто тысяч долларов, только помогите!

— Ну, ты довольно однообразен, зайчик мой, напрасно кричишь... Не все можно купить за деньги.

И разве ты не видишь, что мы удаляемся. Можешь спеть: «Прощай, кораблик ми-и-лый».

— Проклятие! Это правда... Я погиб!..

— Все-то ты говоришь «я» да «я». Ты эгоист, право, а я — нет! Слушай, гребь! Колоти лапами из всех сил.

— Что? В чем дело?

— Плыви, говорю. Шуми — уйдут! Папа говорил мне...

— Кто уйдет?

— Акулы, милейший!

Действительно, вокруг них быстро вспыхивали фосфорические полосы, перекрещивались, подходили, отдалялись.

Молодой американец вскрикнул от ужаса и стал барахтаться.

Расстояние между пловцами и пароходом увеличивалось со страшной скоростью. Течение уносило молодых людей, которых все еще провожали акулы; однако чудовища, испуганные их резкими движениями, не нападали. Спасательные же шлюпки опоздали. Течение слишком далеко унесло молодых людей.

Американец продолжал жаловаться на судьбу; молодой француз в утешение говорил ему, что они куда-нибудь да приплывут.

Но вот что-то зачернело перед ними. Громадное, вырванное с корнями дерево! Его тоже уносило течение, и его сучья поднимались над водой.

— Удача,— закричал француз.— Плывет! Схватимся, влезем на него! Готово!

Он схватил одну из основных веток, обвил ее ногами и руками и взобрался на ствол с ловкостью обезьяны. Его товарищ по несчастью последовал примеру. Они кое-как уцепились за ветви, уселись поудобнее, насколько это было возможно, предоставив течению нести дерево.

Свет парохода исчез; дерево вращалось, качалось. Кругом вились акулы. Часы тянулись нескончаемо долго, ужасные часы. Время от времени дерево странно вздрагивало. Это американец, уставший от неудобного положения, двигался.

Парижанин не шевелился.

— Тише, товарищ, тише,— сказал он наконец своему спутнику.— Не то ты опрокинешь нас, а тогда — шутки плохи!

Американец застонал, но не ответил.

— Ты болен? — с участием спросил его француз. Ответа не было. — Ну, значит, дуешься? Что за характер! Послушай! Дуться в такую минуту глупо, скверно!

Тогда наконец послышался сердитый ответ:

— Все это случилось по вашей вине... И с какой стати вы стали вмешиваться в мои дела? Я вас не знаю, вы не принадлежите к моему кругу...

Из ветвей послышался звонкий хохот.

— А между тем меня тебе представили мое колено и нога. Неужели в твоём высшем свете это недостаточный повод для знакомства?

— О, если мы выберемся на сушу, я отплачу вам, я перебью вам спину.

— Ну, признаюсь! И ты думаешь, я так и буду стоять? О, нет, мальчишка, я покажу тебе, каков я!

— Да кто вы такой?.. Я говорю с вами по-английски, а вы, отлично понимая этот язык, отвечаете мне по-французски, но употребляете далеко не классические выражения. Кто же вы?

— Мое имя Тоттор.

— А как зовут вашего отца?

— Фрикэ.

— Что он делает? Какое положение занимает в обществе?

— Любопытный! Боишься унижить свое достоинство? Изволь: отец, ради забавы, проделал кругосветное путешествие... по самому далекому пути; по дороге он помогал слабым, бил сильных, уничтожал пиратов и так далее. Он очень веселился, и ему всегда улыбалась удача.

— А! А теперь?

— Теперь он отдыхает. А я следую его примеру. Ну, находишь ли ты меня достаточно знатным, чтобы сидеть рядом со мной на дереве среди моря?

— Право, никогда не знаешь, не насмехаетесь ли вы! И вы все время говорите мне «ты».

— Сам начал, помнишь, на палубе «Каледонца»? Теперь же это вошло у меня в привычку. А что делает твой-то родитель?

— Он — миллиардер.

— То, что у нас называется «человек с мошной». Чем же он занимается?

— Он — Король Шерсти.

— Черт возьми! Властелин руна, султан овечий?

Значит, ты в некотором смысле сын монарха — шерстяной дофин. У нас во Франции есть «Маленький Литейщик», «Маленький Угольщик» *. Америка в твоём лице будет иметь «Маленького Мериноса», и я делаюсь твоим крестным отцом.

Американец ответил, стараясь говорить повелительным тоном:

— Я запрещаю вам так звать меня.

— Слышу, Меринос.

— Вы поняли?

— Да, Меринос.

— И я решил заставить вас слушаться, хотя бы силой.

— О, Меринос. Ой, как страшно! Я жду рассвета, чтобы созерцать черты героя. Вот горизонт начинает краснеть... Скоро солнце встанет, и я увижу тебя, о, Меринос, во всей твоей славе...

Действительно начался рассвет.

— Берег, берег! — сказал вдруг Тотор. — Ну, Меринос, знаешь, я сейчас покину наш гостеприимный приют.

— Что вы хотите делать?

— Плыть к берегу, — услышался ответ. — Видишь, наша «ладья» начинает кружиться... Значит, течение делает поворот, а я не собираюсь проплыть вокруг Австралии на этом неудобном корабле. Прощай, гостеприимное дерево!

И с этими словами Тотор бросился в воду, Меринос — за ним.

Они плыли, широко загребая руками, и вдруг заметили, что вода делается все прозрачнее, все яснее. Теперь она чиста, как кристалл. Тотор втянул ее губами и крикнул:

— Удача! Пресная вода! Ну, и напьюсь же я, просто лопну... как лягушка в табачном ящике.

Он пил; плыл и пил жадно, с наслаждением, и с полным ртом добавил:

— Если угодно, попей тоже. Чудная вода, не хуже вина... когда его нет.

— Американец сухо ответил:

— Нет!

— После такой-то ночи? — удивился парижанин. — Ну, ты — чудо природы. Может быть, ты боишься микробов?

* Названия книг.

— Не все ли вам равно?

Молодые люди, отличные пловцы, пересекли наискось широкую полосу воды, образованную течением; их немного отнесло в сторону, но они, наконец, пристали к отмели в маленьком заливе, окаймленном роскошными тростниками. С них текла вода, они ужасно устали и, шатаясь, ступили на землю.

— Спасен! Я спасен! — крикнул американец.

— Ты спасен, он спасен, мы спасены! — шутливо отозвался Тотор. — И неудивительно! Отец мне говорил об этом. Выброшенные в море погибают редко, обычно они спасаются от акул и выходят на гостеприимный берег.

— На котором я надеюсь недолго пробыть, — резко и уверенно сказал Меринос. — Капитан отыщет меня и доставит на место. Удивляюсь, что он не пошел вдоль берега.

— Ха! — возразил Тотор. — Это его долг, но в состоянии ли он отыскать тебя? Течение отнесло нас очень далеко.

— Мой отец — главный акционер пароходной компании. Он хозяин всех этих пароходов, матросов. И хотел бы я посмотреть на них, если они не явятся за мной! Я требую, чтобы меня отыскиали. Не то я прикажу не выдавать жалованья капитану, машинистам, матросам и... шу God — велю затопить пароход!

— Говори, говори, — заметил француз. — Вот именно так дети требуют, чтобы им дали луну.

— Что вы хотите сказать?

— Что ты — бедняга, выброшенный на землю морем, что у тебя нет ни пристанища, ни костра... Что тебе придется работать и терпеть нужду больше, чем последнему нищему в Париже, Лондоне или Нью-Йорке.

— Вы рассуждаете, как идиот, потому что не знаете нашей силы, равной власти королей Старого Света.

— Слово «идиот» лишнее, — ответил Тотор, — и ты мне за него заплатишь, но прежде, чем я проучу тебя, узнай, что тебе придется голодать, терпеть жажду, изнывать на солнце, может быть, дрожать от холода; что страшные, неведомые, бесчисленные опасности подстерегают тебя; что ты сделаешься игрушкой случая, болезней, зверей — всего, всего; что ты наконец смиришься...

— Мосье Тотор, вы лжете!

— Сэр Меринос, я заставлю вас взять обратно оскорбление!

— Защищайтесь!

— Это глупо. Но, если уж так необходимо, то приступим к драке.

Глава III

*Парижанин хохочет; Меринос оскорбляет его. — Смешной и рас-
свирепевший человек. — Довольно смеяться! — Тотор сжимает руки;
Меринос сдаётся. — Гордость, гнев, озлобление. — Разлука. — Тотор
убивает две цапли, ест сырые яйца и засыпает.*

Меринос стал в позу, приготовившись к боксу: выпятил грудь, согнул руки, сжал кулаки. В эту минуту он казался страшным бойцом. Тотор весь съёжился, поднёс одну руку к лицу, другую опустил и вдруг быстро перекувырнулся через голову, да так ловко, что ему позавидовал бы любой клоун. Потом он принялся хохотать, весь сотрясаясь от смеха.

— Вы совсем потеряли голову? — закричал Меринос. — Берегитесь!

— погоди-ка, — ответил Тотор. — Сейчас начнем... Теперь же дай мне насмеяться вдосталь... Не могу... Умора! Ха, ха! Ах ты, Меринос! Ха, ха, ха!

— Вы или мошенник, или идиот, и ваше шутовство на меня не действует, — ответил американец. — Вижу, вы трусите! Ну, и отколочу же я вас! — прибавил он.

— погоди, говорю тебе, — со смехом продолжал Тотор. — Ах, если бы ты себя видел! Ха, ха! Ну, посмотришь хотя бы в воду... посуди сам. Разве можно спастись в таком виде? Да еще в море! Ах, бедняга! У тебя нет ни подходящего костюма, ни призвания для таких приключений. Ты похож на могильщика, которого выловили из лужи.

Действительно молодой богач был смешон. Его фрак, жилет с большим вырезом, лакированные туфли, пластрон рубашки — все намокло, испортилось от морской воды и жалкими складками прилипло к телу.

— И, в довершение всего, — продолжал парижанин, — твои панталоны разорвались, и оттуда торчит рубашка.

Его грубоватые шутки довели до бешенства американца, который в глубине души и сам сознавал,

что смешон. Меринос вспыхнул от гнева, бросился на Тотора и с силой двинул кулаком, но его рука встретила пустоту. Молодой парижанин с быстротой молнии присел на корточки, обхватил ноги Мериноса по выше икр и дернул. Бац! Меринос потерял равновесие и упал на спину, густая трава смягчила ушиб.

— Готово! — крикнул неисправимый насмешник с взрывом нового хохота. — Ну, собирай себя!

Когда рассерженный, бледный Меринос, скрежеща зубами, поднялся с земли, что-то круглое, плоское, черное и блестящее вывалилось из его жилета, от которого отлетели пуговицы.

Тотор подскочил, поднял упавшую вещь и закричал с торжеством:

— Цилиндр для довершения твоего наряда! Удачно, очень кстати!

Это был шелковый модный «клак» американца.

Обезумев от бешенства, Меринос снова бросился на Тотора. Парижанин отбежал на несколько шагов и с новым смехом поднял складную шляпу, крикнув: «Берегись! Заряжена!»

Он нажал пружину — лепешка превратилась в цилиндр и чуть не ударила по лицу оторопевшего Мериноса.

— Боишься? — забавляясь, крикнул француз.

Но Меринос ничего не видел и не слышал от злобы. Его глаза горели, из горла вырывались хриплые, нечленораздельные звуки. Он ринулся на Тотора, желая схватить его за горло, собираясь вцепиться ногтями в его тело. Парижанин бросил шляпу, обеими руками схватил своего противника под мышки и, по-прежнему с улыбкой, стал сжимать его.

Выражение лица Мериноса менялось: изумление, мука, страдание отражались на нем поочередно. Наконец челюсти американца сжались, глаза закатились, щеки побледнели, губы приняли лиловатый оттенок. Он дышал тяжело, скрипя зубами, чтобы не стонать, а парижанин все сжимал и сжимал его бока своими страшными, точно стальными, пальцами. Меринос задыхался и чувствовал, что погибает. Наконец он не смог сдержаться и слабо застонал, с его губ сорвалось слово:

— Пощадите!

— С тебя довольно? — странно спокойным голосом спросил Тотор.

— Да... не могу больше... умираю... — пролепетал Меринос.

— Полно! Я просто сжал слишком сильно. Пройдет! Раз ты признаешь себя побежденным, я прекращаю.

И ужасный человек со стальными мускулами разжал страшные объятия. Его противник упал. Тотор, словно ребенка, поднял Мериноса и положил под широкие листья растений с ярко-красными цветами, принес «клак» и, наполнив его травой, добродушно сказал:

— Солнце поднимается, а в тропиках его лучи смертельны, и, так как черный цвет притягивает тепло, у тебя мог бы сделаться солнечный удар. Поэтому я набил твою шляпу листьями и травой; они сохранят свежесть. Но я оставил в ней место для головы. Ну что? Тебе лучше?

— Лучше, но уйдите.

— Как? Ты все еще сердишься?

— Больше прежнего!

— Не понимаю...

— И незачем понимать. Я не могу на вас смотреть и ненавижу вас всеми фибрами души. Вы меня били, осмеяли... Разойдемся в разные стороны... И не будем встречаться... Я мог бы убить вас во время сна...

— Да ты — феномен, — ответил Тотор. — Послушай, мы в ужасном положении и, лишь соединив свои силы, могли бы чего-то добиться.

— Благодаря вам, я стал несчастнее последнего нищего. Я все потерял... Если бы я был сильнее вас, я вас убил бы, — ответил американец. — Прощайте, и желаю вам издохнуть с голоду раньше меня.

Он поднялся и, бледный, шатающийся, ушел, грозя Тотору кулаком. Молодой француз посмотрел ему вслед, пожал плечами и сказал:

— Как угодно! Ты пропитан дрянью и набит гордостью. Но ты присмиреешь, мой Мериносик, присмиреешь! Ну, что же? Постараюсь обойтись без тебя и прежде всего пойщу себе завтрак.

Тотор огляделся и подумал: «Ах, у меня еще нет привычки. Вот если бы тут был отец, все пошло бы как по маслу. Но он в Париже. Что же делать? Прежде всего посмотрим, что у меня есть».

Он порылся в свдих еще влажных карманах и извлек все, что лежало в них: платок, никелированные часы, в которые попала морская вода, записную книж-

ку с карандашом, перочинный ножик, пилку для ногтей и зубочистку.

Тотор засмеялся и сказал вслух:

— Ну, пилка еще куда ни шло, но зубочистка! Вот нож бы — настоящий клад!

Посмотрев на часы, он прибавил:

— Зверушка утонула. Жаль. Что, если я попробую ее оживить? Я бы поставил ее по солнцу, и мне было бы забавно знать, который час.

Тотор поднял крышку часов, вылил воду из механизма и изо всех сил дунул на колесики. Освобожденный от воды маленький металлический организм пришел в движение, и Тотор радостно воскликнул:

— Ожила зверушка! Теперь я буду знать время завтрака, обеда и ужина... — словом, знать, когда мне следует положить зубы на полку! Чтобы мне поесть из несуществующих плодов, птиц, к которым нельзя подойти, и неуловимых рыб? Боже, как я глуп! Тут гнезда, а в гнездах — яйца!

Разговаривая сам с собой, Тотор подошел к деревьям, между которыми во множестве прогуливались хохлатые цапли. В чаще на нижних ветвях были кое-как устроенные гнезда: они поднимались одно над другим, теснились, соприкасались. Однако до многих из них можно было легко достать рукой, и в каждом лежало по три-четыре красивых зеленых яйца. В некоторых виднелось по птице — белой или серой, величиной с цаплю и с золотистыми, сердитыми глазами. Острые клювы щелкали и грозили молодому человеку; едва рука Тотора протягивалась к гнезду, золотистые глаза загорались гневом.

— Без глупостей; я хочу есть, — со смехом сказал молодой француз. — Я люблю птиц и не желаю вам причинять вред! Дайте мне совершить маленький заем...

Но удары клювами сыпались на него со всех сторон, угрожали глазам, кололи лицо, покрывали кровью руки.

Не обращая внимания на боль, Тотор схватил двух хохлаток за шеи и сорвал их с гнезд. Птицы яростно отбивались. Их соседки кричали, волновались. В листве слышались резкие крики. Смятение увеличивалось с каждой минутой, раздавалось щелканье клювов, хлопанье крыльев. Все громадное население приречной чащи слетело со своих мест в кустах. Среди этого шума парижанин смог овладеть положением.

Двух птиц он задавил; бросив их на землю, он печально посмотрел на них и сказал:

— До сих пор я еще никогда не убивал ничего живого. И мне тяжело. Бедные! Ну, что же делать! Борьба за существование, и, кто знает, может быть, я еще с наслаждением буду их есть, даже сырыми...

В воздухе раздавались крики десяти — двенадцати тысяч встревоженных птиц; в это время Тотор, спрятавшийся под ветвями, взял яйцо, с обоих концов проколол его ножом и выпил.

— Не первой свежести, — заметил он. — А вкус... бррр! Но все же недурно...

Так он съел около двадцати яиц, вытер губы рукой и продолжил свой монолог:

— Питательная вещь — сырое яйцо! Ах, если бы у этого Мериноса был получше характер, он тоже недурно позавтракал бы и почувствовал себя таким же сильным, как я.

Пользуясь тем, что птицы покинули свои гнезда, он собрал множество яиц и спрятал их подальше от гнезд, под карликовыми гумми*, листья которых бросали непроницаемую тень. Тотор много раз возвращался к гнездам за провиантом; он спрятал в свой склад обеих цапель и, усталый, обливаясь потом, заснул свинцовым сном.

Глава IV

Тотор обращен в бегство. — Снова сырые яйца. — Полное удивление. — Призыв в темноте. — Голод, жажда. — Воспоминание о Навуходонсоре. — Обращение. — Два друга. — Что делать с 30 000 франков? — Путь на запад. — Тревога. — Змея.

Тотор спал долго. Его разбудил сильнейший птичий гомон. Стаи белых какаду с желтыми хохолками вились над его головой, блестя на солнце.

Парижанин не сразу вспомнил, что с ним произошло. Значит, все, что он пережил недавно, не было кошмаром? Он действительно один на западном побережье Австралии?

Солнце стояло высоко и страшно палило.

— Который час? — подумал Тотор и, взглянув на циферблат, сам ответил себе: — Одиннадцать. Я проспал сутки. Но как я голоден, как ужасно голоден!

* Каучуковые деревья.

Ну, скорее устроим яичницу... только без масла и без огня.

И он снова принялся за яйца, хотя ел их с невольным отвращением.

Потом француз пошел к реке мимо деревьев, на которых сидели цапли. И вдруг поднялся страшный шум. Тысячи голенастых птиц взлетели и бросились на него, грозя ему клювами. Он не выдержал и бросился бежать со всех ног, так как понял, что они готовы разорвать его в клочья. Тотор успел вовремя спрятаться под карликовые гумми. Видя свою победу, птицы прекратили преследование.

«Ишь какое нападение! Умно же я сделал, что заранее запасся провизией, — подумал Тотор. — Но теперь кончены шутки! Нужно как-нибудь раздобыть себе пищу. Но что с Мериносом? Если он ничего не ел, бедняге должно быть плохо. Конечно, у него скверный характер, но мне тяжело думать, что он, может быть, мучится от голода. В нашем возрасте это ужасно».

Скоро новые заботы отвлекли Тотора. Он буквально умирал от жажды, но мстительные птицы отрезали ему путь к реке. Тучи moskitov толклись вокруг него, кусали, вливая в его кровь мельчайшие дозы своего жгучего яда, и это приводило его в бешенство. Жара стала невыносимой.

Тотору хотелось уйти отсюда, но он не решался двинуться в глубь страны. Кроме того, Меринос заразил его своей уверенностью. И теперь Тотор тоже ждал появления «Каледонца», глядя на далекий, неумолимо синий и пустой горизонт. Наступила ночь, стемнело, но француз не мог сомкнуть глаз. Напрасно он ворочался с боку на бок — сон не приходил. И мало-помалу, подавленный одиночеством, Тотор почувствовал ужасную муку. Он, такой веселый, такой общительный, упал духом.

Вокруг раздавались унылые, мрачные звуки: однотонно шумели волны океана, квакала исполинская лягушка; протяжно мяукала ночная птица; ухал болотный фазан. Мимо Тотора бесшумно проносились вампиры и ночные бабочки, огромные муравьи грызли стволы. О, скорее бы рассвело! Но яркие австралийские созвездия совсем не двигались.

Тотор долго смотрел на не знакомые ему звезды, затем глубоко вздохнул, откашлялся и сказал окрепшим голосом:

— Довольно плачевной музыки! Стыдись, Тотор, гражданин Парижа!

И вот уже в ночи вновь зазвучал звонкий насмешливый голос француза: «Ты сам того хотел, зачем жалеть? Спасайся как умеешь!»

Уныние как рукой сняло. Вдруг, точно вторя веселой парижской песенке, раздались другие звуки: то был призыв отчаяния. Да, да! Вот вторично послышался крик, полный тревоги, муки и ужаса.

«Это Меринос,— подумал парижанин.— Я не ошибаюсь. Бедняга! Как помочь ему? Темно, как в печке!»

Встревоженный француз поднялся и, не боясь свалиться в какой-нибудь ров, пошел по направлению голоса. О, как медленно, с каким трудом пробирался он среди ветвей, шипов, колючек деревьев, камней и ям. Крики сменились жалобными стонами. От страшного опасения прийти слишком поздно сердце Тотора болезненно сжалось: ведь он шел уже целый час!

«О, наконец-то рассвет»,— шепнул парижанин.

Солнце зазолотило вершины деревьев. Тотор бросился вперед и закричал:

— Мужайся! Я иду!

Новая жалоба прозвучала из-под усеянной золотистыми цветами мимозы. В этой чаще Тотор наконец нашел несчастного американца. Меринос лежал на спине; его остекленевшие глаза смотрели тускло, лицо сводили судороги; в каждой руке он держал по пучку травы. На его губах виднелись изжеванные зеленые злаки, которые он, видимо, не смог проглотить.

— Ах,— прошептал Тотор, и его глаза увлажнились,— ему пришлось есть траву!

Умиравший угадал, что подле него кто-то есть, и со стоном пробормотал:

— Воды, Бога ради... воды.

Несколько исполинских арумов росло невдалеке. В их-широких листьях, еще не вполне распустившихся и свернутых в виде воронок, Тотор увидел блестящую росу. Его самого мучила жажда, но, забыв о себе, он быстро срезал толстую ножку одного листа и влил в растрескавшиеся губы страдальца чистую струйку воды. Это оживило Мериноса. Его глаза просветлели и уже гораздо сознательнее взглянули на парижанина. Тотор ласково улыбнулся ему.

— Благодарю,— прошептал Меринос слабым, подавленным голосом.

Тотор срезал лист за листом и осторожно, заботливо поил оживавшего американца.

— Лучше? — наконец спросил он его.

Меринос взял руку француза, лихорадочно пожал ее и шепнул со слезами на глазах:

— Да, лучше... Благодарю... О, ты добр, очень добр...

— Нашел о чем говорить! — отозвался Тотор. — Каждый делает то, что может...

Побежденный Меринос не старался ни удержать, ни скрыть слез, которые текли у него по щекам. Дрожащим, точно старческим голосом, он ответил:

— Я думал, что умру... А теперь мне хочется есть... ужасно хочется есть.

— Ах, бедняга, — сказал Тотор, — значит, ты ничего не нашел?

— Ничего...

— И ты голодал шестьдесят часов?

— Я пробовал есть траву... да, да... траву. Я готов был бы есть землю... О, как ужасно голодать!..

— Знаешь, мне совсем не скучно слушать тебя, но у нас найдется дело получше болтовни, — перебил его Тотор. — У меня есть кладовая, а в ней несколько дюжин сырых яиц и потом две птицы, тоже сырые. Пойдем. Если ты очень плох и не можешь идти, садись ко мне на спину — я смогу тебя отнести.

— Нет... просто дай мне руку.

— Как хочешь!

Поддерживая американца, Тотор довел его до своей стоянки. Тут Меринос, который в обычное время с отвращением отказался бы от такой противной пищи, радостно закричал при виде съестного.

Тотор едва успевал прокалывать яйца. Жадно обнюхивая их, Меринос ел их все с большей жадностью.

— Однако! — заметил парижанин. — Ну и глотка! Гоп — и готово! Гоп! Ну, смотри, ты, пожалуй, наживешь несварение желудка.

— Еще, еще!

— Нет, погоди... Ты заболеешь. Нужно быть осторожным, дружище!

— Ты прав... Я точно голодное животное! Я мог бы есть, пока не лопну... И мне лучше: мое горло и желудок перестали гореть, я не чувствую больше головокружения, которое мешало мне соображать... Ты спас меня, мой дорогой Тотор...

— Ты сделал бы то же самое, дорогой Меринос. Да, кстати. Знаешь, если прозвище Меринос тебе не нравится, я буду звать тебя твоим настоящим именем.

— Ни за что! Мне нравится имя Меринос. Это отлично придумано! — ответил янки.

Он говорил просто, приветливо, его лицо утратило грубое выражение, которое делало американца таким несносным для окружающих.

— Право, я был бы самым последним идиотом, если бы сердился на это остроумное, удачное прозвище, — прибавил Меринос.

Жестокий урок, преподанный ему судьбой, повидимому, не прошел для него даром.

И он снова заговорил тревожно, точно желая получить поддержку от этого нового друга, храброго, сильного и, как он только что убедился, доброго и услужливого.

— А что теперь будет?

— Ба! — ответил Тотор. — Мы останемся по-прежнему спасшимися из моря...

— Ты думаешь, что «Каледонец» не придет за нами? — спросил янки.

— Он улетел... исчез! Можешь надеть по нему траур, — ответил молодой француз. — Мы одни, совершенно одни и должны полагаться только на свою собственную изобретательность и сами бороться за свою жизнь.

— Да, ведь здесь же, по соседству, должны быть поселки... Ну, ферма, что ли, простые хижины... словом, люди.

— О, нет. Мы в центре западного побережья Австралии, то есть в самой пустынной части самой дикой страны в мире... — ответил Тотор. — Из людей мы можем встретить только людоедов, но такая встреча не желательна. Я не чувствую призвания к тому, чтобы из меня сделали тушеное мясо с гарниром из картофеля. Великолепные деревья и изумительные цветы — совершенно бесплодны. Они дают совсем мало плодов. Дичи почти нет. Кроме того, мое чудное ружье осталось на пароходе. В смысле оружия у меня есть лишь перочинный ножик.

— Значит, нас ждут муки голода, жестокие, беспрерывные, которые заставят перестать думать, доведут до состояния животных, постоянно отыскивающих добычу? — с отчаянием в голосе спросил Меринос.

— Почему бы и нет? — отозвался Тотор. — Мысль о затруднениях придает мне желание совершить невозможное.

— А мне нет, клянусь! И если мне предстоят такие пытки, какие я терпел в течение шестидесяти часов, я предпочту умереть.

— Полно! Молчи! Ты сумасшедший. Разве в наши годы можно добровольно, без борьбы, отказаться от восхитительной и чудной жизни?

— Я нахожу ее ужасной, жестокой, невыносимой...

— Ну, нет, она скорее забавная и порой бывает невыразимо занимательна... настолько занимательна, как мне прежде и не мечталось...

— Мой отец может тратить по двадцать пять тысяч долларов в день, и вдруг такая нелепость, что у меня нет даже жалкой котлеты или обычной банки мясных консервов.

— И все эти жалобы — из-за того, что тебе один-единственный раз пришлось попоститься на траве, — ответил Тотор. — Я знаю человека побогаче тебя, который гораздо дольше пробыл ультравегетарианцем.

— А кто это?

— Один малый, по имени Навуходоносор I, царь ассирийский; он в течение семи лет ел только траву... И в Ветхом Завете не говорится, чтобы он питался шпинатом с крутонами.

Меринос не мог не засмеяться, услышав эту шутку, и, полупобежденный, сказал:

— Ах, Тотор, ты смеешься надо мной!

— Нисколько! — возразил Тотор. — Ты — американец. Твои соотечественники — образцы выносливости, энергичности. Будь же достоин их. Что ты теперь такое? Маленький Меринос! Нечто слабое, искусственное, бесполезное. Говорю с тобой откровенно. Раз ты все потерял, борись, бейся, думай, действуй. Не жалуйся без особой нужды. Если ты много дней, недель, месяцев будешь ежедневно оспаривать у страшного Некто хлеб насущный, ты станешь настоящим человеком.

— Это правда, — вскрикнул прибодрившийся американец, — я постараюсь поступать так, как советуешь ты...

— Слава Богу, мы объединимся в несчастье и сделаем что-нибудь прямо удивительное. Что у тебя с собой?

Меринос вынул из кармана платок и тонкий бумажник из змеиной кожи; в нем оказалось несколько изящных визитных карточек и пачка бумажных денег, которые американцы за их цвет называют «зелененькими». Бумажек было шесть тысяч долларов — целое маленькое состояние.

Тотор пожал плечами и заметил:

— Вот капризы богача. Сперва упасть с деньгами в море, потом очутиться с ними в пустыне.

— Я предпочел бы бараний окорок, — заметил Меринос.

— А я и то, и это. Все?

— Все.

— Ну, клади обратно в карман. Такие деньги не годятся в ресторане «Голод» и в гостинице «Под открытым небом».

— Не говори о голоде, я еще его чувствую.

— Так съешь еще десяток яиц, а я пойду на разведку, — предложил Тотор.

— Я ни на шаг от тебя не отстану, — ответил Меринос, — я только захвачу с собой на всякий случай в кузовок из платка столько яиц, сколько там поместится.

— Отлично; ты учишься предусмотрительности. Пока ты будешь есть, я срежу две палки — первобытное оружие, необходимое для таких дикарей, как мы с тобой!

Сказав это, Тотор пошел к чаще казуариновых деревьев, этих речных дубов, которые придают такую характерную неповторимость австралийским пейзажам. Он выбрал два прямых гладких ствола и срезал их.

— Отличные пилигримские посохи или великолепные пастушьи палки! Ты готов? Идем!

Захватив на всякий случай одну из задюшенных накануне птиц, француз прибавил:

— Если я добуду огня, у нас будет недурное жаркое.

Они двинулись на запад, не приближаясь к реке из боязни сердитых птиц, и прошли около шести-семи километров. Наконец вид берега изменился. Реку больше не окаймляли растения с воздушными корнями; злобные птицы исчезли, не было больше и липкого ила, прикрытого травой и цветами. Молодые люди смогли наконец спуститься к воде и утолить мучительную жажду.

Стоял удушливый зной; неглубокая вода, прозрачная как хрусталь, манила Тотора. Он решил освежиться и, не раздеваясь, вошел в реку по пояс; не зная, что водится в глубине, молодой француз не удалялся от берега.

Около пяти минут плескался он спокойно; как вдруг что-то длинное, черное проворно выскользнуло из-под берега и бросилось к нему. Он пронзительно вскрикнул:

— Тут кто-то есть! Отвратительное создание сжало мне икру... Дай руку, Меринос, и помоги мне выбраться на берег.

Американец наклонился и с силой, удвоившейся от ужаса, буквально выдернул друга из воды. «Отвратительное создание» было длиной метра в два, походило на змею и не выпускало своей жертвы. Оно сжимало челюстями материю панталон Тотора, обвивалось, яростно изгибалось, точно оставаясь в привычной стихии. Тотор вертелся, не зная, как отделаться от странного противника, а Меринос ловко ударил змею палкой и переломил ей хребет. Она разжала челюсти и упала в траву.

— Это змея, Тотор? — спросил он. — Не ядовитая?

Парижанин осмотрел свою ногу, засмеялся и крикнул:

— Больше страха, чем вреда! Она только ущипнула подкладку, то бишь мою кожу. Погоди-ка! Ну, полно, ты — бутафорская змея, довольно тебе притворяться!

Он добил черное существо, которое со странным шипением подпрыгнуло в последний раз, разинув пасть.

— Что же это такое? — спросил успокоившийся, но заинтересованный Меринос.

— Ба, по-видимому, здешние угри не особенно милы и кротки. Убитый нами, наверно, весит семь или восемь фунтов, и, даю слово Тотора, мы его съедим!

— Сырого?

— Вареного или печеного! Слово Тотора!

Глава V

Как Тотор готовил кушанье.— Соперник Вателя и Прометей.— Деревья без тени.— Посуда нашлась, вилок нет.— Лук и стрелы.— Тотор мечтал об этом! — Черные лебеди.— Новый подвиг Тотора.— Снова в путь!

Уверенность Тотора изумила Мериноса и вместе с тем вызвала в нем чувство предвосхищения изысканного лакомства.

Подумайте. Из ничего вызвать искру. Сделаться одновременно Вателем и Прометеем; а Тотор задумал именно это. У него был план.

Он левой рукой схватил голову угря, правой сделал круговой надрез на его шее и быстро стащил с него кожу, вывернув ее как перчатку.

Меринос в своем порыжевшем атласном цилиндре, в смятом фраке, в потрескавшихся лакированных туфлях, смешной и важный, внимательно наблюдал за другом.

Тотор быстро разрезал кожу угря на ленты, сделал на их концах по отверстию, потянул изо всех сил и весело сказал:

— Выдержит пятьсот фунтов! Не скоро износится, не разорвется!

— Что ты собираешься делать? — спросил его Меринос.

— Ты видишь веревку, которая послужит смычком.

— Ты хочешь играть на скрипке? — удивился Меринос.

— Может быть, когда-нибудь, только не сегодня...

Тотор сделал по зарубке на обоих концах своей палки, согнул ее и прикрепил к ней концы ремня из кожи угря.

Палка стала слегка дугообразной, потому что ее стягивала тетива.

— Да это лук! — воскликнул американец.

— После увидим, но теперь, повторяю, это смычок, — спокойно парировал парижанин.

Его зоркий взгляд уже подметил в чаще казуариновых деревьев несколько упавших стволов. Что свалило их? Возраст, буря, молния? Во всяком случае, они пролежали на земле довольно долго и уже начали медленно разлагаться. На одном голом, побелевшем, сухом и тлеющем стволе еще виднелись следы коры,

напоминавшей пробку, которая рассыпалась в виде смолистой тонкой пыли.

Кругом лежали обломки сучьев и веток. Тотор поднял кусок оголенной сердцевины толщиной с человеческий палец и сделал из него брусочек длиной в сорок сантиметров; потом заострил оба конца. На плоской поверхности одного из лежавших стволов-гигантов он вырезал небольшое углубление и от него провел лучами три бороздки. Очень осторожно Тотор посыпал смолистой пылью и углубление, и расходящиеся от него лучи.

— Как долго! — пробормотал американец, которому все это стало надоедать.

— А тебе известно средство, как ускорить дело?

— Я думал... Помнится, мне говорили, что достаточно потереть одним куском дерева о другой, чтобы они загорелись.

— Да! Это способ путешественников, никогда не выходивших из комнат, и описанный такими же писателями... Впрочем, попробуй сам. Три... Ты покроешься потом, и скоро с тебя потекут ручьи. Но вот беда: вместо огня ты получишь воду, а это не совсем одно и то же. Ну, теперь примемся за работу.

Он взял несколько обломков ветвей, сложил их так, чтобы они были под рукой, обмотал заостренную палочку веревкой из кожи угря, снял один из своих башмаков и прижал его к груди вперед подошвой. В подошву Тотор упер один из концов колышка, другой поместил в отверстие, сделанное в стволе, наклонился и слегка нажал телом на свой аппарат. После этих приготовлений Тотор принялся то одной, то другой рукой двигать смычок вперед, крича:

— Смотри: я сообщил смычку движение по прямой линии, но веревка, обвитая кругом колышка, превращает его в круговое движение, и мой брусочек вертится справа налево и обратно. Зиг-заг, зиг-заг! Нижнее острие, сделанное из плотной жесткой сердцевины, вращается в более нежном веществе ствола и быстро нагревается. Зиг-заг, зиг-заг!.. Загорается пробковая пыль...

Тотор бросил свой прибор, положил грудку веток на смолистую пыль и слегка подул на них. Ветки вспыхнули. Тотор прибавил к ним хворосту покрупнее. Пламя охватило его, и через пять минут запылал настоящий костер.

Торжествующий парижанин громко крикнул:

— Дружище, Меринос, ты видишь? Это просто! Правда, я могу быть сносным Робинзоном? Ах, если бы все это видел отец! Он остался бы доволен мною.

— Тотор,— серьезно заметил Меринос,— ты... как бы выразиться? Ты исполнил!

— Исполнил? Ого! Дай мне немножко покрасоваться. Ну, довольно! И потом, знаешь, я думаю, что ты еще увидишь многое. А теперь — жаркое!

В соседних кустах Тотор отыскал две ветки с разветвлениями в виде вилок, заострил их, вбил в землю по обе стороны костра вилами вверх; потом срезал довольно большой кол, заострив его с обеих сторон, насадил на него угря, положил концы своего «вертела» в разветвление боковых вилок и заметил:

— Через часок мы пообедаем не хуже богачей. Ах, если бы у нас была посуда!

В Австралии деревья и кусты круглый год одеты листьями; зиму и лето на растениях остается зелень разных тонов, начиная с серовато-пыльного оттенка до серовато-синего.

Раз в год в них начинается сильное движение соков, после которого кора опадает. Точно ракообразные или пресмыкающиеся, австралийские деревья меняют «кожу». И теперь на земле виднелись куски коры.

В голове изобретательного парижанина зародилась новая мысль, он крикнул:

— Посуда? Да вот она, но это не мелкие тарелки, а, скорее, водосточные желоба.

Он поднял два больших куска коры, понюхал их и прибавил, обращаясь к Мериносу:

— Как хорошо пахнет, точно лавровыми листьями...

— Yes,— ответил Меринос.— Лавровый лист — хорошая приправа за неимением соли и перца.

— Да, ты только представь, друг: по четыре фунта рыбы в каждой чашке, перед чашками на корточках по-турецки — двое молодцов с вилами нашего праотца Адама! Право, стоит жить.

— Готово?

— Приблизительно.

— Значит, за стол. Мой желудок пуст.

Прятели взялись за вертел и сняли с огня дымящееся жаркое, с которого капал жир. Когда Тотор собрался его делить, Меринос остановил его:

— Мы — братья по несчастью. Давай есть из одной тарелки.

— Хорошо, — ответил Тотор, приступая к угрю с помощью пятерни.

— Ой, горячо! — вскрикнул американец.

— Подуй!

— Времени нет.

Рискуя обжечь себе язык и горло, Меринос глотал один кусок угря за другим, жадно, с усердием, которое ясно доказывало, что он достаточно настрадался от голода.

Тотор действовал с таким же увлечением. В десять минут угорь исчез.

— Никогда еще я так славно не обедал! — воскликнул Меринос.

Его губы блестели от жира, на щеках вновь появился румянец.

— Теперь, — сказал Тотор, — напьемся свежей воды из реки, а потом подумаем о завтрашнем дне.

Он испек в горячей золе принесенные им яйца, предварительно просверлив их с обеих концов, чтобы не лопнули.

Сытый Меринос улегся под дерево, но вскоре стал метаться и что-то бормотать.

Между тем неутомимый Тотор занялся новым делом.

На берегу реки он срезал штук шесть сухих, прочных, как бамбук, тростников и столько же длинных шипов с неприветливого триакактуса. Тростники он разделил на части, сделав из них палки длиной в полметра, надрезал каждую и в надрезы вставлял по колючке, которые привязал ремешками опять-таки из кожи угря.

— Готово! — с торжеством воскликнул он.

— Что готово? — спросил Меринос.

— Стрела... для моего смычка, возведенного в сан лука. Увидишь. Это стоит ружья... отсутствующего...

— Да? И ты сумеешь с ним обходиться? — спросил Меринос.

— Еще бы! На расстоянии пятидесяти шагов попаду в цель.

— Ну, знаешь, это удивительно!

— Ничуть! Это сущий пустяк, — отозвался Тотор. — Разве иначе стоило спасаться?..

— Можно подумать, что ты радуешься нашему несчастью... Доволен ужасной жизнью, за которую мы боре́мся с таким трудом.

— Право, не знаю... но все это весьма незаурядно... Потом, в силу наследственности, я всегда мечтал сделаться путешественником, исследователем, Робинзоном.

— Значит, ты ни о чем не жалеешь? Ты не думаешь о тревоге родителей, которым сообщили или сообщат по телеграфу о твоей гибели?

— Отец скажет, что телеграмма — выдумка и что я способен спастись... а через капитана «Каледонца» он получит письмо, оставшееся у меня в каюте. Поверь, отец посмеется и поймет, что я брожу по австралийскому побережью.

— А твоя мать?

О, мама знает, что отец всегда спасался от беды, и поверит, что с ее мальчиком будет то же самое. Но что с тобой? Ты красен как томат и вертишься как пескарь на сковороде?

— Я ищу тень, а ее нет. Листья этих ужасных австралийских деревьев висят вертикально, солнце падает на меня, жжет мне мозги. Мое лицо обгорело.

— Это жаль, не готовь из себя телячьего жаркого — тут встречаются людоеды, — смеясь заметил Тотор.

— И видишь ли, — продолжал Меринос, — я должен тебе сказать, что у меня есть один недостаток...

— Только один? Скромно, нечего сказать! — сказал Тотор.

— Один самый важный — я пью эфир, привык к нему... Это ужасная страсть. И без моего любимого яда я страдаю невыразимо...

— Как? В твои годы ты уже привык пить эфир? — серьезно спросил его Тотор.

— Что делать!.. Сперва подражаешь по глупости; мозг горит... заболеваешь от эфира... страдаешь и поневоле снова берешься за него; он утоляет муку, потом появляется привычка, затем страсть.

— А средства излечиться нет?

— Есть: полное воздержание. Но какие страдания!

— Что же! Значит, наше несчастье принесет тебе пользу. Ты волей-неволей отвыкнешь от эфира. Ведь здесь что-то не видно аптек и аптекарских магазинов. Ну, ничего. Пойди, ляг за этот куст, там тень; засни хорошенько.

Молодой янки невольно послушался нежного и повелительного голоса Тотора, покорно лег и заснул.

Когда время подошло к закату, Тотор, тоже успев-

ший задремать, вдруг вскочил: его разбудил сильный шум крыльев.

Несколько громадных птиц опустилось в ту заводь, где он так оригинально поймал гигантского угря.

Тотор узнал их: это были черные лебеди. Они не испугались его, так как еще никогда не видели людей, и спокойно плавали, играли, ныряли, погружали в воду свои красивые головы с длинными клювами цвета коралла.

«Подумать только, — мысленно сказал себе Тотор, — каждый из них весит около двадцати фунтов. Хватит дня на четыре. Что делать! Нужно убить красавца».

Терпеливо, невыразимо ловко он поднял лук, наставил стрелу, двигаясь медленно, присел и прицелился. До лебедя было всего шагов двадцать пять, не больше.

Сердце француза учащенно билось; он боялся, чтобы Меринос не спугнул птиц. Но вот стрела взвизгнула. Быстрое движение его рук испугало птиц. Они улетели, подняв крыльями невероятный шум. Остался один лебедь, пронзенный насквозь; он закружился, опрокинулся, шевеля красными лапами, и упал подле берега.

Тотор закричал от восторга, схватил умирающего лебедя за горло и, держа одной рукой лук, а другой — свою добычу, принялся кружиться в дикой пляске.

— Видишь! Видишь! — кричал он... — Что может быть лучше! Приключение! Робинзонство! Сам отец не придумал бы ничего умнее! Ну, и покутим же мы!

Бурная радость его заразила Мериноса; он тоже стал прыгать и вертеться, повторяя:

— Молодец Тотор! Урра-а-а, Тотор! Урра-а-а!

— Спасибо, дружище. Ты очень мил, особенно в длиннохвостом фраке и цилиндре. Но довольно: я ошпику лебедя-негра, насажу его на вертел и приготавливаю так же, как покойного угря; потом мы поужинаем при свете нашего костра.

— Золотые слова, друг Тотор, — проговорил американец.

— Завтра утром пойдем на разведку, — сказал Тотор.

Солнце точно раскаленное ядро спускалось в океан. Быстро, почти внезапно надвинулась ночь.

Снова зажгли огонь. Снова водрузили на место вертел, и скоро жаркое зашипело.

Когда все было готово, Тотор и Меринос приня-

лись пировать, освещенные огнем костра, который придавал розоватый тон листве и веткам.

— Ах, если бы у нас была щепотка соли и корка хлеба,— сказал Меринос со вздохом, в котором слышались и сожаление, и ощущение удовольствия.

— А я был бы благодарен за сетку от moskitov,— возразил Тотор, заметивший рой мелких насекомых, танцевавших вокруг огня.

Парижанину еще не хотелось спать, и он принялся за приготовление к завтрашней экскурсии.

Среди обломков валявшейся коры были гибкие и эластичные куски. Тотор взял один из них и ловко превратил его во что-то вроде крепкой корзины. У него в запасе еще оставался ремешок из кожи угря, и из него он сплел ручку для своеобразного кузовка. Наконец, изобретательный француз положил в свое изделие остаток жаркого; лег и заснул со счастливым сознанием того, что поработал он на славу.

Меринос уже давно храпел. Проснувшись утром, молодые люди увидели на востоке горную цепь средней высоты, вершины которой золотились в первых лучах солнца. Путники наскоро закусили, и Тотор сказал, указывая на горы:

— Вот куда мы пойдем.

— Отлично,— ответил американец.

В этот день они прошли около шестидесяти километров, поднялись на гребень цепи и там вскрикнули от изумления и восхищения.

Глава VI

Синева.— Дорога в Ребурн.— Землетрясение.— Его последствия.— Наводнение.— На дереве.— Отставшая кора.— Плот.— Во тьме.— Десять лье в час.— Пустыня.— Соленая вода.— Озеро.— Повешенный.

Австралию можно сравнить с глубокой тарелкой: ее центральная часть — впадина, берега же образуют выпуклые края. Все знают, что площадь Австралии равняется приблизительно 5500 квадратным километрам, но страна эта, которой предстоит блестящая будущность, в настоящее время населена далеко негусто. Только в ее восточной части расцветают изумительно богатые горюда, где роскошь идет рука об руку с утонченной цивилизацией, а в некоторых пунктах на южном и юго-западном побережье колонизация дви-

жется исполинскими шагами; все же остальное пространство Австралии, — можно сказать, две ее трети, — пустынно. Там встретишь каменистые, песчаные или сплошь зеленые пустыни, леса, полные чудес.

Молодые люди стояли на гребне лесистых гор; вокруг были только низкорослые кусты и странные исполинские травы.

— Да это целая сине-голубая симфония, — воскликнул Тотор, указывая широким движением руки на громадную равнину, изрезанную реками, лесами и лугами.

Действительно, под ногами у них колыхалась нежно-голубая трава, совсем прямая, с серыми метелками, отличное пастбище для овец. Этот странный, сочный злак так и называют синей травой (blue Grass). Вокруг путников и внизу стояли синеватые гумми, висячие листья которых издавали сильный аромат и были покрыты светло-лазоревым соком. Виднелись синеватые кусты с розово-лиловыми цветами, благоухавшими как розы. Кое-где красовались исполинские ирисы с цветами оттенка аметиста и с острыми листьями, отливавшими сталью; рядом с ними целыми деревьями поднимались герани. Дальше все сливалось в одну лазурь, там и сям прорезанную резкой синевой рек; вдали синяя земля смешивалась с голубым небом.

— Что за странный пейзаж? — сказал Меринос. — Неужели вся Австралия такая?

— Конечно, нет; вероятно, только ее некоторые области. Но довольно. Осмотримся и постараемся найти или жилье, или дорогу на восток к поселениям.

— К каким?

— Ближайший город, вероятно, Ребурн.

— Далеко?

— Думаю, километрах в трехстах от нас... если дерево не слишком отнесло нас. Если я не ошибаюсь и эта река Грей-Ривер, тогда Ребурн действительно в трехстах километрах от нас. Ну, спустимся в долину и, держа путь по солнцу, постараемся до него добраться.

Спустились. Отдохнули в траве, поужинали, провели чудесную ночь, на рассвете позавтракали и снова пустились в путь. Переход был труден. Душил зной. Воздух жег.

Башмаки Мериноса потрескались, панталоны по-

крылись бахромой, белье приняло серый оттенок. Усталые молодые люди наконец упали к подножию громадных деревьев из породы тех пробковых дубов, которые особенно объемны у основания. Путники обглодали скелет черного лебедя, хотя мясо уже испортилось и начало пахнуть. Даже Тотор не шутил больше. Меринос бормотал что-то печальное; оба заснули, чувствуя себя совсем разбитыми и измученными.

Вдруг они в ужасе проснулись. Повсюду деревья трепетали, качались, били по воздуху ветвями, точно в отчаянии размахивая руками. Их стволы трещали и гнулись, будто от давления каких-то чудовищных рук. Через несколько секунд круговое движение началось в обратную сторону; стволы деревьев трещали, лопались, а воздух был недвижим, знойное солнце страшно палило. Молодые люди вскрикнули, им показалось, что земля уходит из-под ног. Встав и почувствовав, что какая-то сила крутит и их, как деревья, и, повинаясь ей, они отлетели в сторону метров на пять.

— Что это? — спросил Меринос. — У меня голова кружится. Мне дурно...

— Землетрясение, голубчик, но, конечно, странно, что от пляски земли делается морская болезнь.

Молодые люди посмотрели на еще дрожавшие деревья, из которых многие были настоящими исполинами, и Тотор прибавил:

— У них несимпатичный вид.

— Да, очень... Они огромные, словно великаны, и через минуту упали бы, раздавив нас, как майских жуков. Будем надеяться, что все кончилось...

Как бы не так! Не успел янки договорить, как послышался грохот, точно от громадного водопада.

Со стороны реки пахнуло сильной струей воздуха, и громадная, невообразимо громадная волна хлынула, прижимая траву, брызгая на деревья и разливаясь по долине.

— Извольте видеть! Теперь умыванье, да еще без предупреждений! — крикнул парижанин. — Ну, скажите, пожалуйста, можно ли тут быть спокойным? Ах, мой арсенал!..

Он быстро выловил свой лук и стрелы, которые подхватило течение. А корзина с остатками лебедя так и исчезла, унесенная потоком.

Вода мгновенно дошла до колен молодых людей и быстро поднималась все выше. Бегство было немислимо.

— Нечего стоять! — крикнул Тотор. — Нужно последовать примеру моего земляка, медведя Мартина в Jardin des Plantes.

— Что? — спросил недоумевающий Меринос.

— Лезь на дерево; ты не парижанин и не знаешь. Скорее... я за тобой!

Нижние ветви гигантского пробкового дуба свешивались почти до земли. Меринос схватился за одну из них и быстро поднялся на толстый сук. Когда американец устроился, Тотор передал ему лук и стрелы и сам вскочил на ветку.

— Теперь мы в безопасности, по крайней мере, временно! — воскликнул Меринос, панталоны которого зияли дырами.

— Да, удивительные приключения переживаем мы!

— И все потому, что уровень реки поднялся. Лучше бы она спокойно пребывала на месте, как подобает порядочной реке, — проговорил янки.

— Согласен; но ее вынудили...

— Кто? Что? Почему?

— Землетрясение уничтожило ее берега, подняло ее ложе, изменило ее течение.

— Вероятно, ты прав, — согласился Меринос. — Это уже второе бедствие, тем более досадное, что вода продолжает прибывать.

— Влезем повыше, — предложил Тотор.

Они вскарабкались дальше, надеясь, что вода остановится.

Но наводнение наступало с ужасающей скоростью, и молодые люди, несмотря на свою самоуверенность, стали беспокоиться.

Вдобавок ко всему пробковое дерево, пострадавшее от землетрясения, злое по трескалось. Временами Тотор и Меринос чувствовали, что раскачивание исходит от корней, уже расшатанных подземными толчками и подмываемых водой. Оно могло простоять не дольше четырех часов.

И близилась ночь! Что будут они делать, если дерево рухнет в темноте?

— Счастливая мысль, — вскрикнул Тотор, повесивший лук через плечо и привязавший к его тетиве стрелы.

— Ну, в чем дело? — доверчиво спросил Меринос.

— Видишь кору, которая висит вдоль нашего «на-сеста»? Это пробка, и притом первого сорта.

— Охотно верю тебе на слово. Не хочешь ли ты открыть торговлю пробками для бутылок? — спросил Меринос.

— Не шути. Хотя ты и американец, но малый далеко не практичный, — ответил Тотор.

— С тобой сделаюсь практичным!

— О, низкий льстец, — пошутил парижанин. — Видишь ли, — прибавил он, — эта пробка, отставшая во время землетрясения, длиной она приблизительно в семь метров, шириной в два, толщиной, по крайней мере, в пятнадцать сантиметров и к тому же еле держится. Слегка дернуть ее, и кусок коры совсем отделится.

— Понял... Пробка упадет в воду, в которую уже погрузилась на добрую треть, и поплывет, — сказал Меринос.

— Она выдержит десять таких малых, как мы с тобой... Мы усядемся на этот плот и поплывем на неразбиваемой, нетонущей ладье по воле волн и случая.

— Отлично сказано; за дело, да поскорей... в этом наше спасение! — крикнул американец.

Молодые люди поднялись на верхнюю ветку и уселись на нее верхом. Каждый схватился за край коры, и оба стали дергать ее.

— Трещит, — заметил Меринос, и через минуту вскрикнул: — Ай, ай! — Он не был столь же ловок, как Тотор, походивший на белку или обезьяну. Он поскользнулся, потерял равновесие и упал.

— Хватайся, держись! — кричал парижанин, метавшийся словно бешеный.

Меринос не выпустил из рук коры, но толчок от его падения окончательно отделил от дерева громадную пластину пробки. Она отстала, поползла вниз и исчезла в водовороте пены. Молодые люди упали вместе с нею.

Нырнули... Скоро и кора и оба друга показались на поверхности. Тотор оказался прав. Кора выдержала бы десятерых. Они схватились за ее край, и в конце концов им удалось вскарабкаться на нее.

— Готово, но не без труда! Видишь, Меринос, как она плывет? — сказал Тотор.

— Да, жаль только, что у нас нет ни весла, ни багра, ни шеста — ничего, чтобы управлять плотом.

— Приспособлений маловато, — согласился Тотор, — но будем мужественны, несмотря на неудачу, ведь хорошо уже и то, что мы вообще плывем, хотя и куда

придется, и — увы! — в сидячей ванне. У нас нет даже скамеечки! Но, что делать, все же мы движемся, смотри.

Их плот, некоторое время покрутившись, теперь плыл между затопленными деревьями. Легкое течение подхватило его, и он медленно скользил под ветвями, иногда задевал за стволы, но был достаточно устойчив и не опрокидывался. Благодаря размерам коры и ее весу, молодым людям не грозила ежеминутная опасность упасть в волны.

Вот плот поплыл быстрее, вошел в большой лес, постепенно редевший, и наконец выплыл на большую залитую водой долину, простиравшуюся бесконечно.

— Куда мы направляемся? — спросил Тотор, глядя на солнце, исчезающее за горами. — По-видимому, на восток!

— Значит, в глубь страны? — заметил Меринос.

— Да, иными словами, уходим от Ребурна и цивилизации.

— Ужасно! Положение осложняется!

— И темнеет... Где мы пристанем?

— Неизвестно.

Минут через десять совсем стемнело. Плот, подхваченный течением, несясь неизвестно куда.

Молодые люди прижались друг к другу, сидя потурецки на морщинистой коре, и слушали страшный грохот наводнения, заглушавший все остальные звуки. Они летели, летели по скатерти вод, в которой дрожали отражения звезд, стрелой проносились мимо каких-то черных глыб. Им поминутно казалось, что вот-вот они столкнутся со скалами и низвергнутся в бездну. Так проходили мучительные часы.

— Ну, мы идем со скоростью десять лье в час, — заметил парижанин, — мы летим к черту и скоро к нему прибудем.

— Чем скорее настанет конец, тем лучше, — мрачно проговорил Меринос. — С меня достаточно; я весь разбит, околел, желудок мой сжимается от голода. Не глупо ли все это? Лучше было бы не всплывать.

— Ты недоволен? После такого букета приключений? — спросил Тотор. — Чего тебе еще надо? Я так в восторге, думая, что иду по славным следам отца! Потерпи... Светает. Днем сориентируемся, где мы.

— Ах, если бы у меня была хорошая сигара,— проговорил Меринос.

— А мне хотелось бы еще картошки.

— Ты опять надо мной смеешься,— заметил американец.

— Ничуть. Я только говорю о своих вкусах,— отозвался Тотор.— Но вот и солнце... Сияющее светило! Привет тебе и благодарность! Ага, перемена декораций!

Действительно, местность совершенно изменилась. Наводнение окончилось. Шум воды, впрочем, прекратился еще раньше. Плот несся по узкому быстрому и глубокому протоку. Скалы из красного песка окаймляли его. Справа и слева тянулась унылая равнина без зелени, без цветов и птиц. Виднелись лишь желтоватые травы да карликовые кусты с выжженными листьями.

— Невесело,— заметил разочарованный Тотор.

— Настоящая пустыня, в которой мы, конечно, умрем с голоду,— проворчал Меринос.

— Не бойся, во всяком случае, напиться мы можем,— ответил Тотор.

И, протянув руку, он зачерпнул горсть прозрачной воды, но через минуту выплюнул ее, воскликнув:

— Ай, ай, соленая, как в море!

— Ты видишь, видишь? Ни воды, ни плодов, ни дичи, ни корней. Это конец,— сказал Меринос.

— Погоди.

— Что же?

— А лук и стрелы, которые издали придают мне сходство с богом Аполлоном? Я берусь наполнить наши кладовые...

Вдруг плот закачался. Берега сузились; течение несло быстро, и скоро кора стала задевать за стены каньона.

— Держись! — крикнул парижанин.

Плот летел по тесному проходу; Тотор и Меринос чувствовали, как края пробки обламывались среди невидимых скал, но плот все же следовал дальше. И вдруг они очутились в чудном ярко-синем озере. Течение понесло их прямо к берегу, на котором недалеко от воды возвышалось дерево необыкновенных размеров. Одинокое дерево.

Избитый, промокший Тотор поднялся, готовясь прыгнуть на берег, и вдруг сказал:

— Меринос, успокойся! Мы в цивилизованной стране: на дереве — повешенный!

Глава VII

Неизвестная жертва. — Муравьи-гиганты. — Пятые от американского портного. — Насмешливая птица. — Обезоружен. — Съедобная кора. — Неприятное пробуждение. — Мистер Пять и мистер Шесть. — Обвинены в убийстве. — Живые или мертвые!

Изумленные молодые люди, пошатываясь, подошли к странному дереву.

Представьте себе громадную бутылку, высотой в семь-восемь метров, стоящую на желтом песке. Суженная у своего основания (метра два в диаметре), она расширяется, снова делается уже и образует как бы горлышко, от которого расходятся ветви.

Его серая кора казалась гладкой, и из нее сочились блестящие на солнце капли.

Разглядев странное дерево, Тотор больше не произнес ни единой шутки. Его сердце сжалось при виде повешенного, и он дрожащим голосом прошептал:

— Несчастный, несчастный...

Меринос был взволнован еще больше; взяв друга за руку, он сказал:

— Это преступление, отвратительное преступление; смотри: он висит вниз головой.

Они подошли ближе. Несчастный действительно висел вниз головой. Толстая цепь сжимала ему ноги, железные скобы окружали его ступни, все было прикреплено к болту, вбитому в ствол дерева. Голова несчастного касалась земли. Это было дополнительной жестокостью.

— Уйдем... я не могу больше... — пробормотал Меринос.

— Успокойся, мужайся, — ответил ему парижанин.

— Что ты хочешь делать?

— Хотя это ужасно, но нам нужно осмотреть платье несчастного, может быть, мы найдем какие-нибудь сведения, ценные и для его родных, и для правосудия, а потом постараемся руками выкопать ему могилу... Ах, нет... несчастного снять невозможно.

Он еще раз осмотрел цепь-скобу и страшно побледнел. На глубокой коре дерева-бутылки ножом были вырезаны слова: «Смерть предателю», буква «Л», а дальше звезда из пяти лучей.

— Это написали бандиты, которые хладнокровно отомстили таким ужасным образом,— сказал Тотор.— Но мужайся, друг.

Слегка дрожащей рукой француз дотронулся до платья мертвеца. Изящный костюм богатого туриста! Руки убитого были красивы, с отточенными ногтями; на ногах остались шелковые носки.

Состояние трупа доказывало, что несчастный умер не более трех дней назад.

Тотор осмотрел его карманы, но не нашел ровным счетом ничего.

— Убийцы все вытащили,— сказал он.

— Взгляни на его черты,— предложил Меринос, немного овладевший своими нервами.

Лица мертвого не было видно, его закрывал песок, наружу выглядывал лишь затылок, покрытый короткими рыжеватыми волосами.

Парижанин приподнял тело, повернул его и вскрикнул от ужаса. Лица не было. Целая армия ужасных насекомых, поедающих мясо, бросилась в разные стороны. «Муравьи-солдаты» — так называют австралийцы этих прожорливых созданий, достигающих длины до двух сантиметров.

— Мы ничего не узнаем,— печально заметил Тотор.— Муравьи съели лицо несчастного.

В это время жилет мертвого немного отвернулся, и друзья увидели надпись на поясе панталон — адрес портного.

— Диксон и Вебер,— прочитал Тотор.

— Не может быть! — вскрикнул Меринос и показал парижанину тот же адрес на своем потрепанном жилете.

— Удивительно,— продолжал он.— Диксон и Вебер — лучшие портные в Америке. Они шьют только на самых элегантных людей и берут страшно дорого.

Взволнованные этим открытием молодые люди несколько минут стояли неподвижно, подавленные и угнетенные.

Наконец Меринос первый нарушил молчание, спросив:

— Что же нам теперь делать? Сознаюсь... к своему стыду... мне смертельно хочется есть...

— А мне? — сказал Тотор.

В это время над их головой раздался мрачно-иронический смех.

— Ха, ха, ха! — звучало в ветвях. Казалось, будто кто-то насмехался над их несчастьем. Тотор поднял голову и увидел крупную серовато-коричневую птицу с большим уродливым клювом, пожиравшую громадную зеленую ящерицу.

— Ха, ха, ха! — заливалась птица.

— Отвратительное создание смеется над нами! Ну, птица, погоди, — сказал Тотор.

Это был пересмешник, смех которого нередко раздавался в ушах несчастных, умиравших от голода.

— Противный голос, скверные перья, но, может быть, из нее выйдет недурное жаркое? — предположил парижанин.

Он нагнулся, чтобы поднять лук и стрелы, которые положил у подножия дерева, и вдруг вскрикнул от ярости:

— Я обезоружен... И потерял возможность разводить огонь.

— Неужели? Проклятие!

— Хуже: несчастье!

— Ну что случилось? — спросил Меринос.

— Муравьи накинудись на тетиву, которую, как ты знаешь, я сделал из кожи угря, и съели ее. Мой лук теперь просто палка.

— Что же будет с нами? — печально спросил американец.

— Ба! Придется поголодать... Разве случайно найдем что-нибудь съестное.

— Ах, опять страдать! Ужасно — вечно чувствовать мучительный голод, испытывать дурноту. Я никогда еще не голодал. Это — пытка.

— А сколько людей терпят ее? — заметил Тотор. — Ах, всего кусок хлеба, который уничтожил бы муки голода!..

— А я-то! — сказал Меринос. — Я, сытый, никогда не помогал беднякам. Тотор, если я спасусь, я постараюсь, чтобы вокруг меня не было голодных.

— Отличное занятие дашь ты поварам твоего отца, — сказал Тотор.

— Лишь теперь я понял обязанности богатых относительно неимущих, — проговорил Меринос.

Тотор слушал товарища, в такт покачивал головой и в то же время машинально наблюдал за исполинскими муравьями. Теперь эти прожорливые насекомые напали на кору дерева бутылки. Парижанин видел,

как они уничтожали сок, выступавший из всех трещинок. Концом пальца он взял одну из полусгустившихся капель, попробовал ее на язык и нашел, что она довольна приятна на вкус.

Вынув из кармана нож, он проговорил:

— Почему бы нет?

Тотор быстро вырезал четырехугольный кусок коры толщиной сантиметра в три; она была мясиста, нежна, сочна, имела желтый цвет репы, а ее аромат напоминал запах шампиньонов.

Тотор смело поднес кору ко рту.

— Берегись! — тревожно вскрикнул Меринос.

— Будешь бояться — ничего не получишь... И потом все равно когда-нибудь да придется умереть. Впрочем, чем позже, тем лучше, — ответил Тотор.

За первым ломтем последовал второй, и Тотор произнес довольным тоном:

— Она свежа, сладка и сочна до того, что утоляет жажду. Попробуй-ка и ты.

Меринос схватил влажный кусок коры и стал жевать его с жадностью лакомящейся обезьяны.

— Еще, еще! Она восхитительна, — сказал Меринос, — я съел бы целое дерево!

Снимать кору стало гораздо легче. Тотор отдирал ее куски, быстро отстававшие от ствола, и оба друга с жадностью поедали их.

— Ха, ха, ха! — смеялась птица, дожиравшая ящерицу.

Постепенно голод стал утихать. Молодые люди ели, забывая о близости трупа. Ели, как голодные звери.

Так прошло около получаса. Когда Тотор и Меринос утолили голод и жажду, они почувствовали усталость и вспомнили, что в течение тридцати часов не смыкали глаз.

Отыскав удобное местечко в тени, несчастные легли и тотчас же заснули. Было около семи часов утра.

Проспали они долго. Солнце прошло половину своего пути; зной стал очень силен. Тень передвинулась, и лучи солнца жгли спящих.

Тотора мучил кошмар. Ему снилось, будто что-то невыносимо тяжелое сдавливает его грудь, душит... будто какие-то узлы до боли стягивают ему руки. Он вздрогнул, вскрикнул и проснулся.

Сон превратился в ужасную действительность. Грудь Тотора давило колено исполина-негра в одежде,

которую носят белые, в желтых сапогах и в кепи с назатыльником.

Необыкновенно ловко он стянул руки Тотора выше локтя кистей и заткнул ему рот.

То же было и с Мериносом. Он открыл глаза и яростно вскрикнул, обнаружив, что его связывает негр.

В ту же минуту несчастные молодые люди увидели двух великолепных лошадей под военными седлами.

Меринос, жестоко презиравший негров, закричал голосом, в котором звучали отвращение и злоба.

— Злодей! Кто тебе позволил поднять руку на меня, белого джентльмена?

Негр выпрямился и детским голосом, жестоко коверкая английские слова, ответил:

— Я есть слуга короля Эдуарда.

— Лжешь!

— Я не лгать. Я инспектор полиции на коне. Я мистер Пять.

— А я — мистер Шесть, полицейский бригадир, — прибавил второй чернокожий, сняв колено с груди Тотора.

Парижанин глубоко вздохнул и сказал примирительным тоном:

— Вы полицейские? Отлично! Но почему же вы без всякого повода схватили мирных путешественников? Вы меня понимаете, конечно, мистер Шесть?

Черным и сухим пальцем мистер Шесть (вероятно, шестой номер при перекличке) почесал кончик носа, подумал и ответил, по-английски гораздо правильнее своего товарища:

— Арестовать вас надо и отвезти на пункт... живых или мертвых. Это закон.

— Да вы нас совсем не знаете, никогда не видели!.. Мы — иностранцы и были в Австралии всего неделю, — продолжал француз.

— Ну, не лгите, — вскрикнул мистер Шесть. — Да, мы доставим вас живыми или мертвыми куда следует. Вы — лесные бродяги, лесовики...

— Что? — не понимая переспросил Тотор.

— Лесовики, страшные разбойники, воры и убийцы, которые бродят по всей Австралии. Да вы сами знаете все лучше меня, — ответил негр.

— Мистер Шесть и мистер Пять, если вы не смаетесь над нами, то здорово ошибаетесь, — сказал па-

рижанин. — Я — мистер Тотор из Парижа, а мой спутник — мистер Меринос из Нью-Йорка. Мы были пассажирами на пароходе «Каледонец», плыли из Европы и, по несчастию, упали в море.

— Неделю тому назад?

— Да!

— И вы прошли пешком через леса и пустыни все четыреста миль от океана досюда? И вы хотите в этом уверить нас? ну, не так-то мы глупы, — сказал мистер Шесть.

— Да, да, — с торжеством закричал его товарищ. — Вы дурные! Вы лгать! Вы резать! Вы лесовики и убили этого несчастного!

— Вы обвиняете нас в убийстве? — с негодованием вскрикнул Меринос. — Да как и чем могли мы убить?.. Да посмотри ты, идиот, на цепь, на громадный гвоздь, крепко вбитый в ствол...

— Не наше дело, — ответил мистер Пять с жестокой усмешкой. — Объясните все это шерифу и прокурору.

— Тем лучше! Едем, все устроится, объяснится, — сказал Тотор.

— Да, я с наслаждением увижу цивилизованных людей, — прибавил Меринос, — я рад отправиться к шерифу и к прокурору. Скоро ли мы увидим их? Далеко они?

Мистер Шесть холодно ответил, точно говоря о самой обыкновенной вещи:

— До них около пятисот или пятисот двадцати пяти миль.

— Как от Парижа до Лиона, недурно! — серьезно проговорил Тотор. — И вы здесь одни?.. Так далеко от начальства, в глуши?

— На половине дороги инспекторы мистер Три и мистер Четыре, им мы и передадим вас, — объяснил бригадир.

— И у вас пара лошадей для нас или, может быть, автомобиль? Или, наконец, поезд железной дороги?

Мистер Шесть со спокойной насмешкой власть имущего произнес:

— Да, поезд — на своих двоих.

— Эта обезьяна смеет так говорить? — вскрикнул выведенный из себя Меринос. — Я не двинусь с места.

Номер пятый засмеялся, снял из-за плеча ужасный кнут погонщика скота и щелкнул ремнем, который развернулся со звуком пистолетного выстрела и хлест-

нул несчастного Мериноса по ляжке. Американец подскочил; кусок его одежды упал на землю. Капля крови покатилась по обнажившейся ноге, и молодой человек от ярости и боли завыл как зверь. Мгновенно вскочив, Меринос сжал связанные кулаки, грозя ими мистеру Пять. Но тот ухмыляясь сказал:

— Пробный удар. Идите. Когда мистер Пять щелкнет посильнее, вы побежите как кролик.

Мистер Шесть, тоже вооруженный кнутом, прибавил повелительно:

— Вперед! Идти. Знайте, я доставлю вас куда следует живыми или мертвыми!

Глава VIII

Черная полиция.— Мученики.— Возмущение.— Обморок.— Почему мистер Пять желал отрезать Мериносу голову.— «Тотор, действуй!» — Полная победа.— На коня.— В путь.

Во многие области Австралии цивилизация еще не проникла. И отдельные колонисты, скваттеры, рудокопы, изыскатели нередко становились жертвой черных людоедов, которые их убивали для своих пиров, или белых бандитов, разбойничающих ради грабежа.

Для их безопасности, а также желая уничтожить эту препону цивилизации, заинтересованные государства учредили и содержат на свой счет корпус туземной полиции, предназначенный для охраны белых работающих людей. Черные агенты полиции исполнительны, но, к несчастью, оставаясь дикарями, плохо мыслят и часто неправильно понимают свои обязанности.

Волей-неволей молодым людям пришлось подняться и идти. Но близился полдень, тропическое солнце страшно палило землю, и среди безводной, безлесой пустыни было жарко, как в печи. Для полуголодных, истомленных молодых людей этот переход казался пыткой. Кое-как, спотыкаясь, покрытые потом, они протащились около мили и остановились, готовые упасть.

Хлоп! Хлоп! Еще два удара. Ремни рвали платье, рассекали кожу.

Тотор сжал связанные кулаки и, потеряв самообладание, закричал:

— Вы — звери, звери!

Меринос с глазами, налившимися кровью, с лицом, искаженным от муки, прохрипел:

— Злодеи! Я иду босиком! Разве вы не видите этого?

Действительно, его тонкие туфли, которые то мокли, то высыхали от солнечной жары, теперь совсем развалились.

— Бедняга, — печально сказал Тотор. — Возьми мои башмаки.

— А ты?

— Ничего, у меня грубые ноги.

— Вперед! — бесстрастно закричали чернокожие... И снова засвистели кнуты. Меринос только подпрыгнул на песке, который буквально обжигал подошвы его ног; от раскаленных камешков на них вскочили волдыри. Американец страшно закричал от муки, но полисмены снова подняли свои кнуты.

— Вы разбойники! — бросил им Тотор. — Вы хуже людоедов... вы — чудовища! Вы позорите человечество и народ, который держит на службе таких диких зверей! Вы — разбойники, убийцы!..

— Нет, это вы — убийцы, — холодно возразил мистер Шесть. — Да, вы — лесные бродяги, ободравшие агента Семь и его товарища Восемь. Вы набили их кожу сеном и отослали губернатору. Идите или издыхайте. Мы имеем право убивать или миловать таких людей, как вы.

Скрежеща зубами, Тотор осыпал их бранью; Меринос, бледный, с глазами полными слез, кинулся бежать, сам не зная зачем. Но вдруг он застонал. На его ногах выступила кровавая сукровица.

Он не вынес мучений. Сжав руки, американец пошатнулся и пробормотал еле слышным голосом:

— Мой друг... единственный друг... Умираю... и лучше... Прощай!

Он тяжело опрокинулся и замер.

— Нет, — с отчаянием закричал Тотор, — ты не умрешь! Я помогу тебе, я понесу тебя... Я умолю этих чудовищ... Я трону их сердца.

Негры поговорили между собой и закинули кнуты за плечи. Мистер Пять соскочил с лошади, вынул нож и подошел к Мериносу. В то же время мистер Шесть достал из своего вьюка небольшой лакированный мешок, стянутый ремешком. Он расширил отверстие мешка, и Тотор почему-то содрогнулся. Мистер Пять хладнокровно наклонился над Мериносом и раскрыл нож.

— Что ты делаешь, негодный человек? — вскрикнул, оледенев от ужаса, парижанин.

— Отрежу ему голову да отвезу ее шерифу, вот и все, — невозмутимо ответил полицейский. — Шериф заплатит мне четыре гиней. Мы их поделим. Идти он не может, значит, нужно отвезти его голову. Затем у меня и мешок с солью... Это по закону.

— Увидим, — ответил парижанин с ужасным смехом.

Страшная злоба загорелась в нем; не рассуждая, он невероятным усилием раздвинул стянутые веревкой кисти. Его сила удесятилась от гнева. Кровь разлилась под кожей, но веревка лопнула. С воплем ярости он как тигр бросился на мистера Пять.

Напрасно полицейский пробовал защищаться. Тотор с быстротой молнии ловко ударил его кулаком в висок. Послышался глухой стук. Негр вскрикнул: его лицо стало пепельным, и он упал, точно сраженный молнией.

— Один есть! — произнес парижанин, повернулся на месте и очутился лицом к лицу с мистером Шесть, который окаменев смотрел на него, не выпуская из рук ужасного мешка. Тотор ухватил его за ногу и перекинул через лошадь; та унеслась, сбросив его на землю.

— Готово!

Но сильный, смелый полицейский поднялся, схватил револьвер и стал отыскивать спусковой крючок. Тотор пригнулся и прыгнул, вытянув голову. Его череп точно ударил мистера Шесть в самый желудок и отбросил шагов на десять.

— Двое — пара! — крикнул француз.

Лошадь мистера Пять тоже убежала. Тотор глубоко вздохнул и сказал серьезно:

— Недурно. Теперь обезоружим неприятеля.

Он заткнул за пояс нож, выпавший из рук мистера Пять, и перекинул через плечо его ружье и револьвер. Обыскав карманы негра, парижанин нашел огниво и плоскую оплетенную бутылку с виски.

Мистер Шесть тоже лежал без сознания. Тотор взял и у него револьвер, ружье, нож и огниво. Потом, скрутив ему руки и ноги его же собственным кнутом, вернулся к мистеру Пять и связал его таким же образом.

Теперь он мог спокойно заняться своим товарищем.

Тотор влил несколько капель виски в рот Мериносу и сказал растроганным тоном:

— Проглоти, мой котенок. Это эссенция жизни; мертвый оживает от такой настойки.

Меринос проглотил жгучий напиток, закашлялся, разомкнул веки, приподнялся. Мутными глазами посмотрел на своего доктора, узнал его и воскликнул со слезами на глазах:

— Тотор, мой дорогой Тотор! Друг мой, брат!..

Парижанин улыбнулся счастливой улыбкой и, перерезав веревки на руках друга, сказал:

— Ты видишь, жизнь все-таки не плохая штука, и никогда не нужно терять надежды.

— Правда, Тотор, особенно с таким другом, как ты, — прошептал Меринос. — Но где же они... эти злодеи? — прибавил он.

— Посмотри сам.

— Ты их убил?

— Нет! Так, потряс немного, без особенной боли. Я только не хотел, чтобы ты потерял голову.

— Один справился с ними? О, молодчина, — сказал американец. — Я уже и счет потерял, в который раз обязан тебе жизнью.

— Ну, довольно, — прервал его Тотор. — Займемся-ка серьезными вещами.

— Что же может быть серьезнее выражения благодарности?

— Да многое, во-первых, нужно полечить твои ноги.

— Да, я ужасно страдаю. И когда только я буду в состоянии идти?

— Не беспокойся, сейчас увидишь.

Парижанин подошел к мистеру Пять, все еще не очнувшись, и ловко стащил с его ног сапоги.

— Не малы, — сказал он. — Мистер Пять носит сорок шестой номер. Твоим ногам будет в них свободно, как в скрипичных футлярах. Обувайся!

Меринос повиновался.

— Отказываться не приходится, — сказал он.

— Выполощи их в озере, в соленой воде, и снаружи, и изнутри — вот и все.

— Я не дойду до озера...

— Доедешь на лошади мистера Пять.

— А где лошади? — спросил Меринос.

— Увидишь, — ответил Тотор. — Теперь, сбрось цилиндр, замени его фуражкой полисмента, и солнце не

будет жечь тебя. Отлично, теперь надень мундир мистера Пять. Он широковат, но ничего.

В эту минуту послышался стук лошадиных копыт. Прекрасно выдрессированные животные вернулись на прежнее место. Но они обонянием почуяли белых людей и насторожились. Они с силой втягивали ноздрями воздух, фыркали, топали ногами.

Тотор бросился к ближайшей из них, но животное повернулось и стало брыкаться.

— Трудно будет ее поймать, — заметил он.

— Осторожнее, — проговорил Меринос. — Не делай резких движений. Они не только боятся нас, но мы прямо-таки наводим на них ужас. То же было в Америке с лошадьми, воспитанными неграми; потому-то отец не берет больше темнокожих кучеров.

— У меня есть хорошая мысль, — проговорил Тотор. — Я постараюсь обмануть их обоняние и зрение. Сперва — обоняние.

Парижанин подошел к мистеру Шесть, быстро развязал ему ноги и руки, снял с него мундир, сапоги, всю одежду, кроме белья, снова скрутил негра и надел на себя его платье.

— Негры уверяют, будто белые пахнут свежей рыбой. Не спорю, — пробормотал Тотор.

— Зато мне кажется, что чернокожие австралийцы издают... запах козла и мускуса.

— Верно, — подтвердил Тотор. — Теперь дай-ка мне твой фрак. Благодарю.

Тотор отрезал одну из фалд бывшего парадного одеяния американца, проделал в ней два отверстия для глаз и, прижав к лицу, надвинул фуражку на верхнюю часть этой маски, чтобы она не свалилась.

Глядя на него, Меринос невольно засмеялся.

— А в довершение иллюзии, — прибавил Тотор, — я сделаю себе черные митенки из рукавов произведения мастеров Диксона и Вебера.

Лошади стояли довольно близко. Одна из них подошла еще ближе, опустив голову и волоча по земле поводья. Тотор уверенно двинулся к ней. Животное посмотрело на него, понюхало воздух — и успокоилось. Тотору удалось схватить повод так быстро и ловко, как кошка ловит мышь. Лошадь попятилась, пытаясь вырваться.

— Поздно, лошадушка, попалась, — сказал парижанин и с ловкостью обезьяны вскочил в седло.

Лошадь была задними ногами, изгибала спину, но француз сильно прищипорил ее и пустил в карьер по раскаленному песку. Через четверть часа он вернулся, покрытое пеной животное тяжело дышало, но было покорено.

И счастье улыбнулось молодым людям. Вторая лошадь, привыкшая всегда держаться бок о бок с первой, покорно подбежала к ней, Тотор без труда схватил ее за повод и подвел к другу.

Американец с трудом поднялся на ноги.

— Тотор, ты — великий человек! — вскрикнул он.

— Ростом в один метр и шестьдесят четыре сантиметра, в обуви на каблуках, — отозвался парижанин, — ровно на двести девяносто восемь метров и тридцать шесть сантиметров ниже Эйфелевой башни. Это напоминает мне, что я должен укоротить стремяна. А теперь, мой Меринос, — на коня!

Лошадь, которую, сдерживала железная рука Тотора, дрожала и не шевелилась. Меринос с трудом взобрался на нее; попав же в седло, оказался отличным наездником. Он с облегчением вздохнул.

Полицейские, все время лежавшие неподвижно, начали глубоко втягивать воздух, задвигались, открыли глаза, ожили. Они увидели, что лежат без мундиров и что их лошади попали в руки разбойников.

Негры завывали, они грозили, катались, извивались, наконец освободились от уз и потребовали:

— Отдайте наших лошадей!

Полицейские бросились к молодым людям, но Тотор поднял револьвер и произнес тоном, не допускающим возражений.

— Лапы вниз, не то я разобью вам черепа!

— Довольно! — жестко прибавил Меринос.

— Еще будьте счастливы, что мы забыли зло, которое вы нам причинили.

— Ах, что будет с нами, мы погибнем! — крикнул один из негров.

— Спасайтесь, как спасались мы, отыскивая себе пищу... Вам это легче; вы — дикари и у себя на родине... Вот вам огниво, вот нож, — ответил Тотор. — Ухитряйтесь, как знаете. У нас и этого не было. Бегите, да смотрите, не попадайтесь нам! А мы — рысью, в путь, — прибавил он и, прищипорив лошадь, направился к дереву-бутылке.

Глава IX

Вне закона.— Таинственный призыв.— Лесные бродяги.— Сухой лес.— Опять «Л».— Тягостное безлюдье.— Отдаленные звуки.— Адская стая.— Поле кроликов.

Крики негров-полицейских замерли в отдалении. Молодые люди вернулись к дереву-бутылке и грустно обнажили головы перед несчастным, которому они не могли даже отдать последний долг. Потом беглецы решительно двинулись в широкую пустыню.

Тотор внимательно разглядывал рассыпчатую песчаную почву, изучая на ней отпечатки лошадиных копыт и ног, обутых в сапоги или ботинки.

— Вот что я искал, — сказал парижанин.

— Куда нас приведут эти следы? — спросил Меринос.

— К людям.

— Вернее, к ужасным разбойникам, — заметил американец.

— Ну и что же? — отозвался Тотор. — Ведь господа полицейские недурно обошлись с нами. Только подумать: мистер Пять хотел перерезать тебе горло и увезти твою голову в мешке с солью.

Меринос вздрогнул и побледнел.

— Ты мне еще не говорил об этом, мой Тотор, — прошептал он.

— Времени не было.

— О, если бы ты сказал! Я, кажется, зарезал бы их обоих, — проговорил Меринос.

— И это только еще ухудшило бы наше положение, — ответил Тотор. — Ведь нас и без того могут отправить на виселицу.

— Да, это правда.

— Ну, раз мы вне закона, — продолжал Тотор, — чего же нам бояться разбойников?

— Если бы мы были в цивилизованном крае, все устроилось бы при помощи денег. Там фамилия моего отца значит много.

— Да, да, помню, — сказал Тотор. — Ты говорил мне, что он «важная шишка», и это меня немного утешает... Но вот беда — где он теперь?

— Вероятно, в Сиднее, где я должен был встретиться с ним, но...

— Ты вместе со мной избрал карьеру Робинзона!

Меринос засмеялся и прибавил:

— Да, я отправился из Англии, где закончил образование, и надеялся встретить в Сиднее отца, недавно прибывшего туда из Америки.

— А нельзя узнать, что он делает в Австралии? — спросил Тотор.

— Он хочет закупить на этом континенте всю шерсть, что есть в продаже, и во что бы то ни стало поднять цены. Так должно было начаться и мое участие в делах...

— Но эта закупка, пожалуй, разорит множество людей? — заметил парижанин.

— Пожалуй, мы называем это коммерцией. А ты-то сам куда направлялся перед тем, как мы с тобой так славно нырнули?

— Я окончил первым учеником курс художественно-промышленного училища, куда меня приняли раньше положенного возраста. В награду отец отправил меня в кругосветное путешествие, о котором я мечтал с детства. Маршрут наметили такой: Марсель, Порт-Саид, Аден, Коломбо, Сингапур, Батавия, Мельбурн, Гавайские острова, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Новый Орлеан, Вашингтон, Нью-Йорк и Гавр. Круговой билет стоит безделицу — 3 340 франков в первом классе — и годен на год. У отца в мои годы ничего подобного не было. И вот на половине дороги я высадился в непредвиденном месте, и это очень занимательно.

Тихо беседуя, они ехали размашистой рысью и довольно быстро оставили позади много миль. Лошади отлично слушались всадников, но вот у животных появились признаки усталости, и молодые люди пустили их шагом. До сих пор Тотор и Меринос не успели осмотреть вьюки на седлах черных полицейских. Теперь же, приостановив коней, они заглянули в эти походные мешки и нашли там много чего: сухари, вяленое мясо, табак, соль, виски, прессованное сено, — словом, запас провизии, достаточный дней на пять.

— Хорошо! — сказал Тотор, принимаясь за сухарь.

— Чудно! — ответил янки.

— Глоток виски, и наш бедные желудки совсем придут в порядок.

Лошади внезапно остановились и шарахнулись в сторону. Занятые разговором всадники сперва ничего не заметили, но внезапно Тотор воскликнул:

— Что это?

На протоптанной тропинке, по которой интуитивно двигались лошади, лежало что-то отливавшее сероватым металлическим блеском.

— Надо посмотреть, — сказал Тотор, передавая свой повод Мериносу.

Парижанин соскочил на землю и поднял большое оловянное блюдо со слегка закругленным дном.

— Мне кажется, это одно из корытец, в которых золотоискатели промывают почву; и смотри, что за странность.

— А что?

— Тут, по-видимому, слова, нацарапанные острием ножа.

— Прочти.

— Трудно, — заметил Тотор, — буквы неразборчивы. Погоди-ка... ах, вижу: «...жертвы лесных бродяг... ужасное положение... смертельная опасность... помогите несчастным»...

— Что это за лесные бродяги?.. Ты о них что-нибудь знаешь, Тотор?

— Да, по слухам. Отец, побывавший в Австралии, рассказывал мне об этих людях. Лесовики — союз австралийских разбойников, бродяг, которые скрываются в чащах.

— Послушай-ка, — сказал Меринос. — Может быть, буква «Л», вырезанная над повешенным, — сокращение слова «лесовики»?

— И вместе со звездой составляет знак, эмблему этого союза? Я думаю, ты прав, Меринос... Но довольно. Рысью, марш!

И они снова пустились вперед и не останавливали лошадей до заката.

— Я не могу больше, — сказал наконец Меринос. — Остановимся.

Они доскакали до леса, который уже давно синел на горизонте.

— Вероятно, мы проехали громадное расстояние, — заметил Тотор. — Сойдем на землю, расседлаем лошадей, поужинаем, поспим.

Молодые люди стреножили лошадей ремнями, которые были привязаны к седлам, и пустили их пастись.

Почву покрывала синяя трава, и животные тотчас же принялись щипать ее. Меринос снял обувь и с удовольствием отметил, что ногам его хуже не стало. Ужинать молодые люди не могли из-за усталости. Они

просто растянулись на земле и крепко заснули, положив ружья подле себя.

Их разбудило ржание коней. Тотор и Меринос поднялись и замерли от изумления.

Повсюду, кругом, насколько хватало зрения, стояли сухие деревья, большие и маленькие — всякие...

Нигде не было видно ни листа, ни цветка, ни почки; в ветвях царила могильная тишина; веселые и шумные пестрые попугаи покинули этот кошмарный лес. Только синяя трава разрослась тут в роскошном изобилии.

Молодые люди, недоумевая, смотрели на эту пустыню, полную мертвых деревьев.

Вдруг Меринос подскочил, точно его укусили гигантские муравьи.

— Неужели?... Что это? — кричал он, протягивая пальцы. — Смотри, смотри же!..

— Что там еще? — спросил Тотор.

Он поднял голову и увидел знак, вырезанный на чудовищно большом стволе того красного гумми, под которым они спали, — букву «Л», на этот раз очень большую, а также звезду с пятью лучами.

— Поразительно, — сказал парижанин, комически разводя руками. — Изумительно! Мы, можно сказать, в лесу Спящей красавицы, где нет ни души! — И вдруг буква азбуки! Вон там опять «Л» и там, и еще дальше.

Действительно, повсюду виднелась громадная эмблема лесовиков. Тотор предположил, что те вырезали свои эмблемы для непосвященных как знак воспрещения заходить дальше этой черты леса.

— Удивительно, — повторил Тотор, — позади нас — честные люди, которые вешают за шею нарушителей закона. Впереди — разбойники, которые тоже вешают, но только за ноги нарушителей своих правил. Положение щекотливое, и я задаю себе вопрос: что делать?

— Поедем вперед, — предложил Меринос. — Разбойники, по крайней мере, еще не собирались отрезать мне голову... С ними будет легче договориться.

Тотор пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он и стал седлать лошадей. Это было нелегкое дело: белый цвет кожи все еще пугал животных. Только через час молодым людям удалось вскочить в седла, и они пустили коней крупной рысью. Они двигались между деревьями-призра-

ками, среди ничем не нарушаемой, смертельной тишины, под палящими лучами солнца.

Так тянулись долгие часы, наконец запыхавшиеся, покрытые пеной лошади остановились.

— Ну, и местечко, нечего сказать! — возмутился Тотор, вытирая лоб. — Где же жители? В конце концов все настолько однообразно, что становится неинтересно.

— О, да, однообразно, — словно эхо повторил покорный Меринос. — Я многое дал бы за то, чтобы что-нибудь услышать: пение птицы, крик животного, человеческий голос. Какой-то туман обволакивает мою душу...

Точно злая фея услышала его желание. Издали долетели звуки, похожие одновременно и на тьяканье шакалов, и на волчий вой, и на вопль замученной собаки.

Встревоженные лошади насторожили уши и понесли, охваченные безумным ужасом.

— Какая адская стая гонится за нами? — спросил Тотор.

Несмотря на бешеную скачку, страшные звуки приближались, делались все ужаснее, все отчетливее. Неведомые животные настигали их.

Молодые люди обернулись и увидели около пятидесяти чудовищ, которые неслись за ними со страшным воем.

Что это? Дикие собаки? Нет. Динго всегда молчит, и они гораздо меньше. Волки? Но их нет в Австралии.

И вот страшные звери догнали лошадей. Чувствуя, как в их ноги вонзаются зубы, бедняги начали ржать, отбиваясь задними ногами от злобных преследователей. Потекла кровь, бедные всадники переглянулись, говоря:

— Они растерзают нас.

Вдруг непроходимая ограда перерезала им путь: это была одна из тех проволоочных сеток, которыми скваттеры отделяют одно пастбище от другого, не позволяя смешиваться стадам.

— Нужно перескочить во всю прыть. Не то погибнем, — крикнул Тотор.

Молодые люди прищипорили лошадей. Животные напрягли все свои силы. Ограда поднималась по крайней мере на два метра; и, совершив невероятный прыжок, чистокровные скакуны приземлились по ту сторону сетки.

Спасены? Нет еще! Это только минутный отдых. Воюющая стая остановилась перед изгородью и стала с бешенством рвать ее зубами. Выдержит ли проволока? Вряд ли...

Лошади дрожали, рвались, Тотор снял с себя куртку и закрыл ею голову своего коня, крикнув Мериносу: — Сделай то же.

Лошадь Тотора успокоилась. Молодой человек соскочил на землю, держа в одной руке ружье, в другой — револьвер. Перед ним горели налитые кровью глаза, зияли кроваво-красные, в пене, пасти. Он мысленно сказал себе:

«Собаки... Помесь датских догов с динго. Эти звери сильны как львы, кровожадны как тигры. Агу!»

Один из псов, серый, с широкой грудью, бросился вперед с ловкостью пантеры, подпрыгнул, коснулся телом решетки, которая закачалась, но не остановила его.

Тотор поднял револьвер — щелкнул негромкий выстрел. Собака упала и, простреленная насквозь, стала кататься и биться в судорогах.

— Готово, — сказал парижанин. — Но в какую это гниль мы попали?.. И какое зловоние!

Однако молодым людям было некогда раздумывать. Тотор и Меринос готовились в ожесточенной борьбе дорого продать свои жизни.

С американским хладнокровием Меринос подошел к сетке. Он просунул дуло своего кольта между ее петлями; стреляя почти в упор, не делая промахов, он методично уничтожал бешеную свору.

Тотор подкарауливал собак, которые пытались перескочить через ограду. С необыкновенной ловкостью он убивал их, так сказать, на лету и каждый раз восклицал:

— Получи, теперь больше не вздумаешь вольтижировать, чтобы полакомиться нашим мясом.

После револьверов пошли в ход ружья; скоро почти половина зверей лежала на земле. Многие собаки были ранены пулями, убившими других псов, и жалобно выли. Натиск нападающих ослабевал.

— Ну, — сказал Меринос, — еще залп!

Друзья выстрелили — несколько собак упало, а уцелевшие, всего какой-нибудь десяток, отступили. Они не совсем отказались от нападения, но благоразумно спрятались за сухие деревья, сели и громко завывали.

— Победа,— закричал Тотор,— победа! Но что это за ужасный запах, и какая падаля лежит у нас под ногами?

— Я знаю,— ответил Меринос,— так как много слышал об Австралии и могу ответить на твой вопрос. Это тела кроликов, сдохших от голода; они покрыли все пространство, насколько хватает глаз, слоем приблизительно в фут толщиной.

Глава X

Бич.— Почему засох лес? — Наумление Тотора.— Автомобиль в пустыне.— Преследование.— Засада.— Битва.— Побеждены! — Похищение.— На полной скорости.

Кролики невероятно расплодились в Австралии. Тот, кто впервые завез парочку хорошеньких длинноухих зверьков в эту страну, и не предполагал, что они скоро сделаются сущим бичом, бедствием для всего южного материка. Кролик размножается необыкновенно быстро: через каждые два месяца у крольчихи появляется восемь или десять детенышей; через пять месяцев у молодых самок уже тоже рождаются маленькие. А так как каждый зверек живет в среднем девять или десять лет, они множатся с фантастической быстротой.

Кролики сильно расплодились; австралийцы стали на них охотиться, но их количество все возрастало; начали их истреблять массами — ничто не помогало, и опустошения, которые производили эти грызуны, были страшными. Переходя с места на место, они за одни сутки уничтожали все растения на громадных пространствах. Из-за них погибали голодной смертью овцы, крупный рогатый скот, лошади; они сами начинали голодать, обгрызали стволы и, подрывая корни, обгладывали их, но в конце концов сами погибали от недостатка пищи.

Стараясь избежать полного разорения, поселенцы, затрачивая громадные суммы, окружили гальванизированными проволочными сетками пастбища, закапывая эти преграды глубоко в землю, так как кролик отлично проделывает ходы и в земле.

Нашествия зверьков прекратились — преграды не пропускали их. Они бегали вокруг решеток, пробовали грызть проволоку и наконец умирали от голода.

Трудно себе даже представить, какие опустошения

производили они. Кролики не ограничивались одними лугами или нивами.

Так, например, лес, через который ехали Тотор и Меринос, погиб от кроликов. Если бы молодые люди внимательно пригляделись к деревьям, они заметили бы, что кора на них в двадцати пяти сантиметрах от земли была вся обглодана.

Но нет худа без добра. Лесная тень и корни — смертельные враги пастбищ; под деревьями не вырастают травы. Но если деревья засыхают, мертвый лес постепенно превращается в луг. После гибели кроликов скотоводы стали обносить изгородями молодые луга, чтобы защитить их от нового нашествия страшных грызунов.

На свое счастье, Тотор и Меринос очутились подле одной из таких преград, и она спасла их от собак.

Открыв лошадям головы, они оделись и снова двинулись дальше, но шагом. Лошади с трудом вытаскивали ноги из отвратительного гнилья, скользили, спотыкались, но шли вперед.

— Тотор, — заметил американец, поддерживая поводом свою лошадь, — ты бредил приключениями, и, мне кажется, мы пережили достаточное их количество.

— Чудные это были приключения, дружище, — ответил Тотор. — О, отец будет очень доволен! Ну, а ты? Неужели тебе больше нравилось быть нарядным, смешным франтом, держать пари и так далее? Ведь теперь мы живем по-настоящему; не каждый миллионер может совершить такое путешествие, как мы.

— Конечно, — согласился Меринос. — Только здесь нет жителей, удобств, городов. Мне хотелось бы увидеть дом в двадцать два этажа, фабричную трубу, вагон, газетчика.

— А мне нравится безлюдье.

— Ну, это безлюдье относительное, мой милый Тотор.

— Нет, абсолютно полное, — возразил парижанин. — Я знаю географию этой местности и ручаюсь, что на шестьсот-семьсот километров вокруг нет ни одного поселка.

— А повешенный? А оловянное блюдо? А призыв?

— Вероятно, тут были бродяги, которые отомстили кому-то и скрылись от полицейских.

— Я другого мнения, — заметил Меринос, — я не уверен, не предчувствие ли это? Мне все время ка-

жется, что мы окружены засадами и что скоро что-то должно случиться.

— Да ведь с нами постоянно что-нибудь случается, — ответил Тотор.

— Что ты думаешь о собаках?

— Они давно убежали от своих хозяев и одичали, — сказал парижанин.

— А кто поставил ограду?

— Ее поставили больше года назад и не скоро придут к ней.

— А следы лошадей, буква «Л» со звездой?

— Ба! Пустая угроза! — беспечно проговорил Тотор.

Разговаривая, они наконец выбрались из ужасного места, покрытого как ковром серыми шкурками с белыми хвостиками.

Друзья следовали вдоль ограды. Мертвый лес стал редеть. Вдали показались невысокие горы, до которых путники надеялись добраться на следующий день.

Теперь же им пришлось остановиться, чтобы дать отдых измученным лошадям. Они весело пообедали, составляя дальнейший план действий. План был очень прост. Тотор и Меринос решили, двигаясь на восток, совершить страшно трудный переход через всю Австралию, потратив на это, может быть, многие месяцы.

На следующий день они выехали по направлению всходящего солнца — к горам.

Часа четыре они не останавливались. Посреди испепеленных солнцем лугов им стали попадаться большие пространства, покрытые песком.

Меринос, полускрыв глаза и убаюканный движением лошади, дремал, еле отвечая Тотору.

Вдруг парижанин подскочил в седле, закричав:

— Меринос, Меринос!

— Что там?

— Шуми громче! Ущипни меня, ударь кулаком!

— Зачем? — спросил американец.

— Чтобы доказать, что у меня не галлюцинации.

— Да что там такое?

— Невероятное явление. Посмотри сам, — сказал Тотор.

— А! — спокойно заметил Меринос. — Следы колес. Твое безлюдье — людно, милый мой.

— Дело не в этом. Не колеса удивляют меня, а характер их отпечатков.

— Не понимаю.

— Посмотри. Почему между двумя колесами нет следов ног, копыт? — спросил Тотор. — Да и колеса-то странные: круглые, в форме желобов.

— Странно, — проговорил живо заинтересованный Меринос.

— Присмотримся! — И Тотор, соскочив с лошади, нагнулся и вскрикнул:

— Это нелепо, невозможно! Автомобиль!

— Автомобиль? — спросил Меринос. — Его появление доказывает, что на свете все бывает. Владелец машины, конечно, джентльмен, который и отвезет нас в какой-нибудь цивилизованный пункт.

— Я не так спокоен, как ты, — живо прервал его Тотор. — Автомобилист, который катается по этой пустыне, скорее всего скрывается или же он маньяк.

Говоря это, Тотор поднес руку к уху.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил янки.

— Не ясно различаю трубу...

— Значит, этот джентльмен подает нам сигнал. Тотор, ты действительно слышал?

В ту же минуту вдали ясно раздался звук трубы стального чудовища.

Меринос шумно захлопал в ладоши. Пораженный Тотор вскочил на лошадь. Наконец показался блестящий, красный с золотом автомобиль, катившийся так спокойно, точно по европейской дороге.

— Урра-а-а! — закричал Меринос. — Спасены! Я говорил, что это джентльмен.

Автомобиль приближался, теперь до него оставалось всего метров сто. Друзья разглядели странной удлиненной формы герметически закрытый салон с широким помещением спереди, ослепительно отражавшим солнечные лучи. Из-за этого блеска молодые люди не могли рассмотреть того, кто управлял машиной, — джентльмена-избавителя.

Их лошади испугались. Всадникам пришлось употребить всю свою силу и ловкость, чтобы сдержать и успокоить взбесившихся животных. Машина замедлила ход, почти остановилась, но вдруг, сделав быстрый поворот, умчалась.

— Ну, джентльмен непорядочно поступает, — насмешливо заметил Тотор.

— Да нет, ты увидишь, увидишь... — проговорил Меринос. — Он просто боится испугать наших лошадей. Смотри, видишь, как он медленно едет?

Слышались отрывистые автомобильные звуки. Машина двигалась не быстро. И довольный Меринос воскликнул:

— Вперед, вперед!

— Хорошо, — ответил Тотор, — но я удивлен... и не знаю, чем все это кончится.

Они понеслись вперед за автомобилем и скакали около двух часов.

Горы приближались. Песчаная пустыня сузилась; ее обступили коричневые скалы. Скоро исчезли деревья и кусты, не осталось никаких растений, даже травы. Повсюду виднелись только темные глыбы да песок.

— Настоящая ловушка, — прошептал Тотор.

Меринос пожал плечами. Знакомый шум автомобиля, звук трубы на время снова превратили его в самоуверенного франта.

— Вперед! — крикнул он.

Автомобиль покатился быстрее, всадники прищипорили лошадей, чтобы не отстать от него, и проскакали еще несколько сотен метров.

Вдруг на время замолкшая труба прозвучала два раза. В ту же секунду молодые люди услышали два выстрела, и клубы дыма обволокли их. Они различили также звук ломаемых костей: их лошади, сраженные в лоб, упали, убитые наповал.

Всадники перелетели через них вперед и, полуоглушенные, остались лежать на земле. Человек десять, скрывавшихся между камнями справа и слева от них, бросились к ним, но храбрые молодые люди без страха встретили опасность. Вынуть револьверы они не успели.

— Смелее, — крикнул Тотор, нанося удары кулаками, головой, ногами.

— Негодяи, негодяи! — кричал Меринос, боксирующий их с отчаянной силой.

Но могли ли они, почти дети, отбиться от десяти силачей, по-видимому, привыкших к борьбе? Неприятели осилили их, хотя они и боролись изо всех сил и вывели из строя половину своих врагов.

Тотора и Мериноса связали, и резкий голос закричал:

— Да это не они!

— Значит, ошибка! Нужно сейчас же их убить.

Мускулистые руки подняли ножи; блеснула сталь, щелкнули курки. Смерть надвигалась.

— А жаль — они молодцы, — продолжал тот же голос.

— Они узнают тайну, значит, смерть им! — раздались голоса.

— Он один распоряжается! Он один властитель! Он приказал захватить и привести к нему живыми двоих людей в платье полицейских. Мы должны повиноваться. Он решит их судьбу.

— Раз вышла ошибка, проще всего застрелить их.

— Довольно! Еще слово, и я убью спорящих.

Мериноса и Тотора подняли, словно мешки, и отнесли на руках к остановившемуся автомобилю. Их бросили в глубокий багажник, устроенный сзади. Крышка захлопнулась, и громадная машина помчалась полным ходом.

Часть вторая

Глава I

Пленники.— Пещера.— Ужасные вопли.— Негр и его нож.— Начало свалки.— Борьба века.— Торжество.— Бегство.— Тень.— Под градом пуль.— Дьявольское оружие.— Победены!

— Тотор, вот тебе и полное безлюдье! — сказал американец.

— Меринос, вот тебе и джентльмен, из вежливости подававший сигналы и боявшийся испугать наших лошадей!

— Да, пустыня оказалась населенной, а мой джентльмен — злодеем. Нам обоим нечем гордиться, правда?

— Ах, если бы только в том было дело? — сказал Тотор. — Но они, то есть хозяин автомобиля и его друзья, захватили нас в плен.

— То есть просто заперли нас крепко-накрепко.

— Вот я и говорю, мы — пленники.

— Да чьи?.. Зачем? — удивился Меринос.

— Чьи, ты спрашиваешь? — ответил Тотор. — Разбойников... Они взяли нас, так как смертельно ненавидят полицейских... Вероятно, они хотели встретить пулями мистера Пять и мистера Шесть... Доказательство — выстрелы, которые они адресовали нам, увидев мундиры...

— Но ведь и мы не мягко обошлись с ними, — возразил Меринос, — а мы не разбойники.

— Это совсем другого рода дело, — ответил Тотор. — Мы защищали свою жизнь и свободу от негодяев. И я думаю, что голубчики, вот уже сутки держащие нас без пищи и питья, — отвратительные бродяги, с которыми связаны страшные тайны. Мне кажется, что они считают нас ненужными свидетелями и при случае освободят нас.

— Бррр! Неуспокоительные вещи говоришь ты, — сказал Меринос.

— Что делать! Я трезво смотрю на наше положение, находя, что оно серьезно, и притом весьма серьезно.

Друзья разговаривали, сидя по-турецки на странной циновке, сплетенной из исполинских листьев. Их заточили в мрачную пещеру, тускло освещенную лучами, которые пробивались сквозь узкую длинную трещину в потолке. Под их ногами хрустел мелкий песок. Стены поднимались отвесно. Все напоминало мрачную гробницу.

Пещера имела в длину метров десять, в высоту — три с половиной, в ширину же — около шести. Больше всего она походила на подземный ход, перегороженный двумя громадными дверями, запертыми на крепкие замки.

Кроме циновки, в ней не было никакой мебели... Словом, форменная тюрьма, но без классической кружки с водой, чашки для супа и табурета.

Разговаривая, парижанин снимал с саног шпоры.

— Что ты делаешь? — спросил его Меринос.

— Как видишь, снимаю шпоры, — был ответ, — если придется прибегнуть к помощи французского бокса, они только помешают.

— Если придется бороться, я буду драться по-английски, — заметил Меринос. — Ах, они взяли все наше оружие!

— Даже нож, и это очень меня тревожит, — сказал француз.

В эту минуту за одной из дверей раздался страшный, нечеловеческий вопль. Еще... потом глухой удар, предсмертный хрип... Оба друга побледнели, вскочили. Замирающий последний крик и шум упавшего тела рассеяли все сомнения.

— Кого-то убивают! — прошептал Меринос.

Тотор бросился к двери, стал ломиться в нее, но толстые доски не поддавались. Вzbешенный, окон-

чательно потерявший голову, он снова ринулся на препятствие, бил в него ногами, кулаками крича:

— Злодеи, убийцы, негодяи!

— Молчи, они убьют и нас,— сказал испуганный Меринос.

— Не могу, все мое существо протестует... Я не могу хладнокровно допустить, чтобы рядом со мной совершилось преступление. Я хочу попробовать остановить его... Это мой долг,— ответил Тотор. И он стал колотить в дверь с еще большей силой. Послышались голоса, раздались проклятия, брань, угрозы. Кто-то подходил к пещере молодых узников.

— Приготовься...— сказал Тотор.— Придется биться из всех сил.

— Поборемся,— смело ответил американец, к которому мгновенно вернулось все его хладнокровие.

Что-то закрипело. Дверь рывком открылась, ворвался поток света. Вошел чернокожий, колоссального роста австралиец. Его длинная борода, распущенная веером, спутанные волосы, широкая грудь, невероятного размера руки — все говорило об исполинской силе. Полуобнаженный, он был одет только в короткие, выше колен панталоны, которые держались на одной подтяжке, резко белевшей на теле великана.

С налившимися кровью глазами, размахивая ножом мясника, до рукоятки красным от крови, он направился к молодым людям. За его спиной в нескольких шагах от входа стояло человек шесть рослых малых в сапогах со шпорами, одетых по-европейски,— все белокожие.

Прошло три-четыре секунды. Было ясно, что атлет выбирает первую жертву. Тотор стоял перед ним. Подняв нож, исполин ринулся вперед с рычанием дикого зверя.

И вот с насмешливой бравадой, свойственной молодости, Тотор крикнул:

— Смотрите-ка, обезьяна!

Меринос содрогнулся и инстинктивно бросился вперед, чтобы заслонить собой друга.

— Нет, нет,— прозвучал резкий голос Тотора,— не надо!

Парижанин присел, схватил пригоршню песка и кинул ее в глаза чудовища. Негр зарычал. Тотор тотчас же страшно ударил ослепленного австралийца ногой. Чернокожий раскинул руки; его глаза закатились,

белые зубы скрипнули, и он упал точно подкошенный.

Вся драма длилась менее шести секунд.

— Отлично! — воскликнул восхищенный Меринос.

Крики бешенства заглушили ответ француза. Белые бросились в пещеру.

— Действуй, Меринос, действуй! — говорил Тотор. — Ударим по ним вместе!

Они смело остановились перед дверью, ожидая нападающих.

— Бац! Бац! — Меринос нанес два великолепных боксерских удара прямо по глазам большого худого малого.

— Вот тебе очки на черном масле! — крикнул Тотор.

И быстрый как обезьяна прыгнул на следующего. Это был тоже исполин, заросший бородой до самых глаз. Гигант протянул руки, пытаясь схватить парижанина, но юркий Тотор проскользнул под его пальцами и грубо схватил его за бороду. В тот же миг он ударил его в нижнюю челюсть.

Противник француза страшно закричал... раздался сухой треск — разбитая челюсть отвисла.

Тотор крикнул:

— Ага, кролик мой! Так тебе будет удобнее цетть! — И, подскочив к новому врагу, бросил Мериносу:

— Смелее, Меринос, смелее, старина!

Американец, превосходный боксер, так и сыпал страшные удары. Он молчал, но эта борьба за жизнь все больше и больше увлекала его.

А парижанин прыгал, вертелся, бил руками, ногами, опрокидывая всех, так что под конец смущенные противники молодых людей утратили интерес к драке.

Поле очистилось. Усталые, но целые и невредимые, победители осматривались.

Какой ужас! Справа от пещеры, под нависшей скалой висел труп негра с зияющей раной на горле. На земле в луже крови лежал туземный молоток.

Они вспомнили ужасные вопли...

Дальше, там, впереди, раскинулся дивный австралийский пейзаж. Повсюду виднелись великолепные деревья, пастбища, ослепительные цветы. Сновали пестрые попугаи. Молодые люди увидели также полуручных исполинских кенгуру.

— Но бежим, бежим! — крикнул Тотор, видя, что путь открыт.

— Да, мы довольно поработали,— ответил ему Меринос.

Они надеялись спрятаться где-нибудь в чаще, добраться до гор,— словом, скрыться от преследователей.

Они бежали изо всех сил куда глаза глядят, бежали, сжав зубы, прижав локти к телу. Позади слышалась брань; избитые разбойники приходили в себя, поднимались и хватались за оружие.

Прозвучал выстрел; просвистела пуля. Молодые люди прибавили шагу; Меринос не обращал внимания на жгучую боль в еле заживших ступнях.

Пиф-паф! Новые выстрелы. Пули пролетели с неприятным звуком. Тотор понял, что бежать по прямой линии опасно, и крикнул:

— Зигзагами, Меринос, делай зигзаги; это помешает им целиться.

И действительно пальба продолжалась, но безуспешно.

— Мы уходим,— крикнул парижанин.

— Стреляли из револьверов! — ответил Меринос. — Винчестеры давно уложили бы нас.

— Беги! Живее! — крикнул Тотор.

Молодые люди были превосходными бегунами! Когда перед ними показались деревья, они нырнули в чаще. На крики и выстрелы на пороге деревянной постройки, служившей как бы продолжением пещеры, появился человек. Незнакомец был шагах в пятидесяти от Тотора и Мериноса и спокойно рассматривал их.

Человек этот держал в руке какой-то деревянный предмет, плоский, похожий на лезвие сабли, но более согнутый. Одетый в приличный костюм для тенниса, в широкополой соломенной шляпе, незнакомец походил на изящного туриста. Несколько минут он простоял не двигаясь, потом сбросил с себя пиджак и шляпу и обеими руками взялся за деревянную пластинку.

Он необыкновенно быстро согнулся, откинул туловище назад, вертя своей дощечкой, а затем резко выпустил ее из рук, и она, вращаясь, со свистом полетела по направлению к беглецам.

Странное оружие низко неслось над землей... Тотор услышал жужжание и отскочил, но оружие точно сознательно преследовало его, продолжая вертеться, пока не ударило по ногам.

— Конец ходулям! — крикнул парижанин и упал на землю. — Я пропал! Берегись, Меринос.

В ту же минуту ужасная пластинка, прочная и плотная как железо, сделала поворот и с дьявольской точностью ударила по ногам Мериноса.

— Проклятие! У меня кости разбиты, — падая, крикнул янки.

— Недобрый карамболь, — прибавил Тотор, все еще не теряя присутствия духа.

Исполнив свое адское дело, оружие упало на землю. Но что за чудо: оно тотчас же снова ожило, поднялось под углом в сорок пять градусов, описало правильную параболу и вернулось к ногам своего господина.

Разбойники, видевшие, как беглецы упали, бежали к ним, заливаясь хохотом и предвкушая новую забаву.

Глава II

Простой рассказ. — Метатель бумеранга. — Нужно идти. — Австралийское оружие. — Неожиданность. — Роскошь. — Тотор рассказывает свою историю. — Никто не уходит живым. — Испорченный автомобиль. — Начало службы.

— Ах, — пробормотал Тотор, — не о том я мечтал...

— Умереть от ножей разбойников! — прибавил Меринос. — Это жестоко, ужасно!

Они взглянули на солнце, на зелень, на цветы, на птиц, на ликующую природу и пожали друг другу руки.

— Тотор, — тихо шепнул американец, — мне жалко, что я так глупо тратил время, был так пуст, так жесток... С тобой я стал бы настоящим человеком.

Тотор не успел ему ответить. Негр, которого он так ловко опрокинул, пришел в себя и, потрясая ножом, бежал к нему с людоедскими криками.

В эту ужасную минуту подошел и метатель бумеранга; он ударил австралийца по руке своим страшным оружием, и гигант-выронил нож.

Повелительным тоном джентльмен произнес несколько слов на странном наречии, и негр мгновенно отошел с видом побитой собаки.

Обращаясь к белым преследователям Тотора и Мериноса, странный человек сказал на правильном английском языке:

— Джентльмены, впредь до новых распоряжений этим людям даруется жизнь. Такова моя воля. Слышите?

— Хорошо, Дан,— неприветливо ответил один из «джентльменов». — Мы, конечно, послушаемся, хотя это и против правил,— прибавил он.

— Довольно, Нед, я сказал, и этого достаточно. Молчи, не то новый день наступит не для тебя.

Белые ушли.

Только теперь Тотор и Меринос могли рассмотреть незнакомца, лицо которого полускрывала тень от полей широкой шляпы.

К своему великому изумлению, они увидели негра, вернее, одного из австралийских негроидов, совершенно не похожих на африканских жителей. Его кожа имела цвет шоколада, нос прямой и широкий, глаза большие, живые, жесткие, губы мясистые, но не вывороченные. Наконец, его очень густые, тонкие волосы и длинная борода слегка вились.

Его лицо прежде всего поражало выражением исключительной жестокости. Под платьем, которое на нем сидело изящно и ловко, угадывалось атлетическое сложение.

Метатель бумеранга бросил суровый взгляд на молодых людей, едва оправившихся от жестокого удара, и грубо приказал им:

— А вы вставайте! Идите за мной! Да не мешкать!

От его тона и недоброго выражения голоса слова благодарности, которыми молодые люди хотели осыпать его, замерли на устах.

Приходилось повиноваться. Тотор с трудом поднялся, но тут же снова упал; напрягая все силы, он вновь встал и, наконец удержался на ногах. Правда, он испытывал боль, но с радостью понял, что его кости целы. Он протянул руку Мериносу, чтобы помочь ему подняться, но американец, вероятно пострадавший сильнее его, не мог даже стать на колени.

Бледный, с искаженным от муки лицом и лбом, покрытым потом, бедный малый жалобно простонал:

— Не могу, не могу!

— Как? — насмешливо сказал незнакомец. — Столько церемоний из-за какого-то жалкого удара бумерангом. Ведь если бы я хотел, я разломал бы вам лапы, как сургуч.

Теряя силы и поддерживая себя только железной волей, Тотор приподнял друга и сказал ему по-французски:

— Мужайся, дружище, бедняга. Иди или умри, но продемонстрируй этому черномазому, что у белых есть и воля, и сила.

Шоколадный джентльмен улыбнулся, будто все понял, пожал плечами и помахал своим бумерангом.

Снаряд этот не походит ни на одно из орудий охоты или войны, противоречит всем законам баллистики, кажется чем-то невероятным и тем не менее существует. Только привыкший к нему с детства австралиец может им управлять. Брошенный ловко, он перебивает задние ноги исполинского кенгуру, опрокидывает громадного казуара. Причины его странных движений объясняют по-разному, но истины не знает никто.

Тотор и Меринос, спотыкаясь, с большим трудом все же брели за страшным человеком, и скоро очутились в просторной зале, вернее холле, полном приятной прохлады.

— За мной, — повелительно сказал он им.

Они все же успели заметить в этой комнате охотничьи трофеи, оружие, украшавшее большие кедровые щиты на стенах, и мозаичный пол.

Они подошли к бархатной красной портъере, которую поддерживала толстая золотая цепь, и очутились в другой комнате, вроде кабинета.

Молодые люди остановились в полном изумлении: кушетки, кресла-качалки, низкие кресла с подвижными спинками, бамбуковые скамьи и табуреты — словом, удобная и роскошная мебель заполняла все это помещение громадного размера. На стенах, изящно задрапированных великолепными коврами, висели картины и фотоснимки различных мест. Повсюду были расставлены этажерки с безделушками, виднелись книжные полки, заполненные множеством томов, странные гавайские ящички прихотливых очертаний, витрины с минералами. С удивлением они увидели рояль и близ широкого окна — письменный стол из черного дерева и большой малахитовый стол с расставленными на нем странными ящиками, множеством книг, нот, журналов, наргиле с янтарными мундштуками.

Тотор и Меринос смотрели и не верили своим глазам.

— Сядьте, — предложил им метатель бумеранга.

Когда они тяжело опустились в кресла, он спросил:

— Теперь скажите, кто вы на самом деле, зачем и как вы попали сюда?

— Я — Тотор,— ответил парижанин,— имя моего друга — Меринос. Мы — туристы и свернули с пути, определенного билетами, вследствие несчастного случая. Нам обоим вместе тридцать пять лет.

— Значит, вы не полицейские?

— Что за чушь! Я — из Парижа, Меринос — из Нью-Йорка. Мы оба сходили с ума по путешествиям, и наши родители, далеко не миллионеры, с трудом купили нам билеты для кругосветного путешествия.

Меринос понял, почему его друг скрыл от негра общественное положение его отца, Шерстяного Короля. Опасно говорить о богатстве, находясь в руках людей неизвестной, сомнительной профессии.

— Ну,— сказал незнакомец,— ты, болтун, расскажи-ка мне о ваших приключениях, которые кажутся мне не очень-то вероятными!

— К вашим услугам, патрон,— ответил парижанин,— только не будете ли вы столь любезны, не угостите ли нас рюмочкой или стаканом чего-нибудь жидкого, хотя бы чистой воды, aqua fontis... Мы умираем от жажды.

Шоколадный человек улыбнулся, нажал кнопку электрического звонка, сказав французу:

— Хорошо, теперь говори, да немногословно.

Тотор потер свои больные ноги, поудобнее устроился в кресле и с обычным спокойствием стал рассказывать обо всем, что случилось с ними вплоть до того, как они увидели повешенного.

— Дальше, дальше,— проговорил их странный собеседник.

Тотор с наслаждением выпил несколько глотков превосходного эля, который им подал китаец, и продолжал свое пространное повествование.

Незнакомец не прерывал его, ничем не выражая нетерпения, точно надеясь, что разболтавшийся молодой человек станет противоречить себе и сам уличит себя во лжи.

Но Тотор говорил только правду, и его подробный рассказ, вероятно, заставил слушателя поверить ему, хотя, по-видимому, это раздосадовало хозяина дома; он нахмурился, и его лицо стало еще ужаснее прежнего.

Меринос, наблюдавший за ним, вздрогнул. Никогда не падавший духом Тотор мысленно сказал себе:

«Право, он походит на великана-людоеда, почуявшего свежее мясо». А вслух самым любезным тоном прибавил:

— Теперь вы видите, патрон, что мы действительно настоящие туристы, совсем безобидные малые... И мы были бы очень благодарны, если бы вы отпустили нас, не заботясь о том, какие опасности встретятся нам на нашем дальнейшем пути.

Его слушатель усмехнулся, показав белые, острые зубы. Он погладил бороду сухими пальцами, на которых блеснуло множество колец, и сказал медленно, недобрый голосом:

— Ни один посторонний не выходит отсюда живым.

— Значит, мы осуждены на вечный плен? — спросил Тотор.

— На смерть, милейший мальчик, — ответил шоколадный джентльмен, — мы не любим нескромных глаз и лишних ртов.

— Умереть! — бледнея, вскрикнул Меринос.

— Полно, патрон, — бесстрашно возразил Тотор, — вы этого не сделаете. Посмотрите на нас и подумайте, не найдете ли вы для нас другого занятия, кроме роли убиенных?

В эту минуту в передней послышался говор, казалось, кто-то хотел войти в гостиную, но его удерживали.

— Что за шум? Кто посмел войти сюда? — крикнул хозяин роскошной комнаты. — А, это ты, Джим?

Показался белокожий человек с густой бородой и безумным выражением лица. Он оттолкнул китайца, который загораживал ему дорогу.

— Убирайся! — крикнул он. — Я должен поговорить с «господином». Ах, «господин», если бы вы знали!

— Что? Что случилось? Отвечай скорее, да берегись, если ты зря побеспокоил меня...

— Автомобиль испорчен, — ответил Джим.

— Гром и молния! Час тому назад он отлично работал! — крикнул властелин. — Ты сторож. Что же ты делал? Ты головой отвечал за него, и ты умерел!

— «Господин», жизнь вашего слуги в ваших руках, — пробормотал Джим. — Я исполнял свои обязанности, виноват ли я, что пули пробили машину?

— О, звери! Стреляя в беглецов, они прикончили мой автомобиль, — сказал тот, кого называли «господином». — Но его можно починить? Что говорит механик?

Джим печально развел руками.

— Механика нет. Он без сознания, и ему не до работы.

Лицо «господина» приняло пепельно-серый оттенок.

— Он, этот исполин? — прошептали его губы. — Единственный механик... Кроме него, не найдешь ни одного на протяжении пятисот миль.

— Да, «господин»... У него изо рта льется кровь, его челюсть разбита... Он умирает.

— Кто же так изувечил его? — спросил «господин».

Джим заметил Тотора, который спокойно смотрел на него, и с изумлением произнес:

— Нечего ходить далеко за виновным: вот этот мальчуган искалечил беднягу. Да и не его одного...

Шоколадный человек словно взбесился, выхватил из кармана револьвер и крикнул:

— Ну, это уж слишком. Я, может быть, простил бы увечья моих черных, но убийство незаменимого человека, механика! Я тебя тоже убью!

Тотор поднялся с кресла, выпрямился и, подойдя к наведенному на него револьверному дулу, с поразительным спокойствием ответил:

— Не стреляйте, это же бесполезно. У вас нет механика? Извольте — я починю машину.

— Ты, мошка?

— Попробуйте, дайте мне кусочки железа, бронзы или стали, и вы увидите, сумею ли я воскресить вашу пыхтелку.

— Пожалуй, я испытаю тебя, — ответил «господин». — Но беда тебе, если ты ничего не сделаешь.

— Не беспокойтесь! Итак, я могу рассчитывать на место механика?

— Да, временно. Я хочу посмотреть, как ты будешь работать.

— О, тогда я спокоен. Но дайте также место и моему другу Мериносу... Он болен и желал бы поправиться, чтобы послужить вам, — сказал ловкий Тотор.

Глава III

Тотор за работой.— Сторож или нянька? — Дружба.— Исправленная машина.— Пробная поездка.— Последствия завтрака среди зелени.— Французский и латинский языки.— Нелепая история человека, купавшегося в фонтане Сен-Мишель.

Несмотря на свою готовность ко всему, Тотор не мог опомниться от изумления. Только подумать: среди пустыни он очутился в прекрасной мастерской, в которой было всего достаточно, даже с избытком. Машины, инструменты, материал, знакомые, привычные вещи, приводили его в восторг, и, осматривая их, он вскрикивал от удовольствия.

Тотор был как дома и демонстрировал своему новому господину изумительные технические знания. Действительно, несмотря на свою молодость, он был первоклассным механиком.

Тотор разобрал машину, осмотрел ее испорченные части и сказал:

— Видите, патрон, зверушка нездорова.

— Ужасно,— сказал тот.

— Ничего! Поверьте, я все исправлю,— успокоил его Тотор.

Парижанин тотчас же принялся за работу, которая требовала необыкновенного мастерства. Патрон приходил к нему каждый день и видел, что Тотор положительно творит чудеса. И этот загадочный, жестокий человек начал проявлять к парижанину что-то вроде благосклонности.

Тотор совсем не выходил из мастерской, в ней и ночевал, и обедал. И вскоре заключение стало для него тягостным.

Наконец он не вынес его и однажды утром сказал своему господину:

— Патрон, нельзя ли мне немного поразмять ноги и подышать воздухом?? А то я скоро превращусь в высушенную грушу, а это отразится на работе.

Коричневый властелин подумал немного и ответил:

— Хорошо, но Татамбо ни на шаг не отойдет от тебя.

— Благодарю вас, патрон,— ответил парижанин.— Вы даете мне свободу и няньку. Вы — само совершенство.

Тотор сиял. Он радовался выбору няньки-сторожа.

Им оказался исполинский негр, которого он во время драки ловко ударил ногой в желудок.

Дело в том, что Тотор приручил это чудовище. Правда, путь к его сердцу он проложил опять же через желудок. Исполину с первого же дня поручили приносить Тотору провизию. Сперва они смотрели друг на друга недружелюбно. Но с кушаньями всегда присылали большую порцию виски, и Тотор, пивший только воду, предложил свою долю спиртного негру.

Австралиец пришел в восторг.

Негра звали Татамбо. Тотор нашел, что это слишком длинное имя, и превратил его сначала в Тамбо, а потом просто в Бо. Австралиец охотно согласился на такое сокращение и отзывался на односложное прозвище. Хотя сказать «отзывался» будет неправильно: он никогда не вступал в разговор, но, очевидно, понимал по-английски, так как исполнял все, чего Тотор требовал от него; не был он и немым, потому что иногда произносил «да» или «нет», но больше не говорил ни слова, объясняясь жестами.

Австралиец восхищался человечком, который недавно победил его в драке, и это восхищение, обильно приправленное виски, зародило в нем собачью привязанность к нему. Нянька-сторож совсем не мешал Тотору, тем более что парижанин не убежал бы и без Бо.

«Разве я могу бросить беднягу Мериноса! Что за мысль! — думал он. — Две недели я не видел его. Наверное, ему тяжело живется у этого человека с железной рукой. Ну, поживем — увидим».

Пользуясь относительной свободой, Тотор занялся полезными наблюдениями.

Долину окружали непроходимые горы, значит, о бегстве помышлять не приходилось. Во время прогулок француз встречал на воле диких жвачных животных, бродивших вместе с коровами и баранами, а также лошадей; видел он и жалкого вида унылых туземцев, живших в бесхитростных хижинах из коры и державшихся семьями, или кланами. Тотор решил, что они — тоже пленники.

Долину опоясывало гладкое исполинское кольцо шириной в восемь или девять километров, а длиной в пятнадцать, которое представляло собой своеобразный автомобильный манеж.

Больше всего Тотора занимало появление различных людей, которые неизвестно откуда приезжали и исче-

зали неизвестно куда. Вооруженные, они гарцевали на великолепных лошадях, говорили повелительно, держались вызывающе.

Дня два проводили эти незнакомцы в долине; много шумели, разъезжали туда-сюда, потом исчезали.

Странные и страшные мысли приходили тогда в голову Тотора.

Дни шли за днями. Тотор почти починил автомобиль. Как раз в это время патрон исчез на двое суток. Это нарушение обычного распорядка раздосадовало француза. Дело в том, что он хотел вывезти машину из мастерской и попробовать поездить на ней.

— Бо,— сказал он негру,— пойди, скажи патрону, что нужно испытать авто.

— Нет,— проворчал австралиец, показывая острые зубы.

— Почему?

Бо присел, точно всадник, и очертил рукой круг.

— Уехал? — спросил парижанин.

— Да.

— Досадно. А что если я выеду сам? Итак, поедem? — предложил Тотор. — Ты со мной?

— Да,— ответил исполин и немедленно скрылся, оставив парижанина в недоумении. Через четверть часа колосс вернулся с провизией. Ее спрятали. Тотор сел на место шофера. Бо поместился рядом с ним. Странное зрелище представлял этот полуобнаженный, заросший волосами каннибал на современном авто.

Тотор осторожно запустил мотор.

Теф-теф!

— Едем, ну, быстро! — сказал он.

Теф-теф-теф! Машина двинулась, выехала на круг. Теф-теф! Жилые строения, пещеры, сараи остались позади. Несколько человек белых с изумлением посмотрели на исчезающий за деревьями автомобиль.

Время от времени в нем что-то трещало, шипело. Тотор выключал мотор, поворачивал гайку, завинчивал винт, осматривал, ощупывал все и ехал дальше.

Наконец они помчались, минуя эвкалиптовые деревья, распугивая разноцветных попугаев, приводя в ужас кенгуру, которые скакали точно исполинские лягушки.

Скоро был завершен первый круг.

— Еще, еще,— кричал увлекшийся Тотор. — Ах, если бы со мной был Меринос!

И они снова понеслись под лучами знойного солнца. Оно палило их кожу, пыль забивала им глаза; пот лился ручьями. Наконец Тотор увидел тень, журчащий родник, высокую траву, цветы.

Изнывая от жажды, парижанин вспомнил, что он еще не завтракал, и представил себе, как было бы приятно закусить и выпить на травке. Он остановил автомобиль и сказал:

— Знаешь, старина Бо, накрой-ка на стол да раскупорь для себя ту бутылочку виски. Поедим!

— Да,— сказал негр, и его глаза блеснули.

На свет божий была извлечена провизия, и Тотор начал закусывать, а Бо приник губами к бутылке и одним духом опорожнил ее.

— Ого,— сказал Тотор,— недурно! Но, смотри, будь осторожнее. Это вредно.

— Нет,— отозвался чернокожий, облизываясь.

— Как хочешь: ты крепко сшит, да и не каждый день у нас праздник.

В глотке негра исчезло содержимое и второй бутылки. Бо с горящими глазами открыл рот в широкой улыбке, казалось, он был на седьмом небе.

— Вот,— сказал Тотор,— пей, пока не свалишься.

Но Бо еще крепко держался на ногах. Он взял третью бутылку и начал пить, но не жадно, а потихоньку, с наслаждением смакуя напиток. Скоро его опьянение еще увеличилось. Его мозг словно воспламенился. Он стал снова с места на место и вдруг, точно безумная обезьяна, принялся отплясывать канкан.

— Послушай, Бо,— сказал Тотор.— Успокойся. Довольно, я же говорил, что тебе станет худо.

Парижанин невольно произнес эту фразу по-французски, и дикарь совершенно просто ответил ему на том же языке:

— Не бойся, у меня железный желудок!

Тотор так и подскочил от удивления, выронил изо рта кусок мяса и положительно лишился дара речи.

— Ха, ха, ха! — расхохотался австралиец. — Как ты смотришь на меня! *Si forte virum quem... conspexere silent*, как сказал божественный Гораций.

— Он говорит по-французски и по-латыни! — воскликнул Тотор, думая, что у него начались галлюцинации.

— Это виски... воскрешает у меня в голове... полу-

забытые слова... которые застряли в моем мозгу. Я грежу и вижу многое... Ах... очень многое. Ох, дай мне выпить... Еще... еще...

Тотор пришел в себя. Подойдя к австралийцу, он посмотрел на него, комически развел руками и сказал:

— Ты — феномен! В этом нет сомнения. Я сражен! Даже отец не видел такой штуки. Кто ты? Не воплотившаяся ли ослица покойного Валаама, которая временами разглагольствовала по-еврейски? Или, может быть, ты проглотил фонограф, который застрял у тебя в желудке и разговаривает помимо твоего желания?

— Выпить... Повторяю, я хочу выпить еще, и тогда вспомню все; ах, если бы ты знал, — проговорил чернокожий. — Дай мне виски... еще...

— Пожалуй, только одну рюмку, — сказал Тотор. Но рюмка лишь увеличила жгучую жажду Бо.

— Еще, еще, — стонал он.

— Нет, погоди, прежде поговорим, — твердо ответил Тотор. — Скажи, кто же ты?

Ноги дикаря подогнулись, он тяжело упал на траву, ероша волосы; он отдувался как бизон и с тусклым взглядом пробормотал прерывающимся голосом:

— Мои родители, детство, свобода... Я помню это, когда не пью.

— Понимаю, у тебя, так сказать, двойная память: одно помнишь натошак, другое, когда напьешься. Но, скажи, почему ты говоришь по-французски, как парижанин, а по-латыни, как человек образованный?

Австралиец глубоко вздохнул и продолжал, точно во сне:

— Я вижу дома.. улицы, дворцы... светлые фонари и толпы людей. Необыкновенное оживление. Я уже не маленький... среди юношей, но это все белее... только белее... Меня учат вещам, которые меня смущают и приводят в восторг... Зачем я здесь? Ах... помню! Какой-то консул решил дать мне воспитание цивилизованных людей... Меня послали во Францию... в Париж. Я... в лицее... Он называется Святой Луи.

— На левом берегу Сены? Знаю, бульвар Миш, — вставил Тотор.

Вдруг австралиец захохотал, судорожно, болезненно, пронзительно.

— Буль Миш! Эти слова напоминают мне финал моего блестящего ученья. Ведь я учился дивно, все знали, что я из племени людоедов, и восхищались,

слыша, как я без запинки декламировал вторую книгу... Энеиды... Но, бац! Произошла катастрофа. Однажды в выходной день студенты напоили меня... Я не вернулся в нашу обитель... и в полночь полицейские нашли меня... в бассейне фонтана Мишель.

— Странная тебе пришла мысль, — заметил Тотор, — Но продолжай.

— Дай выпить... немножко, чуть-чуть, — простонал Бо.

— Погоди. Рассказывай, и, если ты мне скажешь все, я хорошо угощу тебя, увидишь.

— Ну, вот... Сильный, рослый... я оглушил или убил агентов, которые хотели меня отвести в полицейский участок, избил комиссара, выбил зубы многим... Меня выгнали из лица, хотели отдать под суд... Английское посольство во избежание скандала оплатило убытки. Меня посадили на первый же пароход. Я снова увидел Австралию... Я жил, не делая ничего хорошего, отупел, опустился... снова ушел в леса... в чащи... одичал... Туземцы, мои собратья, в обществе которых я жил... занимались рыбной ловлей и охотой... они приучили меня к своим обычаям. Наконец, Он взял меня к себе.

— Кто он?

— Он! «Господин». Довольно... — проговорил пьяный.

— Что это за человек? — спросил Тотор.

— Молчи! — Он все знает... все видит... я его боюсь... Он убьет меня.

— Что вы делаете?

— Не знаю... не спрашивай.

— Кто убил человека в тот день, когда нас схватили?

— Я ему перерезал горло.

— Зачем?

— Чтобы... чтобы его съесть.

Бо уже давно боролся с сонливостью, а в эту минуту окончательно свалился и заснул.

«Ну, — подумал парижанин, — на сегодня — все! Ничего больше не узнать, но позже — посмотрим!»

Глава IV

Негодование. — Побой. — Обед «господина». — Толченые муравьи. — Занятия миллиардера, ставшего лакеем. — В темноте. — Свет. — Меринос видит странные вещи.

В общем, Тотор не чувствовал себя несчастным в своей мастерской.

Положение Мериноса было гораздо хуже, вернее, прямо невыносимо. Его сделали лакеем!

В первую минуту ему казалось, что он, бывший миллиардер, опустившийся до уровня слуги, задохнется от стыда.

Устроив Тотора в мастерской, «господин» вернулся домой и предложил американцу место лакея. Неспособный сдерживаться, Меринос посмотрел ему прямо в лицо и, забыв всякую осторожность, закричал:

— Нет, вы не смеете так унижить меня. Мне — быть слугой? Что я вам сделал? Разве вы можете меня винить за то, что я защищался, как смелый и гордый человек. Я — ваш пленник. Потребуйте за меня выкуп... но слугой я не буду.

«Господин» засмеялся, пожал плечами и надавил на костяную пуговку. Раздались звонки. Вошло пятеро: прежде всего Ли с лицом фарфорового болванчика, с косыми глазами и длинной косой, а за ним четверо рослых белых, вооруженных с ног до головы.

— Ли, — холодно сказал ужасный человек, — вот новый бой. Он будет под твоим началом; приучи его служить мне.

— Не желаю, скорее умру! — вскрикнул возмущенный американец.

И он бросился на своего палача, за поясом которого виднелся револьвер.

Бедный Меринос!

Белые схватили его, согнули как тростинку и повалили на пол.

— Он немного своеволен, — продолжал «господин», — нужно его усмирить! Дайте ему двадцать пять ударов тростью по подошвам ног.

Меринос содрогнулся: раны на его ногах едва затянулись и еще болели. И по этому живому мясу его будут бить!

Он опустил голову, сжал зубы, и слезы ярости

выступили у него на глазах. С него мигом стянули обувь. Увидев рубцы на ступнях, «господин» сказал:

— Нет, не по ногам, он не в состоянии будет мне служить... По спине!

С Мериноса сорвали платье, бросили на бамбуковую скамью. Трость Ли взвилась и опустилась... Еще, еще... Три синеватые полосы вспухли на коже несчастного, который только хрипел.

После десятого удара он потерял сознание.

— Довольно,— сказал «господин».

Глазки китайца сверкнули сожалением, но он не возражал и быстро одел Мериноса.

Бедный янки открыл глаза и застонал.

— Молчать,— сказал ему «господин». — Я наказал тебя, но это всего лишь предупреждение. Теперь изволь служить мне, не то...

— Что? — спросил несчастный американец.

— Не то Ли снова возьмется за трость и будет бить тебя до тех пор, пока не устанет, потом я велю тебя повесить за ноги над муравейником...

Меринос был согласен на быструю смерть, но это!..

Он глубоко-глубоко вздохнул, не смея возражать, и опустил голову, готовый на все, чтобы только избежать страшных ударов тростью и дальнейшей ужасной судьбы.

— Молчание — знак согласия,— смеясь, сказал «господин». — Но знай, если со мной случится что-либо по твоей милости, если ты сделаешь хотя бы одно подозрительное движение, ты подвергнешься таким мукам, какие не снились и американским краснокожим. Ну, все сказано. Бой, огня!

Эти последние слова прозвучали в ушах Мериноса точно гром... Он мысленно увидел нарядную палубу «Каледонца», ночной праздник и маленького дрожащего юнгу. «Бой, огня!» Тогда он сам кричал эти слова.

«Это искупление», — шевельнулась в нем мысль.

Молодой американец выпрямился, огляделся. Ли зажег свечу в бронзовом подсвечнике, и Меринос, схватив его, поднес к сигаре, кончик которой откусил «господин».

— Ли тебе даст подходящее платье, и ты будешь постоянно сидеть в передней и приходить на мой звонок,— сказал «господин». — Теперь же иди!

Так бедный Меринос, в недавнем прошлом гордый сноб, сделался лакеем.

Вечером он, несмотря на сильную лихорадку, вместе с Ли прислуживал за обедом в столовой, двигался бесшумно и недурно справился со своими обязанностями. Он отлично знал, что требуется от хорошего слуги, чем неизменно изумлял Ли и возбуждал в нем зависть.

Ли подал ароматное жаркое с картофелем, а Меринос соусник, полный красноватой подливки, издававшей странный, едкий, кисловатый запах.

«Да это пюре из раздавленных муравьев», — подумал американец.

И, действительно, он не ошибся. Муравьи — любимое угощение австралийских вождей.

Первый день службы Мериноса окончился благополучно. Китаец отвел вконец разбитого янки в свою комнату, все убранство которой составляли две циновки, ящик и несколько кувшинов с водой. С жадностью приняв к одному из них Меринос, напился и упал на свою убогую постель, а Ли вынул из ящика трубку для курения опиума.

На следующий день с зарей раздался звонок. Мериносу пришлось приготовить ванну для «господина»; новый звонок — началось одевание, долгое, тщательное...

Потом завтрак, сигара.

— Бой, огня!

И закрутилось колесо скучных, мелких обязанностей, захватив бедного Мериноса, не давая ему ни минуты отдыха, ни минуты покоя.

В четыре дня он со всем смирился, по крайней мере, его «господин», наблюдавший за ним исподтишка, не мог заметить в нем ничего подозрительного.

Он не знал лишь одного, что Меринос с хитростью индейца украл со стены передней острый кинжал и носит его под платьем. Кто знает, что принесет ему это оружие? Может быть, месть... может быть, даже свободу...

Несмотря на свою занятость и заботы, янки сильно тосковал о Тоторе, о котором ни Ли, ни кто другой не хотели ему сказать ни слова.

Время шло, и неизвестность стала волновать его. Однажды ночью он почувствовал, что его грубо схватили чьи-то руки и подняли как кулек. Мериноса несли в темноте, потом положили куда-то. Он ничего не видел

и понял только, что его перенесли на новое место. Зачем? Он не мог ничего понять.

Он терялся в догадках и сперва даже не смел пошевелиться, чтобы не провалиться в какую-нибудь трещину. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он увидел, что лежит в подземной галерее шириной в три метра, довольно высокой и очень длинной.

Он медленно пополз, ощупывая перед собой пол. Его пальцы касались мелкого песка, он нигде не чувствовал ни трещин, ни проломов. Стены были из камня.

Так Меринос пополз около тридцати метров и остановился. Осыпавшиеся камни преградили ему дорогу. Он вернулся обратно, сел и мысленно спросил себя:

«Зачем меня так запрятали? Может быть, я стесняю их? Или от меня желают что-то скрыть?»

Он долго пробыл в полутьме. Вдруг луч света прорезал вход в подземелье. Дверь открылась и снова быстро закрылась. Невидимая рука поставила в темницу воду, бросила кусок холодного мяса и несколько печеных плодов.

Поев, Меринос улегся и заснул. Время шло, узник не замечал, когда наступали вечер, ночь или день. Только появление пищи разнообразило для него ужасное заключение. Ему казалось, что он провел так целые годы.

Но вот однажды американцу показалось, что в конце пещеры, над обломками обвалившихся скал, замерцал легкий свет. Изумленный Меринос захотел узнать, в чем дело, он дошел до места обвала и стал взбираться на камни; он полз, карабкался и после нечеловеческих усилий достиг трещины.

По мере того, как молодой человек подвигался к отверстию, свет усиливался. Обливаясь потом, он наконец взобрался на один из камней, прижался лицом к отдушине, вероятно, образовавшейся вследствие нового обвала, и чуть не вскрикнул от изумления.

Перед ним был громадный зал, ярко освещенный факелами, вставленными в железные лапы, приделанные к стенам.

От одного края помещения до другого тянулись ряды столов, заставленных бутылками и кушаньями. Около сотни людей сидело за ними. Слышался говор, иногда восклицания. Порой появлялись новые посетители, входившие Бог знает откуда.

Слева от себя Меринос заметил трех часовых. Один

держал револьвер, другой — топор, третий, безоружный, внимательно смотрел по сторонам и прислушивался.

Раздались четыре удара. Средний из трех сторожей нажал на стену, тотчас же кусок скалы бесшумно повернулся, открыв проход. Там показался абрис фигуры. Новый посетитель. Часовой, вооруженный револьвером, прицелился ему в грудь. Второй поднял топор. Средний протянул руку и шепнул несколько слов, вероятно, пароль.

Новопришедший пожал ему руку, сделал какой-то знак и что-то ответил. Его пропустили. Присутствующие узнали его и приняли с радостными криками:

— Это Джим! Ура, Джим! За твоё здоровье!

Церемония повторялась много раз, и всех новых гостей встречали радостными приветствиями. Собралось более трехсот человек, все в белых шляпах, в шерстяных расстегнутых на груди рубашках, в высоких желтых сапогах со шпорами. Настоящие, бородатые, расстрепанные бандиты, вооруженные с головы до ног. Они спокойно ели и пили, пока в подземную залу не принесли деревянный помост, приблизительно в два метра высоты; на нем расстелили красный ковер и поставили три стула, из которых средний был выше двух остальных.

Все стихло; со стороны, противоположной входу, показались три человека. Они важно направились к лестнице, ведущей на эстраду, взошли на помост, сели и поклонились.

Раздались бешеные рукоплескания.

— Председатель, председатель Дан! Ура, Дан! — закричала толпа.

В председателе этого странного сборища Меринос узнал метателя бумеранга, своего тирана, «господина».

Шоколадный джентльмен заговорил, но крики восторга заглушили его голос. Он нетерпеливо выхватил из-за пояса револьвер и несколько раз выстрелил. Просвистели пули, рикошетом отскочив от стен, и, расплюснутые, упали на пол.

Все затихли. Ясным, звучным голосом Дан обратился к людям, растерявшимся от такого предисловия:

— Добро пожаловать, товарищи. Великое собрание лесовиков открыто. Время дорого. Слушайте меня.

Глава V

Разбойники в духе конца века.— Страшный союз.— Опасность.— Враг.— Война.— Меринос слышит толки об отце.— Король Шерсти приговорен к смерти.— Состязание на ножах.— Первая дуэль Мериноса.— Победитель.

Громадная территория Австралии изобилует плодородными долинами, минеральными богатствами, пустынями и степями; быстрая цивилизация, чудные города, а рядом — людоедство! Австралия переполнена неожиданностями, противоречиями. В то же время это страна быстрых коммерций, чудесных обогащений, которые всегда вызывают жадность, порождают грабителей.

Так образовался страшный союз лесных бродяг, которые грабили, пуская при случае в ход ножи и револьверы.

Союз постепенно расширялся, образовывал громадную сеть и скоро стал всемогущим. У него появился свой бюджет, статьи расхода, даже пенсионная и вспомогательная, свои сановники, начальство, даже... почетные члены. В эту ассоциацию вступали представители всех классов общества: разорившиеся негоцианты, потерпевшие неудачу скотоводы, люди без дела.

Все лесовики общались между собой, имели свои приюты, знаки, между прочим, эмблему — букву «Л» и звезду.

Нечего также и говорить, что у них была прекрасная полиция, притом туземная.

Могучие лесовики взимали подати со скотоводов, рудокопов, земледельцев и т. д.

Не подчиняться их требованиям было безумием; решавшиеся на это были жестоко наказаны: их кони взлетали от взрыва динамита или бывали затоплены водой; их рабочие убегали, скот погибал.

А правительство? Оно не в силах было прекратить деятельность союза; прекрасно организованный, он уходил от преследований... Кроме того, беспомощное правительство иногда умышленно закрывало глаза на его действия.

— Братья, — сказал президент, — вы явились на мой призыв, благодарю вас. Но, поверьте, нужны были очень веские обстоятельства, чтобы я решился созвать вас в нашу цитадель со всех концов Австралии. Слушайте: дело идет о нашей жизни и смерти.

Послышался ропот, восклицания:

— Не может быть! Неужели? Беда тому, кто тронет нас!

— Да, братья, — продолжал Дан, — лесовикам грозит гибель, смерть и разорение.

Поднялся невообразимый шум, крики, но Дан заставил всех умолкнуть и продолжал:

— В мире есть человек богаче Моргана, Гульда, Карнеджи, Ротшильдов и даже богаче Рокфеллера. Он молод, храбр, великолепно знает дело... Это Сидней Стон.

— Король Шерсти! Шерстяной Король? — зазвучало в зале.

Меринос, услышав имя отца, вздрогнул, и сердце его забилося со страшной силой.

— Отец! — прошептали его губы.

— Этот Король Шерсти решил погубить наш союз... Прежде всего, он — аферист, и ликвидация нашей деятельности принесет ему разом более тридцати миллионов долларов. В прошлом году из Австралии был вывезен за границу запас шерсти приблизительно на сумму в 700 миллионов. Мы, естественно, взяли нашу обычную подать — пять процентов, то есть тридцать пять миллионов. Теперь Сидней Стон, желая учредить шерстяной трест, не только заранее закупил всю шерсть, готовую к продаже, но и всю ту, которая еще будет.

— Так что же? Нужно взять и с него дань, как мы берем с мелких закупщиков, — сказал кто-то.

— Я послал к нему одного из наших агентов, тот высказал ему мои требования. А что сделал он? При первых же словах Стон ударил ногой моего гонца и сказал, что отошлет его в тюрьму за шантаж и попытку кражи. Он не только отказывается платить, но еще смеется над нами. Он объявил нам войну. О, этот человек не потерял времени даром; купленные им газеты начали против нас компанию; общественное мнение на его стороне. Правительство, принужденное действовать, мобилизует полицию. Остальные отрасли промышленности тоже объединились, объединяются, организуют сопротивление. Нас ищут. Завтра нас выдадут, выследят, нанесут удар. Недели три тому назад двое полицейских были всего в каких-нибудь двадцати милях отсюда. Один предатель хотел указать им наше убежище, выдать часть наших тайн, но я пове-

сил его подле Соленого озера на дереве-бутылке. И я провел разведку среди скотоводов, пастухов, начальников складов, мойщиков шерсти, разговаривал с ними под видом туриста. Они уже не прежние. Они еще боятся нас, но меньше, чем в былое время. В этом тоже влияние Шерстяного Короля.

— Нужно захватить его, — крикнул один из лесовиков, — и под пыткой заставить сдаться. Ведь он всего лишь человек, а разве мы не брали целых городов, не опустошали их?

— Да, но это человек сильный, как конфедерация, он богаче короля Эдуарда, — ответил Дан, — а как можно захватить его на вооруженной яхте, стоящей в Порт-Филиппе!

— Значит, мы погибли, — раздалось несколько голосов.

— Нет еще, — ответил Дан. — Есть одно средство... Я знаю, что могу на вас рассчитывать. Слушайте же: средство это — террор. Прежде всего, мы должны полностью уничтожить то, что питает нас, — шерстяную промышленность.

Бандиты онемели от ужаса.

— Нужно, — хладнокровно продолжал их властелин, — полностью уничтожить стада. Увозите пастухов, убивайте собак, вырывайте изгороди, отравляйте водопойные ямы, поджигайте прерии, фермы. Главное — уничтожайте склады и магазины шерсти... Пусть не останется ни одного тюка!

— Но, — сказал кто-то, — это разорение и для них, и для нас!

— Глупец! Голландцы спасли свободу, прорвав свои плотины, — ответил Дан. — А запасной фонд наш достигает пятидесяти миллионов! Деньги эти спрятаны; мы пустим их в дело. Кроме того, другие производители, испуганные, будут платить нам. Вы не умрете с голоду: Король Шерсти не получит шерсти. Он, конечно, надеялся на понижение цен, мы повысим их. И не только в Австралии, но на всех рынках земного шара. Наш враг разорится, а мы завоюем себе покой на многие годы. Поняли?

Собрание разразилось бешеными криками одобрения.

— Благодарим! Уррр-а-а-а, «господин», — звучали дикие голоса.

Когда все немного успокоились, Дан прибавил:

— Значит, война объявлена; братья, разъезжайтесь по вашим областям, несите с собой огонь, уничтожение, смерти! Все превращайте в пустыню. Убивайте упрямых! А Сидней Стон, Король Денег, узнает, что я, Король Ночи, приговариваю его к смерти. Мы пойдем на все, чтобы захватить его... и он будет в моих руках. Пока же пусть ни один волос не упадет с его головы. Пусть живет; я хочу взять его живым, а потом заставить страдать и искупить свою вину перед нами. Двадцать пять тысяч тому, кто доставит его живым. Прощайте, братья. Настала ночь, — с этими словами Дан ушел.

Оставшиеся одни лесовики переглядывались. Не слышалось больше ни криков, ни проклятий. Они только повторяли слова, имевшие для них ужасное значение. «Настала ночь». Это был тайный и страшный знак начала истребления, военный клич лесных бродяг.

Меринос, для которого открылись ужасные намерения разбойников, задыхался. Пока лесовики уходили через открывшуюся дверь, он отполз от трещины, из которой свет больше не поступал, добрался до своей тюрьмы и, сломленный усталостью, упал и заснул.

Сколько времени длился этот тяжелый сон? Бедный молодой человек не мог впоследствии отдать себе в том отчета. Вдруг жестокий удар по ногам разбудил его.

Он пронзительно вскрикнул и открыл глаза, но тут же зажмурился: его ослепил свет большого фонаря.

Перед ним стоял китаец Ли и злобно смеялся, размахивая тростью и собираясь ударить его вторично. Мериноса охватил безумный припадок злобы. Он мгновенно вскочил и со страшной силой ударил своего палача по щеке.

Раздался стук, точно от разбитой тарелки, и ошеломленный китаец завертелся на месте как волчок.

— Ах ты, кукла! Отвратительный урод! — кричал американец. — Ты осмелился поднять на меня руку? погоди, ты мне за все заплатишь, и притом заплатишь дорого!

Он встал в позу боксера и дважды сильно ударил Ли кулаком в грудь. Следовало ожидать, что китаец тотчас же упадет, но этот человек, насквозь пропитанный опиумом, устоял на ногах.

Он казался абсолютно спокойным. Но вдруг его челюсти сжались, черные зубы скрипнули, змеиные глазки заблестели. Он быстро отступил и обнажил

широкий нож, который выхватил из-под белой куртки.

— Ага,— спокойно сказал Меринос.— Состязание на ножах? Отлично!

Он тоже вытащил свой кинжал. Китаец не удивился, но украдкой глянул на дверь и стал тихонько отступать к ней. Меринос понял, что если он отпустит Ли, то погибнет. Одним прыжком янки очутился подле двери, загородил ее и глухо прорычал:

— Злодей, я не выпущу тебя отсюда живым.

Ли понял, что его хитрость не удалась, и решил драться, но драться по-своему. С пылающими глазами, весь сжавшись, он присел на корточки и вдруг выпрямился, точно на стальных пружинах. Опустив голову, прикрыв лицо одной рукой, а другой готовясь нанести удар, он бросился вперед.

При свете фонаря Меринос увидел, как лезвие ножа Ли блеснуло по направлению к его желудку. Но, как опытный боксер, американец привык ко всем неожиданностям. Еще быстрее китайца он отшатнулся и сделал поворот на одном месте. Но Ли уже не мог остановиться, он пролетел мимо Мериноса, и его нож прошел лишь воздух. В ту же минуту Меринос нанес ему ужасный удар.

Раздался глухой крик. Китаец упал ничком и замер безмолвно. Несколько секунд стояла трагическая тишина. Противник умер? Ранен? Притворился? Американец, сжимая рукоятку своего кинжала, поднял фонарь и осторожно подошел к распростертому Ли. Тонкая струйка крови стекала с его затылка; красные капли падали с черной косы.

Меринос нагнулся. На задней части черепа китайца он увидел маленькое отверстие, кинжал попал в мозжечок, и Ли умер мгновенно.

Молодой человек вздрогнул, но постарался овладеть собой и мысленно сказал:

«Я его убил, это правда... Но ведь я только защищался».

Глава VI

Что придумал Меринос. — Как можно воспользоваться фальшивой косой. — Нарушенная беседа. — Схватка. — Сломанный кинжал. — «Берегитесь!» — Бегство. — Помощник. — Тотор взволнован.

Меринос, оставшийся невредимым, но страшно встревоженный, спрашивал себя, что же теперь делать? Бежать! Но его, конечно, тотчас же узнают и отведут к Дану. А тогда — смерть, смерть немедленная и, вероятно, ужасная. Остаться в подзаемелье? Но как объяснить смерть китайца?

Меринос задумался и вдруг решился на смелый поступок. Он поспешно стащил с мертвого Ли мягкие сапоги из черного войлока с загнутыми носками и толстыми подошвами; потом снял его шапочку и принял-ся кинжалом перерезать черную косу.

Окончив это странное дело, он взвалил себе на плечи труп, не без труда поднял фонарь и медленно пошел к концу подзаемелья. Среди обвалившихся камней он отыскал приличное углубление в почве, положил в него тело и забросал его валунами, осколками скал и песком. Но это ему показалось недостаточным; тогда он водрузил сверху еще несколько глыб, которые только смог сдвинуть, образовав настоящий холм. Теперь убитого быстро найти не смогут.

Правда, на песке остались следы, но Меринос решил, что время сотрет их, кроме того, он не мог и минуты потратить на их уничтожение.

Задыхаясь, обливаясь потом, он вернулся к месту боя. Быстро-быстро Меринос надел сапоги, платье Ли; одной рукой он приложил к голове косу китайца, а другой надвинул до самых глаз китайскую шапочку. Прижатая ее краями коса не могла свалиться.

Так Меринос превратился в уроженца Поднебесной империи, правда, черты лица его были далеко не монгольские, но кто разглядит это ночью? Взяв фонарь, янки походил по подзаемелью, с раскачкой, как ходят китайцы, потом вышел из своей тюрьмы, закрыл за собой дверь и мелкими шажками побежал вперед. Было темно, на площадке перед пещерой за столом сидело человек десять. Они раскачивались в креслах-качалках, курили и шумно разговаривали.

О, проклятие! Перед ними стояли свечи в стеклянных трубках, от которых исходил яркий свет

Меринос содрогнулся. Предстояло пройти рядом с ними. Боже, что будет, если кто-нибудь повторит обычную глупую шутку — дернет китайца за косу? Что, если у них мелькнет подозрение? Ведь он, Меринос, выше Ли, шире его в плечах. В довершение ужаса кто-то пригласил его подойти, выпить стаканчик. Меринос отрицательно покачал головой.

— Как? Не хочешь? Болен ты, что ли?

— Оставь, он бежит курить свой опиум, — возразил другой собутыльник. — Каждый наслаждается по-своему.

О, ужасное мгновенье... Мериносу хотелось броситься со всех ног, хотелось провалиться сквозь землю, но он бежал по-прежнему мелкими шажками. Наконец-то американец вышел из освещенной полосы. Он так хорошо подражал китайцу, что никто не заподозрил обмана. Меринос глубоко вздохнул, потушил фонарь и пошел дальше. К несчастью, он никогда не видел вблизи эти строения и не знал ни их назначения, ни расположения. Куда идти?

Меринос ощупывал стены, крался, прислушиваясь, прячась при малейшем шорохе. Его нервы были натянуты до боли, почти до безумия; и вдруг он вдали услышал пение. Звучал высокий голос, который заканчивал куплет фантастическим тирольским припевом: «Ти-ла-ла! Ла-у! Ла-а-а!»

«Это Тотор», — подумал Меринос с бьющимся сердцем и побежал на голос; вскоре он остановился перед незнакомой мастерской. Подле станка, освещенного лампой с рефлектором, работал Тотор. Он бросил пение и стал насвистывать в такт движениям пилы, которая визжала и скрипела по металлическому бруску, рассыпая мелкую пыль.

Меринос пододвинулся к окну, прикрытому шторой, и прошептал:

— Тотор, Тотор, скорее впусти... это я.

Парижанин уронил пилку и вскрикнул:

— Это ты! Тише! Скорее! — Он открыл дверь и прибавил: — Какое счастье! Иди, прячься.

Меринос вошел. Свет лампы упал на фигуру янки, Тотор увидел его костюм и... захохотал. Это был нервный смех, смех перевозбуждения.

— Меринос, мой друг, как я счастлив... и какой ты смешной, — говорил Тотор, прижимая его к груди.

— Тотор... Тотор... Ах, если бы ты знал, — ответил

Меринос, — как я рад. Знаешь, я целый час искал тебя и уже начал отчаиваться.

— Ай, что это?

Тотор почувствовал, как что-то холодное упало на его руку, нагнулся и захохотал еще сильнее.

— Привязанная коса. Откуда ты ее достал?

— Я убил и похоронил Ли, — ответил янки.

— Ага, значит, действительно придется действовать.

— О, да, это ужасно...

— Ну, мы уже многое видели с тех пор, как покинули палубу «Каледонца».

— То были цветочки, Тотор, — возразил янки.

— Теперь, — ответил Тотор, — из предосторожности потушим огни и поговорим шепотом.

И он задул лампу. Тотор и Меринос сдружились несколько шагов; вдруг слух американца уловил храп.

— Мы не одни? — прошептал он, останавливаясь.

— Ничего, — ответил парижанин, — это Бо, он спит. Знаешь, тот черномазый, которого я угостил ударом в желудок. Я приручил его. Потом расскажу все... Он предан мне как собака. Но довольно. Скажи же, почему ты убил китайца?

Меринос поведал все, что с ним произошло, но едва он дошел до рассказа о тайных Дана, как раздался страшный собачий лай.

Бо проснулся и зашевелился на своем ложе из сухой травы. Меринос инстинктивно обнажил кинжал, а Тотор кинулся искать наточенный трехгранный напильник, который он припрятал на случай отчаянной схватки, но он его не нашел...

— Беда! За тобой послали собаку. Мы попались.

Дверь отворилась. Яркий свет залил мастерскую. Показался человек. Одной рукой он держал на привязи чудовищно крупного дога, другой — смоляной пылающий факел.

— Тише, Цезарь, тише, — говорил он, изо всех сил сдерживая собаку, и, оглянувшись назад, прибавил: — Вот видите, «господин», он в наших руках.

Тотор и Меринос увидели «господина», тоже с факелом. Его лицо сияло сатанинской злобой.

Дан тоже разглядел их.

— Что это? — крикнул он. — Вы смаете противиться мне, вы, букашки, которых я раздавлю одним пальцем? Идите за мной и без фокусов. Не то собака разорвет вас.

— Нет, я не двинусь с места,— ответил Меринос, охваченный страшным бешенством и с пеной на губах.

— Как хочешь,— сказал глава лесовиков.— Боб, спусти-ка Цезаря. Пиль, Цезарь, вперед, вперед!

Дог, настоящий лютый зверь, уже почуял белых. Он кинулся вперед, с разинутой страшной пастью. Тотор нырнул в темноту и с невероятной быстротой появился снова. В его руке была большая фаянсовая чашка, полная желтоватой жидкости. Парижанин выплеснул ее на голову собаке.

В чашке было около двух литров очень крепкой соляной кислоты, которую Тотор употреблял во время работы. Обожженная собака корчилась в ужасных муках. Боб пытался вытянуть револьвер из-за пояса, но не успел. Парижанин бросился на него.

— Бац! — крикнул Тотор и ударил врага головой в желудок; Боб раскинул руки и упал без чувств. Тотор схватил выпавший из его рук факел и крикнул:

— Полишинель-сломался! Нитки порвались!

Во время этой борьбы Меринос тоже не бездействовал, он выбрал предводителя лесовиков, который, несмотря на свою храбрость, остолбенел. Геройская защита молодых людей совсем ошеломила его.

Он колебался.

Меринос бросился на Дана, занес кинжал и ударил его в область сердца.

— А, ты хотел разорить и замучить моего отца! — закричал он.

Дан пошатнулся. Меринос думал, что он пробил ему грудь... Увы, кинжал сломался, точно соприкоснувшись с гранитом.

— Глупец,— крикнул лесовик,— разве ты не знаешь, что Король Ночи неуязвим?

— Но он не может быть несгораем? — ответил Тотор и прижал смоляной факел к лицу темного колосса.

Борода Дана загорелась, кожа сморщилась. Он закричал от боли и бешенства и попятился, закрывая обожженное лицо руками. На мгновение ему стало страшно, что он ослеп, но, опустив руки, Дан убедился, что веки инстинктивно закрылись и защитили глаза. Зрение уцелело.

— Ого, мой лакей Меринос — сын Шерстяного Короля? — в новом припадке злобы закричал он.— А! Не следует так много болтать. Ты будешь моим заложником. Ты стоишь миллиарды... И на эту приман-

ку попадется твой отец. — И с дьявольским смехом он скрылся в темноте.

— Проклятие, — крикнул Меринос. — А ведь я ударил его изо всех сил!

— Оставь его для следующего раза, — хладнокровно заметил Тотор.

— Что же делать теперь? — спросил Меринос, сжимая кулак.

— Бежать.

— Без оружия?

— Вот он снабдит нас ножом и револьвером, — сказал Тотор.

Он наклонился к Бобу и вынул у него из-за пояса нож и револьвер.

— Бери нож, я возьму револьвер, и — ходу! — спокойно сказал француз.

Вождь лесовиков скрылся в темноте. Он звал к себе на помощь людей, обещал большие деньги тому, кто поймает его белого слугу и механика.

Молодые люди бежали быстрым спортивным шагом и скоро были на автомобильном треке. Приблизительно через пять минут за ними раздались шаги.

— Кто это? — спросил Тотор. — Стоп!

Он остановился и зарядил револьвер. В ту же минуту перед ним выросла черная фигура, и раздался своеобразный свист, напоминавший пение ночной птицы. Изумленный и восхищенный Тотор узнал знакомый сигнал — чудесное подражание трелям «мальми», австралийского соловья с лазоревым и пурпурным оперением.

— Это Бо, мой славный Бо! — сказал он голосом, дрожащим от волнения. — Он не бросил меня!

Тотор не ошибся. Австралиец ничего не ответил парижанину, но в темноте отыскал руку француза и прижал ее к своей атлетической груди. И это простое движение было красноречивее всяких слов.

Какое странное превращение свершилось с ним? Какие воспоминания давно погибшего прошлого толкнули его к этим двум белым беглецам? Тотор почувствовал, что в Татамбо говорит не только благодарность за подаренные ему виски. И, действительно, на несчастного больше всего, сильнее всего повлияли веселость и кротость Тотора, а главное, его бесконечная доброта.

И теперь чудо довершилось. Он окончательно решил бросить своего «господина»-разбойника.

Тотор взял его черную лапу, вложил ее в руку Мериноса и сказал дрожащим голосом:

— Бо, я люблю этого белого как брата. И ты полюбишь его? Да?

Австралиец проворчал что-то с довольным видом, а Меринос проговорил с чувством достоинства:

— У меня были страшные предубеждения относительно людей твоей расы, Бо, но теперь я сторицей отплачу за прежние заблуждения.

Глава VII

Бегство.— Как обмануть собак.— Сон.— Выше Июльской колонны.— Кхамин.— Как взбираются на семидесятипятиметровое дерево.— Двойная ноша.— Головокружение.— Спасены!

И все трое бросились прочь и выиграли около часа. Но скоро должны были появиться преследователи.

Тотор не обманывал себя ложными надеждами. Он знал, что долину разбойников окружали отвесные горы, на которые не могли бы вскарабкаться ни белка, ни обезьяна.

Вдвоем молодые люди неминуемо погибли бы, но с ними был австралиец, и «господин» не мог предположить, что Бо изменил ему.

Бо, знавший в окрестностях каждое дерево, каждую скалу, источник, зыбучие пески, изумительно ловко руководил беглецами. Он скоро убедил их сойти с круговой дороги, сам же то забежал вперед, то возвращался, чтобы сбить с толку собак-ищеек, лай которых уже слышался вдали.

Так прошло часа два. Они бежали, не обмениваясь ни словом. Наконец, Бо слегка свистнул, измученные молодые люди задыхались, пот покрывал их лица, и они охотно остановились.

Беглецы были в роще, где росли деревья с широкими, гладкими, мясистыми листьями. Бо нарвал их целую охапку и сочной мякотью с силой натер ноги Тотора.

— Понимаю,— сказал француз голосом тихим, как вздох.— Ты хочешь помешать псам учуять нас?

— Да,— ответил австралиец.

— Как? — спросил Меринос.— Он говорит по-французски?

— Точно по книге,— ответил Тотор,— а по-латыни, как покойный Цицерон.

— Невероятно!

— Т-с,— шепнул Бо.

Все трое натерли себя листьями, из которых сочился липкий сок со странным запахом, и это заставило неисправимо болтливого Тотора сказать:

— Пахнет хлебом, вынутым из печки.

— Т-с,— опять прошептал австралиец.

Бо повел своих друзей через чащу, тихо посмеиваясь при мысли, что собаки скоро потеряют их следы и тогда беглецы отдохнут. А это было необходимо! Измученный усталостью и голодом Меринос держался на ногах только силой воли. Его шатало при каждом шаге, и он давно бы упал, если бы Тотор не поддерживал его, хотя и сам сильно устал.

Раздвигая руками ветки, Бо молча расчищал путь. Молодые белые шли за чернокожим, прислушиваясь к отдаленному лаю собак.

Было около двух часов утра. Стояла чудная теплая ночь. Они вышли на незнакомую равнину. Почва здесь была каменистой. Наконец, беглецы увидели исполинские деревья. При свете звезд можно было различить их чудовищные стволы, настоящие башни, над которыми раскинулась листва.

Бо засвистел, Тотор понял и тихо сказал:

— Да, остановимся, мы на краю света. Можно всхрапнуть, брат.

— Спите,— ответил австралиец.

Молодые люди бросились к подножию громадного дерева и заснули непрошибаемым сном. Неустойчивый Бо уселся подле них, прислушиваясь и наблюдая.

Лай прекратился, собаки потеряли след беглецов, раздавались только обычные ночные звуки. Бо дал молодым людям поспать часа три. Вот пробудились попугаи, и горизонт слегка посветлел. Ночь подходила к концу. Австралиец принялся будить своих спутников, но им не хотелось просыпаться. Он резко потряс их и при свете еще далекой зари показал Тотору на самое высокое, толстое дерево. Тотор пришел в себя, но Меринос ничего не видел, ничего не слышал. Парижанин понял выразительное движение руки Бо и спросил:

— Ты хочешь сказать, что нужно подняться на дерево?

— Да, да!

— Да не сошел ли ты с ума? — заметил француз. — Посмотри, твое дерево имеет около семидесяти

пяти метров высоты; оно страшно толстое, а его ветви начинаются на расстоянии пятидесяти метров от земли... И кора у него гладкая, как кожа тыквы!

Австралиец пожал плечами, точно говоря:

— Это неважно.

Он огляделся, потом в несколько прыжков очутился подле заросли из тонких, похожих на бамбук растений с синеватыми листьями. Их стебли достигали десяти, пятнадцати и более метров и грациозно склонялись под своими метелками. Немного знакомый с ботаникой парижанин узнал в этом растении так называемый индейский тростник.

Его стебель, толщиной в мизинец, бывает так же прочен, как стальной проволочный кабель, его тонкие волокна не рвутся.

Бо выбрал один из тростников высотой, по крайней мере, метров в двенадцать, наклонил его и своими волчьими зубами надкусил сперва с одной стороны, потом с другой, стал крутить, наконец, сильно дернул. Странное дело: прочный стебель лопнул как нитка. Бо торопливо сделал узел на одном из его концов и бегом вернулся к Тотору. Тут он натер руки и ноги пылью, чтобы они не скользили, и остановился у подножия дерева-исполина. Левой рукой он схватил узел и вращательным движением направил тонкий и гибкий стебель вокруг чудовищного ствола; растение послушно обвилось, и Бо невероятно ловко схватил его на лету правой рукой. После этого австралиец спиралью закрутил гибкий стебель на предплечье и сжал его пальцами.

Итак, теперь дерево было обвито, как ручка корзины. Бо уперся одной ногой в кору дерева и откинул назад корпус, потом вскинул тростник вверх — он передвинулся приблизительно на сорок сантиметров. В то же время негр поставил вторую ногу на ствол. Он был на дереве и держался, откинув корпус; опорой ему служил стебель тростника, обвивавший дерево.

Так, напрягая все мышцы, откидываясь назад, он с силой и ловкостью обезьяны поднимался вверх. Его ступни работали поочередно; его сведенные руки заставляли передвигаться гибкий стебель тростника.

Необыкновенно быстро он двигался вверх. Вот Бо на высоте десяти... двенадцати метров от земли. Вдруг он остановился и с ловкостью обезьяны начал спуск. Поднимался он минуту, спустился же секунд за десять и не запыхался, даже ни капли пота не выступило

у него на лбу. Сойдя на землю, Бо взглянул на Тотора, точно спрашивая его: «Ты понял?»

— Да,— ответил парижанин,— я понял, но знаю, что не все могут управлять этой штукой. А, кстати, как называется она?

— Кхамин.

— Папа рассказывал мне об этом орудии,— сказал Тотор,— но, несмотря на данный тобою урок, я поднимусь в лучшем случае на тридцать сантиметров, никак не больше. Не обижайся, но для таких фокусов нужно быть немножко обезьяной и иметь мускулы бизона.

Австралиец улыбнулся и заметил:

— Болтун, попугай!

— Я хотел бы попасть к попугаям,— сказал француз.

— Пойдем, я доставлю тебя к ним,— предложил Бо.

— А Меринос?

— После тебя... Но скорее...

И Бо схватил парижанина под обе руки и прижал к своей груди. Тотор инстинктивно соединил пальцы за его затылком.

— Держись,— шепнул ему австралиец.

Кхамин лежал в виде полукруга у подножия исполинского дерева. Бо поступил с ним, как и в первый раз, набрал в легкие воздуха и двинулся вверх.

Меринос спал.

Экономя силы, сдерживая дыхание, Бо поднимался с изумительной быстротой. Тотор через его плечо видел отдалявшуюся землю. Он не шевелился, чтобы не мешать чернокожему, и не произносил ни слова. Черный атлет все лез и лез, но дыхание его ускорилось, и Тотор почувствовал страшные толчки его сердца.

Минуты ползли, Тотор перестал видеть землю, а вершина дерева-гиганта стала вырисовываться яснее. Сотни попугаев подняли неистовый крик.

Вдруг что-то слегка ударило Тотора по голове. Он поднял глаза и увидел громадную горизонтальную ветку, с облегчением вздохнул и сказал:

— Прибыли. Я восхищаюсь тобой, Бо, и от всего сердца благодарю тебя.

Чернокожий, с глазами, налившимися кровью, весь покрытый потом, постарался улыбнуться. Осматриваясь, Тотор заметил, что там, где крупные ветви прикреплялись к стволу, кора была морщиниста, неровна.

Он разжал руки, выпрямился и стал карабкаться самостоятельно. Вскоре он был внутри древесной кроны, которая имела форму горизонтальной площадки шириной почти в десять метров.

Между тем Бо быстро спустился к продолжавшему спать Мериносу и стал будить его.

— Что? А? Где Тотор? — спросил наконец проснувшийся американец.

— Т-с, — сказал Бо. — Тише, пойдем.

— Куда?

— На дерево.

— Что за вздор! Где мой друг? Я хочу видеть Тотора.

— Так поднимись сюда, — слышался далекий голос француза, который лежал на одной из основных ветвей и смотрел вниз.

— У тебя бывают головокружения? — продолжал парижанин.

— Страшные, — ответил Меринос.

— Жаль, — сказал Тотор. — Ну, ничего, схватись за шею Бо и закрой глаза. Скорее, Мериносик... Я вижу верховых, слышу вой собак. Вперед, Бо, старина!

Еще плохо очнувшийся от сна Меринос повиновался. Австралиец снова начал свое невероятное восхождение. Тотор молча с тревогой следил за каждым шагом Бо, который, предчувствуя опасность, не останавливался даже, чтобы перевести дух.

Тотор замирал от страха от невыразимого ужаса. Скоро до него донеслось тяжелое дыхание Бо, и он увидел смертельно бледное лицо Мериноса.

— Помоги... Тотор, — простонал американец, — я умираю...

Тотор заметил, что Бо держит зубами куртку Мериноса, сшитую из толстой бумажной материи. Несчастный молодой человек, обессиленный головокружением, разжал руки... Только железные челюсти бывшего людоеда удержали его.

— Боже, он упадет, — прошептал Тотор.

И, подвергаясь смертельной опасности, он наклонился над бездной. Тотор одной рукой ухватился за ветку, другой сжал ворот друга. Бо освободился и тяжело вздохнул, а Тотор, искусный гимнаст, приподнял янки. Ноги Мериноса уперлись в спину чернокожего. Тотор, сделав последнее страшное усилие, вытащил друга и положил его на разветвления сучьев.

— Гоп! Готово,— сказал Тотор, посиневшими губами.

— О, спасен,— пробормотал Меринос.

— Молчи, не двигайся,— шепнул ему француз.

В ту же минуту Бо ловко навернул кхамин на верхнюю часть своей ноги и одним прыжком очутился среди спасенных им молодых людей.

Глава VIII

Тотор счастлив.— Сколько попугаев! — Охота на человека.— Перед подвижной стеной.— Туземец.— Скот для убоя.— Людоед.— Падение кхамина.— Кто? — Дело осложняется еще больше.

— Вот мы и на дереве, да еще на каком! — проговорил Тотор.

— Но мне-то нечем гордиться,— ответил Меринос,— а ты? Ты, кажется, доволен, Тотор?

— Как куропатка или как кит... Существа, которые мне почему-то представляются двумя полюсами счастья.

— Ты живой парадокс,— заметил янки.

— Ну, ты мне льстишь. Здесь есть только один парадокс — утконос, пушистый четвероногий зверек, который кладет яйца.

— Прошу извинения,— заметил американец,— но не я назвал тебя утконосом, свидетель этому Бо.

Австралиец, сидевший на корточках, засмеялся и сделал отрицательное движение.

— Я говорю только,— продолжал янки,— что мы голодны, хотим пить, устали, что нас преследуют,— словом, что наше положение отчаянное. Ты слышишь крики, выстрелы? Вспомни, что мы в осаде, что нам грозит голодная смерть.

— Ничего,— ответил Тотор.— Мы съедим Бо, но прежде задушим парочку-другую попугаев. Они пойдут на закуску.

Меринос не выдержал и засмеялся.

Действительно, вокруг сновали тысячи разноцветных попугаев разных видов: большие, маленькие, синие, зеленые; все они двигались, кричали, качались на ветвях, ползали, перелетали с места на место и восхищали молодого парижанина, который восторженно любовался ими.

Между тем Бо и Меринос прислушивались к шуму преследования. Шло человек шестьдесят с собаками—

ищейками. Преследователи вытянулись в линию и обыскивали всю долину. Это была движущаяся стена, вернее, сеть, которая захватывала по пути все живое. Спасаясь от нее, уже давно мимо проносились целые стаи напуганных кенгуру и исполинских, и мелких; с ними мчались и потору, насторожив уши, с испуганными глазами. Опоссумы — эти ночные зверьки, висевшие на хвостах, как люстры, странно озирались. Крупные птицы эму с синими головами и красными ошейниками, сильные, как страусы, бежали со всех ног. Громко хлопая крыльями, пролетали громадные стаи зеленых голубей. Попадались и люди-беглецы, жалкие дикари-туземцы. Вовлеченные в общий ужас, они бежали вперемешку с животными, точно желая ускользнуть от какой-то ужасной опасности.

Цепь охотников подошла к лесу.

Вдруг к тому гигантскому гумми, на котором спасались Бо и два друга, подбежали трое туземцев: две женщины и мужчина, сложенный, как Геркулес. В ту же минуту показался глава лесовиков и выстрелами из револьвера уложил дикаря на месте, потом соскочил на землю и страшным ударом ножа перерезал ему горло.

— Выпотрошить и набить листьями, — приказал он одному из своих белых спутников.

Тотор, полный ужаса, не мог не шепнуть на ухо Бо:

— Зачем все это? Что он хочет делать?

— Съесть его, — шепотом же и опуская глаза ответил австралиец.

— О, злодей... Это чудовище, которое говорит на многих языках и окружено роскошью, — людоед, — в ужасе прошептал француз.

— Да... им владеет отвратительная, чудовищная страсть, но ее трудно искоренить... — ответил Бо. — Каждую неделю убивают одного человека.

— Значит, все эти несчастные чернокожие, жившие в долине, — скот для убоя? Ах, — простонал Меринос. — И я подавал эти ужасные кушанья, — произнес он и невольно отодвинулся назад.

За ним висел перекинутый через ветку кхамин. Меринос задел за него... Стебель тростника соскользнул вниз и ударился о белую каску главы лесовиков.

— Что это? — вскрикнул он, еще не понимая. — С неба свалился кхамин? Мои пленники взобрались на дерево, чтобы не сделаться кушаньем?

Он искренне верил, что черные влезли на дерево, осмотрел крону гумми и прибавил:

— Что-то, или вернее кто-то, прячется в листве, и я скоро узнаю, кто именно.

Пристально всматриваясь в массу листвы, он смутно заметил что-то белое, вероятно блузу или панталоны Ли, надетые Мериносом. Не веря собственным глазам, злодей крикнул:

— Это безумие, это невероятно, а между тем это так и есть... Тот, кто прячется в листве, одет, как Ли... или как мой белый лакей, сын Шерстяного Короля.

В ту же минуту его глотка исторгла призывный клич австралийских чернокожих:

— Ку-у! И-и-и!

Верховые и пешеходы устремились к нему со всех сторон. Лошади ржали. Люди перекидывались репликами.

— Молчать! — крикнул глава лесовиков. — Смотрите туда! Сто долларов тому, кто что-нибудь увидит.

Началась суета вокруг дерева, но все старания не приводили ни к чему. Двух женщин, оставшихся после убийства черного дикаря, прогнали, а волноваться стали еще больше прежнего.

Главный лесовик сердился. Наконец кто-то разглядел черную шевельнувшуюся в листьях фигуру и прицелился в нее, но Дан в бешенстве закричал:

— Первый, кто выстрелит, будет повешен за ноги.

— Что же, «господин», прикажешь делать? — спросил его верный Джим.

— Сбегать домой, принести мой бинокль и придумать возможность подняться на дерево. Тысяча долларов тому, кто найдет такой способ.

— «Господин», — ответил Джим. — Через два часа у вас будет бинокль, и я скажу вам, как подняться на дерево!..

Глава IX

Незаурядная лестница.— Медленный, но верный подъем.— Недалеко от цели.— Ночь.— Две куртки.— На ветке.— Отчаянное бегство.— Автомобиль.— Убитые часовые.— Тайный проход.— Скорее, скорее!

Прошли два часа, три... Долго и нетерпеливо ждал своего верного слугу «господин»; наконец Джим возвратился, он привез с собой бинокль для главы лесовиков, а для себя — железные клинья с заостренными концами и нечто вроде маленькой малярной стремянки. Пока Дан безрезультатно рассматривал вершину дерева в бинокль, Джим работал: вбив клин, он вешал на него стремянку, садился на нее и начинал вколачивать следующий. Потом стремянка поднималась еще на один клин, и он, пересев на нее, снова принимался за работу. Дело подвигалось верно, но медленно: однако наступившая ночь заставила остановиться. С рассветом же его молоток застучал снова. Лестница все удлинялась.

— Я достиг веток... Я вижу их! — воскликнул он наконец, и Дан затрепетал от удовольствия. Но минуты через две раздалось злобное восклицание Джима, и к ногам главы лесовиков упали две куклы-куртки, набитые листьями... В то же мгновение со стороны жилищ лесных бродяг прозвучали три взрыва.

— Наш сигнал! Тревога! — крикнул «господин».

А на дереве произошло вот что. С невероятным ужасом молодые люди слышали звуки молотка и понимали, что на них надвигается гибель, но Бо успокаивал их.

— Друзья, ночь остановит их, — говорил он. — Только набейте листьями куртки да посадите их на ветки.

Это было исполнено быстро. А ночью Бо осторожно пополз по горизонтальной ветке, которая подходила к самому выступу соседней скалы.

— Это мост, — шепнул он молодым людям и после долгого ужасного продвижения над бездной соскочил на камень, покрытый толстым слоем перегноя из ежегодно опадающих листьев. Спрыгнув, Бо приказал Тотору спустить на землю совершенно обессиленного Мериноса и соскользнуть самому. Тотор послушался и осыпал ласками и словами благодарности черного друга, потом без сил опустился рядом с мгновенно заснувшим Мериносом и тоже задремал.

Часа в четыре утра Бо прервал их трехчасовой сон и, запретив разговаривать и шуметь, двинулся вперед. После долгого перехода трое друзей очутились на автомобильном манеже.

— Передохнем? — предложил Тотор.

— Хорошо, — согласился Бо и, остановившись, огляделся, прислушался, сильно втянул воздух ноздрями и сказал:

— Они еще там, перед гумми... У нас есть часа три времени. — Скажи, Тотор, автомобиль действует?

— Да, — ответил парижанин.

Вскоре три беглеца остановились перед автомобильным ангаром.

— Подождите здесь, — сказал Бо.

Чернокожий убежал, но через мгновение вернулся, нагруженный, как мул, вещами, которые увязал в узел из одеяла. Меринос и Тотор уже сидели в автомобиле. Бо бросил к их ногам свою ношу и сказал:

— Пускай, Тотор, машину и — за мной.

Мотор заработал, автомобиль двинулся за Бо, бежавшим спортивным шагом. Приехали к темному своду, который кто-то сторожил. Бо исчез в темноте. Вдруг раздался глухой удар, за ним — второй; молодые люди услышали стон, и камень, закрывавший противоположный конец сводчатой галереи, зашелестел и переместился.

— Понял! — сказал Меринос. — Это подвижная скала, тайный проход. О, молодчина Бо!

Хлынул поток света. Перед машиной открылось бесконечное пространство — песчаная пустыня. На земле же остались лежать смертельно раненные сторожа. К автомобилю подбежал Бо с лицом, обсыпанным мукой, смешной и ужасный, со следами крови на руках. Одним прыжком очутился он позади Тотора и Мериноса и крикнул:

— Скорее, скорее, полный ход!

Машина понеслась. Тотор, сжимая рукой руль, крикнул:

— Скорее, скорее, и да здравствует наш Бо!

Часть третья

Глава I

Бегство в автомобиле.— Две фуражки и две пары сапог.— Окорок.— Жажда.— Без воды.— Деревья.— Уничтожение овец.— Отравленный ключ.— «Л».

Раздались три взрыва, грохот которых смутно напомнил раскаты грома. Меринос и Тотор пригнулись, ожидая жужжания снарядов.

— Что это... Бо?.. В нас стреляли? — спросил Тотор.

— Нет, это сигнал, — ответил австралиец. — Тревога!

Машина быстро летела по пустыне, и молодых людей, особенно Мериноса, опьяняла скорость. Однако вскоре янки запросил есть. Тотор тоже вспомнил, что очень голоден. Машину остановили и занялись вещами, которые Бо захватил с собой. Там оказались сапоги, две фетровые шляпы и громадный окорок. Молодые люди тотчас же водрузили на головы широкополые шляпы, надели сапоги, потом Тотор, размахивая окороком как булавой, сказал:

— Поблагодарим еще раз черного ангела Бо и закусим.

И, за неимением ножа, пилкой для металла он отпилил от окорока три громадных куска, которые скоро были уничтожены.

— Еще? — спросил Тотор.

— Нет, — ответил Меринос. — И знаешь, этот сырой окорок солонее океана. Я охотно попил бы воды.

— Это легко сделать. У нас, вероятно, есть несколько фляг для охладительного насоса, — заметил Тотор.

Он нагнулся к одному из автомобильных ящиков и начал браниться:

— Тысяча молний! Ни капли. Я налил достаточно бензина, но, зная, что резервуар полон воды, не подумал о запасных бутылках.

— Что же делать? — спросил Меринос.

— Напиться из насоса.

— Пить горячую воду... с маслом... с сажей?..

— Ты, может быть, желаешь пель-эля... — начал Тотор.

— Или просто горшок молока.

— На следующий раз захватим корову.

— Ах, палач! Ты смеешься надо мной,— сказал Меринос.

— А между тем, мне ничуть не лучше тебя,— заметил Тотор.— Однако — в путь!

И они двинулись.

— Кстати,— спросил Меринос,— куда мы едем?

— На восток.

— Друг Тотор,— продолжал янки,— ты знаешь многое, в том числе географию; скажи, эта проклятая пустыня тянется далеко?

— Ужасно, на сотни километров!

— Но у нас достаточно бензина?

— Около четырехсот фунтов в двух боковых резервуарах.

— Bravo! Значит, можем пересечь половину Австралии,— заметил Меринос.

— Не радуйся,— остановил его Тотор.— Авто уничтожает много бензина; на каждый километр он требует по литру, машина доставит нас за сто лье отсюда. Конечно, это кое-что, и нам необыкновенно повезет, если на этом пространстве нам удастся еще и возобновить запас бензина; тут есть дома скваттеров, а их жилища — настоящие склады, в которых можно найти все.

— Да, но где эти жилища? — сказал Меринос.— Ты знаешь, Бо? Ты как туземец должен знать местность.

— Нет, я из Южного Валлиса, и никогда не выходил из дома «господина».

В это время Тотор, глядя на землю, заметил:

— Посмотрите-ка на песок. Что вы видите?

— Ничего,— ответил Меринос.— Мы едем слишком быстро.

— А ты, Бо?

— Я вижу отпечатки лошадиных копыт.

— Ба,— презрительно заметил Меринос.— Овсяные моторы! Очень они нам нужны!

— Шерстяной дофин,— обратился к нему Тотор.— Смотри, не назвали бы тебя еще Принцем Идиотов.

— Спасибо! Но за что? — спросил янки.

— Да ведь следы копыт указывают, что эта дорога гонцов «господина» и в конце ее всадники, конечно, приезжают куда-нибудь, где есть деревья, вода.

— Ты прав! — сказал Меринос.— Но скорее, я умираю от жажды.

Тотор нажал на рычаг, и автомобиль помчался словно вихрь. Надвинув на глаза шляпу, Тотор думал только о дороге. С налитым кровью лицом, Меринос роптал, облизывая языком растрескавшиеся губы. Бо, не спускавший глаз с горизонта, вдруг крикнул:

— Деревья!

— Вода, вода!.. Скорее, Тотор,— шепнул Меринос.

— Да... я тоже умираю от жажды.

Общий вид пустыни изменился. Кое-где стали попадаться участки плодородной земли. Большие эвкалипты, казалось, бежали навстречу автомобилю. Мелькнули остатки построек, и в воздухе повеяло характерным запахом гари, который вскоре вытеснило злобное тления.

— Что это значит? — спросил встревоженный Меринос.

— Не все ли нам равно! — ответил Тотор. — Деревья указывают, что вода близко. О, я хочу пить... пить...

До зелени оставалось еще метров двести. Наконец парижанин уменьшил ход машины, затормозил, и они остановились.

Молодые люди и их черный друг быстро соскочили на землю и в изумлении переглянулись. Их путь преграждали три лошадиных туши, над которыми вились рои мух. Животные, вероятно, пали внезапно. Кругом отпечатались следы ног в обуви со шпорами. Справа чернели остовы сараев, погибших в огне.

— Воды, воды,— задыхаясь, стонали Меринос и Тотор, не способные думать ни о чем другом. Спотыкаясь, в хаосе разрушения они искали источник.

Запах тления усилился. Тем не менее молодые беглецы смело шли вперед, отыскивая среди низких кустов водопойную яму, но вдруг они вскрикнули от ужаса: на сколько хватало глаз, земля была усеяна трупами овец, разлагавшихся под лучами жгучего солнца. Молодые люди бросились прочь и в сотне шагов от себя заметили листья водяных растений.

— Там... там источник! — воскликнули они, но тотчас же закричали от ярости и отчаяния: в воде, за которую они отдали бы свою кровь, плавали трупы овец...

И, чтобы все знали причину жестокости, на коре одной из казуарин была вырезана буква «Л» и звезда с пятью лучами.

Глава II

Муки жажды. — Бедный Меринос! — Спящий часовой. — Нападение.

Дольше оставаться на уничтоженной ферме не стоило.

— Ничего, — с печалью сказал Тотор, — ровным счетом ничего... Ни капли воды! Да, иногда жизнь становится тяжелой штукой.

— Едем, едем, — кричал Меринос.

— Да, — ответил Тотор, — это самое лучшее!

Три друга сели в автомобиль, повернули назад к тому месту, где кончались бесплодные пески, и поехали куда глаза глядят по зеленой равнине.

Покрывавшая низменность невысокая прямая трава походила на ковер; автомобиль без труда катился по ней. Трупы баранов исчезли. Трава стала выше, зеленее. Но теперь она на каждом шагу мешала продвижению автомобиля. Зной сделался невыносимым. Ни тени, ни ветерка. Тотор и Меринос задыхались. Их лица посинели, губы запеклись. Наконец, американец сказал:

— Остановимся, выйдем из автомобиля, разойдемся в разные стороны, поищем по кустам. Будет удивительно, если мы ничего не найдем.

— Хорошо, — ответил Тотор.

— Главное — осторожность. Не пейте без меня, — прибавил Бо.

Прошло около пяти минут... Все было тихо, но вот раздался нечеловеческий вопль, в котором звучали и мука, и жадность, и восторг. Это кричал Меринос.

— Сюда, Тотор! Вода! Бо, скорее! О, вода! Бегите, — повторял он.

Парижанин поспешил к приятелю, за ним кинулся Бо.

— погоди, не пей! Берегись! — кричал он.

Ответа не было. В несколько исполинских прыжков чернокожий очутился подле Мериноса. Янки лежал ничком на краю водопойного колодца и с жадностью пил; Бо схватил его за ноги и отбросил, говоря:

— Не пей ты!.. Дай попробовать.

Меринос бешено отбивался с криком:

— Оставь, мошенник... злодей... не мешай мне пить!

Он царапался, колотил Бо кулаками. Подоспевший Тотор обхватил его руками, а Бо сказал:

— Держи его покрепче!

Австралиец встал на колени, зачерпнул горсточку воды, понюхал ее, коснулся губами и сказал печально:

— Я так и думал!

В ту же минуту он нырнул в бассейн. Но вскоре появился на поверхности воды со связкой раздавленных растений, которую выбросил на берег. Из обезображенных стволов сочилась сильно пахучая зеленоватая жидкость. Тотор, некоторое время изучавший ботанику, узнал несколько видов пасленовых растений. Ядовитые травы! И, замирая от страха, он спросил:

— Что это значит?

— Источник отравлен, — ответил чернокожий. — Видишь, друг, дно ямы устлано этими растениями, и на них насыпаны камни, чтобы они не всплыли.

— О, злодеи! Мой бедный Мериносик! Но ничего, не бойся, мы тебя спасем, — сказал Тотор.

Янки все понял, побледнел и, задрожав, спросил:

— Тотор, милый Тотор, что мне делать?

— Прежде всего очистить желудок.

И Тотор вместе с Бо подвел ослабевшего Мериноса к машине. Несчастный янки уже начал чувствовать, что его горло горит, что все плывет перед глазами.

— Тотор, я еле вижу солнце... Слабею...

Приподняв ему голову, Тотор открыл кран резервуара. Противная, тепловатая вода, смешанная с маслом и сажей, полилась в рот американцу... и подействовала лучше всякого лекарства.

— Как ты теперь себя чувствуешь? — спросил Тотор.

— Благодарю, гораздо лучше... — ответил Меринос. — Опять ты мне спас жизнь!

— Брось! Но что ты испытываешь?

— У меня по-прежнему в глазах туман, я слаб, дрожу, мне холодно, несмотря на жару... Вообще, мне еще нехорошо.

Тотору не понравился этот туман, и он, осмотрев глаза Мериноса, обнаружил, что его зрачки странно расширены. (Он не знал, что это признак отравления соком пасленовых растений.) Сначала Тотор думал продолжить поездку, но вдруг лежавший на траве Меринос начал бредить и судорожно биться. Нечего было и думать везти его в автомобиле. Тотор отнес друга в тень деревьев, стоявших поблизости. Между тем Бо вынул из автомобиля ружья и патроны.

— Понимаю,— сказал Тотор.— Кто знает, что случится!

Бо взял ружье и сказал:

— Пойду поищу какой-нибудь провизии.

— И воды?

— Ты очень страдаешь?

— Ужасно,— ответил парижанин.

Бо ушел и вернулся только через три часа. Зато он принес на плече длинные стебли с тонкими листьями. Тотор сразу узнал их.

— Вот удача,— сказал он.— Утром — ветчина, вечером — сласти. Но как же ты их срезал без ножа?

Бо показал свои людоедские зубы.

— Обгрыз у корней,— прибавил он.

— Ого! Тебе может позавидовать акула! — сказал Тотор.

— Тебе этого хватит? — спросил чернокожий.

— Конечно. Я больше страдаю от жажды, чем от голода.

И парижанин принялся грызть и сосать сочный сахарный тростник. Утолив жажду, Тотор выбрал самые лучшие стебли и, сильно отжимая их, стал терпеливо вливать сладкую жидкость в рот больного Мериноса.

— Пей, зайчик,— говорил он.

— Еще, еще,— полусознательно просил больной.

Меринос постепенно успокоился, и Тотор с восторгом заметил, что на его теле выступила испарина. Скоро янки и вовсе пришел в себя. Но симптомы отравления полностью не исчезли: Меринос не мог выносить яркого солнечного света и самого легкого шума. Пришлось заночевать в пустыне.

На закате Меринос заснул, Тотор и Бо приготовили оружие, решив караулить по очереди.

Первым стал на часы Тотор. Легкий ветер освежал воздух. Тотор караулил, но время ползло для него долго. Он внимательно прислушивался к степным звукам, и это мало-помалу навело на него оцепенение. Чувствуя приступы сонливости, он до крови щипал себе руки, кусал язык... Все было напрасно. Тогда ему в голову пришла несчастная мысль — смотреть на звезды и считать их. Трепетание этих светил на темном небосводе окончательно загипнотизировало его. Он опустил на землю и заснул.

Внезапно, открыв глаза, он увидел в облаке дыма

фигуру Бо, проснувшегося в одно время с ним, в темноте что-то вспыхнуло, раздался выстрел.

— Боже, я спал! — вскрикнул Тотор и, вскочив, инстинктивно схватился за ружье.

На выстрел ответил странный клич: «Ку-у-у-и-и-и», и парижанину почудилось что-то черное, двигавшееся в черной же тьме. Это шли людоеды, союзники лесовиков.

— Тревога! — закричал Тотор и наудачу выстрелил. В ту же минуту раздался другой выстрел, и знакомый Тотору голос произнес:

— Ага, я уже с четверть часа слышу их и вижу, как днем. Бо, Тотор, не стреляйте!

Меринос открыл огонь.

Глава III

Подвиги видящего во тьме.— Бегство людоедов.— Короткая победа.— Ночь в автомобиле и без огня.— Меринос не видит.

— Они хотят нас съесть, — сказал Тотор. — Будем защищаться, и да здравствует Меринос.

Меринос держался героем. Тотору не верилось, что перед ним тот самый человек, который еще совсем недавно задыхался, стонал, боролся с действием яда. Спокойно, метко он выпускал выстрел за выстрелом. Два людоеда уже упали.

— Не двигайся, Тотор. Бо, дай мне твое ружье, — сказал янки. — Два выстрела! Двое убитых!

В темноте американец стрелял как днем. Он бросил свое ружье, взял винчестер Бо и прибавил:

— Заряди скорее!

Против воли превратившийся в зрителя Тотор смотрел, но ничего не видел.

— Поразительно, Меринос! Ты видишь, счастливец! Что это: верно, у тебя в голове две электрические лампочки? А я слеп, как крот.

Звуки выстрелов заглушили его голос. Винчестер выпустил восемь пуль подряд. И черная линия нападающих, бывших от них всего в каких-нибудь тридцати шагах, разорвалась. Послышались крики бешенства, жалобы, стоны. Потом все смолкло. Тотор передал другу свое заряженное ружье, прибавив:

— Ах, эти людоеды! Им подавай дичь из Нью-Йорка и Парижа! Как бы не так!

Несколько черных начали обходной маневр с целью напасть на троих друзей сзади. Американец засмеялся и сказал:

— Тотор, я дал бы пенни за то, чтобы ты смог их увидеть.

— А в чем дело?

— Около полдюжины дикарей ползут на четвереньках. Вот один поднялся с копьем. Он хочет бросить его в меня.

С молниеносной быстротой Меринос выстрелил, сказав:

— Опоздал, черномазый!

Дикарь, державший копье, свалился. Остальные замерли, ничего не понимая, и эта остановка стала для них роковой. Меринос выстрелил снова, и еще один людоед упал. Испуганные туземцы побросали копья и бросились со всех ног наутек. И раздался тот же крик: «Ку-у-у-и-и-и», но не лютый, а бояливый и негромкий.

Это было отступление, вернее бегство.

— Победа, победа! — крикнул Тотор. — Ах, Меринос, ты нас спас.

И нападение и защита длились не более пяти минут. Тотор взял друга за руку и, почувствовав, что она покрыта потом, сказал:

— Ты чистый феномен.

— Т-с, молчи, — сказал Меринос и прислушался. — Я так и думал, — сказал он.

— Что ты слышал?

— Топот копыт, людские крики, звяканье металла.

— Ты феномен, — повторил парижанин. — Ты видишь, когда другие слепы, слышишь, когда никто не улавливает ни звука.

— Я вижу их, — вскричал Меринос, — их человек двадцать. Они мчатся на выстрелы. Через десять минут они ударят по нам. Не будем терять времени... Возьмем оружие, припасы, одеяло и — в автомобиль!

Сказано — сделано. Меринос вскочил на переднее сиденье, занял место шофера, и машина тронулась. Отряд приближался. Слышались яростные крики.

— Стрелять! — прозвучал голос главы лесовиков. Всадникам пришлось остановиться на полном скаку, чтобы исполнить его приказание; к тому же, они видели не машину, а только неясное поблескивание металла.

Меринос же отлично различал все препятствия и увеличил скорость автомобиля.

Лесовики стреляли наугад, и трое беглецов слышали, как мимо них визжа проносились пули. Тотор прошептал:

— Только бы они не испортили нашу каталку.

Но все шло хорошо. Через несколько секунд автомобиль был уже далеко. Они неслись по долине, поросшей редкими чахлыми кустами. Меринос, отличный шофер, лавировал между ними с таким спокойствием, какого Тотор не ожидал от него, и расстояние между беглецами и преследователями все увеличивалось. К счастью, почва была благоприятна для этой фантастической гонки в полной темноте, без фонарей.

Сначала, думая только о бегстве, молодые люди молчали. Наконец, Тотор не выдержал и заговорил, глядя на мелькавшие мимо кусты.

— Какая скорость? — спросил он.

— Тридцать километров в час.

— Недурно, — произнес Тотор, — но скажи, дружище, я думаю, ты страшно устал?

— Нет, если бы не болезненное состояние, которое позволяет мне видеть в темноте, я чувствовал бы себя совершенно здоровым, — заметил американец. — Ах, что-то будет со мной при свете! — прибавил Меринос.

Вдруг он прервал сам себя и сказал:

— Ах! Синеватый свет, который я видел вместо темноты, уменьшается. Все темнеет. На горизонте — громадное темное пятно. Ах, я не могу смотреть, я мигаю, оно растет, я шурюсь...

— Но, — возразил Тотор, — это ярко-красная полоса. Это заря... Встает солнце.

— Заря — для меня ночь... я опять слепну, — сказал Меринос.

— Ну, это слишком странно, — заметил Тотор.

Пока два друга разговаривали, разгорелся тропический день, и американец уступил место шоферу Тотору.

— Хорошо, — согласился француз, — но я ровно ничего не понимаю. Что же с тобой происходит?

Между тем все объяснялось просто. Тот, кто знает устройство глаза, конечно, помнит о свойствах зрачка. У человека, принявшего белладонну, дурман, белену, сильно расширяется зрачок, и, так как в этом случае в глаз проникает слишком много света, глазной нерв раздражается, и больной перестает видеть днем, зато

ночью его глаз с необыкновенно расширенным зрачком получает и необыкновенное количество лучей и обеспечивает больному способность видеть в темноте. Так было и с Мериносом.

Глава IV

Восторг от утоления жажды. — Зеленая равнина. — Проклятое растение. — Опять пустыня. — Пожар. — Призыв к уничтожению. — Запах жаркого.

Автомобиль летел. Меринос дремал подле Тотора, надвинув шляпу на закрытые веки. Бо вглядывался вдаль. Ничего утешительного. Если бы показалась зелень, появилась бы надежда отыскать воду.

— Ах,— сказал Тотор,— мне хотелось бы оказаться рыбой в воде и перестать жариться в собственном соку.

И он прибавил ходу. Они неслись как вихрь в течение часа. Меринос начал стонать. Он до того обессилен, что Бо пришлось поддерживать его сзади.

У парижанина тоже временами кружилась голова, сердце замирало, в глазах темнело. Он едва заметил, что почва постепенно стала понижаться. Наконец перед ним появилась вода.

Лающим голосом он сказал:

— Вода... кажется. Но если я ошибся... умру.

Меринос услышал и застонал:

— Ты говоришь: вода! Во имя милосердия отведи меня к ней.

Тотор остановил машину на берегу довольно широкой реки.

Австралиец выскочил из автомобиля, приник к воде, попробовал ее и сказал:

— Не соленая, не бойтесь, пейте.

Тотор схватил Мериноса, поднял его, как ребенка, положил на прибрежный песок и сказал:

— Пей, но не торопись. Сначала намочи лицо, пополощи рот, чтобы не случились колики.

И, помня свои недавние муки, Меринос повиновался. Тотор же бросился ниц и пил с жадностью животного.

— Не особенно вкусно,— сказал он наконец.— Но тем не менее освежает.

Друзья пили и никак не могли напиться. Потом они

вошли в воду, купались и плескались в ней и даже намочили свое ужасно сухое платье, чтобы хоть на время спастись от солнечного зноя. Так продолжалось добрых двадцать минут. Бо и Мериносу хотелось отдохнуть еще, но более благоразумный Тотор решил, что надо ехать.

— Как? Уже? — с сожалением спросил американец.

— Нужно, — повторил Тотор. — Эта область абсолютно бесплодная, а у нас осталось только три четверти окорока, и наш бензин уменьшается ужасно быстро.

И они поехали, не замечая ничего, кроме песка. Однако вдруг желтую охру пустыни сменила зеленая долина. Тотор уменьшил ход машины. Сухие прямые стебли, усыпанные лиловыми цветочками, склонялись под шинами и образовывали ковер, по которому можно было ехать без особого труда. Тотор ликовал и болтал, как сорока, не замечая озабоченности Бо.

Долго катился автомобиль по этим жестким, липким растениям с длинными, тонкими, слегка зазубренными листочками и небольшими метелками из крошечных, не пахучих, как бы искусственных лиловых цветов.

— Да это опять пустыня, — сказал, наконец, парижанин, изумление которого все возрастало. — Зеленая пустыня после песчаной. Что за страна!

Автомобиль пролетал один километр за другим, а травянистая равнина оставалась неизменной.

— Неслыханная вещь! — вскрикнул Тотор. — Такое же отсутствие жизни, как среди песков. Посмотрим поближе.

Он остановил машину, сошел на землю, сорвал пучок растений, посмотрел и сказал:

— Что-то странное, мертвое!

Действительно, эти стебли, листья и колосья казались поразительно сухими!

— Скажи, что это за противное растение? — спросил он.

— Мои соплеменники называют его бур-бур и боятся больше чумы! Его научного названия я не знаю. Это сущий бич для пастбищ: бур-бур вытесняет и губит хорошие травы, — ответил Бо.

— Но его можно выжечь?

— Бур-бур снова быстро вырастает, — ответил Бо. — Он не боится ни огня, ни керосина, ни кислот...

Проголодавшиеся путники взялись за окорок, и То-

тор подъехал к реке. Утолив голод, друзья опять пустились в путь.

Между тем Меринос, все еще слепой, стал волноваться.

— Неужели бур-бур так и не окончится? Кажется, мы проехали около восьмидесяти километров,— говорил он.

— Да,— ответил Тотор,— и бензин быстро уменьшается. Не знаю, что...

Его прервал американец, неожиданно вскрикнув:

— Что это?.. Я вижу ясно, я могу открыть глаза! Какое счастье! Неужели я, наконец, поправился?

— Ах, а я вижу плохо,— заметил Тотор.

— Что это значит?

Они ехали на восток, и солнце давно светило им в спину; Тотор теперь заметил, что сильно стемнело. Их обволакивало что-то непрозрачное, серое. Тотор остановил автомобиль, все трое обернулись и увидели страшное зрелище: горизонт исчез; синий пейзаж, слившийся с серым небом, пропал. От травы поднимался черный дым, точно над вулканом, и как завеса заволакивал небо, солнце, наполняя все мраком. Время от времени над землей вспыхивало что-то пурпурное.

— Огонь! — воскликнул Меринос.

— Да, горит прерия,— объяснил Тотор,— и пожар продвигается к нам со скоростью пятьдесят километров в час.

— Но кто же мог поджечь ее? — спросил Меринос.

— Мои соплеменники,— серьезно ответил Бо.— Жестокость превратила скваттеров в союзников лесовиков.

— О, это ужасно!

— Да! «Господин» сказал им: делайте ночь. Они повинуются и вызывают красную ночь,— заметил Бо.— Остальные увидят — поймут; это их телеграф.

— Бррр! Неприятно быть перед таким телеграфным аппаратом,— проговорил Тотор.— Ну, бежим!

Автомобиль покатился быстрее прежнего. Вот, наконец, перед беглецами вдали засинели большие деревья. И вся почва стала меняться, появились кусты с длинными жесткими листьями красноватого оттенка.

— Что за страна! — заметил Тотор.— Позади остались серые травы, а перед нами растения с оловянными листиками.

— Тем не менее это очень хорошее растение,— отозвался Меринос.

— Счастливец, ты знаешь, что это такое? — спросил его Тотор.

— Да, понаслышке, — ответил американец. — Мне кажется, эти соленые кусты — мечта скваттера, земля обетованная для баранов. Верно, Бо?

— Да, — сказал австралиец.

— Ну, да потеряю я мое славное прозвище Шерстяного Дофина, если на этой равнине мы не натолкнемся на какую-нибудь образцовую ферму! — воскликнул Меринос.

— Ах, если бы так, — сказал Тотор. — Но огонь?

— Остановится здесь, — заметил Бо, — соленый куст не горит. — Отлично, едем!

Приблизительно через час они приблизились к большим деревьям и увидели хижину, грубо сколоченную из коры. Звонкое лошадиное ржание приветствовало их. Приятный запах жареного мяса пробудил их обоняние. Тотор облизнулся, сказав:

— Кажется, мы скоро съедем по кусочку жаркого!

Глава V

Мистер Патрик О'Бриен, пастух. — Гостеприимство. — Сообщник. — К пункту Вальтер Пуль. — Красная ночь. — Их принимают не за тех, кто они на самом деле. — Бегство. — Бензин кончился.

Две собаки стального серого цвета со стоячими ушами бросились к автомобилю с отрывистым лаем. В то же время послышался свист и голос с сильным ирландским акцентом:

— Сюда, Боб, сюда, Тоби!

Из дома вышел человек среднего роста, коренастый, с чрезмерно широкими плечами, живым взглядом и черными волосами. Заметив автомобиль, он с изумлением поднял руки, улыбнулся путешественникам и сказал им:

— Автомобиль здесь редкость. Добро пожаловать. Дом в вашем распоряжении, джентльмены. И я, и моя лошадь, и динго — все ваше, а также целый баран, который жарится на вертеле. Это так же верно, как то, что я — Патрик О'Бриен из Ирландии.

Путники вышли из машины. Тотор протянул руку хозяину дома и сказал:

— Благодарим вас, мистер О'Бриен за радушный прием. Позвольте мне представить вам моих друзей. Это — мистер Меринос, американский турист, это — ми-

стер Бо, австралийский джентльмен, я — мистер Тотор, французский путешественник.

Три друга пожали руку ирландцу, и Тотор прибавил:

— Вас, верно, не удивит, что мы умираем с голоду и, главное, от жажды.

— Да, да, мистер Тотор, от жажды всегда умирают, голод еще ничего, — заметил О'Бриен. — Милости прошу, — прибавил он и ввел их в хижину, в которой жарилась целая баранья туша.

— Пожалуйста, режьте мясо и не экономьте его.

— Но, представьте себе, мистер О'Бриен, — сказал Меринос, — проезжая через горящие луга, мы потеряли наши ножи.

— А вы ехали через бур-бур? — многозначительно спросил ирландец.

— Да, вы ведь знаете, что для авто расстояний не существует, — продолжал янки.

— Вы... оттуда?

— Мы с западного берега и пережили множество приключений, о которых расскажем вам позже...

— Хорошо, — согласился О'Бриен. — Прошу вас, кушайте.

Ирландец отделил от туши громадную ногу, нарезал баранину тонкими ломтями, и Тотор, Меринос и Бо принялись прямо руками засовывать мясо в рот. Рассуждая, болтая, О'Бриен резал мясо, угощал гостей водкой и ни минуты не оставался в покое; свирепые динго сидели подле обедавших в ожидании подачи.

— Благодарим вас за ваше радушие, — начал Тотор.

— Это лишь радушие бедного пастуха на жалованьи. Мой хозяин лучше угостит вас на станции Вальтер Пуль, — ответил он.

— Это далеко?

— В двух шагах, каких-нибудь двадцать миль, — сказал О'Бриен.

— Значит, у меня хватит бензина...

— Там вы найдете все... Если только... Гм! Пожар... сигнал... — пробормотал О'Бриен.

— Какой сигнал? — спросил его немного испуганный Тотор.

— Вы знаете... но вы осторожны, — проговорил О'Бриен... — Ну, будем есть, пить и говорить о посторонних вещах.

— Отлично, — согласился Меринос. Вы любите ваше занятие? — прибавил он. — Ведь постоянное одиночество должно быть в тягость.

— Я счастливее любого миллиардера, — ответил пастух, снова начиная метаться: то в хижину, то выходя из нее. — Я люблю овец, у меня их более десяти тысяч...

Вдруг он замялся.

— Что с вами? — спросил Тотор.

— Ничего, ровным счетом ничего, — ответил он.

Выражение его лица изменилось после того, как он прошел позади автомобиля. Он произнес дрожащим голосом:

— Повторяю, вы дома, господа. Но подходит ночь, и я должен ехать к стаду. Позвольте мне взять собак... через несколько часов я вернусь...

Свистком пастух подозвал чудную лошадь, оседлал, взнуздal ее и ловко вскочил в седло.

Отвечая на изумленные взгляды своих гостей, он ответил, колеблясь:

— Когда вы приехали... я подозревал, что, несмотря на вашу молодость... вы — члены... и я видел сигнал, подожженную долину. Нужно вызвать ночь... Конечно, я должен был тотчас же скакать туда... Простите... что я замешкался... заболтался... Но я еду, и через несколько часов станция Вальтер Пуль будет уничтожена.

Меринос и Тотор вскочили; они поняли все.

— Стойте! — вскрикнул парижанин. — Мы совсем не те, что вы думаете. Мы беглецы, жертвы лесовиков...

— Понимаю, понимаю, — ответил Патрик. — Таких вещей не говорят посторонним людям. И вы отлично притворяетесь. Но я выполняю свой долг, и вы скажете господину, что Патрик О'Бриен — хороший слуга!

— Клянусь, вы ошибаетесь! Боже мой, Боже, как убедить его? Как остановить несчастье?

Тотор бросился к лошади ирландца, желая схватить ее под уздцы, но О'Бриен прищипорил, и она взвилась на дыбы.

— Напрасно вы разыгрываете комедию, — прибавил он. — Я видел на вашем автомобиле эмблему лесовиков... Наш страшный знак... До свидания, господа. Когда вы приедете в Вальтер Пуль, все будет кончено!

И он пустил лошадь галопом. Динго с волчьим ры-

чанием кинулись следом. Беглецы переглянулись, чувствуя приближение неизбежного.

Наконец, парижанин прервал трагическое молчание:

— Я совсем забыл, что на автомобиле эта проклятая буква «Л» и звезда.

— Поедем за О'Бриеном, — предложил Меринос, — но только скорее, скорее!

— И я хотел так поступить, но кто будет управлять автомобилем в полной темноте? — ответил Тотор. — Может быть, ты еще видишь ночью? — спросил он.

— Нет, — уныло произнес американец.

И бедным беглецам пришлось ждать до утра. На рассвете они наскоро закусили бараниной О'Бриена и проверили, остался ли бензин.

— Меньше пятидесяти литров, — сказал Тотор. — Недалеко мы уедем!

Тем не менее лучи вставшего солнца застали автомобиль в пути, но дым уже застилал свет. Вот показалась роща, из громадных деревьев, окутанных дымом, тянуло жженой шерстью. Раздавались крики, выстрелы.

— Там воюют, — замедляя ход автомобиля, сказал Тотор.

Через пять минут автомобиль был уже в превосходной аллее из синих гумми. Она вела к станции Вальтер Пуль, которая еще накануне представляла собой респектабельный центр шерстяной промышленности.

Теперь тут все пылало, все было полно смятения. Одни тушили пожар, другие стреляли. Обгоревшие лошади и овцы разбежались во все стороны. И вот в этот ад и въехал автомобиль.

— А, господа, — крикнул О'Бриен. — Вы видите, приказание исполнено. Скажите «господину» обо мне!

Взбешенный Меринос, не обращая внимания на Тотора, который пытался его остановить, прицелился и, вместо ответа, послал пулю в ту сторону, откуда до него донесся голос ирландца.

— Мы — друзья, вы ошиблись! — крикнул О'Бриен.

В то же мгновение множество пуль просвистело мимо ушей Мериноса, Тотора и Бо.

— Неведомые друзья, люди, которым мы хотим помочь, стреляют в нас, — пробормотал Меринос.

— Всегда так, — заметил Тотор. — Едем!

— Но бензин? — спросил американец.

— Его осталось около десяти литров, — ответил Тотор, — но все равно, едем!

Перед ними расстиралась широкая дорога. Тотор направил по ней машину. Хотя пули продолжали свистеть, но стрелявшие торопились, и ни один из выстрелов не задел беглецов.

Зато лесовики, увидев, что они уезжают, заподозрили истину и пустились за ними с бешеными криками:

— Измена! Предатели!

Меринос обернулся: толпа человек в тридцать гналась за ними. В эту минуту они еще не были опасны, но позже!..

— Лучше умереть, чем снова живыми попасть в их руки,— произнес Меринос, а Бо, который внимательно вглядывался в горизонт, внезапно вскрикнул:

→ Всадники... Там всадники, они еле видны...

— Много? — спросил Тотор.

— Двадцать пять, не меньше.

— Далеко?

— Милях в двух, и, кажется, они хотят перерезать нам путь.

— Ого! И кавалерия, и инфантерия,— заметил Тотор,— а наша машина еле дышит! Плохи наши дела!

Глава VI

Агония автомобиля.— Кабачок. Нелюбезный кабатчик.— Тотор сердится.— Кабатчик в погребе.— Нападение.— Неодолимая преграда.

Автомобиль еле двигался по дороге, извивавшейся среди соленых кустов. Он недурно вел себя несколько километров, но теперь еле полз.

— Скоро конец,— сказал Тотор.— Машина в агонии... Что же, приготовимся защищаться.

— Да,— ответил Меринос,— и автомобиль послужит нам бастионом.

— Подождем, бедняга еще тащится,— сказал Тотор и прибавил, обращаясь к Бо: — Что там?

— Всадники по-прежнему скачут нам наперерез, а пешие бегут за нами. Едва мы остановимся, те и другие бросятся на нас.

В эту минуту дорога круто повернула, и парижанин вскрикнул:

— Что это?

В сотне метров он увидел дом, который до сих пор скрывала чаща акаций. Над его входной дверью висел

пук зеленых ветвей, что во всех странах мира обозначает место продажи спиртных напитков.

— Ура,— сказал Тотор.— Если только тут есть бензин, керосин или масло, мы спасены.

— Теф-теф,— стонал умирающий автомобиль.

Еще несколько оборотов колес, и машина остановилась перед крыльцом распивочной. На шум вышел хозяин исполинского сложения.

— Вы кабатчик? — спросил его Тотор.

— Да,— был короткий нелюбезный ответ.

— Есть у вас бензин, керосин?

— Нет.

— Досада,— проговорил Тотор.— А нет ли у вас очень крепких напитков?

— Есть для тех, кто хорошо платит, да еще вперед,— буркнул кабатчик.

— Продайте мне тридцать галлонов.

— Чего? Джина? Виски? Тафьи? Давайте деньги...

— Видите ли, у меня нет денег,— начал было Тотор.

— Зато у меня есть,— крикнул Меринос.

Молодые люди вошли в большую залу, заставленную бочонками, бутылками и самой простой мебелью. Кабатчик по привычке шагнул за прилавок.

— Ну, где деньги? — грубо спросил он.

Меринос подал ему американские «зелененькие», которые уцелели, несмотря на все его приключения.

— О, для меня это ничего не стоит,— сказал кабатчик,— и я за них не дам ни пенни.

— Вы с ума сошли! Тут шесть тысяч долларов!

— Я англичанин и признаю только английские деньги,— повторил упрямец.

— За сто галлонов я даю две тысячи долларов,— произнес Тотор.

— Нет!

— Четыре тысячи!

— Нет!

— Ну, берите все шесть.

— Нет, нет и нет.

— А, черт возьми!

— Меринос, Тотор,— закричал им Бо.— Они будут здесь через десять минут...

— Негодай! — крикнул Тотор.— Ты сам хотел этого! Получай! — Он двинулся к прилавку.

Исполин испугался и выхватил из-за пояса револьвер, но Тотор быстро вскочил на конторку и ударил

ногой кабатчика по лицу. Из губ и носа великана хлынула кровь, он пошатнулся; Тотор прыгнул к нему и, заметив лесенку, подозвал к себе Мериноса. Они вдвоем схватили обессиленного кабатчика, открыли люк и столкнули упряма в погреб; потом закрыли подъемную дверцу и навалили на нее конторку. Покончив с этим, Тотор принялся за дело. Он смотрел, нюхал, пробовал напитки. Наконец, парижанин нашел бочонок со швейцарской полынной настойкой, абсентом, подкатил его к автомобилю и оглянулся. Из-за синих деревьев показались всадники. Ближе на дороге остановились лесовики, чтобы перевести дыхание. Он нахмурился и произнес:

— Мы успеем, но будет жарко!

— Понял, — сказал Меринос и взял свое ружье, а два других положил подле себя.

Между тем парижанин, напрягая все силы, поднял бочонок и передал его Бо. Черный атлет согнулся под его тяжестью. Тотор выбил кран, и жидкость хлынула в резервуар.

— Будет гореть, — сказал француз.

В эту минуту раздались крики. Отдохнувшие лесовики бегом бросились к автомобилю. Раздался выстрел. Это Меринос пустил пулю в неприятеля, и О'Бриен упал ничком, раскинув руки.

— Бедняга! — сказал Тотор.

— Да, но он повесил бы нас за ноги, — заметил янки.

Пешие преследователи дрогнули, всадники приближались.

— Нужно продержаться еще пять минут, — сказал Тотор.

Вместо ответа прозвучали три выстрела, и трое из пеших преследователей упали. Остальные попрятались в кустах.

— Едем! — торопил Меринос, не изменяя позы стрелка. — Я чувствую, что они подходят, подкрадываются к нам.

— Продолжай охранять, — отозвался Тотор. — Еще минут пять. Как ты медленно пьешь, старуха, — обратился он к машине.

— Скорее, скорее, — молил Меринос. — Они тут... я слышу шелест листьев... — Говоря это, он наудачу выстрелил в чащу. Оттуда раздался предсмертный вопль.

Через минуту три друга уже сидели в автомобиле, и

он неся со страшной скоростью. Они благополучно проехали около километра и уже считали себя спасенными, как вдруг перед ними раздался грохот, и одно из гигантских деревьев, возвышавшихся поблизости, упало, загородив им дорогу.

Глава VII

Трудное положение.— Парижанин смеется и строит планы.— Меринос волнуется.— Перед озером.— Отступление исключено.— В воде.— Воспоминание о покойном Архимеде.— «Мы — моряки».

— Мы погибли! — с отчаянием воскликнул Меринос.

— Недурственный взрыв динамита, — спокойно заметил Тотор. — Это дело рук таинственных всадников.

— Что предпринять? Боже мой, я весь киплю от нетерпения, — сказал Меринос.

— Ты кипишь, мы кипим, они кипят, даже авто кипит, — со смехом сказал Тотор.

— Не время смеяться, — заметил янки.

— В опасные минуты я шучу, осматриваю дорогу и строю планы.

Действительно, француз заметил тропинку между солеными кустами и сказал:

— Я так и думал; вот овечья тропа. Видишь отпечатки копыт?

Кругом стояла подозрительная тишина. Крики замолкли. Но автомобиль двигался без помех и вскоре въехал в искусственный ров между двумя откосами красноватой земли.

Снова слышались бешеные крики:

— Смерть предателям!

— Смерть лжедрузьям!

В это же время раздался конский топот.

— Ага, — сказал Тотор, — войска соединились. Ну, скорее, старуха. Живо, живо! Жарь, жарь!

Машина вновь понеслась по гладкой дороге, но за поворотом американец вскрикнул от бешенства. Перед глазами волновалось громадное озеро, противоположного берега которого нельзя было рассмотреть. Крики и конский топот приближались. Храбрый шофер замедлил ход машины.

— Ну, — сказал он, — здесь, вероятно, водопой скота

и не должно быть глубоко. У меня нет времени изучать дно, поедem потихоньку.

— В автомобиле? — спросил Меринос.

— Почему бы нет? — отозвался француз.

Вот вода покрыла передние колеса машины, задние. Колеса крутились, вода бурлила, автомобиль двигался вперед.

Бо, долго смотревший молча на озеро, наконец, воскликнул:

— Молодец, Тотор, ты лучший шофер в мире!

— Живо, живо, — кричал парижанин, все ускоряя ход машины.

Автомобиль сделал быстрый рывок и очутился в полутораста метров от берега. Вдогонку неслись крики, угрозы, брань. Лесовики стояли на берегу озера. Что-то просвистело и с плеском упало в воду.

— Не двигайтесь, Меринос и Бо, — крикнул Тотор, — теперь нагнитесь. — И сам прижался к сиденью.

Пули так и сыпались. Одна расплющилась о спинку переднего сиденья. А храбрый Тотор перед лицом смерти запел:

Ах, чудный маленький кораблик,
Ведь он не плавал ни-и-и-когда.

— Только зачем нам идти в глубину? Ведь мы не на подводной лодке! — заметил он.

В эту минуту колеса машины оторвались от твердой земли. Погрузившиеся до пояса в воду беглецы инстинктивно ухватились за края автомобиля; а Тотор, не выпуская из рук руль, ставший теперь настоящим штурвалом, прибавил:

— Ничего, плывет!

Действительно, вопреки всем вероятностям, автомобиль плыл. Его колеса вертелись. Громадные, необыкновенно широкие спицы загребали воду, как колеса первых пароходов. С берега сыпались выстрелы, но ни один не попал в цель.

— Скажи, — спросил Меринос. — Почему автомобиль держится на воде?

— Видишь ли, он был выстроен для путешествий по этой пустынной стране, и в нем устроены большие ящики для провизии. Чтобы она не портилась от страшной австралийской сырости, наступающей временами, ящики эти внутри выложены резиной. Когда мы уехали, автомобильные кессоны были пусты и крепко-накрепко

закупорены. Они поддерживают нас на воде в силу закона, открытого покойным господином по имени Архимед.

— Знаю: всякое тело, погруженное в жидкость, испытывает снизу вверх давление, равное весу количества вытесненной им жидкости.

— Ну, значит, нечего и объяснять, — сказал Тотор. — Значит, мы моряки!

— Но надо бы поесть, — предложил янки.

— Конечно. Бо настолько умен, что захватил остатки угощения мистера О'Бриена.

Глава VIII

Пристань. — Страшное пробуждение. — Нежданный. — Бедный Тотор. — На пороге смерти. — Зап. — Туземная полиция. — Друг Фрикс. — Телеграммы.

Закусили и притом очень весело.

— Вот странность, — заметил Тотор, — мы шли на восток, а теперь, несмотря на руль, наше судно повернуло к югу.

— Это все из-за течения, может быть, из-за реки, которая пересекает озеро.

— Правильно, — отозвался Тотор. — Я выключаю мотор, чтобы сберечь топливо.

И три беглеца, все еще не теряя хорошего настроения, продолжали плыть по воле течения. Наступила ночь, зажглись звезды. Стараясь побороть сонливость, бедняги с нетерпением ждали рассвета. Вдруг все почувствовали легкий толчок. Автомобиль остановился.

— Берег, — сказал Тотор.

— Пора, — зевая ответил Меринос. — Я засыпаю...

Рассвело. Оказалось, что автомобиль наткнулся на небольшую отмель в десяти метрах от твердой земли. Тотор выехал на берег и остановился на изумительно красивой поляне, обрамленной синими гумми, эвкалиптами, казуаринами и исполинскими геранями.

— Ох, как я устал, — сказал Меринос и растянулся на земле. Тотор последовал его примеру, а неутомимый Бо заметил:

— Спите, друзья, я пойду поищу, чем бы мы могли закусить...

Сладко спали молодые люди, но невесело было их

пробуждение. Чьи-то руки грубо схватили их, веревки впились в их тело.

— Лесовики! — вскрикнул Тотор.

— Он, он, зверь, чудовище! — закричал и Меринос.

Над ними склонился Дан, говоря со страшным смехом:

— Да, это я — чудовище, «господин»... Король Ночи!

Он долго, с жестоким наслаждением рассматривал молодых людей, которых связали сопровождавшие его лесные бродяги.

— Я все видел... Я следил за каждым вашим шагом. Я знаю озеро, — говорил он, — и потому понимал, куда принесет вас это знакомое мне течение.

Бедный Тотор! У него выступили слезы. Он отлично понимал, что на этот раз все кончено. И только мысль, что Мериноса пощадят ради громадного выкупа, смягчала для него ужасную минуту.

Один из лесовиков отстегнул от своего седла лассо и подошел к Королю Ночи.

— Вам это нужно, «господин»? — спросил он.

— Этот малыш наделал нам много хлопот, — заметил Дан. — Я знаю: на привязи он проживет с час, а мы тем временем позабудемся.

И он подошел к парижанину, стараясь набросить ему на шею петлю. Тотор изгибался, отбивался...

Меринос с лицом, посиневшим от ужаса, щелкая зубами, невероятным усилием воли поднялся на ноги и стал, не помня себя, умолять лесовика пощадить жизнь его друга, предлагая ему громадные суммы, миллионы.

— Полно! Без глупостей, бой, — сказал Дан. — Главное, не сули мне миллионов. Ведь в данную минуту твой отец разоряется... Впрочем, если у него останутся какие-то крохи, мы сохраним жизнь тебе... Но друг твой осужден.

Поняв, что все кончено, Меринос отчаянно закричал, призывая на помощь.

Дан ударил его по лицу.

— Негодный трус, — бросил ему Тотор. — Ты бьешь нас, потому что мы безоружны. Не то ты не посмел бы приблизиться к нам...

Дан с угрозой подошел к Тотору; парижанин с негодованием плюнул ему в лицо. Кожа лесовика приняла пепельно-серый оттенок; он поднял руку, чтобы дать То-

тору пощечину, но юноша инстинктивно наклонил голову, и злодей, потеряв равновесие, упал. В ту же минуту послышался свист пуль. Глава лесовиков вскрикнул:

— Я погиб, но тебя я убью, мальчишка!

— Не спеши, не убьешь! — послышался громовой крик.

Исполинские герани раздвинулись, и среди них показалась фигура черного великана.

— Бедные дети, я успел вовремя! — воскликнул Бо, размахивая ружьем и заслонив собой Тотора. Он прицелился в Короля Ночи, выстрелил, но от волнения промахнулся.

— Глупец, разве ты не знаешь, что Король Ночи неуязвим? — крикнул ему Дан.

— Стреляй в голову, он в кольчуге, — хладнокровно сказал Тотор.

Кусты и ветви раздвинулись, и двадцать человек выбежали на поляну.

— Туземная полиция! — вскрикнул Дан и, мгновенно очутившись в автомобиле, включил мотор. Машина понеслась.

— Я отплачу вам! — крикнул разбойник, исчезая среди кустов, сгибавшихся под колесами автомобиля.

Бо освободил Тотора, который осыпал его благодарностями, и подошел к Мериносу.

— Ба! — воскликнул вдруг Тотор при виде двух черных исполинов в полицейской форме, показавшихся из-за кустов. — Выходцы с того света!

Перед ними стояли его старые знакомые мистер Пять и мистер Шесть.

— Именем короля я арестовываю вас, — сказал мистер Шесть и, несмотря на протесты молодых людей, двинулся к ним; Тотор приказал Мериносу и Бо прицелиться в полицейских.

В свою очередь, мистер Шесть тоже поднял ружье. Тотор бросился на него, согнул его, как тростник, и свалил на землю. Мистер Пять кинулся на помощь товарищу. Тотор остановил его за руку, сильно рванул и бросил на мистера Шесть. Оба стали звать на помощь. Тогда Тотор подхватил обоих, по одному в каждую руку, и ударил друг о друга. Они жалобно застонали. После этого он, точно живым щитом, заслонил себя их фигурами.

Солдаты замерли, не смея стрелять.

— Бо, найди нам трех лошадей,— сказал Тотор, но едва черный колосс сделал несколько шагов, как гераневая чаща снова заколыхалась и показался белый всадник в синем морском мундире, за ним — четверо белых с револьверами в руках. Глядя на мистера Пять и мистера Шесть, он усмехнулся.

— Боже, да это дитя, а я знал только одного мальчишку, способного поднять в воздух двух солдат,— со смехом прибавил всадник.— Только Фрикэ мог делать такие вещи!

— Фрикэ? Парижанин? Да это мой отец,— отозвался Тотор.

— Ты сын Фрикэ? Моего Фрикэ? — в волнении произнес незнакомец.— О, я узнаю его кровь... О, милый, милый, одно слово. Я Сем Смит, и твой отец спас мне жизнь и вернул свободу...

Тем временем освободившиеся мистер Шесть и Мистер Пять оправились и отошли к своим недоумевающим солдатам.

— Представь меня,— попросил Меринос Тотора.

— Это вы, мистер Гарри? — вскрикнул Сем Смит, услышав настоящее имя молодого янки.— Я по поручению вашего отца воюю с лесовиками. Он мне открыл для этого кредит и предоставил большие полномочия.

— Вы спасли нас,— сказал американец.

— Вы сами спасли бы себя,— заметил Смит и, обращаясь к мистеру Пять и мистеру Шесть, объяснил им, в чем дело. Тотор и Меринос охотно пожали руки своим недавним противникам. Потом последовало представление Бо, и все отправились в дом к Смицу.

— Скажите, где мы? — спросил его Тотор.

— У восточного окончания озера Арнадеус и в полуторастах милях от железной дороги,— ответил Смит.— Я надеюсь,— добавил он,— что через пять дней вы сядете в поезд, а я и мои солдаты проводим вас.

Через пять дней три друга действительно были на станции Шарлот, и Тотор, сгорая от нетерпения, крикнул:

— Скорее телеграмму отцу и маме!

Едва вбежав в контору телеграфа, он лихорадочно набросал телеграмму в сорок слов. И, обращаясь к Мериносу, который тоже написал отцу длинную телеграмму, сказал:

— Меринос, разменяй-ка одну из твоих бумажек.

— Хорошо, — ответил тот.

Через шесть часов Тотор получил ответ:

«Дорогой мальчик, смертельно тревожились. Теперь счастливы. Целуем. Привет Смигу. Продолжай в том же духе. Фрикэ».

И сияющий Тотор воскликнул:

— Отец меня понимает... Благодарю тебя, отец!

СОДЕРЖАНИЕ

Горбунок

Часть первая. <i>Бедные дети</i>	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	28
Глава V	38
Глава VI	45
Глава VII	53
Глава VIII	61
Глава IX	68
Глава X	75
Часть вторая. <i>В океане</i>	81
Глава I	81
Глава II	88
Глава III	98
Глава IV	105
Глава V	116
Глава VI	125
Глава VII	132
Глава VIII	139
Часть третья. <i>Табу</i>	147
Глава I	147
Глава II	155
Глава III	163
Глава IV	170
Глава V	178
Глава VI	187
Глава VII	194
Глава VIII	204
Глава IX	215

Глава X	222
Глава XI	229
Глава XII	236
Эпилог	244

Монмартрская сирота

Часть первая. <i>Королева Золота</i>	248
Глава I	248
Глава II	255
Глава III	260
Глава IV	266
Глава V	273
Глава VI	280
Глава VII	285
Глава VIII	291
Глава IX	299
Глава X	307
Глава XI	314
Глава XII	322
Глава XIII	329
Глава XIV	335
Глава XV	342
Глава XVI	345
Глава XVII	351
Глава XVIII	357
Глава XIX	364
Глава XX	370
Глава XXI	375
Глава XXII	377
Глава XXIII	381
Глава XXIV	385
Глава XXV	391
Глава XXVI	397
Глава XXVII	400
Глава XXVIII	401
Глава XXIX	405
Глава XXX	409
Глава XXXI	413
Глава XXXII	417
Глава XXXIII	421

Глава XXXIV	424
Глава XXXV	428
Часть вторая. <i>Лизон</i>	436
Глава I	436
Глава II	442
Глава III	447
Глава IV	452
Глава V	456
Глава VI	461
Глава VII	466
Глава VIII	469
Глава IX	472
Глава X	479
Эпilog. <i>Счастливые дни Монмартрской фермы</i>	481
Глава I	481
Глава II	483
Глава III	486
Глава IV	488
Глава V	490
Глава VI	494
Глава VII	497
Глава VIII	498
Глава IX	499
Глава X	501
Глава XI	505
Глава XII	507
Глава XIII	508
Глава XIV	510
Глава XV	512
Глава XVI	514
Глава XVII	515
Глава XVIII	517
Глава XIX	520
Глава XX	522

Сын парижанина

Часть первая	526
Глава I	526
Глава II	529

Глава III	535
Глава IV	539
Глава V	547
Глава VI	553
Глава VII	560
Глава VIII	566
Глава IX	572
Глава X	578
Часть вторая	583
Глава I	583
Глава II	588
Глава III	594
Глава IV	600
Глава V	605
Глава VI	610
Глава VII	615
Глава VIII	620
Глава IX	623
Часть третья	625
Глава I	625
Глава II	628
Глава III	631
Глава IV	634
Глава V	637
Глава VI	641
Глава VII	644
Глава VIII	646

Луи Буссенар
ГОРБУНОК
МОНМАРТРСКАЯ СИРОТА
СЫН ПАРИЖАНИНА

Редакторы *О. С. Булгакова, М. Е. Николаева*

Оформление *В. Г. Витлифа*

Художественный редактор *Т. А. Спивак*

Технический редактор *Т. В. Анохина*

Корректоры *О. Э. Дюкалова,*
Л. А. Ильина, В. И. Мельник

ИБ № 3059

Издание для юношества

Книга издана при участии
ООО «Имидж-2»
г. Челябинск, ул. Салютная, 25

Лицензия ЛР № 010024 от 17.09.91.
Сдано в набор 23.08.93. Подписано в печать 17.05.95.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура Обыкновенная новая. Печать офсетная.
Усл. п. л. 34,44. Уч.-изд. л. 36,7.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 293.

Южно-Уральское книжное издательство, 454113,
г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Издательско-полиграфическое предприятие
«Уральский рабочий», 620219, г. Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Печатается по изданию:
Луи Буссенар. Полное собрание романов.—
Спб.: книгоиздательство П. П. Сойкина.— 1911.

Перевод Е. Киселева,
Е. Чистяковой-Вэр, Н. Ледерле

Текстологическая работа выполнена
Южно-Уральским книжным издательством

Б92 **Буссенар Л.**
Горбунок; Монмартрская сирота; Сын парижанина: Романы.— Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1995.— 656 с.
ISBN 5—7688—0631—8

Данный том включает три остросюжетных, приключенческих романа известного французского писателя конца XIX — начала XX вв. Луи Буссенара: «Горбунок», «Монмартрская сирота» и «Сын парижанина», которые не издавались на русском языке с 1911 года.

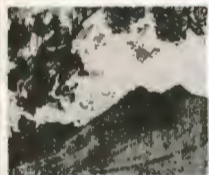
Б 4703010100—007
M162(03)—95 Без объявл.

ББК 84.4 Фр

ISBN 5—7688—0631—8

© Витлиф В. Г. Художественное оформление, 1995.

Произведения Буссенара — это увлекательный
рассказ о необыкновенных приключениях!
Это страшные тайны, которые разгадываются
ценой опасности и подвига!

Это благородство и человечность в мире зла.
Книги Луи Буссенара с удовольствием прочтет
не только юный, но и взрослый читатель.

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

